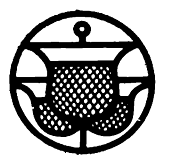
Книга первая

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

Книга первая

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Р 84

Настоящее издание представляет собой первую книгу коллективного труда, посвященного восточной рукописи как явлению культуры. В очерках нашла свое отражение рукописная традиция народов Востока во всем ее многообразии, начиная с древнейшего периода вплоть до наших дней. Книга первая охватывает книжную культуру народов Ближнего и Среднего Востока.

$Р\frac{4503000000\text{-}060}{013(02)\text{-}87}$ КБ-9-79-87

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более полутора веков несколько поколений отечественных востоковедов собирали восточные рукописи, которые образовали всемирно известную коллекцию Азиатского музея Академии наук. Ныне эти письменные памятники хранятся в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде [Азиатский музей, 1972]. Многолетнее изучение рукописей этого собрания послужило основой для работы авторского коллектива, создавшего книгу.

Глубокое, плодотворное изучение Востока — его исторического прошлого и настоящего, его социальных и культурных институтов в их историческом развитии — не может не опираться на тщательную разработку письменного наследия восточных народов. Понятно и со всех точек зрения оправдано, что описание, изучение и издание рукописей из коллекции Института востоковедения занимало со времени образования Ленинградского отделения института центральное место в его исследовательской деятельности. Это была многолетняя работа коллектива востоковедов, результатом которой стало создание нескольких десятков томов каталогов и описаний, раскрывающих научное содержание и значение рукописей. Сам по себе этот труд представляет значительный вклад в востоковедную науку, ибо он позволил выявить ценнейшие первоисточники и впервые ввел их в научный оборот.

Изданы каталоги и описания следующих фондов рукописей: монгольских (1-й том) [Пучковский, 1957], арабских (3 выпуска [Халидов, 1960; Михайлова, 1961, 1965] и двухтомный краткий каталог [Халидов и др., 1986]), курдских [Руденко, 1961], китайских (3 выпуска) [Меньшиков, 1963, 1967, 1984 (I)], каталог фонда китайских ксилографов [Вахтин и др., 1973], корейских (2 выпуска) [Петрова, 1956, 1963], японских (6 выпусков) [Петрова, Горегляд, 1963—1969; Горегляд, 1971; Горегляд, Ханин, 1971], маньчжурских рукописей [Волкова, 1965], сочинений на хинди и пенджаби [Зограф, 1960], уйгурского фонда [Тугушева, 1972], коллекции тюркских рукописей (3 выпуска) [Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965; Дмитриева, Муратов, 1975; Дмитриева, 1980], каталог фонда персидских рукописей [Акимушкин и др., 1964] и тематические описания этого фонда (8 выпусков) [Миклухо-Маклай, 1955, 1961, 1975; Баев-

ский, 1962, 1968; Туманович, 1981; Ворожейкина, 1980; Ниязов, 1979], описание грузинских рукописей и документов [Орбели, 1956; Какабадзе, 1967], каталог тангутских рукописей и ксилографов [Горбачева, Кычанов, 1963]. Подготовлены к печати очередной выпуск описания тюркских рукописей, описание тангутских рукописей и ксилографов (буддийская часть), описание фонда маньчжурских ксилографов, сводный каталог армянских рукописей из книгохранилищ Ленинграда, а также первый том полного каталога монгольского фонда.

Выполнение программы каталогизации и описания фондов позволило перейти к осуществлению следующего важного этапа текстологической и источниковедческой работы — научно обоснованному отбору наиболее ценных памятников для изучения и издания. В середине 60-х годов в ЛО ИВ АН СССР был составлен обширный план этой работы, который продолжает служить (с уточнениями и необходимыми изменениями) целям данного этапа исследований.

Ленинградские текстологи-востоковеды изучают и издают тексты не только из коллекции ИВ АН СССР, но и из фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и библиотеки Восточного факультета ЛГУ. Некоторые разделы текстологической работы опираются и на изданные или микрофильмированные тексты из других коллекций, в том числе зарубежных. Однако программа издания текстов предусматривает главным образом публикацию памятников из коллекции Института востоковедения АН СССР.

Долгосрочная программа издания текстов, осуществление которой было начато в конце 50-х годов по инициативе академиков И. А. Орбели и Б. Г. Гафурова, а также О. К. Дрейера, проводится планомерно. За два десятилетия сделано многое, и уместно, пожалуй, упомянуть о наиболее значительных публикациях. Среди изданных текстов, вводящих в науку новые важные данные, — ценнейшие памятники арабской средневековой литературы, в частности издание анонимного исторического сочинения начала XI в., содержащее изложение истории аббасидского движения [Грязневич, 1960 (I)], а также издание уникальной Мансуровой хроники — сочинения XIII в., представляющего собой изложение истории народов и стран мусульманского мира до начала XIII в. [Грязневич, 1960 (II)]. Осуществлено издание «Книги стоянок и жилищ» — сочинения сирийского автора XII в. Усамы ибн Мункыза [Халидов, 1961]. Эта ценнейшая антология арабской поэзии издана по уникальной авторизованной рукописи из нашей коллекции. Широко известно специалистам трехтомное издание уникальной рукописи сочинения Мухаммеда Казима («Мироукрашающая Надирова

книга») — ценнейшего памятника персидской историографии XVIII в. [Миклухо-Маклай, 1960—1966], публикация текста уникального турецкого исторического сочинения — хроники Хюсейна, турецкого летописца XVII в. [Тверитинова, Петросян, 1961]. Издан критический текст поэмы выдающегося курдского поэта XVIII в. «Мам и Зин» по хранящимся в ленинградских библиотеках спискам этого ценного литературного памятника [Руденко, 1962].

Значительным вкладом в изучение китайской классической литературы и культуры Китая явились публикации уникальных китайских письменных памятников из дуньхуанского фонда. В частности, изданы памятники простонародной буддийской литературы, осуществлено также издание памятников другого значительного жанра, *бяньвэнь*, одного из видов китайской средневековой повествовательной литературы [Меньшиков, Зограф, 1972; Меньшиков, 1984 (II)]. Издание и изучение этих рукописей весьма важно потому, что произведения жанра *бяньвэнь* оказали значительное влияние на последующее развитие китайской литературы.

Изданы ценные памятники японской письменности. В их числе полный русский перевод «Записок от скуки» Кэнко-хоси, одного из самых известных памятников японской литературы середины XIV в. [Горегляд, 1970]. Осуществлена публикация текста тетради рукописи «Канкай ибун» — одного из первых японо-русских словарей [Горегляд, 1961]. Редчайший образец маньчжурской литературы — «Предание о нишанской шаманке» — издан по маньчжурскому тексту рукописи из нашей коллекции [Волкова, 1961].

Увидели свет ценные тексты памятников корейской литературы. Одними из первых были опубликованы Д. Д. Елисеевым корейские новеллы [Елисеев, 1959] и антология корейской лирической поэзии жанра *рён-гу* [Елисеев, 1960]. Осуществлено издание рукописи исторического романа неизвестного корейского автора [Никитина, Троцевич, 1962]. Оно открыло новую страницу средневековой корейской литературы, ибо ранее это сочинение не издавалось и вообще не было известно. Издан один из ранних образцов распространенного в Корее в XVII—XIX вв. литературного жанра историко-биографического повествования по материалам рукописного и ксилографического корейского фонда [Троцевич, 1968]. Корееведы — издатели упомянутых текстов сумели на основе глубокого анализа рукописных памятников поставить и решить сложную задачу анализа основных направлений развития средневековой корейской литературы. Именно исследователи рукописей создали такие изданные в последнее десятилетие труды, как «Очерки истории средневековой

корейской литературы» [Никитина, Троцевич, 1969], «Корейская средневековая повесть» [Троцевич, 1975] и «Новелла корейского средневековья» [Елисеев, 1977].

Вышел из печати ряд публикаций уйгурских рукописей и фрагментов рукописей, содержащих важные светские и буддийские тексты XIV в. из Восточного Туркестана [Тугушева, 1972; Тугушева, 1980].

Таким образом, очевидна прямая связь между изучением рукописей и созданием монографических исследований по узловым проблемам истории культуры народов Востока.

Работа по изданию и изучению памятников имеет большое научное значение, ибо востоковедная текстология является сегодня безусловно необходимой базой для проведения исследовательских работ во всех областях изучения исторического и культурного прошлого народов Востока. Более того, опыт показывает, что изучение и издание памятника (литературного или исторического, философского или религиозного), в особенности памятника уникального, будучи важным самостоятельным научным событием, всегда становится стимулом и предпосылкой исследования историко-культурного процесса. Особенно яркими примерами подобного рода являются очень широко известные исследования уникальных тангутских и согдийских памятников коллекции нашего института. Среди крупных достижений последнего времени выделим недавно завершенное Е. И. Кычановым изучение ценнейшего свода законов Тангутского государства (памятник XII в.), а также расшифровку и исследование В. А. Лившицем согдийских исторических текстов, найденных на территории Киргизии.

Мы сочли необходимым предпослать этот краткий, далеко не полный обзор сделанного учеными ЛО ИВ АН СССР по изучению восточных рукописей, чтобы показать, каким путем шел к созданию данной книги ее авторский коллектив. В начале 70-х годов при Отделе памятников письменности Востока Института востоковедения АН СССР в Москве работал семинар по проблемам текстологии и рукописного дела на Востоке. По инициативе руководителя семинара И. В. Стеблевой к работе семинара были привлечены и ленинградские востоковеды О. Ф. Акимушкин, Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков и А. Б. Халидов. Доклады этих ученых, по существу, явились прообразом будущих очерков, которые вошли в состав этой книги. Именно накопленный ленинградскими востоковедами опыт изучения восточных рукописей позволил вплотную подойти к решению новой научной задачи — выявлению роли рукописей в истории культуры народов Востока.

Авторский коллектив и редколлегия этой книги исходят из того, что в сложном процессе становления и развития человеческой культуры рождение книги — вначале рукописной, а затем печатной — сыграло, пожалуй, не меньшую роль, чем появление орудий материальной культуры. Родившись в разные исторические периоды у различных народов, рукописная книга на протяжении многих веков была основным аккумулятором всех видов человеческого знания и важнейшим инструментом его распространения. Будучи продуктом историко-культурного развития человечества, рукописная книга стала со дня своего рождения могучим стимулятором этого развития. Рукописная книга во все времена и у всех народов была окружена исключительным почитанием. Один из исследователей рукописной книги говорил, что «только радость открытия может сравниться с чувством, которое охватывает при чтении и созерцании старинных рукописей — источника знания и эстетического наслаждения, призывающего понять прошлое и задуматься о будущем» [Киселева, 1978, с. 139].

Рукописная книга является тем элементом жизни человеческого общества, в котором особенно очевиден характер самой культуры как совокупности результатов материальной и духовной деятельности человека. В этом смысле в целом совпадающей может быть характеристика социальной и культурной роли рукописной книги у европейских или восточных народов. Вместе с тем рукописная книга народов Востока представляет собой в силу множественности и крупных различий культурно-конфессиональных регионов на Востоке значительно более многообразное как по языку, так и по форме явление.

С созданием рукописной книги на Востоке связаны многие десятки языков и письменностей. Восточная рукописная книга стала проводником нескольких мировых религий, помогала утверждать канон многих религиозно-этических систем, служила передаче различных идеологических доктрин древности и средневековья. Ее роль в культурной жизни народов Востока была столь велика, что именно рукописную книгу можно назвать самым важным орудием, обеспечивающим преемственность культурных ценностей народов Востока. Ее изучение позволяет сегодня ученым-востоковедам воссоздать картину исторического прошлого народов Востока, показать их огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Именно рукописные книги содержат тот материал, который позволит со временем создать энциклопедию культуры народов Востока, столь важную для правильной оценки путей и результатов культурного развития человечества. Можно сказать, что дошедшая до наших дней рукописная книга явилась одним из важнейших инструментов

ученых-востоковедов. Изучая ее, они дополняют наши знания о народах Востока, открывают науке новые, совершенно неизвестные доселе страницы, делают возможным взгляд на историю народов Земли как на единое ц е л о е, как на наше общее для всех народов духовное и культурное достояние. Авторы данной работы, посвященной роли и месту рукописной книги в культуре народов Востока, исходили из этих наиболее общих положений при анализе и характеристике специфических черт зарождения и развития рукописной книги у различных народов Востока.

Исторически сложилось так, что многие народы Востока внесли свой значительный вклад в сокровищницу мировой цивилизации в эпоху древности и средневековья. Пройдя после этого необычайно трудный период своей истории — период колониального или полуколониального рабства, — эти народы черпают сегодня в своем историческом и культурном прошлом силу для социального и культурного возрождения. Поскольку это культурное наследие история зафиксировала именно в рукописных памятниках, сами они, эти памятники, являются сегодня в странах зарубежного Востока объектом общенационального уважения и самого пристального исследования специалистами. Вместе с тем благодаря тому, что рукописная книга фиксирует в текстах духовные традиции народов Востока, она часто оказывается в центре весьма острых дискуссий по проблемам культурного наследия. «Именно в вопросе об отношении к духовным традициям явственно обнаруживается поляризация идейных позиций различных социальных сил и их идеологов в подходе к интерпретации проблем культуры в аспекте соотношения ее самобытности и обновления, так называемых традиционализма и модернизма» [Литман, Челышев, 1976, с. 101]. Вопрос об отношении к культурным традициям — это, по сути дела, и часть вопроса о путях развития освободившихся от колониализма стран, о выборе наиболее оптимального пути в процессе социального и культурного прогресса. Подлинно научный подход к восточной рукописной книге и ее роли в культуре народов Востока представляется, таким образом, делом первостепенной важности не только с научной, но и с политической точки зрения.

В сущности, именно этим обстоятельством наряду с общими задачами изучения истории восточной рукописной книги было продиктовано объединение большой группы ученых, работавших над книгой. Хочется надеяться, что ее издание не только существенно расширит горизонты специалистов, но и внесет свой вклад в подлинно научную оценку культурного наследия народов Востока. Во всяком случае, материал книги, характеризуя

специфические черты развития рукописной книги в разных странах и регионах, в то же время свидетельствует об очевидной типологической общности социальной и культурной роли рукописной книги на Востоке.

Необходимость подготовки обобщающей работы об истории рукописной книги на Востоке диктовалась и все возрастающим интересом к письменным источникам народов Востока. В США значительные средства из Рокфеллеровского фонда тратятся на закупку ксилографических изданий дальневосточных и центральноазиатских книг. Крупные ученые из Европы и Америки посещают самые отдаленные и труднодоступные уголки Азии и Африки в поисках древних текстов. Благодаря их находкам за последние годы наука пополнилась многими новыми сведениями о древних восточных цивилизациях. Хранилища восточных рукописных книг есть почти во всех странах Востока и Запада. Большое внимание уделяется изданию уникальных рукописей. Эти обстоятельства также диктовали необходимость создания труда, в котором была бы представлена позиция советских ученых по вопросам истории зарождения и бытования рукописной книги у народов Востока, ее историко-культурной роли.

Однако еще более важным стимулом в создании подобной работы являлся огромный опыт хранителей и исследователей восточных рукописей во многих городах нашей страны. Известно, что в результате самоотверженной работы ученых, географов, путешественников в СССР собраны значительные коллекции восточных рукописных книг. Одним из крупнейших центров хранения восточных книг в СССР является Ленинград. Здесь восточные рукописи начали собирать уже в XVIII в., но основная их часть была приобретена после 1818 г., когда в Петербурге для хранения и изучения восточных текстов при Академии наук был создан Азиатский музей. Прямым наследником Азиатского музея является Институт востоковедения АН СССР, в котором в настоящее время хранятся 70 625 рукописей и ксилографов на 45 восточных языках, составляющих 26 фондов. Восточные рукописные книги хранятся также в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, в Библиотеке АН СССР, в Государственном Эрмитаже.

В Москве восточные рукописи хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и в библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; коллекции

восточных рукописей имеются также в Государственном Музее искусства народов Востока и в Московском институте международных отношений.

Большая работа по собиранию и изучению восточных рукописей проделана в советских республиках Средней Азии. Начиная с 20-х годов ценнейшие рукописи были сосредоточены в специальном научном центре — Институте востоковедения АН УзССР в Ташкенте, где над их изучением многие годы работает большой коллектив ученых. Десять томов каталога восточных рукописей из этого хранилища увидели свет в период с 1952 по 1975 г. Работа по описанию рукописей еще не закончена. В 1979 г. в Ташкенте создан Институт рукописей, в котором в настоящее время хранятся 2993 рукописные книги. Большое количество рукописей собрано и в других хранилищах Ташкента: в Государственной Публичной библиотеке, в Музее истории Узбекистана, в Ташкентском государственном университете. Коллекции рукописей представлены также в музеях и библиотеках Самарканда, Ферганы, Андижана, Бухары, Хивы. В хранилищах УзССР в общей сложности насчитывается около 30 тыс. рукописей.

В Душанбе недавно завершено строительство нового, оборудованного по последнему слову техники здания для хранилища восточных рукописей АН ТаджССР. Собирание восточных рукописей в Таджикистане началось в 20-х годах. В настоящее время коллекции рукописей хранятся в Институте востоковедения, в Институте языка, в Институте истории АН ТаджССР (коллекция А. А. Семенова), в Библиотеке Таджикской ССР им. А. Фирдоуси, в Музее истории Таджикистана. Общее число рукописей в них доходит до 6 тыс.

В последние годы центр по изучению восточных рукописей возник в Ашхабаде. Здесь, в библиотеке Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТуркмССР, хранится коллекция, в которой насчитывается около 1500 рукописей.

В Закавказье в настоящее время — три крупных республиканских хранилища восточных рукописей. Бесспорно, самым значительным из них является получивший мировую известность Матенадаран — Научно-исследовательский институт древних рукописей им. М. Маштоца при Совете Министров АрмССР. В нем хранятся более 10 тыс. армянских, грузинских, персидских, турецких, арабских, сирийских, индийских, славянских, латинских и других рукописных книг. В Грузии восточные рукописи сосредоточены в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГрузССР в Тбилиси (ок. 1000 рукописей), в Азербайджане — в Республиканском рукописном фонде АН АзССР в Баку (ок. 12 тыс. рукописей, коллекция постоянно пополняется).

В последние годы собирание арабских и персидских рукописей в Дагестане возглавил Институт языка, литературы и истории Дагестанского филиала АН СССР в Махачкале. В институте уже собрано свыше 2500 рукописей и хозяйственных документов.

Большая работа по сбору рукописей проводится в настоящее время в Башкирской и Татарской АССР. С начала 70-х годов на территории Башкирской АССР собрано около 3 тыс. рукописей. В Уфе восточные рукописи хранятся в пяти научных учреждениях и музеях. Около 6 тыс. рукописей собрано в Казани: в библиотеке Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, в Музее истории Татарской АССР, в Институте истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР.

Хранением и изучением восточных рукописей и ксилографов занимается Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. В Улан-Удэ — вторая по величине (после фонда тибетских ксилографов ИВ АН СССР) коллекция тибетских и монгольских рукописей и ксилографов в Советском Союзе. В 1981 г. утвержден проект создания в Улан-Удэ Музея восточных культур, в состав экспозиций которого будут входить тибетские, бурятские и монгольские рукописи и ксилографы. Тибетские рукописи и ксилографы есть также в Элисте, где в последние годы заметно оживилось их изучение, в Чите, в Томске и в некоторых других городах Сибири.

Координацию работ по сбору восточных рукописей в СССР осуществляет восточная секция Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР. Вопросами организации теоретических исследований занимается Центральная координационная комиссия по изучению письменных памятников при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения.

В целом рукописные богатства Советского Союза дают достаточную и надежную базу для работы ученых-востоковедов, занимающихся самыми разными отраслями науки — историей, восточными языками и литературами, искусством, медициной, математикой, астрономией. Исходя из общих возможностей и потребностей всех советских ученых, посвятивших себя изучению рукописной книги, ленинградские востоковеды уже подготовили ряд очерков о рукописной книге различных народов Востока. Замысел книги родился в результате длительной работы востоковедов, описывавших и изучавших рукописные фонды коллекции восточных рукописей Института востоковедения АН СССР.

Подобная книга не была бы возможна, если бы ей не предшествовал труд нескольких поколений отечественных востоковедов, собиравших и изучавших рукописные книги народов Востока. Труд, знания и талант этих людей позволили сегодня заняться обобщением накопленных и введенных ими в научный оборот фактов.

Уже в начале работы над этой книгой стало ясно, что она не будет претендовать на полное освещение всех вопросов, связанных с историей рукописной книги на Востоке, с ее ролью в истории культуры народов Востока. Решение такой задачи сегодня не представляется возможным по многим причинам, прежде всего в силу различной степени изученности рукописной книги у различных народов Востока. В результате работа вылилась в целый ряд очерков, авторы которых самостоятельно подошли к определению структуры и содержания каждого из них. При всей неоднозначности содержания очерков они тем не менее дают читателю представление о возникновении и основных этапах развития рукописной книги в том или ином регионе, рассказывают о процессе создания и становления письменностей, характеризуют основные моменты материального процесса создания рукописной книги. В целом очерки рассчитаны на то, чтобы дать читателю основные сведения о функциональном назначении рукописной книги в странах Востока и ее историко-культурном значении, о рукописной книге как средстве активного распространения религиозных доктрин и идеологических систем восточного средневековья. Рукописная книга была на протяжении веков важнейшим средством влияния на народные массы. Достаточно напомнить, что арабская рукописная книга впервые возникла в VII в. именно для записи священного текста — Корана, а в Индии рукописное дело сложилось еще до нашей эры под непосредственным руководством брахманства, стоявшего во главе идеологической жизни общества.

Материал подготовленных очерков расширяет возможности исследования вопроса о культурном взаимодействии народов Востока, так как в истории создания и бытования восточной рукописной книги зачастую прослеживается влияние или взаимодействие различных культурных традиций.

Предлагаемая вниманию читателя книга — первая в советском востоковедении попытка показать процесс появления и функционирования восточной рукописной книги, ее место в культурном развитии народов Востока на протяжении почти двух тысячелетий, ибо рукопись в функции книги продолжала жить на Востоке вплоть до середины XIX в., несмотря на раз-
 витие книгопечатания. Поэтому в ряде очерков история руко-

писной книги не только доведена до начала книгопечатания, но и прослежена в течение того периода, пока рукопись и печатная книга существовали параллельно. В этой связи в некоторых очерках описана и ранняя печатная книга.

Свою первоочередную задачу авторы видели в том, чтобы дать в руки исследователям — историкам и теоретикам культуры — большой систематизированный материал, который наглядно показывал бы историческую жизнь восточной рукописной книги и формы ее существования. Уже одно соположение материала, относящегося к различным временам и регионам, к разным странам и народам, дает такую панораму, которая сама по себе ведет к типологическим обобщениям.

Столь широкий во времени и пространстве охват рукописных традиций Востока поставил перед авторами ряд сложностей и чисто технического порядка. Оказалось невозможным унифицировать не только количество сведений, сообщаемых о каждой рукописной традиции (далеко не все они изучены достаточно глубоко и полно), но и системы транслитерации и транскрипции восточных названий и имен. Так, несмотря на то что народы Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии пользовались после принятия ислама в основном арабской графикой, исследователи не сочли возможным унифицировать написание многих общих для культуры этих народов имен собственных — длительный период изучения и специфика каждого региона наложили отпечаток на способы передачи этих имен по-русски. Это прежде всего касается транскрипции одних и тех же имен в арабской, персидской и тюркской традициях. С другой стороны, достижения советской арменистики, например, за последние годы позволили внести уточнения в систему передачи некоторых армянских терминов и имен по-русски. Нам показалось нецелесообразным отказываться от этих уточнений, тем более что они не противоречат сложившейся в арменистике традиции, а, напротив, в положительном плане развивают ее.

Авторы были лишены возможности дать характеристику истории рукописной книги во всех регионах и странах Востока, не располагая для этого соответствующими материалами. По этой причине, в частности, не представлены в книге очерки по истории рукописной книги в Юго-Восточной Азии. Но проделанная работа может оказаться полезной для исследования рукописной книги в тех странах и регионах, которые здесь не охвачены, например в советских республиках Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья и др.

Выше говорилось о том, что авторы этой работы далеки от полного обобщения представленного в очерках материала. Вместе с тем именно проделанная работа позволяет сформули-

ровать те вопросы, на которые не отвечает в полном объеме эта книга. Будущим исследователям предстоит продолжить этот первый анализ, особенно в части обобщенной характеристики восточной рукописной книги как явления историко-культурного процесса на Востоке. Требует дальнейшего изучения вопрос об общем и особенном в европейской и восточной рукописной традиции. Предстоит ответить также на вопрос о том, однозначны ли роль и влияние религии на Западе и на Востоке в процессе возникновения и развития рукописной традиции. Наконец, ждет ответа и вопрос о том, каковы историко-культурные особенности развития этого процесса в различных регионах самого Востока.

Сказанным отнюдь не исчерпывается перечень вопросов — как общих, так и специальных, — которые не получили освещения на страницах этой книги. И все же проделанная за последние десятилетия советскими востоковедами-текстологами работа не только позволяла, но и обязывала авторский коллектив сделать попытку создания такого сводного труда. Можно надеяться, что при всем различии очерков, составивших книгу, она принесет пользу всем, кого интересуют процессы развития культуры народов Востока.

В работе помимо сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, составивших авторский коллектив (руководитель Ю. А. Петросян), приняли участие сотрудники Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинградского отделения Института языкознания и Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР, Института рукописей АН ГССР им. Кекелидзе.

Рекомендуемая вниманию читателей книга о восточных рукописях оказалась слишком большой по объему. Ее пришлось разделить на два тома. В первом томе содержатся очерки, посвященные рукописной традиции Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии, во втором — Индии, Восточного Туркестана, Монголии, тангутского государства Си Ся, Китая, Кореи, Японии. Восточный Туркестан в древности — это ареал индо-буддийской культуры, и индийская рукописная традиция там была в то время определяющей. Но не менее эта традиция была связана также с Тибетом и с Монголией, и не только в древности.

Оба тома снабжены необходимыми указателями и терминологическими глоссариями. Этот справочный аппарат поможет читателю легко находить нужные сведения.

Авторский коллектив считает своим долгом поблагодарить специалистов, которые посмотрели книгу в рукописи и высказали ценные замечания и предложения при подготовке ее к пе-

чати: акад. А. Н. Кононова, З. Н. Ворожейкину, В. В. Кушева, С. Г. Кляшторного, В. Г. Луконина, Б. Л. Рифтина, А. Ф. Троцевич, И. Ш. Шифмана.

Редколлегия

Азиатский музей, 1972. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Акимушкин и др., 1964. — Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов Д. М., Салахетдинова М. А. Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. Ч. 1—2. М., 1964.

Баевский, 1962, 1968. — Баевский С. И. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги). М., 1962. Вып. 5. Двуязычные словари. М., 1968.

Вахтин и др., 1973. — Вахтин Б. Б., Гуревич И. С., Кроль Ю. Л., Стулова Э. С., Торопов А. А. Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Ч. 1—3. М., 1973.

Волкова, 1961. — Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке). Изд. текста, пер. и предисл. М. П. Волковой. М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. 7).

Волкова, 1965. — Волкова М. П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965.

Ворожейкина, 1980. — Ворожейкина З. Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 7. Персоязычная художественная литература (X—начало XIII в.). М., 1980.

Горбачева, Кычанов, 1963. — Тангутские рукописи и ксилографы (Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР). Составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов. М., 1963.

Горегляд, 1961. — Оцуки Сигэтака и Симура Кокё. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь. Изд. текста и предисл. В. Н. Горегляда. М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 16).

Горегляд, 1970. — Кэнко-хоси. Записки от скуки (Цурэдзурэгуса). Пер. с японского, вступит. статья, коммент. и указатель В. Н. Горегляда. М., 1970 (Памятники письменности Востока. 29).

Горегляд, 1971. — Горегляд В. Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 5. М., 1971.

Горегляд, Ханин, 1971. — Горегляд В. Н., Ханин З. Я. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 6, М., 1971.

Грязневич, 1960 (I). — Арабский аноним XI века. Изд. текста, пер., введение в изучение памятника и коммент. П. А. Грязневича. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 6).

Грязневич, 1960 (II). — Мух̣аммад ал-Х̣амавӣ. Ат-та'рӣх̮ ал-манс̣ӯрӣ (Мансурова хроника). Изд. текста, предисл. и указатели

П. А. Грязневича. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 11).
Дмитриева, 1980. — Дмитриева Л. В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М., 1980.
Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965. — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 1. М., 1965.
Дмитриева, Муратов, 1975. — Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 2. История, акты, библиография, энциклопедии, география, календари. М., 1975.
Елисеев, 1959. — Елисеев Д. Д. Корейские новеллы. М., 1959.
Елисеев, 1960. — Пэкрён чхохэ. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Изд. текста, пер. и предисл. Д. Д. Елисеева. М., 1960.
Елисеев, 1977. — Елисеев Д. Д. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). М., 1977.
Зограф, 1960. — Зограф Г. А. Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. М., 1960.
Какабадзе, 1967. — Какабадзе С. С. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967.
Киселева, 1978. — Киселева Л. И. О чем рассказывают средневековые рукописи (рукописная книга в Западной Европе). Л., 1978.
Литман, Челышев, 1976. — Литман А. Д., Челышев Е. П. Проблемы культуры и классического наследия народов развивающихся стран и современная идеологическая борьба. — НАА. 1976, № 6.
Меньшиков, 1963—1967. — Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии АН СССР. Вып. 1—2. Под ред. Л. Н. Меньшикова. М., 1963—1967.
Меньшиков, 1984 (I). — Меньшиков Л. Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (фонд П. К. Козлова). М., 1984.
Меньшиков, 1984 (II). — Бяньвэнь по Лотосовой сутре. Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с китайского, введ., коммент., прилож. и словарь Л. Н. Меньшикова. М., 1984.
Меньшиков, Зограф, 1972. — Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч. 1. Факсимиле рукописи, исследов., пер. с китайского, коммент. и табл. Л. Н. Меньшикова. Ч. 2. Грамматический очерк и словарь И. Т. Зограф. М., 1972 (Памятники письменности Востока. 34).
Миклухо-Маклай, 1955, 1961, 1975. — Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии (востоковедения) АН СССР. Вып. 1. М., 1955. Вып. 2. Биографические сочинения. М., 1961. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.
Миклухо-Маклай, 1960—1966. — Мухаммад-Казим. Нāме-йи ʻāламāрā-йи нāдирӣ (Мироукрашающая надирова книга). Изд. текста, предисл. и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Т. 1—3. М., 1960—1966 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 13).
Михайлова, 1961, 1965. — Михайлова А. И. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 2. Географические сочинения. М., 1961. Вып. 3. История. М., 1965.
Никитина, Троцевич, 1962. — Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов). Изд. текста, пер. и предисл. М. И. Ники-

тиной и А. Ф. Троцевич. М., 1962 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. 15).

Никитина, Троцевич, 1969. — Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969.

Ниязов, 1979. — Ниязов Х. Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 8. Персоязычная художественная литература (XI—начало XIII в.). М., 1979.

Орбели, 1956. — Орбели Р. Р. Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР. М.—Л., 1956.

Петрова, 1956, 1963. — Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М., 1956. Вып. 2. М., 1963.

Петрова, Горегляд, 1963—1969. — Петрова О. П., Иванова Г. Д., Горегляд В. Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 1. М., 1963. Вып. 2. Филология. М., 1964. Вып. 3. Идеология. М., 1966. Вып. 4. М., 1969.

Пучковский, 1957. — Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения АН СССР. М.—Л., 1957.

Руденко, 1961. — Руденко М. Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

Руденко, 1962. — Ахмед Хани. Мам и Зин. Критич. текст, пер., предисл. и указатели М. Б. Руденко. М., 1962 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. 13).

Тверитинова, Петросян, 1961. — Хюсейн. Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события). Изд. текста, введение и общая ред. А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2. М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 14).

Троцевич, 1968. — Чхунхянджон квонджитан (Краткая повесть о Чхунхян). Факсимиле ксилографа, пер., предисл. и коммент. А. Ф. Троцевич. М., 1968 (Памятники письменности Востока. 19).

Троцевич, 1975. — Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М., 1975.

Тугушева, 1972. — Тугушева Л. Ю. Поэтические памятники древних уйгуров. — Тюркологический сборник, 1972. М., 1973.

Тугушева, 1980. — Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. Транскрипция, пер., примеч., коммент. и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980.

Туманович, 1981. — Туманович Н. Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 6. Фольклор (занимательные рассказы и повести). М., 1981.

Халидов, 1960. — Халидов А. Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 1. Художественная проза. М., 1960.

Халидов, 1961. — Усāма ибн Мункыз. Китāб ал-манāзил ва-д-дийар (Книга стоянок и жилищ). Изд. текста, предисл. и указатели А. Б. Халидова. М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 12).

Халидов и др., 1986. — Арабские рукописи Института востоковедения. Краткий каталог. Под ред. А. Б. Халидова. Ч. 1—2. М., 1986.

А. И. Еланская

КОПТСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Рука пишущего погибнет,
писания пребудут.
Из колофона коптской книги XIII в.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «копты» восходит к арабскому названию жителей Египта, заимствованному из греческого (от *айгюптиос* «египтянин»). После арабского завоевания коптами стали называть египтян-христиан в отличие от египтян, принявших ислам. Сделавшись арабоязычными приблизительно с XII в., египтяне-христиане сами стали называть себя коптами, а свой природный язык — коптским. Когда же европейская наука впервые заинтересовалась изучением языка коптов [1], название «коптский язык» вошло в научный обиход. Этим термином стали обозначать позднейшую ступень развития древнеегипетского языка, которая имеет особую, в принципе отличную от древнеегипетской (иероглифика, иератика, демотика) систему письма — алфавитную, которой египтяне-христиане, копты, стали пользоваться со второй половины II в. (первые коптские письменные памятники дошли до нас от конца III в.).

Введение алфавитной системы письма было связано с распространением в Египте христианства.

С тех пор как после завоевания Александром Македонским Египет стал частью эллинистического мира, греческая культура пышно расцвела на египетской почве, впитав в себя местные элементы и создав за века греческого господства одну из самых блестящих и своеобразных ветвей эллинистической культуры. Однако владела этой культурой верхушка общества — как гре-

---

[1] В Европе изучение коптского языка было начато Афанасием Кирхером, который издал в 1644 г. латинский перевод грамматик Иоанна Саманнудского и Абу Исхака ибн ал-Ассала (XIII в.).

ческая по происхождению, так и грецизированная египетская, — и эта блестящая культура была отделена пропастью от безграмотных эксплуатируемых народных масс.

Когда Египет при Октавиане Августе (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) стал римской провинцией, это не внесло существенных изменений в характер его общественного и политического строя. Желая сохранить Египет для себя лично как колоссальную доходную статью, дававшую императору большую экономическую силу, Август даже запрещал знатным римлянам посещать Египет без своего разрешения. Август выступил в качестве преемника Птолемеев, сохранив существовавший бюрократический аппарат. Греки по-прежнему господствовали в Египте. Но власть Рима всей тяжестью легла на эксплуатируемые слои населения. С самого включения в состав Римской империи Египет рассматривался как источник доходов [2]. Налоги росли и умножались (существовало более 450 разного рода налогов и поборов). Бюрократический аппарат, и без того громадный, все увеличивался, усиливая жестокий гнет и репрессии в попытках выжать больше доходов от нищавшего населения. Документы сохранили немало свидетельств о зверских расправах с неспособными налогоплательщиками. Мелкие земледельцы разорялись, росло крупное частное землевладение; его рост особенно наблюдается в III в.

Такая обстановка в стране создавала благоприятную почву для распространения идей христианства. Люди не только стремились утешить себя надеждами на блаженство в жизни будущей, но и искали в христианстве основы для идейного объединения, взаимной поддержки. В условиях вопиющей социальной несправедливости и тяжкого гнета людей привлекала идея конечного торжества справедливости. Чувство человеческого самосознания у этих забитых, унижаемых людей находило моральную опору в сознании своего духовного превосходства. На этой почве в Египте появилась своеобразная форма протеста против социальной действительности — возник институт отшельничества (а позднее и монашества, киновитизма). Окруженный пустынями, Египет не давал возможности бежать от властей предержащих, но анахорет, предельно ограничив свои потребности, находил в пустыне надежное убежище и выходил из сферы юрисдикции администрации. Хотя отшельники заботились только о спасении своей души, их пример — сам факт их протеста, сам факт их существования — оказывал огромное влияние и способствовал более широкому распространению христианства среди

---

[2] Рим получал от Египта в I в. в месяц больше дохода, чем давала за год Иудея.

народных масс. Принимая христианство, они выражали этим свой протест против угнетателей, поскольку греческая верхушка — землевладельцы и чиновники — еще долгое время оставалась языческой. Гонения на христиан со стороны римской администрации, вспышки которых следовали одна за другой и которые особенно усилились в конце III—начале IV в. (коптское летосчисление даже велось по «эре мучеников», или «эре Диоклетиана», с 284 г.), еще больше разжигали антагонизм.

В этой обстановке зародилась коптская письменность, которая была создана переводчиками Писания с греческого на египетский язык, поскольку та система письма, которой тогда пользовались египтяне, была для этой цели непригодна.

Государственным языком страны был греческий. Греческий язык обслуживал культурную верхушку общества. Тексты, написанные египетским письмом, так называемым демотическим, кроме чисто деловой сферы (документы, главным образом частноправового характера), области науки (в основном медицины) и магии обслуживали художественные потребности сравнительно узкого круга египетской интеллигенции. Демотическое письмо в силу своей сложности требовало годы для овладения им, и уже только по этой причине изучение его в массовых масштабах было невозможным. К тому же и сам характер демотики, приспособленной к традиционной передаче египетских слов и неспособной точно передавать звучание, делали ее неприемлемой для записи на египетском языке христианских текстов с их особой терминологией, тем более учитывая неизбежность заимствования многих терминов и необходимость записать их таким образом, чтобы по записи можно было с достаточной точностью воспроизвести их в речи. Сами египтяне признавали неоспоримое удобство, простоту и точность греческого алфавитного письма.

Первые известные нам попытки написать египетские тексты греческими буквами восходят еще к III в. до н. э. В греческом Гамбургском папирусе № 627, написанном в 246—245 гг. до н. э., есть вставка в полторы строки на египетском языке. К III в. до н. э. относится и фрагмент греко-египетского словаря, где египетские слова написаны греческими буквами. Среди граффити на стенах Абидосского храма есть одно, написанное по-египетски греческими буквами около 200 г. до н. э. От первых веков нашей эры сохранилось более десяти египетских текстов, которые вошли в науку под названием старокоптских [Haardt, 1948]. Это древние магические тексты на архаическом языке, не отражающие в отличие от коптских живой язык эпохи. Написаны они греческими буквами с применением демотических знаков для обозначения звуков, отсутствующих в греческом языке.

 Их переписчики не имели еще в своем распоряжении единого

коптского алфавита, каждый пользовался более или менее индивидуальным, и они разнились один от другого в части добавочных демотических знаков.

Переводчики Священного писания должны были выработать единый коптский алфавит, который и стал стандартным. Просветительно-культурная роль этих переводчиков была очень велика. Их основная и неоценимая заслуга состоит в том, что они дали египетскому народу удобное и простое письмо, благодаря чему грамотность могла широко распространиться среди народных масс (см. ниже). Кроме того, они своими переводами создали определенную литературную норму, тем самым открыв путь для развития новой, коптской литературы.

Первые переводы Писания были сделаны на саидском диалекте, который в ту эпоху, по-видимому, был языком наиболее образованных египтян [Kahle, 1954, т. 1, с. 265], и на базе этих переводов возник в III в. первый литературный коптский язык — литературный саидский диалект, на котором творил и крупнейший коптский писатель Шенуте (см. ниже).

После того как в 20-х годах IV в. христианство стало официально признанной религией, в Египте появились первые монастыри (киновии). Самый первый, Табеннесе, был основан Пахомом в 320 г. Положение народных масс не улучшилось после официального признания христианства. Гнет был по-прежнему тяжелым, и многие крестьяне, измученные притеснениями, бежали в монастыри. С самого начала коптские монастыри стали в оппозицию к официальной церкви. Так, например, Пахом запрещал своим монахам принимать духовный сан, чтобы сохранить независимость от епископа. Монастыри стали центрами народной египетской культуры. Уже Пахом требовал, чтобы монахи учились грамоте. В монастырях же были созданы и первые оригинальные коптские произведения. Настоятель Белого монастыря (см. ниже) Шенуте (333—451), автор множества сочинений, стал классиком коптской литературы. Богатый, эмоциональный и красочный язык Шенуте остался непревзойденным образцом для последующих коптских писателей. Монастыри были не только убежищем для притесняемых, но и активными борцами с администрацией и землевладельцами. Осуждая злоупотребления последних, Шенуте выступал с яркими, гневными речами. С этой борьбой была неразрывно связана борьба против язычества, которую вели в IV в. коптские монастыри.

Монастыри поддерживали живой контакт с окружающим населением — и экономический, и культурный. Не только монахи обучались в монастырях грамоте. При монастырях создавались школы для обучения населения. Монастырям принад-

лежит главная роль в истории коптской рукописной книги. Они были и центрами книжного производства, и крупнейшими книгохранилищами, и главными очагами создания оригинальной коптской литературы. Эту роль они сохраняли и в течение нескольких веков после арабского завоевания. Наибольший расцвет коптского книжного производства относится к концу I — началу II тысячелетия. Однако постепенное отмирание коптского языка, вытесняемого арабским, привело к сужению его роли, ограничению его областью богослужения (но даже и богослужебные тексты в большинстве случаев стали снабжаться арабским переводом). Начиная с середины II тысячелетия коптская рукописная книга становится исключительно ритуальной и в этом качестве наряду с печатной книгой дожила до настоящего времени.

РЕПЕРТУАР КОПТСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

На раннем этапе (III—V вв.) одной из главных особенностей репертуара коптской книги было преобладание переводной (с греческого) литературы. Создатели коптского алфавита заботились не о том, чтобы вообще дать египетскому народу простую и удобную систему письма — их целью было перевести с греческого языка на египетский Священное писание. Перевод этот — если не всех книг, то, во всяком случае, значительной части книг Ветхого и Нового завета — был сделан еще в III в.

Из основных пяти диалектов коптского языка (всего коптских диалектов и субдиалектов насчитывают около десятка) — саидского, ахмимского, субахмимского, файюмского и бохайрского — с первых веков нашей эры и на протяжении всей живой истории коптского языка (до начала II тысячелетия) роль литературного языка играл саидский, но на раннем этапе с ним соперничал субахмимский. От первых веков существования коптской письменности до нас дошли памятники почти исключительно на этих двух диалектах.

Помимо Писания и трудов деятелей ранней христианской церкви на коптский переводились также гностические и манихейские сочинения. Они занимают значительную часть в коптском книжном репертуаре этого периода, что является также его отличительной чертой.

Гностицизм получил особое развитие на египетской почве как результат своеобразного синтеза греческой и египетской мысли. Александрийцы (Валентин, Василид, Карпократ) были среди наиболее видных теоретиков гностицизма. Выступая как одно из течений христианства, гностицизм завоевал некоторую

популярность среди египетского населения в III—IV вв., и переводы на коптский язык гностических сочинений относятся к этому времени. Коптский гностический фонд включает в себя произведения следующих жанров: евангелия, апокалипсисы, апокрифические деяния апостолов, трактаты, послания, поучения, толкования.

К IV в. относится пропагандистская деятельность манихеев в долине Нила. Манихейские сочинения — как труды самого Мани (ум. в 276 г.), так и его учеников, толкователей и комментаторов, — дошли до нас в коптских переводах IV—V вв. Это «Кефалайа» («Основы») Мани, послания Мани и его учеников, толкования на «живое Евангелие» Мани, гомилии и псалмы.

Христианская церковь преследовала эти учения как еретические, и в Египте они не пережили V в., но, как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, именно благодаря этому коптские переводы гностических и манихейских сочинений сохранились до настоящего времени. Целая библиотека, принадлежавшая гностической общине, была во время преследований зарыта в песках пустыни и почти невредимой дошла до нас через полторы тысячи лет. Таким же образом сохранилась и библиотека манихейских сочинений, по-видимому принадлежавшая главе манихейской общины в Египте. Интересно отметить, что гностические труды почти все на саидском диалекте, а манихейские — на субахмимском. Большинство этих сочинений было ранее неизвестно науке или известно только в отрывках и упоминаниях у греческих авторов.

Оригинальная коптская литература вообще количественно уступала переводной, особенно в ранний период ее существования, когда ее развитие было ограничено узкими рамками. Ее появление было вызвано практическими надобностями, и в ее задачи не входило удовлетворение эстетических потребностей общества: назначение ее было чисто утилитарным. Это характерная особенность коптской литературы раннего периода. Она зародилась в монастырях, и первыми коптскими авторами были их настоятели, начиная с Пахома, основателя первых монастырей (320 г.). Жанры коптских произведений того времени — уставы, поучения, проповеди, речи и послания. Главным образом, конечно, они касались внутримонастырской жизни, отношений монастырей друг с другом и с окружающим населением. Но первые монастыри, как говорилось выше, принимали активное участие в борьбе с греческой администрацией, со злоупотреблениями землевладельцев, и отголоски этой борьбы дошли до нас в посланиях и речах настоятелей монастырей, главным образом настоятеля Белого монастыря Шенуте.

Деятельность Шенуте была широка и разнообразна. Он управлял Белым монастырем и монашескими общинами вокруг него, сжигал языческие храмы, боролся с чиновниками, выступал против притеснений крестьян землевладельцами, принимал у себя высших представителей администрации — комитов и префектов. В его сочинениях мы встречаем то изложение теории о труде как о прирожденной потребности человека, то перечень правил монашеского общежития — и с моральной, и с формальной, и с экономической стороны, то рассказы о нашествии блеммиев, то страстное обличение притеснений народа. Но даже обилие тем, затронутых Шенуте, не сделало бы его произведения столь значительным явлением, если бы не их высокая художественная ценность. Шенуте обладал не только страстностью борца, властностью и энергией, он обладал большим писательским и ораторским талантом. Дошедшие до нас его произведения отличаются силой убеждения и мастерством изложения. Его богатый, красочный язык при всей силе и свободе выражения отточен почти до совершенства. Высшее достижение коптской литературы, он остался на века непревзойденным образцом для коптских писателей. Произведения Шенуте пользовались у коптов огромной популярностью, постоянно переписывались и в течение почти тысячелетия составляли значительную часть коптского книжного репертуара.

С течением времени репертуар коптской книги обогащается как в области переводной, так и оригинальной литературы. С греческого продолжают переводиться произведения отцов церкви и других христианских деятелей. При этом следует учесть, что и коптские епископы и патриархи писали главным образом по-гречески и их послания в монастырях переводились на коптский. Так, например, пасхальное послание Афанасия Александрийского, написанное в 367 г. по распоряжению Феодора, преемника Пахома, было переведено на коптский, «чтобы служить для руководства».

С конца IV в. появляются произведения житийного жанра — жития Пахома и его преемников, рассказы о монахах и отшельниках — записи на греческом и коптском языках, составившие большой цикл (конец IV—середина V в.), известный в науке под названием «Apophthegmata patrum aegyptiorum» («Изречения египетских отцов»). Здесь в коптскую литературу впервые проникают фольклорные элементы.

Оставаясь по сфере употребления провинциальной, коптская литература была вместе с тем и более народной по характеру и назначению, чем греко-египетская литература, создание египетских греков и грекоязычных египтян. Она сохраняла многие

 черты народного, притом истинно египетского духа. Характер

египетской литературы на всем протяжении, с самых древних времен (с III тысячелетия до н. э.) показывает нам, что египтянам всегда была свойственна, с одной стороны, любовь к дидактике, а с другой — любовь к волшебным вымыслам, чудесам, таинственным знаниям и магической силе. Это ярко проявляется и в коптской литературе, казалось бы столь отличной во всех отношениях от древнеегипетской.

«Высокая» коптская литература — произведения настоятелей монастырей и других духовных глав коптов — носила преимущественно назидательный характер, но и самые сухие поучения пользовались у коптов большой популярностью. В изречениях пустынников и в легендах о них поучительный элемент переплетается со сказочным. Здесь литература теряет свой исключительно нравоучительный характер и становится в какой-то мере и развлекательной, служит удовлетворению и эстетических потребностей.

Целый цикл легенд был создан о монахах монастыря Шиэт — настолько знаменитого, что название его, в греческой форме «Скетис» (рус. «скит»), стало нарицательным. Сказания о монахах Нитрийской пустыни распространились по всему христианскому Востоку, и некоторые из них вошли в русские Четьи-Минеи.

К IV—V вв. относятся коптские письменные памятники церковно-исторического содержания. Копты переводили с греческого соборные постановления, списки участников соборов, но особенно охотно — повествования о них, которые давали пищу их живому воображению, дополнялись и переделывались ими, а также служили толчком к созданию подобных рассказов. Тут уже в центре внимания оказывались, разумеется, коптские деятели; они становились героями событий и вершителями истории. Шенуте, который не выезжал за пределы Египта, оказался участником 1-го Эфесского собора (431 г.), на который он, согласно легенде, сопровождал патриарха Кирилла. Героем целой эпопеи был Диоскор, преемник Кирилла, который председательствовал на 2-м Эфесском соборе (449 г.) и добился вселенского торжества коптского вероучения. Но после осуждения монофизитов на Халкедонском соборе в 451 г. он был сослан императором Маркианом. Диоскор был окружен в глазах египтян ореолом мученичества, а присылаемым из Византии в Александрию патриархам-дифизитам они отказывались подчиняться и угрожали; в городе и стране вспыхивали волнения. Вся эпопея с отплытием Диоскора на собор и его деятельностью там, расцвеченная богатой фантазией египтян, нашла широкое отражение в коптской литературе. Сохранились также записки Диоскора и его письмо к Шенуте.

От времени арабского завоевания до нас дошел большой исторический труд — «Хроника» Иоанна, епископа г. Никиу. К сожалению, сохранился только эфиопский перевод этой хроники, которая была написана автором по-коптски.

После арабского завоевания начинается новый период в истории коптской литературы. Сочинения Шенуте и других коптских авторов по-прежнему переписываются и занимают видное место в книжном репертуаре. Но теперь появляется множество записей сказок, легенд, загадок. В литературу широкой волной вливается фольклор. Возникает поэзия. В это время, когда государственной религией стал ислам, в Египте не могли появиться христианские деятели такого масштаба, как Шенуте или патриарх Кирилл (который был истинным владыкой Египта и даже получил прозвание «фараон»). Не могли быть созданы произведения такого уровня и значения, как произведения Шенуте. Но вместе с тем не было и подавляющих авторитетов. Если в литературе доарабского периода все было подчинено главной идее — стремлению к нравственному усовершенствованию с целью заслужить воздаяние за гробом, то теперь в литературу, хотя она сохранила в общем нравственно-назидательный тон, проникают более теплые, человеческие, живые чувства.

Сохранилось немало образцов этого народного творчества. Во-первых, египтяне после многовекового перерыва возвращаются к одному из излюбленных жанров — историческому роману, вернее, роману-легенде, посвященному выдающейся исторической личности, хотя и лишенному исторической достоверности. До нас дошли «Роман о Камбизе» и коптская переработка греческого «Романа об Александре». «Роман о Камбизе» с его воспеванием военной доблести египтян и восхвалением фараона, находящегося под покровительством Амона и Аписа, совершенно чужд христианскому духу, и, напротив, он поразительно близок к древним историческим романам из цикла о царе Петубастисе (царствовал на рубеже IX—VIII вв. до н. э.), сохранившимся в демотических текстах греко-римского времени. Во-вторых, появляется много записей легенд, сказок, загадок. В-третьих, возникает поэзия (расцвет ее приходится на конец I тысячелетия), подобно древнеегипетской, лишенная размера и рифмы, на ритмико-смысловой основе, предназначенная не для чтения, но для пения или речитатива. Перед строфой обычно указывалась мелодия исполнения: без нее стихи нельзя было воспринять как стихи. Ноты коптам заменял арсенал образцовых песен: для обозначения мелодии указывалось название соответствующей песни, например «Дверь», «Тайна», «Сад». Основные жанры поэтических сочинений — гимны, песни, легенды, загадки, песенно-драматические произведения. В начале II ты-

сячелетия под арабским влиянием в коптскую поэзию проникла рифма, но коптский язык уже прекращал свое существование как живой, разговорный язык. К XIV в. относится большая поэма «Триадон», написанная на коптском с параллельным арабским текстом. В ней автор призывает коптов хранить сокровища своей культуры, изучать родной язык. Это произведение написано еще на саидском диалекте, хотя в то время роль литературного языка, вернее, языка письменных текстов перешла уже к нижнеегипетскому, бохайрскому диалекту. Это объясняется тем, что в Нижнем Египте (в Александрии, затем в Каире) находились центры коптской патриархии. Бохайрский становится единым церковным языком коптов. Его изучали в духовных и вообще в образованных кругах, подобно тому как в России изучали церковно-славянский. Саидские тексты делаются трудными для понимания. На бохайрский переводится множество саидских мартириев, житий, проповедей, легенд. Помимо широкой переводческой деятельности процветает и сочинительская, почти исключительно поэтическая (в основном ритуальные гимны). Наиболее крупными бохайрскими поэтическими циклами были «Теотокии», песни в честь Богородицы, восходящие к греческим и сирийским прообразам, и псалии в честь Такла-Хайманоту, составленные в XVI в.

Особую часть коптского книжного репертуара составляют научные и магические книги (термин «научные» здесь следует понимать не в строгом смысле слова, а шире). Главное место в области коптской науки принадлежит медицине, но она была, как мы теперь бы сказали, народной медициной, т. е. практической, прикладной; при этом многие рецепты дополнялись магическими заклинаниями и действиями. Медицинские справочники были очень популярны в народе, и, поскольку книги были дорогими, к обладателям таких справочников часто обращались с просьбой одолжить их (см. ниже).

Естественные науки в какой-то мере представлены двумя сочинениями. Это переведенный с греческого «Физиолог», написанный в III в. в Александрии на греческом языке под египетским влиянием, и трактат «О самоцветах», написанный в конце IV в. Епифанием Кипрским. В этих сочинениях сведения из естественной истории соединяются с толкованиями их в христианско-аллегорическом духе. Астрономия, как и медицина, носила у коптов прикладной характер (альманахи, таблицы положения звезд, расчеты теней для солнечных часов и т. п.).

Непосредственным продолжением древнеегипетской была коптская магическая литература, хотя уже с заметным христианским влиянием. В ней причудливо переплетались языческие и христианские мотивы.

К области философии можно отнести переводы с греческого изречений философов и большой мистико-философский трактат апы Себы о тайнах греческих букв. Этот трактат вместе со знаменитым трудом Гораполлона занимает особое место в коптской литературе. Сочинение Гораполлона о иероглифике «Тайны египетских письмен» (по-видимому, конец IV в.; до нас дошло в греческом переводе), о казавшейся в то время уже загадочной древнеегипетской письменности, пользовалось колоссальным успехом у египтян и греков. Очевидно, под его впечатлением апа Себа (V—VI вв.) решил объяснить начертание букв греческого алфавита, открыв в них тайный мистико-аллегорический смысл.

На II тысячелетие приходится начало коптской филологии. Вытеснение коптского языка арабским привело к необходимости сделать понятными для коптов церковную службу, Писание, а также остальные произведения, написанные на коптском. Вырабатывается специфический жанр лествиц (scalae): словари, сопровождаемые грамматическими очерками на арабском языке. В середине XIII в. Иоанн Саманнудский писал: «Так как коптский язык исчез из разговора, отцы уже составили лествицу, в которой собрали весь язык, все его имена и глаголы, чтобы дать пособие для перевода». Строго говоря, все эти словари не являлись словарями в нашем понимании. Они продолжали традиционную для древнего Египта (древнейший дошедший до нас образец относится к XVIII в. до н. э.) форму энциклопедии в виде словников, разбитых на темы. Весь словарный материал дается в этих лествицах по группам — вселенная, животный и растительный мир, Египет, специальные термины и т. п. Составлялись также и грамматики коптского языка на арабском языке. В описании коптского языка копты испытывали сильное влияние арабских лингвистов. Интересно заметить, что эта работа, расцвет которой приходится на XI—XIV вв., не заглохла и позже и смыкается уже с научной коптологией на рубеже XVIII—XIX вв. Последним сочинением такого рода, составленным в традициях коптской филологии, можно назвать грамматику Туки (епископа г. Туха), напечатанную в 1778 г. на латинском языке.

ПИСЧИЙ МАТЕРИАЛ

Книжная техника древности находилась в особенно благоприятных условиях в Египте, где еще за 3 тысячи лет до н. э. уже был известен способ производства превосходного писчего
 материала из папируса, в изобилии произраставшего в ниль-

ских заводях [3]. При этом уже в древнейшие времена техника изготовления его была настолько высока, что сохранилась практически неизменной в течение последующих тысячелетий (лишь в последние века папирусной эры она деградировала). Этому способствовали свойства самого растения: для изготовления писчего материала из него ничего не требовалось дополнительно (если не считать клея).

Стебель папируса расщепляли на полосы, *филюры*. Плиний сообщает, что филюры отделяли от ствола папируса при помощи особой иглы. Ширина получаемых полос колебалась между 1,5 и 8 см [Ернштедт, 1948]. Их вымачивали в течение нескольких дней, отбивали деревянным молотком, снова вымачивали и снова отбивали. Затем полосы укладывались на стол, смоченный нильской водой, так, чтобы их края слегка заходили друг за друга. На уложенный таким образом слой накладывался тем же способом следующий, только полосы его располагались под прямым углом к полосам нижнего. Затем оба слоя помещались под пресс, и выделившийся сок склеивал их — так прочно, что и спустя тысячелетия слои нельзя отделить друг от друга. Если папирус и страдал от внешних повреждений, это не влияло на соединение слоев. После сушки оставшиеся неровности сглаживали с помощью инструментов из слоновой кости и раковин и отбивали лист молотком. Поверхность листа слегка покрывали клеем для придания ей гладкости, чтобы чернила не растекались вдоль волокон. Получившиеся листы приклеивали друг к другу (с соблюдением направления волокон) для получения свитка нужной длины. Клей изготовляли из самой тонкой муки, кипятка и незначительной доли уксуса; при этом клей перед употреблением должен был стоять ровно сутки.

На папирусных фабриках изготовляемый папирус свертывался в рулоны, причем сторона с горизонтальным направлением волокон, как наиболее удобная для писания, помещалась внутри, а с вертикальным направлением — снаружи. По мере надобности от рулона отрезали свитки нужной длины. По сообщению Плиния, наиболее употребительными были свитки, на которых помещалось 20 страниц (*коллемата*) текста.

Гладкий, светлый, гибкий (его можно было складывать и сжимать без ущерба), этот материал был исключительно прочным в климатических условиях Египта [4], поскольку боялся только сырости. Потому, несмотря на широкое распространение

---

[3] Теперь заросли папируса сохранились только на реках и озерах Тропической Африки.

[4] Говоря о прочности, мы имеем в виду его устойчивость по отношению ко времени. Ср. ниже.

за пределами Египта, подавляющее большинство дошедших до нашего времени папирусов обнаружено в Египте. В засыпанных песком мусорных свалках или специально закопанные в песок (см. ниже), они дошли до нас в огромных количествах через века и даже тысячелетия. Эти находки охватывают период с III тысячелетия до н. э. вплоть до средних веков.

Папирус изготовлялся разных сортов и размеров; чаще же всего — 20—25 см шириной, как наиболее удобный для употребления. Для особенно дорогих, роскошных изданий изготовляли папирус шириной до полуметра. По сообщению Плиния («Естественная история», 13, 12), лучший сорт папируса назывался «священным» (hieratica), о чем упоминает также Страбон («География», 17, 15), а при Октавиане Августе был переименован в «августовский» (augusta); второй сорт (прежнее название не указано) стал называться «ливиевым» (livia) в честь супруги Августа. Оба сорта имели ширину 13 пальцев (ок. 25 см); название «священный» перешло на третий сорт (11 пальцев). Затем шел «амфитеатральный» (amphitheatritica, 9 пальцев), названный так по месту изготовления — в Александрии у амфитеатра, саитский (saïtica, изготовляемый в г. Саисе). Следующий затем «тенеотский» (taeneotica, в г. Танисе), низший сорт писчего папируса, продавался уже на вес. Далее шла «купеческая бумага», употребляемая для обертки (6 пальцев).

За пределами Египта папирус как писчий материал был известен задолго до н. э. Предполагают, что в Греции он появился в VII в. до нашей эры. Наиболее древний папирус, найденный в этой стране, — фрагмент из захоронения V в. до н. э., обнаруженного греческими археологами при раскопках в одном из пригородов Афин несколько лет назад. В 1962 г. севернее г. Салоники был найден полусожженный, обугленный свиток с комментариями к орфической теогонии, который датируют IV в. до н. э. В греко-римскую эпоху Египет снабжал писчим материалом весь средиземноморский мир. Как сырье папирус не вывозился. Однако известно существование в Риме папирусных фабрик, на которых улучшались более низкие сорта папируса (поскольку выгоднее было закупить в Египте дешевый папирус и улучшить его уже на месте). Так, на фабрике Фанния улучшался «амфитеатральный» папирус, и даже ширина его увеличивалась более чем на 2 см.

Лучшие сорта были более тонкими, но тонкость «августовского» доходила уже до прозрачности, и чернила просвечивали на обратной стороне; и потому при Клавдии папирус этого сорта был утолщен и увеличен в ширину почти до трети метра. Новый высший сорт получил название «клавдиевого» (claudia); «августовский» стал употребляться преимущественно для писем.

При Птолемеях производство и экспорт папируса облагались налогом. Один из Птолемеев наложил запрет на вывоз папируса (об этом см. ниже). В эпоху поздней Римской, а возможно, и Византийской империи производство папируса в Египте было государственной монополией.

Папирусные фабрики были расположены в Александрии, Саисе и других городах в Дельте, поскольку именно там преимущественно произрастал папирус. Оттуда, с севера Египта, он развозился в другие части страны. В одном коптском письме мы встречаем следующую фразу: «Если папирус привезут на юг, непременно купи мне его» [Тураев, 1907, с. 026].

Папирус был дорогим материалом. Еще Марциал (XIV, 10) писал о том, что чистые листы папируса являются достойным подарком. В византийском и арабском Египте техника изготовления папируса находилась в общем на значительно более низком уровне, чем в древности, хотя до нас дошли и отдельные образцы папируса достаточно хорошего качества. Очевидно, падение папирусной техники объяснялось все более широким употреблением пергамена как писчего материала (см. ниже); в свою очередь, плохая выделка папируса способствовала большему распространению пергамена. Однако папирус оставался дорогим материалом. Нередко уже исписанный папирус использовался вновь для письма, для чего прежний текст смывался. В одном коптском письме некий Суа Пекош сообщает, что посылает для переписки книги чистый папирус и листы уже исписанного на предмет возможности его дальнейшего использования (см. ниже).

Папирус, первоначальный текст которого уничтожен и на котором написан новый текст, называют «палимпсестом», «соскобленным». Собственно говоря, этот термин относится к восковым табличкам и пергамену и только по аналогии распространен на папирус. Текст с папируса нельзя было соскабливать, его можно только смывать.

В частной переписке нередко использовали чистую оборотную сторону уже исписанного папируса, но такие примеры опистографии встречаются не только в этой области. На оборотной стороне исписанного папируса могли писаться даже книги. Иногда такие листы склеивали исписанными сторонами друг к другу, таким образом получая листы двойной толщины.

Из отходов папирусных стеблей и из макулатуры путем склейки и прессования изготовляли картонаж для переплетов книг и для футляров мумий.

Из-за дороговизны папируса для документов, заметок, писем, школьных упражнений употреблялись черепки и камни —

остракa (или *остракóны*). Среди письменных памятников, найденных в Египте, остракa занимают второе по количеству место после папирусов. Есть много остракa и с литературными текстами (отрывки из Писания, литургических текстов, гимны, изречения, молитвы и пр.), но, конечно, об остракa нельзя говорить как о материале для рукописной книги.

В коптском языке употреблялось греческое название для папируса — *хартес* — или просто слово «книга» — *джооме*. Как название растения в коптском помимо египетского слова *джоуф/чомф* употреблялось и слово *тербейн*, заимствованное из сирийского (arbana). Лишь однажды встречается греческое слово «папирус» (papyros): Иоанн, епископ г. Шмуна, говорил о произрастающем только в Египте *ппапюрон э пеккартэс* [Morgan XXXVII, 75; Winlock — Crum, 1926, с. 186]. Этимология этого греческого слова связана с египетским эпитетом «царский», поскольку при Птолемеях существовала царская монополия на производство папируса [Brunner, 1959, с. 59]. Когда вошел в употребление пергамен, слово *хартес* сохранилось в значении «документ», подобно тому как у нас «бумаги» означает «документы» (иногда и в единственном числе, например «важная бумага» и т. п.). Так, в одном коптском письме автор пишет: «Пришли мне твои документы (khartēs)» [Crum, 1921, с. 48, № 187]. В коптском долговом обязательстве, написанном на известняковом остраконе, данный документ называется khartēs [Ернштедт, 1959, с. 97, № 40]. Эти примеры можно было бы умножить. Впрочем, в значении «документ» могло быть употреблено и слово *джооме* (см., например, [Satzinger, 1968, с. 188; № 484; Till, 1958, № 29, 31, 44, 62, 169, 200]).

Папирус был идеальным писчим материалом для Египта с его сухим климатом. Хотя и за пределами Египта он мог при благоприятных условиях сохраняться веками, но эти сроки ничтожны в сравнении с тысячелетними сроками сохранности папируса в Египте. Отмечая долговечность папируса, Плиний с восторгом говорит о рукописях почти двухсотлетней давности, которые он видел у своего друга Помпония Секунды, и прибавляет: «А уж рукописи Цицерона, а также божественного Августа и Вергилия мы видим часто». Таким образом, папирусы, которым было около 200 лет, уже считались раритетом в Риме. В странах же с более суровым и влажным климатом папирус, естественно, был бы очень недолговечным[5]. Необходимо учесть и то

[5] Даже в Египте не везде условия для долгого сохранения папируса были достаточно благоприятными. Таковыми они были в Верхнем и Среднем Египте, но не в Дельте.

обстоятельство, что долговечность и сохранность древнеегипетских книг-свитков обусловливается и гораздо менее частым их употреблением в сравнении с книгами-свитками в греко-римскую эпоху, когда уровень просвещения был настолько высок, что масса литературных произведений постоянно находилась в обращении и круг читателей был неизмеримо шире. От частого перематывания и от держания в руках папирусные свитки повреждались довольно быстро, а папирусные книги-кодексы изнашивались еще быстрее.

Кроме того, потребность в папирусе в других странах могла удовлетворяться исключительно путем его вывоза из Египта. Как сообщает Плиний, в правление Тиберия в Риме случалась нехватка папируса и из числа сенаторов назначались уполномоченные для его распределения.

Все эти факторы препятствовали широкому распространению папируса. Другой писчий материал завоевал Ближний Восток и Европу и выступил достойным соперником папируса в самом Египте. Это был пергамен.

Толчком к изобретению пергамена послужило, по преданию, соперничество между Александрийской и Пергамской библиотеками. Плиний, ссылаясь на Варрона, сообщает, что из-за соперничества царей Птолемея и Евмена в устройстве библиотек Птолемей запретил вывоз папируса и в Пергаме был изобретен пергамен. Как полагают, речь идет о Евмене II (197—159 гг. до н. э.), основателе Пергамского алтаря и Пергамской библиотеки. В таком случае его соперником должен быть Птолемей V или VI. Возможно, однако (см., например, [Schubart, 1961, с. 23]), это был просто предлог для запрещения вывоза, которое на самом деле было введено для поднятия цен на папирус. Сокращение производства папируса в этих целях засвидетельствовано, например, Страбоном; упомянутая нехватка папируса в Риме при Тиберии, по-видимому, объясняется тем же.

Как бы то ни было, из-за отсутствия папируса в Пергаме началось производство пергамена. По сути дела, это не было совсем новым изобретением — кожа как писчий материал употреблялась и в Греции, и на Востоке, даже в Египте [Erman—Krebs, 1899, с. 5—6] с древнейших времен. Но пергамен получался в результате особой обработки кожи. В отличие от изготовления кожи из шкур животных изготовление пергамена исключает дубильный процесс.

Для пергамена употреблялись главным образом шкуры овец и коз, а в Египте часто и газелей. Выдержав шкуру в извести несколько дней, соскребали затем волосы, верхний слой кожи и мышечный слой. Затем, после повторной обработки известью и очистки, кожу натягивали на рамку, сушили, разглаживали

и отбеливали мелом. Для самых высших сортов пергамена могли употреблять шкуры еще не родившихся животных.

Готовый пергамен был прочным, гладким, светлым. Мясная сторона — белого или сероватого цвета, волосяная — желтоватая. Писать было одинаково удобно на обеих сторонах.

Нельзя сказать о том, был ли дороже папирус или пергамен: в разные эпохи и в разных местах дороже ценился то один, то другой. В начале V в. в Риме, например, больше ценился папирус, а в Малой Азии — пергамен.

Исписанный пергамен было проще пустить снова в дело, чем папирус. Ненужный уже текст довольно легко было соскоблить пемзой или острым орудием, подержав пергамен некоторое время в молоке, или же просто смыть водой. Нередко целая книга превращалась в палимпсест. Для этого ее расшивали, обрабатывали листы указанным образом, а после написания нового текста вновь сшивали и переплетали. Так, например, книга, написанная в Монастыре Сирийцев в Вади-Натрун в 963 г., была таким способом изготовлена из коптской книги VII в. Коптский текст оказалось возможным прочесть, и из расположения листов сирийской книги видно, что прежний порядок их не сохранен, т. е. книга была расшита на отдельные листы для уничтожения текста [Thompson, 1911].

Папирус, как говорилось выше, тоже можно было использовать, смыв первоначальный текст, но сделать это было труднее, чем соскоблить или смыть текст с пергамена. Пергаменные палимпсесты встречаются чаще, чем папирусные.

Письмо на пергамене выходило более четким, чем на папирусе, но зато текст на пергамене больше страдал от сырости. Металлические чернила, употреблявшиеся в византийское время, могли проедать пергамен насквозь.

Для названия пергамена копты употребляли греческое слово *мембрана*, чаще в форме membranon как эпитет к слову «книга» (*джооме*). В этом значении употреблялось также коптское слово *шаар* «кожа», а словом *джооме*, которое, как упоминалось, могло означать папирус, иногда, хотя и реже, пользовались для обозначения понятия «пергамен».

И папирус, и пергамен на рубеже I—II тысячелетий стали вытесняться бумагой.

Бумага была изобретена в Китае еще в II в. до н. э. Тогда ее выделывали из размоченных в воде шелковых волокон [6], и цена ее была очень высокой. Но в 105 г. по предложению Цай

[6] Существовал и вид бумаги из конопли: обрывки такой бумаги, возраст которых более двух тысяч лет, были найдены при раскопках в Китае в 1978 г.

Луня ее стали делать из растительных волокон. Способ ее изготовления долго держался в секрете и только в VI—VIII вв. распространился в странах Азии, где бумагу стали изготовлять из пенькового и льняного тряпья. Через Самарканд производство бумаги проникло в арабские страны и было завезено арабами в Северную Африку, Сицилию и Испанию. Из Испании оно перешло в Италию, а затем проникло во все европейские страны. К XV в. бумага почти повсеместно вытеснила пергамен из употребления.

В Египте бумажное производство появилось в конце VIII в. (к этому времени относятся самые ранние образцы файюмской бумаги, см. [Wiesner, 1887, с. 197]), когда папирус уже стал выходить из употребления (его производство окончательно прекратилось в X в.) и как писчий материал господствовал пергамен. Последний оставался в ходу еще несколько веков и лишь к середине II тысячелетия уступил место бумаге.

Анализ файюмской бумаги показал, что она производилась из льняного тряпья. Для ее проклейки употреблялся крахмал (но не клей животного происхождения) из пшеницы, ячменя или ржи (не из овса или риса). Крахмал не весь превращался в клейстер, и это придавало особенную белизну бумаге. Считалось, что в XII в. во Франции изготовляли бумагу тем же способом, что и папирус в Египте, но из хлопкового луба. Однако анализ показал, что это был просто папирус, завезенный с Востока [Wiesner, 1887, с. 184]. Бумага никогда не изготовлялась из сырого хлопчатника, но среди тряпья могло попадаться и хлопчатобумажное. В Европе сначала бумагу проклеивали крахмалом, как на Востоке, но, в то время как на Востоке употребляли крахмал еще в начале XV в., в Европе уже в XIII—XIV вв. стали использовать животный клей [Grohmann, 1955, с. 76—79].

Ал-Калкашанди (ум. в 1418 г.) говорил, что европейская и магрибская бумага была недолговечной и Коран писали на пергамене. Он упоминает два основных сорта египетской бумаги: большой, *мансури*, который не сглаживали полностью с обеих сторон, и обычный, *маслух*, гладкий с обеих сторон. Бумага *фувви* (по названию местечка Фувва около Розетты) была оберточной. Египетская бумага этого времени уступала по качеству сирийской и багдадской.

Для производства бумаги употребляли тряпье, главным образом из льна и частично из конопли (ткань и веревки); анализ показал, что в бумаге встречается некоторое количество хлопчатника и даже овечьей шерсти. Измельченное сырье вымачивали в известковой воде, толкли в каменной ступке, перемешивали в чане с водой, отформовывали на сите, натянутом на рамку, прессовали на доске и сушили. Высохшие листы нати-

рали смесью крахмального клейстера и муки, сушили, опрыскивали вытяжкой из клейстера, снова сушили, прессовали между досками и, наконец, полировали стеклом. Толщина бумаги была от 0,17 до 0,56 мм. Листы той бумаги, которая только с одной стороны держала чернила, часто приклеивались необработанными сторонами друг к другу. Хранилась бумага в пачках листов или в рулонах. Четвертушка стоила $1^2/_3$ карата (дирхема).

ОРУДИЯ ПИСЬМА

В древнем Египте писали палочками из камыша. От стебля камыша (который растет в Египте и в наши дни, главным образом на соляных болотах) отрезался кусок нужной длины, и один конец его срезался наискось, наподобие долота. Плоским концом проводились более толстые линии, а острым краем — более тонкие. В эпоху Среднего царства (первая половина II тысячелетия до н. э.) длина палочек доходила до 40 см, а толщина — до 2,5 мм в диаметре. С эпохи Нового царства (вторая половина II тысячелетия до н. э.) стали пользоваться более тонкими и короткими палочками — около 20 см длиной и 1,5 мм в диаметре.

В греко-римскую эпоху вместо камышовых «перьев» стали употреблять тростниковые. В III в. тростинку стали расщеплять. Ею можно было проводить более тонкие линии, но писать ею на папирусе было труднее. Такое тростниковое перо так и называлось «тростинкой» — и у греков (*каламос*, отсюда арабское *калам*), и у египтян, коптов (*каш*). Монахи монастыря св. Епифания в Фивах писали тростниковыми перьями диаметром 1 см. Новые перья превышали четверть метра в длину. По мере износа кончик обрезался вновь, и в конце концов перья уменьшались до нескольких сантиметров в длину. Для таких старых перьев употреблялись деревянные удлинители, которые вставлялись внутрь тростинки [Winlock—Crum, 1926, с. 94]. До сих пор в Египте кое-где пользуются тростниковыми перьями.

Черные чернила и в древнем, и в коптском Египте изготовлялись из сажи, смешанной с клеем (соком папируса, позже — гуммиарабиком) и разведенной в воде в пропорции 2 : 1. Примерно с IV в. в Египте вошли в употребление чернила на металлической основе, очевидно железистые (судя по анализу, сделанному Визнером, см. [Wiesner, 1887, с. II—III, 239, 240]); ими писали главным образом на пергамене. Темные вначале, они со временем бледнели, приобретая красновато-коричневую окраску, и часто выцветали. Глубоко проникая в пергамен, они действовали на него разъедающим образом.

А. Лукас [Лукас, 1958, с. 548] сообщает, что один священник коптской церкви познакомил его со способом изготовления чернил для написания священных текстов. Для этого ладан кладут на землю, накрывают глиняной миской на трех камнях или кирпичах, накрывают миску мокрой тряпкой и поджигают ладан. Образовавшуюся на миске сажу соскабливают и смешивают с гуммиарабиком и водой.

Красные чернила делались из красной охры или свинцового сурика. Для раскраски миниатюр и других украшений в рукописях употреблялись также разные краски, в том числе пурпурная, золотая и серебряная.

Чернила и краски в виде сухих лепешечек хранились в специальных углублениях на палетках, подобно нашим акварельным краскам, и смачивались водой при употреблении. Уже разведенные чернила держали в глиняных или металлических чернильницах, нередко двойных — для черных и красных чернил.

В набор орудий для письма входили нож для очинки тростникового пера, пемза как точильный брусок для ножа, а при письме на пергамене — и для стирания текста, губка для смывания текста на папирусе (не только для вторичного использования, но чаще для уничтожения ошибочно сделанной записи), циркуль для разметки строк перед разлиновкой и линовальный прибор. Последний обычно представлял собой свинцовое колесико, которым намечали горизонтальные линии для письма и вертикальные для отделения полей на папирусе; на пергамене линии эти проводились тупой стороной какого-либо режущего инструмента, оставляющего вдавленный след. Переписчик мог не следовать точно каждой линии при письме, но пользовался разлиновкой для сохранения общего направления и ровности строк.

ИСТОРИЯ ФОРМЫ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Свиток и кодекс. Древнейшей формой египетской книги был папирусный свиток. Греки переняли его у египтян; вместе с папирусом в VII в. до н. э. пришел в Грецию и свиток как форма книги. Однако до сих пор папирусов такой древней эпохи в Греции не обнаружено: самые ранние находки относятся к V и IV вв. до н. э. (см. выше). В Египте самый древний греческий папирусный свиток был обнаружен в некрополе Абусира в гробнице рядом с мумией мужчины. Он датируется последней третью IV в. до н. э., имеет 19 см в высоту, 22 см в ширину и содержит 5 страниц по 27 строк в среднем. Но уже от III в. до н. э. сохранилось немало остатков греческих книг.

Свиток как форма книги господствовал вплоть до III в. Когда с изобретением коптского алфавита появились первые коптские рукописные книги, они, разумеется, должны были иметь форму свитка. К сожалению, все, что до нас дошло от них, — остатки шести свитков (см. ниже).

Переход к новой форме книги — кодексу — обычно связывают с распространением нового писчего материала — пергамена, поскольку впервые существование кодекса засвидетельствовано в виде пергаменных книг еще в I в. до н. э. в римской юридической литературе. В Египте, насколько можно судить по дошедшим до нас письменным памятникам, новая форма сразу же при ее появлении использовала наряду с пергаменом и исконный египетский писчий материал — папирус.

Когда пергамен был изобретен как заменитель папируса, он, очевидно, должен был употребляться для книг в виде свитков, так как только такой вид книги был известен тогда. До нас, однако, не дошло пергаменных книг-свитков, и мы знаем о них только по редким упоминаниям у античных авторов [7]. Так, например, Плиний Старший в своей «Естественной истории» (VII, 21, 85), ссылаясь на Цицерона, сообщает, что был свиток со списком «Илиады» из такого тонкого пергамена, что умещался в скорлупе ореха. Существуют только пергаменные свитки Торы, по традиции сохранившиеся в еврейском богослужении (ср. ниже).

Сам принцип соединения пачки листов в виде книги восходит к записным книжкам из восковых табличек. Эти таблички, обычно деревянные в своей основе, углубленные в середине и покрытые воском, имели выпуклые края в виде рамки, защищавшие восковые поверхности от соприкосновения друг с другом во избежание стирания текста. У одного края в них просверливались два или три отверстия, через которые они скреплялись друг с другом нитью или кольцами. По этому образцу стали делать книги — кодексы.

При изготовлении кодекса листы писчего материала накладывались один на другой, затем пачку сгибали пополам и прошивали в месте сгиба. При этом внешние листы должны были иметь в ширину наибольший размер, а к середине ширина листов должна была уменьшаться, чтобы обрез книги был ровным. Так как при более или менее значительной толщине напряжение

---

[7] О существовании огромного количества пергаменных свитков свидетельствует тот факт, что Пергамскую библиотеку, содержащую 200 тыс. свитков, Антоний передал Клеопатре в возмещение ущерба, который понесла Александрийская библиотека при пожаре во время Александрийской войны. Значительная часть этих свитков должна была быть на пергамене.

в месте сгиба было сильным, книга плохо держалась в согнутом состоянии и имела тенденцию раскрываться, кодексы обычно составлялись из тетрадей — четырех сложенных пополам листов (греч. *тетрадион*, от *тетра* «четыре», лат. *кватернион*). Впрочем, иногда тетради имели большее или меньшее число листов (из сложенных вдвое двух листов — *бинион*, трех — *тернион*, пяти — *квинтернион*, шести — *секстернион*); чаще это бывали тетради в дополнение к пачке *кватернионов*, когда текст не умещался в последней тетради.

О том, предшествовала ли форма кодекса сплошного, без деления на тетради, т. е. «однотетрадного», форме многотетрадной, судить нельзя из-за отсутствия данных. Конечно, вполне естественно предположить, что изобретатель кодекса сложил пополам пачку листов и сшил ее, но с самых ранних времен существования кодекса мы находим и ту и другую форму, причем многотетрадных кодексов даже значительно больше. Определенно можно сказать одно: в целом однотетрадные кодексы древнее, поскольку впоследствии эта форма была вытеснена многотетрадной.

Так как изготовленный на фабриках папирус хранился в рулонах, при изготовлении кодекса отрезали от рулона кусок нужной длины и нарезали из него листы. Места склейки листов папируса, из которых составлялся рулон, при нарезке часто приходились не на край, а на середину страницы, но с этим приходилось мириться, потому что папирус был слишком дорогим материалом, чтобы пренебрегать такими страницами. Однако при изготовлении дорогих изданий пользовались специально изготовленными листами папируса нужного размера; разумеется, в этих случаях и папирус бывал более высокого качества (см. ниже). Как самый дешевый материал употреблялись уже использованные старые папирусные свитки, из которых нарезались листы и затем склеивались исписанными сторонами друг к другу, так что получались листы двойной толщины, как, например, в коптских кодексах, содержащих перевод двух библейских книг — Исхода и Иисуса сына Сирахова — на ахмимский диалект (см. ниже).

Форма кодекса имела два огромных преимущества перед формой свитка. Во-первых, это большая экономия в объеме. Марциал писал (XIV, 190), что на маленьких пергаменных листках мог уместиться в его библиотеке Тит Ливий, для которого иначе там не было бы места (сочинения его занимали 150 папирусных свитков). Во-вторых, и это преимущество было решающим, книгой было удобно пользоваться, легко находя при перелистывании нужные места и отмечая их при необходимости закладками. Потому кодекс и вошел в широкое упо-

требление у римских юристов еще на рубеже старой и новой эры. Древнейшие найденные в Египте фрагменты пергаменных кодексов относятся ко II в.

В области христианской (а также гностической и манихейской) литературы кодекс сразу занял главенствующее положение. При постоянном пользовании такими текстами, частом их цитировании, возникла необходимость быстро находить нужное место, и только форма кодекса могла быть достаточно удобной. Иногда указывают и другую причину — дешевизну пергамена сравнительно с папирусом (сравнительная стоимость папируса и пергамена в разное время и в разных местах колебалась), что давало возможность использования пергаменных кодексов в ранних бедных христианских общинах. «Первые христианские общины, — пишет Шубарт, — состояли большей частью из простых людей, бедных и малообразованных. Книга, если говорить о свитке, была редкостью в их кругах» [Schubart, 1961, с. 108]. Однако ранние христианские кодексы в Египте были, как правило, именно папирусными. Сохранились фрагменты таких кодексов еще от II в. [Devreesse, 1954, с. 9; Schubart, 1921, с. 119, 185]. Существовали и свитки с христианскими сочинениями, как, например, греческие отрывки из «Пастыря» Ермы [8] (III в.) и «Логий Иисуса» [9] (III—IV вв.).

Коптских свитков до нас дошло шесть [10], все с текстами на ахмимском диалекте [11]. Это фрагмент перевода второй из Книг Маккавейских, V, 27—VI, 21 [12] (III в.), греко-ахмимский глоссарий к Осии и Амосу (III в.) [Bell — Thompson, 1925], отрывок из гимнов (IV в.) [Lefort, 1939], пасхальное послание и слово (как полагают, школьное упражнение) (IV—V вв.) [Till, 1931], перевод Учения двенадцати апостолов, «Дидахе» (V в.) [Horner, 1923—1924]. И наконец, папирусный свиток с известным псевдоэпиграфом «Вознесение Исаии» [Lacau, 1946]. К сожалению, Лако, его издатель, только видел

---

[8] Der Papyrussammlung der Berliner Staatlichen Museen, Pap. 5513. Последнее издание: [Whittaker, 1956].

[9] Фрагмент Pap. Oxyrh. IV, 654, который обычно считают частью свитка (см., например, [Schubart, 1961, с. 108; Hussein, 1970, с. 54; Thompson, 1924, с. XI]. Доресс, однако, полагает, что это «фрагмент, о котором нельзя сказать, происходит ли он из книги или из свитка» [Doresse, 1959, с. 34].

[10] Не считая двух магических текстов, написанных на листах, не являющихся в полном смысле слова свитками; см. [Kahle, 1954, с. 275].

[11] Два из них — Глоссарий и «Дидахе» — Кале относит к средне-египетскому диалекту ахмимского типа, но имеющему некоторые отличительные черты [см.: Kahle, 1954, с. 220, 225].

[12] Хранится в парижской Национальной библиотеке (шифр Copte 42 135 C); издание: [Lacau, 1911].

его у торговца древностями в Каире и списал текст, но где находится этот свиток, неизвестно. По той же причине к изданию не приложено фотографии, поэтому нельзя судить о времени написания памятника. Но о большой древности его (возможно, III в.) свидетельствует помимо оформления его в виде свитка наличие буквы, которой нет в стандартизованном коптском алфавите.

Говоря о редкости христианских свитков, мы имеем в виду свитки с литературными текстами. Как хорошо известно, форма свитка для документов была в ходу почти до настоящего времени. Она была наиболее рациональной для этого, поскольку исключала возможность замены листов; имело значение и то, что текст как единое целое завершался и закреплялся подписью и печатью. В греческих и латинских документах (как и вообще в документах-свитках) в отличие от литературных произведений, где текст писался постранично, параллельно длине свитка, строки шли поперек, перпендикулярно длине, и текст был сплошным [13]. Известный случай, который приводят как пример долгого существования книги-свитка, а именно оформление в виде свитка пасхального послания александрийского патриарха в VIII в.[14] (на греческом языке), на самом деле объясняется именно стремлением придать ему официальный, документальный характер. Любопытный коптский документ-свиток на бумаге был обнаружен при раскопках церкви в Каср-Ибрим в 1964 г. Это документ о назначении патриархом Гавриилом в 1371 г. Тимофея нубийским епископом [Plumley, 1975]. Собственно, свитка было два — на коптском и на арабском языке. Строки идут поперек, сплошным текстом, основной текст — в одну колонку, записи свидетелей — в две. При ширине в треть метра каждый свиток имеет в длину около пяти метров.

Итак, свитки удержали свою позицию в области документалистики, а в течение первых веков нашей эры свитки с греческими литературными текстами сосуществовали с книгами-кодексами, однако быстро сдавали свои позиции: в III в. общая доля кодексов составляла 6 %, в IV в. она выросла уже до 65 %, в V в. — до 89 %, а в VII в. свиток исчез из употребления [Devreesse, 1954, с. 9].

В раннюю эпоху существования кодексов в Египте большее распространение имели кодексы из папируса, а не из перга-

---

[13] Впрочем, бывали случаи, когда текст документа оформлялся в виде колонок-страниц, как, например, в донесениях Цезаря сенату.

[14] Такого мнения, например, придерживается Хусейн [Hussein, 1970, с. 53].

мена. По мнению Шубарта, даже в области греческой книги соотношение было 5 : 3 в пользу первых, а «если учесть коптские, соотношение в пользу папируса еще больше увеличится» [Schubart, 1961, с. 117].

Материал оказал влияние на форму книги. Поскольку папирус был более хрупким материалом и края листов быстрее изнашивались и обламывались, поля папирусных кодексов — главным образом у наружного края — делались шире, чем у пергаменных, а текст писался преимущественно (а в раннюю эпоху — исключительно, см. ниже) в одну колонку. Общие размеры папирусных кодексов были больше пергаменных, а таких миниатюрных, как пергаменные кодексы форматом 9—12×9—10 см, обычные с IV в., среди папирусных не встречается [Turner, 1974, с. 311].

Самые ранние из дошедших до нас папирусных кодексов — греческие: они восходят еще ко II в.[15]. Коптских рукописей от этого времени не дошло, хотя, как выше упоминалось, коптская письменность уже существовала во второй половине II в. Но от III в. мы располагаем материальными свидетельствами. Сохранился отрывок из папирусного кодекса III в. на ахмимском диалекте. Текст настолько фрагментарен, что нельзя судить о его содержании более или менее определенно. Можно сказать лишь, что это отрывок из какого-то апокрифического или гностического сочинения, где фигурирует апостол Петр [Wessely, 1908]. Во второй половине III в., судя по палеографическим данным, были написаны кодексы, содержащие Евангелие от Иоанна на субахмимском диалекте [Thompson, 1924] и апокрифические апокалипсисы на ахмимском диалекте (основное издание — [Steindorff, 1899, с. 34—107]). Концом III — началом IV в. датируют кодекс с переводом Притч на ахмимский диалект с саидского [Böhlig, 1963]. До нас дошли также фрагменты папируса конца III в., содержащие отрывки из саидского перевода 128-го псалма и VII главы Екклесиаста [Lefort, 1938; ср.: Doresse, 1961, с. 30]. В 1945 г. у Наг-Хаммади (древний Хенобоскион) были найдены в кувшине 13 прекрасно сохранившихся папирусных кодексов в кожаных переплетах, содержащих гностические сочинения на саидском или близких к нему диалектах. Они датируются концом III—концом IV в. Десятилетие спустя Мартин Бодмер приобрел для своей библиотеки (Швейцария) коллекцию кодексов III—IV вв. (почти

---

[15] Это наиболее древняя часть папирусных кодексов (вернее, остатков кодексов), содержащих библейские тексты, которые были приобретены А. Честер Битти [см.: Kenyon, 1932; Schmidt — Polotsky — Ibscher, 1933, с. 82].

все — папирусные) числом более двух десятков, главным образом греческих, среди которых, однако, было и несколько коптских. Как и где они были найдены, неизвестно, но предполагают, что в Верхнем Египте. Эта находка особенно замечательна тем, что один из кодексов, P. Bodmer III [Kasser, 1958], содержит Евангелие от Иоанна и Книгу Бытия на бохайрском диалекте; до тех пор, кроме одного фрагмента со школьным текстом [Husselman, 1947], бохайрские тексты ранее IX в. были неизвестны. Другой из коптских папирусов — P. Bodmer VI — написан нестандартным коптским алфавитом на смешанном ахмимско-саидском диалекте [Kasser, 1960].

Однотетрадные кодексы. Однотетрадные кодексы, как уже упоминалось, не представляют собой определенной отдельной ступени в развитии формы кодекса — они существовали наряду с многотетрадными. Более древним типом их можно назвать в том смысле, что они не пережили V в.[16] и были вытеснены многотетрадными. Таким образом, «однотетрадность» кодекса — свидетельство его древности. Греческих однотетрадных кодексов дошло до нас мало [Bonner, 1934, с. 7—12, 22], даже меньше, чем коптских. Из коптских однотетрадных кодексов известны следующие:

1. Перевод Притчей на ахмимский диалект (см. выше). Почти квадратный кодекс: 14×12 см, 43 двойных листа, по 16 строк на странице, страницы нумерованы. Текст в одну колонку.

2. Евангелие от Иоанна на субахмимском диалекте (см. выше): 25×12,5 см, 37—39 строк на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

3. Евангелие от Иоанна на файюмском диалекте (первая половина IV в.) [Husselman, 1962]: 18,5×12 см, 15—20 строк на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

4. Апокрифические деяния апостола Павла на субахмимском диалекте (III—IV вв.) [Schmidt, 1904]: 27,5×18,5 см, в среднем 25 строк на странице, текст в одну колонку.

5. Первое послание Климента Римского на ахмимском диалекте (вторая половина IV в.) [Schmidt, 1908]: 25×12 см, ок. 30 строк на странице, текст в одну колонку.

6. Сборник гностических сочинений на саидском диалекте с примесью субахмимского (IV в.) [Till — Schenke, 1972]: 13,5×10 см, 17—24 строки на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

---

[16] Единственный более поздний пример — греческий однотетрадный кодекс 716 г. [см.: Sanders — Schmidt, 1927, с. 8, примеч. 1]; однако это не литературный текст, а документ (налоговый реестр).

7. Апокрифическое послание апостолов на ахмимском диалекте (IV в.) [Schmidt, 1919]: 15×14 см, 14—15 строк на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

Кодексы, найденные у Наг-Хаммади, все однотетрадные. Два из них — двойные [17]. В среднем высота кодексов вдвое превышает ширину, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

В некоторых случаях о находках ранних коптских папирусов нельзя сказать, были ли это однотетрадные или многотетрадные кодексы, поскольку сохранились лишь отдельные листы и фрагменты листов.

Примеры ранних многотетрадных коптских папирусных кодексов.

1. Второзаконие, Иона и Деяния на саидском диалекте (первая половина IV в.) [Budge, 1912]: 28×9—10 см. Своя пагинация для каждого из входящих в кодекс сочинений. Текст в одну колонку. Большинство тетрадей из 8 листов (кватернионы), но есть и по 6 листов (терпионы), одна — 4 листа (бинион). Нумерация тетрадей не сохранилась.

2. Притчи на диалекте, среднем между саидским и ахмимским (IV в.) (P. Bodmer VI: [Kasser, 1960]): 14,5×12 см. Текст в одну колонку, 9 тетрадей: 7 кватернионов, 1 квинтернион, 1 терпион. Первая страница каждой тетради нумерована. Диалект кодекса, еще нестандартный коптский алфавит, наличие некоторых необычных букв говорят в пользу древности текста; он должен был бы относиться к III в., но по начертаниям букв его относят к IV в. Если согласиться с такой датировкой, приходится предположить, что это список с более древнего текста.

3. Евангелие от Иоанна и начало Книги Бытия на бохайрском диалекте (см. выше): 23, 25×16,5 см. Текст в одну колонку. Пагинация своя у каждого из входящих в кодекс сочинений. Состоит из терпионов.

4. Десять глав Второзакония на саидском диалекте (IV в.) (P. Bodmer XVIII: [Kasser, 1962]): 14,5×14 см. Текст в одну колонку. Пагинация сплошная, помимо этого тетради нумерованы вверху справа на первой странице каждой, над номером страницы.

5. Деяния апостолов на саидском диалекте (IV в.) [Hintze—Schenke, 1970]: 26×12 см. Текст в одну колонку. Пагинация не сохранилась.

---

[17] Однако это не многотетрадные кодексы, т. е. они не состоят из тетрадей (кватернионов, терпионов и пр.), а объединяют два однотетрадных кодекса по нескольку десятков листов каждый.

В начале 1930-х годов в Файюме у Мадинет-Мади были найдены папирусные кодексы с манихейскими сочинениями на субахмимском диалекте [Allberry — Ibscher, 1938; Böhlig — Ibscher, 1939; Polotsky — Ibscher, 1934], датируемые концом IV—началом V в. (см. выше). Это многотетрадные кодексы, состоящие из тернионов, форматом 27×17,5 см и 31,5×18 см. Тетради нумерованы. В одном кодексе («Кефалайа») сохранилась пагинация (сплошная). Текст в одну колонку.

Примеры ранних пергаменных кодексов. Мы рассматриваем пергаменные кодексы отдельно от папирусных по той причине, что они отличаются некоторыми свойственными им особенностями, о которых будет сказано ниже

1. Из пергаменных коптских кодексов наиболее ранним является кодекс, содержащий перевод греческого гностического сочинения «Пистис София» («Вера—мудрость») [Schmidt, 1925], написанный в конце III—начале IV в. Он состоит из 23 тетрадей: первая — тернион, последняя — бинион, все остальные — кватернионы. Рукопись написана двумя почерками, причем первый из переписчиков ставил номера страниц только на лицевой стороне, второй — и на лицевой, и на оборотной стороне. Текст написан в две колонки, формат листов — 21××16,5 см.

2. Евангелие от Матфея и Послание к Римлянам на саидском диалекте (IV—V вв.). (P. Bodmer, XIX: [Kasser, 1962]): 15,5×12,5 см, пагинация сплошная, текст в две колонки. Сохранились 1 бинион и 6 кватернионов.

3. Ахмимский перевод Малых Пророков (V в.) [Till, 1927]: 12×10 см. Текст в одну колонку. Начало и конец написаны одним писцом, середина — другим. Первоначально кодекс состоял из 23 тетрадей (1 тернион и 22 кватерниона). Тетради нумерованы на первом и последнем листах вверху у внутреннего поля, а страницы — вверху у наружного поля.

4. Евангелие от Луки и от Марка на саидском диалекте (первая половина V в.) [Quecke, 1972; Quecke, 1977]: 20×16,5 см. Первая часть (Евангелие от Луки) состоит из 12 тетрадей (11 кватернионов и 1 тернион), вторая часть — из 8 тетрадей (кватернионов). Текст в две колонки, пагинация сплошная, своя в каждой части.

Основные характеристики ранних кодексов. Говоря о ранних греческих кодексах, Шубарт отмечал, что для них характерны форматы с соотношением высоты к ширине примерно 1 : 1, 2 : 1, 3 : 1, 3 : 2 и 5 : 4 [Schubart, 1961, с. 131]. Критикуя Шубарта, Тёрнер [Turner, 1974] сделал весьма справедливое замечание о том, что следует рассматривать папирусные и пергаменные кодексы отдельно.

Он указывал, что во II—III вв. папирусные кодексы были преимущественно большого формата, часто с соотношением 2 : 1 и 3 : 1, хотя встречались и квадратные; пергаменные же кодексы были небольшого размера, а большие появились не ранее IV в. Что же показывает нам коптский материал?

Коптские кодексы по V в. включительно отличаются рядом особенностей, которые заставляют рассматривать эту эпоху как раннюю ступень в истории развития формы кодекса. Только к этой эпохе относятся однотетрадные кодексы. Более того, на наш взгляд, они не могут быть датированы позже IV в. Важным фактом является то, что известные нам однотетрадные кодексы — все папирусные и переплеты у них — только кожаные, не деревянные (см. ниже). Поскольку такая форма кодекса ограничивала его объем, количество двойных листов не могло превышать полусотни (что давало 200 страниц): чем больше была толщина пачки листов, которую надо было сложить вдвое, тем с большим трудом она сгибалась и тем большее напряжение испытывал корешок.

В отношении формата эти кодексы не отличались от многотетрадных. Мы встречаем среди ранних папирусных кодексов и квадратные, с длиной стороны в пределах 10—15 см, и имеющие форму двойного квадрата, т. е. с отношением высоты к ширине 2 : 1, с высотой около 30 см. Оба формата, имеющие в основе квадрат, характерны именно для ранних кодексов. Это вовсе не значит, что форматы такого типа преобладали тогда; мы встречаем в эту эпоху и иные соотношения высоты и ширины (5 : 4, 4 : 3, 3 : 2, 5 : 3, 7 : 4, 7 : 3). Важно то, что указанные форматы присущи только ранним рукописям и являются признаком, свидетельствующим о древности. Появление их было обусловлено свойствами папируса как материала. Как уже упоминалось, при частом пользовании папирусной книгой края листов повреждались, и, чтобы повреждение не затронуло текст, поля должны были быть широкими, что и породило квадратную форму листа. Чтобы поместить на странице больше текста, квадрат удваивался или даже утраивался.

Тем же обстоятельством обусловлена и другая характерная для ранних папирусных кодексов черта: текст на них писался в одну колонку. На эту особенность не обращали внимания, хотя у Кале в комментарии к составленному им списку ранних коптских рукописей указывается, что в них текст написан в одну колонку [Kahle, 1954, т. 1, с. 277—278]. Он считает, что вообще манера письма в две колонки родилась на севере Египта и получила распространение после V в. Однако на самом деле причина — в материале. Даже самые ранние пергаменные кодексы могли писаться в две колонки, как упомянутая «Пистис

София» (конец III—начало IV в.). У самого Кале в списке ранних рукописей большинство пергаменных несет текст в две колонки. В издании «папируса Бодмер XIX», который в действительности представляет собой пергаменный кодекс, издатель указывает, что это единственный из всех папирусов Бодмера, написанный в две колонки ([Kasser, 1962, с. 17]; другой пергаменный кодекс — P. Bodmer XXII — написан в одну колонку), подобно кодексу Кросби, хранящемуся в университете Миссисипи, который того же происхождения, что и папирусы Бодмера. Но это вполне понятно, потому что это пергаменный кодекс. Пергамен, как материал более гибкий и прочный, позволял делать поля более узкими, и текст мог писаться в две колонки, хотя нередко встречается и одна колонка. Размеры пергаменных кодексов небольшие, форматы обычно квадратные или близкие к ним (5 : 4).

Особенностью ранних кодексов является также отсутствие инициалов и почти полное отсутствие иллюминации (что характеризует отношение к книге в ту эпоху, см. ниже).

Шестой век знаменует собой наступление нового этапа в истории формы коптской книги. Исчезают однотетрадные кодексы, появляется письмо в две колонки на папирусе, рукописи начинают украшаться. В VII в. исчезают деревянные переплеты.

•

ОФОРМЛЕНИЕ КОПТСКОЙ КНИГИ

Иллюминация. В исследовании о византийском книжном орнаменте Франц [Frantz, 1934, с. 69] делит его историю на следующие периоды: ранний (VI—IX вв.), переходный (X в.), расцвет (XI—XII вв.), упадок (XIII—XIV вв.). Периодизация коптской книжной иллюминации близка к указанной, хотя все же отличается от нее. Древнейшие коптские рукописи (III—V вв.) были почти лишены украшений. То, что можно отнести к таковым в этих книгах, служит цели разделения текста (корониды, диплы, обелы, самые простые концовки и заставки). Единственным украшением иного назначения был crux ansata, который употреблялся в апотропеических целях (т. е. для отвращения зла). Иллюминация в полном смысле слова начинается после V в. В ранний период, охватывающий VI—VIII вв., иллюминация сравнительно бедна. С IX в. наступает расцвет. После XIV в. украшения появляются реже, хотя упадком это назвать трудно, и даже в XVIII в. встречаются хорошие образцы. Что же касается коптской миниатюры, появившейся в VII в. (один уникальный случай —

в VI в., см. ниже), то лучшие ее образцы относятся к XIII—XIV вв.

Знаки, обозначающие разделы в тексте, — *корониду* (coronis), *диплу* (diple) и *обел* (obelus) — копты заимствовали у греков. Коронида напоминала греческую букву «дзета» (от нее произошел современный знак §), обел представлял линию с точкой вверху и внизу, дипла имела вид угла, обращенного вершиной вправо. Со временем эти знаки превратились в орнаментальные украшения графического и растительного характера. Точка, появившаяся в конце I тысячелетия, иногда оформлялась как цветок, плетеная розетка, лист. Crux ansata — крест с петлеобразной верхушкой (по происхождению — иероглиф *анх* «жизнь») встречается лишь в ранних рукописях; он ставился на полях, в конце или, богато орнаментированный, занимал отдельную страницу. С IX в. появляются орнаментированные изображения четырехконечного креста.

Концовки имели в древнейших книгах примитивный характер, как, например, в рукописях из Наг-Хаммади, где они представляли комбинацию коронид, дипл и обелов. В концовках преобладал геометрический стиль; чаще это было сочетание прямых и волнистых линий, точек и уголков. Нередко их узор принимал форму треугольников, обращенных вершинами вниз. Плетеный орнамент, очень распространенный у коптов, использовался и для оформления концовок. Иногда концовка становилась самостоятельным рисунком, например в виде декорированной вазы.

Главное место в коптской книжной иллюминации занимает маргинальный орнамент. Это целый декоративный комплекс, истоком которого была коронида. Она украшалась спиралями, растительным узором, иногда с орнитоморфными элементами. Главными составляющими маргинального орнамента [Jansma, 1973] были спирали, бутоны, цветки, аканты, пальметки, виноградные грозди. Иногда растительный орнамент переплетался с орнитоморфным.

С VI в. появляются инициалы на полях, сначала просто в виде букв большого размера, без украшений. Впоследствии они сопровождаются украшениями геометрического типа, а затем возникают и буквицы растительного и зооморфного (даже антропоморфного) характера. В маргинальном орнаменте участвовали иногда и строчные буквы — концы их вытягивались на поле и даже могли оканчиваться цветками.

Орнитоморфный орнамент — наиболее распространенный после геометрического и растительного в коптских книгах. Реже встречается зооморфный, еще реже — антропоморфный и предметный. Копты особенно любили изображать голубей,

один из главных религиозных символов. Животных изображали самых разнообразных — зайцев, собак, коз, газелей, львов, тельцов, фантастических животных. Животные, как и птицы, могли соединяться с орнаментальной вязью и инициалами. Предметный орнамент — это преимущественно изображения ваз и кубков (символ крещения).

Ранним коптским книгам была свойственна манера, перенятая у греков, помещать заголовок в конце, что, в свою очередь, было связано с формой книги как свитка. В ранних греческих кодексах заголовок по традиции помещался в колофоне вместе со стихометрическими данными. Однако форма кодекса требовала помещения заголовка вначале, и наряду с колофоном название, хотя и в краткой форме, помещалось впереди. Уже с 400 г. титул прочно завоевал место в начале кодекса. В древних коптских кодексах заголовок книги и ее разделов помещался в конце, и соответственно оформление концовки возникло раньше, чем заставки. Но так как расцвет иллюминации относится к сравнительно позднему времени, спустя несколько веков после того, как заголовок занял место в начале, в целом наибольшей роскошью отличается оформление титула и заставки. Наряду с маргинальным орнаментом это основная декоративная часть коптских рукописей. Главным типом заставок была плетеная узорная рамка. С XIII в. в узор рамки проникают элементы мусульманского стиля (завитки растительного типа). В новое время, в XVII—XIX вв., в оформлении титула преобладают элементы европейского стиля. Создаются заставки типа арабесок и с цветочным узором.

Миниатюра появляется в коптских рукописях с VII в., сначала на деревянных переплетах или на пергамене, наклеенном на внешней или внутренней стороне переплета.

Расцвет коптской миниатюры начинается с IX в. Леруа указывает [Leroy, 1974, с. 197—198], что 1000 г. делит историю ее на два периода. Для первого характерны статические, изолированные изображения типа икон, для второго — живые сценки, в основном иллюстрации к Новому завету. К этому необходимо прибавить, что изображения первого типа продолжают существовать в течение всей истории коптской книги. В рукописи второй половины XVII в. [Leroy, 1974, табл. 109, 2; Cramer, 1964, с. 82, рис. 89] коптский художник, владеющий европейской манерой письма, старался подражать древним образцам.

В коптской книжной иллюминации миниатюра занимает небольшой удельный вес и главное место принадлежит орнаменту. В этой области коптская книжная иллюминация оказала весьма значительное влияние на оформление европейской (см., например, [Paulsen, 1952]) и восточной книги.

Художники. Художниками, иллюстрировавшими коптские рукописные книги, были сами переписчики книг. Коптская книжная иллюминация была неразрывно связана с текстом, и в орнаментальный комплекс входили не только инициалы, но и строчные буквы. Иллюстрации на отдельных страницах тоже рисовались переписчиками. Во всех случаях, когда художник подписывал нарисованную им миниатюру, это было имя переписчика данной книги. Так, например, в книге, которую переписал в 862 г. «каллиграф св. монастыря Каламуна» Захария, он нарисовал фронтиспис с изображением креста из плетенки [Hyvernat, 1922, т. 29, табл. 61 и 62]. Подобные рисунки сделаны и переписчиком Гавриилом в двух дошедших до нас рукописях [Hyvernat, 1922, т. 49, табл. 42; ср.: Munier, 1918, с. 279, и Hyvernat, 1922, т. 51, табл. 43]. Апа Исаак в переписанной им книге изобразил целую картину: кормящая богоматерь на троне, по обеим сторонам которого стоят ангелы [Hyvernat, 1922, т. 20, табл. 2; Leroy, 1974, табл. 31]. Переписчик диакон Диоскор нарисовал миниатюру, представляющую св. Птолемея верхом на коне [Hyvernat, 1922, т. 32, табл. 4; Leroy, 1974, табл. 37].

Переплет. Роль переплета античной книги-свитка играла обертка из пергамена или кожи, окрашенная пурпуром или шафраном. Особо ценные свитки хранились в деревянных или каменных ларцах, каждый в отдельности. Для нескольких свитков существовал деревянный или металлический футляр цилиндрической формы, с крышкой и ручкой для ношения (вроде ведра), в котором они размещались стоймя.

О ранних переплетенных кодексах мы находим упоминание у Марциала, который советовал предохранять папирус от разлохмачивания при трении о тогу, защищая его еловыми дощечками (Эпиграммы, XIV, 84). Самые древние из дошедших до нас переплетов — коптские конца III—начала IV в. Переплеты более ранних кодексов (древнейший дошедший до нас кодекс — греческий, первая половина II в.) не сохранились.

Коптские переплеты делятся на два основных типа: деревянные и кожаные. Деревянные могут быть частично или полностью покрыты кожей; под кожаными переплетами мы имеем в виду или чисто кожаные, или кожаные на картонажной (папирусной) основе. Прототипом деревянного переплета (как и прототипом кодекса, см. выше) были деревянные дощечки, скрепленные металлическими кольцами или нитями, с углубленной центральной частью (покрываемой воском) и выпуклыми краями.

В эволюции деревянного переплета Режморте [Regemorter, 1955] устанавливает три стадии: примитивный, чисто деревян-

ный переплет; полупереплет, т. е. частично покрытый кожей; настоящий, покрытый кожей полностью. Примером примитивного переплета может служить переплет из сикоморы в библиотеке А. Честер Битти (Coptic Codex № 11). Текст кодекса не сохранился. Размеры крышек — 9,6×8,6×1 см. С внутренней стороны они имеют углубление глубиной 5 мм, причем края выступают в виде бортов шириной 1,4 см. Это углубление — дань традиции: если в деревянных табличках оно предназначалось для покрытия его воском, то в переплете оно теряет смысл. В каждой из крышек — по два отверстия, через которые проходили ремешки, прикреплявшие корпус кодекса к переплету. Другой примитивный переплет (Coptic Codex № 12) имеет еще маленькое отверстие у внешнего угла крышки — как полагает Режморте, для подвешивания кодекса к поясу или запястью. По-видимому, однако, это отверстие для прикрепления закладки (ср. ниже). На деревянном переплете из той же коллекции (Coptic Codex № 9) на внешней стороне имеется грубо вырезанный орнамент в виде сетки из квадратов, внутри которых — тройные концентрические окружности. Края крышек с трех открытых сторон закруглены и покрыты резьбой, имитирующей кожу.

В той же коллекции есть и ряд полупереплетов. Углубление на внутренней стороне крышки уже отсутствует, а на внешней поверхности параллельно корешку вырезан желоб, в который входили края приклеенного кожаного корешка. Эти переплеты — от роскошных изданий. Первый (Coptic Codex № 1) украшен инкрустацией из слоновой кости в виде полос с гирляндой из лавров. В центре переплета было панно, которое до нас не дошло. Другой переплет (Coptic Codex № 2) также украшен инкрустацией из слоновой кости, но не так роскошен, как первый. Третий (Coptic Codex № 3) украшен иным образом. Кожаный корешок, доходящий до трети ширины крышки (край его также вклеен в желоб), покрыт резным узором геометрического типа с листом трилистника в середине. Этот резной узор — на позолоченной основе. По остаткам позолоты нельзя сказать определенно, была ли это краска или наклеенная фольга, но исследовавший этот переплет Режморте склоняется в пользу первого предположения.

Большой интерес представляет переплет пергаменного кодекса IV—V вв., известного как «папирус Бодмер XIX», содержащего Евангелие от Матфея и Послание к Римлянам [Kasser, 1962, с. 14—16]. Это тоже полупереплет — деревянный переплет с кожаным корешком. Основа его — две деревянные дощечки размером 17,5×14 см и толщиной от 0,7 до 0,9 см. Кодекс, в первоначальном виде состоявший из 20 кватернионов,

прошивался четырьмя ремешками, проходящими через каналы в деревянных крышках и приклеенными к внутренней стороне крышек. К переднему краю лицевой крышки были приделаны (также через каналы) два ремешка для скрепления кодекса в закрытом виде. Очевидно, такие же ремешки были и на задней крышке. Наружные плоскости переплета были украшены инкрустацией; сохранились только углубления, в которые должны были быть вставлены украшения: на лицевой крышке — греческий крест, на задней — египетский (crux ansata), а по углам — четыре прямоугольных уголка.

В сезон 1924—1925 гг. поблизости от Саккара был найден глиняный кувшин с пятью пергаменными кодексами XII в. Три из них (А, В, С) были приобретены А. Честер Битти, два (D, Е) — Ф. В. Келси. Переплет четырех из них довольно хорошо сохранился. Первый кодекс, А (Послания Павла и Евангелие от Иоанна), состоит из 26 тетрадей (23 — из 8 листов, одна — из 7, одна — из 6 и одна — из 4). Переплет с крышками из кедра, размером 15×12×1 см и весом более 300 г, покрыт темно-коричневой козьей кожей. Корешок украшен тиснеными узорами с изображениями животных в квадратах и кругах. В переднем крае верхней крышки просверлено семь отверстий. Длинная полоса кожи, дважды обертывавшая книгу, разрезана с одного конца на семь полосок в виде бахромы, которые привязаны к этим отверстиям. Другая, более тонкая полоса прикрепляется к пяти отверстиям и обертывает книгу в перпендикулярном первой направлении. Обе полосы заканчиваются резными костяными пластинками, которые подсовываются под край обертывающей книгу полосы, таким образом удерживая ее. К верхнему правому углу прикреплена такая же пластинка на тонком ремешке, выполняющая роль закладки [Lamacraft, 1939). Совершенно аналогичные (разница в деталях) переплеты и у двух других кодексов (В, D). Кодексы С и Е имели кожаные переплеты.

От первой половины VII в. до нас дошел интересный образец деревянного переплета с не покрытыми кожей крышками и только с кожаным корешком. Он свидетельствует о том, что тип полупереплета продолжал существовать наряду с полностью покрытыми кожей деревянными переплетами. Это кодекс из Мичиганского университета, содержащий Четвероевангелие [Hobson, 1938; Morey, 1912; Morey, 1914] (сама рукопись — IV в.). Вдоль заднего края крышек просверлено 26 отверстий, через которые кодекс соединяется ремешками с крышками переплета. Вдоль внешнего края верхней крышки также просверлены отверстия, к которым должна была прикрепляться, как у только что упомянутых кодексов А, В и D, кожаная лента,

опоясывающая книгу. Деревянная крышка покрыта сплошь краской, и по этому фону нарисованы, по-видимому тростниковой кистью, фигуры четырех евангелистов.

Прежде чем перейти к описанию кожаных переплетов, следует отметить специфику того и другого типа. Деревянные переплеты употреблялись только для многотетрадных кодексов. Как уже указывалось, однотетрадные, представляющие собой согнутую пополам пачку листов, имели тенденцию раскрываться, и эта тенденция усиливалась при увеличении толщины пачки. Пределом для однотетрадного кодекса было 50 двойных листов. Плотно охватить закругленный корешок такого кодекса мог только гибкий кожаный переплет. Все сохранившиеся переплеты однотетрадных кодексов — кожаные [18].

Благодаря находке у Наг-Хаммади (см. выше) мы располагаем коллекцией прекрасно сохранившихся кожаных переплетов (из козьей кожи), детальное описание которых дал Ж. Доресс [Doresse, 1961]. Это однотетрадные кодексы, которые датируют концом III—IV в. Кодексы эти прошивались по сгибу двумя ремешками через четыре отверстия (два вверху и два внизу). Изнутри в месте сшива подкладывался кусочек кожи, а снаружи сгиб покрывался кожаной полосой. Концы ремешков завязывались снаружи, и полоса приклеивалась к корешку, так что концы ремешков оказывались скрытыми внутри, между этой полосой и корешком. К кожаным переплетам прикреплялись завязки. Верхняя крышка могла иметь треугольный или прямоугольный язык, который заворачивался вокруг обреза на заднюю крышку, и пришитый к ней ремешок два-три раза обертывался вокруг книги. Кроме того, к каждой крышке пришивалось по четыре коротких ремешка, которые завязывались: два — у головной и нижней части переплета, два — у передней. У некоторых переплетов были еще верхние и нижние отвороты, загибавшиеся внутрь, как у наших папок для бумаг.

Подобный же переплет сохранился и у однотетрадного берлинского кодекса, содержащего Притчи (см. выше), с той разницей, что отворотов он не имеет, но завязывается ремешками, по четыре на каждой крышке [19]. Примерно к тому же времени относится переплет папирусного кодекса первой половины IV в., содержащего ряд книг Ветхого и Нового завета на саид-

---

[18] Потому из двух реставраций деревянного кайруанского переплета № 5 [Petersen, 1954, с. 42—43], предлагаемых Гайяром и Марсэ, только вторая представляется правдоподобной.

[19] Издание кодекса в натуральную величину, с полной имитацией его внешнего вида: [Böhlig, 1963].

ском диалекте [Budge, 1912]. Кодекс состоял из кватернионов и первоначально должен был иметь формат примерно 32×16 см, т. е. типа двойного квадрата. В издании нет ни рисунков, ни подробного описания переплета; сообщается только, что переплет на картонной папирусной основе, покрыт тонкой лакированной кожей козленка, а корешок представляет собой ленту толстой темно-красной кожи, подбитую двумя-тремя слоями папируса.

Ранние кожаные переплеты имели мало украшений. Некоторые декорировались тисненым геометрическим узором. Так, например, кодекс II из Наг-Хаммади на лицевой крышке переплета имеет тисненый узор в виде двух косых и соединяющего их прямого креста, состоящих из тройных линий, а на задней крышке — косой крест из трех тройных линий. Две наружные борозды каждой тройной линии прочерчены еще чернилами. Край передней крышки и пространство между тройными линиями на задней крышке украшены рисованными узорами в виде завитков. Переплет кодекса, содержащего Притчи, украшен также тисненым узором из тройных линий в виде квадратов и диагоналей, образующих прямые и косые кресты, причем в центре получается восьмиугольная звезда с восьмилепестковым цветком.

Среди вышеупомянутых пяти кодексов VI в. два, С и Е, имели кожаные переплеты на папирусной основе. Кодекс Е находился на дне кувшина и дошел до нас в плохом состоянии, так как пострадал от влажности. Кодекс С состоит из 160 пергаменных листов (20 кватернионов) и имеет формат 9,6×8,5 см. Толщина переплета из козьей кожи на папирусной основе составляет 6 мм. Вдоль переднего края верхней крышки расположены пять отверстий, по-видимому, для прикрепления полосы кожи, которая обертывала книгу, а в правом верхнем углу — отверстие для прикрепления закладки. Плоскость этой крышки украшена рисунком, выполненным чернилами, — тонким красивым плетеным орнаментом с крестом в середине. Такой же плетенкой разрисован и корешок.

В 1896 г. в развалинах церкви одного древнего монастыря в Верхнем Египте феллахи нашли в песке каменный сундук, в котором лежали завернутые в полотно и целую козью кожу и перевязанные ремнями два папирусных тома в толстых переплетах из кожи на папирусной основе. Это были Псалтирь и сборник гомилий, написанные в VII в. на саидском диалекте [Budge, 1898; Budge, 1910; ср.: Cockerell, 1932, с. 7—11]. Их издатель Бадж, а также Крам, описавший Псалтирь [Crum, 1905, с. 9, № 940], полагали, что переплеты этих книг более поздние, IX—X вв. Коккерель, исследовавший переплеты,

склоняется к мнению, что они оригинальны, в частности, на том основании, что орнамент, нанесенный чернилами на обрезе Псалтири, мог быть сделан только при первичном переплетении [Cockerell, 1932, с. 9]. Его мнение разделяет Петерсен [Petersen, 1954, с. 59]. Здесь был использован интересный метод двойного переплета. Крышки были из двух листов папирусного картона. Корпус кодекса прикреплялся ремешками к картонной крышке, причем концы их завязывались с ее внутренней стороны. Затем весь переплет покрыли кожей (козья кожа красно-коричневого цвета), подвернув ее края под передние края картонных крышек (подобно нашей суперобложке), после чего с внутренней стороны наклеили вторые картонные крышки, окантованные полоской кожи другого цвета, чем переплет. Эти вторые, внутренние крышки закрыли собой концы ремешков у корешка и края подвернутого кожаного переплета спереди. Затем корешок был покрыт для прочности еще слоем кожи. Сквозь кожу переплета и внешний лист картона через прорезь проходили семь ремней на каждой крышке — по два у верхнего и нижнего края, три — у переднего. Концы их были спрятаны между обоими листами картона; на первой крышке к ним прикреплялись кольца, в которые входили ремни второй крышки, закрепляя кодекс в закрытом виде. На переплете был красивый тисненый узор с восьмиугольной звездой из переплетенных полос с восьмиконечным крестом в центре.

Кодекс, содержащий гомилии, имел кожаный переплет на папирусной основе толщиной 1 см и форматом 32×23,5 см. На нем был вытиснен узор из переплетенных под прямым углом, наклоненных под углом 45° полос, в промежутках между которыми были изображены животные в кружках, в центре — голуби, по краям — виноградные грозди.

Во время раскопок на территории монастыря архангела Михаила близ Харабет-Хамули в западной части Файюма была найдена целая библиотека хорошо сохранившихся пергаменных книг VIII—X вв. В 1910—1911 гг. Пирпонт Морган купил 52 тома (фотографическое издание — [Hyvernat, 1922]), из которых 35 были в переплетах. Все переплеты — кожаные на папирусной основе с красивыми тиснеными узорами. 17 из них — резные: 5 на основе позолоченного, 12 на основе цветного пергамена [Cockerell, 1932, с. 6]. Узоры на переплетах разнообразны, нет даже двух тождественных, но, несмотря на это, видно, что они — продукт одной школы переплетного мастерства. Почти все имеют центральное панно и окружающую его орнаментальную рамку, главным элементом которой являются прямые линии [Ibscher, 1928].

В эволюции кожаного переплета мы опять-таки встречаем VI в. как переходную эпоху, отделяющую ранний этап развития от следующего. Узоры ранних переплетов несложны, и часто даже их рисунок неправилен. Начиная с VI—VII вв. узоры усложняются, делаются богатыми, появляются прорезные узоры на золотом и цветном фоне [20]. Деревянные переплеты выходят из употребления (они встречаются до первой половины VII в.).

В конце I тысячелетия появляются переплеты из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями, а также драгоценные ларцы для хранения таких книг. В Житии Иоанна Монаха (рукопись 1003 г.) рассказывается о золотом Евангелии. Иоанн просил родителей заказать для него Евангелие. Мать его сказала своему мужу: «„Мой господин-брат, изготовь Евангелие золотое нашему сыну Иоанну — не только напиши его весьма красиво, но сделай хороший переплет с камнями большой ценности. . .“ Тотчас же его отец отдал приказ, (и) принесли ему 500 олокоттинов (больше 1100 г золота), а также ценные камни, и он дал их золотых дел мастеру, (и) тот изготовил ему переплет Евангелия, которое написали» [Budge, 1914, с. 186].

В Коптском музее в Старом Каире хранится серебряный футляр с надписью на арабском языке, из которой явствует, что он был изготовлен в 1403 г. для Евангелия от Иоанна для церкви святых мучеников Сергия и Бахуса мастером Менасом [Cramer, 1959, с. 86]. В коптских церквах Евангелие обычно помещается в серебряном футляре. А. Рафалович, путешествовавший по Египту в середине XIX в., описывая свадебный обряд в коптской церкви, отмечал, что в центре на столе лежало «Евангелие на кобтском языке в серебряном футляре» [Рафалович, 1850, с. 98].

Коптское переплетное искусство оказало большое влияние на переплетное дело и в Европе, и на Востоке. Приведем несколько примеров.

Деревянный переплет, обшитый кожей, сделанный по тому же образцу, что и коптские, известен в Англии еще с VII в. Древнейший сохранившийся там переплет — на Евангелии от Иоанна, принадлежавшем св. Кутберту (ум. в 687 г.). Деревянные крышки переплета покрыты козьей кожей, окрашенной в красный цвет (именно такой кожей, какая употреблялась в Египте для переплетов), — явно не местная продукция, а предмет импорта с Востока [Cockerell, 1932, с. 3]. Необычное

---

[20] Что касается деревянных переплетов, то подобные украшения уже известны для самых ранних из них (см. выше) — такие прорезные узоры делались на кожаных корешках.

для мусульманской техники переплета украшение — инкрустация из кости — на переплете одной исламской книги, хранящейся в Берлине, очевидно, объясняется также влиянием коптской переплетной техники [Hobson, 1938, с. 207; Regemorter, 1955, с. 10]. Иранцы переняли у коптов (по-видимому, через манихеев) способ украшать переплет прорезными узорами на золотом и цветном фоне. Известна такая техника в средневековой Германии и во Франции во времена Генриха II [Hobson, 1938, с. 210]. Исследуя кайруанские переплеты IX—X вв., Петерсен выявляет множество черт раннеисламской переплетной техники, имеющих связь с коптской или заимствованной у коптов, — способ сшивания тетрадей, узор, форма переплета и пр. [Petersen, 1954]. Некоторые коптские резные переплеты, например переплет книги VIII—IX вв. в Венской Национальной библиотеке и переплет книги MS Morgan 569, украшены помимо прорезных узоров еще и вышивкой. Таким же методом украшен переплет персидской книги XV в. [Cockerell, 1932, с. 12]. Типичная для немецкой и английской книги XV в. схема расположения узоров на переплете имеет прообразом коптскую манеру [Cockerell, 1932, с. 12; Paulsen, 1952].

КНИЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Производство греческих книг в Египте было неразрывно связано с существованием больших скрипториев, где писцы под началом протокаллиграфа занимались копированием книг. Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» (6, 23, 2) сообщает, что у Оригена был скрипторий, где работали скорописцы (*тахиграфы*), своего рода стенографы, которые должны были быстро скопировать нужную книгу, которая затем переписывалась набело обычными переписчиками (*библографы*); для переписки особенно красивым почерком были в скриптории специально обученные писцы-девушки (*коры*). Большой скрипторий был и у одного из крупнейших византийских церковных деятелей и писателей — Феодора Студита (VIII—IX вв.).

Среди коптских письменных свидетельств мы находим упоминание о «доме каллиграфов», по-видимому не монастырском скриптории. В рукописи Парижской Национальной библиотеки (Copte 129 [16]), написанной в 995—996 гг. [Lantschoot, 1929, с. 147—148, № LXXXVI], есть приписка читателя, некоего «ничтожного ди[акона?]», который переселился в «дом каллиграфов» из дома какого-то Каллиника. Едва ли так мог писать о себе монах, живущий в монастыре.

Коптские монастыри были центрами производства книг. Книги переписывались там монахами не только и не столько для самих монастырских библиотек, сколько по частным заказам, и уже в их числе по заказам лиц, желавших преподнести книгу в дар монастырю. Известны также примеры, когда отшельники зарабатывали себе на жизнь перепиской. Епифаний рассказывает об отшельнике Лукиане, который, занимаясь перепиской, мог еще, при своем аскетическом образе жизни, помогать бедным, и об отшельнике Иеракасе, дожившем до 90 лет и до последнего дня занимавшемся перепиской [Koenen, 1974, с. 348]. В одном коптском письме некий Суа (см. ниже) адресуется к переписчику, «ученому и отшельнику». В греческом письме, которое датируют V—VI вв., некий Дионисий просит апу Гонория скопировать ему на пергамене книгу, оригинал которой он ему предоставит. Издатель этого документа Кёнен полагает, что Гонорий был отшельником, но в документе нет данных в пользу этого предположения. Напротив, поскольку заказчик просит Гонория прийти к нему, чтобы условиться о заказе, то скорее всего это духовное лицо (что видно из титула «апа»), служащее в том же городе при какой-либо церкви (среди коптов известно много таких переписчиков); отшельник или монах монастыря вряд ли стал бы ходить по заказчикам.

В монастырях книги переписывались в библиотеках (которые находились в *касре*, см. ниже). Исследователь монастырей в Вади-Натрун Эвелин Уайт в работе, посвященной монастырю св. Макария, пишет: «Ничего подобного скрипторию в Западном монастыре как будто не существовало. Копирование производилось в „общей комнате“ — может быть, в самой библиотеке, или в большом зале, который есть в касрах всех монастырей» [White, 1926, с. XLV]. В колофоне одной рукописи (см. ниже) библиотека монастыря именуется «библиотекой писания» (употреблено коптское слово, обозначающее процесс писания), что в данном случае прямо указывает на самое библиотеку как на скрипторий. Именно в этой библиотеке монахи-писцы учились у ученого монаха-наставника. В другой рукописи, содержащей сборник поучений Шенуте (см. ниже), в колофоне указывается, что переписана книга в «доме каллиграфов» монастыря, находившемся под началом архиерея апы Петра, а руководил работой переписчиков «ученый апа Пешате, главный чтец и архидиакон монастыря». Известно также, что монахи могли переписывать книги и в своих кельях [White, 1926, с. XXII; Palladius, Historia Lausiaca, VII, XXXVIII].

Переписчики книг. Благодаря записям в колофонах коптских рукописных книг можно составить представле-

ние о социальном положении их переписчиков. Это были, как правило, духовные лица. Они могли быть или монахами монастыря[21], или служащими при церквах, канцеляриях епископов и пр. Такие служащие были обычно профессиональными писцами, занимавшимися помимо своих основных обязанностей выполнением частных заказов. Они могли занимать разные должности, прежде всего, конечно, должность каллиграфа, как, например, Марк (или Меркурий), каллиграф какой-то церкви (IX в.) [Lantschoot, 1929, с. 56, № XXXIII; ср. с. 108—109, № LXIV], каллиграф Моисей (IX в.) [Lantschoot, 1929, с. 48, № XXVII], каллиграф Варфоломей (X в.) [Lantschoot, 1929, с. 152, № LXXXIX], каллиграф Христофор (X в.) [Lantschoot, 1929, с. 153—154, № XC].

Диакон Диоскор, каллиграф и чтец церкви св. Феодоры, написавший в середине IX в. Житие Пахома [Lantschoot, 1929, с. 4—5, № II], был сыном диакона Тимофея, каллиграфа и чтеца той же церкви. Переписчиками, выполнявшими заказы, могли быть и священники, как, например, священник Феодор (конец IX—начало X в.) [Lantschoot, 1929, с. 73—74, № XLVI], священник апа Исаак, написавший и иллюстрировавший вышеупомянутую рукопись MS Morgan 612. Он же переписал и другую рукопись [Lantschoot, 1929, с. 31—33, № XVI], в колофоне которой упомянул помимо себя и своих братьев, диакона Археллита и мирянина Иоанна. Перепиской книг могли заниматься и певчие, должность которых требовала грамотности. Певчие могли даже совмещать эту должность с должностью каллиграфа. Так, певчий Иоанн, брат диакона Мены, написал в 892/893 г. гомилии об архангелах Михаиле и Гаврииле [Lantschoot, 1929, с. 36—37, № XIX]. Георгий, который «дерзнул написать эту книгу» [Lantschoot, 1929, с. 169—170, № C] в 1035 г., был каллиграфом и певчим какой-то церкви. Чаще всего среди переписчиков встречаются диаконы (без указания должности), иногда — иподиаконы.

Искусство и профессия писца, что вполне естественно, часто переходили от отца к сыну. До нас дошли две рукописи, написанные диаконом Иосифом в 981 г. [Lantschoot, 1929, с. 184—187, № CVIII, CIX]. В одной из них сделана приписка по-гречески его сыном, а рукопись от 992 г. написана сыном, и Иосиф упоминается там как уже покойный архидиакон Иосиф [Lantschoot, 1929, с. 197—200, № CXIII]. Диакон Кирилл вместе со своим сыном апой Киром в середине IX в. написал ряд книг для монастыря архангела Михаила [Lantschoot, 1929, с. 16—17, № VIII и 20—21, № XI]. Диакон Гавриил со своим сыном

[21] О переписчиках-отшельниках в колофонах сведений не сохранилось.

Меркурием написал для того же монастыря проповедь Севера Антиохийского об архангеле Михаиле [Lantschoot, 1929, с. 71—72, № XLV]. В начале X в. диакон Моисей со своим братом иподиаконом Меной написал для этого монастыря Мартирий Феодора Восточного, Леонтия Араба и Паникирия Перса [Lantschoot, 1929, с. 74—76, № XLVII]. Выше упоминалось о диаконе Диоскоре, который был каллиграфом, как и его отец. В 862 г. для монастыря архангела Михаила было переписано Евангелие иподиаконом Василием из Тутона [Lantschoot, 1929, с. 22—24, № XII]. Почти 30 лет спустя другую книгу для этого же монастыря переписали тот же Василий, уже диакон, и его брат, диакон Петр [Lantschoot, 1929, с. 26—28, № XIV]. Книга с проповедями Кирилла Иерусалимского и Феофила Александрийского была переписана одним Петром [Lantschoot, 1929, с. 53—54, № XXXI]. В середине или в конце 890-х годов диакон Василий переписал книгу уже совместно со своим сыном Самуилом [Lantschoot, 1929, с. 41—42, № XXIII]. В 914 г., когда, очевидно, Василия уже не было в живых, книгу с проповедями Дмитрия Антиохийского о рождестве и рассуждение Кирилла Иерусалимского о житии св. Девы написали для монастыря св. Девы в Файюме три его сына — Самуил, Каламун и Стефан [Lantschoot, 1929, с. 78—79, № L]. И наконец, в 920-х годах книги для Белого монастыря переписывали уже только Каламун и Стефан [Lantschoot, 1929, с. 79—84, № LI и LII]. Подобных примеров можно было бы привести еще немало.

В колофонах мы постоянно встречаемся с переписчиками из Тутона (местность в Файюме), которые копируют книги для разных монастырей. Создается впечатление, что в IX—XI вв. это был крупный центр книжного производства, снабжавший своей продукцией Верхний и Средний Египет.

Среди каллиграфов монастырей тоже встречаются сыновья каллиграфов. Естественнее всего допустить, что сын каллиграфа уходит в монастырь и продолжает там профессию отца, но бывали случаи ухода в монастырь целых семей. Уже упомянутый выше Захария, перу которого принадлежат две дошедшие до нас рукописи, украшенные фронтисписами в виде крестов (см. выше), был священником, каллиграфом монастыря Каламуна, сыном каллиграфа Апаиула из Ираклеополя. Одну из этих рукописей (М 588) он написал вместе со своим братом, монахом того же монастыря. От XI в. до нас дошла рукопись, написанная Хаэлем (Михаилом), священником монастыря св. Девы в Карфуне, и его сыновьями Георгием и Гавриилом, священниками того же монастыря [Lantschoot, 1929, с. 114—115, № LXIX].

Среди переписчиков были и женщины. Сохранилось письмо на папирусе некоей Настасии епископу Писентию, в котором она просит епископа прислать ей свиток папируса, чтобы написать на нем какую-то заказанную ей епископом книгу [Rec. Champ., с. 494].

З а к а з ы н а к н и г и. Сохранился ряд писем (на папирусе и остракa), в которых идет речь о заказах на переписку книг.

Так, на одном остраконе — куске известняка — некий Суа Пекош [22] ([Ернштедт, 1959, с. 124—127, № 56]; ср. следующий раздел) пишет письмо «своему возлюбленному брату», «боголюбивому авве Павлу, ученому и отшельнику», о том, что у него попросили Житие Епифания, епископа Кипрского, и что, если он согласен переписать его, Суа уплатит ему деньги. Одновременно с письмом Суа посылает для переписки чистый папирус вместе с «листками исписанного папируса», прося посмотреть, годен ли последний к употреблению. П. В. Ернштедт, издавший этот документ, допускает возможность тождества этого «ученого и анахорета Павла» с «великим анахоретом Павлом», жившим в VII в., именем которого назван монастырь в Фивах. В этом же письме отправитель просит прислать ему для переписки сочинения Агафоника (епископа Тарсийского).

В письме на черепке отправитель, имя которого не сохранилось, просит «оказать ему милость и переписать Малых пророков и Судей» [Hall, 1905, с. 77, № 2, табл. 57, 2].

Феодосий, эконом [23] монастыря св. Мены, пишет диакону Пафнутию, который копировал по его заказу книгу для монастыря: «Если ты закончил книгу, пришли мне через Авраама диакона — я заплатил (уже) ее цену тебе, — поскольку она будет нужна мне во время великого поста. Будь же добр, поспеши и окончи ее побыстрей» [Crum, 1921, с. 58, № 217].

Один человек послал переписчику папирус, но еще не сообщил, какую книгу он хочет заказать, и переписчик торопит его: «Соблаговоли прислать мне (свое) решение относительно папируса, потому что, если ты хочешь, чтобы я написал какую-либо книгу на нем, либо приди, либо пришли мне (письмо), но не медли с (этим) делом, потому что это дело меня задерживает» [Crum — White, 1926, с. 93, № 387].

К н и ж н а я т о р г о в л я. Торговлю книгами нельзя резко противопоставить переписке книг по заказам. Конечно,

---

[22] Как полагал Ернштедт [Ернштедт, 1959, с. 195], это Суа, сын Пекоша.

[23] Экономы были обычно и библиотекарями и заботились о комплектовании библиотек (см. ниже).

уже готовые книги продавались и покупались, переходя из рук в руки (см. ниже), но переписка по заказам была фактически видом книжной торговли. Помимо этого переписчики книг, имея представление о том, на книги какого рода был спрос, могли в свободное время копировать какую-либо книгу заранее, чтобы продать ее, когда появится покупатель. Так, рукопись Евангелия от Иоанна была написана в 861/862 г. иподиаконом, имя которого не сохранилось и у которого впоследствии эта книга была куплена некоей дарительницей для вклада в монастырь архангела Михаила [Lantschoot, 1929, с. 22—24, № XII].

Когда в документе идет речь просто об уплате за книгу, неизвестно, продавалась ли готовая книга, или это была плата переписчику. Так, в одном письме отправитель требует уплаты за книгу: в не совсем понятном контексте встречаются слова «если вы мне не уплатите за книгу» [Crum — White, 1926, с. 75, № 286]. Магистрат Печош пишет «отцу пресвитеру»: «Наш святой отец Павел присылал по поводу книги, чтобы ты назначил цену нам. Теперь сделай милость, назначь цену на сегодня по справедливости и напиши (свое) решение мне, сколько она стоит, чтобы мы поладили с тобой» [Crum, 1921, с. 85, № 318].

Благодаря трем, а может быть, даже четырем остракa мы узнаем о торговом агенте, комиссионере по книжной торговле, некоем Суа. Выше было приведено его письмо к ученому и отшельнику авве Павлу, в котором он предлагает ему заказ на копирование Жития Епифания Кипрского и просит прислать труды Агафоника Тарсийского для переписки. В другом документе Суа выступает как посредник. Человек, имя которого не сохранилось, пишет пресвитеру Виктору: «Я оставил Псалтирь тебе, чтобы ты продал ее. С тех пор как я пришел на север, я встретил Петроне, пресвитера монастыря Тсенти. Он сказал мне: „Мне она нужна“. Будь добр, дай ее доверенному лицу Суа, поскольку брата Исидора, диакона, я послал к пресвитеру Петроне, чтобы он дал ее цену мне» [Crum, 1902, с. 45, № 248]. В письме самого Суа тому же Виктору, уже относительно другой книги, написано: «Согласно тому, как ты приказал, вот книга восхвалений (хвалебных слов, энкомиев?), я послал ее тебе» [Crum, 1902, с. 94, № Add. 33]. По-видимому, и сам Виктор был посредником в книжной торговле, поскольку, как видно из предыдущего письма, ему оставляли книгу для продажи.

В ГМИИ хранится остракон I.1.б.526 [Ернштедт, 1959, с. 111, № 46], на котором написано неким Виктором и диаконом Кириком поручительство за Суа. Возможно, это те же Виктор и Суа, о которых здесь шла речь.

Ц е н ы н а к н и г и. О ценах на книги в коптских документах мы не находим достаточно определенных сведений, хотя бы указаний одновременно на стоимость и объем переписки, не говоря уже о том, что качество письма, материал и оформление могли быть различными и цена за переписку одной и той же книги могла значительно колебаться. Об этом свидетельствуют, например, данные о греческих книгах в I в.: по сообщению Марциала (M a r t i a l i s. Epigrammaton liber XIII, 3), одну его книгу (13-ю) книгопродавец Трифон продавал за 4 нуммы (сестерции, т. е. за 1 денарий, ок. 4,5 г серебра), а Атрект продавал другую книгу (1-ю) за 5 денариев, поскольку первый занимался дешевыми изданиями для широкой публики, а второй выпускал роскошные издания на отполированном пергамене, окрашенном пурпуром (M a r t i a l i s. Epigrammaton liber I, 7).

Анализируя текст одного папируса II в. из Оксиринха, представляющего собой счет за переписку литературных произведений, Белл [Bell, 1921; ср.: Turner, 1952, с. 90] делает вывод, что в одном случае переписка 10 000 строк стоила 28 драхм, а в другом $20^2/_3$, что он объясняет разным качеством работы.

Что же сообщают нам коптские источники?

Интересное свидетельство мы находим в одном письме на остраконе [Crum, 1921, с. 69, № 256], в котором автор сообщает адресату, что ему удалось исполнить поручение — купить для него требуемую книгу у писца — по-видимому, скорее известного своей ученостью монаха, чем писца-профессионала, подобно вышеупомянутому «великому анахорету Павлу», поскольку он уважительно именуется «большим (или «великим») человеком». Вот основная часть письма: «Я говорил с большим человеком относительно книги. Я удостоверил его, что ты сказал, чтобы ее принесли мне, (а) я, в свою очередь, отдам ее тебе. . . Он согласился. Затем вчера он пришел. Олокоттин без кератия он взял. Он продал ее. Он принес ее. Я отмерил ему (золото). Дело вышло». Таким образом, книга была куплена примерно за 2 г золота, но неизвестно, каковы были ее объем и характер.

На другом остраконе [Crum, 1921, с. 40, № 163] сохранилось несколько строк, гласящих: «Цена всей этой книги — десять тысяч десять, причем ее кожа(ный переплет) не считается». Такая большая цифра говорит о том, что имелась в виду какая-то мелкая монета.

В папирусе ГМИИ I.1.б.709, где говорится о заказе на переписку книги и переплетении ее в кожаный переплет (см. ниже), в залог переписчику дается тримисий (примерно 1,5 г золота).

Наиболее точное и интересное сообщение мы находим в «Изречениях отцов» (сборнике рассказов о пустынножителях), где говорится, что авва Геласий имел книгу на пергамене, содержащую весь Ветхий и Новый завет, и стоила эта книга 18 солидов, т. е. более 80 г золота.

З а к а з ы н а о ф о р м л е н и е к н и г. Как говорилось выше, заказов на иллюминацию книг среди коптских документов нет по той причине, что иллюстраторами были сами переписчики. Вебер, издатель одного кёльнского коптского папируса [Weber, 1973], пишет, что коптские тексты не содержат сведений об иллюстрировании книг и что поэтому особое значение имеет издаваемое им письмо. Вебер полагает, что речь идет о заказе на иллюминацию написанной книги. В действительности, однако, в этом письме говорится о переплетении книги в деревянный переплет. Это письмо в самом деле является очень важным документальным свидетельством, хотя и не в том отношении, в каком считает Вебер. Вот основная часть письма:

«Эта книга, которую я послал вам, — позаботьтесь о ней, чтобы украсить (т. е. переплести, см. ниже) ее. Постарайтесь о ее досках, выберите их весьма хорошие, не делайте в них (сами) прорезей, как я сказал Илии. Дайте ее тому, кто сделает работу хорошо и переплетет ее. . . Скажите переплетчику (букв. «украшателю»), чтобы он приделал ей мелкие украшения и в центральном панно, и в окружающей рамке».

Как мы видели выше, деревянные переплеты украшались инкрустацией и узор на лицевой доске представлял собой центральное панно с окружающей его рамкой. В данном письме приводится ряд терминов для обозначения частей деревянного переплета. Сами деревянные крышки, доски, называются *поче*, центральное панно — *пюле* (греч. «ворота»), окружающая панно рамка — *кот* «окружение», а инкрустированные украшения — *йепса*.

Из дошедших до нас документов становится ясным, что кожаные переплеты могли делать не только мастера, но и сами переписчики; деревянные же переплеты, резные, украшенные инкрустацией из драгоценных камней и металлов, из кости, должны были делать только специальные мастера (см., например, рассказ о золотом Евангелии). Термин «украшать» книгу (греч. *космео* или копт. tsano) стал специальным обозначением для переплетения книги в деревянный переплет.

В одном письме мастер сообщает о посылке заказчику временно понадобившейся тому книги, прося прислать потом ее обратно, чтобы он ее «украсил», и добавляет, что «украшает» ему «Апостола» [Crum — White, 1926, с. 92, № 381]. На об-

рывке папируса сохранилась часть письма переплетчику, по-видимому, от монастырского библиотекаря: «Сделай милость, приди на восток (см. примеч. 27) и „укрась“ книги» [Crum, 1921, с. 100, № 384]. Отправитель еще одного письма пишет, что распорядился относительно переплетения Мартирия св. Виктора, но что не стоит переплетать его вместе с «апой Писенте» (т. е. житием Писентия Коптосского), что мастер переплетает Мартирий и, поскольку работа близка к завершению, надо послать ему тримисий [Crum, 1921, с. 76, № 281].

Папирус ГМИИ I.1.6.709 [Тураев, 1907, с. 025—028; Ернштедт, 1959, с. 37—43, № 12] содержит письмо какого-то человека к «великому другу, ученому, учителю и наставнику» с просьбой посетить «нашего отца авву Георгия» в каком-то монастыре, находящемся «к югу», по поводу Псалтири, которую он написал для Феофилакта. Георгий, мастер-каллиграф, переписавший эту книгу, должен был сам ее сшить ремешками и переплести в кожаный переплет. Автор письма просит адресата, если будет нужно, занять тримисий и дать его Георгию как задаток.

По-видимому, автор письма был комиссионером по книжным делам, подобно вышеупомянутому Суа, поскольку, не говоря уже о том, что он хлопочет о Псалтири для какого-то Феофилакта, он в этом письме просит адресата в случае, «если на юг будет привезен папирус», купить его ему на один тримисий. Папирус же для переписки должен был предоставлять заказчик (как посылал папирус Суа). Из письма явствует, что комиссионер хлопочет еще о какой-то книге по поручению Георгия.

До нас дошло и письмо переплетчика Писентия, делающего кожаные переплеты, в котором он просит некоего Петра: «Будь добр, пойди к Афанасию (букв. „в место Афанасия“), сыну Сабины, ремесленнику, и возьми кожи хорошие — будь то три или четыре — и то, что ты найдешь хорошим, принеси мне, и я выберу одну на эту книгу. Поспеши же принести их» [Crum — White, 1926, с. 92, № 380].

По-видимому, о сшивании книги и нумерации листов идет речь в следующем письме: «Будь добр, вот книга, я послал (ее) тебе. Сделай милость, прошей (? букв. „проколи“) ее и разметь ее мне» [Crum, 1921, с. 98, № Add. 50].

О ценах за переплетные работы у нас нет сведений. В двух вышеупомянутых случаях как аванс мастеру выдается тримисий, но он вообще часто употреблялся при деловых расчетах как удобная круглая сумма — при задатке, займе и т. п. В цитированном выше письме, например, отправитель просит ку-

пить ему папируса на тримисий. Так что само по себе это еще ни о чем не говорит, разве о том, что работа должна была стоить дороже.

ОТНОШЕНИЕ К КНИГЕ

Книга всегда пользовалась большим уважением у коптов, и причиной этого была, несомненно, религиозно-назидательная роль книги. Как уже говорилось, коптская письменность была создана переводчиками Писания с греческого на египетский язык и распространение в народе грамотности было неразрывно связано с распространением христианства.

Однако в разные эпохи отношение к книге менялось, вернее, это уважение к книге выражалось в разных формах.

Принимая христианство во II—III вв., египтяне облекали в религиозную форму протест против своих притеснителей — греческих землевладельцев и чиновников, в основном еще сравнительно долгое время остававшихся язычниками. В эпоху раннего христианства массы бедных и угнетенных искали в христианских идеалах не только опору и утешение, но и основу и средство объединения как в материальном, так и в духовном отношении. В это время, когда идеалы христианства жили в народе, в Египте после периода гонений стали создаваться первые в мире монастыри (в первой половине IV в.), в которых крестьяне искали убежища от притеснений и произвола. Институт отшельничества, возникший в Египте значительно раньше (первым был св. Антоний в конце II в.), разумеется, не был таким массовым, но по своему духовному влиянию не уступал киновитскому.

Поскольку создателями книг были в ту пору духовные лица, отношение их к книге стояло в неразрывной связи с их религиозными воззрениями. Суровые, аскетические идеалы заставляли смотреть на книгу только как на носитель божественного слова, но не как на ценную вещь, хотя книга стоила очень дорого и в полном смысле слова была ценностью. С этим противоречием все время приходится считаться, рассматривая тогдашнее отношение к книге. В Житии Пахома, основателя первых монастырей и создателя монастырского устава, говорится: «Он также учил братьев не обращать внимания на привлекательность и красоту этого мира, будь то хорошая пища, или одежда, или помещение, или красиво оформленные книги».

Apophthegmata patrum aegyptiorum — изречения пустынных отцов и рассказы о них, время создания которых — вторая половина IV—первая половина V в., — сохранили ряд интересных случаев, характеризующих подобное отношение

к книге. К тому же вообще главным требованием аскетизма было духовное самоусовершенствование, которое достигалось соответствующим образом жизни, а знание писаний отодвигалось на второй план. Так, одному монаху, говорившему, что он списал для себя Ветхий и Новый завет, один из отцов сказал: «Ты наполнил свои шкафы папирусом». На келью Феодора из Фермы напали три разбойника и забрали книги и схиму (единственное, что могло представлять для них ценность из имущества отшельника). Феодор просил их оставить ему схиму. Когда они отказались, он напал на них, одолел их и, собрав имущество, разделил его на четыре части. Три он отдал разбойникам, а четвертую, куда входила схима, оставил себе.

Апе Евагрию некий брат дал Евангелие, и тогда «другое, (которое у него было), он продал и отдал (вырученные за него деньги) неимущим, говоря: „Слово (т. е. Писание) говорит мне: 'Продай то, что имеешь, и раздай бедным'"». Апа Феодор приобрел «три прекрасные книги». Он пошел к апе Макарию и сказал ему: «У меня есть три прекрасные книги, и я пользуюсь ими, и братья также берут их и пользуются ими. Скажи же мне, что мне надлежит делать?» Старец ответил ему: «Хороша вещь, но бедность лучше всего». Когда он услышал это, он пошел, продал их, получил их стоимость и отдал деньги неимущим.

Именно из-за того, что книга была ценным имуществом, в древних монастырях на факт обладания книгами смотрели косо, хотя формального запрета не было. Сарапион, когда увидел у одного монаха шкаф, полный книг, упрекнул его: «Ты забрал то, что принадлежит вдовам и сиротам, и поместил это в шкаф».

Такой взгляд на книгу, при котором вступали в противоречие ее значение и ее материальная ценность, грубо говоря, ее форма и содержание, оказал влияние на оформление книги в эту древнюю эпоху. Мы уже отмечали скудость украшений в ранних коптских рукописях. Причина здесь не в неумении красиво их оформить, а в том, что такое оформление считалось чуть ли не греховным. Потому, не говоря уже об украшениях, до VI в. не может идти речи даже о каллиграфии в полном смысле слова. Специфика коптской книги, обусловленная историей ее создания, проявилась и в этом случае. Творцами книг были не миряне, и не «мирские» цели они преследовали. «Если ты приобретешь книгу, — гласит одно из духовных наставлений, — не украшай ее переплет, ибо это (мирская) страсть и тщеславие» [Zoega, 1810/1903, с. 571; ср.: Bousset, 1923, с. 117; Guy, 1962, с. 70, № 592, 11].

Запрет украшать книгу не касался качества писчего материала. Напротив, хороший папирус был более долговечным

и больше подходил для того, чтобы запечатлеть на нем священный текст. Далеко не всегда обстоятельства позволяли использовать для книги лучшие сорта папируса (приходилось иной раз пользоваться и старым, уже исписанным), но, во всяком случае, такой расход не считался пустым расточительством. Как отмечал знаменитый реставратор папирусов Гуго Ибшер, дошедшие до нас манихейские книги V в. написаны на папирусе самого высокого сорта, специально изготовленного в виде листов нужного формата. Но текст этих книг фактически лишен украшений.

Однако, как мы видели, переплеты все же украшались, и часто украшались роскошно. Как раз в ранний период, когда существовали еще деревянные переплеты, они инкрустировались драгоценными камнями, металлами, слоновой костью. К тому же и запрет «не украшай переплет» свидетельствует о том, что такая практика существовала, хотя в этом случае имелись в виду не особо ценные украшения, поскольку запрет касался личных книг монахов, которые не могли располагать такими средствами. Украшение переплета драгоценными инкрустациями, несомненно, дело мирян. Здесь следует остановиться на некоторых моментах. Во-первых, украшались переплеты, а не рукописи (недаром говорится: «если ты приобретешь книгу» — см. выше). Книги заказывались переписчикам (монахам, духовным лицам, см. выше) или покупались готовыми. Изготовление же деревянных переплетов с инкрустацией — работа мастера, ремесленника [24]. Следует отметить, однако, что книги египетской манихейской общины, о которых упоминалось, написанные просто и без орнаментации (хотя на превосходном папирусе), имели роскошные переплеты, и за это манихеев упрекали [Schmidt — Polotsky — Ibscher, 1933, с. 85]. Во-вторых, украшая «божественную книгу», мирянин этим выражал свое почтение к ней. Конечно, богатым людям в некоторой степени из тщеславия хотелось иметь, например, роскошно переплетенное Евангелие, но от этого не уменьшалось уважение к самой книге. В-третьих, следует помнить о том, что книга была одним из главных видов пожертвования в монастырь «ради спасения души» [25]. И конечно, чем богаче было приношение, тем большей представлялась жертвователю его заслуга. Приобретенные у переписчиков, духовных

---

[24] Если в записи о дарении книги указывалось, что даритель переплел и украсил ее (см., например, ниже о монахе Лазаре), это не означало, что он собственноручно проделал эту работу, но что это сделано по его заказу и на его средства.

[25] Пожертвование книги в монастырь считалось «даром более избранным, чем все дары неба» (см. ниже).

лиц, книги, написанные просто, строго, без украшений, облекались в дорогие переплеты.

Позже положение дел меняется. Аскетические идеалы III—V вв. отступают на задний план. Украшение книги уже не считается «пустым тщеславием». VI—VII века — переломная эпоха в истории оформления коптской книги. Украшения появляются и делаются все богаче и сложнее, возникает миниатюра. Орнаментировались и иллюстрировались книги самими переписчиками (см. выше). Богатое оформление книги стало выражением почтения к ней. В истории Иоанна Монаха рассказывается о том, как в его детстве благочестивые родители заказали для него Евангелие, украшенное золотом и драгоценными камнями (см. выше). И в ранний период истории коптской книги миряне украшали ее, но разница в данном случае в том, что такой факт специально приводится в житии монаха как свидетельство высокого благочестия (рукопись написана ок. 1000 г.). А в XIII в. Монастырю Сирийцев некий монах Лазарь подарил Евангелие, которое он «реставрировал, переплел, выложил и украсил золотом и серебром и для которого приготовил ларец». Указание на то, что он именно реставрировал, а не заказал написать книгу, подчеркивает ценность дара, поскольку речь идет о старинной ценной книге, а не о современной копии. Надо сказать, что стремление украсить книгу, в противоположность прежнему аскетическому направлению, доходило до того, что помимо украшения самих книг для них изготовляли (конечно, в исключительных случаях, поскольку это стоило очень дорого) ларцы из драгоценных металлов и камней (см. выше).

Обращение с книгой. Во избежание разрыва в наиболее уязвимом месте — у корешка — книга предохранялась от слишком сильного разгибания. Она нередко снабжалась кожаным ремешком, соединяющим противоположные крышки переплета, который натягивался, когда книгу раскрывали, и не давал ей разогнуться совсем. Пюпитры, на которые книги клались для чтения, не были плоскими, а имели форму двух плоскостей, сходящихся под тупым углом, чтобы удерживать книгу в нужной степени раскрытия, не опасной для корешка. И пюпитры для чтения современных рукописных книг имеют по бокам упоры для той же цели.

Если книгу нужно было носить с собой, ее заворачивали в ткань [Budge, 1912, с. XI]. Оборачивание книги тканью имело место и тогда, когда хотели подчеркнуть благоговейное отношение к ней. На коптских миниатюрах, изображающих апостола Петра, вручающего Евангелие Марку, мы видим, что Марк принимает книгу, покрыв руки тканью. И до сих пор в коптских

церквах Священное писание оборачивают тканью, чтобы руки не прикасались к переплету.

Однако и самое бережное обращение, продлевая жизнь книги, не могло уберечь ее от износа, ветхости. Папирус, сам по себе долговечный материал в условиях Египта, был, однако, при частом пользовании книгой больше подвержен износу, чем пергамен. На него губительно влияло не только механическое воздействие при переворачивании страниц, но и химическое — от прикосновения пальцев [26]. Книга в форме свитка меньше страдала при пользовании ею, чем кодекс, да и сама форма кодекса, как уже говорилось, вошла в употребление как наиболее удобная для того, чтобы можно было быстро перелистать книгу, легко найти нужное место. Пергаменные кодексы были прочнее папирусных, но, конечно, и они изнашивались от употребления.

Пришедшие в негодность книги переписывались. Однако, во-первых, труд по переписке был очень велик, и, во-вторых, старые книги ценились сами по себе. Мы видели, что драгоценное подношение монаха Лазаря Монастырю Сирийцев — украшенное золотом и серебром Евангелие представляло собой в основе старинную реставрированную книгу. Поврежденные книги заботливо реставрировались.

Реставрация книг. До нас дошло много рукописей со следами реставрации. Особенно характерным и наглядным примером того, каким образом копты реставрировали книги, является «Книга псалмов», папирусный кодекс конца VI в. [Budge, 1898]. Видно, что книга была в частом употреблении. Нижние части листов обесцветились от прикосновения пальцев, многие листы получили трещины и поломы, некоторые из них — в начале и в конце — выпали из переплета. Девять первых листов и два последних были реставратором переписаны заново. В тех местах, где от трения при переворачивании чернила стерлись, текст был подновлен. Трещины вдоль и поперек были подклеены кусками чистого или использованного папируса, и на заплатах был восстановлен прежний текст. Книгу вместе со старым переплетом — кожаным на папирусной основе — вложили в новый кожаный переплет с узорным тиснением, снабженный тонким лоскутом кожи для предохранения краев листов. Чтобы книгу нельзя было раскрыть слишком широко, крышки переплета вверху соединили кожаной полосой. Любо-

---

[26] Кроме механических и химических повреждений причиной порчи папируса могли быть влажность и насекомые, но эти факторы, особенно последний, имеют отношение к порче папируса при хранении его в тайнике, но не во время пользования.

пытно, что книгу эту реставрировали дважды и более старая реставрация была выполнена с бо́льшим искусством.

В местах сгиба листов, где книги прошивались для прикрепления к переплету, папирус особенно легко повреждался. При реставрации здесь подклеивались полоски пергамена, как, например, в папирусном кодексе IV в., содержащем несколько книг Ветхого и Нового завета (см. выше). Некоторые тетради этого кодекса оторвались от переплета, и древний реставратор проклеил их полосками пергамена и вновь прошил, пришив к корешку переплета.

В одной из рукописей Монастыря Сирийцев имеется запись от конца XII в. о монахе (имя не сохранилось), который «заслуживает доброй памяти, потому что он предпринял большую работу по обновлению и приведению в порядок этих многочисленных книг, которые изорвались по причине старости и из-за пользования братьями. Этот брат. . . починил эту книгу и около ста (других) книг, которые был порваны и рассыпались: множество разрозненных листов он собрал в упорядоченное целое» [White, 1932, с. 448].

Качество реставрации книг зависело от разных причин. Конечно, большую роль играло умение и старание реставратора, но одного этого было мало. Даже для подборки разрозненных листов надо было обладать определенными знаниями, а для восстановления поврежденного текста необходимо было иметь другой список данного сочинения. При приведении в порядок библиотеки монастыря св. Макария в начале XVII в. [White, 1926, с. XXXVI] реставраторы вынуждены были, удаляя поврежденные части рукописи, переплетать оставшуюся часть сочинения, не восполняя утраченное копированием. Если в библиотеке имелось несколько поврежденных копий одного сочинения, могли составить из них один целый список, отбрасывая остатки уже как макулатуру [White, 1932, с. 449].

Хранение книг. Обычным местом хранения книг были шкафы особого рода: оконные проемы, заложенные снаружи, в которые были встроены полки. Иногда такие ниши снабжались дверцами. Появление шкафов такой конструкции объясняется тем, что, когда в монастырях стали собираться библиотеки, проще всего было поместить книги таким образом, используя оконные ниши. Этот способ хранения стал традиционным, и термин, обозначающий книжный шкаф в коптском языке, буквально значит «окно книг».

По-видимому, если книг было немного, они могли просто складываться на скамьи. Во всяком случае, Бругш, в середине

XIX в. посетивший одну монастырскую библиотеку, видел, что там на скамьях лежало несколько десятков книг.

На примере деревянного переплета VII в., снабженного цепью, мы видим, что особенно ценные или особенно большим спросом пользующиеся книги могли быть прикованы к полке, чтобы их нельзя было унести.

В качестве специфической предупредительной меры против хищения книг в колофонах книг иногда записывались проклятия по адресу возможного похитителя. Так, в колофоне книги посланий Шенуте (см. ниже) сделана следующая запись: «Тот же, кто дерзнет спрятать ее или отчудить ее, так чтобы ее не нашли и не читали по ней, пусть он будет предан анафеме и отлучен до пришествия Господа». Интересно, что книга подобным образом защищалась от всех, буквально невзирая на лица. В одном из колофонов предусматриваются в качестве возможных похитителей даже власти монастыря, которому принадлежала библиотека. Подобные угрозы дают известное представление о том, что реально могло случиться с книгой. Среди злоупотреблений, против которых борются авторы записей, и продажа книг, и обмен данной книги на другую, будь то в личных интересах или даже в интересах монастырской общины; книга должна была храниться и в том случае, если бы власти монастыря нашли необходимым обменять ее на более нужную для них [Lantschoot, 1929, с. 120, № LXXIII; ср. с. 149, № LXXVIII].

Эта мера была более действенной, чем можно было бы подумать. Во всяком случае, даже в XIX в. монахи одного монастыря в Вади-Натрун отказались продать Бругшу какую-либо из древних книг, в которых содержались подобные анафемы (см. ниже).

Говоря о хранении книг, следует коснуться хранения особого рода — прятания книг для их сохранности, когда им грозило уничтожение, а такие случаи бывали довольно часто. В эпоху раннего христианства языческими правителями издавались эдикты об уничтожении храмов и сожжении книг христиан; когда христианство стало государственной религией, различные течения внутри его или сопутствующие ему неоднократно объявлялись еретическими и «еретические книги» обрекались на сожжение; кроме того, монастыри время от времени подвергались набегам. В этих и подобных случаях нередко, желая уберечь книги, владельцы закапывали их. Многие древние книги благодаря этому дошли до нас. Сухой песок Египта был прекрасной средой для сохранности книг, но, разумеется, нельзя было закапывать книги в песок непосредственно. Египтяне пользовались разными способами для предохранения рукописей. Чаще всего книги, завернутые в полотно, помещались

в глиняные кувшины, как, например, гностическая библиотека у Наг-Хаммади (13 кодексов в одном кувшине), личная библиотека брата Фойбаммона (5 томов, см. ниже), Евангелие от Иоанна [Thompson, 1924]. Манихейская библиотека была найдена в деревянном сундуке, причем каждый кодекс, лишенный переплета (поскольку переплеты этих книг были очень дорогими), помещался между двумя досками. Два больших кодекса — сборник гомилий и Псалтирь [Budge, 1898; Budge, 1910], найденные в развалинах монастыря в Верхнем Египте, были завернуты в полотно, затем в козью кожу и помещены в своего рода каменный сундук — хранилище в вырытой в песке яме, выложенное каменными плитами; пазы были заполнены известью, а дно покрыто слоем песка. В аналогичном хранилище были найдены книги из монастыря св. Меркурия у Эдфу [Rustafjaell, 1910, с. 3—8].

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ СРЕДА

Грамотность среди коптов. Если до создания коптского алфавита умение читать и писать на родном языке было доступно лишь небольшой части египетского населения, то после создания алфавита, по мере того как переводились на египетский язык и распространялись произведения раннехристианской литературы, росла и грамотность среди египтян, коптов. Центрами культуры и распространения грамотности стали первые монастыри, где монахов обучали грамоте, где переписывались книги и составлялись библиотеки. Пахом, основатель первых монастырей и составитель монастырского устава, принятого во всех египетских монастырях, требовал от монахов умения читать и писать. При церквах для бедного населения организовывались школы [Makrizi, 1845, с. 139].

Получить представление о числе грамотных среди коптского населения можно при изучении деловых документов, главным образом подписей лиц, выдающих документ, и свидетелей. Греческие документы из Египта могут дать такие сведения только о лицах, владеющих или не владеющих греческой грамотой. Не владеющих таковой называли по-гречески *аграмматой*, «неграмотными», независимо от того, умели они писать по-египетски или нет [Youtie, 1975]. Есть немало примеров, показывающих, что люди, знавшие демотику, именовались неграмотными. Особенно любопытный случай мы находим в одном документе — петиции девяти жрецов храма Кроноса, из которых восемь были *эгуменой* («игумены»), а один — *грамматеус* («писец»). Петиция подписана одним из «игуменов» за себя

и за всех остальных, поскольку те «не знают грамоты». Таким образом, в число «неграмотных» попал храмовой писец! Итак, единственным источником, который может предоставить статистические сведения о проценте грамотных коптов, могут быть только документы, составленные на коптском языке.

Поскольку до арабского завоевания государственным языком Египта был греческий, подавляющее число документов составлялось на греческом языке. Причиной временного расцвета коптской деловой письменности было арабское завоевание, лишившее греческий язык его официального положения. Постепенно появлялось все больше документов на коптском языке — до тех пор, пока, в свою очередь, объявление в 706 г. арабского официальным, государственным языком не вызвало обратный процесс — вытеснение коптского из этой области. Процесс этот, конечно, был длительным: такая коренная перестройка требовала много времени. Переход от делопроизводства на греческом языке к делопроизводству на коптском был намного легче, не говоря уже о том, что это была не официальная реформа, а просто допущение в эту область коптского языка, снятие прежнего ограничения. Коптское делопроизводство возникло на базе греческого, которое продолжало существовать независимо и параллельно. Создание коптской документалистики облегчалось не только общностью алфавита и некоторой лексической общностью, но и тем, что форма составления документов оставалась прежней; целый ряд греческих юридических терминов, формул, условных сокращенных написаний без изменения перекочевал в коптские документы. Процесс же замены греческого и коптского делопроизводства арабским требовал сложной, коренной перестройки. Именно VIII век был веком расцвета коптской документалистики. От этого времени до нас дошло подавляющее большинство документов на коптском языке. К слову сказать, VIII век являлся и веком расцвета коптской эпиграфики: опять-таки подавляющее большинство коптских стел относится к VIII в.

Наиболее крупный коптский документальный фонд был найден в Джеме (район Фив). Документы эти датируются второй половиной VIII в. На основании их анализа было установлено, что число грамотных коптов достигало тогда 40—50 %.

Изучение данных об общественном положении лиц, выдающих или свидетельствующих документы (к сожалению, не во всех документах можно найти таковые), привел к любопытным результатам [Steinmann, 1971; Steinmann, 1974]. Конечно, вполне понятно, что, не считая нотариусов и писцов, которые уже в силу своей профессии не могли быть неграмотными, грамотными были большинство духовных лиц — в данном случае

78%. Среди деревенской администрации грамотных было 32%. Домовладельцы и землевладельцы были в большинстве неграмотными, в то время как среди бедного населения процент грамотности был выше. В одном документе свидетелем является грамотный пастух. Конечно, при этом следует учесть, что сравнительно высокий процент грамотности в данной местности объяснялся близостью монастыря, а в местах, более отдаленных от монастырей, он должен был быть ниже.

Но все равно в целом среди низших социальных слоев египетского населения процент грамотных был очень высок, если учесть положение египетских народных масс в I тысячелетии. Об этом говорят не только статистические выкладки, об этом говорят сами свидетели — масса черепков и обломков камней — острака, — сохранивших нам переписку друг с другом простых людей Египта. Если помнить, что до нас дошла ничтожная доля этих писем, приходится удивляться, какой оживленной была переписка. Насколько она вошла в обиход, видно из того, что предметом ее часто бывали мелкие повседневные дела, притом письма посылались не только к далеко живущему адресату, но и к живущему поблизости, потому что встречаются фразы, подобные следующей: «сделай это (или „принеси это мне“) сегодня вечером»).

Есть некоторые сведения о грамотных женщинах: найден ряд документов и писем, написанных собственноручно женщинами [Winlock — Crum, 1926, с. 192—193], причем почерк их не отличается от почерка документов, написанных мужчинами. Относительно женщин-каллиграфов, переписывавших греческие книги, мы находим, например, сведения у Евсевия (см. выше). Но и среди коптов были женщины-переписчицы (см. выше).

Владельцы книг. Уже в самую раннюю эпоху существования коптской письменности, в IV—первой половине V в., книги в частном владении, хотя и немногочисленные, не были редкостью. В Apophthegmata patrum не раз упоминаются владельцы книг (см. выше). Один из «Высоких братьев» (так называли Евагрия Понтийского и его трех братьев, вторая половина IV в.) обладал коллекцией «канонических и великолепных книг», которые были сожжены Феодосием, истреблявшим в монастырях Нитрийской пустыни при Аркадии и Гонории ересь Оригена. Пафнутий Скитский был однажды обвинен в краже книги у своего сотоварища-монаха по наговору последнего, подбросившего свою книгу в келью Пафнутия [White, 1932, с. 215; White, 1926, с. XXI].

Есть и материальные свидетельства существования частных библиотек. В Женеве в Bibliotheca Bodmeriana хранится свыше 20 книг, найденных где-то в Верхнем Египте (точное место на-

ходки было скрыто теми, кто продал их в Бодмерианскую библиотеку) [Kasser, 1958, с. III] (см. также выше). Это собрание книг было в древности (IV в.) библиотекой частного лица, высокообразованного богатого египтянина. Туда входили: на греческом языке — часть Илиады, «Угрюмец» Менандра, Гомилия Мелитона, апокриф «Рождество Марии», апокрифическая переписка апостола Павла с коринфянами, 11-я ода Соломона, отрывки из литургии, Евангелия от Луки и от Иоанна (несколько экземпляров), Псалмы 33-й и 34-й, Деяния и разные послания апостолов; на коптском языке — часть Бытия и Второзакония, Исход, Притчи, книги пророков Осии, Иеремии, Варуха, Евангелия от Матфея и от Иоанна, Послание к Римлянам. Книги были переплетены в кожаные переплеты на папирусной основе, большинство их на папирусе, некоторые — на пергамене. В 1920-х годах недалеко от пирамид Гизы были найдены в кувшине пять рукописей на пергамене — довольно толстых томиков маленького формата (от 9 до 13 см высоты) вместе с полутора десятком монет от 527 до 602 г. Как явствует из колофонов, книги принадлежали «брату Фойбаммону» и были переписаны по его заказу каллиграфом (пример того, что монахи могли заказывать переписчикам книги для своего личного пользования). Все книги — на коптском языке. В 1-й том входили Послания Павла и Евангелие от Иоанна, во 2-й — Деяния апостолов и Евангелие от Иоанна, в 3-й — Псалмы 1—50 и часть Евангелия от Матфея, в 4-й — Псалмы 51—151, в 5-й — апокрифическая переписка Иисуса с Авгаром, апокрифическое послание Павла, Екклесиаст, Песнь Песней и Руфь [Lamacraft, 1939, с. 215; Worrell, 1942, с. 27—42].

На острака и папирусе встречаются перечни названий книг. Это могут быть каталоги библиотек, списки книг, посылаемых для обмена. Однако есть остракон с описью чьего-то имущества, где среди других вещей перечисляются и книги. Там наряду с кожами, одеждой, котлами, сковородками, лампами, весами, мешками, подсвечниками, двумя сошниками и папирусом указываются две псалтири, Книга Судей, Поучение апы Шенуте, Книга Иова, Притчи, Екклесиаст, Житие апы Хресафия Ефиопа, Книга Иисуса Навина. Любопытно, что эти названия книг стоят во главе списка имущества, за ними следует перечень вещей, а в конце — опять название книги, «Плерофория» Петра Ивера [Crum, 1902, с. 75, № 459].

Переписчики книг делали копии некоторых книг и для себя лично. Из колофона одной рукописи мы узнаем, что некий диакон (имя не сохранилось) скопировал «эти три книги — Притчи Соломона, Екклесиаст и Книгу Иова, чтобы изучать их вместе со своими детьми» [Lantschoot, 1929, с. 121—122, № LXXIV].

В монастырях монахи-переписчики копировали книги не только по заказам и для нужд монастыря, но и для самих себя [ср.: White, 1926, с. XXII].

Книжный обмен. Владельцы книг — как отдельные лица, так и библиотеки — нередко обменивались книгами, давая их во временное пользование. В монастыре Епифания найден отрывок письма на остраконе с просьбой возвратить одолженную книгу: «[Я прошу] ваше братство, чтобы вы послали мне книгу, которую я послал вам, чтобы я читал по ней этой ночью в монастыре св. апы Фиваммона» [Crum — White, 1926, с. 93, № 389]. По-видимому, напоминание о возврате книги мы встречаем и в следующем письме: « . . . Я прошу тебя, чтобы ты оказал милость мне и прислал мне книгу, поскольку она мне нужна» [Hall, 1905, с. 54, табл. XLI, 3] (перевод Холла «that I may judge of it» неверен). В другом письме — напоминание об обещанной присылке книг: «[Сделай] милость, не забудь прислать книги нам, чтобы мы их изучали, чтобы получить от них пользу». Перечисляются проповеди апы Дамиана, архиепископа Александрии, энкомий (похвальное слово) апы Шенуте и еще какой-то том. Конец письма не сохранился [Grum, 1902, с. 45, № 249]. Какой-то человек пишет другому записку с просьбой прислать ему Книгу пророка Иеремии, «чтобы я прочел ее» [Crum, 1902, с. 46, № 251]. Автор другого письма просит «возлюбленных братьев Давида и Павокеса»: «Будьте добры, дайте книгу моему отцу, чтобы он принес ее мне, чтобы я прочел ее и послал ее (обратно) вам» [Crum, 1902, с. 45, № 246]. Какой-то человек посылает своего брата Даниила к «святым отцам апе Анании и апе Михаилу» с просьбой передать с ним для него три книги. Сохранилось только название первой и часть названия второй: Ветхий завет и «Житие. . .» [Hall, 1905, с. 70—71, № 2, табл. LIII, 2]. Холл прочел вместо слова «tpalaia» (Ветхий завет) — *tpallia* («the vestment»). В сильно фрагментированном письме на черепке мы находим просьбу прислать книги: «Каноны апостолов», «Старцы (Скита)» и «Книгу наставлений» [Crum, 1921, с. 83, № 307]. В другом письме содержится просьба выслать «Рай Скита», «Рай Нитрии», «Аскетикон. . .» [Crum, 1902, с. 45, № 250]. «Сделай милость, пришли мне Большую книгу и „Книгу наставлений апы Шенуте“, чтобы мы совершали с ней ночное бдение», — пишет монах какого-то монастыря [Crum, 1921, с. 85, № 317]. Некий Моисей в письме к «своему возлюбленному отцу апе Пахому» просит: «Будь добр, пришли книгу праздника твою мне, я посмотрю ее и пришлю тебе (обратно) быстро» [Crum, 1921, с. 101, № Add. 67]. Краткую просьбу о присылке книги мы находим на одном черепке из Фив: «Пришли мне книгу (сегодня) вечером» [Mallon, 1925, с. 156].

Особенно горячую просьбу о присылке книги мы встречаем в одном письме, где, однако, контекст нарушен лакуной, и неясно, идет ли речь о выполнении заказа или о книжном обмене: «. . .книга. . и пришли мне ее, потому что дело горит, как огонь!» [Crum, 1921, с. 78, № 278].

Книги были настолько большой ценностью, что, беря их во временное пользование, обычно условливались о сроке возврата. В письмах мы встречаем извинения за просрочку в возвращении книги. Так, один автор письма пишет «своим почтенным отцам»: «Вот книга, я послал ее через апу Псатеса. Сделайте милость, простите мне, что я промедлил. Я кончил ее уже много времени назад, но [не нашел] человека, который взял бы на себя заботу о ней, чтобы я послал ее (с ним)». Далее он просит: «Пришлите „Книгу рассуждений“ (Евагрия Понтийского, см. выше) также через апу Псатеса, чтобы я прочел ее вместе с книгой. . . Я говорил, чтобы он взял „Рай“ (см. выше) у апы Иоанна и принес его мне. Если нет возможности послать обе, то, будьте добры, пришлите апу Евагрия» [Crum, 1902, с. 46, № 252]. «Не беспокойся относительно книги, что она задержалась, — говорится в другом письме. — Я пошлю ее тебе без промедления» [Crum—White, 1926, с. 93, № 382].

В Мадинет-Абу был найден остракон с текстом письма, автору которого требуется медицинский справочник («врачебная книга» в каталоге библиотеки, см. ниже). Это письмо интересно тем, что там точно указывается срок возврата книги: «Я говорил тебе о врачебной книге. Я хотел прийти на юг [27] много раз, (но) монастырские заботы не позволили мне прийти на юг. . . Сделай милость, пришли ее мне либо (через) Паматой, либо дай ее Аарону, и он перешлет ее мне через своего брата. Через два дня, когда я ее изучу, я пришлю ее» [Crum, 1902, с. 46, № 253].

Доверить такую ценность, как книга, могли только проверенному человеку. Чтобы получить ее у малознакомого лица, требовалась рекомендация. Так, например, некий Иосиф просит «почтенного анахорета апу Еноха» написать владельцу книги, чтобы тот дал ее ему для прочтения: «Будь добр, пошли к апе Тиреносу, чтобы он дал книгу мне, чтобы я ее изучил. Напиши ему» [Crum—White, 1926, с. 92, № 383].

---

[27] В письмах постоянно упоминаются поездки на «юг» и «север». В Египте, где главная, обитаемая культурная зона представляла собой полосу, вытянутую по берегам Нила, почти любая поездка заключалась в плавании по Нилу, либо по течению («на север»), либо против течения («на юг»). Впрочем, в одном письме есть и фраза «приди на восток» (см. выше) [Crum, 1921, с. 100, № 384], где, очевидно, имеется в виду переправа на восточный берег.

Один человек пишет какому-то духовному лицу, сообщая, что он говорил с Матфеем о деньгах для пожертвования (в церковь) и что тот обещал дать деньги на (лампадное) масло. Затем, как бы в возмещение за свои хлопоты, он просит прислать Книгу пророка Иеремии [Crum — White, 1926, с. 91, № 379].

БИБЛИОТЕКИ

Коптские библиотеки находились при церквах и монастырях (о частных библиотеках см. выше). Библиотеки в монастырях являлись частью церковного имущества и должны были находиться при монастырской церкви. Однако ввиду опасности набегов и грабежей библиотеки, за исключением книг, необходимых для повседневного богослужения, содержались вместе с другим ценным имуществом в особом хранилище — в укрепленной башне, «касре». В одном Евангелии, написанном в 1205 г., имеется запись (на арабском языке), сделанная в 1270 г. александрийским патриархом Гавриилом, которой он закрепляет эту книгу за церковью «монастыря св. Антония в пустыне эль-Араба (южнее Гирги)» со следующим указанием: «Она не должна быть уносима в башню, как остальные книги, и не должна прятаться, но должна быть в церкви с (другими богослужебными) книгами и читаться по воскресеньям и праздникам во время литургии. И если кто-либо из монахов захочет взять ее в свою келью, чтобы изучать ее или справиться по ней, ему не следует мешать, но, когда он закончит свою работу, он должен вернуть ее в церковь» [Horner, 1898, т. 1, с. LIX—LX].

Коптские монастыри, как правило, представляли собой род крепости, обнесенной высокой стеной для защиты от набегов кочевников (блеммиев и других эфиопских и ливийских племен) и грабителей. Во время набегов за стенами монастырей укрывалось и население окрестных деревень. Описание одного особенно длительного набега мы находим у настоятеля Белого монастыря, знаменитого коптского деятеля Шенуте. Он пишет [Leipoldt, 1908, с. 67], что у него в монастыре расположилась «огромная толпа людей со всех окрестностей, со своими женами и детьми, около 20 тысяч человек, причем все братья, кроме немощных, служили им три месяца»; семь врачей, получавших жалованье от монастыря, лечили «больных и раненных стрелами и копьями». Шенуте приводит подробный счет расходов на лечение, погребение и роды, количество выдававшихся вещей и продуктов и их стоимость, «не считая их животных многочисленных — верблюдов, овец, телят, коров, лошадей, коз, причем мы заботились о них и обо всей их утвари». «В те же годы, — пишет

Шенуте далее, — мы выкупили сотню неимущих пленных за сумму в четыреста тысяч (драхм) за каждого, помимо денег, одежды и других издержек и денег на дорогу, пока не возвратили их в их дома».

Однако и высокие крепостные стены не всегда бывали препятствием для грабителей. Потому внутри монастырей возводилась вблизи церкви укрепленная башня в два-три и более этажей («каср»), окруженная рвом и снабженная подъемным мостом, который, будучи поднят, не только прерывал сообщение с башней, но и защищал собой вход. В башне были кельи, комнаты разного назначения, мельница, колодец, вверху — капелла, посвященная архангелу Михаилу. Помимо запасов, необходимых на время осады, в башне хранились монастырские ценности, в том числе библиотека.

При раскопках монастыря св. Макария в Вади-Натрун на втором этаже башни было найдено помещение библиотеки — комната с заложенными снаружи оконными проемами, в которых были сделаны деревянные полки [White, 1933, с. 68]. Люк в полу вел в тайник, находившийся между полом этой комнаты и потолком нижнего, первого этажа; там были обнаружены остатки библиотеки — листы и тетради от коптских и арабских рукописных книг, сложенные в корзины. Соннини, посетивший в 1778 г. Дейр-эль-Барамус, видел внутри «маленькую крепость, окруженную рвами, с подъемным мостом», где были резервуар для питьевой воды, запас продуктов, капелла и библиотека с книгами на коптском языке [White, 1932, с. 427]. В Монастыре Сирийцев в Вади-Натрун в прошлом веке Роберт Керзон видел «маленькую верхнюю комнату в большой квадратной башне, где рукописи лежали в нишах» [White, 1933, с. 172]. В «касре» монастыря аввы Бишои была найдена в зале груда листов разорванных рукописей. Батлер [Butler, 1884, с. 315] полагал, что здесь была библиотека, но, поскольку обычно такое большое помещение не отводилось под библиотеку, Уайт считает, что это — жилое помещение [White, 1933, с. 140]. Как бы то ни было, но наличие библиотеки в «касре» очевидно.

Во время своего путешествия по Египту в 1853 г. Генрих Бругш, проезжая через Вади-Натрун, посетил один из коптских монастырей [Reisen im Orient, с. 499]. Он описывает монастырскую библиотеку следующим образом: «Последнее место, куда нас провели только после долгих просьб, было важнейшим для моих научных целей; это была библиотека. Она располагалась в башне. Подъемный мост — собственно, только толстая, положенная поперек доска — привел нас к ее двери, которая была щедро обита железом. В помещении библиотеки лежало на скамье около сорока манускриптов, частью арабских, частью коптских.

Они содержали только литургические сочинения, как я легко убедился после внимательного исследования, и были для меня почти бесполезны. Ради их древности я охотно бы купил один-другой, но все переговоры с монахами не привели к успеху. Проклятие падет на того, так утверждали они, кто лишит церковь какой-либо рукописи, и это проклятие написано в конце каждой книги. Взамен мне предложили толстые тома, которые они сами скопировали. Однако эти книги были слишком полны ошибок, чтобы заслужить ту цену, какую от меня требовали».

Основной письменный материал, которым мы располагаем для определения существования и состава библиотек, — немногочисленные сохранившиеся каталоги (см. ниже) и колофоны дошедших до нас рукописей, которые часто сообщают о том, по чьему заказу и для кого была написана данная рукопись. К сожалению, обычай составлять подробный колофон в коптских рукописях вошел в употребление в сравнительно позднюю эпоху — в конце I тысячелетия, очевидно, под арабским влиянием. В колофоне называется только сам монастырь, иногда, точнее, его церковь или экономат, но не «библиотека», поскольку пожертвование книги в монастырь было благочестивым актом, предпринятым ради «спасения души», и о библиотеке тут речи не было. Но в колофоне одной книги, сборнике гомилий, где специально отмечается помощь ученого библиотекаря (см. ниже), упоминается и сам термин «библиотека». Это упоминание особенно интересно тем, что характеризует библиотеку одновременно и как место переписки книг, а именно «библиотека писания» [Lantschoot, 1929, с. 131, № LXXVII]. Переписка книг описывается в рассказе о Бессусе, настоятеле монастыря Иоанна Камэ, который во время преследований 1057 г. вместе с несколькими христианами скрывался в «касре», где он провел 15 ночей, «переписывая книги вместе с братьями, каждую ночь до полуночи», причем «масло в лампе не уменьшалось и свет ее не ослабевал» [White, 1932, с. 352—353].

Комплектование библиотек. Пополнялись библиотеки за счет трех источников: покупки книг, дарений и переписки. Иногда второе и третье совпадало, т. е. жертвователь поручал за плату переписать книгу монаху того монастыря, куда хотел сделать вклад.

Монастырю св. Макария император Зенон в конце V в. выделил ежегодную субсидию, часть которой, несомненно, должна была предназначаться для создания библиотеки, полностью погибшей при разграблениях монастыря в первой половине V в.

Наиболее раннее свидетельство существования библиотеки в Ските — надпись на Ватиканской сирийской рукописи, гласящая, что эта книга была куплена такого-то числа такого-то месяца 576 г.

«для святого монастыря Скетиса в дни благочестивейшего мар Феодора, настоятеля, путем дара от бога и его (Феодора) собственных денег. Эту книгу он купил вместе с другими для рассмотрения, чтения и духовного поучения» [White, 1926, с. XXII—XXIII]. В 927 г. во время поездки в Багдад (с целью добиться отмены налога) и последующего пятилетнего путешествия по Северной Месопотамии настоятель Моисей приобрел путем покупок и дарений солидную коллекцию книг для монастыря [White, 1932, с. 338]. Монастырская община монастыря св. Меркурия Стратилата на горе Эдфу купила для своего монастыря в 989 г. книгу, содержащую энкомий Целестина Римского в честь архангела Гавриила [Lantschoot, 1929, с. 96—97, № LIX].

Настоятели монастырей и монахи на свои средства заказывали переписку книг для библиотеки своего монастыря. Так, настоятель Белого монастыря апа Виктор в 986 г. подарил какую-то книгу в библиотеку [Lantschoot, 1929, с. 145—147, № LXXXV]. Архимандрит монастыря архангела Михаила в Сопехесе апа Дамиан в 823 г. за свой счет заказал переписать для библиотеки монастыря сборник житий [Lantschoot, 1929 с. 1—4, № I). Один из его преемников, апа Иоанн, в конце IX в. подарил переписанный по его заказу ирмологий [Lantschoot, 1929, с. 41—42, № XXXIII]. В середине IX в. настоятели этого монастыря апа Косьма и диакон Хаэль подарили сборник житий и проповедей [Lantschoot, 1929, с. 14—16, № VII]. Архимандрит того же монастыря Илия подарил в 904 г. энкомий Диоскора Александрийского, посвященный Макарию Антеупольскому [Lantschoot, 1929, с. 73—74, № XLVI]. Диакон Захария и архидиакон Хаэль (один раз вместе с ними и апа Авраам) в начале XI в. в течение нескольких лет заказывали на свои средства книги для библиотеки своего монастыря — монастыря св. Меркурия Стратилата [Lantschoot, 1929, с. 208—216, № CXVIII—CXX]. Группа монахов в середине XII в. заказала на свои средства для библиотеки своего монастыря сборник духовных поучений [Lantschoot, 1929, с. 170—172, № CI].

Дарение книги было одним из самых распространенных видов вклада в монастырь и считалось актом глубокого благочестия. В колофоне одной из таких книг подобный дар называется «даром, более избранным, чем все дары неба» [Lantschoot, 1929, с. 110, № LXV]. Многие люди делали заказы на переписку книг для пожертвования в монастырь или церковь «ради спасения души». Так, например, в колофоне книги, содержащей проповедь Феофила Александрийского о святом кресте и добром разбойнике, скопированной в 855 г. диаконом Кириллом и его сыном апой Киром по заказу двух братьев, апы Косьмы

и диакона Тхотера, записано следующее: «Пусть он (т. е. Христос) благословит апу Косьму и диакона Тхотера, его брата, потому что они позаботились о ней (книге) и дали ее Михаилу (т. е. в монастырь архангела Михаила) ради спасения своих душ, и, когда они выйдут из тела, пусть бог воздаст им за их (выполненный) обет в десять тысяч раз в Иерусалиме небесном» [Lantschoot, 1929, с. 16—17, № VIII].

Книга была дорогим приношением, и нередко она дарилась от имени всей семьи. Так, например, упоминаются в качестве дарителей диакон Нахрау с женой, сыновьями и братьями [Lantschoot, 1929, с. 19—20, № X], Иаков с сестрой и матерью [Lantschoot, 1929, с. 59—60, № XXXV], Петр из Нармуте с дочерью Нимнной [Lantschoot, 1929, с. 39—40, № XXI]. Среди дарителей мы нередко встречаем женщин. Так, например, Танасия, дочь Анастасии, в 903 г. подарила в церковь архангела Михаила в своем селении книгу с проповедью Севера Антиохийского об архангеле Михаиле; впоследствии эта книга попала в монастырь архангела Михаила в Сопехесе [Lantschoot, 1929, с. 71—72, № XLV]. В тот же монастырь в начале X в. Флавия, дочь Кирилла, подарила книгу, содержащую Мартирий Феодора Восточного, Леонтия Араба и Паникирия Перса и Житие Максима и Домеция, составленное Псоем Константинопольским [Lantschoot, 1929, с. 75—76, № XLVII]. Некая Кунтите в 983 г. пожертвовала книгу со службой архангелу Михаилу в монастырь его имени «ради спасения ее души, и ее мужа, и ее детей»; она, очевидно, была сестрой диакона Марка, которому заказала переписать эту книгу [Lantschoot, 1929, с. 144—145, № LXXXIV].

Бывали случаи, когда даритель заказывал переписать книгу для монастыря монаху этого же монастыря. Так, Мартирий св. Апаиуле и Птелеме по заказу анонимного дарителя был переписан для монастыря архангела Михаила в Сопехесе Эпимой, монахом того же монастыря [Lantschoot, 1929, с. 10—12, № V]. В 952 г. анонимный же даритель заказал для вклада в монастырь апы Косьмы в Файюме переписать повествование об обращении в христианство иверов монаху этого монастыря диакону Иосифу [Lantschoot, 1929, с. 90—92, № LVI].

По заказу дарителей монахи могли копировать книги, хранящиеся в монастыре, для пожертвования копии в другой монастырь или церковь. В 1091 г. по заказу некоей Такех писец-монах Белого монастыря Рафаил скопировал сборник гомилий, имевшийся в библиотеке монастыря, для пожертвования в монастырь Девы Марии [Lantschoot, 1929, с. 128—131, № LXXVII]. Около 1118 г. монах Белого монастыря Георгий заказал для какой-то церкви, расположенной южнее (название не сохрани-

лось), переписать лекционарий с рукописи, хранящейся в монастыре, писцу-монаху этого монастыря Виктору (о нем см. ниже). Как указывается в колофоне, Георгий воздвиг эту церковь на свои средства и заботился о службе в ней [Lantschoot, 1929, с. 138—139, № LXXXI].

Конечно, книги для монастырских библиотек переписывались монахами не только за счет дарителей, но и как их собственный вклад в благочестивое дело. Большой том проповедей и посланий Шенуте был каллиграфически переписан монахами какого-то монастыря примерно в X в., поскольку имевшаяся у них книга сильно износилась. Начало колофона гласит: «В этом самом году, 9-м (году) индикта, мы скопировали все слова, написанные в четвертой древней книге слов нашего святого отца, пророка апы Шенуте, в эту книгу, ту, которую мы написали заново» [Lantschoot, 1929, с. 153—155, № XCI]. Также сборник поучений Шенуте переписала в 950-х годах группа монахов, очевидно, для своего монастыря [Lantschoot, 1929, с. 142—143, № LXXXIII].

Дарители могли покупать при случае и готовые рукописи для вклада в монастырь. Написанный диаконом Сусинне в начале XII в. сборник псалмов и молитв через много лет был куплен у кого-то неким Птукесом и пожертвован в Белый монастырь. Впоследствии, во время набега Ширкуха на Египет в 1167 г., он попал в руки тюркских солдат, очевидно при разграблении Белого монастыря, затем куплен у них Абу Насром из селения Тампети в округе Пемдже и в 1172 г. подарен им, по-видимому, тому же Белому монастырю [Lantschoot, 1929, с. 173—177, № CII]. Книга, содержащая Притчи, Екклесиаст и Книгу Иова, написанная неким диаконом для своего употребления в X в., в XI в. попала в руки Феодора, сына Мены, и Тдукс, дочери Пиротхе (по-видимому, мужа и жены), которые пожертвовали ее в Белый монастырь [Lantschoot, 1929, с. 122—124, № LXXIV]. Пиротхе, отец Тдукс, купил для того же монастыря книгу по истории церкви [Lantschoot, 1929, с. 124—126, № LXXV].

Хранители монастырских библиотек заботились об их комплектовании. Эконом Белого монастыря диакон Василий (см. ниже) приобретал книги для библиотеки, пополнял лакуны, странствовал по монастырям в поисках нужных книг для переписки. Он собирал и переписывал различные поучения и проповеди, из которых составил сборник, послуживший, в свою очередь, материалом для дальнейшего копирования. В 1091 г. некая Такеш заказала Рафаилу, писцу-монаху Белого монастыря, скопировать упомянутую книгу для «монастыря св. Девы в пустыне апы Шенуте» — женского монастыря, расположенного вблизи Белого монастыря. В колофоне имеется сле-

дующая запись: «И пусть он (т. е. бог) продлит жизнь и крепость нашего боголюбивого брата, пресвитера папы Василия, сына блаженного (т. е. покойного) Сарапана, ибо он потрудился составить эту книгу слов благодаря своему старанию, ища в монастырях повсюду, пока не собрал и не списал их» [Lantschoot, 1929, с. 129—130, № LXXVII].

Положение библиотек. Монастырские библиотеки находились как бы в двойном ведении — по духовной и хозяйственной линии. Они относились к церкви и составляли часть церковного имущества. В то же время, как ценное имущество, книги должны были быть на учете у монастырского эконома, ведавшего приходом, хранением и расходом. И конечно, покупка книг на средства монастыря должна была находиться в его ведении — во всяком случае, выдача денег для этой цели. В посвятительных надписях мы находим в некоторых случаях, что даритель адресует свое подношение «церкви монастыря» [Lantschoot, 1929, с. 34—35, № XVIII; с. 185—186, № CVIII; с. 46—48, № XXVI]. И напротив, есть случаи, когда приношение адресуется экономату монастыря [Lantschoot, 1929, с. 148—149, № LXXXVII].

Монастырские экономы часто бывали и библиотекарями. Причина того, что библиотека находилась в ведении эконома, заключалась не только в большой ценности книг. Она была одновременно и архивом, где хранились деловые бумаги. В документах о дарении детей монастырям постоянно встречается формула такого типа: «Я дал его (т. е. дарственный документ) нашему отцу епископу, чтобы он поместил его в библиотеку святого монастыря, чтобы, если воспрепятствуют мальчику быть рабом святого монастыря, его (т. е. документ) предъявили» (см., например, [Crum — Steindorff, 1912, с. 285, № 89; 304, № 96; 316, № 100]). Писцы монастыря, естественно, должны были вести и хозяйственную документацию монастыря [28].

Библиотекари. В колофонах многих рукописей монастырских библиотек мы находим приписки, сделанные нередко много времени спустя после поступления книги в библиотеку. Они могут содержать имя, иногда и дату либо молитву. Приписки эти делались читателями. Однако трудно предположить, чтобы книга за все время ее пребывания в монастыре была прочтена одним-двумя читателями, тем более что нередко приписка содержит обращение к читателям, как, например, приписка к экземпляру Канонов апостолов, подаренному в 1006 г.

---

[28] Так, например, Шенуте упоминает о писце, учитывающем поставки в монастырь и составляющем ведомости ко дню выдачи поставщикам платы [Leipoldt, 1913, с. 43].

неким Тхотером в монастырь св. Девы в Таханхоре: «Помяните любовно меня, мои отцы и братья, все, которые прочтут эту книгу» [Lantschoot, 1929, с. 106, № LXII], или приписка к рукописи, содержащей историю обращения иверов в христианство (см. выше): «Вспомяните меня любовно все, которые [прочтут] эти писания, будь то клирики, будь то миряне, пусть они скажут: Пусть господь Иисус защитит того, кто это написал» [Lantschoot, 1929, с. 92, № LVI]. Последняя приписка особенно интересна тем, что упоминает в числе читателей и не духовных лиц, мирян, хотя книга находилась в библиотеке монастыря. Более вероятным, а иногда, как мы увидим ниже, и несомненным является то, что приписки эти делались не простым читателем, а хранителем книг, библиотекарем.

На двух книгах из монастыря архангела Михаила есть приписки диакона Феодора, монаха этого монастыря, сделанные тайнописью. Ряд книг из той же библиотеки содержит приписки монаха Гавриила, прожившего долгую жизнь и имевшего, очевидно, отношение к библиотеке, может быть, бывшего ее хранителем. В 823 г. он называет себя еще «мальчиком (монастыря) архангела Михаила» [Lantschoot, 1929, с. 3—4, № I]; в недатированной рукописи и рукописи 862 г. [Lantschoot, 1929, с. 24, № XII] он именуется в приписке уже священником. Интересна первая из этих двух его записей, гласящая: «Книга святого Воскресения это. Ее я завершил своей рукой. Гавриил священник» [Lantschoot, 1929, с. 18, № IX]. Поскольку книга написана не его почерком, здесь, возможно, имеется в виду, что он собрал этот сборник гомилий или привел его в порядок. Последняя запись его, известная нам, относится уже к 894/895 г. [Lantschoot, 1929, с. 41, № XXII].

Из записей в колофонах нескольких книг библиотеки Белого монастыря перед нами вырисовывается яркий образ древнего книголюба, заботящегося о пополнении монастырской библиотеки, старавшегося восполнить утраты, разыскивавшего повсюду по монастырям сочинения, собиравшего и переписывавшего их. Это был эконом и хранитель библиотеки Белого монастыря диакон Василий, живший во второй половине XI, возможно и в начале XII в. Наиболее ранняя его запись — в колофоне книги по истории церкви, купленной Пиротхе (см. выше) для вклада в монастырь. Впоследствии дочь Пиротхе со своим мужем также пожертвовала книгу, и побудил ее к этому дару (как, возможно, и ее отца в свое время) Василий. После моления за дарителей следует приписка: «Эта книга поступила в монастырь благодаря нашему попечительному брату Василию, монаху и эконому» [Lantschoot, 1929, с. 123, № LXXIV]. Колофон

 другой книги гласит: «А этот благой (дар) совершен старанием

нашего боголюбивого брата и эконома, монаха истинного. . . он позаботился о (приобретении) этой книги и дал ее в монастырь пророка апы Шенуте горы Атрите. Он — это брат Василий, любящий писания, желающий, чтобы каждый поучался. Поэтому он восстановил эту книгу после того, как она погибла» [Lantschoot, 1929, с. 126—127, № LXXVI]. Колофон еще одной книги свидетельствует, что она была подарена тем же Василием. В колофоне кодекса, подаренного в женский монастырь вблизи Белого монастыря и скопированного с оригинала, хранившегося в Белом монастыре, копиист, монах последнего, написал в 1091 г. моление о жизни и здравии пресвитера Василия, который составил этот сборник из сочинений, разысканных им в разных монастырях и переписанных [Lantschoot, 1929, с. 131—132, № LXXVIII].

Имена двух библиотекарей известны нам из каталогов (см. ниже). Библиотекаря Белого монастыря, записавшего на стенах библиотеки названия книг, звали Клавдием, сыном Палеу. Библиотекарь, составивший список книг монастыря св. Илии На Скале, именовался Калапесием.

Работа в библиотеках. В монастырских библиотеках велась работа по переписке книг — как по заказам (в том числе для вклада в тот же самый монастырь), так и для нужд самой библиотеки. Молодыми монахами-переписчиками руководили ученые монахи, исполняя роль учителей и консультантов. В конце XI—начале XII в. в Белом монастыре таким ученым был монах Матфей. В 1091 г. в колофоне книги, заказанной Такеш (см. выше), переписчик Рафаил специально указал на помощь, оказанную ему Матфеем: «Мы завершили этот том 12-го паоне, причем брат диакон Матфей вместе со мной в библиотеке писания приложил руку во всяком деле». Уже в 1112 г., завершив переписку Четвероевангелия, другой писец Белого монастыря, Виктор, пишет о Матфее: «Наш попечительный отец Матфей является архидиаконом и учителем этой святой церкви, и он трудился со мной и приложил руку в своей любви и своих великих познаниях, которые невозможно описать. До тех пор пока я, ничтожный в познании, не завершил эту книгу, в той мере, в какой был способен (это) сделать, он, со своей стороны, учил меня в своей любви не только ко мне одному, но ко всякому, кто его попросит» [Lantschoot, 1929, с. 133—137, № LXXX].

Виктор, выучившись у Матфея, стал опытным писцом; сохранилась еще одна рукопись, написанная им спустя шесть лет, когда, по-видимому, Матфея не было уже в живых [Lantschoot, 1929, с. 137—139, № LXXXI].

В колофоне вышеупомянутой рукописи Copte № 1 Французского института в Каире, каллиграфически переписанной

монахами какого-то, возможно Белого, монастыря, говорится, что работа производилась в «доме каллиграфов», начальником которого был архиерей апа Петр, а в качестве руководителя и консультанта выступал «ученый апа Пешате, главный чтец и архидиакон» монастыря.

Желая послужить благочестивому делу, некоторые монахи, по тем или иным причинам прибывшие в монастырь, приводили в порядок книги в библиотеке. Так, например, в конце XII в. в Монастырь Сирийцев прибыл монах, «заслуживший добрую память», поскольку он провел большую работу по реставрации и переплетению около 100 книг [White, 1932, с. 448]. Среди сирийских монахов, бежавших от турок в 1084 г. в Египет, в Скит и Монастырь Сирийцев, был Барсавма, который привел библиотеку последнего в порядок, переплел разорванные и «разбросанные по всему монастырю» рукописи [White, 1932, с. 358].

Ученые и писатели пользовались для своих работ материалами библиотек. В XI в. Север Ашмунейский пользовался для составления своей «Истории патриархов» библиотекой монастыря св. Макария [White, 1926, с. XXVI]. Его последователь, продолжавший эту работу, Маухуб написал в своем предисловии: «В монастыре Абу Макар мы открыли истории десяти патриархов, от Михаила до Шенути, составленные Михаилом, епископом Тинниса» [White, 1926, с. XXVII]. Макарий, священник монастыря Иоанна Колова, написавший в первой половине XIV в. «Номоканон» — произведение о коптском каноническом праве (на арабском языке), — материал для своей компиляции брал из многих книг в монастырях в Вади-Натрун и в Каире [White, 1926, с. XXVIII; White, 1932, с. 392]. Сирийский писатель Ана-Ишо, посетивший в первой половине VII в. Скит, чтобы собрать материал для своего «Рая отцов», использовал очень известное в свое время, но не дошедшее до нас коптское сочинение «Рай Скита» [White, 1926, с. XXIII].

В монастырских библиотеках велась широкая переводческая деятельность. В более раннюю эпоху главным образом переводились с греческого произведения отцов, послания патриархов и т. п., редактировался перевод Писания (который в основном, по-видимому, был завершен ко времени создания и в первое время существования монастырей — в IV—V вв.). Так, например, Феодор, преемник основателя первых монастырей Пахома, приказал монахам перевести на египетский (коптский) язык послание Афанасия Александрийского (39-е послание, 367 г.), чтобы им могли руководствоваться. С одних диалектов на другие перелагались переводы Писания. В начале II тысячелетия, когда коптский язык стал отмирать, коптские книги должны

 были быть переведены на арабский. Теперь при переписке они

снабжались рядом (с правой стороны) арабским подстрочником. Делались переводы с сирийского и эфиопского на коптский и наоборот, чему способствовало существование в Вади-Натрун не коптских монастырей: сирийского, эфиопского и армянского, а также то, что нубийская и эфиопская церкви были подчинены коптской.

Каталоги. До нас дошло три каталога монастырских библиотек. От одного из них сохранился только отрывок на фрагменте папируса, и неизвестно, что это была за библиотека. Другой каталог — на остраконе, а третий — на стенах самого помещения библиотеки.

Наиболее хорошо сохранился каталог на остраконе. Этот остракон был куплен Бурианом у торговца древностями в Луксоре в 1888 г. [Bouriant, 1889, с. 131—138; новое издание: Coquin, 1975]. Это кусок известняка неправильной формы с максимальными размерами 18,5×24,5×2,8 см, исписанный с обеих сторон: на лицевой стороне — в две неправильные колонки, разделенные линией, причем строки идут в направлении наибольшего размера, на обороте — сплошным текстом, причем строки идут в направлении меньшего размера. Это единственный полностью сохранившийся каталог. Нельзя сказать, продолжался ли он на другом остраконе, но мы имеем право говорить о его полноте потому, что первичный каталог завершен, а потом следуют записи новых поступлений. Судя по палеографическим данным, его следует датировать концом VII—началом VIII в. Составитель его — некий Калапесий.

Текст (после вступительной молитвенной фразы) начинается заголовком «Каталог книг святых монастыря апы Илии На Ск[але]». Очевидно, как установил Крам [Winlock—Crum, 1926, с. 113] [29] по материалам Бока [Бок, 1901, с. 83], от этого монастыря осталась высеченная в скале церковь, расположенная недалеко от Накады в диоцезе Куса [30].

Каталог содержит названия 80 книг и делится на три части. Первая часть — первичный каталог из 33 названий, куда входит ряд книг Ветхого и Нового завета, лекционарии, устав

---

[29] Как ни странно, новый издатель остракона, Кокэн, ничего не говорит об этом отождествлении Крама и, следовательно, о местоположении монастыря.

[30] Буриан тоже предполагал, что монастырь находился недалеко от Куса, но на ином, ошибочном основании считая, что название № 49 и 50 «Инструкция Ко(о)са» означало «L'Instruction (du diocèse) de Kos». В действительности, как указал Крам, имелась в виду инструкция касательно обряда погребения (*коос*). Кокэн, не заметивший крамовской локализации монастыря, решил, что Мюллер [Müller, 1959, с. 326], относя этот монастырь к диоцезе Куса, руководствовался ошибочным толкованием Буриана.

Пахома, книга наставлений Афанасия Александрийского и мартиролог апы Филофея. Второй раздел носит название: «Также и другие книги, которые были даны Калапесию во второй раз, в год первого индикта». Сюда входит еще 25 названий, в основном жития и уставы, а также книга по истории церкви. Третий раздел озаглавлен: «Поступившие после них в монастырь святой суть следующие». Перечислены 22 книги разнообразного содержания: Книги Иова, Даниила, Притчи, проповеди, мартирологи, «маленькая (книга) о богатых и бедных» и «врачебная книга».

Каждый раз указывается материал, на котором написана книга. Это писчий материал четырех видов: пергамен, папирус, «папирус старый», и «папирус новый». Последние термины остаются непонятными; предположение Амелино [Amélineau, 1907, с. XVII], что «новый папирус» означает бумагу, не может быть верным, поскольку в то время бумаги в Египте еще не было. Материал не указан в четырех случаях, причем в одном из них (№ 48, наставления Шенуте) отмечено: «на старой книге» — по-видимому, имеется в виду палимпсест. Более всего книг на папирусе — 61, из них 17 — на «новом», 8 — на «старом». Размеры книг не указаны. Только изредка, когда книга, очевидно, резко выделялась своим малым форматом, она отмечалась как «маленькая» (три случая: № 32, 75, 79).

Среди коптских папирусов, привезенных Питри из Файюма в 1889 г., находился фрагмент папируса с перечнем названий книг (описание: [Crum, 1892, с. 50]; издание: [Crum, 1893, с. 60, № XLIV]). Это, собственно, не каталог библиотеки как таковой, поскольку носит название «Список книг, которые мы разметили» [31], но несомненно, что эти книги являлись частью библиотеки, в которой работали составившие его монахи. Перечислено 105 книг — 16 книг Ветхого завета (из них 8 псалтирей), примерно 10 — Нового завета, 44 лекционария, антифонарий, гомилии. Около десятка книг — на греческом языке. Как и в каталоге Буриана, указывается материал — папирус или пергамен, причем и тот и другой может быть и «старый», и «новый» (в каталоге Буриана эти эпитеты относятся только к папирусу). Часть названий сопровождается эпитетами «petalon» и «atpetalon». Крам сообщает, что, по мнению проф. Вилькена, эти термины служат для указания формы книги, чтобы различать папирусные свитки от кодексов [32]. Однако папирусы, най-

[31] Употреблен глагол stisi (греч. *стизо*). В документе на остраконе, в котором содержится просьба «проколоть и разметить» книгу [Crum, 1902, с. 98, № Add. 50], употреблен коптский глагол šōl^{e}h.

[32] «Petalon» означает по-гречески «лист (растения)», «(металлическая) пластинка»; «petalos» — «широкий»; at — коптский отрицательный префикс «не», «без».

денные Питри, относятся к VIII—IX вв. Существование свитков (и в таком большом количестве) в такую позднюю эпоху невозможно предположить.

Особенный интерес своей оригинальностью вызывает каталог книг библиотеки Белого монастыря. Весной 1903 г. английский каноник У. Т. Олдфилд посетил этот монастырь (в значительной части превратившийся в руины) и списал ряд надписей, находившихся на стенах, которые в следующем году были изданы Крамом [Crum, 1904]. Те из них, которые он списал со стен маленькой квадратной комнаты (ок. 12,5 кв. м), расположенной за церковью, в северо-восточном углу, оказались каталогом книг. Несомненно, это было книгохранилище, библиотека. Надписи сохранились очень плохо, но все же в основных чертах дают понятие о составе и размещении книг. Их названия были написаны в тех местах, где когда-то стояли полки с книгами. Таким образом, за книгами были закреплены определенные места. Книги были распределены по темам. Так, у северной стены располагались полки со списками Нового завета; гомилетика и труды по истории церкви находились у восточной стены, агиографические сочинения — у западной. У южной стены должны были стоять книги с переводами Ветхого завета, но надписи на ней не сохранились.

К сожалению, неизвестно, когда был составлен этот каталог, но имя библиотекаря, его составившего, дошло до нас, поскольку в начале каждого раздела, т. е. на каждой стене, он записал короткое моление за себя. Это был апа Клавдий, сын Палеу Мисхина.

Белый монастырь располагал настоящими книжными богатствами, рассеянными сейчас по многим книгохранилищам мира. Восстановить состав этой библиотеки хотя бы с приблизительной полнотой уже невозможно, но все же учет всех рукописей, происходящих из Белого монастыря, в музеях и библиотеках разных стран позволяет составить о ней общее представление.

Библиотека Белого монастыря. Монастырь в 8 км к северо-западу от г. Сохага, основанный в 350 г. апой Пжолем, известен в первую очередь тем, что его настоятелем с 385 г. (после апы Пжоля) был крупнейший коптский писатель, классик коптской литературы Шенуте (333—451). «Белым монастырем», Дейр эль-Абйад, он был прозван в народе уже в арабскую эпоху в связи с тем, что построен он из тесаного известняка в отличие от расположенного неподалеку «Красного монастыря», сложенного из кирпича.

Библиотека Белого монастыря была одной из самых больших, если не самой большой коптской библиотекой. И, что особенно важно, она была местом создания, записи и хранения про-

изведений Шенуте, бывшего в течение почти семидесяти лет, до самой кончины, настоятелем этого монастыря. Списки его сочинений, сделанные с оригиналов, хранившихся в библиотеке Белого монастыря, расходились по всей стране.

Белый монастырь был построен, подобно другим коптским монастырям, как крепость для защиты от набегов (см. выше). Его мощные стены хорошо сохранились и по сей день, но значительная часть внутренних построек превратилась в руины. В 1883 г. знаменитому французскому египтологу Гастону Масперо посчастливилось обнаружить там бывшее книгохранилище [Maspero, 1892, с. 1]. Ко времени открытия Масперо в этом хранилище оставалась только куча отдельных пергаменных листов и обрывков, сваленных на полу; их оказалось около 4 тыс. Как выразился Масперо, это были «ошметки древней библиотеки знаменитого монастыря Амба-Шенуда». Само помещение он описывает как «келью, расположенную позади хоров в башне-убежище (tour de réfuge), сообщавшуюся с корпусом церкви только через секретный узкий проход». Большинство рукописей было приобретено Парижской Национальной библиотекой, остальная часть разошлась по музеям Берлина, Лондона, Лейдена и попала в руки торговцев древностями. Основная же часть библиотеки была распродана еще в XVIII в. «Это хранилище, — писал Масперо, — используемое в прошлом монахами Ахмимской миссии, которые оттуда извлекли большинство рукописей, опубликованных Мингарелли, Соэгой и Войдом, было забыто на целое столетие, пока счастливый случай не позволил нам открыть его в 1883 г.». Однако Масперо, сделавший такую замечательную находку, не обратил внимания на остатки надписей на стенах хранилища, которые, как говорилось выше, лишь через 20 лет были обнаружены и списаны Олдфилдом и которые оказались каталогом книг библиотеки. Они позволяют в некоторой степени определить состав библиотеки.

В сохранившейся части надписи на северной стене, где стояли ранее книги с переводами Нового завета, упоминаются 109 экземпляров Четвероевангелия «малого и большого размера» в футлярах и 10 экземпляров без футляра, а также послания и деяния апостолов. На восточной стене можно прочесть только остатки названий; это сочинения каких-то епископов, послания, «Книга по истории» (букв. «Историческая книга»). На западной стене перечисляются агиографические произведения — жития Висы, Севера Антиохийского, Писентия, Иоанна Колова, апы Памина, Археллита, апы Илии, апы Авраама, апы Зиновия, апы Матфея, Кирилла, Шенуте (8 экз.), апы Аполло, апы Пахома (20 экз.), апы Марка, апы Моисея (2 экз.), Матфея Бедного,

 апы Симона, Киприана Антиохийского, апы Самуила, апы Фео-

дора, апы Хемиме, апы Пахома с Хорсиэсе и Феодором, 24 старцев Скита, апокрифические деяния апостолов. Кроме того, упоминаются произведения Висы (преемника Шенуте) о воскресении и о «нашем отце апе Шенуте» [33] и книга «Давид царь» (13 экз.; очевидно, Псалмы). Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что почти все из перечисленных выше сочинений дошли до нас во фрагментах, происходящих из Белого монастыря.

В настоящее время рукописи из Белого монастыря хранятся в следующих музеях и библиотеках: в Национальной библиотеке в Париже, в Национальной библиотеке в Неаполе (коллекция Борджиа), в Британской библиотеке в Лондоне, в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, в Лейденском музее, в библиотеке Джона Райлендса в Манчестере, в Берлинской библиотеке, в Венской библиотеке, в библиотеке св. Марка в Венеции, во Флорентийской библиотеке, в Археологическом музее Мичиганского университета в Энн-Арборе, в Луврском музее, в Каирском музее, во Французском институте восточной археологии в Каире и в коптском патриархате в Каире. Ряд листов и фрагментов имеется в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В настоящее время планируется выявление всех дошедших до нас книг из библиотеки Белого монастыря [Orlandi, 1972]. Международный центр исследования коптских рукописей и литературы, база которого находится в Италии, собирается предпринять издание «Корпуса коптских литературных рукописей», и в программу его работы входит реконструкция библиотеки Белого монастыря. В проекте «Корпуса» говорится следующее:

«Эта библиотека превратилась в центр коптской культуры в V—X вв. Она обладала большим числом манускриптов коптской литературы, монашеской и церковной, и была несоизмеримо более богатой, чем все другие библиотеки, которые мы знаем. Характеристика библиотеки уже дана тем фактом, что все ее манускрипты были в свое время расчленены и их фрагменты распространились по всем главным собраниям коптских рукописей Египта, Европы и Америки. Эти фрагменты будут

---

[33] Крам переводит это место таким образом: «Apa Bêsa concerning the resurrection of the body, and our father Apa Shenoute»; однако в коптском языке после союза men «и» предлог не повторяется, и, следовательно, здесь должна идти речь о двух произведениях Висы: «о воскресении тела и о нашем отце апе Шенуте». В примечании Крам отмечал другую возможность — пропуск в тексте «[и об успении] нашего отца апы Шенуте». Такой пропуск едва ли был возможен, а, с другой стороны, житие Шенуте, написанное Висой, хорошо известно и непременно должно было находиться в этой библиотеке.

насколько возможно выявлены и сфотографированы. От этого надо будет перейти к поискам фрагментов, дополняющих отдельные кодексы, и к определению работ, которые они содержат» (Corpus dei manoscritti copti letterari. Roma, 1978).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнейшая рукописная книга дошла до нас из Египта. Мы не говорим о глубочайшей древности папирусных свитков, но и древнейшую книгу в буквальном смысле, т. е. кодекс, сшитые и заключенные в переплет листы, сохранили для нас пески Египта.

Самые ранние из найденных в Египте кодексов — греческие, от II в.; о существовании более древних мы знаем только по упоминаниям. Что же касается коптских книг, то древнейшие из дошедших до нас датируются второй половиной III в., хотя есть сведения о существовании их еще во II в. Однако ранняя греческая книга не представлена целыми экземплярами. Это либо листы и фрагменты, либо в большей или меньшей степени неполные кодексы, без переплетов. Древнейшая же книга в ее целом, неповрежденном виде — исключительно коптская, известная по ряду великолепных экземпляров (конец III—начало IV в.), позволяющих увидеть древнюю книгу такой, какой она была в действительности. Кроме того, если коптская книга несколько моложе греческой и, более того, произошла от нее, взяла ее за образец, то все же копты впервые ввели у себя во всеобщее употребление ту наиболее удобную для пользования форму книги, которая дожила до настоящего времени, — кодекс, листы, заключенные в переплет, решительно отвергнув форму свитка, тогда как у греков еще довольно долгое время книга-свиток сосуществовала с книгой-кодексом. Коптская переплетная техника, древнейшая из известных в настоящее время, прямо или опосредованно повлияла во многих отношениях на европейскую и ближневосточную. То же можно сказать и об оформлении текста книг. Коптский книжный орнамент достиг высокой степени развития и по своему уровню и влиянию занял видное место в книжной культуре Европы и Ближнего Востока.

Рукописная книга была хранителем и носителем духовных ценностей народа, средством их распространения и обмена ими при культурном взаимодействии народов друг с другом. Но помимо этой роли, свойственной в большей или меньшей степени рукописной книге всех народов, коптская рукописная книга имела и особое значение для коптской культуры. Уже ее зарождение было связано с созданием системы письма, которой мог

пользоваться египетский народ, и в распространении грамотности в его среде ей принадлежит главная роль. Мало того, она с самого начала предназначалась для народных масс и являлась важнейшим фактором в формировании народной египетской культуры в противовес греческой, эллинистической культуре, которая была достоянием лишь верхушки египетского общества и которая была чужда массам.

Египетская книга первых веков нашей эры, греческая и коптская, стоит у истоков рукописной книги, европейской и ближневосточной. Если правомерно сравнение с европейской печатной книгой, первые образцы которой, издания XV в., рассматриваются как книга in cunabula, «в колыбели», и представляют собой величайшую историко-культурную ценность, инкунабулы, то в египетской книге мы имеем дело с такими же инкунабулами рукописной книги. По ним, этим инкунабулам первых веков, мы видим становление образца, выработку нормы, которая определит все развитие формы рукописной книги и скажется на форме книги печатной. Только из египетской книги мы узнаем те сведения, которые так ценятся, так тщательно и скрупулезно учитываются у инкунабул типографских: поиски формата (величина, соотношение высоты и ширины), конструкции (однотетрадные и многотетрадные кодексы), способы переплетения. Благодаря египетской книге в целом и в самой значительной степени коптской, наука получила четкое представление о начальном этапе в истории книги.

Бок, 1901. — Бок В. Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.
Ернштедт, 1948. — Ернштедт П. В. Техника изготовления папируса. — Эллинистическая техника. Сборник статей. М.—Л., 1948.
Ернштедт, 1959. — Ернштедт П. В. Коптские тексты Государственного Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.—Л., 1959.
Лукас, 1958. — Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
Ранович, 1949. — Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949.
Рафалович, 1850. — Рафалович А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.
Тураев, 1907. — Тураев Б. А. Коптские заметки. — ЗВОРАО. Т. 18, 1907—1908.
Allberry — Ibscher, 1938. — Allberry C. R. C. — Ibscher H. A Manichaean Psalmbook. Stuttgart, 1938 (Manichäische Handschriften der Sammlung A. Chester Beatty. 2).
Amélineau, 1907. — Amélineau E. C. Oeuvres de Schenoudi. Texte copte et traduction française. T. 1. P., 1907.
Bell, 1921. — Bell H. J. The «Thyestes» of Sophocles and an Egyptian Scriptorium. — Aegyptus. Anno 2, № 3—4, 1921.

Bell — Thompson, 1925. — Bell H. J., Thompson H. A Greek-Coptic Glossary to Hosea and Amos. — The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 11, 1925.

Böhlig, 1963. — Böhlig A. Proverbien-Kodex. Lpz., 1963.

Böhlig — Ibscher, 1939. — Böhlig A. — Ibscher H. Kephalaïa. Stuttgart, 1939 (Manichäische Handschriften der Staatlichen Museen Berlin. 1).

Bonner, 1934. — Bonner C. Papyrus Codex of the Shepherd of Hermas. Ann Arbor, 1934.

Bouriant, 1889. — Bouriant U. Notes de voyage. — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. T. 11. P., 1889.

Bousset, 1923. — Bousset W. Apophthegmata. Studien zur Geschichte des ältesten Mönchtums. Tübingen, 1923.

Brunner, 1959. — Brunner H. Ägyptisches Schreibmaterial. — Handbuch der Orientalistik. Bd 1. Lpz., 1959.

Budge, 1898. — Budge E. A. W. The Earliest Known Coptic Psalter The Text, in the Dialect of Upper Egypt Edited from the Unique Papyrus Codex Oriental 5000 in the British Museum. L., 1898.

Budge, 1910. — Budge E. A. W. Coptic Homilies in the Dialect of Upper Egypt Edited from the Papyrus Codex Oriental 5001 in the British Museum. L., 1910.

Budge, 1912. — Budge E. A. W. Coptic Biblical Texts in the Dialect of Upper Egypt. L., 1912.

Budge, 1914. — Budge E. A. W. Coptic Martyrdoms, etc., in the Dialect of Upper Egypt. L., 1914.

Butler, 1884. — Butler A. J. The Ancient Coptic Churches of Egypt. Vol. 1. Ox., 1884.

Cockerell, 1932. — Cockerell D. The Development of Bookbinding Methods. Coptic Influence. — The Library. 4th series. Vol. 13, № 1. L., 1932.

Coquin, 1975. — Coquin R.-G. Le catalogue de la bibliothèque du couvent de Saint Elie «Du Rocher» (ostracon IFAO 13315). — Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Vol. 75. Le Caire, 1975.

Cramer, 1959. — Cramer M. Das christlich-koptische Ägypten einst und heute. Wiesbaden, 1959.

Cramer, 1964. — Cramer M. Koptische Buchmalerei. Illuminationen in Manuscripten des christlich-koptischen Ägypten vom 4. bis 19. Jahrhundert. Recklinghausen, 1964.

Crum, 1892. — Crum W. E. Coptic Papyri. — W. M. Flinders Petrie. Medum. L., 1892 (Chapter IX).

Crum, 1893. — Crum W. E. Coptic Manuscripts Brought from the Fayyum. L., 1893.

Crum, 1902. — Crum W. E. Coptic Ostraca from the Collection of the Egypt Exploration Fund, the Cairo Museum and Others. L., 1902.

Crum, 1904. — Crum W. E. Inscriptions from Shenoute's Monastery. — The Journal of Theological Studies. T. 5. Ox., 1904.

Crum, 1905. — Crum W. E. Catalogue of the Coptic Manuscripts in the British Museum. L., 1905.

Crum, 1921. — Crum W. E. Short Texts from Coptic Ostraca and Papyri. L., 1921.

Crum — Steindorff, 1912. — Crum W. E. — Steindorff G. Koptische Rechtsurkunden des achten Jahrhunderts aus Djême (Theben). Lpz., 1912.

Crum — White, 1926. — C r u m W. E. — W h i t e H. G. E. The Monastery of Epiphanius at Thebes. Pt 2. Coptic Ostraca and Papyri. N. Y., 1926 (The Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition. 4).
Devreesse, 1954. — D e v r e e s s e R. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. P., 1954.
Doresse, 1959. — D o r e s s e J. L'Evangile selon Thomas. P., 1959.
Doresse, 1961. — D o r e s s e J. Les réliures des manuscrits gnostiques coptes découvertes à Khenoboskion. — Revue d'égyptologie. T. 13. P., 1961.
Erman — Krebs, 1899. — E r m a n A. — K r e b s F. Aus den Papyrus der Königlichen Museen. B., 1899 (Handbücher der Königlichen Museen zu Berlin. 8).
Frantz, 1934. — F r a n t z M. A. Byzantine Illuminated Ornament. A Study in Chronology. — The Art Bulletin. Vol. 16. N. Y., 1934.
Grohmann, 1955. — G r o h m a n n A. Einführung und Chrestomathie zur arabischen Papyruskunde. Praha, 1955 (Monografie Archivu Orientálního. Studies, Texts and Translations Published by the Czechoslovak Oriental Institute ed. by J. Rypka. 13/1).
Guy, 1962. — G u y J.-C. Recherches sur la tradition grecque des Apophthegmata Patrum. Bruxelles, 1962 (Subsidia Hagiographica. 36).
Haardt, 1948. — H a a r d t R. Versuch einer altkoptischen Grammatik. Wien, 1948.
Hall, 1905. — H a l l H. R. Coptic and Greek Texts of the Christian Period from Ostraca, Stelae, etc. L., 1905.
Hintze — Schenke, 1970. — H i n t z e F. — S c h e n k e H. M. Die Berliner Handschrift der sahidischen Apostelgeschichte (P. 15926). B., 1970 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur begründet von O. von Gebhardt und A. von Harnack. 109).
Hobson, 1938. — H o b s o n G. D. Some Early Bindings and Binders' Tools. 1. Coptic Bindings. — The Library. 4th series. Vol. 19. L., 1938.
Horner, 1898. — [H o r n e r G.] The Coptic Version of the New Testament in the Northern Dialect. Vol. 1. Ox., 1898.
Horner, 1923—1924. — H o r n e r G. A New Papyrus Fragment of the *Didachê* in Coptic. — The Journal of Theological Studies. Vol. 25. Ox., 1923—1924.
Hussein, 1970. — H u s s e i n M. A. Vom Papyrus zum Codex. Der Beitrag Ägyptens zur Buchkultur. Lpz., 1970.
Husselman, 1947. — H u s s e l m a n E. M. A Bohairic School Text on Papyrus. — Journal of Near Eastern Studies. Vol. 6. Chicago, 1947.
Husselman, 1962. — H u s s e l m a n E. M. The Gospel of John in Fayumic Coptic (P. Mich. Inv. 3521). Ann Arbor, 1962 (Studies of the University of Michigan Kelsey Museum of Archaeology, 2).
Hyvernat, 1922. — H y v e r n a t H. Bibliothecae Pierpont Morgan codices coptici photographice expressi . . . T. 56. Romae, 1922.
Ibscher, 1928. — I b s c h e r H. Koptische Bucheinbände aus Ägypten. — Berliner Museen. Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen. Jg. 49. B., 1928.
Jansma, 1973. — J a n s m a N. S. H. Ornements des maniscrits coptes du Monastère Blanc. Groningen, 1973 (Scripta archaeologica Groningana. 5).
Kahle, 1954. — K a h l e P. E. Bala'izah. Coptic Texts from Deir El-Bala'izah in Upper Egypt. Vol. 1. L., 1954.

Kasser, 1958. — K a s s e r R. Papyrus Bodmer III. Evangile de Jean et Genèse I—IV, 2 en bohaïrique. Louvain, 1958 (Corpus scriptorum christianorum orientalium. Vol. 177. Scriptores coptici. T. 25).
Kasser, 1960. — K a s s e r R. Papyrus Bodmer VI. Livre des Proverbes, Louvain, 1960 (Corpus scriptorum christianorum orientalium. Vol. 194. Scriptores coptici. T. 27).
Kasser, 1962. — K a s s e r R. Papyrus Bodmer XIX. Genève, 1962.
Kenyon, 1932. — K e n y o n F. G. The Chester Beatty Biblical Papyri. — Gnomon. Kritische Zeitschrift für die gesamte klassische Altertumwissenschaft. Bd 8. B., 1932.
Koenen, 1974. — K o e n e n L. Ein Mönch als Berufsschreiber. Zur Buchproduktion im 5/6. Jahrhundert. — Staatliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung. Bd 8. Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums. B., 1974.
Koenen — Müller-Wiener, 1968. — K o e n e n L. — M ü l l e r - W i e n e r W. Zu den Papyri aus den Arsenioskloster bei Ṭurā. — Zeitschrift der Papyrologie und Epigraphik. Bd 2. Bonn, 1968.
Lacau, 1911. — L a c a u P. Textes coptes en dialecte akhmimique et sahidique. — Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire. T. 8. Caire, 1911.
Lacau, 1946. — L a c a u P. Fragments de l'ascension d'Isaïe en copte. — Le Muséon. T. 59. Louvain, 1946.
Lamacraft, 1939. — L a m a c r a f t C. T. Early Book-Bindings from a Coptic Monastery. — The Library. 4th series. Vol. 20. L., 1939.
Lantschoot, 1929. — L a n t s c h o o t Arn. van. Recueil des colophons des manuscrits chrétiens d'Egypte. T. 1. Fasc. 1. Louvain, 1929.
Lefort, 1938. — L e f o r t L. Th. Coptica Lovaniensia. — Le Muséon. T. 51. Louvain, 1938.
Lefort, 1939. — L e f o r t L. Th. Fragments d'apocryphes en copte-akhmimique. — Le Muséon. T. 52. Louvain, 1939.
Leipoldt, 1908. — L e i p o l d t I. Sinuthii archimandritae vita et opera omnia. 3. Parisiis, 1908 (Corpus scriptorum christianorum orientalium. Vol. 42. Scriptores coptici, textus. Series 2. T. 4).
Leipoldt, 1913. — L e i p o l d t I. Sinuthii archimandritae vita et opera omnia. 4. Parisiis, 1913 (Corpus scriptorum christianorum orientalium. Vol. 73. Scriptores coptici, textus. Series 2. T. 5).
Leroy, 1974. — L e r o y J. Les manuscrits coptes et coptes-arabes illustrés. P., 1974 (Institut français d'Archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique. T. 96).
Makrizi, 1845. — M a ḳ r ī z ī. Geschichte der Copten. Übers. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1845.
Mallon, 1925. — M a l l o n A. Quelques ostraca coptes de Thebes. — Revue de l'Egypte ancienne. T. 1. Fasc. 1—2. P., 1925.
Maspero, 1892. — M a s p e r o G. Fragments de la version thébaine de l'Ancien Testament. — Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française du Caire. T. 6. Fasc. 1. P., 1892.
Morey, 1912. — M o r e y Ch. R. Facsimile of the Washington Manuscripts of the Four Gospels in the Freer Collection. N. Y., 1912.
Morey, 1914. — M o r e y Ch. R. East Christian Paintings in the Freer Collection. N. Y., 1914 (University of Michigan Studies. Humanistic Series. Vol. 12).
Müller, 1959. — M ü l l e r C. D. G. Neues über Benjamin I, 38. und Agathon, 39. Patriarchen von Alexandrien. — Le Muséon. T. 3—4. Louvain, 1959.

Munier, 1918. — M u n i e r H. Un nouveau martyr copte saint Nabraha. — Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire. T. 15. Le Caire, 1918.
Orlandi, 1972. — O r l a n d i T. Un projet milanais concernant les manuscrits coptes du Monastère Blanc. — Le Muséon. T. 85. Louvain, 1972.
Paulsen, 1952. — P a u l s e n P. Koptische und irische Kunst und ihre Ausstrahlungen auf altgermanische Kulturen. — Tribus. Jahrbuch des Lindenmuseums. Stuttgart, 1952—1953.
Petersen, 1954. — P e t e r s e n Th. C. Early Islamic Bookbindings. — Ars Orientalis. The Arts of Islam and the East. Vol. 1. Baltimore, 1954.
Plumley, 1975. — P l u m l e y J. M. The Scrolls of Bishop Timotheos. Two Documents from Medieval Nubia. L., 1975.
Polotsky — Ibscher, 1934. — P o l o t s k y H. J. — I b s c h e r H. Manichäische Homilien. Stuttgart, 1934 (Manichäische Handschriften der Sammlung A. Chester Beatty. 1).
Quecke, 1972. — Q u e c k e H. Das Markusevangelium saïdisch. Text der Handschrift P. Palau Rib. Inv. Nr. 182 mit den Varianten der Handschrift M 569. Barcelona, 1972.
Quecke, 1977. — Q u e c k e H. Das Lukasevangelium saïdisch. Text der Handschrift P. Palau Rib. Inv. Nr. 181 mit den Varianten der Handschrift M 569. Barcelona, 1977.
Rec. Champ. — Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean—François Champollion à l'occasion du centenaire de la lettre à M. Dacier relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques. P., 1922.
Regemorter, 1955. — R e g e m o r t e r B. van. Le Codex relié depuis son origine jusqu'au Haut Moyen-Age. — Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philologie. T. 61 (4e série, t. 10). Bruxelles, 1955.
Reisen im Orient. — Reisen im Orient. Carsten Niebuhr. Ulrich Jasper Seetzen. Richard Lepsius. Heinrich Brugsch. B., 1961.
Rustafjaell, 1910. — R u s t a f j a e l l R. de. The Light of Egypt from Recently Discovered Predynastic and Early Christian Records. L., 1910.
Sanders — Schmidt, 1927. — S a n d e r s H. A. — S c h m i d t C. The Minor Prophets in the Freer Collection and the Berlin Fragment of Genesis. N. Y.—L., 1927 (University of Michigan Studies. Humanistic Series. Vol. 21).
Satzinger, 1968. — S a t z i n g e r H. Koptische Urkunden. Bd 3. H. 2. B., 1968.
Schmidt, 1904. — S c h m i d t C. Acta Pauli aus der Heidelberger koptischen Papyrushandschrift Nr. 1. Lpz., 1904.
Schmidt, 1908. — S c h m i d t C. Der erste Clemensbrief in altkoptischer Übersetzung. Lpz., 1908.
Schmidt, 1919. — S c h m i d t C. Gespräche Jesu mit seinen Jüngern nach der Auferstehung. Lpz., 1919 (Texte und Untersuchungen. 43).
Schmidt, 1925. — S c h m i d t C. Pistis Sophia. Hauniae, 1925 (Coptica consilio et impensis Instituti Rask-Oerstediani edita. 2).
Schmidt — Polotsky — Ibscher, 1933. — S c h m i d t C. — P o l o t s k y H. J. — I b s c h e r H. Ein Mani-Fund in Ägypten. Originalschriften des Mani und seiner Schüler. B., 1933 (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. 1933, 1).
Schubart, 1921. — S c h u b a r t W. Das Buch bei den Griechen und Römern. Lpz., 1921.
Schubart, 1961. — S c h u b a r t W. Das Buch bei den Griechen und Römern. 3. Aufl. Lpz., 1961.

Steindorff, 1899. — S t e i n d o r f f G. Die Apokalypse des Elias, unbekannte Apokalypse und Bruchstücke der Sophonias Apokalypse. Lpz., 1899.

Steinmann, 1971. — S t e i n m a n n F. Wie gross war die Zahl der schreibkundigen Kopten? — Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Bd 53. B., 1971.

Steinmann, 1974. — S t e i n m a n n F. Die Schreibkenntnisse der Kopten nach den Aussagen der Djeme-Urkunden. — Berliner byzantinische Arbeiten. Bd 45. Studia coptica. B., 1974.

Thompson, 1911. — T h o m p s o n H. A Coptic Palimpsest Containing Joshua, Judges, Ruth, Judith and Esther in the Sahidic Dialect. L.— N. Y., 1911.

Thompson, 1924. — T h o m p s o n H. The Gospel of St. John According to the Early Coptic Manuscript. L., 1924.

Till, 1927. — T i l l W. C. Die achmimische Version der Zwölf Kleinen Propheten (Codex Rainerianus, Wien). Hauniae, 1927 (Coptica consilio et impensis Instituti Rask—Oerstediani edita. 4).

Till, 1931. — T i l l W. C. Osterbrief und Predigt in achmimischen Dialekt. Lpz., 1931 (Studien zur Epigraphik und Papyruskunde. Bd 1. Schr. 1).

Till, 1958. — T i l l W. C. Die koptische Rechtsurkunden der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1958.

Till — Schenke, 1972. — T i l l W. C. Die gnostischen Schriften des koptischen Papyrus Berolinensis 8502. 2. Aufl. bearb. von H.-M. Schenke. B., 1972.

Turner, 1952. — T u r n e r E. G. Roman Oxyrhynchus. — The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 38. L., 1952.

Turner, 1974. — T u r n e r E. G. Early Papyrus Codices of Large Size. — Proceedings of the XIV International Congress of Papyrologists. Oxford, 24—31 July 1974. L., 1974 (Egypt Exploration Society, Graeco-Roman Memoirs. 61).

Weber, 1973. — W e b e r M. Zur Ausschmuckung koptischer Bücher. P. Colon. Inv. Nr. 10.263. — Enchoria. Zeitschrift für Demotistik und Koptologie hrsgb. von E. Lüddeckens, H.-J. Thissen, K.-Th. Zauzich. Bd 3. Wiesbaden, 1973.

Wessely, 1908. — W e s s e l y C. Les plus anciens monuments du christianisme écrits sur papyrus, 17. Un texte de la littérature copte chrétienne provenant de la moyenne Egypte, IIIe siècle. — Patrologia Orientalis. T. 4. P., 1908.

White, 1926. — W h i t e H. G. E. The Monasteries of the Wâdi 'n Natrûn. Pt 1. New Coptic Texts from the Monastery of Saint Macarius. N. Y., 1926 (Publications of the Metropolitan Museum of Art. Egyptian Expedition. 2).

White, 1932. — W h i t e H. G. E. The Monasteries of the Wâdi 'n Natrûn. Pt 2. The History of the Monasteries of Nitria and of Scetis. N. Y., 1932 (Publications of the Metropolitan Museum of Art. Egyptian Expedition. 7).

White, 1933. — W h i t e H. G. E. The Monasteries of the Wâdi 'n Natrûn. Pt 3. The Architecture and Archaeology. N. Y., 1933 (Publications of the Metropolitan Museum of Art. Egyptian Expedition. 8).

Whittaker, 1956. — W h i t t a k e r M. Der Hirt des Hermas. B., 1956 (Die apostolischen Väter. 1).

Wiesner, 1887. — W i e s n e r J. Die faijûmer und ashmûneiner Papiere. — Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer. Bd 2—3. Wien, 1887.

Winlock — Crum, 1926. — Winlock H. E. — Crum W. E. The Monastery of Epiphanius at Thebes. Pt 1. N. Y., 1926 (Publications of the Metropolitan Museum of Art. Egyptian Expedition. 3).
Worrell, 1931. — Worrell W. H. The Proverbs of Solomon in Sahidic Coptic According to the Chicago Manuscript. Chicago, 1931.
Worrell, 1942. — Worrell W. H. Coptic Texts in the University of Michigan Collection. Ann Arbor, 1942 (University of Michigan Studies. Humanistic Series. 46).
Wright, 1870. — Wright W. Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum. L., 1870.
Youtie, 1975. — Youtie H. C. Because they do not know letters. — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd 19. Bonn, 1975.
Zoega, 1810/1903. — Zoega G. Catalogus codicum copticorum manuscriptorum. Romae, 1810. Anastatischer Neudruck der Originalausgabe von 1810. Lpz., 1903.

Е. Н. Мещерская

СИРИЙСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Сирийское рукописное наследие представляет собой огромную материальную и духовную ценность. Оно является одним из свидетельств значительности культуры сирийцев, широко распространившейся по всему средневековому миру и оказавшей большое влияние на многие страны и народы. На сирийском литературном языке, который сложился на базе центрального арамейского диалекта семитской языковой группы, начиная уже со II в. создается разнообразная и интересная литература, отразившая все сферы деятельности людей, говоривших на этом наречии.

Сирийцы составляли основное население Месопотамии и сиро-палестинского Средиземноморского побережья. Очагом их цивилизации стало небольшое государство Осроэна, возникшее в северо-западной части Месопотамии в период распада селевкидского государства. Сирийская культура сформировалась на фоне этнического разнообразия, и решающий вклад в ее создание внесли арамеи и колонисты-греки, поселившиеся в этой области после похода Александра Македонского на Восток.

Первый фактор, определивший видную роль сирийцев в раннесредневековой истории, был обусловлен тем, что благодаря выгодному географическому положению на перекрестке важных караванных дорог сирийцы не только сосредоточили в своих руках торговлю в месопотамских городах и на сиро-палестинском побережье, но и устанавливали и поддерживали тесные связи также с Закавказьем, Средней Азией, Южной Аравией, достигали западного побережья Индостана и Китая.

Другой причиной, обеспечившей сирийцам передовые позиции в распространении их культуры, являлось то, что Осроэна стала первым в истории государством, где в конце II в. христианство было провозглашено официальной религией.

Сирийцы приняли активное участие в становлении новой религии, определившей в качестве идеологической основы жизнь народов средиземноморского культурного круга, внесли значительный вклад в развитие ее догматических положений,

Находясь на восточной окраине Византийской империи и соседствуя с Ираном, Сирия издавна испытывала идущее оттуда влияние дуализма (зороастризм, манихейство) и фатализма. Ему надо было противостоять. Идеологи сирийского христианства в своей борьбе с инакомыслящими зачастую доходили до крайностей, выходили за рамки ортодоксального вероучения. Именно поэтому в сирийской среде получили поддержку и широкое распространение два главных еретических течения, возникших в результате так называемых «христологических» споров по вопросу о термине «богочеловек».

У истоков первого из них — несторианства — находилось учение представителей антиохийской школы Феодора Мопсуестского и Диодора Тарсского. Сочинения «учителя учителей и толкователя толкователей» Феодора, направленные против влияния дуализма и фатализма, активно переводила и изучала целая группа сирийских ученых во главе с Ивой Эдесским. Все они стали ревностными последователями константинопольского патриарха Нестория, ересь которого была осуждена на 3-м Вселенском соборе 431 г. Эдесская школа — центр сирийского несторианства — была разгромлена. Часть учителей и учеников, покинув пределы Византии, бежала в Персию, где появилась новая сирийская школа в Нисибине. Несторианская нисибийская школа сплотила в своих рядах политическую оппозицию, враждебную Византии и потому поддерживаемую в Персии. Влияние сирийцев, сторонников Нестория, в Персии было очень велико, и вскоре персидская христианская церковь стала несторианской по преимуществу.

Если последовательная и непримиримая борьба против манихейства и фатализма привела к возникновению несторианской ереси, то резкое отрицание последней вызвало к жизни другое еретическое движение — монофизитство, которое также нашло широкую поддержку среди сирийцев. Именно благодаря деятельности сирийского монаха Иакова Барадея, впоследствии получившего сан епископа Эдессы, в середине VI в. монофизиты сплотились и укрепились. По имени этого епископа сирийцы-монофизиты стали называть себя яковитами. Ко второй половине V в. сирийцы оказались разделенными территориально, политически и идеологически. Все это усугублялось диалектным расчленением сирийского языка на западный и восточный, которое имело место и раньше, но из-за территориального раздела стало быстро прогрессировать.

Диалектное и идеологическое расхождение оказало значительное воздействие на письменную культуру сирийцев. Возникли две графические системы, отличающиеся одна от другой формой отдельных букв, способами огласовки текста, знаками

пунктуации. Идеологическая обособленность двух ветвей сирийского христианства ярко отразилась на судьбе рукописных книг. Это сказалось в первую очередь на разнообразии репертуара книг традиционного для средневековья богослужебного и теологического содержания. В сирийской литературе, как ни в одной другой, памятники традиционной письменности, в том числе переводы Библии, представлены большим количеством версий. Еще до обособления в сирийской церкви двух еретичествующих групп сирийский перевод Библии — Пешитто имел длительную и сложную рукописную историю. С появлением несторианства и монофизитства сторонники того и другого направления предприняли шаги к дальнейшей обработке текста Пешитто.

У монофизитов новый дословный перевод всего текста Библии с греческого был сделан епископом Маббогским Филоксеном в 508 г. Рукописи его, вытесненные позднейшими переводами, сохранились плохо. В VII в. монофизиты вновь обратились к пересмотру библейского перевода. Павел Теллский перевел на сирийский язык гексаплaрный текст LXX. Части этого перевода дошли до нас достаточно полно во многих рукописях. В том же, VII в. Фомой Харклейским был пересмотрен перевод Нового завета, а в 704—705 гг. Иаков Эдесский переработал на основе греческой версии текст Ветхого завета, который лишь частично представлен в рукописях.

Несториане отличались бóльшим консерватизмом, однако и они пытались ввести новый, исправленный библейский перевод, который предпринял в VI в. католикос Мар Аба I. Есть свидетельства, что он заново перевел на сирийский язык с греческого весь Ветхий, а может быть, также и Новый завет. Однако рукописи перевода Мар Абы до сих пор не обнаружены.

Несториане и монофизиты не только пользовались разными переводами традиционных текстов, но и различались способами оформления, расположения их в рукописях. Так, согласно восточносирийской, несторианской традиции, весь текст Псалтири делился на 20 разделов — *хулоло* [1]. Западные сирийцы, яковиты, подразделяли Псалтирь на 15 частей — *мармито*, которые, в свою очередь, дробились на *шубхо*. В мелкитских и сиро-палестинских рукописях Псалтирь делится согласно греческим правилам на 20 разделов — *кафизм* — καθίσματα. В сирийских лекционариях — сборниках, содержащих богослужебные тексты из Библии, порядок размещения этих текстов различен. Он определяется яковитскими или несторианскими церковными календарями, которые расходятся между собой, а также мел-

[1] Здесь и далее сирийские слова даются в транскрипции.

китской системой, соответствующей греческой. Подобные примеры можно было бы продолжить. Но важнее отметить то, что конфессиональная рознь между различными ветвями сирийского христианства не только не обеднила, а скорее способствовала расцвету их культуры. В соперничестве между собой, стремясь привлечь на свою сторону все большее число приверженцев, несториане и монофизиты открывали учебные заведения, развивали научные и технические знания, создавали философские и грамматические школы, переводили с разных языков и на разные языки и фиксировали все добытое в рукописных книгах. Таким образом, можно сказать, что несториане и монофизиты внесли свой особый вклад в сирийскую культуру [Пигулевская, 1979, с. 248].

Значение сирийской культуры, ее роль в эпоху раннего средневековья стали выявляться благодаря находкам — особенно многочисленным с середины XIX в. — рукописных книг, публикациям обнаруженных в них текстов. И до настоящего времени ученые в своих исследованиях сирийской культуры опираются прежде всего на рукописи. Роль археологических открытий в этом деле еще чрезвычайно мала. Сирийские рукописи дают представление о всем многообразии интеллектуальной жизни этого народа. В них содержатся сочинения многих поколений сирийских писателей со II по XIV в. Это гностический «Гимн души» и «Книга законов стран», вышедшие из круга знаменитого эдесского философа Бар Дайсана, поэтические творения Ефрема Сирина, «пророка сирийцев», послания и гомилии Иакова Серугского, хроники Иакова Эдесского и Михаила Сирийца, трактаты по этике и логике ученого энциклопедиста XIII в. Бар Эбрея. Особый раздел в коллекциях сирийских рукописей занимают труды сирийцев по грамматике и естественнонаучные сочинения — трактаты по астрономии, алхимии, медицине и географии. Сирийские рукописные книги начиная с конца XIX в. были высоко оценены прежде всего как уникальный кладезь исторических сведений, касающихся событий, которые имели место в ближневосточном регионе, Иране, Закавказье, Южной Аравии. Большую известность приобрела хроника одного из самых ранних сирийских историков — монофизита Иешу Стилита, посвященная описанию византийско-персидской войны 502—506 гг. [Wright, 1882; Пигулевская, 1940 (II)]. Летопись дошла до нас в единственном списке, как составная часть сочинения Дионисия Тельмахрского, автора IX в. Рукопись, сохранившая этот памятник, происходит из библиотеки сирийского монастыря в Нитрийской пустыне и датируется IX—X вв. Другой сирийский историк-монофизит, Иоанн Эфесский, не менее знаменитый, посвятил главы своего

труда народам, граничащим с Византией, — арабам, гуннам, аварам, славянам [2] [Пигулевская, 1941, с. 109—147]. Большой интерес вызывают сочинения несториан Иоханнана бар Пен кайе [3], рассказывающего об арабских завоеваниях, и Илии бар Шинайи, который в своей хронологии одним из первых использовал синхронистические таблицы [4]. По словам Н. В. Пигулевской, «сирийцы как историки сыграли большую роль, которая до настоящего времени еще не оценена во всей ее значимости» [Пигулевская, 1976, с. 180]. Другой важный аспект деятельности сирийцев, засвидетельствованный рукописными книгами и также привлекший внимание ученых, — это их переводческая практика. Сирийцы переводили много и с разных языков, но более всего известны их переводы грекоязычной литературы, античной и византийской. Сохранились сирийские переводы сочинений Аристотеля, Платона, Галена, Лукиана, Плутарха, именно благодаря сирийцам достижения античности в области философии и медицины стали достоянием арабской науки. Сохранившиеся в сирийских рукописях переводы ранневизантийской грекоязычной литературы также представляют значительную ценность, во-первых, потому, что сочинения многих авторов, таких, например, как Север Антиохийский, в оригинале до нас не дошли и известны лишь на сирийском языке, а во-вторых, потому, что рукописи сирийских переводов гораздо древнее дошедших греческих списков этих памятников. Сирийцы переводили самые различные в жанровом отношении сочинения византийской литературы — поэтические гомилии и гимны, полемические трактаты, послания и хроники, причем переводы зачастую выполнялись вскоре после создания авторского текста. Так обстояло дело, например, с переводом на сирийский «Historia ecclesiastica» византийского историка Евсевия Кесарийского, который был осуществлен, вероятно, еще при жизни самого автора [Пигулевская, 1976, с. 167]. Исключительную важность представляют сирийские рукописи для библейской критики, ветхозаветной и новозаветной текстологии. В рукописях, фрагментах и палимпсестах, самые ранние образцы которых датируются началом V в., представлены различные переводы этих памятников. Так, например, сирийская рукопись 464 г., переписанная в Амиде, является древнейшей датированной записью части Библии [Райт, 1902, с. 221].

[2] Третья часть труда Иоанна Эфесского существует лишь в одной рукописи, принадлежащей Британскому музею [см.: Brooks, 1935—1936; Пигулевская, 1941, с. 109—147].

[3] Издано частично: [Mingana, 1908].

[4] Хроника дошла до нас в единственном, плохо сохранившемся списке (рук. Британского музея, Add. 7197) [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. 1206—1207].

С середины XIX в. начинается интенсивная публикация сирийских текстов по рукописям различных собраний, однако эта работа еще далека от своего завершения, коллекции сирийских рукописей постоянно пополняются новыми находками. Но даже изданные рукописи не перестают быть предметом пристального внимания ученых, черпающих в их изучении все новый и новый материал для своей работы.

Сирийские рукописи — это прежде всего предмет материальной культуры. Писчий материал, который использовался сирийцами, не оставался с течением времени неизменным. Он прошел такие же этапы эволюции, какие характерны для других письменностей восточнохристианского культурного круга. Для книги начала нашей эры в качестве писчего материала применялся папирус. И хотя производство папируса, осуществлявшееся в Египте, в областях, примыкающих к дельте Нила, сохранилось и после арабского завоевания (ок. 640 г.) и даже, более того, арабы сами приступили к изготовлению харты, к VII в. он был вытеснен из сферы книжного производства более удобными материалами, которые и стали атрибутами книжного дела в эпоху раннего средневековья. Сирия находилась сравнительно далеко от Египта, имевшего монополию в производстве папируса, поэтому этот материал, видимо, не применялся там достаточно широко. Возможно, конечно, что папирусные свитки — а для папируса присуща именно такая форма книги — до нас не дошли. Обычно считается, что папирусный свиток был вытеснен пергаменным кодексом в IV—V вв., в эпоху утверждения новой, византийской культуры, начавшей свой путь под эгидой христианства [Roberts, 1954, с. 169; Гранстрем, 1969, с. 234].

Сирийская культура, более чем другая, исходившая из нового мировоззрения, обратилась и к новой форме книги и к новому писчему материалу — пергамену. Этому способствовало то, что традиция применения кожи в качестве писчего материала сложилась на Ближнем Востоке еще задолго до нашей эры. Кожа издавна использовалась для письма в Месопотамии, т. е. как раз в тех местах, которые стали впоследствии местом возникновения сирийской культуры. Именно отсюда кожа распространилась в Финикию, Малую Азию, Персию. Само слово, которым греки называли выделанную кожу, говорит о том, откуда пришел в западные части тогдашней Ойкумены новый писчий материал — διφθέρα родственно персидскому *дафтар* («тетрадь»). Таким образом, тенденции в развитии новой христианской культуры гармонично наложились на уже издавна существовавшие традиции изготовления книги.

Слово «пергамен» первоначально обозначало кожу теленка, однако современное употребление этого слова относится и к

писчему материалу, изготовляемому из шкур овец, коз, газелей, антилоп. Особенно хороший пергамен получался из шкурок новорожденных ягнят и козлят. Пергамен изготовлялся у сирийцев так же, как и у других народов — греков и коптов. Это было сложное производство с хорошо отработанной техникой.

Технология производства пергамена известна нам по фрагментам папирусной коптской рукописи VI—VII вв. Текст содержит множество греческих терминов, что может свидетельствовать о его переводном с греческого и тем самым универсальном характере [Hatch, 1946, с. 3]. Сначала шкуру промывали, золили с добавлением поташа, чтобы очистить от остатков мяса и шерсти. Затем снова мыли и растягивали на специальных рамках для просушки. Высушенную шкуру сначала натирали мелом, который впитывал остатки жира, а затем полировали пемзой, стремясь сделать поверхность кожи как можно более гладкой. Идеальной гладкости и ровности пергамена было очень трудно достигнуть, поэтому в дело шли и неудачные листы с дырками от ножей, разрезами, «exзализами». Процесс изготовления пергамена в различных областях Средиземноморского бассейна варьировался. Так, для пергамена южной части характерным признаком является очистка только внутренней стороны шкуры, в то время как на внешней оставались следы шерсти, а цвет ее был серовато-желтоватым, а не белым. Это объясняется тем, что здесь для письма использовали только одну сторону — традиция, сохранившаяся от эпохи папируса, когда текст наносился только на внутреннюю сторону. Сирийцы обрабатывали пергамен всегда тщательно с двух сторон, проявляя особую приверженность к античным греческим традициям. Впрочем, по мнению некоторых специалистов, сирийский пергамен уступает по качеству византийским, и прежде всего константинопольским, образцам. Тем не менее мы можем утверждать, что наиболее ранние сирийские кодексы написаны на тонком, белом пергамене прекрасного качества [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI; Hatch, 1946, с. 4]. Качество писчего материала менялось в зависимости от уровня экономической жизни сирийцев. Увеличение числа сирийских рукописей, написанных на более дешевом, грубом, плохой выделки пергамене, обычно объясняется возрастанием потребления писчего материала. Однако данное явление можно связать и с общим упадком сирийской культуры начиная с VII в.

Благодаря использованию в качестве писчего материала пергамена сирийские коллекции рукописей обладают неоценимой особенностью: очень многие из них — палимпсесты. По меткому замечанию Н. В. Пигулевской, «палимпсесты издавна были

уделом сирологов» [Пигулевская, 1960, с. 9]. Пергамен всегда являлся ценным и дорогим материалом, и в целях его экономии писцы часто смывали или соскабливали нанесенный текст. Прежде считалось, что первоначальные тексты уничтожались по идеологическим соображениям, но статистический анализ палимпсестов приводит к выводу, что ликвидировались лишь те тексты, к которым утрачивался интерес, или тексты износившихся, пришедших в негодность рукописей сравнительно большого формата, поскольку центральная часть листа, как менее изношенная, могла еще пойти в дело. Об этом свидетельствует тот факт, что шрифт первого слоя палимпсеста, в том числе и сирийского, обычно бывает гораздо крупнее, чем вторично нанесенный. Значение сирийских палимпсестов трудно переоценить, в них сохранились зачастую тексты, считавшиеся утраченными, как в случае с особой сирийской версией перевода евангелий [Bensly—Harris, 1894] [5] или переводами на сирийский античной греческой литературы; иногда палимпсесты дают очень интересные варианты и разночтения к текстам, известным и в более поздней рукописной традиции, как, например, текст I и II Книги царств, сохранившийся в одной из рукописей ГПБ [6] [Пигулевская, 1960, с. 14—16]. Верхний слой этой рукописи — лекционарий Ветхого и Нового завета, нижний слой написан эстрангело VI в., причем в том же поперечном направлении, что и верхний слой, что затрудняет прочтение текста. Разночтения палимпсеста с каноническим текстом были установлены Н. В. Пигулевской и могут иметь ценность при критическом издании этой библейской книги.

Сирийские палимпсесты интересны еще и тем, что они отражают контакты сирийцев с другими народами, вступившими в восточнохристианский культурно-исторический круг. И хотя в сирийских палимпсестах нижний слой обычно тоже писался по-сирийски, в различных собраниях можно обнаружить образцы и других письменностей, представленных в нижнем или верхнем слое палимпсеста: греческой [7], коптской [8], арабской [9], латинской [10]. Особенно интересна история одной рукописи-палимпсеста из собрания ГПБ [11]. Рукопись была обнаружена

---

[5] Так называемый Синайский палимпсест.

[6] Рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 17.

[7] Рук. Британского музея Add. 17, 210; Add. 17, 211; Add. 14, 665 (л. 8—9); рук. ГПБ, греч. сер. № CXIX — наоборот, нижний слой сирийский, верхний — греческий.

[8] Рук. Британского музея Add. 14, 631; Add. 17, 183; Add. 14, 665 (л. 10—20).

[9] Рук. Британского музея Add. 17, 138.

[10] Рук. Британского музея Add. 17, 212.

[11] Рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 16.

К. Тишендорфом по частям во время его путешествий на Синай. Из своей второй поездки он привез первую часть рукописи — 59 листов, а затем добавил к ним еще 70 листов. Верхний слой этого палимпсеста написан на грузинском языке [Brosset, 1858, с. 264—280]. В нижнем слое благодаря настойчивой работе Ж. Ланда был обнаружен и прочтен сиро-палестинский текст [Land, 1862—1875, т. 4, с. 185—189], содержащий целую библиотеку: фрагменты Ветхого завета — Книги Исайи, Притчей Соломона, Книги Иова, Нового завета — евангелий Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяний апостолов, отрывки житий Филимона-мученика и Саввы Киновита, другие отрывки [Пигулевская, 1960, с. 55]. Некоторые листы имели в нижнем слое сирийский текст, написанный архаичным эстрангело. Наиболее ранний сирийский датированный палимпсест хранится в Британском музее [12]. В верхнем слое он написан яковитским почерком и датируется X в., содержит службы основным церковным праздникам; в нижнем слое находится текст Книги Исайи в версии Пешитто, нанесенный эстрангело, один из листов палимпсеста датирован 459—460 гг. н. э. [Hatch, 1946, с. 5; Tisserant, 1911, с. 85—95]. Среди сирийских рукописей есть и такие, которые являются двойными палимпсестами, т. е. содержат три слоя текста, иногда разноязычного. Экземпляры таких рукописей находятся в собрании Британского музея [13].

С переходом к пергамену связан для раннего средневековья еще один этап в эволюции книжного дела — переход от свитка к новой форме книги — кодексу. Если первоначально пергаменные рукописи оформлялись по примеру папирусного свитка, то впоследствии недостаточная эластичность этого писчего материала, который коробился при сворачивании, вынудила перейти к более удобной форме рукописи. Пергамен хорошо поддается сгибанию, из таких сфальцованных пергаменных листов формировались тетради и кодексы. Наиболее ранние средневековые кодексы состояли из одной тетради. Образцы таких рукописей известны нам из греческой и коптской традиции [Hatch, 1946, с. 23], у сирийцев подобные рукописи не засвидетельствованы. Существует мнение, что традиция сирийского рукописания знала два типа тетрадей: первый, вероятно более древний, когда несколько двулистных тетрадей примыкают друг к другу, но рукописей такого вида не сохранилось [Hatch, 1946, с. 23]; известные нам сирийские рукописи состоят из тетрадей другого вида, сброшюрованных из четырех пяти двойных или восьми-десяти одинарных листов. В сирийском языке за-

---

[12] Рук. Британского музея Add. 14, 512.

[13] Рук. Британского музея Add. 17, 212; Add. 17, 136; Add. 14, 665.

фиксирована развернутая терминологическая система для обозначения кодекса и частей, его составляющих. Кодекс по-сирийски назывался *цхохо*, один лист пергамена — *дафо*, развернутый лист — *птохо*, тетрадь в восемь или десять листов — *куросо* [Hatch, 1946, с. 23—24; Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. В сирийских рукописях обычно отсутствует сплошная полистная нумерация. Обозначалось лишь начало новой тетради, в которой, как правило, было определенное число листов. В качестве знаков условного обозначения применялись сирийские арифметические фигуры, или буквы сирийского алфавита, или то и другое вместе. Правда, после IX в. использовались только буквы [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Тетрадное обозначение не только служило утилитарным средством, но и являлось одним из приемов дополнительного украшения рукописи. Тетрадные обозначения помещались в верхней или нижней части листа. О характере культурно-исторических контактов сирийцев может свидетельствовать тот факт, что в качестве тетрадных обозначений в сирийских рукописях встречаются буквы греческого и коптского алфавита вместо сирийского [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Иногда два обозначения сочетались — сирийское ставилось внизу листа, а греческое вверху [Hatch, 1946, с. 23]. Форматы пергаменных сирийских рукописей разнообразны, хотя как особенность можно отметить отсутствие больших кодексов; преобладал наиболее удобный в обиходе формат в четверть листа [Пигулевская, 1960, с. 8].

Переход от свитка к кодексу отнюдь не свидетельствует о том, что первоначальная форма книги у сирийцев уже не встречается. Свитки, пергаменные и бумажные, существовали, но сфера их бытования была ограниченной: это литургические и магические тексты [14], т. е. в любом случае, с точки зрения переписчика, сакральные. Такая традиция характерна не только для сирийской письменности, но и для других восточнохристианских культур (в том числе обильно представлена в византийской и эфиопской), и восходит она еще ко временам язычества, когда считалось, что свернутый в таком виде текст лучше сохраняет силу своего священного воздействия.

Дальнейший этап в эволюции писчего материала связан с историей бумаги. Бумаге сирийских рукописей было посвящено одно из ранних исследований Н. В. Пигулевской, позднее переизданное [Пигулевская, 1937, с. 419—434; Пигулевская, 1960, с. 199—213]. Вероятнее всего, бумага проникла на Ближ-

---

[14] Например, рук. Ин-та востоковедения, собрание Лихачева, IIS, № 3 — Литургия Иоанна Златоуста; рук. Матенадарана, Коллекция иноязычных рукописей № 72 (а и б) — Сборник заклинаний.

ний Восток из Средней Азии. Существует устойчивая легенда, вероятно близкая к истине, согласно которой арабы, разбив в битве на Таласе в 751 г. тюрко-китайское войско, привели в Самарканд пленных китайцев, обладавших секретом производства бумаги. Однако есть сведения, что китайские мастера-бумагоделы работали в этом городе и до 751 г. Новый, дешевый материал постепенно вытеснил из употребления и папирус, и пергамен. К X в. определилось несколько главных центров производства бумаги в Сирии и Палестине — Дамаск, Тивериада [Пигулевская, 1960, с. 200]. Известно, что в Багдаде бумага изготовлялась с 795 г. Из египетских центров производства бумага проникла в Испанию (в Андалусии она делалась уже в X в.), Италию и Францию [Пигулевская, 1960, с. 200]. Постепенно бумага восточного происхождения совершенно вытесняется европейской и французской. Н. В. Пигулевская при анализе сирийских рукописей установила, что это явление начинается с XVI в. и длится вплоть до XIX в. Сирийцы стали употреблять европейскую бумагу, причем не только монофизиты, контактирующие с Западом, но и несториане в Заевфратье и в районе оз. Урмия. В мастерских Малой Азии бумагу, поступавшую из Венеции в восточные гавани Средиземноморья, лишь разглаживали под прессом, чтобы сделать ее более удобной для восточного письма [Babinger, 1931, с. 7; Пигулевская, 1960, с. 201].

Изучив сирийские рукописи, Н. В. Пигулевская установила, что европейская бумага появилась на Ближнем Востоке на два века раньше, чем предполагали ее предшественники [Пигулевская, 1960, с. 201].

Во всех странах Средиземноморского бассейна ранняя, архаичная бумага называлась «bombycina» («бомбицина» или «бомбикина»). Этот термин представляет собой сокращение от charta bombycina, т. е. бумага из хлопка, — название, параллельное названию пергамена — pergamena charta. Исходя из этимологии слова, исследователи полагали, что ранняя бумага на Востоке изготовлялась из волокна хлопчатника. Однако, поскольку термин обычно применялся по отношению к простой тряпичной бумаге, высказывались сомнения в том, что бумага когда-либо делалась из хлопка. Н. В. Пигулевская полагала, что сомневаться в существовании такой бумаги нельзя, поскольку китайские образцы могут дать представление о том, что бумага вырабатывалась из отбросов хлопчатобумажной пряжи [Пигулевская, 1960, с. 202]. Так что название «charta bombycina» оправдывает свой внутренний смысл. Современный анализ состава как китайской, так и мусульманской (арабской и персидской) бумаги позволяет уточнить ее вывод: бумага изготов-

лялась из луба тутового дерева, конопли и т. п. Лишь в редких случаях, для производства высококачественных ее сортов, применялись хлопчатобумажные отходы.

Н. В. Пигулевская нашла очень удачное подтверждение существованию хлопковой, в прямом смысле, бумаги, исследовав одну из рукописей ИВ АН СССР [15] [Пигулевская, 1960, с. 202]. Рукопись содержит несторианский лекционарий и датируется по приписке 1243 г. Бумага ее толстая, волокнистая, расщепляется по краям и похожа на вату на месте сломов. Кроме того, на свет в ней видны темные и светлые пятна, так как бумажная масса распределена неравномерно. Материалом для этой бумаги явно послужили волокна хлопка. Поскольку этот материал быстро изнашивается, рукописей на такой бумаге сохранилось, видимо, совсем мало, но они все-таки были. Н. В. Пигулевская устанавливает и предположительный центр производства подобной бумаги — области Средней Азии, близко примыкавшие к районам, заселенным несторианами.

Ко второму типу архаичной бумаги Н. В. Пигулевская относит образцы тряпичной бумаги. Пример ее дает сиро-арабская Псалтирь 1424 г.[16] [Пигулевская, 1960, с. 203]. Это неровная, волокнистая бумага желтоватого оттенка, цвет ее свидетельствует о лощении. Она местами глянцевитая, местами шероховатая, иногда имеет вержеры. Эта бумага определяется исследовательницей как арабская по происхождению.

В сирийских рукописях встречается, по наблюдениям Н. В. Пигулевской, еще один тип бумаги, на которую обратил внимание Н. П. Лихачев [Лихачев, 1899, с. XVIII]. Примерами рукописей, написанных на такой бумаге, являются арабско-сирийское Евангелие 1467 г. из ГПБ [17], Толкование на Новый завет Ишодада Мервского 1490 г. из ГПБ [18]. Особенностью такого рода бумаги является то, что она имеет иногда плохо заметные вержеры и понтюзо по две и три линии в ряд. Бумага довольно толстая, глянцевитая, проклеенная и сатинированная зубом — костяным инструментом для разглаживания и лощения листов. В тех местах, где глянец стерся, она шероховатая, заметны волокнистость и неровность. Отсутствие образцов такой бумаги в западных рукописях и наличие их в греческих привело Н. П. Лихачева к выводу, что это бумага «византийского происхождения» [Лихачев, 1899, с. XIV, XIX]. Н. В. Пигулевская сомневается в этом выводе, поскольку сирийские рукописи на

---

[15] Рук. Ин-та востоковедения, основной фонд, № 2.
[16] Рук. ГПБ, восточный фонд, № 618.
[17] Рук. ГПБ, сир. нов. сер., № 26.
[18] Рук. ГПБ, восточный фонд, № 622.

такой бумаге датируются концом XV в., т. е. временем, когда Византии уже не существовало, и высказывает предположение о том, что центр производства такой бумаги следует искать на сиро-арабском Востоке [Пигулевская, 1960, с. 204].

Архаичная восточная бумага имела ряд особенностей, которые отличали ее от современной ей западной. Они коренились в различиях технологии производства. Клейкий раствор, в который погружали лист после формовки, на Западе и Востоке изготовлялся по-разному — на Востоке применяли крахмал, на Западе желатин из рогов и копыт. Восточная бумага отличалась более гладкой поверхностью, поскольку ее дополнительно сатинировали, западная была шероховатой. Есть разница также в вержерах и понтюзо. В восточной бумаге вержеры тонкие, иногда кривые, понтюзо расположены на неодинаковом расстоянии, тогда как в бумаге западного производства вержеры толще и идут параллельно друг другу, а понтюзо лежат равномерно.

Многие сирийские рукописи написаны на бумаге итальянского и французского производства с филигранями. Филиграни являются важным подспорьем в датировке рукописных книг. Первой обратила внимание на филиграни восточных рукописей Н. В. Пигулевская [Пигулевская, 1960, с. 199—213]. Она доказала, что водяные знаки для определения времени написания сирийских рукописей имеют неоценимое значение. По почерку сирийские рукописи трудно поддаются датировке, поскольку почерк с течением времени почти не меняется, стабилизируется, приобретает условную каллиграфичность.

Среди сирийских рукописей можно выделить такие, которые написаны на бумаге с водяными знаками итальянского происхождения. Это прежде всего якорь с кольцом, заключенный в круг. Одна из его разновидностей, где лапы якоря вычерчены в одну линию и над кругом еще добавлен трилистник, происходит из Венеции. Подобный водяной знак есть в рукописи несторианского Евангелиария 1600 г. [Пигулевская, 1960, с. 56—63]. Разновидность такого знака — якорь с кольцом в круге, над которым находится шестиконечная звезда или крестообразный символ, — позволила Н. В. Пигулевской датировать сирийскую рукопись песнопений Камиса бар Кардахи концом XVI в.[19] [Пигулевская, 1960, с. 205].

Вторая, чрезвычайно популярная в сирийских рукописях филигрань — корона в ее различных вариантах; наиболее часто она встречается в рукописях в 50—60-е годы XVI в.[20] [Пигулевская, 1960, с. 205—206]. В сирийских рукописях пред-

---

[19] Рук. Ин-та востоковедения, основной фонд, № 1.

[20] Рук. ГПБ, БIII № 5.

ставлен такой, например, вариант этого знака: корона, над ней — шестиконечная звезда с повернутым рогами вверх полумесяцем. Корона со звездой и полумесяцем принадлежит к числу венецианских филиграней, которые ставились на бумаге, предназначавшейся для Ближнего Востока, поскольку полумесяц являлся символом мусульманского мира. Знаки с короной отмечены Н. В. Пигулевской для нескольких сирийских рукописей ленинградских собраний. Из итальянских водяных знаков встречается также геральдическая лилия в круге [Пигулевская, 1960, с. 207].

В рукописях имеются и филиграни французского происхождения. Одна из них — разновидность кувшинчика, которая обычно считается признаком бумаги из Южной Франции. Особенно часто в сирийских рукописях попадается знак в виде трех полумесяцев различной величины — tre luna, обычно последовательно уменьшающихся размеров. Эти полумесяцы не имеют твердо устоявшейся формы и разнообразно варьируются. Очень часто полумесяцы дополняются контрамарками и монограммами — черта с трилистником, разделяющая буквы А и В. Сирийские рукописи, имеющие филигрань «три полумесяца», датируются временем от начала XVII и до конца XIX в. [Пигулевская, 1960, с. 208—209].

Знак «три полумесяца» встречается, однако, не только в рукописях западного происхождения. Начиная с XVIII в. в Турции было налажено производство местной бумаги, которую также снабжали филигранью «три полумесяца». Но эта бумага отличается грубой выделкой [Пигулевская, 1960, с. 210].

Из французских филиграней в сирийских рукописях встречается кроме кувшинчика филигрань герба, она находится, например, в рукописи 1588 г.[21] [Пигулевская, 1960, с. 207]. На бумаге французского происхождения есть и такие филиграни: полумесяц на щите, полумесяц с профилем человека. Они датируются XVI в. [Пигулевская, 1960, с. 207—208].

К числу наиболее старых сирийских рукописей, написанных на бумаге, относятся две из собрания Британского музея — одна из них датируется 1075 г., другая — 1085 г.[22] [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Появление бумаги не вытеснило, однако, пергамен окончательно. Наиболее поздний сирийский кодекс на пергамене датирован 1567—1568 гг., он вообще подражает древним образцам и написан эстрангело в Тур Абдине [Hatch, 1946, с. 6]. Характерной особенностью сирийских рукописей является то, что в них очень редко смешиваются два

---

[21] Рук. ГПБ, БII № 56.

[22] Рук. Британского музея Add. 14, 714; Add. 12, 144.

писчих материала — пергамен и бумага, что имело место в Испании и других частях Европы в XIV—XV вв. [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI].

Переход к бумаге не отразился на форме рукописной книги, она сохранила форму кодекса, состоящего из нескольких тетрадей, как это имело место в пергаменных книгах.

Текст рукописей наносился писцом вручную с помощью нескольких инструментов. Прежде чем приступить к нанесению текста, лист пергамена натирался тальком, чтоб тот впитал жир, затем линовался на строки и колонки, поскольку сирийские рукописи V—VII вв. обычно писались в две и даже в три колонки. Линии разлиновки наносились тонкой свинцовой пластинкой или грифелем. Для разметки применялся циркуль или пункторий — стержень, с помощью которого можно было разметить на равные интервалы сразу всю страницу определенного формата. Куском пемзы писцы зачищали шероховатости и неправильно написанное.

Основным писцовым инструментом было перо. Сирийцы использовали два вида пера. Первый — калам — тростниковое перо, известное всему Средиземноморью еще до нашей эры. Примерно с III в. его стали заострять с двух сторон, чем добились более тонких линий. В древности в качестве орудия письма применялись костяные и металлические палочки, однако тростниковое перо было производительнее, поскольку в пористом тростнике чернила задерживались и скапливались, а не скатывались. Особенностью сирийских каламов было то, что они кроме заостренного конца имели расщепление, за счет чего штрихи букв получали почти всегда равномерное утолщение. Калам был распространен по всему миру, им писали евреи, греки (писец с каламом в руке часто фигурирует на византийских миниатюрах), копты и арабы [Hatch, 1946, с. 9].

Анализ приписок к сирийским рукописям позволяет сделать вывод о том, что сирийцы применяли для письма также и птичьи перья. Об этом свидетельствует приписка к рукописи 509 г. из Британского музея[23] [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII], где орудие письма названо *арбо де-порахто* — «птичье перо». В другой рукописи есть выражение: *нусойо де-хецро де-гелфоно* — «проба пера (птичьего)»[24] [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII]. Упоминается птичье перо в целом ряде других рукописей[25] [Hatch, 1946, с. 8]. На основании таких упоминаний Ж. Ланд [Land, 1862—1875, т. 1, с. 58], а за ним и Р. Дюваль [Duval, 1881, с. 2] полагали, что наиболее древние сирийские рукописи были написаны птичьими перьями. По

---

[23] Шифр Add. 14, 542.

[24] Шифр Add. 17, 185.

[25] Рук. Британского музея Add. 14, 551; Add. 12, 138; Add. 17, 185.

мнению Ж. Ланда, тростниковое перо вообще стало применяться сирийцами сравнительно поздно, не ранее XII в. [Land, 1862—1875, т. 1, с. 58—59]. У. Райт же считал, что ссылки на гусиное перо в сирийских рукописях лишь подражание греческим писцовым формулам и что сирийцы писали только тростниковыми перьями [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII].

Калам также упоминается в сирийских рукописях, но в сравнительно поздних. Наиболее ранняя ссылка такого рода есть в рукописи X—XI вв.[26] [Hatch, 1946, с. 9].

Птичьи перья перед их применением подвергались специальной обработке: перо сначала выдерживали в песке или золе, удаляли перепонки и жир, а затем расщепляли особым, предназначенным для этой цели ножом. Заточка гусиного пера была острой, линии от него получались яркими, а письмо четким. Такие перья использовались сирийцами в течение нескольких веков. Наиболее позднее упоминание птичьего пера, по мнению В. Хетча, относится к X—XI вв. [Hatch, 1946, с. 8]. Тростниковое перо оставляло более тяжелую линию и грубый штрих. Для пробы пера и чернил сирийские писцы употребляли особый термин *нусойо* [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII].

Текст рукописи наносился с помощью чернил. Применение пергамена заставило, видимо, выработать особые рецепты чернил, отличающиеся от тех, которые использовались античными переписчиками. В сирийской писцовой терминологии есть два слова для обозначения чернил — *дйуто* и *хаборо* [Duval, 1881, с. 1]. Чернила обычно готовились по следующему рецепту: брали дубовые чернильные орешки, богатые танином, их мелко дробили и смешивали с водой. Раствор настаивался, затем процеживался через грубую ткань и подогревался на огне. После остывания в него добавляли немного купороса и камедь для придания раствору большей густоты. Камедь получали из акации и добавляли в качестве вяжущего средства в раствор, который под действием атмосферного окисления давал черный цвет [Hatch, 1946, с. 10]. Эти чернила имеют в рукописях V—VIII вв. специфический коричневый оттенок. Сирийцы, как и другие народы, применяли для изготовления чернил также сажу — *смомо* [Land, 1862—1875, т. 1, с. 58; Duval, 1881, с. 1]. Вероятно, с XV в. у сирийцев появились и железистые чернила. Сирийцы, жившие в Египте, в монастырях Скитской пустыни, делали чернила из корней растения, называемого *арто*, которые заменяли в их рецептах чернильные орешки. Корни этого кустарника — *Calligonum comosum* [Hatch, 1946, с. 11] — дробили,

---

[26] Рук. Британского музея, Add. **17**, 128.

разбавляли темно-красным свежим вином или виноградным уксусом, что способствовало вытяжке танина. Такому раствору полагалось выстоять три дня. Затем туда же добавлялось немного купороса и камеди [Duval, 1881, с. 1; Hatch, 1946, с. 11]. Виноградный уксус и вино использовали и в рецептах с обыкновенными дубовыми чернильными орешками. Рецепты приготовления чернил сохранились во многих сирийских рукописях [27].

Текст на листе сирийской рукописи оформлялся в колонки — одну, две или, самое большее, три. Такое расположение текста, в узкую колонку, с короткой строкой, сохранилось еще с того времени, когда текст писался на папирусных или пергаменных свитках. С внедрением кодекса появилась удлиненная строка и широкая колонка, более удобная для чтения текста. В самой ранней из известных нам сирийских рукописей 411 г., написанной в Эдессе, — три колонки на каждой странице [28] [Wright, 1870—1872, ч. 2, с. 631]. Во всех других рукописях V в. на странице, как правило, по две колонки. От этого периода не сохранилось ни одного датированного кодекса, написанного в одну колонку, хотя Р. Дюваль и предполагает наличие таковых [Duval, 1881, с. 3]. В VI в. предпочтение отдавали размещению текста в две колонки, хотя встречаются рукописи и с одной. Наиболее ранняя сирийская рукопись, имеющая текст в одну колонку, написана в Маббоге в 510—511 гг.[29] [Hatch, 1946, с. 13]. Самая поздняя рукопись в три столбца относится к XV в. [Hatch, 1946, с. 13—14]. В рукописях, написанных почерками эстрангело, яковитским, несторианским и мелкитским, встречаются как один, так и два столбца, хотя заметно, что мелкиты чаще употребляют письмо в один столбец. Палестинское письмо характеризуется, как правило, расположением текста в две колонки. Число колонок скорее всего зависело от выбора писца, однако и местный стиль, мода также имели свое значение. Есть рукописи, в которых число колонок текста изменялось в процессе письма [Hatch, 1946, с. 14].

Тщательно переписанные рукописи, особенно те, которые принадлежали библиотекам храмов и монастырей, сверялись с протографом специальными людьми, которые делали это или

---

[27] Вот какой, к примеру, рецепт чернил содержится в приписке к рукописи X в. (рук. Британского музея Add. 14, 632) [Wright, 1870—1872, ч. 2, с. 580—581]: «Если хочешь ты сделать чернила для пергамена, возьми кожуру корня дерева, которое растет в пустыне этой, название его *арто*, и растолки ее, еще свежую, и прокипяти на огне хорошенько в черном вине и винном уксусе. Затем отфильтруй и добавь немного серной кислоты и камеди». Рецепты чернил см. также в рук. Британского музея: Add. 14, 540; Add. 14, 644; Arundel Orient MS 53.

[28] Рук. Британского музея Add. 12, 150.

[29] Рук. Британского музея Add. 17, 126.

в процессе списывания, или вскоре после него. Такие высококвалифицированные книжники-начетчики благодаря своему скрупулезному знанию текстов священных книг пользовались особым авторитетом. Упоминание их имен в колофоне проверенной ими рукописи служило своеобразным цензурным разрешением для выхода книги в свет.

Сирийские рукописи в основном не имеют роскошных орнаментов и миниатюр. Поскольку в них нет заглавных букв — все буквы в строке одинаковой высоты, — то не существует и узорных инициалов. Чтобы как-то украсить поле листа, используются разнообразные значки, подразделение текста на главы и стихи осуществляется с помощью геометрических фигур — крестиков, ромбиков, звездочек. Иногда рукопись начинается и завершается несложным орнаментом. Все это вносилось в текст рукописи различными красками. Для рубрикации и орнаментации сирийцы применяли главным образом красную и зеленую краски, реже встречается желтый и синий цвет. Наиболее употребительной краской был сурик свинцового состава. Упоминание сурика — по-сирийски *сирикон* или *сирико* — встречается в сирийских рукописях [30] [Duval, 1881, с. 2]. Именно суриком чертилась для копииста на листе рамка для текста [Duval, 1881, с. 1]. Сурик — розовато-оранжевого цвета, он легко отличается от киновари ртутного состава, которая обладает малиновым оттенком [Щепкин, 1967, с. 36]. Киноварь также имеет место в сирийских рукописях. Как отметил У. Райт, киноварь чаще встречается в рукописях мелкитского происхождения [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Краски — зеленую, синюю, фиолетовую — получали из окиси железа, меди или красной камеди [Duval, 1881, с. 1—2]. Исследователи долгое время полагали, что сирийские рукописи не знают украшений и записей твореным золотом и серебром. Однако М. В. Никольскому удалось обнаружить пример такого рода украшения в сирийской рукописи VII в., содержащей евангельские чтения [Никольский, 1901, с. 94]. О применении сирийцами хризографии свидетельствуют не только сирийские алхимические трактаты, содержащие рецепты состава, которым можно было писать золотом [Пигулевская, 1979, с. 178—179], но и другие источники. В автобиографии Иоанна, епископа Харрана и Мардина (XII в.), говорится, что он собирал, приводил в порядок и переплетал рукописи, а также собственноручно написал золотом и серебром четыре списка Евангелия [Assemanus, 1721—1728, т. 2, с. 224—225; Райт, 1902, с. 176]. К хризографии прибегали как несториане, так и монофизиты. Из несторианской среды, вероятно, происходит

[30] Рук. Британского музея Add. 12, 138; Add. 14, 667.

кодекс, ныне хранящийся в библиотеке Ватикана (Vat. Syr. 662). Датированный концом XIII в., он написан мелким золотым эстрангело на голубом фоне [Leroy, 1964, т. 1, с. 109]. Однако наиболее известны рукописи, вышедшие из-под пера монофизитов. Так же, как это делалось в Византии, сирийцы оформляли с пышностью не всякие книги, а исключительно евангелия и евангелиарии, употреблявшиеся при церковном богослужении. Текст служб, совершавшихся в большие праздники, писался золотом и серебром на фоне различных цветов. Иногда вся страница окрашивалась в один цвет, а иногда она была полихромной. Диакритические знаки при письме золотом и серебром наносились голубой или красной краской [Leroy, 1964, т. 1, с. 110]. Наибольшую ценность из манускриптов такого рода представляет Евангелиарий, который хранится в библиотеке яковитской патриархии в Хомсе (САР) и датируется, согласно колофону, 1168-69 г.

Одним из элементов декоративного оформления сирийских рукописей является изображение главного христианского символа — креста. Наиболее древний его рисунок встречается в рукописи 462 г., содержащей сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия Кесарийского [Пигулевская, 1926, табл. 1]. Со временем изображения крестов начинают варьироваться. Они рисуются в виде орнамента, украшаются розетками, вписываются в квадрат или круг. Образцами таких крестов изощренной формы могут служить рисунки из двух рукописей Национальной библиотеки в Париже [Leroy, 1964, т. 2, Альбом, табл. 4, 5, 7, 8].

Особое место в декоре сирийских рукописей занимает оформление так называемых Евсевиевых канонов, указателей сходных по содержанию евангельских чтений по всем четырем каноническим евангелиям. В греческой и сирийской традициях существовала разница в количестве страниц, занятых канонами. В греческих рукописях их было 12, а в сирийских — 19 [Leroy, 1964, т. 1, с. 127—128]. Каждая сводка указателей чтений занимала, как правило, отдельный лист. Она вписывалась в живописно составленные сетки из квадратов, ромбов или кругов, помещалась в арках, колоннадах, пропилеях. Древние образцы оформления Евсевиевых канонов представлены в рукописях VI в. [рук. Британского музея Add. 17, 123; Add. 14, 540; рук. Парижской Национальной библиотеки Par. Syr. 33 и др.].

В собраниях сирийских рукописей всегда особо выделяются кодексы с миниатюрами. Сирийская книжная живопись настолько разнородна, с одной стороны, а с другой — представлена таким незначительным количеством образцов, что в ней трудно
 выделить какие-либо школы или направления, отметить осо-

бенности, присущие тому или иному времени. Тем не менее все иллюминованные кодексы можно условно разделить на три основные группы. В первую входят те рукописи, художественное оформление которых связано с христианским искусством византийского круга. Вторая группа включает рукописи с миниатюрами, созданными под большим влиянием мусульманской традиции — арабской и персидской. Третья группа представлена примитивной живописью, выполненной обычно не художником-профессионалом, а самим переписчиком.

В качестве примера первой группы сирийской книжной живописи можно назвать знаменитое Четвероевангелие Раввулы, датированное 586 г. Его обычно рассматривают как самый древний датированный образец не только сирийской, но и византийской иллюминованной рукописи. Миниатюры Четвероевангелия Раввулы занимают 14 листов. На них семь отдельных композиций, в том числе «Распятие и Вознесение», «Троица» и др., а также миниатюры к канонам Евсевия. Последние оформлены многоярусными композициями: верхний ярус занимают ветхозаветные персонажи, средний — евангельские сцены, нижний — орнаментальные растительно-животные рисунки [Leroy, 1964, т. 1, с. 158—159]. Такое расположение материала продиктовано идеей христианской теологии, сложившейся уже ко II в., согласно которой евангельские события имеют прообраз в Ветхом завете и могут быть правильно поняты лишь исходя из него [Leroy, 1964, т. 1, с. 164—165]. Миниатюры Четвероевангелия Раввулы, несомненно, являются подражанием более древним, не дошедшим до нас образцам. Сами же они во многом повлияли на развитие декора сирийских рукописей, хотя столь роскошно оформленного кодекса больше нет в собраниях.

Примером художественного оформления второго типа можно считать рукопись начала XIII в. из Британского музея (шифр — Add. 7170). Кодекс содержит евангельские чтения, поэтому большинство (38) миниатюр представляют собой композиции на сюжеты евангелий. Все миниатюры несут на себе отпечаток мусульманской традиции. Это выражается в особых, восточных типах персонажей, их характерных позах, передаче деталей быта, архитектуры. Орнамент, обрамляющий отдельные миниатюры, также имеет в основе мусульманский источник [Редин, 1898, с. 2—3, табл. 1—5].

Образцы примитивной сирийской живописи можно встретить уже в не очень поздних рукописях. Таковы, к примеру, грубые изображения евангелистов в Четвероевангелии XII—XIII в. из собрания Ньютонской теологической библиотеки [Hath, 1946, с. 21]. Число рукописей с подобными малохудожественными миниатюрами увеличивается по мере того, как си-

рийская культура начиная с XIV в. постепенно приходит в упадок. Образцом такого рода могут служить изображения в Евангелиарии Института востоковедения АН СССР (Собр. Диттриха № 1, XVIII в.) [Пигулевская, 1960, с. 77—79]. Они являются копией с древнего образца, исполненной неумело и безвкусно. Примитивные рисунки сохранили и сборники заклинаний. На них изображалось все, против чего направлены заклятия: скорпионы, змеи, различные виды оружия, злые духи и ведьмы [Пигулевская, 1960, с. 124—128]. Известно, что переписка заклинательных книжечек составляла особую статью дохода для мелкого духовенства и авторами рисунков были сами писцы.

Переплеты сирийских рукописей, как правило, представляют собой две деревянные доски, обтянутые кожей. Внутренняя их сторона покрывалась иногда полотном или шелком. Переплеты, судя по тем, что сохранились до настоящего времени, отличались скромностью и простотой. Кожа была рыжего, красноватого, иногда черного цвета. Обычно тиснение отсутствовало, но иногда декор наносился и представлял собой геометрический рисунок в форме креста, кружков, квадратиков, маленьких звездочек [Leroy, 1964, т. 1, с. 105]. Часто для защиты кожаного переплета его обшивали сверху бархатом или полотном. Два старых переплета сохранили рукописи Британского музея (Add. 17, 124; Or. 8729) [Leroy, 1964, т. 2, Альбом, табл. 1]. Второй из них принадлежит рукописи XIII в., он был обнаружен при реставрации. Верхняя крышка переплета имеет тиснение в виде большого креста с завитками, в средней части под крестом расположены четыре круга со звездами. На нижней крышке представлен тот же орнамент с незначительными вариациями.

Для богослужебных книг, постоянно находящихся в употреблении и лежащих на престоле, сирийцы — как яковиты, так и несториане — делали оклады из меди или серебра. На пластинах металла были выгравированы евангельские сцены или изображения святых [Leroy, 1964, т. 2, Альбом, табл. 1]. Известно, что такие пластины для окладов изготовлялись, например, в окрестностях месопотамских городов Мосула и Мардина [Leroy, 1964, т. 1, с. 105, примеч. 3]. Эта традиция, вероятно, восходит к древности, хотя старые оклады до нашего времени не сохранились.

Сирийское письмо основано на алфавите, ведущем свое происхождение от финикийского, который является источником почти всех алфавитных письменностей мира [Дьяконов, 1967, с. 362]. Как и всякое семитское письмо, оно консонантное и состоит из 22 знаков, служащих для обозначения только согла-

сных звуков. О происхождении сирийского письма существует несколько различных точек зрения. С конца XIX в. утвердилось мнение, что оно ведет свое начало от пальмирского курсива. Это предположение было высказано одним из первых исследователей сирийской палеографии, Ж. Ландом [Land, 1862—1875, т. 1 с. 64], поддержано Р. Дювалем [Duval, 1881, с. 4], полагавшим, что пальмирские надписи II—III вв. могут считаться звеном, которое связывает квадратное еврейское письмо с письмом Эдессы. Такую точку зрения разделял и Ж. Кантино [Cantineau, 1935, с. 32—35].

Все сторонники данной теории исходят при сравнении двух видов письма — пальмирского и эдесского — из эпиграфического материала. При этом имеют место следующие трудности, ставшие особенно явными сравнительно недавно. Во-первых, многочисленные находки пальмирских надписей достаточно усложнили как проблему возникновения этого письма, так и классификацию его вариантов. А такое положение весьма затрудняет для пальмирского шрифта выполнение роли эталона. С другой стороны, до сих пор не решен со всей определенностью вопрос о хронологии древнейших сирийских памятников эпиграфики [31]. Таким образом, и сам сравниваемый материал вызывает сомнение. Тем не менее точка зрения о зависимости сирийского письма от пальмирского может быть поколеблена. Во-первых, как бы ни датировать древнейшие сирийские эпиграфические тексты, надо признать, что сирийские и пальмирские надписи в общем одновременны (II—III вв.), а во-вторых, известно, что сирийское письмо существовало уже в I в., как об этом свидетельствуют надписи на монетах эдесских царей [Land, 1862—1875, т. 1, с. 64, табл. B]. Точка зрения, отличающаяся от вышеизложенной, впервые была высказана М. Лидзбарским. Он считал неправильным полагать, что сирийский шрифт эстрангело развился только на основе пальмирского курсива [Lidzbarski, 1898, с. 193—194]. Иного мнения придерживается Ф. Розенталь, который считает, что пальмирское и сирийское письмо не зависят друг от друга, а представляют собой резуль-

---

[31] В настоящее время палеография надписи с именем царицы Цаддан на саркофаге, считавшейся ранее древнейшей сирийской, детально проанализирована Ж. Пиренн, которая пришла к выводу, что ее нельзя датировать, как это делали ранее, 60-ми годами I в., а нужно отнести к началу III в. [Pirenne, 1963, с. 102—106]. Датировка надписи из Бйреджика вызывает сомнение, поскольку именно в том месте, где стояла дата, камень поврежден. Тем не менее М. Кюгенер [Kugener, 1907, с. 591—592], а за ним и А. Марик [Maricq, 1962, с. 91—92] сочли возможным датировать текст 6 г. и признать надпись из Биреджика древнейшей сирийской надписью.

тат самостоятельного развития из одного общего для них источника [32] [Rosental, 1964, с. 270].

По всей вероятности, уже к началу нашей эры как в Пальмире, так и в области Междуречья начало формироваться курсивное письмо, упрощавшее и убыстрявшее процесс нанесения текста. Этот шрифт вырабатывался на основе имперско-арамейского курсива, имевшего традицию записей на различных материалах — камне, папирусе и т. д. В различных регионах — приморской Сирии, Междуречье, Палестине — арамейский курсив мог приобретать свои, местные специфические графические особенности, которые, развившись, давали порою существенно отличающиеся друг от друга виды письма, отмеченные в то же время и какой-то общностью.

Сведения о существовании у сирийцев письменных текстов неэпиграфического характера содержатся в самих сирийских сочинениях. В числе источников широко известной «Эдесской хроники» отчетливо выделяются материалы, относящиеся к архиву эдесских царей. Эти сообщения «принадлежат к группе светских записей и имеют выраженный локальный характер» [Пигулевская, 1959, с. 79—96]. Первая заметка относится к 180 г. по селевкидской эре, т. е. к 131—132 гг. до н. э. Даже если предположить, что сведения о начальном периоде царствования династии Авгаров легендарны, то рассказ о наводнении в Эдессе в 201 г. [Пигулевская, 1959, с. 88—90] выглядит явно документальным, а формуляр записи свидетельствует о том, что в этот период существовал городской архив, документация велась писцами-специалистами и заверялась хранителем архива. О наличии в Эдессе архива сообщает также ранневизантийский историк Евсевий Кесарийский (Eus. Hist. eccl. I, 13).

Древнейший, сохранившийся до нашего времени образец сирийского письменного текста на пергамене — это тоже документ. Он был найден в 1933 г. в Дура-Европос [Welles—Fink—Gilliam, 1959, с. 142—149, pl. LXIX; LXXI]. Документ датируется 243 г. и представляет собой контракт о продаже рабыни. Контракт составлен и написан, как явствует из текста, профессиональным писцом, подписан свидетелями и заверен хранителем архива. Палеография пергаменного отрывка интересна тем, что она дает нам образец беглого письма — курсива, применявшегося для фиксации документов и нанесения записей преходящего значения [Torrey, 1935, с. 33—45]. Примеров же книжного письма, современных данному документу, мы пока не знаем. Тем не менее есть косвенные доказательства того, что в этот период существовали не только деловые документы, но

---

[32] Эти точки зрения изложены в обобщающих работах [Jensen, 1925, 126 с. 126—127; Дирингер, 1963, с. 336—337].

и рукописные книги. К концу II—началу III в. относится деятельность известнейшего сирийского писателя, философа и ученого Бар Дайсана (Вардесана) [Пигулевская, 1979, с. 117—125], сочинения которого сохранились лишь в отрывках, но и по ним можно судить о высоком уровне его творчества, которое подтверждает, что сирийский литературный язык и письменная книжная культура были уже к этому времени достаточно хорошо развиты.

Древнейший тип сирийского книжного письма носит название эстрангело [33]. Он представлен сирийскими рукописями начала V в. Им написан самый старый из сохранившихся до настоящего времени кодекс 411 г.[34].

Совершенный характер письма — четкого и правильного — этой рукописи говорит о том, что эстрангело в качестве книжного письма стало употребляться задолго до начала V в. Книжное письмо эстрангело определяют по-разному. Ж. Ланд [Land, 1862—1875, т. 1, с. 65—70] и Р. Дюваль [Duval, 1881, с. 7] называют его маюскульным, типологически ставя его в один ряд с греческим и латинским унциалом, славянским уставом. Н. В. Пигулевская, наоборот, выделяет эстрангело из этого круга, отмечая, что «устава, который характерен для греческих, латинских и славянских рукописей. . . сирийский язык не знает» [Пигулевская, 1954, с. 65]. При этом она исходит из такой специфической особенности эстрангело, как связное письмо. Это новаторское достижение, которым восточнохристианский культурный круг обязан прежде всего сирийским книжникам. Связное письмо было прогрессивным явлением, поскольку оно убыстряло и удешевляло процесс производства рукописной книги. Стремление к соединению букв на письме можно отметить уже в самых древних сирийских

[33] Термин «эстрангело» применяется в сирологии не только для определения письма старшего периода, но и по отношению к письму эпиграфических раннесредневековых текстов. Кроме того, эстрангело ныне служит основным печатным шрифтом, с помощью которого набираются сирийские тексты. Последняя функция закрепилась за этим типом письма уже в наше время, ранее же для набора наряду с ним использовался как яковитский, так и квадратный еврейский шрифт. О происхождении термина «эстрангело» существует две точки зрения. Первая возводит его к греческому στρογγύλος «круглый», «округлый» [см.: Assemanus, 1721—1728, т. 3, с. 378; Nöldeke, 1898, с. 1; Brockelmann, 1960, с. 4; Costaz, 1955, с. 2—3; Церетели, 1979, с. 13]. Согласно второй, термин возник в результате контаминации двух слов: *серто+евангелайон* «евангельское письмо» [Michaelis, 1784, с. 15; Adler, 1789, с. 4; Uhlemann, 1857, с. 3; Nestle, 1881, с. 3; Land, 1862—1875, т. 1, с. 73; Duval, 1881, с. 7].

[34] Рук. Британского музея Add. 12, 150. Об истории этой рукописи см. [Cureton, 1848].

надписях, сохранившихся на монетах I в. [Duval, 1881, с. 4; Land, 1862—1875, т. 1, табл. B]. Можно проследить, как с течением времени почти все сирийские буквы приобретают связь или направо, или налево, или и в ту и в другую сторону.

В ранних сирийских рукописях можно выделить девять букв, которые в основном соединяются с предшествующей, но не с последующей буквой: *алеф*, *далет*, *хе*, *вав*, *зайн*, *семкат*, *цаде*, *реш*, *тау*. Причем, когда за буквами *далет*, *зайн*, *семкат*, *реш* следует одна из перечисленных выше букв, то они вообще не имеют никакого соединения. Такое явление характерно только для рукописей V в., оно служит хорошим датирующим признаком. Однако, как нам кажется, несмотря на столь рано проявившуюся тенденцию к связности букв, сирийское книжное письмо все же можно назвать маюскульным. Дело в том, что при этом письме буквы приобретают строго нормированное положение относительно двух параллельных линий, в пределах которых они и размещаются [35]. Лишь шесть букв (из них у двух — *каф* и *нун* — это имеет место только в специфических конечных формах) выходят своими деталями за пределы рамочных линий. Поэтому сирийское книжное письмо старшего периода можно считать маюскульным связным письмом.

В типе сирийского письма эстрангело можно отметить изменение в написании некоторых букв. Так, уже начиная с V в. в рукописях можно наблюдать две формы буквы *далет* (ܕ) — угловатую и округлую. Причем до IX в. форма уголком наблюдается чаще, чем округлая, а с X—XI вв. получает преобладание последняя. Буква *хе* (ܗ) в форме двух соединенных полуколец встречается в рукописях с V по XIII в.; с конца VI в. возникает форма кружка с присоединенным справа вертикальным штрихом. Буква *вав* (ܘ) существует с V в. в двух видах — закрытый и разорванный кружок, но с XII в. в рукописях фигурирует исключительно *вав* круглый. Буква *мим* (ܡ) в V в. в основном открыта в своей правой части у основания, а на вершине закруглена. В более позднее время закругление закрыто, смыкается с верхней перекладиной. Буква *семкат* (ܣ) претерпела с течением времени изменения, касающиеся ее соединения со следующей буквой. Так, с V по первую четверть VII в. такая связь обычно отсутствует. С конца

---

[35] Такое определение см., например, у Е. Э. Гранстрем: «Маюскульное письмо — письмо, определяемое двумя параллельными линейками и не выбрасывающее (точнее, почти не выбрасывающее) за пределы этих двух, мысленно проводимых линеек никаких деталей, важных для определения отдельных букв» [Гранстрем, 1969, с. 233].

VII до конца XI в. буква *семкат* иногда соединяется со следующей за ней, иногда нет. Начиная со второй четверти XII в. связь с буквой налево становится постоянной (ܣ). Особенностью буквы *коф* в эстрангело является ее стандартный характер. *Коф* во все периоды представляет собой четко очерченный квадратик, зачастую с выступающим левым верхним углом (ܩ). Буква *реш* (ܪ) разделяет графические особенности *далет*. Уже с V в. можно обнаружить две формы — угловатую и округлую. Такое сосуществование продолжается до XII—XIII вв., когда начинает преобладать округлое написание. Форма буквы *шин* (ܫ) до XVI в. представляет собой заштрихованный треугольник основанием вверх. В XIV в. в некоторых рукописях очертания ее становятся округлыми. В последней букве алфавита — *тау* (ܬ) — модификации подвергается петля, которая иногда имеет вид почти треугольника, а иногда закруглена. В эстрангело появляются особые формы для некоторых конечных букв, отличающихся от начальных и срединных написаний. Их всего три: конечный *каф* (ܟ), начертание которого не изменяется с самых древних рукописей и до третьей четверти XVI в., конечный *мим* (ܡ), головка которого в отличие от *мим* срединного всегда закрыта у основания, и конечный *нун*, сохраняющий свою форму как в ранних, так и в поздних рукописях (ܢ, ܢ).

На основе эволюции отдельных букв в развитии письма эстрангело можно выделить несколько этапов [Hatch, 1946, с. 44—46]. Первый период — с 400 г. до середины VII в. — связан с классической эпохой сирийской культуры. Рукописи этого времени написаны, как правило, четко, все буквы хорошо очерчены, почерк ровный и правильный. Но между 622 и 682 гг. мы не имеем ни одной датированной сирийской рукописи, написанной эстрангело, что обычно объясняется арабским завоеванием, политикой первых халифов [Hatch, 1946, с. 45]. Однако можно высказать предположение, что этот факт связан с появлением и утверждением новых типов письма, возникших в результате конфессиональных разногласий, — яковитского, несторианского и мелкитского. Общим для всех них было то, что они выражали единую тенденцию развития — переход к более быстрому и экономичному письму. Это подтверждается тем, что образцы почерка эстрангело с конца VII по IX в. — время, которое можно условно считать вторым периодом, — отнюдь не представляют собой картину упадка, вызванную арабским владычеством. Письмо по-прежнему остается четким

и правильным, хотя оно уже не столь изящно, как в классическую эпоху. Третий период — с X до середины XIII в. — можно назвать временем упадка. Буквы во многих рукописях становятся тяжелыми и неправильными, письмо утрачивает изящество. Именно к началу этой эпохи относится рассказ в «Historia ecclesiastica» Бар Эбрея о том, что Иоанн, епископ Картаминского монастыря, был вынужден восстанавливать древний, уже забытый тип письма, изучая в Тур Абдине древние рукописи [Abbeloos — Lamy, 1872, стб. 417].

Анализ хранящихся в различных собраниях коллекций сирийских рукописей приводит к выводу о том, что забвение древнего типа письма не было в сироязычном мире всеобщим явлением [36]. Если рукописи, происходящие из северо-западной части Месопотамии, некогда являвшейся центром сирийской культуры и образованности, и свидетельствуют о том, что там на какое-то время были утрачены навыки письма эстрангело, то в таких заповедниках книжности, какими стали после арабского завоевания сирийские монастыри Египта и Палестины, они сохранились. Именно в этих рукописных центрах эстрангело приобрело новую специфическую функцию, став письмом литургическим, предназначенным для книг богослужебного содержания [37]. Такое явление — характерная особенность третьего периода в развитии письма данного типа.

С конца VI в. в сирийском постепенно начинают выделяться и оформляться, приобретая свои индивидуальные особенности, два новых типа письма — несторианский и яковитский (серто) [38]. Оба они сложились на основе эстрангело, и их возникновение отражает определенный этап в эволюции сирийского книжного письма, переход от маюскульных форм к минускульным, убыстрявшим процесс нанесения текста. Из двух типов письма несторианский отличается бо́льшим, чем серто, консерватизмом, большей зависимостью от эстрангело.

В развитии несторианского письма обычно выделяют два этапа. Первый продолжался с начала VII до середины XIII в. [Hatch, 1946, с. 46]. Самая ранняя несторианская рукопись датируется 599—600 гг. Однако почерк ее настолько близок

---

[36] Образцы датированных рукописей, написанных эстрангело, хорошо подобраны и расположены в хронологическом порядке в «Альбоме» В. Хетча [Hatch, 1946, табл. I—XCIV, с. 52—145].

[37] Типологически сходное явление имеет место в греческом письме. В последний период использования византийского унциала, в IX—XII вв., он употреблялся как литургическое письмо и назывался литургическим унциалом [Гранстрем, 1969, с. 235].

[38] Название произошло из сочетания *серто пешитто* — «простое письмо».

к эстрангело, что У. Райт так и называет его несторианским эстрангело [Wright, 1870—1872, ч. 1, с. 52]. Принадлежность рукописи к несторианскому кругу выявляется только на основе своеобразного способа огласовки. Система сгруппированных точек, служащих для обозначения гласных, является наиболее ярким признаком, выделяющим несторианские рукописи. С середины XIII и до конца XVI в. в несторианском типе письма появляется все больше и больше черт, присущих минускульному типу. Раньше считалось, что этот процесс шел под влиянием яковитского письма [Hatch, 1946, с. 28]. После находки в Дура-Европос сирийского текста на пергамене [39] [Welles — Fink — Gilliam, 1959, с. 142—149], представляющего собой образец делового курсива, который существовал наряду с книжным письмом эстрангело и служил для нанесения записей преходящего значения, можно сказать, что несторианский тип письма на втором этапе своей эволюции начинает синтезировать черты книжного письма и делового курсива. Характерная особенность несторианского почерка — наличие (иногда даже в одной и той же рукописи) двух форм для одной и той же буквы. Это присуще буквам *алеф*, *далет*, *хе*, *вав*, *мим*, *реш*. Отличительным признаком несторианского почерка являются стабильные древние формы для *коф* (маленький квадратик, иногда с заостренным и вытянутым левым углом — ܩ), *шин* (горизонтальный жирный штрих, наложенный на вертикальный, — ܫ), *каф* (ܟ) и *мим* (ܡ) конечные. Конечный *ламед* в виде двух вертикальных черт, имеющих наклон вправо, встречается лишь эпизодически. Специфической приметой несторианского письма служит форма буквы *тау*. Вертикальная черта, составляющая ее корпус, имеет наклон вправо и снабжена вытянутым вправо концом в тех случаях, когда буква не связана с предшествующей, а стоит в начале слова. Несмотря на все отклонения, несторианское письмо в целом в своем курсивном варианте дает гораздо большее родство с эстрангело, чем яковитское.

В основу яковитского письма лег деловой курсив [40], единственным образцом которого для сирийского письма является уже упоминавшийся документ из Дура-Европос. Палеографический анализ документа дает ряд характерных особенностей

---

[39] Библиографию см. [Brock, 1978, с. 268].

[40] Типологически сходный процесс можно наблюдать в греческом письме. Византийский минускул возник на основе курсива, беглого письма, которым писались деловые бумаги. Он хорошо известен по образцам на папирусе [Гранстрем, 1958, с. 226].

курсива по сравнению с эстрангело [41]. К их числу можно отнести преобладание округлых линий в буквах *бет*, *хе*, *далет*, *вав*, *пе*, *реш*. Приметными признаками делового курсива, которые нашли затем применение в яковитском типе письма, служат форма буквы *алеф* в виде изогнутой вертикальной черты и особое начертание буквы *тау*, состоящей из вертикальной черты, склоненной влево, и присоединенной к ней выгнутой дужки.

Наиболее ранний датированный кодекс серто, по мнению В. Хетча, написан в 731—732 гг. [Hatch, 1946, с. 27]. В эволюции яковитского письма различаются два периода. Первый — с VIII по XI в., когда оно формируется и закрепляет свои особенности, и второй — с XII по XVI в., когда оно остается в основном стабильным. Яковитское письмо округлое, особенно характерные изменения по сравнению с деловым курсивом III в. произошли с буквой *мим*, головка которой стала также совершенно округлой (ܡ). Буквы *реш* и *далет* приобрели по аналогии с эстрангело точки (первая наверху — ܪ, а вторая внизу — ܕ), причем иногда точка писалась левее основной части буквы. Буква *коф* в этом письме эволюционирует: если в ранних рукописях она имеет ту же форму, что и в эстрангело, то в последней четверти XI в. становится круглой, совпадая по начертанию с *вав*. Изменению с течением времени подвергалась буква *шин*: до конца XI в. она угловатая, как и в эстрангело; позже имеет вид маленького заштрихованного кружка; в последней четверти XIII в. возникает еще одна форма — заштрихованный треугольник, лежащий основанием на нижней линейке. Типичное явление яковитского письма — особые формы для конечных *ламед* и *ʽайн*, представляющие собой две параллельные черты, наклоненные влево и различающиеся лишь длиной. Они встречаются начиная с наиболее древних рукописей и вплоть до конца XVI в. Новшеством письма серто было появление лигатур для сочетаний *алефа* с *ламедом*. Таких форм было две: для *ламед + алеф* (представляла собой подкову с вытянутыми боковыми линиями, имеющую слева уходящий вниз штрих) и для *алеф + ламед* (состояла из двух параллельных, но не соединяющихся линеек, из которых вторая переходит в букву *ламед*). В некоторых рукописях есть специфическая форма для тех случаев, когда конечный *ламед* одного слова

---

[41] Палеографический анализ документа был сделан К. Торреем [Torrey, 1935, с. 33—45, 162]. Однако он не нашел принципиальной разницы между письмом документа и книжным эстрангело, не отметил того значения, которое оно имеет для истории возникновения сирийского минускула.

сталкивается с начальным *алефом* следующего. Такое сочетание обозначалось наклоненной влево и вытянутой концами вверх подковой, перечеркнутой волнистой горизонтальной линией.

Среди видов сирийского письма, сложившихся после клерикального раскола, особое место занимает письмо мелкитских рукописей [42], которые были изготовлены в среде сирийцев, оставшихся верными ортодоксальному христианству, постановлениям Халкидонского собора 451 г. Таких кодексов сохранилось совсем немного, поэтому о характере мелкитского письма говорить трудно. Можно отметить только его большую близость к яковитскому и отсутствие, как правило, каких бы то ни было знаков огласовки.

Особый вопрос сирийской палеографии — это вопрос о так называемом сиро-палестинском письме, которое известно также как палестинское или старопалестинское. Этим письмом пользовались христиане-мелкиты Палестины, когда в V—VI вв. на западноарамейское палестинское наречие была переведена основная литература ортодоксального христианства. До нас дошло весьма незначительное количество сиро-палестинских текстов, причем многие из них представлены фрагментами, сохранились на палимпсестах. Сиро-палестинское письмо в формах многих букв очень схоже с эстрангело. Но оно по сравнению с последним выглядит жестким и угловатым. Из особенностей можно отметить отсутствие иногда точки в буквах *далет* и *реш*, специфическую форму буквы *шин* в виде галочки острием вниз, отсутствие специфических форм для конечных букв, а также особый знак, служащий для обозначения буквы *пе* в некоторых собственных именах и словах греческого происхождения и заменяющий в отдельных случаях *бет* сирийских слов.

По вопросу о происхождении сиро-палестинского письма в сирологии существуют разные мнения. Так, Ж. Ланд полагал, что оно возникло в результате контаминации эдесского почерка эстрангело с греческим унциалом [Land, 1862—1875, т. 4, с. 212, 232]. Эту же точку зрения отстаивал Р. Дюваль, причем он считал, что христиане Палестины заимствовали эдесское письмо в его старом варианте, до нас не дошедшем, т. е., во всяком случае, еще до IV в. У них этот вариант эстрангело сохранил в застывшем виде свои самые архаические формы, защищенные от изменений, которые произошли с эдесским

---

[42] Особо выделяет группу мелкитских рукописей, например, В. Хетч [Hatch, 1946, табл. CLXXXIV—CXCVII, с. 235—248].

почерком в период расцвета сирийской культуры [Duval, 1881, с. 9—11]. В. Хетч в противоположность этому считает, что сиро-палестинское письмо древнее эстрангело. Он отмечает сходство некоторых букв этого письма с буквами пальмирского курсива и полагает, что и сиро-палестинское письмо, и эстрангело ведут свое начало от одного арамейского предшественника [Hatch, 1946, с. 29—30].

Распространение сирийской культуры далеко за пределами Месопотамии привело к такому явлению в истории письма, когда сирийское письмо стало применяться для фиксации текстов на других языках.

Прежде всего сирийский алфавит использовался для письма по-арабски. Такой тип письма носит название *каршуни* [43]. Его применяли сирийцы после того, как их язык перестал быть разговорным, и арабы-христиане, стремившиеся ввести особый вид письма, отличный от собственно арабского, которое употреблялось их антагонистами по вероисповеданию — арабами-мусульманами. Поскольку существует расхождение между количеством букв сирийского и арабского алфавита, некоторые сирийские буквы, такие, как *гамель*, *далет*, *тет*, *каф* и *тау*, представляли несколько арабских [Duval, 1881, с. 11]. Особый вариант несторианского письма распространился у христиан Малабара, когда сирийскими буквами стали писать по-малайски [Duval, 1881, с. 12; Land, 1862—1875, т. 1, с. 11, 91]. Сирийское письмо типа эстрангело было воспринято также согдийцами-христианами. Переводя памятники христианской литературы с сирийского, они для записи согдийского текста использовали эстрангело, приспособив сирийские буквы для передачи своих гласных и согласных. Причем отдельные сирийские слова и фразы иногда полностью, без перевода переносились в согдийский [Пигулевская, 1979, с. 24]. Сирийским письмом пользовались и тюрки. Сохранилось несколько тюркских фрагментов, написанных тоже эстрангело [Пигулевская, 1940 (I), с. 220—224, 231—233].

Особое место в сирийской палеографии занимает вопрос о способе сирийского письма. Сирийцы, подобно многим другим семитским народам, писали справа налево по горизонтали. Однако некоторые эпиграфические сирийские тексты дают примеры, когда буквы располагаются от вершины камня вниз вертикальной колонкой [Sachau, 1882, с. 142—167]. Такие

---

[43] Наряду с таким названием существуют и иные варианты: *гаршуни*, *гершуни*. Происхождение этого термина не имеет удовлетворительного объяснения. По одной из гипотез, наименование обязано своим возникновением изобретателю такого письма, который носил имя Каршун [Duval, 1881, с. 11].

примеры позволили высказать предположение о том, что сирийцы подчас писали вертикально и на папирусе, и на пергамене [Hatch, 1946, с. 11—12]. Точка зрения о сирийском вертикальном письме была высказана У. Райтом [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII], который считал, что сирийцы писали, помещая лист горизонтально, приближая левое поле страницы к груди писца и располагая слова вертикально сверху вниз, от правого угла к левому. Когда страница была закончена, пергамен возвращался в изначальное положение, колонка автоматически становилась линией и читалась справа налево. Диакритические точки писались справа и слева от слова, а когда рукопись поворачивалась, точки оказывались над и под словом. Это предположение обычно доказывается написанием в одной из сирийских рукописей [44] греческой фразы: «Авраам, монах» (ΑΒΡΑΑΜΜΟ), которая может быть прочитана, если рукопись повернуть указанным выше способом. Однако данный пример нельзя считать убедительным, поскольку рассматриваемый выше способ письма никак не отражался на чтении сирийского текста, которое при всех условиях переписки происходило горизонтально и справа налево. Аналогичное должно было произойти и с греческой фразой: написанная вертикально, она не должна была вызывать неудобств при своем прочтении. К тому же выше точно таким же образом расположена сирийская фраза «Авраам — затворник, молитесь за него», написанная тайнописью буквами эстрангело, которая не соответствует расположению букв остального текста. Скорее всего мы здесь имеем лишь пример изощренности переписчика в написании своего имени. К тому же характерное съезжание строки вверх при написании из правого угла листа к левому в ранних сирийских рукописях, что имело место тогда, когда линия не прочерчивалась инструментом, свидетельствует в пользу горизонтального письма. Некоторые ученые считают, что вертикальное письмо было присуще только яковитам. Они употребляли его до XIII или XIV в., а позднее приняли метод письма справа налево по горизонтали. Несториане же всегда придерживались горизонтального письма справа налево [Land, 1862—1875, т. 1, с. 60; Duval, 1881, с. 3; Hatch, 1946, с. 12].

Сирийское письмо является консонантным, поэтому в целях правильного чтения, произношения и понимания текста был выработан ряд вспомогательных знаков — для обозначения гласных, диакритических, служащих для правильного произношения согласных и различения грамматических форм, а также особая система знаков препинания. Весь этот сложный набор

[44] Рук. Британского музея Add. 14, 558, л. 171а.

знаков представлял предмет особых забот для сирийских переписчиков рукописи. Так, сохранилось высказывание Иакова Эдесского, в котором тот упрекает копиистов за непонимание характера и функций масоретских знаков и беззаботное внесение их в текст переписываемой рукописи [Segal, 1953, с. 1—2].

Обычно в процессе производства рукописной книги существовал особый этап, когда после написания текста глубоко сведущий человек расставлял в ней все необходимые значки. Они зачастую выделялись в тексте киноварью и служили дополнительным украшением рукописи.

У несториан и яковитов имели место различные способы обозначения гласных. Несторианская система сложилась к VII в., в ней для обозначения гласных употреблялись сочетания точек, располагавшиеся над буквой и под ней. Способ несториан был более точным, они фиксировали не только качество гласного, но и его долготу. Яковитская система огласовки установилась в VIII в. и состояла из схематически изображенных прописных греческих букв, писавшихся над и под строкой.

Диакритические знаки имеются в самых ранних из датированных сирийских рукописей. Так, уже в рукописи 411 г. из Эдессы Д. Сегал отмечает их сложную и последовательную систему. Ранние копиисты отличались большой осторожностью в использовании диакритической точки. Она появлялась почти неизменно только тогда, когда ее отсутствие могло стать причиной непонимания текста [Segal, 1953, с. 12]. Точка употреблялась в нескольких смыслах — например, для различения гласных в омографах, в таких случаях она часто несла в себе и грамматический смысл, дифференцируя личные формы глагола и причастия, суффиксы мужского и женского рода. С ее помощью различалось произношение согласных группы *бгдкфт*: если точка ставилась в левом углу над буквой *пе*, то она обозначала ее особое произношение при передаче греческого π (*пи*). Одна точка над буквой отмечала удвоенное произношение согласной. Уже в самых древних сирийских рукописях употреблялся знак из двух точек над одной из букв слова, который обозначал множественное число. Черточка над согласной указывала на ее опущение в произношении или на отсутствие при ней гласного. Если черточка располагалась под буквой, то она свидетельствовала о наличии при ней вторичного краткого гласного.

Сирийская система акцентных знаков сформировалась позднее диакритической. В рукописи 411 г. встречаются лишь два акцента, и только на протяжении V в. их число значительно увеличивается [Segal, 1953, с. 58]. Акценты обозначали деле-

ния стиха, связи синтагм в стихе и отдельных слов в синтагме. Акценты были тесно связаны прежде всего с рукописной традицией библейских текстов, поскольку правильное чтение Библии считалось необходимым. В книге Д. Сегала [Segal, 1953, с. 58—77] дана классификация сирийских акцентов раннего периода — одни из них ставились на строке, другие над и под ней и изображались одной или двумя точками. Он приводит примеры 13 различных акцентов, в функции которых входило указание на повышение и понижение тона, слияние слов в произношении, эмфазу, паузу и другие оттенки речи. Д. Сегал отдельно рассматривает систему акцентов у восточных сирийцев в VII—X вв., когда она достигла особенного расцвета. Вообще акценты получили бо́льшую популярность у несториан, чем у яковитов. Несториане ввели 17 новых акцентов, отмечающих музыкальное звучание фраз, переход от прямой речи к косвенной, отделение одного слова от другого — если они настолько связаны в речи, что может возникнуть непонимание, — и продлевающих звучание слога в эмоциональном или торжественном чтении [Segal, 1953, с. 80—81]. Западные сирийцы изобрели лишь 9 своих, только им присущих акцентов, причем многие из этих нововведений были вызваны влиянием греческой риторики [Segal, 1953, с. 120—122].

В XI—XIII вв. системы акцентуации пришли в упадок, перестали играть свою роль в механизме языка, резко сократилось их число в рукописях. Д. Сегал объясняет это влиянием несемитской речи Византии, а также тем, что начиная с VII в. арабский язык вытеснил из обихода сирийский, который сохранился лишь в церквах и монастырях [Segal, 1953, с. 143].

Кроме рассмотренных нами знаков в сирийских рукописях есть особые отметки для обозначения в тексте цитат из Библии, их ставили перед началом первой и последней строки цитаты или перед началом каждой строки. Иногда для выделения цитат использовались буквы сирийского алфавита. Переписка рукописи была делом трудоемким и долговременным, поэтому, совершив ошибку, писец не торопился зачеркивать, стирать или замазывать написанное, а применял специальные корректорские знаки. Так, при перестановке слов во фразе копиист помещал три точки над или под ними, а иногда размечал правильный порядок слов сирийскими буквами в алфавитной последовательности. Точками часто пользовались и при перестановке букв в слове. Пропуск слова обычно фиксировался маленькой вертикальной чертой, и пропущенное слово добавлялось под этой маргинальной пометкой на полях [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII—XXVIII].

Сирийские рукописи, как правило, имеют большие и подробные колофоны. Их формуляр не был строго регламентирован, зависел целиком от желания переписчика или владельца рукописи, а иногда диктовался модой. Писец обычно записывал в колофоне некоторые факты о себе и своей работе, дату, название монастыря, города или деревни, где кодекс написан, упоминал лицо, для которого он исполнен. Имя писца сопровождалось его церковной титулатурой и самоуничижительными эпитетами — несчастный, слабый, грешный и т. д. Писцы в общем старались не рекламировать свой труд, засекречивали свои имена. Для этой цели применялся арифметический шифр, когда буквы заменялись сирийскими арифметическими фигурами, соответствующими числовому значению буквы [Hatch, 1946, с. 17]. Иногда имя записывалось тайнописью — алфавитом Бар Дайсана. Суть такой тайнописи заключалась в том, что буквы заменяли одна другую и подобная замена находилась в зависимости от ее числового значения. Две буквы взаимозаменялись лишь в тех случаях, когда сумма чисел, которые они представляют, давала десять, сто или тысячу [Duval, 1881, с. 13]. Но есть такие колофоны, где писец указывал не только свое имя, но и имена своих предков — отца или деда, называл деревню или город, откуда он сам родом. Если переписчиком являлся монах, то он записывал имя настоятеля своего монастыря, имена епископов и митрополита. В отдельных концовках есть упоминание имени владельца, а также цена за рукопись. Часто писцы в колофоне сообщали вкратце историю переписываемого текста. Так, если это было переводное сочинение, то отмечались время перевода, имена переводчиков. Многие приписки содержат молитвы за переписчика, владельца рукописи или за благополучие их родного города или селения. В недавнее время была сделана попытка создать перечень имен всех известных сирийских переписчиков. Он насчитывает 301 лицо. Но скорее всего этот список еще далек от полноты [Barsaume, 1957]. Колофоны сообщают ценные данные о миграции рукописи, кому она принадлежала вначале, кем и кому была подарена. Иногда имена первоначальных владельцев замараны или соскоблены, это может говорить о том, что рукопись поступила к новому хозяину нечестным путем, а подобные акции обычно строго карались. Колофоны зачастую содержат угрозы в адрес тех, кто под предлогом чтения или переписывания присваивает чужую книгу. Им угрожает участь еретиков Маркиона и Нестория [Пигулевская, 1960, с. 13]. Некоторые сирийские рукописи имеют владельческие пометы на греческом языке [Пигулевская, 1960, с. 99].

Сирийские рукописи, как правило, строго, вплоть до дня недели и часа ее завершения, датированы. Дата обычно давалась по селевкидской эре — летосчислению, принятому сирийцами еще со времен существования государства Осроэны. Оно называлось и иначе — эрой греков, Александра или Апамеи. В V—VI вв. для обозначения даты применялись местные эры Антиохии и Бостры, первая начиналась 1 октября 49 г. до н. э., вторая — 22 марта 105 г. н. э. [Hatch, 1946, с. 18]. На датировку сирийских рукописей оказали влияние летосчисления других народов. Так, под греческим воздействием встречаются даты по эре Константина и года Адама. Этот метод часто использовали мелкиты. В редких случаях в колофоне указывается дата по индикту. После арабского завоевания встречаются даты по хиджре. Сирийские писцы часто дают косвенное указание на дату, называя имена известных митрополитов, епископов или настоятелей. Бывают случаи, когда в колофоне названы даты по нескольким системам, и их редукция дает самые противоречивые результаты. Это свидетельствует о том, что писец сам не владел переводом дат из одной системы в другую и вносил их в колофон, следуя моде.

Изготовление рукописной книги у сирийцев было тесно связано прежде всего с деятельностью высших школ. Широкая миссионерская деятельность этого народа стала возможна благодаря четкой и хорошо налаженной системе образования. Сирийцы славились своими школами, такими, как школы монастырей Дор-Кони, Кеннешрина, Мосула, но наибольшую известность приобрели высшие учебные заведения — академии Эдессы и Нисибина [Пигулевская, 1979, с. 60—74]. Они являлись не только центром образования, но и местом, где творили ученые и писатели, где создавались научные труды, делались переводы с других языков. При Эдесской и Нисибийской академиях существовали скриптории, называвшиеся «дом писцов» (*бет мактебоно*). В одном из источников по истории сирийского образования, рассказывающем о деятельности ректора Нисибийской академии Авраама, ему ставится в заслугу строительство нового скриптория вместо старого, который, видимо с увеличением числа писцов, оказался тесным и неудобным. Он возвел «другой дом около своей кельи, большой и просторный», писцам в нем было «легко писать и выполнять свою работу» [см.: Пигулевская, 1979, с. 65]. Таким образом, труд писцов находился под постоянным наблюдением ректора. В «доме писцов» создавались рукописные книги для школьной библиотеки, которая была неотъемлемой частью академического комплекса; в нем переписывались книги и для частных владельцев — алхимические трактаты для ремесленников, ме-

дицинские сочинения для врачей. Различные богослужебные книги поступали в распоряжение клириков и церквей. Книги очень высоко ценились, составляли предмет гордости хозяина. Известен случай, когда ректор Эдесской школы Нарсай, преследуемый своими политическими противниками, вынужден был покинуть город под страхом смерти. Даже в столь сложной ситуации Нарсая беспокоила прежде всего судьба его книг. Друзья Нарсая, способствовавшие его побегу, помогли переправить столь ценимые им рукописи в Нисибин [Пигулевская, 1979, с. 61].

Вторым источником, поставлявшим рукописные книги, были монастырские скриптории. При монастырях также находились библиотеки, и довольно богатые. Книги поступали в них как от принявших монашество лиц, так и от посторонних, желавших оказать благодеяние монастырю. Нам известно, например, как складывалась обширная библиотека сирийского монастыря Пресвятой Богородицы в Нитрийской пустыне [Райт, 1902, с. 217—218]. Она обогащалась за счет поступлений от жителей и уроженцев г. Тагрита. Особые старания в деле расширения библиотеки проявил настоятель монастыря Моисей Нисибийский. Из большого путешествия на Ближний Восток он привез 250 книг, приобретенных им самим. По заказу Моисея Нисибийского для библиотеки переписывали книги. Вкладчиком библиотеки этого сирийского монастыря был также александрийский патриарх Авраам.

Когда готовая книга поступала в библиотеку, то на форзаце или на одном из пустых листов ставилось имя дарителя, дата приношения, записывалась анафема тем, кто книгу присвоит. Книга выдавалась из библиотеки на определенный срок для копирования, сверки или изучения. Так, из библиотеки монастыря Богородицы в Скитской пустыне книгу можно было взять сроком на шесть месяцев [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXIX]. О том, каким большим преступлением считалось присвоение чужой или библиотечной книги, свидетельствуют, например, «Правила Нисибийской академии» — одного из центров сирийской науки и образованности в эпоху раннего средневековья: «. . .если он попросит у эконома книгу, чтобы почитать и переписать из нее и случится [так], что эконом ошибется (забудет об этом), а [взявший] не придет и не сообщит ему, то он должен получить наказание и уйти из города» [Пигулевская, 1979, с. 100]. Наказание предполагалось и для тех, кто соскабливал с книги имя умершего владельца и ее дарителя [Пигулевская, 1979, с. 104].

Производство книги было долгим и сложным процессом.
 Книги стоили дорого, поэтому бережно хранились и по мере

надобности реставрировались. Примеры такой реставрации рукописей можно видеть на кодексах, происходящих из библиотек монастырей Скитской пустыни. Судя по полоскам бумаги, которой подклеивались разорвавшиеся листы, по почерку сохранившихся на них записей, можно установить, что такая реставрация проводилась вплоть до XV в.[45]. Есть примеры того, как утраченные листы рукописей заново переписывались и вставлялись в старую рукопись, доводя ее до полного текста [46].

Сирийские монастыри, к XVI в. часто покинутые своими обитателями и заброшенные, стали тем источником, на основе которого складывались и пополнялись европейские собрания сирийских рукописей. Уже упомянутой выше библиотеке монастыря Богородицы обязан наиболее ценной частью своего собрания Британский музей [Райт, 1902, с. 221]. Некоторые ее рукописи стали достоянием Ватиканской библиотеки и Публичной библиотеки в Ленинграде [47] [Пигулевская, 1960, с. 1—4]. Европейские собрания начали активно составляться в середине XIX в., когда исследователи-востоковеды организовали поиски сирийских рукописей. Прежде всего были обследованы Египет и Палестина, позднее ученым удалось проникнуть и на Ближний Восток с целью изучения коллекций, хранящихся в Мосуле, Урмии и других центрах.

Поиски сирийских рукописей продолжаются и сейчас. В последние годы активную деятельность в этом направлении развернул американский ученый А. Вёбус [Vööbus, 1978, с. 187—193]. Он систематически, в течение нескольких лет, изучал рукописные коллекции в Палестине и на Ближнем Востоке. Перечень просмотренных им хранилищ включает библиотеки монастыря Марка на Синае, патриархии сирийской католической церкви в Бейруте, патриархии в Багдаде, архиепископства в Мосуле, а также множество частных собраний [48]. Им обнаружены остатки легендарной библиотеки Эдессы, которая была вывезена из этого города и помещена в церкви мар Георгия в Алеппо. Благодаря А. Вёбусу в научный оборот были введены ранее неизвестные или известные только по различным упоминаниям у древних авторов памятники. Ему

---

[45] См., например, рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 1 [Пигулевская, 1960, с. 95].

[46] См., например, рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 4, л. 54 [Пигулевская, 1960, с. 140—143].

[47] Сир. нов. сер. № 2.

[48] А. Вёбус предполагает издать серию томов под заглавием «Каталоги сирийских рукописей в неизвестных коллекциях на сирийском Востоке» [Vööbus, 1978, с. 188].

удалось обнаружить «Книгу откровения» в версии Фомы Харклейского, сочинения Иакова Серугского, Моисея Кефы, сирийские переводы греческих текстов, оригиналы которых утрачены, книги юридического характера. Эти находки внесут много нового в изучение сирийской литературы, сирийских библиотек, истории сирийской рукописной книги.

Гранстрем, 1958. — Гранстрем Е. Э. К вопросу о византийском минускуле. — Византийский временник. Т. 13. М., 1958.
Гранстрем, 1969. — Гранстрем Е. Э. Унциальный период византийской письменности. — Византийский временник. Т. 29. М., 1969.
Дирингер, 1963. — Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
Дьяконов, 1967. — Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
Лихачев, 1899. — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. 1. СПб., 1899.
Никольский, 1901. — Никольский М. В. Сирийские пергаменные евангелия имп. Московского археологического общества. — Древности восточные. М., 1901, т. II/2.
Пигулевская, 1926. — Пигулевская Н. В. О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского 462 г. н. э. в Российской Публичной библиотеке. — Восточный сборник Гос. Публичной библиотеки. № 1. Л., 1926.
Пигулевская, 1937. — Пигулевская Н. В. Филиграни сирийских рукописей. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1937.
Пигулевская, 1940 (I). — Пигулевская Н. В. Сирийский и сиротюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — Советское востоковедение. 1. Л., 1940.
Пигулевская, 1940 (II). — Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. — ТИВАН. Т. 31, 1940.
Пигулевская, 1941. — Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. — ТИВАН. Т. 41, 1941.
Пигулевская, 1954. — Пигулевская Н. В. Греко-сиро-арабская рукопись IX в. — Палестинский сборник. Вып. 1 (63). М.—Л., 1954.
Пигулевская, 1959. — Пигулевская Н. В. Эдесская хроника. — Палестинский сборник. Вып. 4 (67). М.—Л., 1959.
Пигулевская, 1960. — Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — Палестинский сборник. Вып. 6 (69). М.—Л., 1960.
Пигулевская, 1976. — Пигулевская Н. В. Сирийская культура средних веков и ее историческое значение. — Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976.
Пигулевская, 1979. — Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
Райт, 1902. — Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. Под ред. и с доп. проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902.
Редин, 1898. — Редин Е. К. Сирийская рукопись Евангелия с миниатюрами XIII в. библиотеки Британского музея. Одесса, 1898.
Церетели, 1979. — Церетели К. Г. Сирийский язык. М., 1979.
 Щепкин, 1967. — Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

Abbeloos — Lamy, 1872. — Abbeloos J. B., Lamy Th. J., ed. Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum. T. 1. Lovanii, 1872.
Adler, 1789. — Adler J. G. Novi Testamenti Versiones Syriaca simplex. Hafniae, 1789.
Assemanus, 1721—1728. — Assemanus J. S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. T. 2. Romae, 1721, t. 3, pt. 2. Romae, 1728.
Babinger, 1931. — Babinger F. Zur Geschichte der Papierzeugung in Osmanischen Reiches. B., 1931.
Barsaume, 1957. — Barsaume Ignace Ephrem I. Histoire des sciences et de la littérature syriaque. 2 éd. Alep, 1957.
Bensly — Harris, 1894. — Bensly R. Z., Harris J. R. The Four Gospels in Syriac Transcribed from the Sinaitic Palimpsest. Cambridge, 1894.
Brock, 1978. — Brock S. P. Syriac Inscriptions: A Preliminary Check List of European Publications. — Instituto Orientale di Napoli. Annali. Vol. 38 (NS. XXVIII), fasc. 3. Napoli, 1978.
Brockelmann, 1960. — Brockelmann C. Syrische Grammatik. 8. Aufl. B., 1960.
Brooks, 1935—1936. — Brooks E. W. Joannes Ephesius. Historia ecclesiastica. — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri. Ser. 3. T. 3. Pt. 1. Parisiis, 1935, pt. 2. Lovanii, 1936.
Brosset, 1858. — Brosset M. Notice sur un manuscrit géorgien de la Bibliothèque Impériale publique provenant de m. Tischendorf. — Mélanges asiatiques. T. 3. St.-Pbg., 1858.
Cantineau, 1935. — Cantineau J. Grammaire du palmyrénien épigraphique. Le Caire, 1935.
Costaz, 1955. — Costaz L. Grammaire syriaque. Beyrouth, 1955.
Cureton, 1848. — Cureton W. The Festal Letters of Athanasius, Discovered in an Ancient Syriac Version. L., 1848.
Duval, 1881. — Duval R. Traité de grammaire syriaque. P., 1881.
Hatch, 1946. — Hatch W. An Album of Dated Syriac Manuscripts. Boston, 1946.
Jensen, 1925. — Jensen H. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925.
Kugener, 1907. — Kugener M. A. Une inscription syriaque de Biredjik. — Rivista degli Studi Orientali. Vol. 1. Roma — Lipsia, 1907.
Land, 1862—1875. — Land J. P. Anecdota syriaca. T. 1. Lugduni Batavorum, 1862; t. 4. Lugduni Batavorum, 1875.
Leroy, 1964. — Leroy J. Les manuscrits syriaques a peiture, conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Vol. 1—2. P., 1964.
Lidzbarski, 1898. — Lidzbarski M. Handbuch der nordsemitischen Epygraphik. Bd. 1. Weimar, 1898.
Maricq, 1962. — Maricq A. La plus ancienne inscription syriaque: celle le Birecik. — Syria. T. 39. Fasc. 1—2. P., 1962.
Michaelis, 1784. — Michaelis J. D. Grammatica Syriaca. Hallae, 1784.
Mingana, 1908. — Mingana A. Sources syriaques. T. 1. Leipzig—Mossul, 1908.
Nestle, 1881. — Nestle E. Brevis linguae syriacae grammatica. Carolsruhae et Lipsiae, 1881.
Nöldeke, 1898. — Nöldeke T. Kurzgefasste syrische Grammatik. 2. Aufl. Lpz., 1898.
Pirenne, 1963. — Pirenne J. Aux origines de la graphie syriaque. — Syria. T. 40. Fasc. 1—2. P., 1963.
Roberts, 1954. — Roberts C. H. The Codex. — Proceedings of the British Academy. Vol. 40. L., 1954.
Rosental, 1964. — Rosental F. Die aramaistische Forschung seit T. Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1964.

Sachau, 1882. — S a c h a u E. Edessenische Inschriften. — ZDMG. Bd 36. 1882.
Segal, 1953. — S e g a l J. B. The Diacritical Point and Accents in Syriac. Ox., 1953.
Tisserant, 1911. — T i s s e r a n t E. Le plus ancien manuscrit biblique daté. — Revue biblique. NS. 8. P., 1911.
Torrey, 1935. — T o r r e y C. C. A Syriac Parchment from Edessa of the Year 243 A. D. — Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete. Bd 10. Lpz., 1935.
Uhlemann, 1857. — U h l e m a n n F. Grammatik des Syrischen Sprache. B., 1857.
Vööbus, 1978. — V ö ö b u s A. In Pursuit of Syriac Manuscripts. — Journal of Near Eastern Studies. Vol. 37, № 2. Chicago, 1978.
Welles — Fink — Gilliam, 1959. — W e l l e s C. B., F i n k R. O., G i l l i a m J. F. The Excavations at Dura-Europos. Final Reports. 5. Pt. 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.
Wright, 1870—1872. — W r i g h t W. Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum, Acquired since the Year 1838. Pt. 1—3. L., 1870—1872.
Wright, 1882. — W r i g h t W. The Chronicle of Joshua the Stylite. L., 1882.

К. Н. Юзбашян

АРМЯНСКИЕ РУКОПИСИ

К началу I тысячелетия н. э., когда процесс народообразования в основном был уже завершен, армяне занимали территорию Армянского нагорья и некоторые примыкающие к нему на западе районы. В этническом отношении они являли собой уже достаточно однородную массу с единым для всех языком. Политические же судьбы армян складывались различно. Основная часть армян занимала области, расположенные к востоку от р. Евфрат. В середине I в. в этой части страны, называемой «Великая Армения», утвердилась самостоятельная ветвь парфянской династии Аршакидов. Здесь сложилось своеобразное общество: его основу составлял «нахарарский» строй — система, при которой страна делилась на множество удельных княжеств, пользующихся внутренней независимостью, но обязанных царю военной и гражданской службой. Служилая знать феодализировалась, и в IV—V вв. (о социально-экономических отношениях этого периода мы имеем достаточно целостное представление) «Великая Армения» — типичное раннефеодальное государство скорее европейского, чем азиатского типа.

Области же, расположенные к западу от Евфрата, уже в I в. приобрели статус римских провинций, и дальнейшее их существование протекало в условиях восточноримской, позднее византийской государственности.

В начале I тысячелетия н. э. армянское общество имело за плечами огромный опыт социального и культурного развития. Расположенная на периферии иранского мира и прошедшая этап развития в качестве эллинистического государства, Армения находилась на пересечении многих влияний, идущих с юга и запада. Но эти влияния, которые проявляются во всех областях общественной и культурной жизни армян, не только не заглушали, но даже стимулировали самостоятельное развитие армянской культуры. Оригинальность ее становится особенно очевидной в период создания и дальнейшего функционирования собственной письменности.

Появление письменности — важнейшая веха на пути духовного развития армян. Этот акт стал возможен в условиях взаимодействия ряда причин общественно-политического и

культурного характера, причин, которые в значительной мере осознавались уже участниками и свидетелями этого акта.

Было бы неверно определять исторический период, предшествовавший созданию армянского алфавита в начале V в., как бесписьменный. Урартское общество (на смену которому пришло армянское) пользовалось собственной письменностью — ассирийской клинописью, приспособленной к специфике урартского языка. В деловой и, вероятно, также в культурной сфере армяне пользовались персидским языком, соответственно и письменностью. Известно, что при Аршакидах (т. е. с середины I в.) деловые документы в Армении составлялись на персидском языке. В эллинистический период особое место заняли греческий язык и греческая графика. Образованные слои общества были причастны к греческой литературе, сохранились памятники греческой эпиграфики, исходящие от местных лиц. Греческими легендами снабжались местные монеты. Греческая литература распространялась в Армении в связи с насаждением христианства. В отличие от греческого латинский язык не оставил ощутимых следов, сохранившиеся латинские надписи исходят от пришлых лиц.

На протяжении нескольких столетий арамейский язык был для Передней Азии своего рода lingua franca. Он был распространен и в Армении и наряду с греческим сыграл важную роль в формировании алфавита. Известны надписи на арамейском языке, и среди них такие важные документы, как межевые знаки, установленные в Армении в связи с земельной реформой царя Арташэса I (189—160).

Одним из диалектов арамейского языка был сирийский. Сирийская литература распространялась среди армян в связи с христианской проповедью, в этом смысле она может рассматриваться в качестве аналога греческой.

Разумеется, потребности армян в литературе удовлетворялись прежде всего фольклором или книжными сюжетами, проникавшими и распространявшимися через фольклор. Мовсэс Хоренаци множество раз указывает на фольклорные источники своего изложения. Так, он был знаком со сказаниями о царе Еруанде (Мов. Хор., с. 162.1), с преданиями, созданными в г. Хадамакерте (Мов. Хор., с. 111.2—3), с песнями из Голтана (Мов. Хор., с. 191.17), он приводит примеры из эпического цикла *араспелк* (Мов. Хор., с. 85.16, 199.21). Но наряду с устной литературой существовала и книжная стихия, пока иноязычная. Когда отступник Мехружан Арцруни в 60-х годах IV в. вторгся в Армению, он «предал огню все найденные книги, запретил изучение греческой письменности, [повелел учить] только персидскую. Никто не имел права гово-

рить и переводить с греческого». Таким путем он стремился пресечь распространение христианства, заключает автор (Мов. Хор., с. 301.17—23). И конечно, с книгами имели дело ученики основанных католикосом Нерсэсом I греческих и сирийских школ (Павст., с. 77).

Таким образом, к V в. за плечами у армян, точно так же как у грузин и у кавказских албан, был долгий опыт иноязычной письменной практики. Высказывались мнения, что в этот период имелась письменность и на родном языке, образцы которой, однако, не сохранились. Надо отметить, что данные, привлекаемые для подтверждения этой точки зрения, не выдерживают строгой критики [ср.: Пивазян, 1962; Агаян, 1977]. Тем не менее возможность ограниченного использования какой-либо системы, приспособленной к специфике армянского языка, не исключается. Образцом такого рода графической системы были «Даниилова письмена» (о которых речь пойдет ниже), хотя опыт их применения имеет негативный характер. Но собственная письменность, обслуживающая общество в целом, появилась в V в. В равной степени это относится и к Грузии, и к Албании.

Разумеется, потребность в письменности не могла быть восполнена иноязычной графикой и литературой, и противоречие между общим уровнем цивилизации и лакуной, обусловленной отсутствием графики, соответствующей родному языку, росло от столетия к столетию. Этим определяется, однако, лишь общий фон, на котором создавалось армянское письмо. Причины, актуализировавшие проблему, носят более конкретный и непосредственный характер.

По-видимому, уже во II в. христианство пустило корни также и в Армении. В начале IV в. (наиболее обоснованной датой следует считать 314 г.) христианство было признано государственной религией аршакидской Армении. Этот акт связан с деятельностью Григория Просветителя. Церковь превратилась в могучую политическую и экономическую силу, однако впереди была еще долгая борьба — и ради искоренения язычества, и с целью подавить ереси. В условиях, когда Армения, зажатая между сасанидским Ираном и Византийской империей, должна была постоянно изыскивать пути для сохранения своей политической обособленности, христианство стало идеологией, символизировавшей независимость от Ирана. Но давление извне нарастало, и в 387 г. «Великая Армения» была разделена между Сасанидами и империей. В той части, которая отошла к Византии, царская власть была упразднена. На востоке же правление Аршакидов продолжалось, хотя становилось все более и более очевидно, что политической независимости и этой

части Армении приходит конец. Испытывая возрастающее давление извне, общественный организм армян не утратил, однако, своей дееспособности. В экстремальных условиях «этнозащитная реакция» (по удачной терминологии Э. Л. Мелконяна) приобрела особую силу. Идеологией же, которая соответствовала далеко продвинувшемуся и уже устоявшемуся этническому самосознанию, было то же христианство. Проповедь его в этот период должна была быть особенно актуальной, а трудности, связанные с отсутствием собственной письменности, восприниматься особенно болезненно.

Христианство шло в Армению из сироязычных и грекоязычных областей; центром первой из них считалась Эдесса, второй — Кесария. Соответственно и литература — богослужебная и богословская — использовалась на двух языках, что предопределяло также (по крайней мере частично) язык богослужения. Естественно, что это обстоятельство существенно сказывалось на эффективности христианской проповеди. Степень распространения сирийского и греческого не следует преувеличивать. Несмотря на то что в армянском было немало заимствований из греческого и сирийского (причем сирийские заимствования касались непосредственно церковного устройства и ритуала), для армянского уха это были совершенно чуждые языки, не вызывавшие никаких лингвистических ассоциаций [1]. Эти обстоятельства в совокупности побуждали к радикальному решению проблемы создания собственной письменности.

История изобретения армянского письма получила широкое освещение в письменных источниках, среди которых наиболее важны два. Это «Житие Маштоца», сочиненное учеником создателя письменности Маштоца — Корюном (ок. 443—449 гг.), и первый раздел исторического труда Лазара Парпеци (ок. 500 г.). Рассказ Мовсэса Хоренаци восходит к этим двум сочинениям.

Все источники утверждают, что инициатива в создании письменности принадлежала двум лицам — Маштоцу (в поздних источниках он зовется также Месропом) и католикосу Сахаку Партеву. Их идеи о создании собственного письма получили поддержку царя Врамшапуха Аршакуни, который сообщил им о том, что у сирийского епископа Даниила уже

[1] Павстос Бузанд сообщает, что в начале IV в. те, кто в какой-то мере приобщился к христианству, принимали его не так, как следовало, т. е. со знанием, с надеждой или верой, но постигнув лишь немногие разделы греческой и сирийской словесности. Неграмотные же (как знать, так и простолюдины) — даже если бы учителя сидели с ними день и ночь — ничего не понимали и не запоминали (Павст., с. 33).

имеется армянский алфавит. Алфавит был доставлен в Армению. Маштоц в течение двух лет (или двух месяцев?) вел занятия с учениками, но «Данииловы письмена» были недостаточны для передачи армянских звуков. О происхождении «Данииловых письмен» можно лишь гадать, однако нет сомнения, что это был алфавит, весьма неудобный для фиксации богатого гласными армянского языка. Негативный опыт применения «Данииловых письмен» оказался весьма важен — именно этот опыт стимулировал создание алфавита, отразившего весь набор звуков армянского языка. Маштоц с учениками направился в Сирию и здесь, в Самосате, создал новый алфавит. Графическую законченность армянской азбуке придал греческий каллиграф Хропанос (Руфин). На основе новой письменности начал осуществляться перевод Библии, который явился, таким образом, первым памятником армянской письменной литературы.

1. Генезис армянского алфавита продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Стилистические особенности древнейшего вида письма заставляют многих ученых связывать происхождение армянской графики с греческой. Высказываются мнения, что армянский алфавит — всецело искусственного происхождения, что он является набором знаков, заимствованных из различных письменностей. Было предпринято несколько попыток связать армянский алфавит с разновидностями среднеперсидского письма (восходящего, в свою очередь, к арамейскому). Наконец, полагают, что, создавая собственную азбуку, Маштоц отталкивался от одной из не дошедших до нас разновидностей северомесопотамского арамейского письма [см.: Ачарян, 1928; Дирингер, 1963, с. 378—380; Периханян, 1966; Ольдерогге, 1975; Pataridze, 1975; Муравьев, 1980]. Идея о связи армянского письма с арамейским (А. Г. Периханян) пока представляется наиболее обоснованной. Однако уже в древнейших памятниках армянское письмо предстает далеко ушедшим от своего генетического прототипа, не говоря о том, что арамейский алфавит с его 22 знаками мог послужить лишь отправной точкой в графических изысканиях Маштоца.

Алфавит Маштоца насчитывал 36 знаков, точно соответствовавших фонематическому составу армянского языка. Порядок букв тот же, что и в греческом, избыточные (по сравнению с греческими) буквы следовали вперемежку. Полностью представлены гласные армянского языка, причем звук /у/ выражался так же, как и в греческом, — сочетанием двух знаков *ու*=ου. Начертания букв стилизованы под греческий унциал. Но, конечно, основное сходство проявляется не в этих внешних признаках, а в самом принципе фонетического письма.

Следует думать, что основная трудность при создании графики заключалась не в оформлении отдельных знаков, а в правильном определении фонематического состава армянского языка и в выработке принципов орфографии. Эти принципы достаточно последовательно выдержаны уже в самых ранних образцах письма. Хотя язык претерпел значительные изменения, древняя орфография удержалась до XX в., и лишь в последние десятилетия в правописание армян в СССР были внесены некоторые изменения.

2. Сведения первоисточников о времени создания армянского алфавита, соответственно и письменности противоречивы. В науке долгое время дискутировался вопрос о датировке этого события, причем предлагались даты от 393 до 420 г. В настоящее время распространение получила точка зрения венского ученого-мхитариста Нерсэса Акиняна, датирующего этот акт 405—406 гг. Известно, что сразу по изобретении письма Маштоц приступил к переводу св. Писания. В источниках даже указываются слова, впервые записанные армянскими буквами: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума» (Прит. I, 2). Таким образом, начало собственной рукописной культуры у армян определяется совершенно точно.

Зародившись в V в., средневековая рукописная книга у армян бытовала до XVIII в. В 1512 г. появилась первая печатная книга, но рукописи еще долгое время конкурировали с печатными изданиями. Известны случаи, когда изготовлялись рукописные списки с печатных книг [2]. В XIX в., однако, наступает резкий спад. Правда, и в это время зачастую стилизуют древние рукописи, но они выглядят уже явным анахронизмом и окончательно уступают место печатным изданиям. Таким образом, средневековая рукописная книга просуществовала в Армении и в местах расселения армян за рубежами их исторической родины 13 столетий, с V по XVIII в.

Общим признаком, определяющим рукопись как армянскую, является всегда ее графика и в преобладающем большинстве случаев язык. В V в., когда появилась письменность, древнеармянский литературный язык был, по-видимому, полностью нормализован. В науке этот язык назван *грабаром* (букв. 'письменный'). На грабаре продолжали писать до конца XIX в., хотя уже в середине века новоармянский литературный язык приобрел права гражданства. В XII в. получает

---

[2] См., например, рук. ГПБ, Арм. о. к. № 11, л. 10а—20б. Это — список 1713 г., выполненный в Каменец-Подольском по экземпляру собрания трудов Нерсэса Шнорхали (XII в.), изданного в Венеции в 1643 г.

распространение также среднеармянский язык, который сосуществует с грабаром, а в поэзии стремится вытеснить его. В позднее время наблюдается явная вульгаризация грабара, приближение его к разговорному языку.

Наряду с рукописями на армянском языке сохранилось некоторое количество тюркоязычных, но записанных армянской графикой. Среди этих рукописей по языковому признаку выделяются две основные группы — на половецко-кыпчакском и турецком языках. Перенесение графики с одного языка на другой — явление, широко распространенное на Востоке, и армяне пополнили эту практику еще одним примером.

3. Рукописная книга в Армении сразу же приняла форму кодекса, в этом смысле армянские рукописи следуют установившейся греческой и сирийской традиции. В практике встречались также и свитки, но всегда со специфическим содержанием. Как правило, это талисманы.

Первоначальным писчим материалом служил пергамен. Папирус в Армении не применялся [3]. Пергамен использовали на протяжении всего периода бытования армянских рукописей, пергаменные кодексы и свитки встречаются еще в XVIII в. Материалом для изготовления пергамена служили овечьи и телячьи кожи. Особенно высокого качества достигали мастера в Киликийском армянском государстве. Киликийский пергамен отличается тонкостью и белизной, которая сохранялась на протяжении столетий. Пергамен из собственно Армении и из других рукописных центров толще, грубее, отличается желтоватым оттенком.

С IX—X вв. в Армении распространяется бумага. Древнейшая датированная рукопись на бумаге — от 981 г. (Матенадаран, № 2679). Данных о происхождении бумаги нет, но для большинства рукописей характерна восточная бумага. Бумага западного типа начинает применяться лишь в период позднего средневековья. До XI в. включительно основным писчим материалом оставался пергамен, и лишь со следующего столетия можно говорить о явном преобладании рукописей на бумаге. Так, среди 65 рукописей Матенадарана, датируемых XII в., 15 на пергамене и 50 на бумаге. Учитывая случайный подбор нынешнего собрания рукописей Матенадарана, эти данные представляются достаточно репрезентативными.

Армянские рукописи, как правило, одевались в переплет. Переплет ординарной рукописи имел деревянные створки

[3] Известен лишь небольшой фрагмент папируса с греческим текстом, транскрибированным армянскими буквами. По-видимому, это текст учебного содержания, происходящий, судя по писчему материалу, из Египта [см.: Ташьян, 1898, с. 93—102; Leroy, с. 1938].

толщиной в несколько миллиметров (толщина их увеличивалась с возрастанием формата рукописи). Створки обтягивались кожей, в редких случаях — тканью (в позднее время). Переплет надевался на стопку прошитых и сшитых вместе тетрадей (в каждой тетради — до 6 двойных листов). Продольный срез рукописи был защищен клапаном, створки переплета застегивались с помощью одного-трех поясков. По мнению Б. Н. Аракеляна, сохранились некоторые переплеты еще XI в. [Аракелян, 1958, с. 318]. При этом он ссылается на рукописи Матенадарана № 4804, 3793, 275. Но по крайней мере вторую и третью рукописи из этого списка следует исключить. Рукопись № 3793 переписана в 1053 г., но сохранилась запись переплетчика от 1587 г. (л. 44а). Рукопись № 275 переписана в 1071—1079 гг., но записи переплетчиков относятся также к позднему времени, см. л. 264б, 267б, 269а [Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 4804, 3793, 275].

Кожаный переплет имеет, как правило, орнаментацию. Орнамент вытисняли по влажной коже с помощью штампа, количество штампов с течением времени возрастало. Но и с помощью одного-двух штампов можно было составить довольно сложный орнамент. Иногда на переплете вытиснялась надпись [см., например, рук. ИВ АН, арм. рук. В 14]. Кожа окрашивалась обычно в коричневый цвет разных оттенков, реже — в красный и совсем редко — в черный. Переплет украшали металлическими накладками, крестом, драгоценными или полудрагоценными камнями. Встречаются и металлические переплеты из массивных листов или из проволочного плетения. Серебряные, а тем более золотые оклады редки.

В дорогие переплеты одевались, как правило, евангелия. В Матенадаране хранится «Эчмиадзинское евангелие» 989 г. в резном костяном диптихе VI в. Для книг иного содержания обычно предусматривались ординарные переплеты.

Для техники переплетения рукописи характерно наличие в ней так называемых защитных листов — пергаменных или бумажных. Листы вшивались в начале или в конце рукописи, часто и в начале и в конце ее. Количество листов варьировалось. Это, как правило, листы из более древних рукописей — с текстом или с миниатюрами, нередко из иноязычных книг. Для этой цели могли применяться и чистые листы. В составе данной рукописной книги защитные листы как носители текста играли совершенно самостоятельную роль. Защитные листы, вшитые в рукопись или, как это бывало нередко, дошедшие до нас отдельно от нее, сохранили множество важнейших текстов [4].

[4] Например, местническая грамота, *гахнамак* [Алишан, 1890, с. 430—431], фрагмент из истории Лазара Парпеци [Мурадян—Юзбашян, 1973],

К переплету следует отнести и фрагменты ткани (набойки, вышивки), которые наклеивались на его внутренние створки. Древнейшие образцы армянской набойки сохранились лишь на переплетах, что позволяет в ряде случаев и датировать их [Дурново, 1953].

4. Как уже было сказано, алфавит Маштоца состоял из 36 знаков, соответствующих 36 фонемам армянского языка. Алфавит дошел до нас без существенных изменений, лишь в XIII в. было добавлено два знака — *օ* для передачи дифтонга *աւ* в закрытом слоге, когда он становился простым звуком /o/, и *ֆ*, с помощью которого передавали западноевропейское f (в классическую же эпоху греч. φ передавалось с помощью аспирированного /ph/). Сочетание *եւ* и *ւ* выражалось впоследствии одним знаком.

Применительно ко многим алфавитам теория письма в качестве самых общих категорий устанавливает следующие два типа: а) письмо маюскульное (scriptura majuscula), определяемое границами двух параллельных линеек и не выбрасывающее или почти не выбрасывающее за их пределы никаких элементов букв; б) письмо минускульное (scriptura minuscula), определяемое четырьмя параллельными линейками, из коих две внутренние заключают то, что можно назвать телом буквы, а две внешние дают границы вытягивающихся вверх и вниз осей, петель, крюков и т. д. [Добиаш-Рождественская, 1936, с. 57]. К армянскому письму эта классификация применима в той же мере, что и к греческому, латинскому, грузинскому, славянскому и др. Подобное разделение обнаруживается даже в сирийском письме (см. очерк Е. Н. Мещерской в наст. изд.).

К маюскульной группе относится «заглавный», «округлый» или «собственно месроповский» *еркатагир* [5]. Его называют также унциалом, лапидарным письмом и др. Это, по-видимому, древнейший из армянских шрифтов, торжественное письмо как рукописей, так и надписей на твердом материале, главным образом на камне. Округлый еркатагир образуется сочетанием вертикальных осей и связывающих их дуг и углов при небольшом количестве горизонтальных прямолинейных элементов. Связи между буквами нет, словораздел отсутствует. Округлый еркатагир употреблялся до XIII в., в дальнейшем он использовался для заглавий.

Другой разновидностью еркатагира является «прямолинейный еркатагир», который в научной литературе обозна-

---

фрагмент из травника греческого ученого Диоскорида; рукопись датируется VI в. [Гранстрем, 1956, с. 285, табл. на с. 286].

[5] *Еркатагир* — букв. «железное письмо». Удовлетворительным образом термин пока не истолкован.

чается также как «среднемесроповский», или полуунциал. Как показывает само название, дугообразные или ломаные связи в этом письме уступают место прямолинейным. Прямолинейный еркатагир выводится вертикально или с наклоном вправо. Как и в предыдущем случае, связи между буквами и словораздел отсутствуют. Датированные памятники этого письма восходят к X в., оно удержалось, как и округлый еркатагир, до XIII в.

Округлый и прямолинейный еркатагир образуют две основные группы маюскульного письма. Наряду с ними в качестве разновидности часто выделяется «мелкий еркатагир». По существу, это уменьшенный в размерах прямолинейный еркатагир. Мелкий еркатагир —довольно четкая разновидность письма, которая сразу же бросается в глаза на общем фоне армянского письма. Но она не содержит конструктивных отличий, поэтому вряд ли целесообразно определять ее в качестве самостоятельного вида письма.

Минускульная группа представлена тремя видами письма. Это в первую очередь *болоргир*, «круглое письмо», которое вопреки своему названию образуется сочетанием почти исключительно прямолинейных элементов [6]. Буквы обычно выписываются с наклоном вправо (хотя встречается написание и с вертикальной осью), появляется некоторая тенденция к вязи. Между группами слов, а позднее и отдельными словами появляется дистанция. Древнейшие датированные памятники восходят к X в. Тот тип болоргира, что употреблялся в Киликийском армянском государстве в XIII в., послужил основой для типографских шрифтов, которые были в ходу до самого последнего времени и сейчас еще не полностью уступили место новым. Болоргир убористее еркатагира.

Нôтргир — «нотариальное письмо» (в литературе зовется также курсивом). Образуется сочетанием прямолинейных, округлых и волнистых элементов. Нотргир мельче болоргира, при пользовании этим шрифтом достигалась известная экономия писчего материала. При переписке канонических книг (Ветхого и Нового завета) и некоторых других этим письмом обычно не пользовались. Древнейшие образцы нотргира восходят к XIV в.

Шлагир образуется сочетанием прямолинейных, ломаных и округлых элементов. Сравнительно широкое распространение шлагир получает начиная с XVII—XVIII вв., хотя известен он был уже в X—XI вв. Это письмо послужило основой современной скорописи.

---

[6] И этот термин удовлетворительным образом не истолкован.

Появление новых видов письма происходило эволюционным путем, сохранилось множество рукописей с шрифтами переходного характера. В пределах каждого из названных пяти видов возможны многочисленные вариации.

Уже древнейшие образцы письма сохранили знаки развернутой пунктуации и знаки просодии (обозначавшие дополнительные особенности речи независимо от основной артикуляции звука). Таких знаков насчитывается десять, они заимствованы у греческих грамматиков, а обозначающие их термины — кальки с греческого.

В рукописной практике пользовались аббревиатурами под титлом. В еркатагире сохранились только «господние» имена — «Господь», «Бог», «Иисус», «Христос», «святой», «Израиль», «Иерусалим». В последующем аббревиация применяется намного шире, появляются также идеограммы, обозначавшие наиболее распространенные понятия, — «земля», «небо», «солнце», «луна» и т. д. Распространено мнение, что сокращение текста было вызвано стремлением к экономии писчего материала. Между тем незаметно, чтобы переписчики стремились как-то экономнее заполнить лист, для всего периода функционирования армянских рукописей характерно известное расточительство. Это сказывается в оставлении широких полей, не заполненных текстом иных мест и отдельных чистых листов. Аббревиация, по-видимому, имела целью не столько экономию писчего материала, сколько ускорение процесса письма [7]. Типизация приемов сокращения способствовала бессознательному их применению, аббревиация воспринималась как естественный элемент орфографии. Наиболее распространенные аббревиатуры были усвоены и полиграфией, они удержались в печатных изданиях вплоть до XIX в.[8].

По-видимому, с самого же начала были определены цифровые значения армянских букв. 36 знаков алфавита составили четыре ряда, в каждом — по девять букв. Первый ряд обозначал единицы, второй — десятки, третий — сотни, четвертый — тысячи. В тексте употребление букв в роли цифр отмечалось титлами, точками и др. Армяне следовали принципам, свойственным издавна семитским алфавитам, усвоенным также и греческим письмом.

Текст армянских рукописей вписывался одним или двумя столбцами, редко — тремя. Количество столбцов задавалось

---

[7] О равнодушии к экономии писчего материала свидетельствуют и древнерусские рукописи [см.: Сапунов, 1978, с. 93—94].

[8] См., например, [Худобашев, 1838], где окончания имен *т̃юн*, *т̃еан*, *т̃еамб* всегда сокращены.

форматом рукописи, а также ее содержанием. Для евангелий среднего формата характерно написание в два столбца, хотя то же поле могло быть покрыто одним столбцом. Дополнительные обозначения, нумерация, а также исправления текста выносились на поля. Под текстом располагались каноны согласия к Писанию, в которых систематизировались отдельные стихи евангелия по их содержанию.

Направление письма, соответственно и чтения — слева направо, от верхней строки к нижней.

Как и на всем христианском Востоке, писали каламом, в дальнейшем перешли к птичьему перу. Специальные насадки позволяли длительное время не обмакивать орудие письма в чернильницу — в этих случаях переписчик пользовался чем-то вроде современной «самописки» [Геворгян, 1960]. В миниатюрах часто встречаются изображения письменных предметов. По этим изображениям можно составить представление о том, что «столом» служила подвешенная к потолку доска, которая опиралась на колени переписчика, чернильница же подвешивалась сбоку. Переписчик пользовался ножом, ножницами и некоторыми другими инструментами. Разумеется, миниатюры представляли эти предметы в стилизованном виде, но в их общем соответствии действительности можно, по-видимому, не сомневаться.

5. Рукописная книга в целом является памятником прикладного искусства. Многие детали рукописи обусловлены не утилитарным ее назначением, а чисто эстетическими соображениями. В переплете это украшения, получаемые тиснением, всякого рода металлические накладки, кресты, каменья, эмали, металлические оклады с торевтикой. В самом тексте — заставки, художественные инициалы, маргиналы, обрамления листа или столбцов. Но в наибольшей мере эстетические качества присущи иллюстрациям — притом что они включались в рукопись в соответствии с их смысловым назначением, т. е. с целью разъяснить текст, сделать его более доходчивым. В преобладающем большинстве случаев это иллюстрации к евангелиям и прочим разделам Писания, к богослужебным книгам, но встречаются миниатюры и на светские сюжеты, например изображение Аварайрского сражения 26 мая 451 г. в *шаракноце* (гимнарии) 1482 г. [см., например: Дурново, 1952, табл. 57], изображения заказчиков и переписчиков, портреты [9] и др. По существу, только рукописи и иконы могли восполнить отсутствие станковой живописи как таковой.

[9] Например, портрет философа Григора Татеваци в рукописи 1449 г. [Дурново, 1952, табл. 48].

Армянская книжная живопись сохранилась в памятниках начиная с X в. (исключение составляют вшитые в Эчмиадзинское евангелие 989 г. четыре миниатюры VII в. [Der Nersessian, с. 75—78]). К этому времени армянская живопись в полной мере обрела собственное лицо, неповторимость которого нашла отражение в произведениях десятков школ и направлений. Эта живопись развивалась, конечно, во взаимосвязи с искусством христианского, а впоследствии и мусульманского Востока. Общая регламентированность присуща армянской миниатюре в той же мере, что и любому другому разделу средневекового христианского искусства. Но, как и во всяком большом искусстве, каноничность, верность иконографическим схемам сочетаются с индивидуальностью отдельных школ, а в их пределах — отдельных мастеров. Это разнообразие можно исследовать, рассматривая развитие книжной живописи во времени и в пространстве. В настоящее время история армянской миниатюры интенсивно изучается как в СССР, так и за рубежом.

6. Общий фонд армянских рукописей, в которых была материализована армянская литература, возрастал по мере появления новых сочинений и новых списков. Одновременно он сокращался по мере обветшания рукописных книг и их гибели, в результате враждебных акций, отчасти стихийных бедствий и неблагоприятных условий хранения. Можно думать, что до нас дошло преобладающее большинство сочинений, созданных на армянском языке в V—XVIII вв., но судить по количеству сохранившихся списков об их распространенности было бы опрометчиво. Вернее сказать, обилие списков говорит о популярности того или иного сочинения, но редкость их сама по себе не может быть аргументом в пользу его малого признания. Случайность может сыграть здесь очень большую роль. Так, например, один из важнейших памятников армянской историографии, труд Лазара Парпеци (ок. 500 г.), в полном виде сохранился лишь в сборнике исторических сочинений, переписанном в 1672 г., и этот список явился прямым или опосредованным образцом для копий XVII—XVIII вв. [Лаз. Парп., с. IV—X]. Лишь несколько лет тому назад в собрании ИВ АН СССР был обнаружен фрагмент, датируемый XI—XII вв. [Мурадян — Юзбашян, 1973]. Между тем нет никаких оснований думать, что сочинение Лазара Парпеци не пользовалось популярностью. То же можно сказать и об историке VII в. Себэосе (или псевдо-Себэосе). Его сочинение сохранилось в том же сборнике, что и труд Лазара Парпеци, к этой редакции восходят позднейшие копии [Себэос, 1979, с. 30 и сл.].

Число армянских рукописей, сохранившихся до наших дней, определяют в 25 тыс. Эта цифра отражает лишь коли-

чество единиц хранения в собраниях и никоим образом не может дать представления о наличии рукописных книг в прошлом. Действительно, с учетом того, что каждая рукопись выполнена по образцу (а сохранилась и известна лишь небольшая часть этих образцов), эту цифру приходится почти удвоить. Далее, большинство рукописей содержит защитные листы — пергаменные или бумажные, с текстом. Это фрагменты некогда существовавших рукописей, до нас целиком не дошедших. Таким образом, даже если исключить из них фрагменты с иноязычным текстом, общую цифру известных рукописей следует увеличить и по этим соображениям. Почти в каждом хранилище имеются собрания фрагментов, часть которых составляют защитные, часть же выпавшие листы. Разумеется, и эти остатки следует рассматривать как свидетельства о некогда бытовавших манускриптах. Но даже с учетом всех этих коррективов полученная общая цифра отразит лишь небольшую часть некогда существовавших книг. Конечно, статистические подсчеты, распространенные на весь фонд рукописей или хотя бы на фонд только Матенадарана, могут дать известное представление о количественном соотношении различных рукописей (соответственно их назначению и содержанию). Но такие подсчеты — достаточно трудоемкие и сложные — еще не производились. Пока же с уверенностью можно сказать, что наиболее распространенной книгой, по данным начиная с XI в., было Четвероевангелие — именно Четвероевангелие с его канонической структурой (а не Новый завет или св. Писание в целом, рукописи которого достаточно редки).

7. История рукописной культуры, тесно связанная с изучением истории литературы, в одном из аспектов резко от нее отличается. Для истории литературы наиболее существенным является изучение процесса создания литературного произведения. Историк же рукописей интересуется функционированием этой литературы. Здесь особую важность приобретают вопросы, связанные с оформлением литературного памятника, его материализацией в рукописной книге. Типология рукописной книги обладает спецификой, отличающей ее от типологии литературных памятников средневековья.

Основными разделами восточнохристианских литератур являются канонические сочинения, богослужебные книги, богословие, агиография, историография, философия, право, поэзия и художественная проза, эпистолография, грамматика, лексикография, медицина, химия, календарь и др. (впрочем, почти тот же репертуар свойствен и мусульманскому Востоку). Самостоятельным компонентом являются колофоны рукописей. Все эти жанры представлены и в армянской литературе. Незави-

симо от своего содержания (исключение, вероятно, составляли лишь богослужебные книги, да и то не все) рукописи могли принадлежать монастырю, церкви, составлять собственность дворцовой библиотеки, находиться в личном пользовании клирика или мирянина. В зависимости от содержания они становились предметом индивидуального чтения, чтения (и вообще использования) в семейном, дружеском, учебном, церковно-приходском или монастырском коллективе.

Говоря о средневековой книге, следует иметь в виду следующую ее особенность. Во многих случаях объем рукописной книги как таковой оказывается шире, чем границы того или иного сочинения. Разумеется, можно выделить значительное число книг, в которых реализуется по одному сочинению. Таковы, как правило, рукописи Четвероевангелия, таковы богослужебные книги (литургия, требники), таковы гимнарии, псалтири и др. Впрочем, и в этом случае границы устанавливаются не жестко. Даже такой канонизированный памятник, как Четвероевангелие, может фигурировать в сочетании с дополнительными разделами (например, посланием Евсевия к Карпиану о канонах согласия и с самими канонами) или без них. Наконец, даже при полном совпадении основного содержания рукописи отличаются своими колофонами — последние должны были восприниматься как неотъемлемая часть данной рукописи.

Впрочем, даже те сочинения, которые функционируют как единое целое и снабжены специальным заглавием, часто являются сборными по своему характеру. Так, например, лекционарий (в армянском обозначении *Чашоц*), содержащий отрывки из Ветхого и Нового завета, расположенные применительно к церковной службе и разнесенные по определенным дням церковного календаря, по существу, является сборником, причем сборный характер должны были ощущать и средневековые книжники. Выделение отдельных разделов, ссылки и пр. преследовали, конечно, практические цели, но они же выдавали и сборный характер этих рукописей. То же можно сказать и о гомилиариях (*чарынтир-тонакан*), составленных из сочинений отдельных авторов, разделенных веками, о синаксарях, содержащих жития святых, расположенных по календарю, о гимнариях (*шаракноц*), о книге басен Мхитара Гоша (XIII в.) с неизменным составом и о многих других рукописных книгах, четко определенных заглавием.

Наконец, определенную часть рукописей составляли сборники в том смысле этого слова, который придают ему авторы современных каталогов. Нередко такие сборники содержат материал, подбор которого носит совершенно случайный харак-

тер. Средневековый переписчик мог создавать книгу, довольствуясь или будучи ограниченным исключительно подручным материалом. Однако можно выделить сборники и тематические, с различной степенью обязательности, нормативности в подборе. Творческие наклонности составителя в них выявлены, разумеется, ярче [10].

В качестве примера последних обратимся к сборникам исторических сочинений.

В Матенадаране хранится рукопись под № 2639, переписанная в монастыре Амрдол в 1672 г. Книга содержит исторические труды Агафангела, Мовсэса Хоренаци, Месропа Вайоцдзореци, Лазара Парпеци, Себэоса и Корюна. Налицо тенденция объединить в одном переплете древнейших авторов или авторов, повествующих о древнейших событиях армянской истории, до V в. включительно. Выпадает лишь Себэос, писатель VII в., значительную часть труда которого составляет описание современных автору событий. Но и у него имеется раздел, освещающий древнейшие времена. Эта рукопись была переписана по заказу известного писателя XVII в. Вардана Балишеци [Себэос, 1979, с. 30—35].

В 1676—1678 гг. два переписчика — Тума и Григор — переписали книгу в 554 листа. Книга содержит труды Мовсэса Хоренаци, Асолика, Аристакэса Ластивертци, «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, Агафангела, апокрифическую грамоту о единении, труды Месропа Вайоцдзореци, Зеноба Глака, Йовхана Мамиконеана, Павстоса Бузанда, Елишэ, Степанноса Орбелеана, Михаила Сирийца, Вардана Бардзрбердци, Киракоса Гандзакеци, «Церковную историю» Сократа Схоластика [Аристакэс, 1963, с. 12]. Здесь можно выделить группы сочинений, между которыми прослеживается внутренняя (хронологическая) связь, но в целом подбор рукописей носит скорее случайный характер. Вполне возможно, что отдельные разделы, состоящие, в свою очередь, из нескольких сочинений, являются копиями отдельных сборников. Так, сочетание Мовсэс Хоренаци — Асолик — Аристакэс Ластивертци обнаруживается в рукописи Матенадарана № 2865 [Аристакэс, 1963, с. 8—9], переписанной в XIII—XIV вв., но в значительной своей части обновленной позднее.

Такой же характер книги для чтения по истории вообще носит рукопись ИВ АН СССР С 59. Книга переписана по заказу упомянутого выше Вардана Балишеци в 1678 г. в Исфахане,

---

[10] На необходимость различать сборники с однородным и неоднородным содержанием обращают внимание и другие авторы, см., например, [Акимушкин и др., 1964, с. 10—12].

над ней работали три переписчика — Гаспар, Йовсэп и Мартирос. Рукопись содержит «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, «Историю Албании» Мовсэса Каланкатуаци, «Историю племени стрелков» Григора Аканци.

Выделяются сборники философских сочинений, поэтические сборники, сборники права. Последние весьма разнообразны по своему составу, но в каждом отдельном случае они соответствуют той или иной модели [Тигранян, 1918].

В изобилии рукописей сборного содержания сказывается традиционный характер средневековой культуры, стремящейся консервировать и в то же время актуализировать литературные труды независимо от времени их появления.

Содержание рукописи, характер литературного текста определяли в значительной степени ее оформление. Если отвлечься от декора рукописной книги, можно отметить следующие закономерности.

Рукописи Писания создавались с применением еркатагира, как округлого, что было заурядным явлением, так и прямолинейного. Примером последнего могут служить вшитые в Цулрутское евангелие 974 г. листы, содержащие бо́льшую часть Евангелия от Иоанна и датируемые палеографически X—XI вв. Здесь текст писан прямолинейным еркатагиром без наклона [Овсепян, 1913, табл. XXIV, № 45]. При выходе за пределы основного содержания рукописи шрифт обычно меняется. Так, древнейшая датированная рукопись — Лазаревское евангелие 887 г. — писана округлым еркатагиром, но расположенные под основным текстом буквы-цифры канона согласия выведены мелким еркатагиром [Абрамян, 1973, с. 62]. В Евангелии 1045 г. основной текст записан округлым еркатагиром, а колофон — прямолинейным или, скорее, мелким [Овсепян, 1913, табл. XXXIV, № 49]. Впоследствии евангелия стали писать болоргиром и очень редко — нотргиром.

Для рукописей иного содержания применялись прямолинейный еркатагир и все последующие виды письма. И здесь варьирование было обычным явлением.

Таким образом, можно заметить, что применение того или иного вида письма в рукописной практике определялось прежде всего сакральными обстоятельствами. В период господства еркатагира евангелия писались как округлой его разновидностью, так и прямолинейной. Но нам неизвестны иные, кроме евангелий, тексты, писанные округлым еркатагиром. Естественно предположить вслед за А. Ташьяном, что обе разновидности еркатагира были оформлены одновременно, округлый еркатагир предназначался для св. Писания, а прямолиней-

ный — для рукописей неканонического содержания. В дальнейшем появилась свобода в применении видов письма, но тенденция не совсем умерла, она отразилась в том, что избегали применять нотргир (не говоря уже о шлагире) для переписки евангелий.

Общая же эволюция письма диктовалась, по-видимому, как субъективными, так и объективными соображениями. Можно не сомневаться в том, что на пути от еркатагира к шлагиру скорость письма увеличивалась. И хотя письмо становилось мельче, именно скорость, а не экономия писчего материала (как об этом уже говорилось) способствовала эволюции. Объективные же последствия выражаются в растущей легкости чтения, которая появляется при переходе от ранних видов письма к более поздним. Описки, которые неизбежны в рукописях, обусловлены чаще наличием образца, писанного еркатагиром, чем другими видами письма.

Уже говорилось, что в армянской рукописной практике широко применялась аббревиация. Для еркатагира она распространялась только на господние имена, но уже в болоргире аббревиации подвергаются грамматические форманты. Затруднений при чтении это, вероятно, не вызывало. В некоторых разделах естественнонаучной литературы применялись специальные значки для обозначения таких понятий, как «земля», «солнце», «луна» и др. Эти знаки были достаточно унифицированы, и их знание не предполагало особой подготовленности, но на практике применялись (в ограниченных пределах, конечно) и такие системы идеограмм, чтение которых требовало знакомства с ключом. Их расшифровки встречаются в рукописях соответствующего содержания.

8. Значительная часть армянских рукописей снабжена более или менее пространными приписками, исходящими от лиц, так или иначе причастных к созданию и последующему бытованию рукописной книги. Изучение рукописной культуры в социальном аспекте оказывается возможным именно благодаря этим припискам. Приписки (об этом подробно см. ниже) выступают в качестве самостоятельного литературного жанра, они отвечают требованиям этого жанра и не могут рассматриваться как «адекватное», «реалистическое» воспроизведение действительности. Тем не менее критический подход к ним позволяет выделить огромное количество фактов, характерных для процесса создания и дальнейшего функционирования манускриптов.

Согласно сведениям армянских авторов (например, Елишэ и в особенности Лазара Парпеци), образование в Армении
 становилось уделом не только духовенства. В княжеской среде

любили и ценили книгу (хотя бы в пределах св. Писания), владели грамотой. Однако, судя по припискам, переписчиками рукописей выступают, как правило, духовные лица. Причастность к этому светских лиц было явлением исключительным. Книги переписывают дьяконы, священники, вардапеты (весьма распространенные в Армении носители титула архимандрита), епископы. Степень участия низшего духовенства (как белого, так и черного) намного выше, чем высшего. Далее, принадлежа к монастырской братии или причту, переписчики часто выступают в качестве индивидуальных творцов книг, не будучи связанными какими бы то ни было корпоративно-профессиональными узами. Конечно, и в Армении были скриптории, где труд носил более или менее коллективный характер. Так, для VI в. известен скрипторий, где работало 36 вардапетов. Можно отметить множество рукописных центров, для которых характерна известная традиционность в оформлении манускриптов. Иногда мастера объединялись при переписке одной книги. В Матенадаране хранится Евангелие, переписанное восемью мастерами [Дурново, 1952, табл. 40—42]. Но большинство книг создавали мастера-одиночки. При изучении процесса создания рукописной книги бросается в глаза безусловное разделение труда. Главными участниками этого процесса являются переписчик, иллюстратор, мастер, подготавливающий писчий материал (пергамен или бумагу), линовальщик, вычитчик, переплетчик, реставратор. К участникам создания рукописи в какой-то мере должны быть отнесены владельцы образца, представляемого копиисту, и те, что снабжали мастера продуктами питания, создавали ему условия труда. И наконец, следует вспомнить в связи с этим и заказчиков, ибо им принадлежал выбор текста для копирования, стало быть, они определяли направление, по которому шло умножение общего книжного фонда. Каждому из названных участников соответствовали определенные термины. На практике, конечно, профессии могли совмещаться. В первую очередь это относится к переписке и украшению, художник выступал также в качестве классного каллиграфа. Тем не менее представление о дифференциации труда держалось прочно.

Итак, приписки являются своеобразным литературным произведением, отвечавшим законам жанра. Но они же объективно отразили некоторые общественные требования к создателям книг. Согласно этим требованиям, содержание книги является предметом восхищения и поклонения. Копируемый образец нередко наделяется восхваляющими эпитетами. В то же время переписчик, иллюстратор и другие приступают к работе, преисполненные смирения и сознания собственного ничтожества.

В приписках можно найти не менее 15 эпитетов, обозначавших душевное состояние: «ничтожный», «недостойный», «невежда», «слабый», «недостаточный» и т. п. Столь же распространенной является просьба, обращенная к читателю, — быть снисходительными к ошибкам, «ибо возможности наши таковы». И наконец, сознание того, что книга останется и после смерти ее изготовителя, останется на века. Подобные настроения присущи творцам рукописной книги независимо от их социального или культурного уровня. Отношение создателя рукописи к своему труду, как это вырисовывается в приписках, — важный показатель социальной психологии, хотя, конечно, нельзя считать ее присущей каждому индивидууму в отдельности (даже в тех случаях, когда он сам на этом настаивает в приписке!).

Общественным сознанием продиктованы также и жалобы на «горькие и тяжкие времена», обусловленные иноземным владычеством. Здесь личное (адекватное) восприятие подкреплено общественным, формирующимся на протяжении столетий и становящимся необходимым компонентом в национальной психологии средневековых армян.

Наряду с этим переписчик (или иное лицо, участвовавшее в создании книги) обращает внимание на реальные обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться в работе. Речь идет о бытовых деталях — недостаточном освещении, дурном состоянии образца, холоде, голоде и т. д. Переписчики часто жалуются на изнурительность труда, сетуют на нездоровье, слабость зрения [ср.: Абрамян, 1973, с. 305 и сл.; Хачикян, 1955, с. II—V]. В книге нередко фиксируется благодарность за принесенные продукты — хлеб, мед и др. В так называемом Ахпатском Евангелии 1211 г. на одном из полей сохранилось изображение рыболова с удочкой и рыбой на плече [Дурново, 1952, табл. 14]. Приписка гласит: «Шераник, всякий раз приходя, приноси с собой рыбу!» Можно не сомневаться, что здесь содержится прошение о помощи в момент создания книги, помощи, которая уже оказывалась ранее рыболовом. Запись и изображение хорошо согласуются с благодарениями за доставленные припасы, обычными в приписках.

Каковы были затраты труда и каковы были цены на рукописи? Учитывая разнообразие рукописных книг, мест их производства и эпох, было бы бессмысленно пытаться вывести средние цифры. Тем не менее уместно привести некоторые примеры.

В 1331 г. Карапет Тюырикеци переписал книгу, содержащую отдельные разделы Библии. Рукопись содержит 278 или 280 листов, размер листа 17,7×12,4 см, бумага, на каждой странице в среднем 550 знаков. Начата перепиской 17 августа,

закончена 20 декабря. Карапет работал 126 дней (а не 123, как значится в литературе). Таким образом, на каждый день приходится два с половиной листа [см.: Хачикян, 1950, № 306, примеч.*** к с. 244; Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 149].

В 1369 г. Стапаннос переписал «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Рукопись содержит 468 или 472 листа, размер листа 17,5×12 см, болоргир, бумага, на каждой странице около 750 знаков. Начата перепиской 10 июня, закончена 30 сентября. Степаннос работал 114 дней (а не 110, как указано в литературе). В среднем на день приходится 4,14 листа [Хачикян, 1950, № 598, примеч.*] (по подсчетам Л. С. Хачикяна, на день приходится 4,5 листа) [ср. также: Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1970, № 5883].

В 1382 г. Мхитар переписал толкование на «Шестоднев» Варфоломея, католического епископа из г. Марага. Рукопись содержит 111 листов, размер листа 16,9×13,8 см, болоргир, бумага. Из приписки явствует, что Мхитар работал 30 дней, стало быть, переписывал в день чуть меньше четырех листов. По подсчетам Л. С. Хачикяна, объем переписанной книги соответствует 8,2 печ. л. [Хачикян, 1950, № 677, и примеч.* к с. 543; см. также: Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 1656].

Давит Бджнеци начал переписывать исторический труд Агафангела 15 декабря и закончил 30 марта. По определению Л. С. Хачикяна, он завершил работу в 1323 г. Рукопись содержит 369 л., размер листа 29×21 см, болоргир, бумага. Давит работал 106 дней (согласно А. Г. Абрамяну — 104 дня), следовательно, на каждый день приходилось приблизительно 3,5 листа [Агатангелос, 1909, с. XXX—XXXIV; Хачикян, 1950, № 232.6; Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 1481] [11].

Переписчик Меликсэт отмечает, что каждую ночь он переписывал 8 листов, а днем 2 или 3. Рукопись содержит требник, размер листа 13,5×8 см, болоргир, бумага. Издатели каталога датируют ее XIV в. [Хачикян, 1955, № 4119; Абрамян, 1973, с. 32; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1970, № 6050].

Конечно, интенсивность ежедневного труда была несколько выше, чем средняя выработка, которая выражается частным от деления количества листов рукописи на количество дней от начала и до конца переписки. Работали ли в воскресенье? Рукопись 1331 г. начата в субботу и кончена в субботу. Рукопись 1369 г. также начата и кончена в субботу. Рукопись

[11] Издатели Агафангела и авторы каталога датируют рукопись предположительно 1261 г.

1323 г. (если дата определена верно) начата в четверг и кончена в среду. Кроме того, маловероятно, что работа протекала совершенно ритмично. Иначе трудно представить себе, каким образом переписка книги в 279 листов, размером 17×11,5 см растянулась на семь лет, с 1363 до 1370 г. [Dashian, 1895, № 317, с. 757; Хачикян, 1950, № 603.1; Абрамян, 1973, с. 329].

Мы располагаем также некоторыми сведениями о ценах на рукописные книги и о величине выкупа (во время вражеских нашествий рукописи иногда забирали в качестве добычи в расчете на будущий выкуп, «брали их в плен»). Данные носят отрывочный характер и относятся к разным местам и различным эпохам, так что обобщение их не представляется возможным. Следует думать, однако, что выкупная сумма была больше обычной цены книги, ибо сделка происходила в условиях, невыгодных приобретателю. Выкупались книги, наделенные в глазах современников святостью, что само по себе придавало книге большую цену. Во всяком случае, рукописные книги были очень дороги.

Значительное большинство армянских рукописей делалось по заказу индивидуального владельца, который обозначался термином *стацол* «получатель». Заказывали рукописи как светские, так и духовные лица — от простого мирянина до царя, от сельского дьякона до католикоса. Бывали случаи, когда рукопись поступала коллективному владельцу. В Матенадаране хранится гомилиарий (№ 3797), переписанный в Сурхате (Крым) около 1347 г. В качестве коллективного заказчика и собственника выступает множество лиц — торговцев, ремесленников, клириков. В рукописи 72 приписки, заказчиков же несколько больше [Хачикян, 1950, № 446].

Рукопись могла быть заказана для последующего вклада в церковь или монастырь.

Рукописная книга изготовлялась и для продажи. Сохранились рукописи, в колофонах которых — там, где должно значиться имя владельца, — оставлено пустое место. Эти рукописи безусловно предназначались для продажи, но сделка по той или иной причине не состоялась.

9. Переписчик средневековой рукописной книги приступал к своему труду в убеждении, что он творит святое, богоугодное дело. Это сознание возникало в нем независимо от содержания и назначения книги. Создавая новый список, переписчик демонстрировал свои профессиональные возможности, выявлял собственную индивидуальность — в соответствии, конечно, с эстетическими требованиями данной эпохи и данной местности. Но текст лежавшего перед ним образца он обязан был воспроизвести в точности. Бывали случаи, когда переписчик

в процессе своей работы осуществлял известную редакторскую правку — убирал то, что казалось лишним, или обогащал текст своими добавлениями. Но это происходило в тех случаях, когда в одном лице уживался и литератор, и ремесленник: для заурядного переписчика верность тексту являлась основным и непременным условием. И хотя искажения в тех или иных пределах наличествуют в каждой копии, они появляются вопреки воле переписчика. Они могут быть порождены отсутствием профессиональных навыков, условиями и местом переписки, состоянием воспроизводимого образца и т. д.

Но, рабски копируя чужой текст, средневековый переписчик был наделен правом обратиться к читателям книги, настоящим или будущим, и от собственного имени. Этой возможностью обладали также заказчик рукописи, ее последующий владелец, художник, реставратор — любое лицо, причастное к созданию и будущей жизни манускрипта. Это право реализовалось в колофоне. Колофоны обычны в рукописях на самых различных языках, часто они являются единственным основанием для датировки, выяснения места переписки, имени заказчика и переписчика и пр.

Можно думать, что содержание рукописной книги в большинстве случаев исключало момент ее интимного восприятия. Книги, конечно, не были анонимными, более того, при отсутствии подлинного имени автора появлялось легендарное. Но автор выступал в качестве не реального лица, а скорее носителя определенных абстрактных черт. Отсутствовали и четкие представления о времени жизни автора. Он мог быть либо современником, либо жить в прошлом, без его конкретизации. Во всяком случае, общая тенденция была именно такова.

В то же время внешние признаки обеспечивали книге ее индивидуальность, неповторимость. В отличие от печатной рукописная книга не могла быть представлена хотя бы двумя совершенно идентичными образцами. Не сталкиваясь с одинаковыми книгами, читатель воспринимал их внешнюю неповторимость как норму. Но в наибольшей степени эта индивидуальность обеспечивалась колофоном. И автор колофона, и названные в нем лица всегда конкретны, они принадлежат определенной эпохе, определенному месту. Правда, и колофон — литературное произведение, подчиненное законам жанра. Но персонажи согласно этим законам всегда должны быть реальны.

Для армянских рукописей приписки весьма характерны. Ими наделено значительное число рукописей. Армянские приписки принято называть памятными записями, или *ишатакаранами* (от арм. *йишатак* «память»). Под ишатакараном (в широком смысле слова) разумеется всякая приписка к авторскому

тексту, исходящая от лица, причастного к бытованию рукописной книги. Часто в рукописях имеется несколько ишатакаранов, исходящих от различных лиц и включенных в книгу в разные годы и столетия. Впрочем, краткие записи последующих времен, вносившиеся часто случайными лицами, в армянской научной литературе принято выделять в качестве «памятных приписок». Подобное различие принимается во внимание при изучении рукописей и на других языках.

Памятные записи помещаются обычно в конце книги, но нередки случаи, когда переписчик находит им место в начале или в середине рукописи, вписывает в миниатюру, располагает под текстом или записывает ишатакаран в качестве непосредственного продолжения. Письмо ишатакарана может не совпадать с письмом основного содержания. Так, в рукописях, писанных округлым еркатагиром, ишатакаран часто выводится прямолинейным еркатагиром. При иных видах письма подобного различия не наблюдается, но часто можно заметить, как при переходе к ишатакарану меняются некоторые особенности почерка.

Памятные записи, относящиеся к рукописному списку, родственны и сосуществуют с ишатакаранами, исходящими от автора того или иного сочинения, что находит отражение и в сходной терминологии. Так, «Повествование» Аристакэса Ластивертци (XI в.) заканчивается «Памятным словом (*бан йишатакарани*) настоящей книги» [Аристакэс, 1963, с. 142.1].

Достоинства ишатакаранов как исторического источника были оценены уже в XVII в., когда известный историк Аракел Давриженци с их помощью составлял свои хронологические таблицы. В новое время обращение к ишатакаранам как источнику по многим вопросам истории и культуры Армении и сопредельных стран становится заурядным явлением. В лучших каталогах армянских рукописей ишатакараны приводятся полностью, что чрезвычайно важно для кодикологического исследования. В то же время ишатакараны — источник массовый, в связи с чем в последние десятилетия наметилась тенденция к отдельному их изданию в соответствии с хронологическим принципом. На сегодняшний день отдельными книгами изданы ишатакараны: до 1250 г. [Овсепян, 1951], 1301—1400 гг. [Хачикян, 1950], 1401—1450 гг. [Хачикян, 1955], 1451—1480 гг. [Хачикян, 1958], 1481—1500 гг. [Хачикян, 1967], 1601—1620 гг. [Акопян — Иоаннисян, 1974], 1621—1640 гг. [Акопян — Иоаннисян, 1978]. В Матенадаране подготовлено к изданию новое собрание ишатакаранов до 1300 г., собраны ишатакараны XVI в. Опубликована большая подборка в переводе на англий-

ский язык [Sanjian, 1969]. Небольшая подборка опубликована на русском языке [Юзбашян, 1973].

Колофоны армянских старопечатных книг генетически восходят к рукописным ишатакаранам, они приводятся в исследованиях, посвященных старопечатным изданиям [Левонян, 1958].

Значительную часть дошедших до нас памятных записей составляют колофоны, подчиненные известным канонам. В определенной последовательности сообщается, что книга переписана рукой такого-то (обычно с уничижительным эпитетом, о чем уже говорилось) во спасение души такого-то (с восхваляющим эпитетом); указываются место и время написания, нередко в различных летосчислениях, с упоминанием современных правителей и патриархов; приводится более или менее пространный список поминаемых лиц с благопожеланиями; колофон заканчивается просьбой не забыть в молитвах переписчика, банальной сентенцией, иногда угрозой проклятия тем, кто осмелится повредить книгу, и пр. Записи подобного рода тяготеют к определенным формулярам или их отдельным разделам в различных комбинациях.

Приведем записи переписчика и владельца, которые внесены в Евангелие 1488 г.:

«[. . .] Переписано святое евангелие рукой многогрешного и немощного переписчика Мануэла, в деревне Куки, под сенью св. Григория и св. Креста, в летосчисление армянское 900 и 37 [=1488 г. н. э.], в патриаршество владыки католикоса Саргиса и в ханство Якуб-бека.

[. . .] Помяните в святых молитвах ваших меня, недостойного переписчика Мануэла, и родителей моих, отца моего иерея Петроса и мать мою Аламшат [. . .] и будьте снисходительны к ошибкам и уродству письма, ибо возможности наши лишь таковы, и сократился свет в очах, и заботы и соблазны мира умножились. . .

[Помяните] получателя святого евангелия Сахака, который [. . .] получил его против честных пожитков своих — в память себе и родителям своим, отцу своему Шахриару и матери своей Назак, и братьям своим Абрахаму и Йованэсу, и сестрам своим Азиз и Мариам, монашествующей исповеднице Мэхришат, Гомат, Сиритухт и всем ближним его, аминь!» [Хачикян, 1967, № 143].

Даже такого рода скупые записи одушевляют книгу как таковую, приближают читателя к ее создателю. Но наряду с такими ординарными колофонами бытуют записи, в которых индивидуальность авторов выявляется гораздо ярче. Трафаретная часть сокращается, может даже отсутствовать, уступая место индивидуальному творчеству.

Известная часть таких нестандартных ишатакаранов посвящена данной рукописной книге. Здесь говорится об обстоятельствах, при которых переписывалась книга, об условиях жизни писца, о «пленении» рукописи и ее выкупе, о ее продаже, дарении, обновлении, вторичном переплетении и т. д.

Вот приписки, в лаконичном изложении которых нашли отражение и бытовые неурядицы, и подлинная трагедия:

«Ох, ох, проклятый сатана туманит мысли, уводит их в сторону, и лишь бог один — мне опора!» [Хачикян, 1955, № 291.3].

«Если письмо тебе не по вкусу, причина, брат, в том, что масла осталось на донышке и пламя потускнело».

«Не посетуй на кривизну, писал ночью, при светильнике. Каждую ночь — по восемь листов, днем по два или по три».

«Ох, сердце болит, мысли мешаются, погибли добрая мать и любимый брат» [Хачикян, 1955, № 411.6, 9, 10].

Благодаря ишатакаранам книга может породить и иные, более широкие ассоциации [12]. В колофонах говорится о войнах, нашествиях, политических убийствах, о восшествии на престол, о социальных отношениях, стихийных бедствиях, море. Подобные записи превращаются в небольшие исторические мемуары. Их ценность и значимость обусловлены, помимо всего прочего, тем обстоятельством, что в качестве автора выступает, как правило, современник, нередко очевидец и даже участник описываемых событий. За немногими исключениями, записи подобного рода содержат сведения местного характера, но это становится зачастую достоинством, поскольку обеспечивает несвойственные обычным повествовательным текстам конкретность и непосредственность. Ишатакараны используются в качестве важных источников по социально-экономической истории Армении, в особенности в позднее средневековье.

Содержание ишатакарана, наконец, могут составить притча, местное предание, биография, сентенция, афоризм, нравоучение. Нередко под пером автора рождается лирическая, а порой и сатирическая миниатюра, бытовая зарисовка, анекдот и т. п. Художественной выразительности способствует и язык — именно ишатакараны сохранили наиболее близкие к разговорным формы, проникавшие в древнеармянский литературный язык.

Обусловленные фактом бытования рукописной книги, ишатакараны в некоторых случаях фиксируют и общественное

---

[12] Говоря о творцах книги и их записях, мы всякий раз отвлекаемся от автора или авторов основного содержания. Речь идет о специфических особенностях рукописи как таковой.

отношение к ней. Книга — предмет внимания, почитания, и, когда этот стереотип оказывается нарушен, может появиться запись следующего содержания:

«В лето, когда по армянскому счислению был год 490-й [=1041 г. н. э.] и скончался армянский царь Йованнэс многомудрый, нашел я, вардапет Саргис, эту книгу в царской сокровищнице в углу. Замело ее на полу, заброшенную прахом, и словно лила она слезы молчаливо. Я же, как всегда, предавался в библиотеке размышлениям и, раскрывая привычно множество [книг], радовался их слову. Эта же книга, оторванная от подруг своих, ждала, что к ней потянется рука. И взял я эту книгу и унес к себе, вызволив ее из узилища» [Алишан, 1881, с. 50].

Отношение к книге превосходно передано в ишатакаране без даты:

«А вы, настоятель и монахи обители св. Киракоса, берегите книги. Во дни бегства и смуты перевезите книги в город и спрячьте. . . Во время же мира доставьте их в монастырь и читайте, а не храните закрытыми, ибо закрытые книги суть идолы!» [Срвандзтян, 1879, с. 297].

Хотя книги воспринимались как сакральные предметы, при всем ореоле окружающей их святости главное в них — содержание. Раскрыть книгу — значит постичь ее содержание, в противном случае книги обращаются в идолов, которым можно только молиться, не воспринимая их сути. Именно эта идея заложена в приведенной выше записи.

Первоначальная цель колофона — сообщить читателю «выходные данные» рукописи. Естественно поэтому, что часть записи в большинстве случаев посвящена творцам книги — переписчику, художнику, переплетчику и др. Сведения, которые приводятся в записи, носят анкетный характер — имя, происхождение, родители и пр., но уже в их подборе и комбинациях наличествует нечто индивидуальное. Тенденция к индивидуальности прослеживается даже в выборе уничижительных эпитетов — шкала их, как мы отмечали, была достаточно широкой. В отдельных ишатакаранах биографические моменты представлены весьма широко, здесь отрыв от формуляра становится более очевидным. Возможно, наконец, появление лирической миниатюры, когда автор привлекает внимание читателей к собственной личности, почти отвлекаясь от факта бытования рукописной книги:

«О братья, помяните ничтожного переписчика, в тяжких муках влачу я существование! В целом мире нет у меня заступника — ни отца, ни матери, ни братца. Одинок я, как куст на холме!»

Ни в одном жанре армянской литературы средневековья человеческая личность не проявлялась столь непосредственно, как в ишатакаранах.

Наряду с прозаическими нередки были ишатакараны в стихотворной форме. Их достоинства определяются не качеством стиха, которое практически не поднимается над уровнем ремесленного версификаторства, а содержанием. Последнее варьируется так же широко, как и в классических записях.

Публикация ишатакаранов в специальных сборниках не только облегчила их использование, но и воочию показала, что мы имеем дело со специфической массовой литературой. Значительная часть переписчиков происходила из низшего духовенства, и они вносили в ишатакаран множество черт, свойственных народной психологии и мировосприятию. Независимо от того, в какого рода рукописи вносились эти записи, они в целом принадлежат светскому течению армянской средневековой литературы и их следует трактовать как особый жанр армянской средневековой литературы [13]. Помещенные в рукописях ишатакараны так или иначе говорят о рукописях, но при этом они составляют органическую часть рукописной книги и в этом качестве и могут быть истолкованы в общем культурном контексте.

Количество дошедших до нас армянских рукописей исчисляется приблизительно в 25 тыс. Это, конечно, ничтожная доля созданных за 13—14 столетий рукописных книг. В настоящее время армянские рукописи сосредоточены в исследовательских институтах, музеях, библиотеках (светских и монастырских), небольшая часть их входит в частные собрания.

Крупнейшим в мире хранилищем армянских рукописей является Матенадаран — Научно-исследовательский институт древних рукописей им. Маштоца (Ереван), собрание которого насчитывает более 10 тыс. единиц хранения. Основу коллекции положили рукописи Эчмиадзинского монастыря, вошли сюда и другие собрания. Фонды Матенадарана непрерывно растут благодаря сбору рукописей среди населения и значительным поступлениям из-за рубежа. За немногими исключениями,

---

[13] «Как бы разнообразны ни были подобные ишатакараны, они прямо или опосредованно вызваны к жизни фактом создания или бытования рукописной книги. Это объединяет их, и они представляют собой если не специфический жанр (из-за отсутствия достаточно всеобъемлющих формальных признаков), то по крайней мере определенный вид армянской средневековой литературы, причем в большинстве своем эти памятники принадлежат светскому, а в его пределах — демократическому направлению» [Юзбашян, 1973, с. 51]. Это определение подлежит исправлению. Принадлежность жанру может определяться и функциональными признаками, а последние выступают в ишатакаранах весьма определенно.

в рукописях Матенадарана представлены все более или менее значительные памятники армянской словесности.

Богатейшими после Матенадарана собраниями обладают монастырь св. Якова при армянском патриаршестве в Иерусалиме, ученые конгрегации мхитаристов в Венеции и Вене, менее значительные коллекции имеются в Парижской национальной библиотеке, Британском музее, Оксфорде, монастыре Всеспаса в Исфахане и др. В СССР армянские рукописи сосредоточены в хранилищах Ленинграда (ИВ АН СССР, ГПБ, Государственный Эрмитаж, Ленинградский государственный университет, единичные экземпляры в Институте русской литературы АН СССР — Пушкинском доме и в Архиве АН СССР), Москвы (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственный исторический музей), Тбилиси (Институт рукописей АН Грузинской ССР им. К. С. Кекелидзе), Баку (Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР). При Эчмиадзинском монастыре вновь образуется коллекция манускриптов.

Научная каталогизация армянских рукописей началась в XVIII в., и к настоящему времени значительная часть памятников описана. Наиболее полный список печатных и рукописных каталогов (охватывающих не менее 5 рукописей) насчитывает 355 названий [Анасян, 1959, с. XXVII—XCV; Анасян, 1976, с. V—XXII].

Из немногочисленных трудов по армянской палеографии в особенности важны [Ташьян, 1898; Ачарян, 1928; Абрамян, 1973]. Продолжает сохранять свое значение Альбом армянской палеографии [Овсепян, 1913]. В целом армянская палеография изучена недостаточно, и датировка памятников по письму опирается не столько на научно разработанные критерии, сколько на интуицию исследователя.

Абрамян, 1973. — Абрамян А. Г. Армянское письмо и письменность. Ер., 1973 (на арм. яз.).

Агаян, 1977. — Агаян Э. Б. К проблеме домесроповской армянской письменности, месроповского алфавита и о смежных вопросах. Ер., 1977 (на арм. яз.).

Агатангелос, 1909. — История Армении Агатангелоса, изд. Г. Тэр-Мкртчян и Ст. Канаянц. Тифлис, 1909 (на арм. яз.).

Акимушкин и др., 1964. — Акимушкин О. Ф. и др. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Ч. 1. М., 1964.

Акопян—Иоаннисян, 1974. — Акопян В., Иоаннисян А. Памятные записи армянских рукописей XVII в. (1601—1620 гг.). Ер., 1974 (на арм. яз.).

Акопян — Иоаннисян, 1978. — Акопян В., Иоаннисян А. Памятные записи армянских рукописей XVII в. (1601—1620 гг.). Ер., 1978 (на арм. яз.).

Алишан, 1881. — Алишан Г. Ширак. Венеция, 1881 (на арм. яз.).
Алишан, 1890. — Алишан Г. Айрарат. Венеция, 1890 (на арм. яз.).
Анасян, 1959. — Анасян А. С. Армянская библиология V—XVIII вв. Т. 1. Ер., 1959 (на арм. яз.).
Анасян, 1976. — Анасян А. С. Армянская библиология V—XVIII вв. Т. 2. Ер., 1976 (на арм. яз.).
Аракелян, 1958. — Аракелян Б. Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв. Т. 1. Ер., 1958 (на арм. яз.).
Аристакэс, 1963. — Повествование Аристакэса Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян. Ер., 1963 (на арм. яз.).
Ачарян, 1928. — Ачарян Р. Армянские письмена. Вена, 1928 (на арм. яз.).
Геворгян, 1960. — Геворгян А. О средневековой ручке-самописке.— Вестник Матенадарана. 1960, вып. 5 (на арм. яз.).
Гранстрем, 1956. — Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза (Дополнительные сведения). — Византийский временник. Т. 11, 1956.
Дирингер, 1963. — Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
Добиаш-Рождественская, 1936. — Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. М.—Л., 1936.
Дурново, 1952. — Древнеармянская миниатюра. Ер., 1952 (Подбор миниатюр, вступительная статья «Книжная живопись древней Армении» и «Объяснение к таблицам» Л. А. Дурново).
Дурново, 1953. — Дурново Л. А. Армянская набойка. М., 1953.
Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965. — Еганян О., Зейтунян А., Антабян П. Каталог рукописей Матенадарана им. Маштоца. Т. 1. Ер., 1965 (на арм. яз.).
Еганян — Зейтунян — Антабян, 1970. — Еганян О., Зейтунян А., Антабян П. Каталог рукописей Метенадарана им. Маштоца. Т. 2. Ер., 1970 (на арм. яз.).
Лаз. Парп. — История Армении Лазара Парпеци и послание к Вахану Мамиконеану. Изд. Г. Тэр-Мкртчян, Ст. Малхасянц. Тифлис, 1904 (на арм. яз.).
Левонян, 1959. — Левонян Г. Д. Армянская книга и искусство книгопечатания. Ер., 1958 (на арм. яз.).
Мов. Хор. — История Армении Мовсэса Хоренаци, изд. С. Арутюнян и М. Абегян. Тб., 1913 (на арм. яз.).
Муравьев, 1980. — Муравьев С. Н. О происхождении армянского алфавита. — Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1980, № 2.
Мурадян — Юзбашян, 1973. — Мурадян П., Юзбашян К. Новооткрытый фрагмент «Истории» Лазара Парпеци. — Вестник Матенадарана. 11, 1973 (на арм. яз.).
Овсепян, 1913. — Овсепян Г. Альбом армянской палеографии. Вагаршапат, 1913 (на арм. яз.).
Овсепян, 1951. — Овсепян Г. Памятные записи рукописей. Антильяс, 1951 (на арм. яз.).
Ольдерогге, 1975. — Ольдерогге Д. А. Из истории армяно-эфиопских связей (алфавит Маштоца). — Древний Восток. Сборник 1. К семидесятипятилетию акад. М. А. Коростовцева. М., 1975.
Павст. — История Армении Павстоса Бузандаци в четырех книгах. Венеция. 1832 (на арм. яз.).
Периханян, 1966. — Периханян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности. — Переднеазиатский сборник. 2. М., 1966.

Пивазян, 1962. — Пивазян Э. К вопросу об армянской письменности домаштоцовского периода. — Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1962, № 4 (на арм. яз.).
Сапунов, 1978. — Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.
Себэос, 1979. — История Себэоса. Сводный критический текст, предисл. и коммент. Г. В. Абгаряна. Ер., 1979 (на арм. яз.).
Срвандзтян, 1879. — Срвандзтян Г. Торос Ахпар. 1. Константинополь, 1879 (на арм. яз.).
Ташьян, 1898. — Ташьян Я. Очерк армянской палеографии. Вена, 1898 (на арм. яз.).
Тигранян, 1918. — Тигранян С. Древнеармянская книга канонов. Очерки описания и исследования памятника. 1. Описательная часть. — Записки Российской Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. 13, № 3, 1918.
Хачикян, 1950. — Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей XIV в. Ер., 1950 (на арм. яз.).
Хачикян, 1955. — Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 1 (1401—1450 гг.). Ер., 1955 (на арм. яз.).
Хачикян, 1958. — Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 2 (1451—1480). Ер., 1958 (на арм. яз.).
Хачикян, 1967. — Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 3 (1481—1500). Ер., 1967 (на арм. яз.).
Худобашев, 1838. — Худобашев А. Армяно-русский словарь. Т. 1—2. М., 1838.
Юзбашян, 1973. — Юзбашян К. Н. Памятные записи армянских средневековых рукописей. — Литературная Армения. 1973, № 9.
Dashian, 1895. — Dashian J. Catalog der armenischen Handschriften in der Mechitharisten-Bibliothek zu Wien. Wien, 1895.
Der Nersessian. — Der Nersessian S. Armenian Art. Arts et Métiers graphiques. [Б. м., б. г.].
Leroy, 1938. — Leroy M. Un papyrus arméno-grec. — Byzantion. 13. Bruxelles, 1938, 2.
Pataridze, 1975. — Pataridze R. Die graphischen Grundlagen der armenischen Schrift. — Wissenschaftliche Zeitschrift d. Friedrich Schiller Universität Jena. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1975, H. 5/6.
Sanjian, 1969. — Colophons of Armenian Manuscripts, 1301—1408. A Source for Middle Eastern History. Selected, Translated and Annotated by Avedis K. Sanjian. Harvard University Press. Cambridge, Massachusets, 1969.

Н. С. Джанашиа,
Е. М. Мачавариани,
М. К. Сургуладзе

ГРУЗИНСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Грузины — один из автохтонных народов Закавказья. Грузинский язык принадлежит к иберийско-кавказской семье языков и представляет собой ее южную ветвь, являясь единственным древнеписьменным языком этой семьи. По мнению ряда ученых, грузины генетически связаны с древнейшими народами Передней Азии и Средиземноморья.

Судя по археологическим данным, социальное, политическое, экономическое и культурное развитие грузинских племен достигло достаточно высокого уровня уже довольно рано. Древнейшие раннеклассовые политические объединения на территории Грузии возникают в конце II—начале I тысячелетия до н. э. В I тысячелетии до н. э. здесь возникают два государства: Западно-Грузинское — Колхида (IV в. до н. э.), упоминаемое в древнегреческой мифологии, художественной и научной литературе, и Восточно-Грузинское — Иберия (рубеж IV и III вв. до н. э.), также хорошо известное по античным источникам.

Как Колхида, так и Иберия были высокоразвиты в социальном, политическом, экономическом и культурном отношении. Достаточно сказать, что чеканка колхидской монеты начинается уже в V в. до н. э.

С первых веков нашей эры в Иберии и Колхиде начинают складываться феодальные отношения, которые становятся господствующими в VI в. В последующие века в Грузии образуются крупные феодальные княжества. В конце X в. они объединяются в единую феодальную монархию. Своего наивысшего расцвета она достигла в XII—XIII вв. В это время Грузия — одно из могущественных государств Ближнего Востока.

Однако впоследствии, в результате опустошительных вражеских набегов и кровопролитных войн с монголами, турками и персами, происходит постепенный политический, экономический и культурный упадок страны. В конце XVII в. намечается некоторое возрождение, но опять-таки оно прерывается время от времени кровопролитными войнами. Широкий размах воз-

рождение грузинской культуры получает после присоединения Грузии к России (в начале XIX в.).

Грузия — страна древней культуры. Древнейшие образцы высокохудожественных изделий из золота, серебра, полудрагоценных камней, найденных на территории Грузии, датируются второй половиной III—первой половиной II тысячелетия до н. э. Хотя они, по-видимому, местного происхождения, однако обнаруживают определенные связи с традициями древнейших культурных очагов Передней Азии. Эти связи прослеживаются на всем протяжении II тысячелетия до н. э.

В VI в. до н. э. на Черноморском побережье Колхиды возникают греческие фактории и колонии, способствовавшие установлению прочных связей с греческим миром. Прослеживаются, особенно в Иберии, близкие культурные связи с ахеменидским Ираном, затем с Парфией и сасанидским Ираном. После походов в Закавказье Помпея Великого (65 г. до н. э.) культурные связи устанавливаются и с Римом. Само собою разумеется, что теснейшие культурные связи Грузия имела со своими непосредственными соседями, и в первую очередь с Арменией.

По сведениям античных авторов, Колхида и Иберия — страны с высокоразвитой городской жизнью и политической организацией.

В Грузии, как и в других частях Закавказья, найдены знаки, которые могли быть зачатками пиктографического письма; наиболее древние из них датируются первой половиной II тысячелетия до н. э. Это свидетельствует о довольно раннем возникновении здесь потребности использовать какую-то графическую форму для передачи информации. Что касается собственно письменности, то самые ранние сведения о ее существовании в Грузии (в частности, в Колхиде) относятся еще к античному времени. Например, согласно источнику, восходящему к автору IV—III вв. Палефату, в Колхиде существовали записи на коже. Известный древнегреческий поэт Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) говорит о том, что у колхов «хранятся дощечки с записями их предков, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников». По этим источникам, однако, нельзя судить ни о языке, ни о графике колхидского письма — они лишь сообщают о том, что в античном мире имелись сведения о наличии письменности в Колхиде.

Как представляется, общение с древнейшими культурами должно подразумевать и знакомство с их языком и письменностью. Следует отметить, что в Колхиде, недалеко от современного города Поти, в III—IV вв. существовала известная школа риторики, куда приезжали учиться даже из Греции. Если допустить, что преподавание в этой школе велось на гре-

ческом языке, то и в этом случае существование ее должно было иметь большое значение для развития грузинской культуры вообще и письменности в частности. С образованием государства и особенно с достижением высокого уровня государственной жизни должна была возникнуть и необходимость в применении письменности.

Древнейшие дошедшие до нас памятники письменности, найденные в Грузии, являются эпиграфическими и относятся к первым векам нашей эры. Эти надписи выполнены на греческом, арамейском и еврейском языках.

Что касается собственно грузинского письма, то вопрос о его возникновении пока еще недостаточно изучен.

Согласно национальной грузинской традиции, засвидетельствованной у грузинского историка XI в. Леонти Мровели, изобретение грузинской письменности приписывается основателю Иберийского царства — царю Фарнавазу (рубеж IV и III вв. до н. э.).

Древнеармянская традиция, сохранившаяся в трудах армянского историка V в. Корюна, приписывает создание грузинского алфавита Маштоцу, изобретателю армянского письма (конец IV или начало V в. н. э.).

Самые ранние из дошедших до нас памятников грузинского письма датируются V в. Так, например, 30-ми годами V в. датирует акад. Г. В. Церетели грузинские мозаичные надписи, найденные в грузинском монастыре в Палестине, близ местечка Дейр-эль-Кутт (недалеко от Вифлеема) [Церетели, 1960, с. 27].

Древнейшая датированная надпись — строительная надпись Болнисского храма — относится к 492—493 гг. Древнейшие грузинские рукописные палимпсестные фрагменты датируются V—VI вв. В 70-х годах V в. написан один из шедевров грузинской литературы — «Мученичество Шушаник» Якоба Цуртавели.

Отсутствие более раннего материала вынуждает некоторых исследователей связывать возникновение грузинского письма с распространением христианства. Другие же считают, что наиболее ранние из дошедших до нас образцов грузинского письма дают возможность предположить его длительное предшествующее развитие. Акад. И. А. Джавахишвили считал, что оно продолжалось не менее семи-восьми веков [Джавахишвили, 1949, с. 235]. Акад. Г. В. Церетели датировал возникновение грузинского письма примерно рубежом старой и новой эры или первыми веками нашей эры [Церетели, 1949]. Ряд других специалистов также называет весьма ранние даты.

Существуют предположения о финикийском, арамейском, армянском прототипах грузинского алфавита. Пока не совсем

ясна роль других письменностей для истории грузинского письма, которое обнаруживает ряд общих черт с ними (например, с греческим и семитическим письмом). Сравнительное же изучение древнегрузинского и древнеармянского алфавитов обнаружило существенные различия между ними (разный порядок букв, совершенно разная графическая основа алфавитов и др.). Эти различия настолько значительны, что исключают возможность изобретения этих двух алфавитов одним и тем же лицом или существование армянского источника для грузинского алфавита.

Положение о самостоятельной графической системе грузинского алфавита выдвинула Е. М. Мачавариани [Мачавариани, 1981].

Известная нам история грузинской рукописной книги восходит ко времени принятия христианства в качестве государственной религии в Грузии. Древнейшие дошедшие до нас рукописи являются фрагментами переводов Библии, агиографических сочинений, древнейших лекционариев и гомилиариев (многоглавов). Это естественно, поскольку каждый христианский народ, у которого имеется церковная письменность на собственном языке, начал ее с переводов Священного писания и богослужебных книг. Данное положение относится и к грузинской книжной культуре; оно подтверждается письменными свидетельствами и сохранившимися памятниками.

Из Жития Петра Ибера (XIII в.) мы узнаем, что в детстве, до того как он отправился в Византию (т. е. до 424 г.), «он с большим усердием читал Священное писание» [Памятники, 1967, с. 217]. Памятник V в. «Мученичество Шушаник» подтверждает, что к тому времени уже были переведены Евангелие, Псалтирь и «Книга святых мучеников» [Памятники, 1956, с. 20]. Не менее важным является тот факт, что в этом произведении часто приводятся цитаты из посланий апостола Павла и Псалтири. Указания на существование Священного писания на грузинском языке часто встречаются в исторических источниках, касающихся культурной жизни Грузии IV—V вв., например у грузинского историка XI в. Джуаншера [КЦ, 1955, с. 129—244]. Под этим, очевидно, подразумеваются переводы Библии или ее отдельных книг на грузинский язык. К началу VI в. относится «Завещание» св. Саввы, в котором говорится, что грузинам было разрешено читать в его монастыре Евангелие, Деяния апостолов и Псалтирь на своем языке [Кекелидзе, 1980, с. 38].

Сведения письменных источников о древнейшей грузинской литературе нашли полное подтверждение после того, как И. А. Джавахишвили в 1923 г. обнаружил и прочел ранние

палимпсестные тексты. Они имеют большое значение для изучения древнегрузинского языка, а также литературы, письменности и книжной культуры Грузии. На основании языковых данных и палеографического анализа графики палимпсесты датируются V—VI вв. Они содержат переводы Книги Бытия, Евангелия, апокрифических версий Деяний апостолов, агиографических сочинений и др. Благодаря им сохранились грузинские переводы древнейших (V—VI вв.) образцов церковной литературы [Джавахишвили, 1949, с. 274—316; Каджаиа, 1983]. Хотя палимпсестные тексты дошли до нас во фрагментарном виде и поэтому не дают возможности составить более или менее полное представление о грузинской рукописной книге этого периода, тем не менее с их помощью можно судить о графике, писчем материале и правилах технического оформления текста.

С начала V и до конца XVIII столетия книжная культура распространяется в Грузии в рукописном виде. Положение не изменилось даже после создания царем Вахтангом VI типографии в Тбилиси в 1709 г., так как в Грузии XVIII в. в силу внешнеполитической и внутренней обстановки не было соответствующих условий для распространения печатного дела.

* * *

Из рукописей, созданных на протяжении многовековой истории Грузии, лишь небольшая часть дошла до нас. Тем не менее сохранившиеся рукописи дали возможность современной грузинской филологической науке воссоздать пути развития грузинской письменности на протяжении всего средневековья.

В грузинских рукописях представлена как церковная, так и светская литература. Рукописи светского содержания пострадали значительно больше, так как монастырские и церковные библиотеки, состоящие, как правило, из книг духовного содержания, лучше сохранились, чем библиотеки светских лиц, в том числе и царей, где наряду с церковными должны были храниться и книги светского содержания. Не уцелела, например, ни одна царская библиотека даже конца XVIII в. В то же время сохранилось несколько монастырских хранилищ (хотя и в неполном виде), в том числе такие древние (известные с XI в.), как библиотеки грузинских монастырей на Синае, в Иерусалиме и на Афоне, существующие по сей день. Из ранних светских памятников до нас дошли тексты хроник.

По рукописным книгам можно судить о живом интересе грузинского общества к разным отраслям литературы (агиография, гимнография, аскетика, гомилетика, библиология, догматика, богословие, экзегетика, философия, каноника, полемика,

светская художественная литература, летописи, лексикология, грамматика, право, география, медицина, астрономия и т. д.).

В грузинской рукописной книге находят свое отражение все основные аспекты многовекового существования и развития грузинского народа: восприятие мира, нравственный облик нации, политическая жизнь, идеологическая борьба, культурная ориентация, национальное самосознание, развитие языка художественного слова. Потому книга и является наиболее явственным олицетворением грузинской национальной культуры.

* * *

Первые дошедшие до нас грузинские оригинальные литературные памятники были созданы в Картли. Это уже упоминавшийся шедевр грузинской художественной прозы «Мученичество Шушаник» (V в.). Впоследствии здесь появились такие выдающиеся творения грузинской литературы, как мученичества Евстатия Мцхетели (VI в.) и Або Тбилели (VIII в.). Расцвету грузинской письменности способствовало создание на территории Картли и Кахети в VI в. первых монастырских общин.

Грузия в то же время была тесно связана с ближневосточным христианским миром, откуда и переняла христианство, поскольку она стала участницей идеологической борьбы и историко-культурных процессов, протекающих на всем Ближнем Востоке.

Взаимоотношения со странами Ближнего Востока во многом обусловили пути развития грузинской письменности, ее содержание и направление на всем протяжении средних веков. Уже во второй половине V в. в Палестине творили два крупных грузинских мыслителя — Петр Ивер и Иоанн Лаз, оказавшие большое влияние на философское мышление средневековья. С именем Петра Ивера связано и строительство в Иерусалиме первого дома для приезжих грузин, что свидетельствует о паломничестве грузин в Палестину и о создании грузинской колонии в Иерусалиме уже в то время. В VI в. в грузинских колониях Палестины создаются центры грузинской письменности (монастырь св. Саввы и Палавра), где ведется интенсивная творческая работа, создается переводная и оригинальная грузинская литература. Здесь переводились и затем доставлялись в Грузию необходимые для грузинской церкви богослужебные книги: так, не позднее начала VII в. был переведен на грузинский язык «Иерусалимский лекционарий», здесь же переводились первые сборники по гимнографии и гомилетике.

Палестина и Сирия — этот многоязычный восточный регион византийской цивилизации, в которой утвердили себя и грузинские деятели, — жили своей богатой творческой жизнью и вносили свой существенный вклад в сокровищницу культуры.

С другой стороны, Картли, стремившаяся к политическим контактам с единоверной Византией, в целях освобождения от иранского владычества искала пути конфессионального и культурного сближения с Константинополем. Эти внешние политические факторы, безусловно, способствовали быстрому развитию грузинской переводной литературы после распространения христианства в Картли. Об этом свидетельствуют упомянутые выше палимпсесты, сохранившие множество образцов переводной литературы V—VII вв.

Об огромной роли монастырских центров в распространении грузинской литературы, развитии и совершенствовании грузинской книги можно судить, например, по Тао-Кларджети, где во всех монастырях (Ошки, Хахули, Шатберди, Опиза и др.) в IX—X вв. создаются крупные скриптории со своими собственными традициями. Здесь сказывается, конечно, и влияние сирийско-палестинских грузинских литературных центров — это касается как литературного стиля, так и оформления рукописной книги. Привнесенные извне и местные литературные традиции, переплетаясь, породили книжную культуру, свойственную именно скрипториям Тао-Кларджети. В этот период здесь творила блестящая плеяда грузинских писателей, ученых, художников, мастеров по оформлению книг, резьбе на камне и дереве и чеканке. В это же время достигает своей вершины художественная проза (о чем свидетельствуют Жития Григола Хандзтели и Серапиона Зарзмели). Сохранилось немало уникальных рукописных книг, донесших до нас художественно-стилистические особенности своей эпохи во всей полноте и разнообразии (Шатбердский сборник, тропологий Микаэла Модрекили, Пархальский многоглав, Адишское евангелие и др.).

Литературно-художественные центры Тао-Кларджети имели единую идейно-художественную направленность, но при этом каждому скрипторию были присущи и свои отличительные стилевые особенности. То же самое было характерно и для грузинских палестинских скрипториев IX—X вв. В обеих литературных школах наряду с развитием оригинального творчества велась интенсивная работа над переводами с греческого, сирийского, арабского, армянского языков. Переводилось все, что являлось общим достижением византийской и ближневосточной христианской культуры в разные времена и в различных ее отраслях. Цель с самого начала была ясной — при-

общить грузинскую культуру к новейшим достижениям литературы и науки.

Распространение и утверждение грузинских очагов письменности в Византии и на Ближнем Востоке имело и политическое значение, так как для Грузии, окруженной по большей части враждебными мусульманскими странами, христианство должно было служить оплотом в утверждении национальной самобытности и независимости.

С IX в. культурная ориентация Грузии несколько меняется: с палестинских культурных центров она смещается на собственно греческие. В Византии (на Олимпе, в Константинополе и Салониках) создаются первые грузинские небольшие монастырские общины (упоминание об этом имеется в Житии Иллариона Грузина). А со второй половины X в. на Афоне и в Константинополе появляются мощные христианские грузинские литературные и художественные школы. Вначале афонская школа питалась южногрузинскими традициями, и первые деятели этой школы происходили из Южной Грузии, однако очень скоро афонцы сблизились с константинопольскими научно-литературными центрами и скрипториями. Эталоном образованности теперь становится Константинополь со своими философскими и риторическими школами и большими монастырскими скрипториями. Со второй половины X в. Иверский монастырь на Афоне превратился в крупнейший центр грузинской научной мысли и письменности. Блестящие представители этой школы (Иованэ, Эптвимэ, Георгий, Теофилэ и др.) благодаря своей эрудиции, творческой деятельности и высокой гражданственности быстро завоевали авторитет не только на Афоне, но и в ученых кругах Константинополя и среди высокопоставленной византийской знати.

В X—XII вв. в зарубежных скрипториях Сирии, Палестины, Болгарии и в самой Грузии руководящая роль принадлежала афонской литературной школе.

Создание новых крупных скрипториев и литературных школ, расцвет в X—XII вв. грузинской литературы способствовали развитию грузинской рукописной книги, совершенствованию книжной техники, углубленному поиску новых художественных форм, развитию каллиграфического искусства — как в Грузии, так и за рубежом. Появляются замечательные мастера декоративного оформления книги и первоклассные художники-миниатюристы.

X—XII века занимают особо значительное место в истории развития грузинской рукописной книги — как церковной, так и светской. Искусство книги, как и грузинская научная и ху-

дожественная литература в целом, достигает к этому времени своего наивысшего расцвета.

Во время царствования Давида Строителя (конец XI — начало XII в.) тяжелая борьба грузинского народа против иноземных завоевателей завершилась успешно. С укреплением централизованной власти страна объединилась в сильную феодальную державу. В результате этого усилилось подчинение церковной организации верховной светской власти. В культурной жизни феодального общества возросла роль светской литературы, которая достигла своей вершины в классический период (XII—XIII вв.). Появился жанр рыцарского романа («Амиран-Дареджаниани»), создаются романтические произведения («Висрамиани»), оды («Абдул-Мессия» Шавтели, «Тамариани» Чахрухадзе).

Наиболее совершенным образцом классической грузинской литературы этой эпохи является гениальная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Творчество Руставели оказало огромное воздействие на все последующее развитие грузинской литературы.

Начиная с XI в. происходит расцвет грузинской историографии. Создаются исторические произведения, отвечающие интересам усиливающейся царской власти (сочинения Леонти Мровели, историка царя Давида Строителя, историков царицы Тамар). Эти сочинения в XII в. включаются в сборник «Картлис Цховреба» («История Грузии»), пополняемый в последующее время.

В классический период грузинской культуры на грузинский язык переводились и лучшие памятники восточной и западной литературы.

Однако тяжесть монгольского ига (XIII—XIV вв.), частые опустошительные нашествия персов и турок (XV—XVIII вв.), распад централизованной монархии и внутренние феодальные раздоры привели к утрате государственного единства Грузии и упадку ее культуры. С XVII в. в связи с некоторым оживлением политической и экономической жизни наблюдаются признаки пробуждения культурной жизни страны. Развертывается деятельность видных писателей и поэтов, в творчестве которых большое место занимает патриотическая тема (Иосеб Тбилели, описавший в «Дидмоуравиани» трагическую историю Георгия Саакадзе, Теймураз I — автор «Мученичества царицы Кетеван», ряда лирических стихов и переводов персидских поэм: «Лейл-Маджнуниани», «Иосиф-Зилиханиани» и др.).

С возникновением и расцветом грузинской светской литературы появляется и развивается и «светская» рукописная книга.

В XVI—XVIII вв. создаются исторические хроники и труды, правовые памятники, научные сочинения в области медицины, астрологии, химии, географии, труды энциклопедического и мемуарного характера, дошедшие до нас в виде рукописных книг.

* * *

Что из себя представляли, как выглядели и каким образом были составлены грузинские рукописи? Какие изменения претерпели они на протяжении веков?

Грузинские рукописи выполнены письмом трех видов. Рукописи V—XI вв. писаны письмом *асомтаврули* (маюскул). Равномерное распределение букв одинаковой высоты, чередование букв кругообразного очертания с вертикальными, вписанными в рамки квадрата, создают впечатление монументальной гармоничности. Строки воспринимаются как орнаментальные полосы.

Рукописи, выполненные письмом *нусхури* (минускул), встречаются с IX по XIX в. Письмо нусхури является графическим развитием асомтаврули, но приобретает новые стилистические особенности. Декоративное очертание букв выходит за рамки квадрата и распределяется между четырех строк, получая наклон вправо. Изменения же в начертании букв продиктованы стремлением к скорописи.

В XI—XIII вв. в канцеляриях применялось канцелярское строчное письмо *мдиваимцигнобрули*, которое являлось переходным от нусхури к современному письму *мхедрули*. Последнее окончательно сформировалось к XIV в. и употребляется по сей день.

Древнейшая дошедшая до нас грузинская рукописная книга, которая по языковым признакам датируется VII в., — это так называемый «Ханметный лекционарий» — литургический сборник древнейшего типа. В данное время она хранится в библиотеке университета г. Граца (Австрия) [Шанидзе, 1944]. Листы рукописи имеют маленький формат, текст выполнен письмом асомтаврули; на каждой странице помещено 10—12 строк. Данная рукопись подтверждает существование определенных орфографических правил. «Ханметный лекционарий» и более поздние рукописи позволяют составить приблизительное представление о внешней стороне древнейших грузинских рукописей.

Для размежевания слов в рукописях употреблялись разделительные знаки. В древнейших грузинских памятниках зафиксировано также употребление знаков препинания. В качестве разделительных знаков и знаков препинания использо-

вались точка, двоеточие, троеточие и шеститочие, запятая; вопросительный и восклицательный знаки вошли в употребление относительно поздно. В упорядочении систем разделительных знаков и знаков препинания особую роль сыграли Георгий Святогорец (XI в.), Ефрем Мцире (XI в.) и Антон Багратиони (XVIII в.) [Джавахишвили, 1949, с. 144—148; Каджаиа, 1963, с. 67—83; Каджаиа, 1965, с. 33—44].

В XI—XII вв. в рукописях с комментариями для связывания последних с основным текстом нередко употребляются условные знаки. Такого рода знаки часто встречаются в произведениях с экзегетическим содержанием, и, видимо, они заимствованы из греческой письменности через переводные произведения [Каджаиа, 1969, с. 32—50].

Из палимпсестных текстов V—VIII вв. и рукописей IX—X вв., из эпиграфических памятников V—X вв. и исторических документов XI—XII вв. (исторические документы сохранились лишь с XI в.), как и из более поздних рукописей, становится известным, что в целях экономии писчего материала и облегчения работы прибегали к сокращению слов посредством титла. Количество сокращенных слов находится в прямой связи со временем составления памятника — в ранних памятниках слова сокращались реже (nomina sacra, союзы, местоимения), в дальнейшем же число сокращенных слов постепенно возрастало. Число сокращаемых слов определялось характером переписываемого памятника. К евангелиям и другим каноническим текстам переписчики относились с бо́льшим почтением и реже прибегали к сокращениям [Чанкиева, 1974, с. 434—439].

Грузинские переписчики, а иногда и владельцы рукописных книг были знакомы с многими криптограммными системами. Уже в рукописях X в. подтверждается существование нескольких таких систем. До нас дошло шестнадцать систем тайнописи. Для нескольких из них использован принцип греческих криптограммных систем, остальные же грузинского происхождения.

В Грузии криптограммное письмо использовалось до конца XIX в. Криптограммы писались на обложках, на полях текста, на чистых страницах, в конце текста и в самом тексте, в конце статей и абзацев, а также в колофонах.

Криптограммами переписчики и владельцы рукописей писали свои имена, колофоны, загадки и ответы на них, письма и комментарии к тексту [Атанелишвили, 1982].

В качестве основного писчего материала в Грузии использовались пергамен и бумага [Джавахишвили, 1949, с. 31—40].
 Известно о существовании всего двух грузинских рукописей,

выполненных на папирусе, но они изготовлены за рубежом, в Палестине. Эти рукописи были привезены из Палестины известным русским ученым Порфирием Успенским. Одна из них, содержащая отрывки из Псалтири, в данное время хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Вторая рукопись относится к X в. и представляет собой сборник песнопений. Хранится она в Институте рукописей им. К. Кекелидзе в Тбилиси.

По-грузински пергамен обозначается словом *этрати*, восходящим к греческому τετράδιον, что означало «лист, сложенный вчетверо» (ср. рус. «тетрадь»). В грузинском же языке слово *этрати* приобрело значение кожаного писчего материала [Сургуладзе, 1978, с. 33].

Изготовление пергамена являлось особой отраслью ремесла. Грузинские переписчики четко отличали это дело от ремесел, связанных с изготовлением рукописных книг. Пергамен изготовлялся из телячьей, овечьей и оленьей кожи.

Сами переписчики обычно не владели ремеслом изготовления и обработки пергамена — его приобретали. Часто он доставлялся им заказчиками. Причем, видимо, он был довольно дорог, так как нередки упоминания о его дороговизне.

С конца X в. в обращение входит бумага, которая постепенно вытесняет пергамен. Иногда бумага частично использовалась и в пергаменной рукописи (например, рукопись X в. Синайской коллекции — рук. Sin 34 Ин-та рукописей АН ГССР).

Древнейшая датированная грузинская рукопись, выполненная полностью на бумаге, относится к 1091 г. (рук. Q-37 Ин-та рукописей АН ГССР). Бумага на грузинском языке обозначается словом *кагалди*. Этот термин — арабского происхождения, он указывает на путь проникновения бумаги в Грузию [Сургуладзе, 1978, с. 36].

До конца XV в. в Грузию ввозилась бумага, изготовленная на Востоке. Впоследствии более всего была распространена бумага итальянского происхождения. Можно предположить, что в небольшом количестве итальянскую бумагу ввозили и раньше. Например, рукопись № 329 Кутаисского историко-этнографического музея (XV в.) и рукопись А-547 Ин-та рукописей АН ГССР (XVI в.) переписаны на итальянской бумаге. Помимо итальянской в Грузию ввозилась французская и персидская бумага.

Наличие в грузинском языке терминов, связанных не с производством бумаги, а лишь с ее вторичной обработкой, указывает на то, что в Грузии бумага не изготовлялась. В большинстве случаев ее ввозили необработанной, в виде полуфабриката.

На месте производилась лишь конечная обработка бумаги (проклеивание, лощение) [Патаридзе, 1965, с. 45—56].

Проклеивание и лощение бумаги-полуфабриката происходило по мере надобности, в зависимости от специфики письма, от качества чернил и самой бумаги.

Проклеивали бумагу разными способами, распространенными на Востоке. Особенно часто для проклеивания применяли «яичную воду» (рук. S-3721 Ин-та рукописей АН ГССР), иногда ее обрабатывали мылом (рук. Н-1681 Ин-та рукописей АН ГССР).

Сведениями о деятельности переписчиков древнейших грузинских рукописей (V—VIII вв.) мы не располагаем. До нас дошли лишь плоды их труда — рукописи. Следует заметить, что переписка книги никогда не считалась механическим трудом. Переписчиком текста, являющегося памятником духовной культуры, должно было быть лицо достаточно образованное.

Более поздние сведения о писцах содержатся в колофонах рукописей, в которых писцы указывают свое имя, а иногда даже описывают условия работы.

Во всех странах древней культуры, где письменность служила государственным, религиозным и культурным целям, профессия писцов пользовалась особым почетом. То же самое было и в Грузии. В Житии Иованэ и Эптвимэ (XI в.) рассказывается, что Эптвимэ с почтительностью и глубоким уважением относился к монаху Теопанэ, который был профессиональным писцом и получал деньги за свой труд, и это в то время, когда сам он, Эптвимэ, вел непримиримую борьбу против накопления имущества монастырскими братьями [Памятники, 1967, с. 77].

Из того же памятника известно, что среди монахов лишь писцы и чтецы имели право на покупку масла, чтобы ночью в келье зажигать свет [Памятники, 1967, с. 79].

Появление профессиональных писцов, вероятно, было связано с существованием царских, семейных и церковных канцелярий. Важную роль в подготовке мастеров-писцов должны были сыграть монастыри и церкви. Так как церковь имела монополию в сфере образования, что было общим явлением для всего христианского мира в период средневековья, отрасли ремесла, связанные с созданием рукописей, во многих странах развивались в церковной среде [Добиаш-Рождественская, 1930, с. 20; Романова, 1961, с. 84]. Это относится и к мастерству писцов.

Подлинник писцу мог доставить заказчик, но часто и сами писцы (особенно в монастырях) старались раздобыть их. Иногда в целях выбора подлинника переписчики странствовали по
 монастырям. Грузинские переписчики хвастались своей требо-

вательностью к оригиналам. Нередко они пользовались двумя или тремя рукописями в качестве подлинника. Для того чтобы одолжить рукопись, вступали в связи друг с другом даже очень отдаленные монастыри. Рукопись одного монастыря временно переносилась в другой. Из Жития Григола Хандзтели мы узнаем, что Григол послал некое лицо в Иерусалим с поручением привести в Грузию текст Типика монастыря св. Саввы [Памятники, 1963, с. 264].

Традиция разыскания лучших подлинников продолжается и в более поздние, тяжелые для государства и церкви времена. «Книга эта поступила из Греции», — гласит колофон рукописи XIV в. [Описание, 1946—1953, т. 3, с. 269].

Заказчик одной рукописи (рук. Q-897 Ин-та рукописей АН ГССР) отмечает, что текст был переписан со старого подлинника, добытого с большим трудом [Описание, 1957—1958, т. 2, с. 306].

Политические условия XVII—XVIII вв., замкнутость отдельных феодальных единиц, междоусобицы создавали неблагоприятные условия для контактов между отдельными культурными центрами. Поэтому часто писцы были вынуждены удовлетворяться некачественными подлинниками. Они обычно предупреждали об этом своих будущих читателей в колофонах. Переписчики нередко сетуют на неразборчивый и искаженный подлинник. Тот, кому удавалось достать достоверный и полный список, считался старательным писцом.

Выбор наилучшего подлинника был обязанностью переписчика. Лучшими и совершенными считались те списки, которые по своему содержанию, по древности, техническому и художественному оформлению удовлетворяли требованиям времени.

Как известно, Эптвимэ (X в.) и Георгий Святогорцы (XI в.), Ефрем Мцире (XI в.) и их ученики вложили немало труда в обогащение грузинской духовной литературы [Кекелидзе, 1980, с. 184, 234, 247—250]. Они заново перевели многие произведения, отредактировав их, и впервые перевели на грузинский язык большое количество памятников византийской литературы, до того неизвестных грузинскому читателю. Просвещенные грузинские переписчики правильно поняли и оценили заслуги названных деятелей. Они незамедлительно переписали и распространили по всей Грузии их литературное наследие; вместе с тем они старались заполучить автографы или их копийные списки и переписать без изменений.

Одна часть дошедших до нас рукописей является продуктом индивидуального труда, другая же часть создана группами ремесленников. О групповом изготовлении рукописей существует

много сведений. Эти сведения имеются, например, в колофонах и приписках к рукописям. Кроме того, терминология, связанная с созданием рукописей, дает нам представление о правилах распределения труда в скрипториях.

Если индивидуально работающему мастеру приходилось все делать самому, то в группе труд был распределен между ремесленниками — переплетчиками, писцами, художниками и др. Распределение труда иногда совпадало с узкой специализацией ремесла. Часто в колофонах рукописей упоминаются «подмастерья», исполняющие определенную часть работы. Иногда переписчики благословляют лиц, занимающихся лощением и склеиванием (т. е. обработкой бумаги). Вместе с ними трудились изготовители чернил и перьев.

В XV—XVIII столетиях существовали мастерские, где работали представители смежных, а также и отдаленных ремесел. Например, в одной душетской мастерской вместе работали повар, красильщик, сапожник, переписчик, портной и др. [Месхия, 1959, с. 328].

Особый интерес представляют те случаи групповой работы, когда переписываемый материал был заранее распределен между мастерами. Такое распределение труда способствовало росту производительности труда в мастерской. Как видно, правило распределения труда между переписчиками существовало в церквах и монастырях Грузии издревле. Во фрагментах «Ханметного лекционария», дошедшего до нас в первоначальном виде, можно выделить почерк двух переписчиков [Шанидзе, 1929, с. 321], а в Синайском многоглаве, переписанном в 864 г., выделяют семь почерков. Особенно большое число переписчиков принимало участие в составлении «Гулани», книги универсального литургического назначения большого объема. Такого рода сборник текстов для богослужения выработался довольно поздно, в XVII—XVIII вв. Одна из подобных рукописей создавалась одним лицом в течение 18 лет. Отсюда становится ясным, что если заказчик хотел получить рукопись вовремя, то он должен был привлечь к делу довольно большое число переписчиков (о чем говорится в одном из колофонов «Гулани», рук. Q-103 Ин-та рукописей АН ГССР [Описание, 1957—1958, т. 1, с. 120]).

Если в переписке текста принимала участие целая группа, то, естественно, ею должен был кто-то руководить. В средневековой Грузии учителем ремесла и руководителем группы ремесленников было одно и то же лицо. Это правило действовало и в среде писцов. Учитель назывался *модзгвари* («наставник»). Под его руководством в группе объединялись писцы, умеющие писать одним каллиграфическим стилем. По этой причине вы-

деление разных почерков в одной рукописи требует особой осторожности.

Обязанностью наставника группы были выбор и распределение среди членов группы материала для переписки. Он должен был следить за последовательностью и правильным расположением переписываемого материала, за надлежащим оформлением рукописей. Часто рядом с миниатюрами, на полях рукописей, встречаются приписки, видимо самого наставника, указывающие художникам место и содержание миниатюр.

Руководитель группы должен был распределять вознаграждение среди членов группы в соответствии с объемом и качеством проделанной работы. Он же должен был осуществлять общий контроль над членами группы.

Надо отметить, что колофоны к рукописям выполнялись самими наставниками, а иногда и заказчиками. В одних случаях наставники упоминают и других членов группы, в других только себя, вследствие чего создается впечатление, что переписчиком было одно лицо, тогда как в действительности над рукописью трудились два, три или несколько писцов, что подтверждает палеографическое изучение графики рукописей.

Переплетчик — он назывался *ммосвели* — сшивал отдельные тетради и переплетал целую рукопись. Наиболее древний термин, означающий переплет, — *самоси* («одеяние»). Для обозначения процесса сшивания тетрадей с XIV в. распространяется термин *казмва* («сшивать»). Возникновение этого термина было связано с обновлением и восстановлением старых и поврежденных рукописей.

Особо следует остановиться на художественном оформлении рукописной книги.

Грузинская средневековая рукописная книга богато украшена орнаментами (каноны, заставки, инициалы) и миниатюрами (отдельные изображения, сюжетные композиции). Оформление рукописной книги основывается на определенных художественных принципах. Общий характер оформления определяется развитием художественных форм и их композиционным взаимоотношением с каллиграфически исполненным текстом [Подобедова, 1972, с. 7].

Декоративная система грузинской рукописной книги на протяжении длительного исторического периода, с V по XVIII в., прошла определенные этапы развития, каждый из которых отличается своими характерными художественно-стилистическими особенностями.

Судить о раннем этапе развития грузинского книжного искусства, в частности V—VIII вв., мы можем лишь по неукрашенным рукописям (палимпсесты V—VI вв., «Ханметный лек-

ционарий» VII в.), в которых уже намечается тот характерный для оформления рукописных страниц композиционный строй, который в последующие века стал традиционным.

В качестве первых образцов декоративного убранства грузинской рукописной книги мы можем назвать Адишский (897 г.), Бертский (988 г.) и первый Джручский (940 г.) четвероглавы. Выполнены эти рукописи в Южной Грузии, в Шатбердском монастыре, с высоким художественным мастерством, что, бесспорно, свидетельствует о существовании более ранних образцов художественно украшенных книг, не дошедших до нас [Шмерлинг, 1979].

С X в. происходит формирование отдельных декоративных элементов текста (заставок, инициалов, канонов), определяется общая декоративная система рукописи. В XI в. принципы художественной архитектоники, иконографические нормы отдельных сцен и изображений вполне узаконены. Художественное оформление рукописи продумано в соответствии с составными частями текста, с его содержанием. Украшение подчеркивает внутреннее построение текста.

Бóльшая часть из дошедших до нас иллюстрированных рукописей — церковного содержания, в основном четвероглавы. Пергаменные украшенные рукописи датируются IX—XV вв., иллюстрированные рукописи на бумаге встречаются с XII в., например творения Григория Богослова, Астрономический трактат (см. рук. А-109 и А-65 Ин-та рукописей АН ГССР).

Грузинская миниатюрная живопись дает возможность определить отдельные художественные школы, выявить те культурные связи, которые существовали между художественными кругами Грузии, с одной стороны, и Византии и Востока — с другой. При сравнительном художественном анализе чрезвычайно важно выдвинуть на первый план национальные особенности, проявляющиеся в иконографии или в стиле, в рисунке орнамента, в колорите или в технике исполнения.

В XI—начале XIII в. в зарубежных грузинских монастырях мастера-грузины блестяще освоили технические навыки византийской книжной живописи. Как уже говорилось, множество памятников переводилось с греческого и грузинские мастера имели возможность ознакомиться с украшенными византийскими оригиналами. В убранстве грузинской рукописной книги использовались некоторые образцы византийского книжного орнамента, многослойная техника живописи. Для грузинской миниатюрной живописи начиная с XI в. характерны два основных направления: рукописям «народного» направления (например, Урбнисский, I Джручский, Пицундский четвероглавы) можно противопоставить «византизированные» «па-

радные» рукописи (например, Ванский, Лабскалдский, Гелетский четвероглавы). Первое направление характеризуется сочетанием нежных акварельных красок, в общей колористической гамме участвует и цвет пергамена. Особое внимание уделяется графическому рисунку, тонкому контуру, выполненному киноварью, охрой или коричневой краской. В орнаментальном рисунке художники заимствуют мотивы золотого шитья, каменной или деревянной резьбы.

В украшении рукописей «парадного» направления применяются живописная техника письма, интенсивные, непрозрачные краски. Особое место в колорите занимает золото. Золото на киноварной прокладке обрисовывает орнаментальный рисунок, контуры инициалов, отдельные детали. Золотом выполнен фон в сюжетных композициях. Следует отметить технику живописи одной уникальной рукописи — Моквского евангелия, датированного 1300 г. Многочисленные миниатюры этой рукописи писаны на золоте.

Декоративная система грузинских рукописей классического периода (XI—XIII вв.) имеет ряд особенностей, характерных именно для художественного украшения грузинской рукописной книги.

Художественная композиция четвероглавов, например, тесно связана с грузинскими художественными традициями. Так, при подборе композиций титульного листа художник ориентировался на росписи грузинских храмов. Фронтисписы грузинских четвероглавов, которые по иерархическому принципу соответствуют росписям высшей зоны — куполу, изображают композиции, характерные для декоративной системы грузинских церквей, а именно Крест или Деисус (в византийских храмах купол занимает изображение Христа или Вознесение) [Лазарев, 1972].

Художественная форма креста, изображенного на титульном листе рукописи, также повторяет очертания крестов, установившихся в архитектурных планах грузинских церквей крестово-купольного типа и в фасадной орнаментике, хронологически следуя их формоизменениям.

Традиции рукописей «народного» направления, истоки которых восходят к тао-кларджетской художественной школе IX—X вв., продолжают существовать на протяжении веков.

Первая дошедшая до нас лицевая рукопись светского содержания относится к XII в. — это «Астрономический трактат» [Алибегашвили, 1974, с. 110—112]. Большинство лицевых рукописей позднего времени (XV—XVIII вв.) также светского содержания. Многие из них содержат переводы с персидского языка. В их оформлении наблюдается усилившееся иранское

влияние. Однако стремление сохранить самобытные национальные традиции прослеживается и в миниатюрах рукописей этого периода, см., например, Псалтирь (XV в.), «Зилиханиани» (XVI в.), «Витязь в тигровой шкуре» (XVII в.), «Висрамиани» (XVIII в.) — все из фондов Ин-та рукописей АН ГССР — и др.

Характерными чертами грузинской миниатюрной живописи на протяжении веков являются подчеркнутая линейная выразительность, полная динамики контурная линия, для которой характерны чувство умеренности, ясность восприятия и четкость орнаментального рисунка, что присуще и его отдельным элементам.

В создании декоративного оформления древнегрузинской рукописной книги важная роль принадлежит и переписчику. Согласно его вкусам происходит распределение столбцов на страницах текста, подбор чернил, применение киновари. Переписывая текст, он предусматривает место для орнаментального оформления и для сюжетных композиций. Часто тесная связь орнаментального декора с текстом позволяет нам идентифицировать переписчика с художником. Многие грузинские рукописи украшались самим переписчиком (см.: Иенашский четвероглав, Тропологий Микаэла Модрекили) [Мачавариани, 1976].

Миниатюры грузинской рукописной книги представляют собой преимущественно иллюстрации к тексту. Есть случаи, когда отдельные изображения и сцены (например, сцены из народного эпоса или символы месяцев) с декоративной целью включены в каноны или в заставки рукописи. Композиция титульного листа, портреты заказчиков и отдельные сцены из евангельского цикла занимают всю страницу рукописи, и при подробном иллюстрировании текста миниатюры включены непосредственно в текст (см. II Джручское, Гелатское, Моквское евангелия).

В грузинских рукописях даны преимущественно изображения авторов текста (в четвероглавах — портреты евангелистов). Встречаются портреты заказчиков, но изображения переписчиков и художников крайне редки, они представляют исключение (см. рукопись XVII в. «Витязь в тигровой шкуре» Мамуки Тавакарашвили — рук. Н-599 Ин-та рукописей АН ГССР).

В декоративном оформлении рукописной страницы огромное внимание уделяется ее цветовому решению. Скромная по орнаментальному убранству рукописная страница характеризуется применением киновари. Киноварь употреблялась для написания заглавных букв, заглавий, отдельных строк в тексте. Ее часто использовали и в миниатюрах в качестве фона и в качестве цветовых акцентов. Киноварь заполняет орнаментальный

 фон рисунка.

Богатство оформления рукописи миниатюрами, орнаментальным декором или чеканным окладом зависело от возможностей заказчика. Например, богато украшенный Ванский кодекс (рук. А-1335 Ин-та рукописей АН ГССР) выполнен по заказу царицы Тамар, Лабскалдский четвероглав — для царя Давида Нарина, рукопись поэмы Шота Руставели, украшенная золотыми бордюрами, — для царя Георгия XI и т. д. Средневековые рукописи зачастую украшались чеканными окладами. Например, известны великолепные работы чеканных дел мастеров из Южной Грузии Бека и Бешкена Опизари. Выполненные ими оклады сделаны из позолоченного серебра (см. Цкароставский четвероглав — рук. Q-907, Бертский четвероглав — рук. Q-906).

По дошедшим до нас сведениям, рукописная книга имела очень высокую цену. В XI в. переписка книги средней величины стоила 15 золотых дукатов. В Житии Иованэ и Эптвимэ Святогорцев сообщается, что монах Теофанэ переписал книги общей стоимостью более 1500 серебряных драхм [Памятники, 1967, с. 90]. Судя по сведениям того же памятника, за 340 драхм можно было купить небольшой монастырь.

Распространение бумаги способствовало снижению цен на рукописи. Заказчик одной рукописи, переписанной в XVII в., сообщает, что некий архиепископ Антон уплатил 25 серебряных монет переписчику Лазарю [Описание, 1953, с. 129]. Во второй половине XVIII столетия рукопись в 700 страниц была продана за 7 туманов, т. е. переписать одну страницу стоило 10 коп.

Несмотря на дороговизну, желающих купить рукописные книги было много. Книги становились объектом оживленной торговли. По данным документа 90-х годов XVIII в., Евангелие стоило 2 тумана, Псалтирь — 3 миналтуна (серебряная монета), «Категорий» — 1 туман, «Логика» — 2 тумана, «Витязь в тигровой шкуре» — 2 тумана, судебник — 12 миналтунов и т. п. Все эти книги были из библиотеки Игнатия Туманишвили [Материалы, 1955, с. 257].

Часто книгу, похищенную врагом, выкупали на чужеземном рынке, «освобождали» ее «из плена» и возвращали на родину.

Во время создания книги принималось во внимание ее назначение. Отдельные любители книги не расставались с ней даже в путешествиях и походах. И некоторые книги писались для того, чтобы носить их с собой.

Известно, что у Давида Строителя (1089—1125) имелась передвижная библиотека. Книги для такого рода библиотеки должны были быть подходящего формата и удобными для пользования.

Книги изготовлялись для служителей церквей и монастырей или для книгохранилищ. Большинство книгохранилищ находилось в монастырях, церквах, при царских или феодальных дворцах.

Вынос книг из монастырских книгохранилищ был воспрещен. Желающие могли прочесть книгу только на месте. Книгу разрешалось выносить лишь с целью переписки.

Особенно богатыми были библиотеки Мцхетского кафедрального собора, монастырей Давида Гареджи и Гелати, а также в очагах грузинской культуры за пределами Грузии (в Иерусалиме, на Афоне и Синае) [Менабде, 1962—1980].

В больших библиотеках имелся список хранящихся там книг. Акад. Н. Марр обнаружил на обложке одной синайской рукописи пергаменный палимпсест. Это был отрывок составленного в X в. каталога книгохранилища какого-то монастыря. В этом отрывке упоминаются 22 названия. Некоторые из книг были переписаны в двух или трех экземплярах. Поэтому количество рукописей составляет 52 единицы [Марр, 1903, с. 45], но этот отрывок не может дать полную картину об общем количестве книг этого монастыря.

По подсчетам И. А. Джавахишвили, имеются указания о 230 рукописях, хранившихся в X—XII вв. на Афонской горе. Однако эти сведения неполны и не отражают реальной картины [Джавахишвили, 1949, с. 84—86]. Во второй четверти XVIII в. книгохранилища Афонской горы посетил В. Барский, по словам которого в хранилище грузинского монастыря было больше книг, чем в библиотеках всех других афонских монастырей. Здесь было собрано более 3000 рукописей, как грузинских, так и греческих и латинских [Барский-Палка-Албов, 1793, с. 591—592].

Выше уже отмечалось, что грузинские книгохранилища — как за пределами Грузии, так и в особенности в самой стране — понесли большие потери во время вражеских нашествий и других невзгод. От древних богатейших хранилищ осталась лишь малая часть их содержимого.

Наряду с монастырскими и царскими книгохранилищами существовали и семейные книгохранилища. В просвещенных семьях книги собирали и число их старались умножать. Таким образом создавались семейные книгохранилища, которые имеют определенное значение для изучения древнегрузинской литературы, истории, очагов культуры. Сведения о книгохранилищах такого рода относятся к позднему периоду — к XVIII—XIX вв. [Гачечиладзе, 1973, с. 165—172; Гачечиладзе, 1975 (I), с. 119—130; Гачечиладзе, 1975 (II), с. 145—150].

В отличие от монастырских и царских книгохранилищ у семейных библиотек была своя специфика. Их основатель, мастер-каллиграф или рядовой переписчик, старался обогатить свою коллекцию собственноручно переписанными рукописями. Семейные книгохранилища в отличие от монастырских и царских были более доступны для широкого читателя.

Семейные книгохранилища часто создавались в тех семьях, где переписка книг была наследственным ремеслом. В каждой семье каллиграфов были выработаны свой собственный стиль и своя манера письма. Так создавались в Грузии известные каллиграфические школы Чачикашвили, Месхишвили, Бедисмцерлишвили и др.

Выше уже говорилось, что начало книгопечатания в Грузии относится к первым годам XVIII в. (в 1709 г. в Тбилиси Вахтанг VI основал грузинскую типографию). Книгопечатание на грузинском языке было организовано в те же времена и в Московской типографии царем Арчилом.

В этих типографиях кроме богослужебных книг были напечатаны «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, книги учебного и научного содержания, библейские книги. Однако их печатная продукция не могла удовлетворить требований своего времени. Переписка грузинских книг продолжается вплоть до XIX столетия, когда широкое развитие грузинского книгопечатания как в самой Грузии, так и в России окончательно вытесняет рукописную книгу.

В настоящее время древнегрузинские рукописи хранятся во многих хранилищах мира. Самым крупным из них является Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР. В фондах Института — до 10 тыс. рукописных книг, из них около 800 на пергамене, 4500 листов древнейших палимпсестных фрагментов. Институт закончил составление подробного описания своих фондов. Уже вышло из печати свыше 20 объемистых томов [Описание, 1946—1953; 1959—1973; 1954—1980; 1957—1958]. Сейчас институт приступил к описанию зарубежных коллекций. Издано два тома описания синайских рукописей [Описание, 1978—1979].

Древнегрузинские рукописи имеются также в Государственном историческом архиве Грузинской ССР, Государственной публичной библиотеке Грузии им. К. Маркса, Государственном литературном музее Грузии, историко-этнографических музеях Кутаиси, Местиа, Гори, Зугдиди, Гегечкори, Телави, Ахалцихе, Батуми и др. Описания некоторых из этих коллекций изданы.

Коллекции древнегрузинских рукописей имеются и в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина

в Москве, в Ленинградском отделении Института востоковедения, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в Матенадаране в Ереване.

Из зарубежных хранилищ следует в первую очередь отметить Иверский монастырь на Афоне (Греция), а также монастырь св. Екатерины на Синае (Египет), Иерусалимскую патриаршую библиотеку (Израиль), где хранятся чрезвычайно ценные по своей древности грузинские рукописи.

Грузинские рукописи имеются во Франции (в Парижской национальной библиотеке), в Англии (в Британском музее, библиотеке Кембриджского университета, Бодлеянской библиотеке), Ватикане, в Австрии (в Вене, Граце), Германии, Польше, Чехословакии, США и т. д.

Алибегашвили, 1974. — Алибегашвили Г. Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги XI—начала XIII в. Тб., 1974.

Атанелишвили, 1982. — Атанелишвили Л. А. Древнегрузинская тайнопись. Тб., 1982 (на груз. яз.).

Барский-Палка-Албов, 1793. — Пешеходца Василия Григорьевича Барского-Палки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 г. и оконченное в 1747 г. Ч. 2. СПб., 1793.

Гачечиладзе, 1973. — Гачечиладзе И. К. Об одной семье грузинских переписчиков и их деятельности. — Мацне. Серия языка и литературы. 1973, № 1 (на груз. яз.).

Гачечиладзе, 1975 (I). — Гачечиладзе И. К. Каллиграфическая деятельность Давида-ректора. — Мравалтави. 5. 1975 (на груз. яз.).

Гачечиладзе, 1975 (II). — Гачечиладзе И. К. Сообщения о частных книгохранилищах и их владельцах в Грузии. — Мацне. Серия языка и литературы. 1975, № 1 (на груз. яз.).

Джавахишвили, 1949. — Джавахишвили И. А. Грузинская палеография. Тб., 1949 (на груз. яз.).

Добиаш-Рождественская, 1930. — Добиаш-Рождественская О. А. Мастерские письма на заре средневековья и их сокровища в Ленинграде. Л., 1930.

Каджаиа, 1963. — Каджаиа Л. Р. Пунктуация в древнегрузинских рукописях (V—X вв.). — Вестник Института рукописей им. К. Кекелидзе АН ГССР. 5. Тб., 1963 (на груз. яз.).

Каджаиа, 1965. — Каджаиа Л. Р. Разделительные знаки в древнегрузинских рукописях (VII—X вв.). — Палеографические разыскания. 1. Тб., 1965 (на груз. яз.).

Каджаиа, 1969. — Каджаиа Л. Р. Условные знаки в грузинских рукописях с комментариями. — Палеографические разыскания. 2. Тб., 1969 (на груз. яз.).

Каджаиа, 1983. — Каджаиа Л. Р. Ханметные палимпсесты. Ч. 1. Тб., 1983 (на груз. яз.).

Кекелидзе, 1980. — Кекелидзе К. С. История древнегрузинской литературы. Т. 1. Тб., 1980 (на груз. яз.).

КЦ, 1955. — Картлис Цховреба (История Грузии). Т. 1. 1955 (на груз. яз.).

Лазарев, 1972. — Лазарев В. Система живописной декорации ви-

зантийского храма IX—XI вв. Византийская живопись. М., 1972.
Марр, 1903. — Марр Н. Я. Предварительный отчет о работах на Синае. — Сообщения Православного Палестинского общества. Т. 14, 1903.
Материалы, 1955. — Материалы по экономической истории Грузии под ред. Н. А. Берзенишвили. 3. Тб., 1955.
Мачавариани, 1976. — Мачавариани Е. М. К вопросу о разделении труда между переписчиком и художником при создании композиции рукописи. — Мравалтави. 5. 1976 (на груз. яз.).
Мачавариани, 1981. — Мачавариани Е. М. Графические основы грузинского алфавита. Тб., 1981 (на груз. яз.).
Менабде, 1962—1980. — Менабде Л. В. Очаги древнегрузинской литературы. Т. 1—2. Тб., 1962—1980.
Месхиа, 1959. — Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии. Тб., 1959.
Описание, 1946—1953. — Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Рукописи бывшего Музея Грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Т. 1—6. Тб., 1946—1953.
Описание, 1953. — АН ГССР. Кутаисский Гос. исторический музей. Описание рукописей. Т. 1. Сост. и подгот. к печати Е. Николадзе, под ред. проф. К. Кекелидзе. Тб., 1953 (на груз. яз.).
Описание, 1954—1980. — АН ГССР. Гос. музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Описание грузинских рукописей бывшего Церковного музея (коллекция А). Т. 1, 4. Тб., 1954—1980 (на груз. яз.).
Описание, 1957—1958. — АН ГССР. Гос. музей им. акад. С. Н. Джанашиа. Описание грузинских рукописей новой коллекции (коллекция Q). Т. 1—2. Тб., 1957—1958 (на груз. яз.).
Описание, 1959—1973. — АН ГССР. Гос. музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Описание грузинских рукописей бывшего общества распространения грамотности среди грузинского населения (коллекция S). Т. 1—7. Тб., 1959—1973 (на груз. яз.).
Описание, 1978—1979. — АН ГССР. Описание грузинских рукописей Синайской коллекции. Ч. 1—2. Тб., 1978—1979 (на груз. яз.).
Памятники, 1956. — Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Грузинский текст перевел, исследованием и примечаниями снабдил проф. К. С. Кекелидзе. Тб., 1956.
Памятники, 1963. — Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. 1. Тб., 1963 (на груз. яз.).
Памятники, 1967. — Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. 2. Тб., 1967 (на груз. яз.).
Патаридзе, 1965. — Патаридзе Р. М. К вопросу обработки бумаги в феодальной Грузии. — Палеографические разыскания. 1. 1965 (на груз. яз.).
Подобедова, 1972. — Подобедова И. О. Некоторые проблемы изучения рукописной книги. — Древнерусское искусство (рукописная книга). М., 1972.
Романова, 1961. — Романова В. Л. Некоторые вопросы организации производства рукописной книги во Франции XIII—XIV вв. Средние века. XIX. М., 1961.
Сургуладзе, 1978. — Сургуладзе М. К. Древнегрузинские палеографические термины. Тб., 1978 (на груз. яз.).
Шанидзе, 1929. — Шанидзе А. Г. Грузинские рукописи в Граце. — Известия Тифлисского университета. 9. 1929 (на груз. яз.).
Шанидзе, 1944. — Шанидзе А. Г. Ханметный лекционарий. Тб., 1944 (на груз. яз.).

Шмерлинг, 1979. — Шмерлинг Р. Художественное оформление грузинской рукописной книги IX—XI столетий. Тб., 1979.
Церетели, 1949. — Церетели Г. В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. — Эпиграфика Востока. 2—3. М.—Л., 1949.
Церетели, 1960. — Церетели Г. В. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тб., 1960 (на груз. яз.).
Чанкиева, 1974. — Чанкиева Ц. А. Правила сокращения в памятниках древнегрузинской письменности. — Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.

В. М. Платонов,
С. Б. Чернецов

ЭФИОПСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Письменность проникла в Эфиопию задолго до появления там книжной культуры. Обозримая эфиопская история восходит к I тысячелетию до н. э., когда семитоязычные переселенцы из Южной Аравии, смешавшись с местным кушитоязычным населением Африканского Рога, положили начало государственным образованиям, экономической основой которых было плужное земледелие террасового типа, а также торговля, морская и караванная. Считается, что южноаравийские переселенцы принесли с собою основы государственности и письменную традицию в виде сабейской эпиграфики. Оживление торговли и усиление связей с эллинистическим Средиземноморьем способствовали дальнейшему развитию централизации и появлению второго языка и начертаний «царских надписей» (о них см. ниже) — греческого. В начале нашей эры здесь возникло крупное царство с центром в Аксуме. К этому времени, по-видимому, относится и знакомство аксумитов с греческой книжной культурой: в «Перипле Эритрейского моря» упоминается царь «Зоскалес, дорожащий своим добром и стремящийся к его умножению, впрочем же, человек благородный, к тому же читающий и пишущий по-гречески» [Хрестоматия, 1979, с. 96].

Расцвет Аксума приходится на IV—VI вв., когда власть аксумских царей простиралась от Нубии на севере до вершин Эфиопского нагорья на юге и от Южной Аравии включительно на востоке до р. Атбара на западе. Поворотным моментом в развитии аксумской культуры явилось царствование Эзаны (первая треть IV в.). Он провел реформу письменности и ввел в качестве нового языка надписей наряду с сабейским и греческим эфиопский разговорный язык *геэз*, применительно к которому была изменена форма знаков сабейской письменности для обозначения не только согласных, но и гласных звуков. Впрочем, в самых ранних геэзоязычных надписях гласные еще не передавались. Так геэз стал письменным языком с направлением письма не справа налево, как в сабейском, а слева направо, как в греческом. Надписи стали высекаться уже на трех

языках: сабейском, греческом и геэзе — признак того, что геэз был признан официальным языком Аксумского царства.

Ко времени царствования Эзаны историческая традиция приурочивает и другую важную государственную реформу — принятие христианства — и видит доказательство этого в надписи Эзаны, которая посвящена уже не Арею и космической триаде богов, а «владыке небес». Эта надпись начинается словами: «Силою господа небес, победоносного на небесах и на земле. . .» — и кончается так: «Господь небес да укрепит мое царство. Как он ныне поборол для меня врагов моих, так да благословит он меня на всех путях моих, [и я буду править] право и справедливо, не делая народам неправды». И хотя Б. А. Тураев склонен был расценивать эту надпись не столько как христианскую, сколько как просто монотеистическую [Тураев, 1936, с. 249—250], христианство действительно было принято в Аксумском царстве в качестве государственной религии если не в царствование Эзаны, то, во всяком случае, вскоре после этого. Принятие христианства ознаменовало собою новый этап как в развитии аксумской культуры, так и в развитии письменности, и важность происшедших перемен не следует преуменьшать. Дело в том, что обычно в обзорах эфиопской литературы подобные геэзоязычные эпиграфические памятники, в особенности последняя надпись Эзаны, рассматриваются как своеобразные произведения переходного периода: в них видят, с одной стороны, продолжение древней сабейской традиции «царских надписей», а с другой — основу для будущего развития той средневековой христианской литературы, которая расцвела в Эфиопии впоследствии [Кобищанов, 1964, с. 185—186].

Вряд ли можно, однако, представлять себе процесс литературного развития как простую последовательную смену одной группы памятников другой. Рассмотрение «царских надписей» показывает, что при всей повествовательности своего содержания они являются прежде всего посвятительными надписями. Для древнего читателя эти надписи не столько содержали описание новых, неизвестных ему событий, сколько закрепляли резцом на камне хорошо известные в те времена сведения, установления и законы. Да и сама эта эпиграфическая письменность была доступна пониманию немногих представителей высшего жреческого сословия, искушенных в письменном языке и прекрасно осведомленных в государственных делах. Ясно, что задачей подобных надписей было вовсе не сообщение читателю каких-то неизвестных тому сведений, хотя для современных нам исследователей они и служат источником таковых.
 Эти надписи со своей отчетливо выраженной посвятительной

функцией предназначались не для простых смертных (равно как и троны, на которых они были начертаны), тем более что большинство их было к тому же неграмотно. Эти «божественные» письмена (а письменности всегда приписывалось происхождение божественное) предназначались и посвящались богам и мыслились как символическое преподнесение в дар богам результатов того или иного царского похода или завоевания.

Царь, приказывая высечь на камне описание своего победоносного похода (описаний неудачных походов не встречается!) с подробным и точным описанием всей захваченной добычи и покоренных областей, ставил этот камень, трон или стелу близ святилища бога, полагая, что бог, получив такой дар, будет в дальнейшем заботиться о сохранении этого приобретения. В свою очередь, царь заботился о сохранении своего дара, угрожая страшными карами разрушителю и всему роду его. Здесь письменность была не столько средством передачи информации, сколько средством преподнесения подобного дара, т. е. средством общественной магии, осуществлявшей постоянную связь между обществом в лице царя и богами.

То, что потребность в подобной связи ощущалась именно обществом, хорошо видно из последней монотеистической надписи Эзаны. Приняв христианство и совершив победоносный поход, царь не мог грубо нарушить древние установления и обычаи, в соблюдении которых и все его подданные, и его войско видели залог всеобщего благополучия в будущем. Эзана посвятил своему божеству два трона: один — в Мероэ, на месте своих побед, другой — в Шадо, близ Аксума, своей царской резиденции, мало заботясь о том, что это более соответствует старым, языческим представлениям, нежели новым, монотеистическим. Текст самой надписи составлен с большим тактом: если там нет имен языческих богов, то равным образом не упоминаются ни Троица, ни Христос, ни Мария. Единый бог упоминается лишь в эпитетах, весьма близких к многочисленным эпитетам языческих богов. Представляется, что эта надпись была намеренно отредактирована таким образом, что не только нынешние исследователи, но и современники Эзаны с равным основанием могли видеть в ней то, что больше соответствовало их собственным, возможно различным, представлениям.

Тем не менее проникновение христианства и принятие его с неизбежным при этом разделением власти на политическую в лице царя и духовную в лице церкви привело, в частности, к постепенному упадку, а впоследствии и полному исчезновению древней эпиграфической традиции. С введением христианства письменность утратила свою прежнюю функцию средства общественной магии, и хотя известны аксумские надписи

христианского периода, они свидетельствуют об упадке этого жанра, потерявшего свое общественное значение.

На смену аксумской эпиграфике пришла новая письменная традиция, литературная по своему характеру, книжная по форме и религиозная по содержанию. Ее составили произведения христианской литературы, главным образом богослужебного характера, в которых нуждалась развивающаяся эфиопская церковь. Новая христианская литература быстро росла главным образом за счет переводов с греческого и сирийского языков. Первоначально эти переводы делались почти исключительно сирийскими монахами, бежавшими в Аксум, когда в пределах Византийской империи началось преследование так называемых «монофизитов», т. е. христиан, признававших только одну природу Христа — божественную. Новая христианская письменность оказалась связанной с аксумской государственностью не менее тесно, нежели прежняя эпиграфическая, и периоды усиленной переводческой и литературной деятельности совпадают с периодами экономического расцвета и политического могущества Аксумского царства.

Первый такой период приходится на конец IV—начало VI в. В это время была переведена Библия. В основу эфиопского перевода Нового завета легла антиохийская редакция. Тогда же переводится и Ветхий завет, однако не сразу и не одним переводчиком. В этот период, видимо, был установлен и канон в 81 священную книгу, которые составляют эфиопскую Библию. В нее вошли и такие апокрифы, как Вознесение Исайи, Апокалипсис Ездры, Книга Юбилеев, Книга Еноха и др. Исследования текста эфиопской Библии показывают, что первая редакция библейских книг была осуществлена на основе греческого оригинала эллиноязычными сирийскими монахами, о чем свидетельствуют арамеизмы, проникшие как в тексты, так и в религиозную терминологию.

Второй период расцвета Аксума (конец VI—начало VII в.) ознаменовался развитием эфиопского монашества и появлением в этой связи переводов «Правил Пахомия», составленных известным монахом египетского Антониева монастыря, а также житий святых — Павла Фивейского и Антония Великого. Отголоском догматических распрей, раздиравших тогдашнюю церковь, явилось появление переводов сборников патристического характера вроде «Кирилла», представляющего собою собрание христологических и тринитологических трактатов, направленных против несторианства и составленных вскоре после Эфесского собора (431 г.). Главное место среди них занимает трактат «О вере православной» Кирилла Александрийского, именем которого назван и весь сборник. Тогда же был

переведен с греческого и такой любопытный бестиарий (сборник, посвященный описанию животных), как «Физиолог» — своеобразная естественнонаучная энциклопедия, соответствующая, разумеется, воззрениям той эпохи.

Таким образом, если от сабейцев аксумиты позаимствовали сначала язык и характер эпиграфики, а затем и основу для выработки собственных начертаний для своей геэзоязычной письменности, то у эллинистического мира они взяли направление письма слева направо, содержание литературы и книжную форму литературных произведений — форму кодекса. Правда, швейцарский востоковед А. Мец высказывал предположение, что кодекс является эфиопским изобретением, и, ссылаясь на Джахиза, писал: «Заманчиво было бы считать, что современная форма книги, сменившая античный свиток, пришла с Черного континента. Еще в VIII—IX вв. ислам имел традицию подобного рода. От чернокожих идут три вещи: тончайшие благовония, именуемые *галийа*, паланкин, называемый *н'аш*, лучше всего скрывающий женщин, и форма книги, называемая *мусхаф*, надежнее всего сберегающая ее содержание» [Мец, 1973, с. 357]. Однако при всей заманчивости такого предположения оно вряд ли справедливо. К сожалению, до наших дней не дошло ни одной рукописи аксумского периода. Да и сам этот блестящий период в истории Эфиопии остается для нас по большей части темным. Как писал Б. А. Тураев, «до самого XIV века история Абиссинии представляет ряд неразрешимых вопросов, незаполненных пробелов и хронологических несообразностей. Литературная традиция, сводящаяся к каталогам царей с сухими и редкими пометками о наиболее важных событиях, не подтверждается ничтожным количеством уцелевших эпиграфических памятников и только путем натяжек может быть согласована с современными событиям иностранными известиями. Мало того, существует несколько параллельных литературных традиций, взаимно друг друга исключающих. В таком печальном положении находятся источники всего аксумского периода» [Тураев, 1901, с. 158].

Самая древняя из сохранившихся эфиопских рукописей восходит к XIII в., и нам остается судить о древнейших рукописях по средневековым, полагаясь на консерватизм рукописной традиции. Средневековые же эфиопские рукописи наводят на мысль, что рукописная книга появилась в Эфиопии в виде пергаменного кодекса и что переход от античного свитка к пергаменному кодексу произошел, по-видимому, не на эфиопской почве. Это не означает, что эфиопской рукописной культуре неизвестна форма свитка. Однако в форме свитков существовали (и существуют по сей день) лишь рукописи

весьма специфического содержания — рукописные амулеты именно за эту свою форму и получившие в научной литературе характерное название «магических свитков».

Магические свитки при всем своем разнообразии и многочисленности стоят особняком среди прочих литературных произведений и обладают рядом специфических признаков, которые позволяют рассматривать их как особый род письменных памятников — магическую литературу [Тураев, 1916, с. 176—201; Чернецов, 1972, с. 139—144]. Они создаются ради той якобы охраняющей владельца свитка силы, которая «приписывается не столько чтению свитка, сколько его ношению и даже простому нахождению в помещении» [Крачковский, 1928, с. 163]. Внешний вид эфиопских магических свитков свидетельствует о том же: даже в древнейших из них поврежденными оказываются лишь внешний слой и края свитков. Следовательно, их не развертывали и не читали, а хранили в качестве амулетов или оберегов. Стоит заметить, что пергамен (особенно толстый и плохо выделанный) как писчий материал, хорошо сохраняясь в кодексах, был неудобным в свитках. Старые эфиопские свитки разворачиваются с трудом, нередко крошась и ломаясь при этом; читать их оказывается также трудно и неудобно.

Такая магическая литература, связанная с общей литературной традицией и все же отделенная от нее достаточно четкой гранью, литература нечитаемая и не предназначенная для чтения, представляет собой весьма характерное явление, живучее и широко распространенное в странах Востока. Содержание эфиопских магических свитков показывает, сколь велика и здесь была доля иноземных заимствований. Определенные признаки указывают на то, что заимствование происходило вполне «литературным» путем, т. е. путем перевода и переписывания произведений иноземной магической же литературы христианских стран Средиземноморья, этого постоянного источника обогащения литературы эфиопской.

Сказанное выше дает основание предположить, что эфиопские магические свитки явились таким же продуктом заимствования, как и рукописная культура книги вообще, заимствования, которое в дальнейшем получило свое широкое и оригинальное развитие уже на эфиопской почве. Можно предположить также, что если рукописная христианская книга появилась в Эфиопии в форме кодекса, то магический свиток появился в виде пергаменного свитка, каковую форму он сохранил и по сей день. Определенно и доказательно утверждать это невозможно, так как рукописи аксумской поры утрачены, по-видимому, безвозвратно, однако здесь можно надеяться на те ре-

зультаты, которые способно предоставить в распоряжение исследователя сравнение эфиопской рукописной традиции с традициями других христианских стран Востока, сравнение, до сих пор в широких масштабах не проводившееся.

Подобное сравнение могло бы немало дать и для выяснения истинного характера как эфиопской рукописной культуры, так и эфиопской литературы, которую нередко склонны считать «просто переводной» и «исключительно религиозной». Действительно, переводной характер эфиопской литературы, столь заметный в аксумский ее период, в значительной степени проявлялся на протяжении всего периода средневековья, длившегося в Эфиопии вплоть до конца XIX в. Это обстоятельство часто наводило исследователей на мысль о крайней несамостоятельности эфиопской литературы. И. Ю. Крачковский, например, начинает один из своих обзоров эфиопской литературы фразой: «Бедна оригинальными произведениями литература горной страны абиссинцев» [Крачковский, 1936, с. 3]. Такое мнение при всей его распространенности не вполне справедливо. При рассмотрении любой средневековой христианской литературы следует иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, принятие новой религии всегда означает восприятие и огромного культурного комплекса с присущими ему не только религиозными, но и философскими, идеологическими, правовыми и прочими представлениями, что сопровождается также и восприятием соответствующих произведений духовной культуры. Как в дохристианском Аксуме южноаравийская по своему происхождению религия породила эпиграфику, сходную по форме, содержанию и даже языку с южноаравийской, так и принятие христианства повлекло за собою усвоение новой литературной традиции, связанной уже с культурой Средиземноморья. Подобное явление следует рассматривать как закономерное.

Во-вторых, такое восприятие новых произведений духовной культуры никогда не сводилось к рабскому копированию. Относительно эфиопской культуры первым обратил на это внимание Э. Уллендорф: «То „присвоение“, которое мы прежде наблюдали в других областях эфиопской культуры, весьма заметно и в области литературной, и во вполне ощутимой форме. Многие произведения, которые пришли в Эфиопию из других языков, были „переведены“ в самом буквальном смысле этого слова: они были введены в самый дух и быт христианской Эфиопии, восприняты и трансформированы. Некоторые из них. . . подверглись такой степени переосмысления и усвоения, что в конечном своем превращении очень мало напоминают оригинал. Отношения между образцом и копией или моделью

и воспроизведением оказываются столь сложными, что потребуются самые детальные исследования (и кто знает, сколько диссертаций!), чтобы распутать эту сложную ткань» [Ullendorff, 1960, с. 137].

Постоянный процесс восприятия и усвоения как произведений духовной культуры иных стран, так и различных элементов той материальной формы, в какую эти произведения облекались, продолжался на протяжении всей истории эфиопской рукописной книги. Это заставляет нас иными глазами взглянуть на рукописную традицию (ее обычно представляют как неподвижную и неизменную) и постараться увидеть в ней появление, развитие и столкновение идей, которые в конечном счете не только создали эту традицию, но и постоянно поддерживали ее существование.

СОЗДАНИЕ ЭФИОПСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ

Изготовителями рукописей в Эфиопии были исключительно представители духовенства — священники, монахи и главным образом *дабтара*. Дабтара — это своеобразная, сугубо эфиопская разновидность белого духовенства, люди, получившие серьезное богословское образование в знаменитых монастырских школах, но не рукоположенные митрополитом ни в сан диакона, ни в сан иерея. Дабтара подвизались при церкви, пели и исполняли священные танцы внутри церковной ограды и при крестных ходах, сочиняли духовные стихи на литературном языке геэз, присутствовали на богослужении, но литургию не служили. В большинстве своем они были гораздо искушеннее священников как в богословии и литературе, так и в церковной музыке, танцах, стихосложении и книжном деле. Простой народ, а нередко и сами священники относились к ним с большим уважением, смешанным с суеверным страхом: знания и таланты дабтара, их прочная репутация сведущих начетчиков и грамотеев заставляла подозревать их в чернокнижии. Этот суеверный страх отразился в пословице:

kaənsəsā kafū damotrā
kasaw kafū dabtarā

Из животных худший — скорпион,
Из людей — дабтара.

Да и сами дабтара давали повод для этого, держась важно и таинственно; к тому же именно они писали и переписывали не только книги, но и магические свитки. Впрочем, суеверный страх только увеличивал уважение.

Книги изготовлялись и в монастырях теми же священниками и дабтара, которые, овдовев, уходили в монастырь. Нередко перепискою книг занимались и иеромонахи. Подобный подвиг благочестия высоко ценился среди братии. В больших монастырях, где грамотных и начитанных монахов было немало, появлялась и успешно развивалась собственная монастырская историко-литературная традиция. Помимо сочинения житий своих монастырских святых, здесь нередко составляли и истории обителей — произведения, представлявшие собою нечто среднее между монастырской летописью и патериком, в которых явственно чувствуется «монастырский патриотизм» их авторов [Тураев, 1906, с. 345—363]. Все это развивало у монахов вкус к историческому чтению и интерес к летописанию. В XVI в. появляются даже частные летописные записки монахов, где соседствуют изложения событий государственной и частной жизни: «И в 211 год благости пришли язычники и погиб царь наш Клавдий в битве вместе с аввой Иоанном и аввой Такла Махабаром и многими монахами в четверговую службу 27 магабита, и воцарился брат его. И в том же году умерла Гаэва. И еще сгорело в огне общежитие в Айда, и погибли одежды мои в огне» [Conti Rossini, 1918, с. 286]. Иногда такие записки неожиданно обрывались по вполне прозаической причине — «потому что не хватило пергамена».

Разделение труда было нехарактерно для средневековой Эфиопии, и обычно эфиопские книжники сами выделывали пергамен и сами делали чернила и краски. Для царской канцелярии, разумеется, все письменные принадлежности изготовлялись специальными мастерами при дворе, и царский канцлер («записыватель приказов»), обычно выполнявший также и обязанности царского историографа, пользовался готовым пергаменом, чернилами и красками. Определенный запас пергамена и чернил имели также и крупные монастыри, которые при отсутствии городов в Эфиопии являлись не только религиозными, но также и культурными, литературными и художественными центрами. И тем не менее эфиопские книжники проявляли известную нелюбовь к «чужому» пергамену и чернилам. Любой из них умел выделывать пергамен, изготовлять чернила и *каламы*, для чего имел собственные инструменты и собственные рецепты, которых твердо придерживался. Поэтому, как правило, эфиопская рукописная книга от начала ее изготовления и до конца была делом рук одного человека. Нередко даже орнаментальные заставки и книжные миниатюры принадлежали перу и кисти того же писца, который писал и текст.

Рукописные книги исключительно высоко ценились образованными людьми в средневековой Эфиопии, и прежде всего,

конечно, самими изготовителями. Хронисты рассказывают, что, когда в XVI в. страна подверглась опустошительному мусульманскому нашествию и фанатичные *муджахиды* (борцы за веру) жгли церкви и монастыри, монахи бросались к своим книгам в горящие храмы и гибли, «как мотыльки», по выражению мусульманского историографа той поры [Basset, 1897, с. 312—313].

Несмотря на то что книги в Эфиопии и продавались, и покупались (хотя чаще всего обменивались), они так и не стали массовым товаром. Как и повсюду на средневековом Востоке, к рукописным книгам в Эфиопии относились с исключительным уважением и пиететом.

Это и определяло отношение к книге в стране (благоговейное со стороны христиан и непримиримо-враждебное со стороны мусульман), и отношение книжников как к своему произведению, так и к самому производству его.

Изготовление рукописной книги почиталось благочестивым, богоугодным делом. Начиналось оно с изготовления пергамена, чем занимались, как правило, только священники и дабтара, диаконы допускались лишь в качестве учеников и подручных. Впрочем, это обстоятельство объясняется не только благоговейным отношением к книге и всему, что с нею связано, но также и тем, что диаконами в Эфиопии обычно бывали мальчики 12—15 лет, слишком юные для самостоятельного выполнения столь важного дела. Пергамен в Эфиопии делался из кож ягнят, козлят, телят и др.

Лучшим материалом для изготовления пергамена считалась кожа ягненка. Пергамен из нее отличался мягкостью и белизной. Пергамен из козлиной кожи получался темнее по цвету, толще, но и прочнее. Тоньше и мягче был пергамен из телячьей кожи.

Белизной, толщиной и прочностью отличался пергамен из кожи жеребят. Животное, из кожи которого выделывали пергамен, ни в коем случае не должно было быть хорошо откормленным, ибо чернила на пергамене из кожи жирного животного расплывались. Поэтому для приготовления пергамена из кожи лошадей выбирали истощенных кляч и резали их в сухой сезон, с января по март, когда этих животных можно было купить за бесценок. Последнее обстоятельство, а также величина лошадиной шкуры сыграли не последнюю роль в широком распространении пергамена из лошадиных шкур в единственном эфиопском средневековом городе Гондаре, в особенности в XVIII—XIX вв., когда культурная жизнь в этом городе переживала свой расцвет и потребность в пергамене была велика.

Животных, предназначенных на убой с целью выделки пергамена, еще живыми тщательно мыли и резали с осторожностью, чтобы не запачкать шкуры кровью или содержимым желудка, оставлявшими несмываемые пятна. Затем шкуру растягивали на деревянной раме и специальным железным скребком освобождали от шерсти с внешней стороны и мездры с внутренней. Затем кожа отмывалась начисто и последние остатки шерсти и мездры удалялись пемзой. В старые времена после пемзы кожа еще отглаживалась тончайшим песком.

После такой обработки пергамен на раме ставился на просушку в тень. Время от времени мастер увлажнял его, регулировал степень натяжения пергамена на раме. Через день-два пергамен готов, и его можно раскраивать. Есть сведения, что при необходимости пергамен можно было изготовлять не только из свежеснятых, но и из старых шкур и кож; правда, их приходилось предварительно долго вымачивать в воде. Однако в этом случае пергамен все равно получался плохой, непрочный, желтоватого оттенка и с пятнами.

Раскраивался пергамен в зависимости от формата будущей книги. Пергамен линовался при помощи бамбуковой линейки и специального шила с тупым концом. Всякий мастер имел два шила: одно — с тупым концом, для того чтобы размечать листы и строки, выдавливая им линии на пергамене; другое — с тонким и острым концом — для прокалывания листов. Разрезанные уже листы линовались вновь для обозначения размеров сначала полей, затем колонок и строк будущего текста. Крайние концы строк обозначались проколами острого шила, маркируя и границу полей. Несмотря на дороговизну пергамена, поля обычно делались довольно широкими, чтобы предохранить текст от прикосновения пальцев читающего. Затем шилом с тупым концом проводились вертикальные линии, разграничивавшие колонки текста. Количество колонок варьирует от двух до четырех в зависимости от размера книги. Лишь очень маленькие книжечки писались в одну колонку. Четыре колонки можно встретить тоже нечасто, как правило, в объемистых сочинениях хронографического характера, таких, как «История» ал-Макина, которого эфиопы обычно называют Гиоргисом Вальда Амидом, опуская его арабское прозвище. Библия, синаксарь (сборник житий святых) и богословские трактаты чаще всего писались в обычные три колонки. Средняя ширина колонки — четыре пальца (ок. 8 см), расстояние же между колонками — от 1 до 2,5 см. Следующий этап работы — соединение тем же шилом линий проколов, обозначающих расстояние между строками. Общепринятого расстояния между ними не было, все зависело от вкуса и почерка писца. Здесь, однако,

прослеживается любопытная закономерность: число строк на странице всегда при разлиновке делалось нечетным, так как, по поверью, четное число строк способно было принести несчастье владельцу книги.

Такая разлиновка листов тупым шилом производилась с внутренней — которая прилегала к мясу животного — стороны пергамена. В результате на этой стороне появляется вдавленная линия, а на внешней стороне, откуда была удалена шерсть, — выпуклая, что избавляет от необходимости разлиновывать другую сторону пергамена. Любопытный факт: писцы, работая даже с превосходно выделанным пергаменом, умудрялись совершенно точно определять по некоторым известным им признакам его стороны.

Раскроенные, разрезанные и разлинованные листы сшивались в тетради, состоящие из четырех или пяти двойных листов, отчего эти тетради имеют 16 или 20 страниц. Они называются *тэраз*.

Последним этапом обработки пергамена (этапом, который менее тщательные мастера иногда опускают) является полирование страниц специальным инструментом, называемым *мэдмас*. Он представляет собой округлой формы кусок обожженной глины особого сорта и служит для разрушения плотного и гладкого слоя — эпидермиса, который может сохраниться на внешней стороне пергамена, несмотря на предварительную обработку мягкой пемзой. Этот слой не впитывает чернил, и они растекаются. Хороший мэдмас весьма редок, и писцы зачастую обходятся обыкновенным керамическим черепком. Впрочем, керамика не должна быть слишком твердой, так как в этом случае поверхность пергамена становится чересчур шероховатой и впитывает чернила, как промокательная бумага. После этой заключительной процедуры тетрадь готова для письма.

Чернила эфиопские книжники, как говорилось выше, изготовляли обычно сами, и каждый писец имел свой излюбленный рецепт их приготовления. Эфиопский способ приготовления черных чернил значительно отличается от европейского потому, что чернильный орешек, этот основной компонент европейских чернил средневековья, неизвестен в Эфиопии. Обычный рецепт эфиопских чернил включает в себя восемь красящих компонентов: 1) обыкновенная сажа, собираемая с кухонной посуды; 2) сожженные и перетертые листья растения *Dodonea viscosa*; 3) сожженные и перетертые листья растения *Osyris abyssinica*; 4) жженая и перетертая кора горного бамбука (*Arundinaria elpina*); 5) сожженные и перетертые листья растения *Entada abyssinica*; 6) жженый и растертый в порошок бычий рог; 7) жареные семена нуга (*Guizotia abyssinica*), пропа-

ренные и растертые; 8) камедь эфиопской акации (*Acacia abyssinica*).

Все эти компоненты дают цвет, но хорошие чернила должны быть и блестящими. Для придания чернилам блеска использовалась мякина ячменя, пшеницы или плевела, но наилучший эффект дает, как считается, мякина дагуссы (*Eleusine coracana*). Мякину слегка поджаривают и затем варят. После этого ее замешивают с водою и тщательно перемешанным и растертым в ступке чернильным порошком, состоящим из восьми вышеперечисленных компонентов, и оставляют в теплом месте бродить. Уже через три месяца чернила готовы к употреблению, но автор этого рецепта предупреждает, что по-настоящему хорошего качества чернила можно получить лишь через шесть месяцев [Хабте Марьям Воркнех, 1970, с. 267—268].

Не менее сложным образом изготовлялись красные и зеленые чернила из разнообразных растений и минералов. Красными чернилами обычно писались непременные вступления: «Во имя отца, и сына, и святого духа», а также имена Христа, Богородицы, Троицы и архангелов. Зеленые чернила употреблялись практически лишь для изображения типичных эфиопских плетеных заставок (*харэг* — букв. «виноградная лоза») и книжных миниатюр. Это, собственно говоря, скорее краска, а не чернила. Для выполнения цветных орнаментов и миниатюр применялись различные вещества, смешанные с яичным белком или молоком, преимущественно растительного происхождения.

Обычная палитра красок в эфиопских книжных миниатюрах небогата — преобладают зеленый, голубой, красный и желтый цвета. Твореное золото — редкость и встречается лишь в рукописях позднего времени, являясь, судя по всему, сравнительно недавним заимствованием. Обычно контуры любого изображения в рукописи, будь то заставка или миниатюра, прорисовывались черными чернилами при помощи калама. Краска наносилась кистью, которую обычно делали из волос ослиной гривы, приклеенных соком эфиопского молочая к деревянной палочке. В изготовлении эфиопской рукописной книги разделение труда, как правило, отсутствовало, и рисунки в книге выполнялись обычно тем же писцом, который переписывал и текст. Поэтому многие миниатюры в обычных, небогатых рукописях явно выказывают отсутствие живописного таланта и навыка исполнителей. Впрочем, встречаются и миниатюры, отмеченные изяществом и тонким вкусом. Эта область, к сожалению, до сих пор остается далеко не изученной, несмотря на очевидную древность эфиопской живописной традиции и довольно большое число эфиопских иллюминованных рукописей как в рукописных хранилищах Европы, так и

в богатейшем собрании рукописей Института эфиопских исследований при Аддис-Абебском национальном университете.

По словам эфиопских книжников, в древности рукописи писались перьями, изготовленными из хвостового оперения кур или крупных хищных птиц. В последние столетия, однако, для этой цели стали использовать каламы, сделанные из тонкого бамбука, тростника или растения с любопытным названием «женский лук (оружие)», которое определяется ботаниками как *Asparagus mitis*. В качестве чернильниц использовались бычьи рога: один — для черных чернил, второй — для красных. Эти рога обычно втыкались прямо в землю или земляной пол перед писцом, но иногда делали и специальную подставку из обрубка дерева с двумя отверстиями, куда вставляли рога. Несмотря на два цвета чернил, писцы пользовались при письме одним каламом — при смене чернил они плевали на него и вытирали тряпицей. Эфиопский сборник «Чудеса Иисуса» содержит среди прочих и рассказ о том, как маленький Иисус в бытность свою, по эфиопскому выражению, «псалтирным чадом», т. е. обучаясь грамоте по Псалтири у наставника, «смешал чернила» на каламе. Строгий учитель дал невнимательному ученику пощечину, и тогда Иисус чудом «разделил чернила».

Эфиопские писцы пишут и сегодня по древней традиции, сидя прямо на земле или на низком седалище, держа пергамен, положенный на другую переплетенную книгу, на правом согнутом колене. Писать таким, по старорусскому выражению, «коленным писанием» [Тихомиров, 1960, с. 31] с эфиопской точки зрения удобнее всего, так как при любом размере листа можно без труда сохранять постоянное расстояние от головы и от локтя правой руки до выписываемой строчки, вытягивая согнутую правую ногу по мере того, как исписывается страница. Рукопись, с которой писец переписывает текст, помещается слева от него на какой-либо подставке. Пишет писец медленно и внимательно. Буквы ложатся на пергамен ровно и единообразно, и текст при маюскульном и унциальном характере эфиопской графики, когда ни один элемент буквы не заходит ни за верхнюю, ни за нижнюю границу строки, а сами буквы пишутся раздельно, без каких-либо соединительных черт, производит при беглом взгляде впечатление напечатанного, а не написанного от руки. Подобная тщательность и аккуратность письма естественны, так как, с точки зрения эфиопов, процесс письма сам по себе — священнодействие и торопливость здесь неуместна. Именно этой истовой тщательностью объясняется поразительно малое количество описок в эфиопских рукописях. Это не значит, что в них совсем нет ошибок. Писец мог ошибиться, неправильно поняв слово или фразу из-за плохой

сохранности оригинала или из-за собственного слабого знания классического языка, геэза, переставшего быть разговорным еще в X в., но ошибки из-за невнимательности крайне редки. Характерно, что в эфиопской письменности скоропись возникла лишь в середине нашего столетия, да и то лишь среди пишущих на современном разговорном амхарском языке. При этом эфиопская графика постепенно теряет свой не только унциальный, но и маюскульный характер, превращаясь в минускульное письмо с обычным в этом случае соединением букв в одно слово и росчерками пера. Процесс этот, впрочем, только начинается. Тем не менее к геэзу, традиционному языку эфиопской классической литературы и языку «древлего благочестия» эфиопской церкви, до сих пор сохранилось благоговейное отношение, не допускающее небрежной скорописи.

Поэтому те подсчеты производительности труда эфиопского писца, которые производят нередко, в значительной степени лишены смысла. Согласно сообщению такого старого и искушенного книжника, как *меригета*[1] Гебре Марьям из кафедрального собора Девы Марии в Аддис-Абебе, хороший писец, если работал не покладая рук, мог за месяц переписать Псалтирь Давида. Однако так никто не писал в Эфиопии. Профессиональных писцов, т. е. людей, зарабатывающих себе на пропитание исключительно перепискою книг и не отвлекавшихся на другие занятия, почти не было. Священники, дабтара или монахи, переписывавшие книги, делали это наряду с другими своими профессиональными занятиями и обязательствами, занимаясь книжным делом в свободное время. Поэтому меригета Асфау из монастыря Дебре Селям Медхане-Алем в Аддис-Абебе дает, по-видимому, более близкую к истине цифру, говоря, что опытный писец, работая по нескольку часов в день, может переписать Псалтирь за полгода [Assefa Liban, 1958, с. 18—19]. С этими последними данными согласуются и правила, установленные для писцов из государственного скриптория, учрежденного в начале века в старом дворце (Геби) в Аддис-Абебе, которые приводит в своих «Воспоминаниях» *балямбарас*[2] Махтеме Селасе Вольде Мэскель. По этим правилам писец скриптория должен был переписывать Псалтирь за пять месяцев, а Четвероевангелие — за восемь месяцев. Здесь речь идет, однако, о писцах профессиональных, которых в Эфиопии всегда насчитывались единицы. Подавляющее же большинство эфиопских

[1] *Меригета* — почетный титул духовного лица, закончившего монастырскую школу духовной музыки (подробнее об этом см. ниже).

[2] *Балямбарас* — титул коменданта крепости в феодальной Эфиопии. В XX в. — почетный придворный титул, не имеющий прямого отношения к военной службе.

рукописных книг переписывалось священниками, дабтара и монахами. Даже в монастырских скрипториях, нередких в больших и знаменитых обителях, монастырские переписчики не могли весь свой день посвящать этому труду, так как они были обязаны посещать церковные службы, весьма продолжительные в Эфиопии. Поэтому, чтобы составить себе правильное представление о том, как скоро создавались рукописные книги в Эфиопии, приведенные выше цифры следует, видимо, удвоить. Впрочем, есть случаи и сравнительно быстрой переписки книг. Так, в рукописи Служебника конца XVII в. из бывшей коллекции д'Аббади (рук. № 72), вошедшей ныне в собрание Национальной библиотеки в Париже и описанной К. Конти Россини за № 70, по объему уступающей Псалтири, имеется приписка: «Начата эта книга 6 магабита и закончена 9 генбота. . . в девятом часу. . .» [Conti Rossini, 1913, с. 460], т. е. эта книга была переписана за 93 дня.

Таким образом, эфиопская рукописная книга, как и коптская, исписывалась отдельными, еще не сшитыми тетрадями, которые обычно пагинировались в верхнем левом углу, что помогало писцу разобраться в последовательности тетрадей в книге, которых в ней могло быть и очень много. Исписанные тетради прочно сшивались сухожилиями и заключались в переплет из деревянных дощечек, к которым они пришивались. Нередко эти деревянные дощечки обтягивались цветной кожей, часто с художественным тиснением, в чем эфиопы были большие мастера. Металлические (обычно серебряные) накладки встречаются гораздо реже. Так как рукописи в Эфиопии хранились не лежа, а в подвешенном виде, то они часто помещались еще и в футляр из грубой кожи (*махедер*), который, в свою очередь, вкладывался в кожаную суму (*акофада*), снабженную ремнями для ношения на плече или подвешивания на крюк или колышек в библиотеке. Иногда рукописную книгу, прежде чем положить в футляр, обертывали кисеей или тонкой тканью.

Естественно, что такие рукописные книги были всегда дороги в Эфиопии. Нескор и недешев был труд переписчика, недешев был переплет (*гебета*), недешев был и пергамен. Для Псалтири, переписанной мелкими буквами, требовалось столько пергамена, что на его изготовление уходило 20 козьих шкур, а если Псалтирь писалась крупными буквами, то и до тридцати. На пергамен для Четвероевангелия, переписанного мелкими буквами, также требовалось 30 козьих шкур, а для переписанного крупными буквами — 50. Для средних размеров (14×16 см) Псалтири, содержащей 120—130 листов, исписанных в две колонки по 15—17 строк в каждой, нужно было не менее десяти овечьих шкур. И хотя в эфиопских рукописях

часто можно найти приписки, где указывается, сколько заплатил владелец за книгу или сколько получил писец за ее переписку, определить среднюю цену той или иной книги в Эфиопии в тот или иной исторический период оказывается чрезвычайно трудно. В немалой степени этому препятствует отсутствие единого эквивалента обмена в средневековой Эфиопии.

При натуральном характере хозяйства и незначительном объеме торговли в Эфиопии не было потребности в чеканке собственных монет. Более того, те монеты, которые служили всеобщим эквивалентом обмена, т. е. деньгами, вдоль всего великого красноморского торгового пути из Средиземноморья в Индию (до конца XVIII в. это были динары, а затем талеры Марии-Терезии), попадая в Эфиопию с мусульманскими купцами, теряли свой всеобщий характер и превращались из денег в один из многих обменных эквивалентов, ценных главным образом благодаря своей потребительской стоимости, таких, как бруски соли, ткани, железные сошники и наконечники для копий и т. п. Распространенность же или предпочтительность того или иного эквивалента обмена определялась в Эфиопии как региональными, так и социальными факторами. По наблюдениям протестантских миссионеров, в первой половине XIX в. в областях Гураге и Каффа, расположенных далеко от месторождений соли, эквивалентом обмена была соль, в Ифате, через который шли караванные пути, — серебряные монеты, а в соседнем Мензе, преимущественно земледельческом районе, который лежит в стороне от торговых путей, миссионерам говорили: «Мы не копим монеты, как ифатцы; мы копим соль и сошники, которые зарываем в землю» [Isenberg — Krapf, 1843, с. 275]. Потребительная стоимость этих местных эквивалентов обмена, а следовательно, и их ценность не была повсюду постоянной, а росла по мере удаления от места производства, как у всякого товара.

Поэтому, когда мы читаем в приписках, что Житие святой Валатта Петрос было переписано за пять брусков соли, мы не только не знаем условий найма писца (на хозяйских ли харчах, на хозяйском ли пергамене и тому подобные экономически весьма важные детали), но и с трудом можем представить себе ценность платы, не зная, в какой местности произошла эта сделка. Обычно считается, что в XV—XVII вв. унция золота равнялась стоимости 30 брусков соли, каждый из которых был равен стоимости одного быка. Однако есть все основания полагать, что это соотношение не было всеобщим, и полагаться на него трудно. Так, например, на рубеже XV и XVI вв. «Книга таинства» Гиоргиса из Сагла, по объему приблизительно в два раза бóльшая, нежели Житие Валатта Петрос, была приобре-

тена за пять быков [Conti Rossini, 1913, с. 20], т. е. за ту же цену. А в XV в. синаксарь эфиопской церкви за первую половину года, приблизительно равный по объему «Книге таинства», был куплен за пол-унции золота [Conti Rossini, 1913, с. 30], т. е. в три раза дороже. Очевидно, лучше отказаться от попыток унифицировать средневековые цены или найти какое-то точное соотношение между ними. Ясно одно: рукописные книги при всем разнообразии цен на них были дороги и всегда высоко ценились. В напрестольных евангелиях эфиопских храмов (эфиопы называли их «золотыми евангелиями») на чистых листах кроме перечней земельных пожалований и денежных вкладов церкви, а также церковной утвари и ценного имущества всегда упоминаются книги. Недешево стоили рукописные книги и в начале нашего столетия. Если в XV в. синаксарь за первую половину года стоил пол-унции золота, то в 1918 г. такая же книга стоила 145 талеров Марии-Терезии, увесистых серебряных монет по 28,0668 г каждая.

РУКОПИСНАЯ КНИГА И ТРАДИЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭФИОПИИ

Самое прямое отношение к бытованию рукописной книги имеет современный ей уровень образования, так как именно образование формирует как писательские, так и читательские вкусы эпохи. Образование в средневековой Эфиопии находилось в руках эфиопской церкви, а точнее, сосредоточивалось вокруг отдельных соборов, церквей [3] и монастырей, а также вокруг отдельных учителей, которые, как правило, являлись духовными лицами. Церковь, следовательно, служила хранителем национальной культуры и обеспечивала, по словам С. Панкхерст, «работу начальных и средних школ, а также монастырских университетов с отделениями, посвященными богословию, истории, поэзии, музыке, медицине и хирургии, которые сохраняются и по сей день, образуя, таким образом, древнейшую непрерывную систему образования в мире» [Pankhurst S., с. 29]. Церковное образование, разумеется, никогда не было массовым. С. Гобат, протестантский миссионер, побы-

---

[3] Собор от церкви отличается количеством сослужащих в нем. Так, литургию в эфиопской церкви должны служить не менее двух священников и трех диаконов, а в соборе — не менее трех священников и пяти диаконов.

вавший в Эфиопии в начале XIX в., так описывает жизнь крестьянских детей: «С шести или семи лет дети уже становятся помощниками. Мальчики пастушествуют до 14—15 лет и живут обычно с родителями; но если их родители очень бедны, они уходят от них в возрасте 8—9 лет пасти чужой скот и тем добывают себе пропитание. Девочки помогают по дому и начинают носить воду, которая обычно находится неблизко, как только оказываются в состоянии ходить, в возрасте 8—9 лет они уже ходят за дровами в горы. Молоть зерно они начинают с 13—14 лет. Выйдя замуж, они перестают носить воду и дрова и перестают молоть, если только они небедны» [Gobat, 1847, с. 312].

Говоря об образовании среди крестьян, С. Гобат пишет: «Некоторые родители посылают своих детей в монастыри или церковные школы на обучение, но многие не желают этого, боясь, что их дети станут монахами; поэтому многие мальчики убегают от родителей и сами ищут, где бы они могли учиться. Некоторые идут в услужение к священникам или другим церковным учителям и работают днем, а вечером учатся; другие же после уроков добывают пропитание нищенством. Есть некоторые зажиточные люди, которые помогают тем детям, которые учатся, не получая помощи от своих родителей» [Gobat, 1847, с. 312—313]. Дети знатных родителей, конечно, получали лучшее образование. «Почти все знатные люди, — пишет С. Гобат, — посылают своих детей в монастыри учиться читать и запоминать наизусть Псалтирь: вот и все образование, которое они там получают. Дочери знати не учатся ничему, кроме тканья и домохозяйства, хотя некоторые знатные дамы умеют читать. Вот обычный курс, который проходят ученики, желающие учиться дальше: после того как они выучатся читать, они запоминают наизусть Евангелие от Иоанна, некоторые послания св. Павла и некоторые проповеди Иоанна Златоуста; затем они выучивают псалмы, „Похвалы Марии“ и некоторые молитвы. Бо̀льшая часть обучения проходит в распевании текстов, и все это на незнакомом языке (геэз). Наконец, они собираются у какого-нибудь ученого книжника, который объясняет и комментирует им Библию и другие религиозные книги, а также сборник канонического права „Фетха Негест“ („Право царей“)» [Gobat, 1847, с. 315].

В целом же церковная система образования несколько сложнее. Она включает начальную школу — Нэбаб бет («Дом чтения»), среднюю школу — Кэддасе бет («Дом литургии») и высшую школу, состоящую из Зема бет («Дом музыки»), Кэне бет («Дом поэзии») и Мэцхаф бет («Дом Писания»), каждый из которых имеет свои подразделения.

1) *Нэбаб бет* — букв. «Дом чтения» — является первой ступенью традиционных школ, где дается начальное обучение. Такие школы имеются практически при всех церквах и монастырях, во многих деревнях и усадьбах. Это школа одного учителя, где обучение ведет священник или мирянин с церковным образованием. Обычно дети приходят учиться в такую школу в возрасте пяти-семи лет. Главной задачей Нэбаб бет является научить детей читать (что показывает само название: «Дом чтения») религиозные книги, которые почти все написаны на древнем языке геэз. Дети заучивают 231 начертание геэзского алфавита и обучаются искусству беглого чтения. По традиции писать не учат, потому что, с одной стороны, искусство каллиграфии — искусство высокое и многотрудное, а с другой — в повседневной жизни писать не нужно, чтение же необходимо для ежедневных молитв и церковной службы.

Первым предметом, изучаемым в такой школе, является таблица геэзских начертаний, называемая *Фидель* («Азбука»). Эта азбука писалась на свитке пергамена, который ученик носил с собой. Ребенок под руководством учителя указывал каждую букву слева направо и называл ее громким голосом. Так он обычно выучивал весь алфавит последовательно наизусть, однако вразбивку мог и не отличать одной буквы от другой. На следующей стадии обучения от него требовалось назвать каждую букву справа налево, а затем сверху вниз. Когда ученик до некоторой степени выучит буквы, он начинает практиковаться в чтении текста. Обычно для этой цели используют первое послание апостола Иоанна (а не Евангелие от Иоанна, как пишет Гобат). Сначала ученик должен произносить каждую букву слова последовательно, распевая ее, что вполне возможно, так как у эфиопов слоговое письмо. Затем он практикуется в чтении уже целых слов, а на последней стадии обучения учится беглому чтению без ошибок. На этом его обучение азбуке заканчивается, и он переходит к чтению религиозных книг [Haile Gabriel Dagne, 1970, с. 81—97].

Количество и содержание книг, которые должен читать обучающийся, строго не определены. Все зависит от того, какие книги имеются у учителя. Традиционно учителя в разных районах страны могут выбирать любой текст из нескольких: Азбуку апостольскую, т. е. отдельные послания апостолов Павла, Петра и Иакова, четыре евангелия, из которых чаще используется Евангелие от Иоанна, «Оргàн (т. е. музыкальный инструмент) Богородицы», «Похвалы Деве Марии», «Чудеса Марии», «Чудеса Иисуса», «Деяния Апостолов» и др. От ученика требуется не понимание содержания этих книг, а умение внятно и хорошо читать их вслух, потому что эти книги чи-

таются в церкви, где мальчики служат как чтецы, диаконы, а впоследствии нередко и как священники.

Завершается обучение в Нэбаб бет беглым чтением Псалтири, которую ученики часто запоминают наизусть. Это означает, что настало время, когда ученик может покинуть начальную школу Нэбаб бет. Это большое событие в жизни ученика и большой семейный праздник, когда родители устраивают для учителя угощение.

2) *Кэддасе бет* — школа обучения священника при алтаре. Те из учеников, закончивших Нэбаб бет, которые желают продолжить свое образование и выбирают духовную карьеру, идут в школу Кэддасе, где изучают обряд обедни. Учителя, который может научить этому, можно найти практически во всех больших церквах, или соборах. Он учит обязанностям диакона и священника. Дети священников, пользующихся церковными землями, обычно поступают в такие школы, чтобы стать священниками или диаконами и таким образом сохранить пользование церковной землей в руках своей семьи. Священство было особенно привлекательно до эфиопской революции 1974 г. в глазах безземельных крестьян и арендаторов, так как оно открывало для них возможность получить в пользование церковную землю.

Функции священника при алтаре ограничены исполнением обряда литургии и причастия. Учитель учит желающих только песнопениям, которые диакон и священник должны исполнять в церковной службе. Все остальное, включая обряды и разнообразные службы, ученик узнает на собственном опыте, прислуживая в церкви. Обычно он отсылается к монаху или священнику, которому прислуживает, сопровождая его при посещениях прихожан и выполнении обрядов как в своем приходе, так и за его пределами. Таким образом мальчик знакомится со своими будущими обязанностями. Как говорилось выше, они ограничены обрядом, для чего не требуется понимания Писания, и потому для рукоположения молодого человека в сан иерея достаточно сравнительно небольшого образования, что давало повод иностранцам считать весь эфиопский клир без исключения невеждами.

3) *Высшие церковные школы.* Священники при алтаре являются единственными членами клира, которым разрешается служить обедню и совершать причастие. Однако до и после литургии необходимо чтение Писания, а также исполнение священных танцев и пространных гимнов и духовных стихов. Чтобы быть в состоянии выполнить эти обязанности, нужно закончить высшую церковную школу, которая считается продолжением образования, полученного в Нэбаб бет и Кэддасе

бет. В этих школах готовят ведущих учителей и богословов церкви — дабтара. Для них обязательным является глубокое знание эфиопской патристики и Писания, церковной музыки, духовной поэзии и канонического права. Итак, дабтара — это общее название, даваемое тем, кто закончил высшую церковную школу. Большинство дабтара остаются мирянами, и им не разрешается служить обедню и причащать верующих. Их функции заключаются в обучении Писанию, церковной музыке и танцам, живописи и отчасти церковной администрации.

Те из закончивших Нэбаб бет или Кэддасе бет, кто хочет пойти в высшую школу, обычно оставляют своих родителей и присоединяются к странствующим студентам, которые переходят из прихода в приход и из монастыря в монастырь. Основная причина странствий студентов заключается в том, что в сельской местности получить высшее духовное образование там, где живешь, невозможно, и юноше, желающему учиться, приходится странствовать в поисках школы и учителя. Странствующие студенты обычно происходят из семей крестьян и священников и очень редко — из высших классов. Тяжелые условия сельской жизни заставляют родителей требовать постоянной работы от своих детей. Юношей же влечет романтическая и полная приключений жизнь странствующего студента, о которой рассказывают столько занимательных басен и увлекательных историй.

Основными предметами преподавания в высшей церковной школе являются церковная музыка, церковная поэзия и комментирование Писания, поэтому она делится на: а) Зема бет — музыкальная школа; б) Кэне бет — поэтическая школа и в) Мэцхаф бет — школа комментариев к Писанию — высшая ступень церковного образования.

а) *Зема бет* — букв. «Дом музыки» — музыкальная школа. Первой ступенью обучения в этой школе является изучение гимнов и песнопений церкви за весь год. Затем студенты изучают гимны, которые дабтара поют хором после обедни, и особые гимны, исполняемые на похоронах и на службах в дни памяти тех или иных святых. Далее они учат литургику и Часослов. Выучившие это могут быть преподавателями в Кэддасе бет и учить на священников при алтаре. Завершается обучение в музыкальной школе освоением искусства хорового пения, сопровождаемого особыми ритмическими движениями, бряцанием систры и помаваниями молитвенного посоха.

В музыкальной школе учитель сидит среди своих учеников, которые практикуются в исполнении гимнов поодиночке или группами. Старшие студенты помогают начинающим. Разучив

свой гимн, студент поет его перед учителем. Тот либо одобряет студента и дает ему новое задание, либо вносит свои поправки и замечания и заставляет практиковаться далее. Такое обучение занимает много времени и скорее развивает память студента, нежели его способность мыслить самостоятельно. Несмотря на продолжительность учебы и монотонность ее, студенты учатся весьма прилежно. На это есть свои причины. Во-первых, такое обучение считается священнодействием наравне с молитвой; во-вторых, студент, освоивший высшую церковную премудрость, может ожидать для себя весьма высокий пост в церкви. Кроме того, странствующий студент пришел в школу по своей доброй воле и добровольно подчиняется строгой власти учителя. Если ему не нравится там, он волен покинуть эту школу и искать другую.

б) *Кэне бет* — букв. «Дом поэзии» — поэтическая школа. В этой школе не только изучают многочисленные духовные стихи на языке геэз, но и сами учатся составлять их. Обычно уроки начинаются днем. Они проходят, как правило, или в общей хижине близ дома учителя, или под большим деревом, или просто под открытым небом. Сначала читаются молитвы, затем учитель делает общие замечания студентам. Но вот они переходят к главной цели занятия — ученикам показывают, как спрягаются геэзские глаголы и как употребляются те или иные глаголы и имена, на примере различных стихов, которые тут же импровизируются учителем или старшим студентом. Тогда же повествуются истории и легенды о святых, чей праздник приходится на следующий день: это дает студентам тему для составления стихов с использованием лексики и грамматических правил, уже объясненных на занятии.

За вечер студент старается подыскать подходящую мелодию для той формы духовного стиха, в которой он собирается сочинять. Так как все стихи поются, то они должны соответствовать определенной мелодической форме. На следующий день студент удаляется в уединенное место, где обдумывает свою композицию. Когда он составит стихи по форме, данной ему учителем, он приходит к нему и произносит их. Учитель либо одобряет стихи, либо высказывает свои критические замечания и отсылает студента обратно для дальнейших размышлений. Днем все студенты собираются вновь, и в общей дискуссии рассматриваются плоды работы, проделанной накануне.

Здесь, в Кэне бет, студент уже не просто пассивно воспринимает преподаваемые ему знания, как это делается на предыдущих стадиях обучения. Студент имеет возможность обсуждать предлагаемую ему тему и работы своих товарищей. От него требуется оригинальность творчества (редкое требование в тра-

диционной системе образования); поэт, использовавший в своих стихах строки чужих произведений, получает от своих товарищей презрительное наименование «вора». Подобные требования, безусловно, пробуждают его творческую натуру, развивают самостоятельность мышления. Разумеется, студент не должен противоречить или критически подходить к религиозным или иным общепринятым ценностям. Ему надлежит сосредоточить свое творчество на составлении стихов в живой, оригинальной манере, ограничиваясь, как правило, эстетической стороной стиха. Поэтическая школа является, пожалуй, единственной школой, где средневековый студент получал интеллектуальное и эстетическое образование. По общепринятому в Эфиопии мнению, наиболее выдающиеся церковники выходили именно из поэтической школы. Главная же цель такой школы заключалась, однако, не в развитии поэтического и других запросов учащихся, а в приуготовлении их к выполнению церковных обязанностей. Выпускник такой школы искал место в церкви и служил в хоре, где он составлял стихи и пел, или же занимал место младшего учителя или церковного старосты. Он же занимался и перепиской книг. Те, кто хотел учиться дальше, должны были поступать в следующую школу.

в) *Мэцхаф бет* — букв. «Дом писания» — это общее название для богословской школы комментаторов Писания, состоявшей из четырех отделений. Первое называется *Бэлюй* («Ветхое») — там изучаются текст и комментарии на 46 книг Ветхого завета. Второе отделение — *Хаддис* («Новое») — специализировалось на комментировании 35 книг эфиопского Нового завета. Третье отделение — *Ликаунт* («Святоотеческое»), где велось изучение и комментирование различных святоотеческих писаний, например Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и др. Там же изучались каноническое право (*Фетха Негест*) и календарные вычисления (*Бахрэ Хасаб*). Последним отделением Мэцхаф бет было *Мэнэкосат* («Монашество»), школа комментирования монашеских уставов и монастырской литературы.

В этих специализированных отделениях студент изучал традиции церкви, богословие, церковную историю и каноническое право путем интерпретации различных отдельных писаний. Комментирование здесь не велось в определенных систематических богословских или исторических категориях, но каждое предложение текста толковалось отдельно в зависимости от его содержания, поднимаемых богословских, моральных и исторических вопросов, обсуждалось и развивалось. Каждое предложение комментария студент должен был выучить

 наизусть. Любопытно отметить, что если все тексты написаны

на языке геэз, то комментирование велось только устно и только на живом амхарском языке.

Обычно студенты приходили к учителю группами по три-четыре человека, изучавших один и тот же текст. Один студент из группы читал фразу. Учитель сначала переводил ее с языка геэз на амхарский язык, а затем комментировал. Студенты слушали внимательно и старались запомнить комментарий слово в слово. Когда эта группа отходила от учителя, подходила другая группа или отдельный студент, чтобы читать учителю и слушать его комментарий. Покинув учителя, каждая группа разделялась, и все старались прокомментировать текст так, как это делал учитель, насколько возможно, дословно. Если один забывал слово или мысль, то другой из группы вспоминал и добавлял. Через некоторое время группа снова отправлялась к учителю и читала тот же текст с комментариями. Таким образом проверялось, насколько усвоен материал.

Запоминание комментариев к книгам требовало многих лет упражнений и трудов, с чем уже взрослый студент вынужден был мириться. Выпускник Мэцхаф бет имел высокий престиж как ученый и мог занимать высокие посты в церковной иерархии, такие, как глава монастыря или собора. Надежда на это, возможно, и являлась одним из мотивов, побуждавших студента проводить больше половины жизни в этой школе. На данной стадии обучения студент уже не ощущал трудностей в запоминании, так как эта способность была развита в нем феноменально еще со времен учебы в Нэбаб бет.

Итак, основной упор в преподавании делался на запоминание, что было тесно связано с отсутствием в церковных школах традиции записывания. Немногочисленные пергаменные книги были очень дорогими, да и пергамен не по карману нищему студенту. Кроме того, власть устной традиции имеет одно объяснение: студенту не дозволено было иметь свое собственное критическое мнение по поводу комментируемого текста. Здесь считалось, что бог открыл содержание текста святым отцам через духа святого («боговдохновенные» и «богодухновенные» книги). Поэтому писания святых отцов не рассматривались критически, а просто запоминались наизусть вместе с комментариями на амхарском языке.

Если текст, излагавший, как правило, истины, считавшиеся непререкаемыми (будь то Писание, житие святого, историческая хроника или церковная история), всегда письменный, то обучение всегда остается устным и основано на запоминании. Учебные пособия как таковые нехарактерны для традиционной эфиопской системы образования, где главную роль играет не

учебник, а учитель. Это обстоятельство самым существенным образом отразилось как на эфиопской книге, так и на эфиопских библиотеках.

Так как период средневековья кончился для Эфиопии совсем недавно (на рубеже XIX и XX вв.), то древнее отношение к книге как к сокровищнице нетленных истин во многом сохраняется и сейчас. Известный эфиопский писатель Маконен Эндалькачеу в качестве эпиграфа к своей книге «Армунь» («Поправьте меня») написал: «Книга — это мед, коим услащается горечь жизни. Вы любите наслаждения и отраду сего мира? Я вкусил от всего и скажу, что нет истинного наслаждения и отрады в мире сем, кроме служения богу и чтения книг» [Маконен Эндалькачеу, 1953]. Весьма характерно, однако, что при всем уважении к книге как к учебнику жизни и морали личная библиотека даже образованного эфиопа обычно невелика и не может идти ни в какое сравнение с библиотекой, скажем, среднего русского интеллигента. И в этом высоком уважении к книге, и в отсутствии настоятельной потребности в ней сказывается наследие недавнего средневековья.

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ И БИБЛИОТЕКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭФИОПИИ

Книжные собрания и библиотеки в средневековой Эфиопии были весьма разнообразны; их состав зависел от того, кому они принадлежали. Миряне, кроме самых знатных, вообще имели книги редко, а если имели, то, как правило, ограничивались одной, зато любимой и нередко известной наизусть, Псалтирью, откуда черпали мудрость — как божественную, так и человеческую. Псалтирь в Эфиопии являлась произведением, наиболее часто цитируемым и в литературе, и в живой речи. Иные книги, кроме Псалтири, безусловно, имелись в любой церкви, однако в разном составе и количестве. Бедные сельские храмы вынуждены были обходиться только напрестольным Евангелием и необходимым минимумом служебников и требников. Если церковь была освящена во имя какого-либо особо чтимого святого, можно было ожидать, что там будет и рукопись жития этого святого или его чудес для чтения в храмовой праздник. В храмах, освященных во имя Христа, Троицы, Богородицы или архангелов, как правило, для этой цели имелись «Чудеса Иисуса», «Чудеса св. Троицы», «Чудеса Марии» и такие специальные сборники проповедей в честь архангелов, как «Трактат Михаила», «Трактат Рагуила» и др. Церкви по-

богаче могли иметь и все эти произведения для чтения в ежемесячные праздники, которых было немало в эфиопской церкви: 4-го числа отмечался праздник Троицы, 12-го — архангела Михаила, 14-го — Стефана-Первомученика, 19-го — архангела Гавриила, 21-го — Богородицы, 23-го — Георгия Победоносца, 27-го — Спаса, 29-го — Сына. В церквах могли быть также и произведения житийной литературы, не говоря уж о многочисленных требниках и служебниках.

Гораздо богаче были книжные собрания в монастырях. Наиболее древние и знаменитые из них располагали не только обширными библиотеками, но и собственными скрипториями, где нередко помимо переписки книг велась и собственная литературная деятельность. В монастырях составлялись жития национальных святых. Этот благочестивый труд обычно предпринимался по прямому указанию монастырского начальства и с «благословения старцев», на что и ссылаются авторы житий: «Я делаю это не в дерзости и гордыне, не ища славы тщетной и прославления суетного, но потому, что повелела мне святая. . . пылавшая любовию к ней, и сказала: „Пиши, да будет явлена повесть о ней и дойдет туда, куда не доходила, и будет услышана там, где ее не слышали. . .“» [Тураев, 1902, с. 25]. Недаром в послесловиях благословения призываются на «написавшего и поручившего писать, читающего и слушающего все слова» жития. В монастырях же непрерывно продолжалась и собственная летописная традиция, нередко значительно расходившаяся в оценке событий и лиц с официальной придворной историографией. Монастыри, находившиеся под особым царским покровительством, часто получали в дар не только земельные пожалования и денежные вклады, но также и книги, иногда очень дорогие и богато иллюминованные. Царям в этом отношении подражала и знать, щедро благотворившая «своим» монастырям и храмам, где иногда благодаря пожертвованиям собирались весьма значительные по количеству книжные собрания.

Так, например, в XV в. в эфиопском монастыре в Иерусалиме, насчитывавшем тогда 22 иеромонаха, 20 иеродиаконов, 35 простых монахов и 17 монахинь, имелось 124 книги 39 названий [Тураев, 1903, с. 121]. Впрочем, этот пример не вполне показателен, так как это эфиопское подворье в Иерусалиме, являвшееся, по выражению Б. А. Тураева, «для заброшенной среди мусульманского моря Абиссинии. . . как бы окном в христианский культурный мир» [Тураев, 1903, с. 117], пользовалось высоким авторитетом (и щедрыми пожертвованиями) и в основном через него в Эфиопию проникали переводные и иные христианские книги. Если иерусалимский монастырь

приобретал разом семь «золотых», т. е. напрестольных, евангелий, то ясно, что это делалось в расчете не только на свои собственные нужды.

В обычных эфиопских монастырях библиотеки были гораздо скромнее. Так, в перечне книг монастыря Бербере Марьям упоминаются 20 псалтирей, один сборник канонического права «Фетха Негест», одна книга «Деяния Страстей», представляющая собою сборник всех служб Страстной недели, два служебника, один сборник «Чудес Марии», один трактат о почитании субботы, одно житие св. Георгия Победоносца, одно житие св. Кира, один «Трактат Михаила», читаемый в церкви в ежемесячный праздник этого архангела, одна книга посланий апостола Павла, один требник для крещения, один сборник богородичных акафистов, один погребальный требник, один патристический сборник «Вера отцов», один сборник церковных постановлений «Синодос», два дневных часослова и один полный, пять сборников гимнов со специальными музыкальными обозначениями (эфиопским подобием древнерусских «крюков»), один «Орган восхваления Богородицы» и, конечно, напрестольное Евангелие. В перечне книг другого эфиопского монастыря (Магвинского), насчитывающем всего 23 книги, значатся четыре Четвероевангелия, одна книга посланий апостола Павла, одна книга «Деяний апостолов», одна книга «Деяния Страстей», два сборника сочинений Климента Александрийского, один синаксарь, один сборник «Чудес Марии», один сборник канонического права «Фетха Негест», один служебник, одно собрание монашеских правил с катехизисом, один сборник «Старец духовный» (подражание известному «Лугу духовному») — аскетическое руководство для монахов, составленное Иоанном Сабой и переведенное на геэз в XVI в., Житие Симеона Столпника и другие произведения эфиопской и переводной христианской литературы [Conti Rossini, 1913, с. 9].

И количественный, и качественный анализ подобных библиотек средневековой Эфиопии был бы крайне интересен, однако в настоящее время он весьма затруднителен и вряд ли возможен [4]. Церквей и монастырей в Эфиопии великое множество, и их книжные собрания остаются неописанными. К тому же многие расположенные в малодоступных местах монастыри, которые веками служили для монахов убежищем как от мира, так и от нашествий язычников и мусульман, остаются недоступными не только для исследователей-«фран-

---

[4] Большая работа по сбору, микрофильмированию и учету эфиопских рукописей ведется в Институте эфиопских исследований при Аддис-Абебском университете, где подготавливается каталог рукописей.

ков», но после отделения от коптской церкви и получения эфиопской церковью автокефальности в 1951 г. и для эфиопского духовенства [5].

Такой анализ, однако, возможен по отношению к собраниям эфиопских рукописей, имеющихся в Европе, так как существуют каталоги этих собраний.

1. Коллекция Британского музея, согласно каталогу, составленному У. Райтом в 1877 г., содержит 408 эфиопских рукописей, захваченных англичанами при взятии крепости Магдала в 1867 г. Эти рукописи составляли библиотеку эфиопского императора Феодора II, который, не желая попасть в руки англичан, покончил с собой. Сам император забрал эти рукописи из Гондара, столицы эфиопских царей с 1635 по 1855 г. По оценке У. Райта, в распоряжении Феодора II было не менее тысячи книг [Wright, 1877, с. III]. Коллекция Британского музея, как сказано выше, состоит из 408 рукописей, которые делятся таким образом:

Вид произведения	Число книг	Процент от общего числа
Рукописи Библии	110	26,9
Служебники	96	23,5
Особые службы и проповеди	23	5,6
Жития святых	78	19,1
Комментарии Библии	12	2,9
Богословские труды	39	9,5
Право	16	3,9
История и хронография	24	5,9
Медицина	3	0,7
Разное	7	1,7

2. Каталог эфиопского собрания библиотеки Кембриджского университета (80 рукописей), опубликованный Э. Уллендорфом и С. Райтом в 1961 г., делится таким образом:

Вид произведения	Число книг	Процент от общего числа
Рукописи Библии	8	10
Служебники	31	38,75
Богословие	8	10
Проповеди	9	11,25
Магические писания	15	18,75
История	4	5
Разное	5	6,25

[5] Многие в среде консервативного эфиопского монашества долгое время не признавали автокефальности, считая это вопиющим нарушением древней традиции. Нередко они встречали приходивших в монастырь священников суровым вопросом: «Кто поставил тебя, эфиоп или копт?» Услышав в ответ — «эфиоп», они заявляли: «Уходи, я сам могу поставить таких священников!»

3. Коллекция эфиопских рукописей Национальной библиотеки в Париже является самой большой в Европе. Туда вошли коллекции, собранные братьями д'Аббади, К. Мондон-Видайе и М. Гриолем. Она была каталогизирована несколько раз такими видными эфиопистами, как Зотанбер, Шэн, Грэбо и Стрельцын. Каталог Зотанбера, где перечислены номера с 1-го по 170-й, делится таким образом:

Вид произведения	Число книг	Процент от общего числа
Ветхий и Новый завет	48	28,2
Апокрифы	15	8,8
Комментарии	3	1,7
Литургика	11	6,4
Обрядность	3	1,7
Служебники	28	16,4
Богословие	12	7,0
Каноны	4	2,3
Жития святых	16	9,4
История	6	3,5
Грамматика, словари	10	5,8
Разное	14	8,2

Первые три тома каталога М. Гриоля, где перечислены номера с 305-го по 372-й, подразделяются таким образом:

Вид произведения	Число книг	Процент от общего числа
Ветхий и Новый завет	8	11,7
Апокрифы	9	13,2
Богословие	2	2,9
Монашеская литература	4	5,8
Литургика	5	7,3
Обрядность	5	7,3
Жития святых	8	11,7
Службы, молитвы	3	4,4
Духовная поэзия	20	29,4
Магические писания, заговоры	4	5,8

Здесь следует отметить, однако, что в определенном смысле коллекция эфиопских рукописей Национальной библиотеки в Париже не вполне типична по своему составу, так как эти рукописи планомерно собирались такими крупными знатоками в области эфиопского языка и литературы, как братья д'Аббади, М. Гриоль и отчасти К. Мондон-Видайе. В подборе рукописей эти ученые руководствовались своими специфически научными целями и задачами, отчего состав их коллекции несколько отличается от обычных эфиопских книжных собраний [R. Pankhurst, 1962, с. 245—246].

4. Иначе складывался эфиопский рукописный фонд ИВ АН СССР, который является крупнейшим из отечественных собраний эфиопских рукописей. Первая эфиопская рукопись поступила в Академию наук (а затем в Азиатский музей императорской Академии наук) в 1871 г. от английского семитолога У. Райта (рук. Эф. 38). Это была Псалтирь из Магдальской библиотеки эфиопского царя Феодора II, захваченная англичанами. Затем в 1897 г. Азиатский музей приобрел семь эфиопских рукописей из собрания известного византиниста А. И. Пападопуло-Керамевса, а в 1903 г. была приобретена большая коллекция (40 рукописей) бывшего русского поверенного в делах в Аддис-Абебе А. А. Орлова, собранная им во время пребывания в Эфиопии. В 1904 г. старший врач Симферопольского лазарета Кориандер, работавший в свое время в Эфиопии в миссии Русского Красного Креста, передал в дар музею восемь эфиопских рукописей, собрание писем на амхарском языке и коллекцию картин эфиопского художника Илии.

В 30-е годы эфиопский фонд ИВ АН СССР значительно вырос благодаря тому, что в него вошли еще три коллекции эфиопских рукописей. В 1920 г. у вдовы Б. А. Тураева была приобретена личная коллекция эфиопских рукописей этого ученого, основу которой составили, видимо, рукописи, приобретенные им во время его поездки в Египет в 1909 г. В 1924 г. получены пять рукописей из коллекции П. К. Сухтелена.

Небольшое число рукописей поступило в последующие годы. Среди них особо следует выделить весьма древнюю рукопись Восьмикнижия (рук. Эф. 100), пожертвованную в 1946 г. эфиопским министром почты и телеграфа. Наконец, последняя рукопись (рук. Эф. 117) поступила в ИВ АН СССР из библиотеки покойного Н. Я. Марра. В настоящее время эфиопский фонд собрания рукописей ИВ АН СССР насчитывает 117 единиц хранения, среди которых имеется 95 рукописных кодексов, 11 свитков, 2 фрагмента, 111 писем.

111 рукописей, доступных классификации, подразделяются следующим образом:

Вид произведения	Число книг	Процент от общего числа
Рукописи библейских книг	23	20,7
Особые службы и проповеди	12	10,8
Жития святых	6	5,4
«Чудеса Марии»	2	1,8
Богословские сочинения	8	7,2
История и хронография	4	3,6
Магические писания, заговоры	17	15,3
Литургика	23	20,7
Грамматики, словари	3	2,7
Духовная поэзия	3	2,7

Гадальные книги	2	1,8
Церковные песнопения, снабженные музыкальными знаками	3	2,7
Разное	5	4,5

Столь очевидное преобладание религиозных произведений говорит о том, что эфиопская средневековая литература была преимущественно религиозной как по форме, так и по содержанию. Как заметил А. Дильман, «язык, использовавшийся в качестве литературного, служил прежде всего интересам религии и церкви. Подавляющее большинство писаний имело церковный характер» [Dillmann, 1907, с. 11]. Еще более решительно на этот счет высказался И. Ю. Крачковский, заявив, что эфиопская литература «создавалась не столько народом для народа, сколько келией для келии» [Крачковский, 1912, с. 127]. Таким образом, анализ книжных собраний и библиотек эфиопских рукописных книг, казалось бы, подтверждает справедливость оценки эфиопской литературы как «просто переводной» и «исключительно религиозной» (см. выше).

Д. С. Лихачев очень точно заметил: «литература мало меняется в тех своих частях, которые связаны с теологией, и сильно меняется в своих исторических частях. Отсюда особое значение в истории литературы исторических жанров средневековья, их ведущее положение, их влияние на остальные области литературы. . . Несомненно, что богословская мысль и религиозные представления доминировали в литературе, но формирующее значение имели исторические и публицистические стороны литературы — ее „национальная часть“» [Лихачев, 1973, с. 71—72]. К этой национальной части эфиопской литературы относятся наряду с историческими сочинениями и жития святых — жанр, который рассматривался в средние века как вполне исторический. Именно в агиографии и историографии произведения переводные встречались с национальными, здесь шел активный процесс взаимодействия литератур христианского Востока, процесс собственного литературного развития, налагавший свой неизбежный отпечаток как на содержание, так и на форму рукописной книги.

Этот процесс, равно как и соотношение агиографического и историографического жанров в эфиопской литературе, прямо зависел от конкретных культурно-исторических условий. Так, до основания столичного города Гондара в 1636 г. эфиопские цари не имели постоянной резиденции и культурными центрами в Эфиопии являлись монастыри. Соответственно в «национальной» литературе того времени преобладал агиографический

 жанр, и жития XIV—XVI вв. рисуют живую и интересную

картину жизни страны, отнюдь не замыкаясь в узких монастырских рамках и уделяя много места злободневным политическим событиям. Как писал Б. А. Тураев относительно этой житийной литературы, «не будучи всегда точны и достоверны в передаче фактов, агиологические памятники шире захватывают, глубже обнимают и ярче передают историческую жизнь своего народа, чем летописи» [Тураев, 1902, с. 288].

Положение меняется с ростом Гондара, который в XVII—XVIII вв. застраивается царскими палатами, большими соборами и монастырями. Множится число клириков и придворного духовенства, в столице пышно расцветает историографический жанр, который и становится ведущим. Придворную историографию гондарского периода отличает документализм, точность и подробность в деталях, большой интерес к исторической стороне описываемых событий. Ярким доказательством как широкой популярности этого жанра, так и появления в культурной жизни Эфиопии XVIII в. вполне городских черт служит пародия на придворную хронику далеко не воинственного эфиопского царя Иясу II Малого (1730—1755), где в высокопарном стиле официальных повествований о царских походах и сражениях перечисляются переезды царя из одного пригородного дворца в другой [Bruce, 1791, с. 744—745]. Одновременно в Гондаре начинает развиваться и такой специфически городской жанр, как фаблио [Чернецов, 1981].

Однако ни пародия, ни фаблио не смогли развиться как жанр в полной мере, так как к началу XIX в. верховная власть эфиопских царей, а вместе с нею и столичный город Гондар пришли в полный упадок. Страна раздиралась феодальными усобицами, в стороне от них осталась лишь отдаленная область Шоа, где прочно утвердилась местная династия, которая также возводила свое происхождение к эфиопскому царскому роду. В начале XIX в. шоанский властитель Сахле Селасе (1813—1847) в одностороннем порядке провозгласил себя царем Шоа, однако благоразумно не стал вмешиваться в борьбу за гондарский престол, а удовлетворился постепенным расширением собственных владений. В Гондаре не признавали его притязаний, но и были бессильны пресечь их вооруженной рукой. Эти шоанские притязания самым непосредственным образом повлияли и на дальнейшее развитие эфиопской историографии.

Дело в том, что еще в XVIII в. в эфиопской историографии появился жанр так называемых «кратких хроник», содержавших краткое и компилятивное изложение всемирной истории «от Адама» в духе христианских средневековых воззрений. Компилятивный характер подобных «всемирных историй»,

большое внимание, уделяемое их составителями истории священной и церковной, широкое заимствование сведений из сочинений Иосифа Флавия, ал-Макина, ал-Батрика и вообще арабской христианской литературы, а главное — осознание истории Эфиопии как продолжения и завершения истории христианских народов (эта хорошо знакомая русскому читателю идея «третьего Рима», получившая в Эфиопии свое выражение в особом трактате «Слава царей», часто включаемом в сокращении в подобные своды) — все это придает рассматриваемым памятникам характер хронографа. Причина развития жанра хронографов в Шоа как раз в то время, когда эфиопская литература в Гондаре пришла в упадок, заключается в том, что притязания шоанских владык на царский титул нуждались в историческом обосновании. Причем здесь нужно было доказать не только права современного претендента на престол, но и предпочтительность прав его ветви династии перед всеми остальными, в том числе и перед гондарской. Это была нелегкая задача, в особенности для книжников Шоа, области, которую в Гондаре всегда рассматривали как глухую провинцию. Для ее выполнения нужно было заново пересмотреть, переосмыслить и переписать всю эфиопскую историю и показать на всем ее протяжении не только богоизбранность (этот самый веский довод в пользу претендента на престол) царского рода, но прежде всего предпочтительность в этом отношении шоанской ветви династии.

Шоанские летописцы, как и всякие другие средневековые летописцы, были, по выражению А. А. Шахматова, «полным и безответственным хозяином накопленного материала» [Шахматов, 1899, с. 108]. Поэтому и задачу свою они решали главным образом путем тенденциозной редактуры всего своего историографического наследия. Так появились «интерполированные хроники», получившие в научной литературе это название потому, что они часто прерываются вставками множества легенд и преданий, на первый взгляд никакого отношения к основному повествованию не имеющими. Однако, если присмотреться к характеру вставок, можно заметить, что, не имея прямого отношения к летописному повествованию о царствовании того или иного эфиопского государя и сообщая о нем сведения, которые оказываются явно недостоверными, они преследуют вполне определенную цель.

Древних царей в этих интерполяциях возвеличивают, других же (начиная с XVI в.) последовательно компрометируют. Вся эта, казалось бы, бессмысленная компрометация эфиопских царей XVI—XVII вв. была бы действительно бессмысленной,
 если бы в Шоа в начале XIX в. не появился и не пользовался

широкой популярностью так называемый «Трактат Рагуила». Он представляет собой довольно запутанное пророчество, изреченное архангелом Рагуилом знаменитому своими несчастьями Лебна Денгелю (1508—1540), в царствование которого по Эфиопии прокатилась сокрушительная волна мусульманского нашествия и к которому возводили свое происхождение и шоанская, и гондарская, и тигрейская ветви царской династии, относительно грядущей судьбы его потомков. Их судьбы предрекаются иносказательно, а суть состоит в том, что все ветви, кроме шоанской, не сохранят чистоты веры, за что и подвергнутся разным несчастьям. В конце же концов из рода шоанской ветви восстанет царь, который восстановит мир и благополучие в стране. Таким образом, при помощи высокого авторитета архангела Рагуила утверждалась исключительность прав на престол шоанской династии.

Не следует думать, что шоанские книжники были самостоятельными авторами хотя бы эфиопской части своих «всемирных историй». Подавляющее большинство всего эфиопского материала было дословно переписано с гондарских «кратких хроник». Шоанским редакторам принадлежала лишь общая компоновка сводов и вставки, причем — весьма важное обстоятельство! — очень часто языком этих вставок, или интерполяций, был не книжный геэз, а разговорный амхарский. Вряд ли это свидетельствует просто о недостаточно высоком уровне традиционной образованности шоанцев: они учились и черпали ее в тех же знаменитых монастырских центрах столичной образованности, что и гондарцы. К тому же, не владея свободно языком геэз, нельзя было проделать и той большой редакционной работы, которая так отличает «интерполированные» хроники от «кратких». Обращение к разговорному языку скорее свидетельствует о стремлении авторов сделать свои мысли известными и за пределами того неширокого круга книжников, которые владели древним языком. Совершенно новая черта для эфиопской литературы!

Видимо, здесь мы имеем дело если не с публицистикой, то, во всяком случае, с публицистической тенденцией, с публицистическим звучанием некоторых вполне традиционных по форме жанров. До подлинной публицистики еще далеко. У нее пока нет ни своих писателей, ни читателей, которых может породить только достаточно многочисленный слой грамотных горожан. На протяжении почти всего XIX века круг читателей и религиозных трактатов и историографических произведений строго ограничивался небольшим числом знатоков древнего книжного языка, хотя делались попытки расширить его, обратившись к разговорному амхарскому языку. Тем не менее, если

обратиться не только к неизменной теологической части эфиопской литературы, но и к ее меняющейся, «национальной» части, то можно заметить, что и ей присущ тот церковно-государственный характер, который был свойствен феодальному миропониманию в целом. Это миропонимание складывалось в условиях тесного переплетения интересов государственных и церковных, и для жизни средневековой Эфиопии фигура игумена-политика была столь же обычна, как и фигура царя-богослова и церковного поэта. Эта тесная взаимосвязь, разумеется, не могла не отразиться на характере и эфиопской литературы, и эфиопской рукописной книги.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Эфиопская палеография, к сожалению, изучена недостаточно. Причиной этому послужило то обстоятельство, что эфиопские рукописи стали поступать в Европу в сколько-нибудь значительных количествах лишь начиная с последней трети XIX в., а научное и планомерное изучение их в самой Эфиопии началось совсем недавно. Поэтому наши палеографические заметки по необходимости кратки и неполны.

Об архаическом письме до XIV в. судить трудно, так как от этого времени сохранились лишь единичные рукописи, до сих пор не введенные к тому же в научный оборот. Письмо же XIV—XV вв. отличается угловатым почерком, когда верхние части букв የ, ዩ, ጸ, ጰ и нижние части букв መ, ሠ и ሰ имеют почти треугольную форму. Буква ወ также может иметь форму треугольника, обращенного вершиной вниз, или овала, разделенного вертикальной чертой. К треугольной форме приближается и колечко в буквах ቆ и ቶ, означающее огласовку — о. Это же колечко в букве ሎ присоединяется непосредственно к корпусу буквы без какой-либо связки и также имеет либо треугольную, либо полукруглую форму. Буквы ዘ, ሀ и በ имеют левую вертикальную черту наклоненной влево, что придает им сходство с начертаниями эфиопской эпиграфики.

Другим признаком древнего письма является форма цифр, для обозначения которых (возможно, благодаря коптскому посредству) взяты видоизмененные буквы греческого алфавита. В письме до XVI в. эта связь вполне очевидна: цифра 1 имеет характерную форму буквы *альфа*, 2 — *беты* и т. д. В то время эфиопские цифры не имели черточек сверху и снизу, которыми они стали выделяться впоследствии, в чем также можно видеть наследие эпиграфической традиции. Эта же традиция чувст-

вуется и в том, что цифры, как в эпиграфических памятниках, отделены от слов двоеточиями, которые исчезли впоследствии, когда цифры стали выделяться чертами сверху и снизу.

Для рукописей древнего периода характерно предпочтительное употребление долгого ኣ перед кратким አ. На полях нередки изображения петлистых крестов и монограмм Иисуса Христа, обычных в коптских рукописях. Однако эфиопы не позаимствовали у коптов выделения прописных букв. Конец строфы или периода отмечался, как правило, небольшими линиями или композициями из красных и черных точек.

Ко второй половине XV в. письмо значительно меняется. Естественно, что переход к новой манере письма был постепенным. Множество центров образования и их удаленность друг от друга, а также и сам унциальный характер эфиопского письма препятствовали скорым переменам в манере письма. В рукописях второй половины XV в. элементы нового письма нередко соседствуют с архаичными. Так, колечко, обозначающее огласовку — о, теперь чаще присоединяется к корпусу буквы черточкой, хотя встречается и старое написание — без черточки; старое написание таких слов, как እ.ግዚ.አ፡ብሔር., чередуется с обычными для более позднего времени; цифры в некоторых рукописях уже выделяются черточками (сначала только одной верхней чертой, позже — двумя чертами сверху и снизу).

К XVI в. письмо теряет свою характерную угловатость, становится округлым. Те элементы букв, которые прежде имели характерную треугольную форму, становятся круглыми, вертикальные элементы букв пишутся без наклона, строго перпендикулярно строке. Постепенно буквы становятся менее широкими и более высокими и к началу XVII в. приобретают особую стройность и четкость.

XVII век в палеографическом отношении интересен, во-первых, тем, что распространяется система эфиопских музыкальных значков, сопровождающих произведения эфиопской гимнографии. Во-вторых, делается попытка ввести обозначение удвоения на письме при помощи арабского ташдида. Впрочем, от нее скоро отказались. Вкус к стройному, удлиненному письму сохраняется. Однако ко второй половине XVII в. письмо меняется, приобретая более парадный характер. Буквы увеличиваются в размерах, письмо становится менее тонким, но более регулярным и пропорциональным. Округлые элементы становятся мягкими, плавными, а вертикальные линии — четкими и твердыми.

Целой эпохой в истории эфиопской каллиграфии стало правление царя Иясу Великого (1682—1706). Он содержал

большое число опытных писцов, которые после двух праздничных дней (субботы и воскресенья) в понедельник должны были целый день тренировать руку, чтобы во вторник приступать к письму крупными буквами, где каждое нарушение стиля бросалось в глаза. Письмо той эпохи получило название *гуллих* (т. е. «четкое»). Высота букв достигала 15 мм, а толщина вертикальных линий — 4 мм. Этот же парадный стиль письма сохранялся и во времена правления Иясу II Малого (1730—1755) и его матери-регентши Ментевваб, известной покровительницы богословской учености и книжного дела. Гуллих можно рассматривать как характерный почерк конца XVII—первой половины XVIII в. Даже в XIX в. многие писцы вдохновлялись его образцами и считали их лучшими. Разумеется, существование такой большой школы опытных писцов при царском дворе в столичном Гондаре не могло не оказывать влияние и на стиль провинциальных школ.

Со второй половины XVIII в. этот тип письма меняется. В работе писцов пропадает тщательность, свойственная им при пышном гондарском дворе, буквы становятся мельче, теряют характерную плавность и пропорциональность. Получает распространение почерк *рэкик*, т. е. «тонкий», который был проще и практичнее. Именно он преобладал в XIX в., хотя многие книжники вздыхали по прежнему прекрасному гуллиху и сетовали на падение традиции.

Рукописные книги в современной Эфиопии вызывают пристальное внимание и заботу не только у отдельных знатоков и любителей, но и у государства. Рукописи приобретаются и хранятся в таких государственных собраниях, как Национальная библиотека и Институт эфиопских исследований при Аддис-Абебском университете. Долголетними трудами д-ра Сергеу Хабле Селласе под эгидой министерства культуры в 1973 г. была организована Библиотека микрофильмов эфиопских рукописей, которую в настоящее время возглавляет Фикре Денгель Бейен. Главной задачей Библиотеки является микрофильмирование всех доступных эфиопских рукописей и издание Бюллетеня, где дается перечисление и краткое описание содержания микрофильмов. Важность этой работы переоценить невозможно, потому что подавляющее большинство рукописей в стране находится во владении многочисленных церковных учреждений и частных лиц, которые не собираются с ними расставаться, но согласны отдать их на время для микрофильмирования. Таким образом, трудами библиотеки собираются и сохраняются в микрофильмах произведения, которые в руках частных владельцев могут погибнуть для

 науки безвозвратно. Бюллетень издается ежегодно начиная

с 1974 г. К настоящему времени издано 11 томов, в каждом из которых описано по 100 рукописей. Работа эта продолжается.

После эфиопской революции 1974 г. резко выросло число студентов-историков Аддис-Абебского университета, учрежден новый университет в Асмаре. В связи с новым, марксистским подходом эфиопских ученых к истории своей страны возрос и интерес к своему национальному рукописному наследию. В то же время в Эфиопии развивается тот знакомый и в сущности закономерный процесс, когда исчезновение тех или иных культурных явлений из живого обихода стимулирует научное их изучение. Наибольших успехов в деле изучения эфиопской рукописной книги и всего рукописного наследия в целом следует ожидать в будущем, когда его будут изучать не только немногочисленные ученые-иностранцы и горстка эфиопских любителей старины, а вырастут и окрепнут свои хорошо подготовленные национальные кадры научных работников.

Кобищанов, 1964. — Кобищанов Ю. М. У истоков эфиопской литературы. Аксумская литература. — Литература стран Африки. М., 1964.

Крачковский, 1912. — Крачковский И. Ю. Из эфиопской географической литературы. — Христианский Восток. Т. 1. СПб., 1912.

Крачковский, 1928. — Крачковский И. Ю. Абиссинский магический свиток из собрания Ф. И. Успенского. — Доклады АН СССР. Л., 1928.

Крачковский, 1936. — Крачковский И. Ю. Предисловие к посмертному изданию труда Б. А. Тураева «Абиссинские хроники XIV—XVI вв.». М.—Л., 1936.

Лихачев, 1973. — Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.

Мец, 1973. — Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973.

Тихомиров, 1960. — Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960.

Тураев, 1901. — Тураев Б. А. «Богатство царей». Трактат о династическом перевороте в Абиссинии в XIII веке. — ЗВОРАО. Т. 13. 1901.

Тураев, 1902. — Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.

Тураев, 1903. — Тураев Б. А. Абиссинский монастырь в Иерусалиме и его библиотека. — Сообщение императорского православного палестинского общества. Т. 14. Ч. 2. № 1. СПб., 1903.

Тураев, 1906. — Тураев Б. А. «Повествование о Дабра-Либаносском монастыре». — ЗВОРАО. Т. 17, 1906.

Тураев, 1916. — Тураев Б. А. Абиссинские магические свитки. — Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916.

Тураев, 1936. — Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 2. Л., 1936.

Хрестоматия, 1979. — История Африки. Хрестоматия. М., 1979.

Чернецов, 1972. — Чернецов С. Б. Эфиопская магическая литература. — СЭ. 1972, № 6.

Чернецов, 1981. — Чернецов С. Б. Из фольклора эфиопских книжников (одно неопубликованное двустишие Гондарского периода). — Палестинский сборник. Вып. 27 (90). Л., 1981.
Шахматов, 1899. — Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение сводов Руси Северо-Восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1899 (Записки АН по историко-филологическому отделению. Т. 4. № 2/1).
Assefa Liban, 1958. — Assefa Liban. Preparation of Parchment manuscripts. — University College of Addis Ababa. Ethnologycal Society. Bulletin № 8. July 1958.
Basset, 1897. — Basset R. Histoire de la conquête de l'Abyssinie (XVI siècle) par Chihab ed-Din Ahmed ben 'Abd el Qâder surnommé Arab-Faqih. Traduction française et notes par —. P., 1897.
Bruce, 1791. — Bruce J. Voyage aux sources du Nil, en Nubie et en Abyssinie, pendant les années 1768, 1769, 1770, 1771, 1772. T. 4. Londres, 1791.
Conti Rossini, 1907. — Conti Rossini C. Gadla 'emna Walatta Petros. — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, series altera. Scriptores Aethiopici. T. 25. Parisiis—Lipsiae, MDCCCVII.
Conti Rossini, 1913. — Conti Rossini C. Notice sur les manuscrits éthiopiens de la collection d'Abbadie. — JA. Ser. 10. T. 20, ser. 11. T. 2.
Conti Rossini, 1918. — L'autobiografia di Paulos, monaco abissino del secolo XVI. — Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Vol. 26, Fasc. 7—10. Roma, 1918.
Dillmann, 1907. — Dillmann A. Ethiopic Grammar. L., 1907.
Haile Gabriel Dagne, 1970. — Haile Gabriel Dagne. The Ethiopian Orthodox Church School System. — The Church of Ethiopia. Addis Ababa, December 1970.
Gobat, 1847. — Gobat S. Journal of Three Years' Residence in Abyssinia. L., 1847.
Isenberg — Krapf, 1843. — Isenberg C. W., Krapf J. L. Journal Detailing Their Proceedings in the Kingdom of Shoa and Journeys in Other Parts of Abyssinia. L., 1843.
Menghistu Lemma, 1965. — Menghistu Lemma. Modern Amharic Literature: The Task Ahead. — «The Voice of Ethiopia», 19 May 1965.
R. Pankhurst, 1962. — Pankhurst R. The Foundation of Education Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia. — Ethiopia Observer. Vol. 6, № 3, 1962.
S. Pankhurst. — Pankhurst S. Education in Ethiopia. [Б. М., б. г.].
Ullendorff, 1960. — Ullendorff E. The Ethiopians. An Introduction to Country and People. L., 1960.
Wright, 1877. — Wright W. Catalogue of the Ethiopic Manuscripts of the British Museum. L., 1877.
Маконен Эндалькачеу, 1953. — Маконен Эндалькачеу. Армунь (Поправьте меня). Аддис-Абеба, 1953 (1945 — по эфиопскому календарю) (на амхар. яз.).
Хабте Марьям Воркнех, 1970. — Хабте Марьям Воркнех. Тынтави йеитьйопья сыръате тымхырт (Система древнего эфиопского образования). Аддис-Абеба, 1970 (1963 — по эфиопскому календарю) (на амхар. яз.).

А. Б. Халидов

РУКОПИСНАЯ КНИГА В АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Эпоха арабской рукописной книги продолжается с VII в. до начала книгопечатания в XIX в.; после появления печатной арабской книги рукописная некоторое время ей сопутствует, но постепенно отходит на второй план, вытесняется из живого обращения и оседает в хранилищах как памятник прошлого. Не столь четко устанавливаются географические рамки распространения арабской рукописной книги, поскольку периферийные ее границы были зыбкими и исторически изменчивыми. Областью наиболее интенсивного созидания и использования был и оставался Ближний Восток вместе с некоторыми прилегающими к нему территориями, хотя и в этих пределах единого для всех периодов центра не существовало.

Необходимо оговорить также, что эпитет «арабская» в выражениях «арабская культура» и «арабская рукописная книга» предполагает, кажется (по аналогии с современными национальными культурами), несколько бо̀льшую этнолингвистическую и географическую определенность, чем это в действительности имело место. На самом же деле этот эпитет с несомненностью указывает только на язык и средство его графической передачи, письмо. Арабская культура и арабская рукописная книга получили значительно более широкое распространение, чем зона обитания арабов или область их политического господства. Но тем не менее традиция этой культуры и рукописной книги характеризуется единством, не позволяющим членить ее на части при научном рассмотрении.

Рождение арабской книги датируется VII в. н. э., точнее — началом его четвертого десятилетия. До этого времени письменные памятники арабского языка были представлены лишь краткими текстами, высеченными на камне, если не считать встречающиеся в иноязычных источниках упоминания арабских слов, имен, названий.

Древние арабы, или протоарабы, пользовались двумя разновидностями семитского буквенно-консонантного (по другим оценкам — слогового) письма. Выполненные ими надписи обнаруживаются лишь в одной части обширного Аравийского полуострова, а именно на его северо-западе и в прилегающем

сиро-палестинском регионе. Хронологически более ранним является употребление так называемого сабейского (южноарабского, или южноаравийского) алфавита из 29 знаков; слегка различающимися вариантами этого алфавита выполнены надписи, которые называют самудскими, лихйанскими, сафскими (сафаитскими) и синаитскими. Количество эпиграфических памятников велико, исчисляется сотнями и тысячами, но доставляемая ими информация о языке очень скудна, так как они содержат по большей части имена высекавших их лиц и — реже — короткие фразы. Точная датировка надписей проблематична; время появления самых ранних из них относят приблизительно к пятому или более отдаленному веку до нашей эры, вплоть до восьмого, а нижний хронологический предел — к III—IV вв. н. э. Литературного продолжения эта традиция не получила и постепенно отмерла, но благодаря прочности материала надписи сохранились до наших дней; в XIX—XX вв. они были открыты востоковедами, расшифрованы и опубликованы (работы по их поиску, исследованию и изданию продолжаются).

Иною была судьба арамейского алфавита из 22 знаков в Набатейском государстве, существовавшем на рубеже нашей эры в том же северо-западном углу Аравии: из него развился самостоятельный алфавит, который стал впоследствии собственно арабским, употребляемым по сей день. Сначала этим письмом передавали отдельные арабские имена, слова и грамматические формы в текстах на арамейском языке, позднее составляли надписи на арабском языке. Сохранившиеся памятники обособившегося раннеарабского письма крайне незначительны — это всего лишь несколько надписей IV—VI вв., происходящие из Южной Сирии.

Таким образом, только небольшая группа арабских племен заимствовала у своих соседей искусство письма немного ранее середины I тысячелетия до н. э. и использовала его для ограниченных целей. Позднее, в первые века нашей эры, другая группа арабских племен освоила еще одну разновидность семитского письма и также применяла его практически очень мало. В целом же арабы оставались, по существу, бесписьменным народом и основную массу культурной информации передавали от поколения к поколению устным путем. Правда, как выяснилось впоследствии, у них уже сложился (с III в. н. э.?) общий для большинства племен поэтический язык и высокого развития достигли словесные искусства, особенно поэзия.

В V—VI вв. упомянутое раннеарабское письмо набатейского происхождения распространилось, очевидно, по всей Северной Аравии; есть сведения о том, что оно было известно

в Думат ал-Джандале, Тайме, Анбаре, Хире, Мекке, Ясрибе, Таифе и, может быть, в других городках и селениях. Это связывают с проникновением христианства в Аравию и сложением полувассальных, зависимых от Византии и Ирана государств — Лахмидского в Приевфратье и Гассанидского на юге Сирии. Однако прямых свидетельств в виде письменных памятников мы не имеем. Поэтому вопросы о возможном существовании документальных и литературных записей, христианских молитвенных и литургических текстов на арабском языке остаются в области предположений и гипотез. До открытия новых данных — надежды на это призрачны — удовлетворительное решение поставленных вопросов не может быть достигнуто (см., например, [Nöldeke — Schwally, 1909, с. 10—11]).

Подлинный переворот в социально-политической и культурно-идеологической жизни арабов обозначило появление ислама в первой трети VII в. Колыбелью нового вероучения стал город Мекка в западной части Аравии, давний торговый и культурный центр общеаравийского значения. Ислам начался с индивидуальной проповеднической деятельности его основателя: здесь около 610 г. местный купец среднего достатка Мухаммад, сын ʿАбдаллаха, примерно в сорокалетнем возрасте поведал своим ближайшим родичам о являвшихся ему пророческих видениях. В течение ряда лет он без особого успеха призывал мекканцев уверовать в Единого бога, Аллаха, и отринуть остальных богов, которым они тогда поклонялись. Большинство горожан отнеслось к его призывам с сомнением и порой откровенно над ним насмехалось, только несколько его родичей выразили ему сочувствие и поддержку; все же вокруг них объединилась небольшая группа иноплеменных рабов и вольноотпущенников. За 12 лет Мухаммад достиг в Мекке незначительного успеха, число его последователей стало немногим более ста человек. Перебравшись в 622 г. в Ясриб (будущую Медину), он возглавил общину из эмигрировавших вместе с ним мекканцев и поддержавших его местных сторонников. Благодаря ряду умело проведенных дипломатических актов и боевых операций Мухаммад установил власть над всем Ясрибским оазисом и окрестными племенами, а в 630 г. с триумфом вступил в Мекку. За последние два года его жизни почти вся Аравия признала его верховный авторитет, духовный и светский. Так впервые в истории состоялось политическое объединение населения и территории Аравийского полуострова под властью независимого государства, началась консолидация разрозненных родо-племенных коллективов в единый народ, вобравший в себя также потомков создателей южноаравийских цивилизаций.

Мухаммад проповедовал свое учение изустно, провозглашая откровения, «внушаемые» или «ниспосылаемые» ему Аллахом через посредство некоего духа или вестника. На довольно ранней стадии проповеднической деятельности у Мухаммада созрело представление о том, что «славный Коран» хранится в небесной скрижали, предвечной и сокровенной, и ниспосылается ему частями. Он неоднократно говорил об этом, но при его жизни земной аналог книги не был письменно закреплен в той последовательности и в тех выражениях, как он ее сообщал. Более того, он возвращался к уже обнародованным «откровениям», менял их словесное выражение и смысл, объявлял некоторые из них отмененными и взамен произносил новые. Пока пророк был жив, Коран не находил завершения.

Коран запоминали наизусть мусульмане, а отдельные его части, по всей видимости, записывались грамотными людьми. Когда Мухаммад был уже главой многочисленной общины и значительного государства, при нем состояли писцы-секретари.

После его смерти возникла настоятельная необходимость собрать воедино все его «откровения», упорядочить их и записать. Задача составления сводного текста Корана была возложена на молодого Зайда б. Сабита, одного из бывших вольноотпущенников и писцов Мухаммада. Он и выполнил ее в правление первого халифа — Абу Бакра (632—634). Так состоялось превращение устного Корана в Коран писаный, т. е. возникла первая в истории арабская книга. Значение этого факта трудно переоценить.

Правда, становление Корана на этом не закончилось. Наряду со сводным текстом Зайда б. Сабита продолжали существовать и другие сборники «откровений» Мухаммада. Поскольку в исламской общине решение всех возникавших вопросов стремились обосновать ссылками на божественную книгу, то ее часто цитировали либо по памяти, либо по имевшимся спискам. Коран стал важным оружием в социальной борьбе, вокруг его истолкования и применения начались разногласия, которые, как известно, не смолкают по сей день. Руководители общины были заинтересованы в установлении авторитетного и общепризнанного текста книги.

К созданию сводного текста Корана вновь обратились около 651 г. при третьем халифе — Османе (644—656). Для этого была назначена коллегия из четырех лиц во главе с тем же Зайдом б. Сабитом. Неизвестно, отличалась ли новая редакция от прежней сколько-нибудь существенно, но теперь были приняты все меры к тому, чтобы сделать ее официальной, размножить в копиях и разослать в главные города тогдашнего

арабского государства — Мекку, Дамаск, Куфу и Басру. Все остальные записи было велено собрать, использовать для сличения, а затем уничтожить. Однако добиться этого сразу и полностью не удалось: еще в течение двух-трех веков в обращении находились кое-какие версии Корана, имевшие расхождения с текстом официально принятой редакции. Но постепенно они совершенно исчезли, так же как не сохранились прижизненные Мухаммаду записи. Коран дошел до нас только в редакции времени Османа, а разночтения ранних списков продолжали обсуждать в сочинениях, специально этому посвященных.

«Откровения» Мухаммада состояли из отрезков речи, которые назывались *айат*, что значит «знамение» или «чудо», но переводится условно «стих (Корана)», хотя формально-стилистические особенности Корана можно охарактеризовать как ритмизованную и местами рифмованную прозу (араб. *садж*ʻ), четко отличавшуюся по ряду признаков от поэзии (*шиʻр*). Группы айатов образуют *суры*, условно называемые «главами», которых насчитывается 114. Как айаты, так и суры неодинаковы по величине. Редакторы Корана имели, очевидно, перед собой готовые куски текста, которые они должны были расположить в определенной последовательности. Избрав формальный путь, они разместили суры в порядке убывающего объема, лишь изредка отступая от этого принципа; на первое место, в частности, была выдвинута коротенькая сура (*ал-Фатиха*) («Открывающая»), ставшая уже к тому времени наиболее часто произносимой молитвой. При таком способе расположения суры более раннего происхождения, состоящие из небольшого числа кратких айатов, попали в конец книги, а более поздние и пространные — в ее начало.

В целом с точки зрения содержания и композиции Коран создает впечатление слабо и нечетко упорядоченной книги. В нем без видимого порядка и логики следуют друг за другом увещания, предписания, предостережения и угрозы, произнесенные в разные годы деятельности Мухаммада и обращенные от имени бога к самому пророку, к верующим мусульманам, к язычникам или колеблющимся; назидательные притчи и рассказы на библейские и фольклорные сюжеты; описания грядущего «конца мира» и Судного дня, воздаяния грешникам и праведникам; указания и решения, призванные регламентировать все усложнявшуюся жизнь постоянно растущей общины *муслимов* (мусульман), их имущественные и семейные отношения, уладить взаимные обиды и распри отдельных лиц и групп и т. д.

Коран стал священным писанием мусульман, Книгой по преимуществу, «матерью книг» (*умм ал-китаб*), наиболее часто читаемой и переписываемой в мире ислама. Произошло это не сразу, а вместе с развитием и превращениями самого мира ислама.

Было бы очень важно знать, сколько времени Коран оставался единственной арабской книгой и как скоро размножались его копии, когда появилась следующая книга, ставшая собственно первой земной, человеческой книгой, происхождение которой не мистифицировано связью с небом и пророческим откровением. Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, возникающие в связи с ним, не может быть дан с желаемой степенью точности.

Ясно, что превращение арабов из бесписьменного народа в обладателя богатой, разнообразной письменности совершилось не только благодаря Корану, хотя он стоял у истоков и дал мощный импульс. За Кораном последовали другие книги. Уже в VIII в. было немало арабских авторов и произведений, в следующем, IX в. тех и других насчитывалось сотни, а далее книжная письменность разрасталась как снежный ком, воплощаясь во множестве разнотипных сочинений светского и духовного содержания.

Начала всех отраслей арабской письменности, известных по более поздним памятникам и рукописям, традиция возводит к VIII и частично к VII в., а от них сохранилось до обидного мало прямых документальных свидетельств. По соображениям исторической логики действительно арабские книжные жанры должны были возникнуть где-то на рубеже VII—VIII вв., расти и развиваться последовательно. Но наука требует неопровержимых материальных подтверждений, а от факта гибели самых первых сочинений и ранних рукописных их копий (кроме Корана) никуда не уйти.

Проблема начальной истории арабской письменности существует с самого появления арабистики и по-разному решается в зависимости от научных школ и направлений, индивидуальных склонностей и таланта отдельных ученых. Увеличение фактического материала и совершенствование исследовательских приемов добавляют новую пищу для незатухающей полемики по этой проблеме, одной из ключевых в арабистике. Два крайних ее решения опираются либо на полное недоверие к тем сообщениям и объяснениям, которые содержатся в арабской традиции, либо на признание достоверности этой традиции с небольшими оговорками и поправками. Сторонники крайних или компромиссно-умеренных точек зрения по-разному заполняют тот промежуток в один-полтора века ранней

истории арабской письменности (от 630 до 750-х годов и чуть позднее), когда происходили скрытое от нас вызревание ее жанров и медленный рост числа авторов и произведений; неодинаково представляют внутренний процесс развития и раскладывают его этапы на хронологической шкале.

В то же время основные источники арабской письменности и магистральные пути ее становления в общем и целом понятны, каких-либо таинственных или принципиально непостижимых моментов не содержат. Во-первых, арабские книги сложились из записей произведений устной словесности, созданных по большей части задолго до появления ислама и хранившихся в людской памяти. Во-вторых, они представляют собой переводы с других языков. В-третьих, они возникли как продукт общественной мысли и литературного творчества раннеисламской эпохи.

Значит, проблема сводится к тому, чтобы установить, точнее говоря, реконструировать с большей или меньшей вероятностью, в какой последовательности появлялись арабские книги указанных типов, кто, когда, где, в каких условиях и с какими целями занялся записями, переводами, сочинительством. Однако конкретная история арабской письменности определялась комплексом политических, социально-демографических и культурных факторов, без предварительного рассмотрения которых не обойтись. Необходимо хотя бы обозреть их очень бегло и в самом общем виде.

Тот же самый хронологический период, который нас интересует с точки зрения развития арабской литературы и книжного дела (а именно с 30-х годов VII до середины VIII в.), насыщен крупномасштабными историческими событиями и процессами, обозначившими резкие, глубокие перемены в судьбах народов и стран ближневосточного региона. Объединенные новой религиозной идеологией и молодым государством, арабы сокрушили две могущественные империи на Переднем Востоке: Византийскую (или Восточноримскую) и Иранскую (по правившей династии — Сасанидскую) — и создали мировую державу, Халифат. Население тех территорий, которые были завоеваны арабами, было не просто механически объединено в новом государстве. Началась коренная перестройка социальных отношений и социальной организации, интеграция разнородных элементов в языковом, культурном, религиозно-политическом отношении. В складывавшемся общественном организме традиции разных культур слились в единое русло. В обширной зоне новой синкретической культуры, охватывавшей Юго-Западную Азию, Северную Африку и части Южной Европы, Аравия стала лишь малой и не главной

частью; в этносоциальном коллективе ее творцов и носителей арабы составили меньшинство, правда очень активное и привилегированное. Арабский язык был основным средством коммуникации и одним из средств самовыражения в том обществе, которое эту культуру создало.

В результате тех же социально-исторических процессов глубокие изменения претерпел и сам арабский язык. Изолированное развитие живых арабских говоров прервалось, происходило их сближение и выравнивание. В то же время увеличение количества людей, говорящих по-арабски, за счет притока усвоивших арабский язык представителей других народов вызвало его ускоренную эволюцию. Изменения затронули фонетику, морфологию и синтаксис, т. е. весь строй арабского языка; общее их направление состояло в возрастании удельного веса аналитических средств и упрощении системы флексий. Арабская лексика обогащалась благодаря заимствованиям, новообразованиям и употреблениям наличных слов в новом значении. Под мощным субстратным влиянием других языков происходила перегруппировка прежних и формирование новых разговорных арабских диалектов.

В условиях быстрого и интенсивного языкового изменения остро встал вопрос о нормативном языке для литературного и официального употребления, а также об усовершенствовании средства его письменной фиксации. В качестве языкового эталона был принят язык поэзии и Корана, тогда еще очень близкий большинству бедуинских говоров Аравии. Высокий престиж арабскому языку обеспечили громкие победы арабов на полях сражений; распространение ислама его укрепило. Важные решения, способствовавшие дальнейшему упрочению позиций арабского языка, были приняты в правление халифа ʿАбдалмалика в конце VII в. В столице Халифата г. Дамаске делопроизводство было переведено на арабский язык, и этот обычай распространился по всему государству. Тогда же начали чеканить монеты с арабской легендой.

Реформа арабской орфографии точно не датируется. По всей видимости, она протекала постепенно, в несколько этапов, по мере накопления опыта у разных писцов. Некоторые нововведения связывают с инициативой тех или иных влиятельных государственных деятелей при дамасских халифах из династии Омейядов, в частности с инициативой всесильного «наместника обоих Ираков» ал-Хаджжаджа при упомянутом ʿАбдалмалике. Одновременно в историко-литературных источниках большой упор делается на деятельности отдельных филологов; на их счет относят идеи исправления и улучшения арабской
 орфографии, изобретение конкретных значков и установление

правил их употребления либо же создание авторитетного прецедента своей личной практикой в преподавании и переписывании (о ранних филологах речь пойдет ниже). Подобные косвенные датировки позволяют растянуть реформу или ее отдельные этапы на период в целое столетие — от 680 до 780-х годов. Суть ее заключалась в следующем.

Из 22 набатейских букв несколько пар и одна группа из четырех букв на письме были очень схожи, почти совпадали. Для того чтобы отличать их друг от друга, в раннеарабском письме были введены диакритические точки, надстрочные и подстрочные. Теперь уже сблизившиеся или почти совпавшие буквы писали совершенно одинаково, только точка (иногда две или три точки), поставленная сверху или снизу одной из них, служила средством их различения. Развивая тот же прием, т. е. используя наличные графемы и диакритические точки и по-разному их сочетая, изобрели семь дополнительных букв (арабский язык богаче согласными звуками, чем набатейский). Так был получен арабский алфавит из 28 букв (одна набатейская буква не нашла применения и уже давно была отброшена). Но основных графем, различающихся между собой независимо от наличия или отсутствия точек, осталось 15, как было в исходном, набатейском письме.

Уже в набатейском письме буквы в пределах слова или его части соединялись линией, по преимуществу с одной стороны. В раннеарабском письме тенденция к курсивности усилилась, большинство букв соединялись лигатурами с обеих сторон. Зрелое арабское письмо на практике выработало правило связного написания, при котором у каждой буквы имелось по три устойчивых позиционных варианта (начальный, серединный и конечный) и один не связанный, изолированный (как исключение, шесть букв сохранили давнюю особенность соединяться только справа, но не слева и потому имели только конечный и изолированный варианты). Таким образом, 28 арабских букв реализовывались в ста начертаниях, а корпусы букв без учета точек — в 68.

Эти две стороны совершенствования арабского письма — введение диакритической пунктуации и лигатурных соединений букв — сопровождались установлением соразмерности букв, т. е. взаимной их согласованности по величине.

Известный в набатейском письме обычай передавать иногда долгие гласные посредством согласных букв в арабском был возведен в систему. И потому буквы *алиф*, *вав* и *йа'* кроме основной своей функции — обозначать соответствующие согласные — приняли на себя функцию обозначения долгих гласных $\bar{a}$, $\bar{y}$, $\bar{u}$.

Краткие же гласные (в протоарабском, набатейском и раннеарабском не обозначавшиеся никак) стали передавать не посредством особых букв, а надстрочными и подстрочными значками при тех согласных, за которыми они следовали (это было возможно только при таком типе языка, как арабский, где два гласных подряд вообще не встречаются). Благодаря этому нововведению арабская графическая система отошла от традиционного семитского типа, по существу слогового, но не стала полностью алфавитной.

Сверх того был введен ряд других дополнительных значков, которые также ставили над или под буквами, но не на строке.

Одним словом, историческая орфография арабского языка развивалась в направлении от унаследованного набатейского письма к его приспособлению под нужды звучащей речи. Накапливался длительный опыт проб и ошибок по установлению лигатурных написаний «корпуса» букв, введению диакритических и прочих вспомогательных значков. Стремясь устранить стихийный произвол писцов, время от времени пытались если не нормализовать, то систематизировать орфографию. В результате был достигнут компромисс, выработано письмо, включавшее в себя ряд особенностей исторического написания, обусловленных консерватизмом системы, и ряд особенностей, отвечавших произносительным нормам двух основных арабских диалектов — восточного и западного, представленных соответственно поэзией и Кораном. Становление арабской системы письма можно считать завершившимся к середине VIII в., но оно не выразилось в каком-либо официальном акте, который придал бы ей обязательную силу. В установившейся орфографии были как общепринятые моменты, так и спорные, оставлявшие место для колебаний и индивидуального выбора.

Без написания «корпуса» букв с их лигатурами письмо не состоялось бы вообще — это было обязательным. А вот с вспомогательными значками всех типов, в том числе и с букворазличительными точками, дело обстояло иначе: полностью их писали редко, обычно же — выборочно, опуская произвольно. Поэтому арабское письмо оставалось исторически обратимым, способным вернуться к исходному своему состоянию, к той раннеарабской стадии, на которой графически различали 15 букв (в конечной и изолированной позициях — 18). Таким минимальным набором графем обходились не только в надписях (на камне, предметах, монетах), но и во многих документах и книгах. При отсутствии жестко регламентированной орфографии большинство арабских текстов записывалось таким вариантом алфавита, в котором число употреб-

ленных вспомогательных значков колебалось. Каждый текст, в том числе и книжный, характеризовался свойственным только ему набором элементов «полной» графической системы. Это сохранялось на протяжении всей истории арабской книги.

Усовершенствовав заимствованное письмо, арабы получили удовлетворительное средство для фиксации языковых памятников; каждой согласной фонеме языка соответствовала одна буква, и каждая буква передавала одну согласную фонему (исключения носят частный характер); гласные фонемы также могли быть переданы недвусмысленно и однозначно. К тому же это письмо обладало достоинством емкости и экономичности, что явилось одним из важных условий существования книжной традиции на арабском языке.

Расширение арабской державы, расселение арабов в новых землях и особенно в старых или основанных ими городах, распространение ислама и арабского языка среди наиболее активной части населения покоренных стран, укрепление позиций арабского языка в качестве государственного, завершение реформы орфографии — все это подготовило почву для дальнейших шагов арабской письменности [см.: Халидов, 1982 (I)].

Составление сводной редакции Корана, о котором речь шла выше, было предпринято в то время, когда шло усмирение арабских племен и утверждалась власть мединской общины во главе с халифом Абу Бакром на всей территории Аравийского полуострова. Вторая редакция Корана была осуществлена после решающих сражений на Ярмуке, при Кадисии и Нихавенде, когда арабы овладели уже Сирией, Египтом, Ираком и Ираном. Во время первой гражданской войны 656 г. халиф Осман был убит, как свидетельствует историческое предание, в тот момент, когда он держал перед собой рукопись Корана, а воины сирийского наместника Муʿавии взывали к мести за Османа, подняв на острие копий свитки с текстом этой же книги.

В эпоху великих завоеваний, когда арабские армии на западе подошли к Пиренеям, на севере — к стенам Константинополя и на востоке — к долинам Амударьи и Инда, средоточием интеллектуальной жизни и литературного творчества были Аравия, Сирия и Ирак. Продолжала развиваться поэзия, возник интерес к генеалогиям арабских племен, разгорелись религиозно-политические споры, начался сбор преданий о раннеисламской мединской общине и первых боевых походах мусульман. Особое внимание привлекали богословско-юридические вопросы, решение которых связывалось с истолкованием и применением тех или иных положений Корана.

В связи с этим обсуждались разночтения его рукописей, разные способы его рецитации. Вся совокупность проблем и сложившаяся в государстве языковая ситуация придали актуальность филологии, прежде всего грамматике.

Именно в перечисленных областях были созданы первые письменные произведения. На роль одной из самых древних арабских книг мог бы претендовать комментарий к Корану, принадлежащий Ибн ал-ʿАббасу (ум. в 688 г.), если бы можно было уверенно полагать, что он был составлен в письменной форме. Известия о Ибн ал-ʿАббасе противоречивы; согласно некоторым из них, от него сохранилось много рукописей, согласно другим, его комментарий был записан и дополнен учившимися у него передатчиками следующего поколения. Во всяком случае, на рубеже VII и VIII вв. жили несколько человек (Даххак, Муджахид, Саʿид б. Джубайр), которые слыли авторами комментариев на Коран; на их толкования и через них на Ибн ал-ʿАббаса ссылались авторы сохранившихся комментариев на Коран, Мухаммад б. ас-Са'иб ал-Калби (ум. в 763 г.) и Мукатил б. Сулайман (ум. в 767 г.), а также их современники, чьи аналогичные сочинения известны только по упоминаниям [Abbott, 1967, т. 2, с. 95—101].

Сходное положение наблюдается в записи хадисов (рассказов и преданий о поступках и изречениях основателя ислама и его ближайших сподвижников). В начале VIII в. собиратели и знатоки хадисов в Медине, Басре, Куфе и Дамаске — среди них самые известные: Ибн Шихаб аз-Зухри (ум. в 741 г.), Йахйа б. Саʿид ал-Ансари (ум. в 760 г.), Ибн Джурайдж (ум. в 767 г.) — были прозваны «книжниками» за свое пристрастие к письменному способу передачи хадисов. Собранные ими хадисы составили, очевидно, значительное количество рукописей, под которыми подразумевались тогда отдельные тетради и свитки. Мединец аз-Зухри, который долгое время работал в Дамаске, пользуясь покровительством и поощрением нескольких омейядских халифов, является центральной фигурой в истории письменной фиксации хадисов. Однако ни он, ни его современники не претендовали на роль первых составителей сборников хадисов, они ссылались на своих предшественников, вплоть до представителей первого поколения мусульман, и не только на их устные сообщения, но и на записи. Самые ранние записи представляли, видимо, более или менее случайные подборки хадисов; позднее их группировали по именам тех лиц, которые назывались в качестве первоисточника или основного передатчика; к концу рассматриваемого периода, т. е. середине VIII в., появились тематические сбор-

ники хадисов, приспособленные для практических нужд судопроизводства и управления.

Вместе с тематически упорядоченными собраниями хадисов и *сунны* (обычаев пророка, халифов и др.) обозначилось рождение новой отрасли арабской письменности — *фикха*, учения о законах и нормах, которым должны подчиняться индивидуальное поведение и социальная жизнь мусульман. У истоков фикха стоят знатоки хадисов и толкования Корана Абу Ханифа ан-Ну'ман б. Сабит (ум. в 767 г.), ал-Ауза'и (ум. в 773 г.), Суфйан ас-Саури (ум. в 778 г.) и Малик б. Анас (ум. в 795 г.).

На первую половину VIII в. приходится жизнь Ибн Аби Исхака (ум. в 735 г.) из Басры и его современника из Куфы Му'аза ал-Харра', которые считаются авторами первых сочинений по арабской грамматике, известных по упоминаниям в более поздних источниках. Филологическими вопросами занимались в большей или меньшей степени все хадисоведы, чтецы Корана, собиратели исторических и генеалогических преданий доисламской Аравии и мусульманской общины, знатоки поэзии. Зачастую в этот ранний период одни и те же авторы писали в разных областях, поскольку отрасли знания были еще слабо дифференцированы. Учениками вышеназванных были знаменитые впоследствии филологи Абу 'Амр б. ал-'Ала' (ум. в 771 г.), 'Иса б. 'Умар ас-Сакафи (ум. в 766 г.), Йунус б. Хабиб (ум. в 798 г.), ар-Ру'аси и др.

Филологами и богословами Басры, портового города со смешанным населением, были выполнены переводы ряда письменных произведений с пехлевийского (среднеперсидского) на арабский. Ибн ал-Мукаффа' (казнен в 759 г.) принадлежит перевод «Калилы и Димны» и переложения некоторых назидательных сочинений. Есть известия о том, что еще раньше в Дамаске по заказу членов правящей династии Омейядов (Халида б. Йазида, 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза) переводились с греческого сочинения по алхимии, медицине, музыке; однако достоверность этих известий вызывает сомнение и к тому же не подкрепляется рукописными свидетельствами.

Настоящий подъем арабской литературы и науки, разветвление их жанров, резкое увеличение числа авторов и сочинений, расширение ареала их распространения, огромный размах деятельности по созданию, размножению и собиранию рукописных книг относятся к багдадскому периоду в истории Халифата во главе с династией Аббасидов (750—1258). Этот период протяженностью в пять веков слишком обширен, и поэтому лучше разделить его на две неравные части и рассмотреть сначала отрезок до середины XI в.

Разительные успехи арабской письменности начиная со второй половины VIII в. и далее хорошо видны на примере филологии. Вслед за упоминавшимися авторами первых грамматических трудов, из которых несколько пережили гражданскую войну, смену династий и застали аббасидских халифов, пришло новое поколение талантливых филологов, исследователей арабского языка и ревностных собирателей его памятников. Они также действовали сначала в Басре и Куфе. Основателем арабской филологии в главных ее разделах был ал-Халил б. Ахмад ал-Азди ал-Фарахиди из Басры (ум. в 791 г.). Его грамматическое учение, излагавшееся им на лекциях, было систематизировано его учеником Сибавайхи (ум. ок. 796 г.) в «ал-Китаб» («Книге»). В многочисленных параграфах этого объемистого труда грамматика арабского языка была описана детально и точно; теоретические положения этого труда, его композиция и терминология носили оригинальные черты. Популяризация «Книги» Сибавайхи через устное преподавание и переписку копий принадлежит ученикам обоих названных филологов, среди которых выделялись ал-Ахфаш Средний и ал-Мубаррад.

Наиболее видными филологами Куфы были ʻАли б. Хамза ал-Киса'и (ум. в 804 г.) и Йахйа б. Зийад ал-Фарра' (ум. в 822 г.). Они написали ряд грамматических сочинений, из которых лишь немногие сохранились до наших дней.

В конце VIII—начале IX в. большинство филологов Басры и Куфы перебрались в столицу, г. Багдад, и образовали две соперничающие группировки; они написали множество трудов и вели между собой нескончаемые споры по частным вопросам грамматики арабского языка. В середине века лидером «басрийцев» стал ал-Мубаррад, «куфийцев» — Саʻлаб; полемика между ними и их приверженцами продолжалась еще несколько десятилетий, потом затихла. Конечная победа была одержана басрийцами, утвердившими непререкаемый авторитет своей школы. Построение арабской грамматической теории, в сущности единой, было завершено трудами филологов X—XI вв. Ибн Дуруставайхи, ас-Сирафи, ар-Руммани, Абу ʻАли ал-Фариси, Ибн Джинни и др. Основная их заслуга состояла в создании нормативной грамматики арабского литературного языка, которую они рассматривали в последовательности: синтаксис, словообразование, фонетика; морфология отдельно не выделялась, но затрагивалась во всех трех разделах. Кроме всевозможных переработок и комментариев «Книги» Сибавайхи арабские грамматисты писали небольшие сочинения по частным вопросам.

В тех же кругах разрабатывалась арабская лексикография. Упомянутый ал-Халил создал и первый толковый словарь арабского языка. Слова в нем группировались по корням, а корневые гнезда располагались в алфавитном порядке. Причем ал-Халил обосновал и применил особый алфавитный порядок, основанный на физиологии речи: согласные у него шли начиная от гортанных к губным (в этом усматривают возможное индийское влияние, которое практически трудно проверить). По первой «книге», посвященной гортанному ʻайну, весь словарь был назван «Китаб ал-ʻайн» («Книгой айна»). Это был по замыслу всеобъемлющий свод арабской лексики.

Младшие современники и ученики ал-Халила предложили иной подход к описанию арабской лексики в своих предметно-тематических монографиях, в которых группировались и объяснялись слова на одну избранную тему (например, все слова, относящиеся к бедуинскому шатру). Как составители малых словарей особенно известны два соперничавших филолога — ал-Асмаʻи (739—831) и Абу ʻУбайда (732—826). Им принадлежат словарные монографии на такие темы, как верблюд, конь, человек, одежда, оружие, жилище, финиковая пальма, вода, редкие и странные слова, синонимы, антонимы и др. Их современник из Куфы Абу ʻАмр аш-Шайбани (ум. в 828 г.) составил словарь редкой поэтической лексики, следуя обычному прямому алфавитному порядку, и объединил слова в побуквенные главы по первому корневому согласному, но не позаботился об их упорядочении в пределах глав.

Упоминавшийся большой словарь ал-Халила, по-видимому, не был завершен автором, и этот труд довели до конца его ученики. Во всяком случае, его рукописи вошли в обиход только в 60—70-е годы IX в. Именно в те годы начал работать над созданием своего словаря «ал-Джамхара» («Свод») и закончил около 900 г. Ибн Дурайд (837—933). Он хотел упростить организацию лексического материала, но лишь слегка видоизменил систему ал-Халила; тем не менее его словарь стал более популярен, чем труд его великого предшественника.

В том же, X в. еще несколько лексикографов предприняли усилия по созданию больших словарей арабского языка, подражая одному из ранее обнародованных. Так, методу ал-Халила следовали ал-Кали (893—967), который перебрался в 942 г. из Багдада в Испанию, ал-Азхари (895—981) в своем десятитомном словаре «Тахзиб ал-луга» и Исмаʻил б. ʻАббад (938—995) в малооригинальном словаре с претенциозным заглавием «ал-Мухит» («Всеохватывающий» — оно привилось и впоследствии заимствовалось многими авторами). Ибн Фарис

и некоторые другие филологи составили словари с прямым алфавитным порядком расположения лексики.

Новые принципы организации лексического материала в толковом словаре ввел ал-Джаухари (ум. до 1007 г.). Происходя из Фараба (Отрара), он учился в Багдаде, путешествовал по Аравии и работал в Нишапуре. В своем «Сихахе» он охватил около 40 тысяч слов и распределил корневые гнезда по 28 главам, ориентируясь на конечный согласный корня. В пределах каждой главы он рассматривал корни в прямом алфавитном порядке, начиная с первого согласного и переходя ко второму. Построение его словаря отличалось четкостью и строгостью и было по достоинству оценено.

Одновременно с грамматическим учением и толковым словарем арабского языка была создана теория просодии арабского стиха. И принадлежит она тому же ал-Халилу. В VIII—IX вв. было разработано филологами и учение о рифме. Родоначальником поэтики, учения о фигурах и украшениях речи, стал ʿАбдаллах б. ал-Муʿтазз (уб. в 908 г.); параллельно с ним над вопросами поэтики и стилистики работали и другие филологи, в частности Кудама б. Джаʿфар. На рубеже X и XI вв. ал-ʿАскари дал систематический свод накопленного теоретического и иллюстративного материала в «Китаб ас-Синаʿатайн» («Книге о двух искусствах — [поэзии и прозе]»). Труды по просодии и рифме, равно как по поэтике и стилистике, представляли, как правило, небольшие по объему трактаты, занимавшие однотомную рукопись или ее часть.

Главным образом филологам принадлежит заслуга в письменной фиксации наследия древнеарабской и раннеисламской устной словесности. Богатейшая доисламская арабская поэзия знала одну-единственную форму законченного стихотворного произведения — моноримную *касыду*, насчитывавшую несколько десятков *байтов* (в письме — строк). В сюжетном отношении каждая касыда разбивается на несколько отрезков, в которых присутствуют пять-шесть тем из обязательного их набора. Кроме касыд сохранилось много коротких стихотворений с числом байтов до полутора-двух десятков. Часть из них представляют экспромты по конкретному поводу, другие можно рассматривать либо как разработки отдельно взятых сюжетов касыды, либо как фрагменты забытых касыд.

В первые десятилетия исламской эпохи поэзия отошла на второй план, но вскоре возродилась и в Аравии, и за ее пределами. Дамасские халифы и окружавшая их знать обратились к обычаю прежних вождей племен и аравийских «царей» покровительствовать поэзии. Наиболее выдающиеся поэты VII в. создали много касыд по древним образцам, особенно

в жанрах восхваления и поношения. Тогда же в городах получила развитие любовная лирика, формой для которой послужили небольшие самостоятельные стихотворения (жанр *газал*). В бедуинской среде Аравии были поэты, воспевавшие идеальную любовь, от которой поэт и его избранница страдали и погибали. Самые знаменитые пары, как Маджнун и Лейла, стали позднее героями романтических повестей.

При всей традиционности арабская поэзия заметно обновилась по содержанию и форме в творчестве поэтов VIII—IX вв.: богаче и разнообразнее стали любовная лирика, панегирики, описания окружающей человека природной и культурной среды. Появились новые темы и жанры (этико-философские, юмористические и пародийные стихи и др.), а прежние стали более утонченными как по выражаемым чувствам и мыслям, так и по техническому исполнению. Постепенно в нее вошли религиозные мотивы и темы (выражение благочестивых и покаянных настроений и чувств, прославление деятелей ислама и т. п.). Главным внешним показателем происшедших перемен был «новый стиль» поэзии, под которым понимали образные средства на уровне поэтической лексики и поэтического синтаксиса: сравнения и тропы, подбор слов, способы украшения речи. Поэты нового направления, в большинстве своем связанные с Багдадом и аббасидским двором, после некоторого колебания были признаны обществом и вскоре стали своего рода классиками. Популяризации арабской поэзии способствовало исполнение лирических стихов певцами и певицами в музыкальном сопровождении; это было одним из главных развлечений высшего общества.

В мире арабской рукописной книги поэзия заняла видное место и по объему, и по значению. В новейшем труде по средневековой арабской письменности Ф. Сезгин [Sezgin, 1975, т. 2, с. 33—107] приводит названия и имена составителей около 300 сочинений VII—начала XI в., которые включали творения поэтов этого же времени и более древней бесписьменной эпохи; часть из них представлена рукописями, другая (около одной трети) известна только по упоминаниям. Основными видами книг, посвященных поэзии, были *диваны* и антологии. Персидским словом *диван* обозначали сборник стихотворений либо одного поэта, либо поэтов одного племени. В диване стихотворения располагали: в алфавитном порядке рифм (по последнему согласному), в порядке убывающей длины (начиная с больших касыд и кончая отдельными байтами) или по тематическим группам. Диван племени складывался из диванов отдельных поэтов, помещаемых один за другим. Впрочем, практически известен только диван племени хузайл, упоми-

нания о существовании остальных весьма смутны, хотя их насчитывают десятками и относят к очень раннему времени.

Поэтические антологии разнотипны. Здесь мы находим собрания лучших, или отборных, произведений древних поэтов («ал-Му'аллакат», «ал-Муфаддалийат», «ал-Асма'ийат»); сборники типа *нака'ид*, которые объединяли сатирические стихи двух или нескольких поэтов, обращенные ими друг против друга (как поношение, насмешка и т. п.); книги о достоинствах, подвигах и о позорных качествах и деяниях разных арабских племен; тематические сборники, в которые включались целые стихотворения и фрагменты на основании самых разных содержательных или формальных признаков.

Книги по поэзии содержат только стихи или сопровождаются прозаическим текстом: предисловием составителя, биографическими сведениями о поэтах, разъяснениями обстоятельств и поводов сочинения стихов либо реальным и филологическим комментарием. Конечно же, диваны и антологии различаются по объему: от тоненькой тетрадки до большого тома или многотомника. Прозаический текст иногда имеет самостоятельное значение и по-разному соотносится с поэтическим текстом количественно; в филологических трудах стихам отводится роль иллюстративного материала. В качестве цитат они входят в исторические и географические сочинения, нередко даже в богословские и научные труды. Версифицированные сочинения в разных областях знания начали писать в VIII в.; далее их число увеличивалось.

Проза исконно арабская выступает в близком соседстве с поэзией, как сопровождающий рассказ — объяснение стихов, рассказ — предание о памятном событии. Вообще в арабской прозе преобладают разнообразные малые формы — рассказы, легенды, анекдоты, притчи, афоризмы, речи, которые в изобилии вошли в книги разного типа и содержания и которые были составлены в VIII—IX вв., в период письменной фиксации произведений устной словесности и расцвета филологии. Важным источником пополнения арабской прозаической литературы явились фольклорные произведения народов Халифата и переводы памятников персидской, сирийской и греческой литератур. Особенно емким оказался жанр «обрамленной повести», который позволял объединить разнородный литературный материал в сплошное повествование. Достаточно вспомнить сборник «Хазар афсане» («Тысяча сказок»), который был переведен на арабский в IX в. и позднее переработан в «Алф лайла ва-лайла» («Сказки 1001 ночи»).

К этой же эпохе относится возникновение жанра *адаб*.
 В книгах по адабу стремились очертить круг знаний, необ-

ходимых и достаточных для просвещения ума и сердца, для воспитания полезного члена общества. По характеру изложения они должны были сочетать развлекательное и поучительное, художественное и познавательное. Они складывались обычно из небольших отрезков текста, в которых рассказывалось о поучительных примерах, случаях из жизни или литературы; связующим звеном служили отвлеченное моральное рассуждение и дидактическое наставление, «полезная» информация. Эти книги были адресованы представителями знати, многие из них становились достаточно популярными.

Сюжетная проза с вымышленным героем появилась в арабской литературе только в конце X в. и дала только один оригинальный жанр — *макаму*. Цикл из 50 макам, написанных рифмованной прозой и стихами, создал Бади' аз-Заман ал-Хамадани (ум. в 1008 г.), который жил в Восточном Иране. В каждой из макам главный персонаж, бродяга и плут, попадает в сложную ситуацию и при помощи какой-либо уловки изворачивается, одурачив окружающих. Объясняемые им мотивы поступков являют собой полную противоположность положительной морали серьезной литературы. С героем «неожиданно» встречается, за ним наблюдает, его речам внимает другой постоянный персонаж — рассказчик, который лишь в редких случаях сам принимает участие в действии. Место действия, маски персонажей варьируются. Макамы складываются в цепь похождений и перевоплощений плута, хронологически и событийно не увязанных между собой. Надо заметить, что рассказы и анекдоты о всяких плутах, пройдохах, попрошайках встречаются в антологиях как до, так и после ал-Хамадани.

Другой крупный массив арабской письменности образовали сочинения богословско-юридические и исторические. Их развитие продолжалось по тем же линиям, которые были начаты в предыдущий период до середины VIII в. Преемственность непосредственно обеспечивалась теми авторами, которых аббасидский переворот не затронул и чьей дальнейшей деятельности не помешал.

Та ветвь богословско-коранической литературы, которая посвящена тексту Корана, его изучению, письменной передаче и воспроизведению вслух, быстро разрасталась. В течение рассматриваемого периода были написаны десятки трудов об орфографии и разночтениях самых ранних списков Корана, о разных способах его рецитации (торжественной декламации речитативом), о грамматических и смысловых вариантах отдельных выражений и слов, об «отмененных» и «отменяющих» айатах, о неподражаемости стиля Корана и различных других

его особенностях и достоинствах. Несомненно также, что рукописи самого текста мусульманского священного писания изготовляли во все возрастающем количестве экземпляров; его часто цитировали и на него ссылались по разным поводам.

Весь комплекс вопросов, связанных с текстом Корана и его истолкованием, рассматривался в трудах по экзегезе — *тафсирах*. Последние содержат филологические, исторические и богословские комментарии ко всему тексту слово за словом, айат за айатом, сура за сурой. Как правило, они довольно объемисты. О нескольких ранних тафсирах речь шла выше. С 750 по 1050 г. их было написано еще не менее полусотни, из них почти половина не сохранилась. Фундаментальный свод всего, что было сделано по экзегезе Корана за два с лишним столетия, представляет «Тафсир» ат-Табари (838—923). Его авторитет заслонил, очевидно, прежние труды и вытеснил их из обращения. Несмотря на громадный объем (в печатном издании 30 томов), «Тафсир» ат-Табари переписывали усердно, и потому он сохранился во многих копиях.

Как известно, учение о пророке Мухаммаде стало важной составной частью ислама, вошло в самый символ веры, в юриспруденцию и богословие, в историографию и литературу. Уже на первом этапе собирания хадисов и сунны пророка и его сподвижников было создано немало письменных произведений, но теперь количество передаваемого материала и число участвующих в передаче людей резко возросло. Это нашло выражение и в большом числе произведений, и в увеличившемся их объеме. Говорят, что в обращении находилось до полутора миллионов хадисов. Однако сборники, пользовавшиеся наибольшим признанием и авторитетом, включают их в обозримом и ограниченном количестве; так, немногим менее 30 тыс. учел Ахмад б. Ханбал (ум. в 855 г.) в своем «Муснаде». Шесть самых знаменитых сводов хадисов были составлены во второй половине IX в.: «ас-Сунан» Абу Да'уда, Ибн Маджи и ан-Наса'и, «ал-Джами' ас-сахих» ал-Бухари, Муслима и ат-Тирмизи. Из них «Сахих» (так кратко его называли) ал-Бухари почитался на втором месте после Корана. Всего же только в рассматриваемый период по крайней мере около 400 авторов написали сочинения по хадисоведению. Эта отрасль знания стала специальностью для многих людей. Со временем она разветвляется на особые дисциплины; так, например, изучение методов собирания и передачи устным и письменным путем, проверки достоверности хадисов, способов их классификации считалось основами (*усул*) хадисоведения.

В VIII—IX вв. сложились четыре основных суннитских и еще несколько других направлений (или школ) исламского

законоведения (*фикха*). У истоков каждого направления (*мазхаба*) находятся основополагающие сочинения их родоначальников; в них разрабатывается примерно одинаковый круг вопросов: ритуал и молитва, налог и милостыня, пост, паломничество, война за веру, суд и присяга, похвальные и предосудительные деяния, наследование, виды собственности, торговля, залог, взаимоотношения мусульман с иноверцами и т. д. Сочинения по фикху делятся на «книги» (*китаб*), посвященные одному из этих вопросов. Число и порядок «книг», их соотношение и детализация варьируются, так же как варьируются изложение, доказательства, примеры.

Уложения законов мусульманские государства не знали, поэтому сочинениям по фикху придавалось особое значение; их число очень велико, каждая из суннитских, шиитских и других школ фикха успела создать их по нескольку десятков уже к середине XI в. По числу копий сочинениям по фикху всегда принадлежало одно из первых мест. Состав почти каждого собрания арабских рукописей в наши дни прекрасно иллюстрирует справедливость этого положения.

Богословие сравнительно поздно выделилось из перечисленных «исламских наук» в самостоятельную область, но в VIII—IX вв. представлено некоторым количеством авторов и сочинений; особенно много их было, очевидно, у муʿтазилитов (представителей особого течения рационалистической теологии), но они плохо сохранились. В рукописях известны труды основоположника суннитской (или «ортодоксальной») догматики ал-Ашʿари (ум. в 935 г.) и его последователей (ал-Матуриди, ал-Бакиллани и др.), а также шиитских теологов (имамитская ветвь шиитской теологии с большим успехом разрабатывалась в X—начале XI в. и дала много сочинений).

На почве народных верований и гностицизма возник мусульманский мистицизм, принимавший различные формы; его сторонников называли *суфиями*. От ранних аскетов и суфиев до нас дошли только афоризмы, речи и отдельные стихи, но известно, что уже начиная с IX в. среди них были книжники и авторы многочисленных мистических трактатов. До середины XI в. их насчитывается около двух десятков, а сочинений — около двух сотен.

По происхождению и идейным установкам арабская историография связана и с фольклорно-литературной традицией, и с богословско-кораническим комплексом. Главным предметом исторических трудов была история исламской общины, выраженная в деятельности ее политически и интеллектуально активной части. К этому добавились народные предания доисламской Аравии, легендарная история древних пророков и

персидских царей. В целом для средневекового арабо мусульманского общества характерны вполне определенные формы исторического самосознания, четкое летосчисление по лунному календарю, преемственность историографической традиции.

Большая работа по сбору и классификации преданий и фактического материала по истории Аравии и ранней исламской общины была произведена хадисоведами и филологами VIII в., однако их труды сохранились лишь в обработке и передаче более поздних авторов. От первой половины IX в. до нас дошел ряд исторических сочинений: жизнеописание пророка Мухаммада, сборник биографий его сподвижников и видных деятелей ислама второго поколения, своды преданий различных групп арабских племен, монографии об отдельных крупных событиях и военных походах. В основном это книги Абу Михнафа, Ибн Исхака и Ибн Хишама, ал-Вакиди, Ибн Са'да, ал-Мада'ини.

Создание трудов более широкого плана, в которых разнородные материалы предшествующих авторов объединены в связное историческое повествование, относится ко второй половине IX в. (ал-Балазури, ад-Динавари и ал-Йа'куби). Ранний период арабской историографии завершает «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей») ат-Табари (ум. в 923 г.) — огромный свод исторических и псевдоисторических материалов, который стал наиболее авторитетным трудом по истории исламских стран и народов первых трех веков хиджры. Было написано несколько «продолжений» труда ат-Табари. В IX в. создаются труды по истории отдельных регионов — государств, стран, городов.

Ранними образцами биографической литературы явились жизнеописания Мухаммада и перечни «разрядов» (*табакат*) его последователей в двух-трех поколениях, авторитетов в области хадиса и сунны (первый опыт принадлежит Ибн Са'ду, умершему в 844 г.). В дальнейшем были написаны как биографии отдельных лиц, так и своды биографий. В X в. составляются скромные собрания биографий грамматистов (ас-Сирафи) и врачей (Ибн Джулджул), судей Египта (ал-Кинди) и Испании (ал-Хушани); большое количество биографий поэтов и певцов включает многотомная «Китаб ал-агани» («Книга песен») Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (ум. в 967 г.). Биографические сведения о разных лицах, прославившихся в той или иной области науки или социально-политической деятельности, входили в самые различные книги. Некоторые придворные историографы уже в X в. начали сводить свои труды к биографиям членов династии, которой они служили, в своего рода биографические хроники.

В арабской историографии возникали и своеобразные труды, которые оставались одиночными или имели мало подражаний. Таковы историческая энциклопедия Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.), «ал-Асар ал-бакийа» («Хронология народов») и «Тахрир ма ли-л-хинд» («Индия») ал-Бируни (ум. в 1048 г.) и история христианских монастырей мусульманского автора аш-Шабушти (ум. ок. 998 г.).

Переводы с других языков на арабский продолжались во второй половине VIII в. более быстрыми темпами, все возрастая по количеству. Переводные письменные памятники отражали, естественно, опыт и традиции разных цивилизаций, порой очень далеко отстоящих от арабо-мусульманской цивилизации во времени и в пространстве. Этот пласт арабских рукописных книг состоял из сочинений по философии, географии, астрономии, космографии и математике, теории музыки, алхимии и прочим оккультным наукам, медицине, ветеринарии, фармакогнозии, ботанике, зоологии, минералогии и некоторым другим.

При первых аббасидских халифах (начало второй половины VIII в.) был переведен ряд произведений персидско-индийского круга по медицине, астрономии и математике. Планомерная работа по переводу научных трудов была организована при халифах Харуне ар-Рашиде и особенно при его сыне ал-Ма'муне в начале IX в. Для этих целей была создана коллегия переводчиков при столичном «Доме мудрости», как раз тогда учрежденном. Здесь работали Хунайн б. Исхак, его сын Исхак б. Хунайн, Хубайш б. ал-Хасан, Сабит б. Курра, 'Иса б. Йахйа. Были еще другие переводчики, которые действовали в тот же период и несколько позже в Багдаде и вне столицы. Благодаря трудам переводчиков произошла языковая метаморфоза громадного объема накопленных знаний, большого числа литературных и научных произведений, которые были унаследованы и переняты от многих этносоциальных коллективов и религиозных общин.

Центральное место в освоенном через переводы эллинистическом наследии принадлежало философии, в которой господствовал аристотелизм. «Органон» Аристотеля вместе с комментариями различных авторов, особенно Александра Афродисийского, труды Галена, Птолемея, Иоанна Филопона, Плотина, Порфирия Тирского — вот основное, что было переведено на арабский. Имена многих греческих философов стали известны через ближневосточную христианскую традицию, по цитатам, фрагментам и переложениям у других авторов. Немало было переведено псевдоэпиграфов, различных компиляций и анонимных сочинений.

Греческая философия, воспринятая с энтузиазмом, оплодотворила различные области арабской науки, литературы и богословия, способствовала появлению ряда поколений ученых с философским складом ума. Большинство трудов ранних мусульманских философов-рационалистов было, очевидно, уничтожено. Первым арабским философом считается Абу Йусуф Йа'куб ал-Кинди (ум. ок. 870 г.), пытавшийся осветить широкий круг вопросов, которыми занималась греческая наука. Он был современником всех значительных переводчиков этого периода и имел возможность из первых рук знакомиться с результатами их работы. Ал-Кинди и сам знал греческий и сирийский языки, кое-что переводил самостоятельно. Он искал пути примирения между собой противоречивых греческих учений и заложил направление, в котором развивалась вся мусульманская философская мысль, т. е. восточный перипатетизм. Следующим шагом было примирение греческой философии с религиозной доктриной ислама — этим были озабочены все. «Вторым [после Аристотеля] учителем» был признан ал-Фараби (ум. в 950 г.), автор ряда трактатов по физике, метафизике, логике и этике, философ, который придал восточному перипатетизму систематизированный вид [Сагадеев, 1980, с. 54]. Энциклопедический труд философского характера был создан группой авторов из Басры в конце X в. Были написаны также специальные трактаты о знании, его пользе и ступенях, труды по классификации и систематизации наук, ранними образцами которых являются «Мафатих ал-'улум» («Ключи наук») ал-Хваризми и труд Ибн Фаригуна (X в.) «Джавами' ал-'улум» («Собрания наук»). Своеобразный итог раннему этапу развития философии подвел Абу 'Али Ибн Сина в своей энциклопедической «Китаб аш-шифа» («Книге исцеления»).

Две основные линии арабской географической литературы, математическая и описательная, породили несколько типов сочинений: лаконичные таблицы (*зидж*) с определением положения стран и населенных пунктов и с теоретическим введением и пояснениями; последовательное описание «путей и стран (или государств)», маршрутов почтовых и торговых путей; описания конкретных путешествий; сводные труды смешанного характера (т. е. содержащие как теоретическую часть с данными о долготах и широтах, так и описательную) в форме описания населенной части земной поверхности. Основополагающее значение для арабской географии имели труды Птолемея и индийские таблицы, но ученые Халифата внесли в географию огромный вклад и развили дальше, не столько в теоретическом, сколько в практическом плане. Важнейшие труды,
 обычно умещающиеся в одном-двух томах (большой семитом-

ный свод ал-Джайхани не сохранился), приходятся на IX—XI вв. (они и составили знаменитую «библиотеку арабских географов»).

Содержание арабской географической литературы кратко и емко охарактеризовано И. Ю. Крачковским: «описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечислением населенных пунктов, с характеристикой культурных пространств и пустынь, с указанием сферы распространения культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых. . .», физико-географических и климатических условий, а также быта, промышленности, культуры, языка, религиозных учений; сведения не ограничивались «областями халифата и значительно выходили за пределы известного грекам мира. . . она дает такой комплекс материала, подобного которому в эту эпоху нигде найти нельзя» [Крачковский, 1957, с. 21—24].

Математика и астрономия, основанные главным образом на переводах Евклида, Птолемея и индийских сиддхант, были и оставались в Халифате практически направленными. Они состояли из небольших по объему сочинений и в арабской книжной продукции занимают скромное место. Арифметические главы обязательно входят в тот раздел сочинений по фикху, где рассматриваются вопросы наследования и раздела имущества. С астрономией и счетом связаны произведения, посвященные лунному календарю, определению времени молитв и поста, направления Каабы, куда молящемуся полагалось обращаться лицом. Математический и астрономический разделы входили в состав общефилософских трудов, в которых излагалась аристотелевская система в целом. Разумеется, географические, космографические и энциклопедические сочинения уделяли некоторое внимание математике и астрономии.

Музыке по греческой традиции отводилось место в философских трудах, она была представлена также отдельными небольшими трактатами. Истории арабской музыки и пения посвящена знаменитая антология Абу-л-Фараджа ал-Исфахани «Книга песен».

В число переводов с разных языков входили сочинения по алхимии, астрологии, магии, кабалистике, гаданию, толкованию снов, физиогномике и т. п. У истоков этих знаний на арабском языке стоит загадочная фигура Джабира ибн Хаййана (VIII в.), на которого потом многие ссылались; немало сохранилось и текстов, ему приписываемых; большинство европейских арабистов склонны признать их псевдоэпиграфами, но ряд мусульманских исследователей настаивают на их подлинности. Арабская литературная продукция, посвященная оккультным во-

просам, весьма обширна, хотя зачастую скрыта в недрах обычных сочинений. Наиболее проницательные ученые (ар-Рази и др.) старались отмежеваться от оккультизма, объявляя его абсурдом. С другой стороны, чернокнижие и магия не одобрялись ортодоксальными кругами. Но суеверия и ожидание чуда были широко распространены, некоторые элементы оккультизма нашли открытое признание, особенно в связи с успехами суфизма. По толкованию сновидений признанными авторитетами считались Мухаммад б. Сирин (ум. в 728 г.) и Джаʿфар ас-Садик (ум. в 765 г.); самое раннее сохранившееся сочинение было написано для халифа ал-Кадира в Багдаде в 1006 г. Абу Саʿидом ад-Динавари.

Медицина как область практических знаний, естественно, высоко ценилась, и медицинские сочинения переводили особенно охотно. Большой популярностью пользовались переводы Гиппократа и Галена (или приписываемые им сочинения), труды врачей и переводчиков IX в. Первым крупным ученым, который занимался самостоятельной исследовательской работой и клинической практикой в Рее и Багдаде, был ар-Рази (ум. в 925 г.). Его медицинская энциклопедия «ал-Хави» («Всеобъемлющий») объединяла в себе содержание многих десятков монографий и трактатов античных, византийских, индийских, сирийских, персидских авторов, равно как опыт врачей Джундишапура и Багдада, а также его собственную практику; ему принадлежит еще ряд монографий. Впоследствии прославились врачи и философы X—XI вв. ʿАли ал-Маджуси, Ибн Джазла, Ибн Бутлан, Ибн Сина и др.

Основные типы медицинских трудов: энциклопедии типа «ал-Хави» и «ал-Канун»; трактаты об отдельных болезнях, их симптомах и лечении, об общих свойствах человеческого организма (темпераментах, соках, смесях и пр.); алфавитные перечни лекарств и снадобий, трав, мазей; краткие компендии — практические руководства для врачей.

По зоологии и ветеринарии авторитетами считались Гиппократ, Аристотель и Аполлоний Тианский, а также сочинения арабских филологов в жанре тематических словарей; большой материал сведен в «Китаб ал-хайаван» («Книге о животных») знаменитого писателя ал-Джахиза (ум. в 889 г.). Труды по ветеринарии рассматривают в основном вопросы лечения верблюдов и коней, а также охотничьих птиц.

Арабская ботаника тесно связана с фармакогнозией; она начинается с перевода труда Диоскорида (I в.), выполненного в Багдаде в середине IX в. и в Кордове спустя столетие. Описания растений с точки зрения их лечебных свойств встречаются во многих медицинских сочинениях. Автором первого ботанико-

филологического сочинения был, видимо, Абу Ханифа ад-Динавари (ум. в 895 г.).

Специальных минералогических сочинений на арабском языке было немного. Широкое хождение получила «Китаб ал-ахджар» («Книга о камнях»), приписываемая Аристотелю; она была написана в IX в., как и несохранившиеся сочинения ал-Кинди, ал-Джахиза и некоторых других; все они, несомненно, основаны на переводах с греческого и сирийского. Ценный свод сведений, дополненный собственными наблюдениями и исследованиями, принадлежит ал-Бируни. О минералах и особенно о драгоценных камнях, в которых искали целебные и магические свойства, писали в медицинско-фармакологических и алхимических сочинениях, географиях и энциклопедиях, их воспевали в поэзии.

Совсем единичными сочинениями представлены на раннем этапе развития арабской письменности такие сферы деятельности человека, как ремесла, земледелие и агрономия, военное дело, игры, изготовление ароматических веществ, кулинария и др.

Надо, конечно, учитывать, что переводные сочинения недолго имели хождение в том виде, в каком они вышли из-под пера переводчиков, в редких случаях жили много веков (лишь некоторые сохранились до нас в рукописях). В большинстве они подвергались переработке с добавлением арабо-мусульманского опыта, инкорпорировались в новые книги, которые в конце концов и вытесняли их из обращения. Однако память о разном происхождении двух групп наук не исчезла, их деление на свои и чужие, арабо-мусульманские и иноземные (или «науки древних»), оставалось в силе. «Науки древних» были адаптированы с разной степенью интенсивности, в зависимости от этого составили более или менее обширный раздел арабской книжной письменности.

Таким образом, за первые четыре века существования арабо-исламского государства, начиная буквально с нуля, была создана обширнейшая и разнообразная книжно-письменная литература, которую составили идеологические, научные и художественные произведения многих десятков и сотен авторов [см.: Brockelmann, 1898—1949; Sezgin, 1967—1979; Халидов, 1982 (II)]. Повторим, что переводчики и авторы по своему этническому происхождению были не только арабами, а по конфессиональной принадлежности — не только мусульманами, но все писали по-арабски. Многие из них были двуязычными, их потомки во втором или третьем поколении целиком перешли на арабский язык и обрели новое самосознание, а память об их прошлом осталась лишь в биографических заметках об их предках.

Падение Омейядов и утверждение Аббасидов в середине VIII в. — не просто смена династий и столицы (Багдад вместо прежнего Дамаска), а важная историческая веха. Все социально-исторические причины и следствия этого большого события не могут здесь рассматриваться, но следует отметить, что одним из существенных аспектов того народного движения, на волне которого к власти пришла новая династия, явился протест против особых привилегий арабов, основанных на праве завоевания. В результате достигнутого компромисса начался новый этап интеграции исламского общества, когда ряды господствующих классов перестроились, состав правящего слоя изменился, принципы их формирования (заслуги перед исламом и государством и т. п.) были подвергнуты пересмотру. После истребления Омейядов и их приверженцев, прекращения выплат из казны арабским племенам доступ к командным должностям и распоряжению государственными доходами получили новые группировки арабской знати и — главное — большие группировки неарабской знати, ведущая роль среди которых принадлежала выходцам из восточных провинций (Хорасана и др.).

Также к середине VIII в. положение на границах Халифата стабилизировалось, более чем столетнее продвижение арабских армий захлебнулось, завоевательные походы сменились боями местного значения. На первый план выдвинулись внутренние отношения в государстве, классовая борьба, соперничество различных группировок за власть и присвоение общественного богатства.

В исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из условий веры. Это способствовало довольно раннему и интенсивному развитию богословско-филологических дисциплин, нашедших воплощение в большом количестве письменных произведений; в их создании вместе с арабами принимали участие выходцы из различных этноконфессиональных общин, которые обратились в ислам и усвоили арабский язык. В позднеомейядское и раннеаббасидское время приток лиц неарабского происхождения в интеллектуальные сферы деятельности резко возрос. Зачастую именно они были лучше к ней подготовлены и находили покровителей среди правящей верхушки, состав которой теперь был также очень пестрым.

В изменившихся условиях традиционные отрасли знания были не только приумножены, но и во многом переосмыслены и разработаны на новом уровне. Кроме того, как мы видели, возник спрос на прежде почти неведомые знания — медицинские, математико-астрономические — и их практическое при-
 ложение. С другой стороны, образованные греки, сирийцы,

персы, евреи, индийцы, перешедшие в ислам или оставшиеся при своей вере, предлагали свои услуги в качестве врачей, астрономов, переводчиков. Новая арабская и арабизованная знать всячески им покровительствовала, поощряла и оплачивала их работу.

После аббасидского переворота продолжалась деятельность ряда богословов, хадисоведов, юристов, филологов, которые стали служить новой династии или, как прежде, вели независимую жизнь на доходы от какой-либо торгово-ремесленной профессии или от имущества. Прежние центры (Медина, Басра, Куфа, Дамаск) сохраняли свое значение, но наметилась тенденция к переселению в основанную в 762 г. столицу — г. Багдад. Поднялось значение городов восточных областей Халифата, которые пополнили контингент мусульманских ученых: Нишапура, Балха, Байхака, Бухары, Самарканда, Мерва, Рея, Шираза, Хамадана и др. Больше ученых появилось также в Химсе, Халебе, Иерусалиме, Фустате.

Литературная и научная деятельность на арабском языке привлекла лучшие умы и таланты большого числа стран и народов. Для ее поддержки и поощрения предоставлялась значительная часть поистине громадных материальных ресурсов такого богатого государства, каким был Багдадский халифат. Со всех его концов честолюбивые молодые люди устремлялись в столицу «в поисках знания» и нередко находили щедрых покровителей в лице халифов и их окружения. Наместники крупных областей старались подражать своим сюзеренам в покровительстве поэтам и ученым. А когда провинции Халифата стали отпадать от него, превращаясь в вассальные, полувассальные или совершенно независимые государства, то в их столицах и крупных городах также велась литературная и научная работа, пусть меньшего объема и размаха, чем в Багдаде. Еще в начале VIII в. появились отдельные богословы и филологи в Египте и Иране. Как мы видели, в IX—XI вв. их стало много в Мавераннахре и Хорасане, Центральном и Западном Иране, Закавказье и Месопотамии, Сирии и Палестине, Египте и Северной Африке. Даже не признавшие Аббасидский халифат Омейядское государство в Испании и хариджитские и шиитские государства Марокко культивировали те же отрасли литературы и науки, что и всюду в арабо-мусульманском мире. Если и раньше ученые книжники и поэты совершали путешествия, то теперь их маршруты становятся более дальними и разнообразными, они свободно едут из Испании и Хорасана в Аравию и Багдад и т. п.

Результатом описанных выше процессов и очень разнообразной идеологической, литературной и научной деятельности

явилось громадное количество арабских рукописных книг. И сама арабо-мусульманская культура, по крайней мере культура высших социальных слоев («элиты»), приобрела ярко выраженный книжный характер. Одно из разительных отличий арабской письменности от других, ей предшествовавших или сопутствовавших, заключается именно в том, что она превзошла их по различным показателям и характеристикам: по числу авторов и произведений, по числу рукописных копий наиболее популярных книг, по доступности книг широкому кругу читателей (конечно же, если проводить сравнения в рамках древности и средневековья, но не с эпохой печатной книги и всеобщей грамотности), по обращению рукописной книги на необъятной территории с многомиллионным населением.

Еще в первой половине VIII в. упоминаются специальные книжные лавки и торговые ряды в Басре, переписчики книг за плату и переписчики-книготорговцы, личные книжные собрания и дворцовая библиотека Омейядов в Дамаске. Теперь же, т. е. со второй половины VIII и по первую половину XI в., все данные количественно возрастают и пространственно относятся к разным областям. Имена переписчиков и книготорговцев исчисляются десятками; растет число частных и дворцовых библиотек, книжных базаров, и встречаются они во многих названных выше городах. Конечно, Багдад стоит на первом месте по приводимым в источниках цифрам. В конце X—начале XI в. появляются первые публичные библиотеки, которые наряду с некоторыми дворцовыми у ряда династий насчитывают по 10 тыс. и более томов рукописных книг [Eche, 1967]. Разумеется, выше мы назвали лишь немногие имена выдающихся авторов или сочинений; если бы понадобилось только перечислить их все, то потребовался бы объемистый справочник. Впрочем, в недрах самой арабской традиции рано возник интерес к библиографии, и один важнейший библиографический справочник был составлен в Багдаде уже в 987 г. — это знаменитый «Фихрист» Ибн ан-Надима; но, как выясняется, по охвату авторов и сочинений он был далеко не исчерпывающим.

От всех книжных богатств раннего периода до нашего времени дошло (если учитывать только рукописные книги, датированные перепиской до середины XI в.) не более сотни томов! От VIII в. мы имеем только фрагменты, от IX в. — меньше десятка томов, от X в. — около 20 томов и от первой половины XI в. — несколько десятков томов (точные подсчеты еще не произведены). Что же касается сочинений первых четырех веков мусульманской эры, то их, конечно, сохранилось гораздо больше: либо в более поздних рукописных копиях, либо в составе книг, созданных в последующие столетия. Однако многие

сотни (может быть, тысячи) сочинений известны нам только по упоминаниям.

В рассмотренный период были заложены основы всех наук, известных арабо-мусульманскому миру, почти все направления литературы и общественной мысли. Поэтому для последующих эпох обзор можно продолжить по намеченным выше линиям. Правда, полицентризм культурной жизни, вызванный феодальной раздробленностью, допускает иной подход — рассмотрение истории арабской книжно-письменной литературы по отдельным странам и регионам. Омейядский халифат (661—750) считается централизованным государством, хотя и в нем отдельные наместники правили почти независимо либо из-за удаленности наместничества от столицы (Марокко, Испания), либо из-за близости наместника к правящему халифу (например, ʿАбдалʿазиз в Египте); были и не признавшие центральное правительство хариджитские лидеры, которые закреплялись надолго в какой-нибудь области. Аббасидский халифат не смог установить свою юрисдикцию на всей территории государства, его не признали хариджиты, испанские Омейяды, некоторые достигшие власти шиитские лидеры. Уже с середины IX в. некоторые наместничества обнаружили тенденцию к самостоятельности, а наместники стремились передавать власть наследникам из своего рода; к концу века Хорасан и Египет признавали власть халифа лишь номинально. В X в. феодальная раздробленность развивалась еще более ускоренными темпами, обособились государство Тулунидов в Египте, затем — Ихшидидов и Фатимидов в Египте и Северной Африке, Саманидов — в Мавераннахре и Хорасане, хорезмшахов — в Хорезме, Саффаридов — в Систане, Буидов — в Иране и Ираке и т. п. Множились династии, их государства расширялись за счет завоеваний, дробились после смерти основателя династии, угасали вследствие военных поражений и т. д. Каждая династия стремилась укрепить свой авторитет, украсить свою столицу, привлечь в нее поэтов и ученых, врачей и архитекторов, богословов и судей. Соответственно возвышался и приходил в упадок то один, то другой город.

Но книжная традиция всюду оставалась единой, опиралась на достижения Багдада и центральных областей Халифата в VIII—IX вв. Преемственность сохранялась в языке и письме, в литературных жанрах и стилях, в направлениях общественной мысли и разновидностях книг, в основных идеях и отраслях науки и т. д. Ислам дробился на секты и течения, но основными авторитетами для них по-прежнему служили Коран, тафсиры, сборники хадисов IX в., труды основателей мазхабов фикха, богословские и догматические сочинения X в. Идеологи и

ученые каждой секты лишь по-своему истолковывали частности и детали, создавали новые сочинения по прежним образцам. Династии менялись из века в век, но основными сочинениями по политике, государственному устройству, освоению исторического опыта оставались прежние. Тем более научные труды всюду были в ходу одни и те же. Вдобавок и новые произведения циркулировали повсеместно, преодолевая с легкостью границы государств и замкнутость сектантских организаций. По этим причинам лучше продолжить дальнейший хронологический обзор арабской письменности не по регионам, а для мусульманского мира в целом. Хотя, конечно, локальные особенности возникали везде, так же как мазхабы и секты сохраняли своеобразие в наборе книг, несмотря на пространственную и временну́ю разобщенность.

Однако, прежде чем перейти к следующему периоду, необходимо уделить некоторое внимание проблеме зарождения рукописной книги на арабском языке у христиан и у иудеев. Дело в том, что процесс распространения арабского языка, разговорного и литературного, затронул не только ту часть населения Халифата, которая приняла ислам и вошла в состав мусульманской общины. В этот процесс, длительный и дававший необратимые результаты, были вовлечены постепенно и те слои населения, которые принадлежали к иным конфессиональным общинам, сохранили свое традиционное вероисповедание и свою церковную организацию. Главным образом это относится к христианам Месопотамии и Ирана, Сирии, Палестины и Египта. Уже к концу VIII в. в монастырях Южной Палестины и Синая появляются первые богослужебные и церковные книги на арабском языке.

Таким образом, мы оказываемся перед парадоксальным на первый взгляд фактом: обширная и разнообразная христианская письменность на арабском языке сложилась после победы ислама, в эпоху наивысшего могущества мусульманского государства. По преимуществу ее создали арабизованные в языковом отношении христиане Ближнего Востока, этнический состав которых был довольно пестрым; среди них преобладали сирийцы (арамеи), персы и копты, хотя в числе прочих меньшинств были и арабы. Но им не принадлежала сколько-нибудь заметная роль в создании христианской литературы на родном языке, притом что христианство у арабов имело к тому времени многовековую историю.

На протяжении хронологического периода примерно в полтысячелетие некоторая часть оседлых и кочевых арабов обратилась в христианскую веру, однако их количественное соотношение с основной массой арабов, которые и к началу VII в.

оставались приверженными своим языческим культам, не удается установить из-за отсутствия данных. Употребление арабского языка в богослужении, церковном и монастырском обиходе, а также для перевода Писания было, очевидно, крайне ограниченным [1]. В VII в. и позднее арабы-христиане пополняли ряды мусульман, а остальные со временем перестали отличаться от своих единоверцев, переходивших на арабский язык [2].

Христианская арабская литература была, естественно, прямым продолжением той литературы, которая наличествовала у восточнохристианских общин до их перехода на арабский язык, поскольку она была прежде всего переводной. Если попытаться определить ее состав простым перечислением видов и жанров, то он будет следующим: Ветхий и Новый завет; апокрифы и псевдоэпиграфы; патристика; агиография; церковный канон; литургика; церковная история; полемика и апологетика; экзегетика; мораль и аскеза; гомилии и проповеди; теология и философия. Однако при всем единообразии христианской литературы существовали определенные различия в репертуаре книг каждой вероисповедной общины. Эти различия усугублялись далее в оригинальной арабской литературе, которую начали создавать одновременно с переводной. К тому же христиане разных вероисповеданий не в равной степени перешли на арабский язык: у православных разрыв с греческим языком очень скоро стал весьма ощутимым, копты со временем стали целиком арабоязычными, а сирийцы моно-

---

[1] Арабы «римской провинции Аравии» познакомились с христианским вероучением еще на раннем этапе его становления, вероятно уже со II в. Несколько позже, в IV—VI вв., христианство стало проникать к арабам Месопотамии и глубинных областей Аравийского полуострова.

Гассанидское и Лахмидское государства покровительствовали христианству, и на землях племен, подконтрольных им или союзных с ними, строились монастыри. Арабы христианского вероисповедания проживали в городах и селениях Сирии и Палестины, Приевфратья (например, в Анбаре и Хире), Хиджаза, Южной Аравии, Омана, Бахрейна, Йемамы. Почти всюду были церкви, среди духовенства и монашества упоминаются отдельные лица арабского происхождения. Ряд кочевых племен и племенных союзов целиком или частично считались христианскими. Церковные расколы прямо коснулись и арабов, среди которых были как православные (мелкиты), так и монофизиты и несториане. Организационное оформление сирийско-монофизитской церкви как яковитской в значительной мере обязано той поддержке, которую оказал ее основателю, епископу Эдесскому Якову ал-Барада'и, византийский патриций и гассанидский «царь» ал-Харис б. Джабала (528—569).

[2] Только в редких случаях мы знаем об этническом происхождении тех или иных деятелей христианской арабской литературы, так как тогда отдавали приоритет вероисповедной принадлежности и лишь о ней сообщали. Имена же собственные, например взятые сами по себе, не всегда отчетливо выражают этнический признак.

18 Заказ № 174

физиты и несториане всегда оставались двуязычными, сохранив сирийский язык в качестве языка культа. Отсюда проистекала неодинаковая потребность в переводной и оригинальной литературе на арабском языке у разных церквей.

У истоков каждой из ветвей христианской арабской литературы стоят колоритные фигуры — Феодор Абу Курра (конец VIII—начало IX в., примерно до 840 г.) у православных мелкитов, Абу Ра'ита Хабиб б. Хидма (IX в.) у яковитов, Север б. ал-Мукаффа' (X в.) у коптов, а у несториан — католикос Тимофей I (780—823), члены семьи Бахтишу' (VIII—X вв.) и Хунайн б. Исхак (806—873). Наиболее значительным лицом среди них является Феодор Абу Курра — он был родоначальником арабской христианской литературы вообще, и его литературная деятельность имела значение для всех восточных церквей. Следует заметить, что территориально и особенно в литературной и идеологической жизни четыре христианские вероисповедные общины зачастую соприкасались и не отгораживались друг от друга, арабский язык стал для них дополнительным фактором взаимопонимания и общения, и они многократно обменивались литературными произведениями, хотя в то же время соперничали и полемизировали между собой.

Христианская арабская литература не только началась с переводов, но и непрерывно пополнялась за счет переводов на протяжении веков, вплоть до нового времени. Ее состав определялся поэтому как старым литературным достоянием, так и вновь создаваемой литературой на греческом, сирийском, коптском, древнееврейском и латинском языках, с которых и делались арабские переводы. Почти одновременно с самыми ранними переводами появились сочинения христианских авторов, которые были написаны непосредственно на арабском языке.

Первое место в переводной литературе принадлежит Библии, из которой на арабский язык прежде всего были переведены евангелия и Псалмы. Поскольку переводы — они вызывались потребностями литургии — выполнялись главным образом в монастырях, то каждый монастырь, может быть, даже каждое поколение в пределах одного и того же монастыря имели свою особую форму переводного текста. А когда писаное слово было принесено в богослужение и религиозное наставление внемонастырской паствы, множественность вероисповеданий и церковных уставов также способствовала обилию и разнообразию версий библейских текстов. Оригиналом для арабских переводов служили тексты на разных языках: на древнееврейском (Пятикнижие) и коптском у коптов, на греческом и сирийском у мелкитов, яковитов и несториан. Переводы много раз пересматривались учеными разных поколений во всех общинах и опять-

таки на основании различных оригиналов. Все это привело к необычайному богатству библейских текстов на арабском языке.

Древнейшие сохранившиеся образцы арабских переводов Библии, в виде фрагментов, происходят из палестинских монастырей (один фрагмент — из Дамаска). Все они выполнены мелкитами-сирийцами. По именам известны такие переводчики, как пресвитер ʿАлам из Александрии, епископ Феофил б. Тауфил из Каира, диакон ʿАбдаллах б. ал-Фадл из Антиохии. Только по упоминаниям мусульманских источников X в. мы знаем о полных переводах Библии, которые были сделаны в в IX в.: Ветхий и Новый завет перевел при ал-Ма'муне мусульманин Ахмад б. ʿАбдаллах б. Салам, всю Септуагинту — Хунайн б. Исхак. Какие-либо следы реального существования обоих переводов не обнаруживаются. Отдельные книги Библии были переведены также учеными яковитами и несторианами (Багдад, IX—XI вв.). У коптов наряду с литургическими книгами, в которых коптский текст сопровождался вспомогательным арабским переводом, возникли также двуязычные книги отдельных частей Писания; существование у них перевода евангелий («египетской вульгаты»), получившего впоследствии официальное признание, прослеживается уже с X в. Особняком стоит перевод евангелий со старолатинского в Кордове в X в.

Лекционарии, представлявшие своды отрывков ветхозаветных и новозаветных писаний, были столь же разнообразны, сколь различались церковные уставы у разных вероисповедных общин.

Древние литературные произведения апокрифического типа, теологические сочинения, писания «отцов» церкви, агиографические памятники, каноническая и литургическая литература — все это переводилось, пересказывалось и перерабатывалось по-арабски в значительных количествах начиная с раннего периода, но тем не менее по количеству (нередко и по качеству) уступало источникам заимствования, т. е. греческой, сирийской и коптской христианской литературе.

То, что создавалось по-арабски, продолжало и развивало те жанры и сюжеты, какие были представлены в переводах традиционной христианской литературы, но модифицировалось в соответствии с потребностями и запросами духовной жизни восточнохристианских общин на данном историческом этапе, при конкретных обстоятельствах. Немаловажной была, конечно, и арабская языковая форма.

Мелкитские сочинения, создававшиеся на арабском языке, несут на себе почти сплошь догматико-апологетико-полемический отпечаток. В защиту и оправдание православия писали

Феодор Абу Курра и многие другие ранние авторы — Куста б. Лука, названные выше ʿАлам, Феофил б. Тауфил и ʿАбдаллах б. ал-Фадл, а также Антоний, Абу ʿАли Назиф б. Йумн, монах Никон. Полемика мелкитов была направлена главным образом против ислама и его последователей, затем уже против монофизитов и других инаковерующих (иудеев, отступников от христианства). Мелкитские авторы создали также христианскую историографию на арабском языке по образцу византийских хронографов. Патриарху Александрийскому Евтихию (877—940) наряду с кратким сводом ветхозаветной и церковной истории принадлежат ценные анналы политической истории Халифата. Его современник Агапий, епископ Манбиджский, составил всемирную историю. Йахйа б. Саʿид б. Йахйа ал-Антаки (XI в.) продолжил анналы Евтихия.

Оригинальная арабская литература сирийцев-монофизитов также имеет почти исключительно апологетико-догматический характер. Сочинения ее родоначальника Абу Раʾиты обращены против мусульман, иудеев и сторонников православия. Знаменитый багдадский философ Йахйа б. ʿАди (893—974) поставил свои обширные знания на службу христианской догматике и защите христианской веры вообще. Среди его учеников и последователей были теологи, философы, врачи. Систематическое изложение яковитской догматики, этики и культа дал в первой половине XI в. Йахйа б. Джарир.

Сирийцы-несториане принимали наибольшее участие в переводческой деятельности на арабский язык, особенно это касается перевода философского и научного наследия эллинистической эпохи. В области же собственно христианской письменности на арабском языке и у несториан преимущественное внимание уделялось апологетике и полемике. Кроме католикоса Тимофея I здесь выделялись Йуханна б. ас-Салт, епископ Кашкарский Исраʾил и Хунайн б. Исхак, несколько позднее — ʿАбдалмасих ал-Кинди (X в.), резко нападавший на исламское учение, Джибраʾил б. ʿУбайдаллах, Абу-л-Хайр б. ал-Хаммар, Абу-л-Фарадж ʿАбдаллах б. ат-Тайиб (ум. в 1043 г.) и его ученики. Ряд авторов обращался также к антииудейской полемике. Несторианские ученые внесли вклад в библейскую экзегетику, писали сочинения этико-аскетические, церковно-правовые, историко-хронологические, филологические.

Если в IX—XI вв. христианская литература на арабском у мелкитов, яковитов и несториан быстро развивается и переживает расцвет, то у коптов она только зарождается благодаря деятельности Севера б. ал-Мукаффаʿ (X в.), епископа ал-Ашмунайна. В своем литературном творчестве он был озабочен религиозным наставлением своего народа, разъяснял важней-

шие положения вероучения, св. Писание, бытовые нормы, литургию и церковную историю (написал историю Александрийского патриархата). В апологетико-полемическом духе писали также неофиты коптской церкви, отступник от ислама ал-Вадих б. Раджа' и бывший иудей 'Абдаллах ал-Исра'или.

С самого появления христианской книжности на арабском языке довольно четко обозначились существенные различия между нею и книжностью мусульманской. Христианские книги в основном создавались в монастырских скрипториях и хранились в монастырских библиотеках; ими пользовались исключительно духовенство и монашество. Социальная база созидания, хранения и воспроизводства рукописной книги у мусульман была значительно более широкой. Надо заметить также, что монастырские стены содействовали лучшей сохранности христианских арабских рукописных книг, несмотря на неоднократные захваты и разорения монастырей. Их образцы, дожившие до наших дней, для IX—X вв. представлены едва ли не богаче, чем образцы книг мусульманских.

В еврейских общинах Ближнего Востока в X в. также появляются ученые, которые приобщаются к арабскому языку и литературе. Они пишут по-арабски, переводят на арабский с древнееврейского, но главным образом переводят с арабского на древнееврейский философские, научные и литературные произведения, используют богатый уже опыт арабской филологии для создания грамматик и словарей древнееврейского языка. Одним из первых среди них был египтянин Саадия Гаон (892—942), который дал арабский перевод Пятикнижия, ставший употребительным у коптов, и толковый словарь древнееврейского языка. Вслед за ним появились другие авторы, обычно двуязычные, которые творили как на Ближнем Востоке, так и в Испании. Их арабские сочинения переписывались либо арабским же письмом, либо в своеобразной транслитерации еврейским письмом.

Во второй половине XI—середине XIII в. Багдад все еще был культурной и книжной столицей мусульманского мира, несмотря на его политический упадок, на то, что в нем распоряжались зачастую не халифы, а их гвардия, чиновники или династии, считавшиеся их вассалами. Здесь сосредоточивалось большое число литераторов, богословов, ученых, находились самые крупные библиотеки и книжный рынок. Наряду с Багдадом крупными центрами были Кордова и ряд других испанских городов (Севилья, Гранада, Дения, Толедо, Сарагоса, Хаэн и др.), Фес, Тахарт, Сеута, Танжер, Кайруан и другие города Северной Африки, Каир, Асьют, Танта, Тиннис в Египте, Газа, Хайфа, Иерусалим, Набулус, Халеб, Дамаск, Химс,

Хама, Антиохия в Палестине и Сирии, Сана, Зебид, Мекка и Медина в Аравии, Васит, Мосул, Басра и Куфа в Ираке, Шираз, Исфахан, Хамадан, Кум, Тебриз, Рей, Нишапур, Байхак и другие в Иране, Газна в Афганистане (ненадолго ставшая в XI в. звездой первой величины), Мерв, Бухара, Самарканд, Гургандж в Средней Азии.

Наиболее яркой чертой рассматриваемого периода явился рост числа медресе и библиотек [Eche, 1967; Халидов, 1982 (II)]. Оба эти института возникли раньше, но расцвет их начался после учреждения в Багдаде медресе ан-Низамийа (по имени основателя Низам ал-Мулка, везира Сельджуков) с богатой библиотекой при нем. Изменился также статус обоих институтов, они стали вакфными (вакф — особая форма собственности, формально принадлежавшая мусульманской общине и не подлежавшая налогообложению и продаже). С приходом к власти Сельджуков перестали существовать несколько шиитских династий и усилился ортодоксальный суннитский ислам в ряде областей Ирана и Ирака; аналогичный поворот к суннизму совершился в Египте и Сирии при Айюбидах после ликвидации Фатимидского халифата. Соответственно произошли некоторые перемены в составе переписываемых книг. Крестовые походы, успехи Реконкисты в Испании и норманнские завоевания в Средиземноморье сократили земли, подвластные мусульманам. На востоке Гуриды продолжили политику Газневидов, направленную на проникновение в Индию и исламизацию ее населения.

Арабская поэзия продолжала культивироваться в XI—XIII вв. от Испании до Средней Азии, всюду было достаточно поэтов, обладавших высокой культурой слова и искусной техникой. Особый вклад в арабскую поэзию внесла Испания, не только выдвинувшая плеяду замечательных мастеров, но и создавшая впервые строфические формы *мувашшах* и *заджал*, которые были подхвачены также на Ближнем Востоке. Все чаще поэтическим языком выражает себя суфизм; самые знаменитые арабские поэты-суфии — Ибн ал-Фарид, Ибн ал-ʿАраби, ал-Бусири — жили в это время. В области сюжетной прозы лучший, по общему признанию, цикл макам создал ал-Харири (ум. в 1122 г.) из Басры. Продолжали составляться всевозможные диваны и антологии, которые включали в себя как памятники древнеарабской и первых четырех веков исламской эпохи, так и творения более новых и современных составителям поэтов и писателей. Особую популярность приобрели сочинения по адабу — дидактические наставления царям, правителям и чиновникам, насыщенные литературными цитатами и реминисценциями.

Все четыре раздела арабской филологии — грамматика, лексикография, метрика и риторика — разрабатывались во все новых сочинениях многочисленными филологами, представленными в каждом значительном городе с мусульманским населением и в каждом поколении. Арабская грамматика была одним из основных предметов в медресе и важным элементом общего образования. Наряду с ней преподавались и другие разделы филологии и в неразрывном единстве с ними — начатки литературы. Сочинения грамматистов представляли либо комментарии к трудам более ранних авторов, либо их переложения в учебных целях, либо исследования по частным вопросам, либо сопоставление и анализ разных точек зрения. Нередко создавались очень ценные труды, вроде «ал-Муфассал» хорезмского ученого аз-Замахшари (ум. в 1144 г.), хотя и преобладали сочинения эпигонские. То же самое можно было бы повторить о трудах по метрике и риторике. Отметим ценное исследование по истории и теории поэзии Ибн Рашика (XI в.), труды Ибн ал-Асира и ас-Саккаки, в которых теория поэтики и стилистики приведена в четкую систему. Сочинялись также версифицированные трактаты о фигурах речи (*ал-бади*ʿ*ийа*).

Словарную работу с большим успехом продолжил в Испании Ибн Сида (ум. в 1066 г.), которому принадлежат последний свод арабской лексики, данный согласно методу ал-Халиля, «ал-Мухкам» («Фундаментальный») и крупный предметно-тематический словарь «ал-Мухассас» («Специализированный»). Два ценных словаря составил упоминавшийся хорезмиец аз-Замахшари. Принципы и приемы лексикографической работы (вокабула с этимологическим, грамматическим и реальным объяснением) проводились во многих комментариях и нашли применение в ряде областей знания, в результате чего появились словари фармакологические (например, врача Ибн Джазлы), географические (Йакута), ботанико-минералогические (Ибн ал-Байтара), биографические и др.

Богословско-коранические дисциплины разрабатывались с неослабевающим интересом и интенсивностью во всех мусульманских странах. Писали сочинения о *кира'ат*, *таджвид*, *тафсир*, комментировали прежние. Составляли новые сборники хадисов, перерабатывая классические *сунан* и *сахихи* IX в., развивали основы (*усул*) хадисоведения. В особую отрасль знания выросла наука о передатчиках хадисов, перечни которых вместе с краткими биографическими данными и характеристикой составили тома биографических словарей. Знание хадисов стало специальностью, возникли школы по их изучению и библиотеки, состоявшие по преимуществу из книг по хадисоведению.

Фикх согласно четырем суннитским «мазхабам», фикх шиитский, исмаилитский и пр. приносил все больше и больше разнообразных сочинений. В Хорасане и Мавераннахре были написаны, например, такие труды, как «Мухтасар» («Краткий свод») ал-Кудури, «Хидайа» («Руководство») ал-Маргинани, «Фатава» («Сборник фетв») Кадихана, ставшие очень популярными во всем мусульманском мире.

Все более широкое распространение получали суфийские братства. Из них некоторые начисто отвергали книжность, но идейные лидеры не были чужды литературной деятельности. Каждое направление создавало свои книги с изложением догматов, набором молитв, описаний путей приближения к богу, жизнеописаний святых и их духовных подвигов. С суфийскими кругами и учреждениями связаны некоторые библиотеки этого периода.

Разветвление исламской общины на течения, секты и всевозможные группировки породило труды со сравнительным изложением их доктрин. Один из капитальных трудов в этой области был создан аш-Шахрастани (ум. в 1142 г.).

Самым характерным явлением в историографии стали труды по региональной истории, которые нередко сливались с хрониками местных династий и предварялись кратким обзором истории Халифата. Расцветала биографическая литература в своих многочисленных разновидностях и формах. Упомянем лишь такие ценные произведения, как «Китаб ал-ансаб» («Книга нисб») ас-Сам'ани и «Му'джам ал-удаба» («Алфавитный перечень адибов») Йакута (кладезь сведений о книжниках, главным образом филологах и литераторах первых шести веков хиджры). Жанр всеобщей хроники возродил Ибн ал-Асир (ум. в 1233 г.) в своем труде «ал-Камил» («Совершенный (или Полный) свод по истории»), который складывается из компилятивной истории исламской общины и подробной летописи современных событий во всем мусульманском мире.

Переводы на арабский язык в рассматриваемый период очень редки; идя на убыль, они почти прекращаются. Интерес к литературным и научным произведениям стран и народов, лежащих вне исламского мира, пропадает. Продолжается замкнутый круговорот концепций, идей, фактов и образов, содержащихся в арабских книгах и почерпнутых из жизни мусульманских народов. Арабские книги признаются наиболее насыщенными ценной информацией, и их начинают переводить на другие языки. Переводы с арабского идут в двух направлениях: на литературные фарси и тюркú в пределах исламской общины, на еврейский и латынь для распространения вне ее.

 Труды в различных областях науки и философии создаются

в немалом количестве, выделить среди них сколько-нибудь выдающиеся трудно. Крупными центрами философской мысли остаются Багдад и Хорасан, Испания. В Хорасане действовали последователи Ибн Сины, среди которых достаточно назвать Фахраддина ар-Рази и Омара Хайяма. В Испании мы находим плеяду знаменитостей — Ибн Туфайл, Ибн Баджа и Ибн Рушд. Логика и диалектика (в средневековом значении искусства диспута) стали предметом преподавания в медресе, для этого был написан ряд компендиев в качестве учебных пособий (особую известность получили «ал-Исагуджи» ал-Абхари и «ар-Рисала аш-шамсийа»).

В области географии лучшие труды были созданы в Испании (ал-Бакри) и Сицилии (ал-Идриси), а также в Хорасане (Йакут). По математике писали учебники и трактаты по частным вопросам; так же обстояло дело в астрономии и оккультных науках, в медицине и прикладных дисциплинах. Специального упоминания заслуживает разве что труд Ибн ал-Джазари (ум. после 1205 г.) по механике.

Христианская арабская литература второй половины XI—XIII в. (хотя хронологические границы, достаточно условные для арабо-мусульманской книжной письменности, еще менее показательны для разных ветвей христианской) продолжала развиваться в направлениях, которые наметились в предшествующий период. Правда, после наивысшего подъема творческой активности у мелкитов, несториан и яковитов, продолжавшегося до конца XI в. (особенно у несториан), традиция начинает ослабевать — сначала у яковитов, а потом у двух других. Иное положение сложилось в коптской церкви: здесь расцвет арабской письменности наступил в конце XII—XIII в. и выразился в большом числе авторов (самые известные — сыновья ал-ʿАссала) и сочинений.

В XIII в. по мусульманскому миру были нанесены удары страшной силы: кастильцами и крестоносцами — на западе, в Испании (битва при Лас Навас де Толоса в 1212 г.), Магрибе и Палестине, монголами — в Средней Азии и Иране. Они сузили зону распространения арабского языка, сократили объем литературной и научной деятельности на нем, сопровождались уничтожением арабских книг в массовых количествах (особенно показательно в этом отношении разорение Багдада в 1258 г., когда книги сбрасывались в Тигр). Впрочем, бесконечные феодальные междоусобицы, прежние нашествия кочевников, из которых выходили новые династии, были не менее губительны для книжных собраний. С другой стороны, победы Айюбидов над крестоносцами на Ближнем Востоке несколько компенсировали другие поражения.

Со второй половины XIII в. центры арабской культуры перемещаются в Египет и Сирию, туда переезжают ученые из восточных областей теперь уже бывшего Аббасидского халифата, как из Испании — в Магриб, захватив с собой и какое-то количество книг. Когда монгольские правители в Иране и Золотой Орде приняли через несколько поколений ислам, всюду в их владениях стали возрождаться традиционные отрасли богословия, науки и литературы, т. е. зона их распространения даже расширилась. Но произошло перераспределение «сфер влияния» между языками арабским, фарси и тюркӣ. На долю арабского языка остались только Коран и коранические дисциплины, хадисы, фикх и догматика, точные науки и естествознание, арабская филология, да и то в обедненном виде: учебные пособия для медресе, всякие компендии на основе прежних книг, комментарии на созданные в предшествующие века сочинения. Все, что было актуально, злободневно в области общественной мысли, литературы, историографии, писалось не по-арабски. Даже научные и богословские труды нередко писались на фарси и тюркӣ либо сопровождались переводом или комментарием на этих языках. Тем не менее большинство грамотных людей владело арабским языком, пользовалось арабскими книгами; старые библиотеки сохранялись и даже приумножались новыми копиями или приобретениями через рынок.

В Египте и Сирии при Айюбидах и мамлюкских династиях, а также в Магрибе с середины XIII до начала XVI в. было создано великое множество арабских книг, в том числе ряд замечательных. Заниматься их перечислением было бы крайне затруднительно, если, например, знаменитый полигистор ас-Суйути один написал свыше 600 сочинений, в том числе несколько десятков многотомных! Едва ли хоть одно из традиционных направлений арабской письменности было оставлено без внимания и забыто.

В области художественной литературы отметим тенденцию к упрощению языка и использованию строфических и народных песенных жанров, записи и обработки фольклорных произведений наряду с сохранением выспренней «высокой» поэзии, составление ряда сборников и антологий.

По грамматике, метрике и риторике были написаны новые компендии и трактаты. Ибн Манзур и ас-Сагани (и ал-Фирузабади в Мекке) дали богатейшие своды арабской лексики в своих многотомных словарях.

В комплексе богословско-юридических дисциплин и историографии это был период своеобразного подведения итогов предшествующего развития. Ас-Суйути написал историю кора-

нических наук и филологии, ас-Сахави — историю арабской историографии. Ал-Кифти составил свод биографий грамматистов, он же и Ибн Аби Усайбиʻа — биографий врачей и философов, ас-Сафади и Ибн Хаджар ал-ʻАскалани — биографий передатчиков хадисов и историков, ас-Субки — биографий факихов шафиитского мазхаба и т. д. Был написан ряд историко-географических трудов, династийных и всеобщих хроник. Ибн Халдун к своему труду по всеобщей истории предпослал «Мукаддиму» («Введение»), в которой развил и обосновал свои теоретические, в основном материалистические, взгляды на человеческую историю. Несколько авторов (ал-Калкашанди, Ибн Тагрибирди, ан-Нувайри, ал-Макризи и др.) создали большие энциклопедии, охватывающие весь комплекс богословско-гуманитарных знаний мусульманского мира.

Из других областей знания упомянем лишь многочисленные медицинские труды египетского врача Ибн ан-Нафиса и серию книг по военному делу, написанных разными авторами для мамлюкских военачальников.

Книжность у арабов-христиан также продолжает существовать, хотя творческая литературная деятельность почти затухает.

Период XVI—XVIII вв. характеризуется утратой политической самостоятельности арабскими странами. Весь Ближний Восток и Северная Африка были поглощены османской Турцией; только султаны Марокко, мекканские шерифы и временами династии на юге Аравии оставались независимыми. Мусульманский мир бы поделен между Османской державой, сефевидским Ираном и империей Великих Моголов; полунезависимые династии существовали в прикаспийских и причерноморских областях, Средней Азии, Экваториальной Африке. Натиск европейских государств приводил к постепенному превращению мусульманских стран в колонии и полуколонии.

В этих политически неблагоприятных условиях книжная деятельность отнюдь не прекратилась, но продолжалась, пожалуй, с не меньшим размахом, чем прежде. По крайней мере это относится к копированию книг, к поддержанию рукописной традиции. Ареал распространения арабской рукописной книги даже расширился благодаря турецким завоеваниям в Европе (на Балканах), благодаря дальнейшей исламизации Индии, торговой и миссионерской активности оманцев и магрибинцев в Африке, хадрамаутцев и йеменцев в Индонезии. И в странах, попадавших в колониальную зависимость от европейцев, переписка книг, преподавание по ним не прекращались.

Только по содержанию книжная продукция рассматриваемого периода значительно уступала тому, что наблюдалось

в арабо-мусульманском мире раньше; в лучшем случае в ней повторялись прежние достижения, сохранялся давно пройденный уровень. А по сравнению с тогдашней Европой все это представлялось уже как застой и упадок, глухое средневековье, упрямый консерватизм, вялость мысли, отсутствие энтузиазма и движения вперед. Арабская книга все больше отставала и в техническом отношении от динамично развивавшейся Европы.

При всем при этом на арабском языке было написано большое количество новых книг, среди которых обнаруживаются очень ценные (арабистика, увлекавшаяся эпохой расцвета, лишь недавно обратила внимание на поздние пласты арабской письменности). Для примера назовем «Хизанат ал-адаб» («Сокровищница адаба») ал-Багдади (XVII в.), антологию испанской поэзии ал-Маккари (Тунис, XVII в.), энциклопедию Ташкёпрюзаде (Турция, XVI в.), библиографию арабской письменности Хаджжи Халифы (Турция, XVII в.), оригинальную суфийскую поэзию и местные хроники из Хадрамаута и Йемена, ряд исторических и энциклопедических трудов, созданных в Египте и Сирии (Ибн Ийас, Ибн Тулун, ал-Мухибби), творения суфийских авторов аш-Шаʿрани, ан-Набулуси, многотомные записи фольклорных эпических циклов в Египте и Северной Африке (*сиры* ʿАнтара, Сайфа Зу Йазана, Зу-л-Химмы, Бану Хилал, сказки «1001 ночи») и т. д.

Много создавалось всяческих комментариев, супракомментариев, компендиев и прочих учебных пособий для медресе. Всюду преобладал богословско-филологический комплекс с его малооригинальными схоластическими сочинениями. Труды по естествознанию, математике, философии не только не создавали, но и редко переписывали.

Книжные собрания и библиотеки интенсивно перемещались, как всегда, в пределах почти всего ареала вместе с торговцами, путешественниками, паломниками. Одно из направлений — из старых центров книжности в исламизируемые места. Другое — поток книг из провинций Османской державы, в том числе из арабских стран, в столицу Стамбул, где формируются крупные частные собрания, вакфные и султанские библиотеки. Третье — из всех исламских стран в европейские страны. Пережившая Ренессанс Европа обратилась к поискам истоков своей культуры и, изучая священные тексты христианства, обнаружила, что Библия написана на языке, разительно схожем с арабским. Наряду с интересом к арабскому языку, продиктованным новыми задачами теологии, библейской экзегетики и церковной истории, пробудилось стремление найти в арабских книгах памятники античной философии и науки, которые не сохранились в оригиналах. Такими окольными

путями начиналась европейская ориенталистика, первые представители которой обратились к изучению арабских рукописей. Монахи, посещавшие «святую землю», и торговцы, путешественники и дипломаты, позднее — миссионеры, надеявшиеся на успешную проповедническую деятельность в мусульманских странах, стали приобретать и собирать арабские рукописи; потом они передавали их в библиотеки у себя на родине. Здесь их изучением занимались европейские филологи-арабисты.

Еще в конце XV в. арабские рукописи появились в Италии (главным образом благодаря активной религиозной политике Ватикана, через представителей восточных церквей), и неудивительно, что тогда же именно в этой стране впервые были напечатаны арабские книги. В библиотеки испанских королей и церковников арабские рукописи попали также в конце XV в. благодаря захвату при последних актах Реконкисты и конфискации у местных мусульман. Несколько позднее начали складываться собрания арабских рукописей в Нидерландах, Франции и Швеции, потом в Австрии, Великобритании, Германии и Ирландии, с XVIII в. — в Дании, России и Швейцарии. Взамен фантастических и полуфантастических представлений о «безбожных сарацинах» и «магометанах» как об извечных врагах правой христианской веры, наделенных всевозможными пороками и негативными качествами, представлений, которые накопились за долгие века военного противостояния и экономического соперничества, европейские ученые открывали для себя в арабских рукописях подлинный «дух Востока», постигали язык, литературу, мысль, историю, культуру арабов и мусульман.

Быстрый прогресс в Европе научных методов в области филологии отразился и на изучении арабских рукописей. Здесь было положено начало описанию арабских рукописей в печатных каталогах, систематическому учету сохранившихся памятников и критическому изданию некоторых из них. Каталоги стали выходить с XVII в., и к концу XVIII в. их было уже свыше десятка.

Налаживание связей с римско-католической церковью способствовало некоторому оживлению литературной деятельности у арабоязычных христиан Ближнего Востока, особенно в XVIII в. Позднее арабы-христиане сыграли видную роль в подъеме общественно-политической мысли и других областей новой арабской культуры в ближневосточном регионе.

В XIX—XX вв. копирование арабских книг на Востоке путем переписки от руки все еще продолжается, несмотря на постепенное развитие типографского дела, распространение печатной книги и повышение авторитета печатного слова.

Первая государственная типография на Арабском Востоке была основана в предместье Каира Булаке в 1821 г. (более ранние опыты по созданию типографий в Турции и ливанских монастырях относятся к XVIII в.); позднее государственные и частные типографии появились во всех мусульманских странах, и всюду по числу названий печатающихся книг и их тиражу почетное место отводилось книгам на арабском языке. При помощи печатного станка были размножены сотни средневековых памятников, начиная с Корана и шести знаменитых сборников хадисов, а также основные труды по фикху, тафсиру, догматике, хадисам, историко-биографические и литературные произведения, учебные пособия по грамматике и логике, словари и т. п. Набор производился обычно по какой-либо одной доступной издателям рукописи. Соответственно свертывалось переписческое дело, профессия переписчика сходила на нет. Но там, где осуществлялось литографированное издание памятников письменности, переписчики изготавливали копии, с которых печатались литографии. Спрос на труд переписчиков одно время поддерживали арабисты и коллекционеры арабских рукописей, по заказу которых они копировали оригиналы, не подлежавшие продаже (из библиотек и частных собраний). В отдаленных уголках арабо-мусульманского мира, где типографий не было и печатная книга оставалась недоступной роскошью, вплоть до недавнего времени, по крайней мере до середины XX в., книги переписывали от руки для личного пользования и на продажу.

Циркулирование арабской рукописной книги в последние два века происходило постоянно: во все бóльших количествах ее скупали (изредка захватывали как добычу) европейцы и другие иностранцы. В Европе и Северной Америке увеличивалось число стран и городов, библиотек, музеев и частных коллекций, владеющих арабскими рукописями. Одновременно набирало силу и ширилось археографическое описание памятников арабской письменности и критическое издание многих из них. Вышли солидные научные каталоги арабских рукописей Национальной библиотеки в Париже, Британского музея в Лондоне, библиотек Мадрида, Вены, Берлина, Лейдена, Готы, Лейпцига, Мюнхена, Петербурга, Копенгагена, Оксфорда, Кембриджа, Рима, Милана и ряда других.

В конце XIX в. были опубликованы каталоги арабских рукописей ряда библиотек Стамбула и Каира. В новейшее время страны Востока, вставшие на путь независимого развития, начали уделять значительное внимание сбору и охране рукописного наследия, а также каталогизации и научному изданию ценных памятников.

Большая государственная забота о рукописных памятниках прошлого проявляется в Советском Союзе, где есть несколько крупных библиотек и специализированных учреждений, хранящих среди прочего и арабские рукописи. Важнейшие из них находятся в Ленинграде, Москве, Ташкенте, Баку, Казани, Душанбе, Махачкале, Тбилиси, Самарканде, Ереване. В общей сложности в советских рукописных хранилищах учтено около 40 тыс. томов арабских рукописей; сверх того, некоторое их количество остается, очевидно, в частных собраниях.

Подсчеты совокупного количества арабских рукописей во всех странах мира затрудняются тем обстоятельством, что далеко не везде они каталогизированы или хотя бы освещены в обзорных работах. Таких стран более шестидесяти; в одних рукописные фонды централизованы, в других рассредоточены. По моим приблизительным оценкам, арабских рукописей сохранилось не менее 600 тыс., из них в каталогах отражено около одной трети [см.: Библиография, 1982].

Изданные и доступные для изучения памятники арабской письменности исчисляются в более скромных цифрах, но и они столь велики, что один человек не может их охватить. При таком положении дел невозможно ответить на очень важный вопрос о том, какую же часть представляют сохранившиеся арабские рукописи от той их массы, которая исторически существовала. Ведь каждое сочинение раскрывает дополнительные сведения о неведомых погибших книгах, когда-то написанных. Если неполно и неудовлетворительно учтены дошедшие до нас рукописи, то гораздо хуже учтены утраченные; а без этого едва ли возможно по-настоящему понять роль и место рукописной книги в арабской культуре, бесспорно одной из самых «книжных», какие когда-либо существовали на земле.

Наконец, нужно привести некоторые данные по материальной характеристике арабской рукописи, которые также немаловажны для культурной истории. Ранняя арабская рукописная книга имеет сходство с коптской, которая испытала сильное влияние античного кодекса в отношении формата, переплета и орнаментовки. Преобладающим типом средневековой арабской книги стал кодекс из бумаги, простой и строгий по внешнему оформлению. Обычные форматы колеблются в пределах 18—35 см в высоту и 13—25 см в ширину. Книги миниатюрных и очень больших размеров встречаются редко, как и книжные форматы, у которых ширина превышает высоту. Поля у рукописей широкие. Текст на странице укладывается в прямоугольную рамку, ровные прямые строки располагаются на одинаковых расстояниях друг от друга и редко выходят за рамку, на поля. Рамка образуется самим текстом или вычер-

чивается из одной или нескольких линий. Разноцветные рамки и более сложно расчерченные страницы, когда разные части или виды текста (подзаголовки, стихи в столбец) заключены в особую рамку, встречаются в поздних арабских рукописях XVI—XIX вв.

Старинные арабские рукописи и разного времени обиходные книги (учебники, молитвенники и т. п.) состоят лишь из ровных прямоугольников текста на фоне белой (потемневшей или пожелтевшей) бумаги. Заголовки и подзаголовки выделяются более крупным почерком, надчеркиванием, цветными чернилами (чаще киноварью) либо комбинацией этих элементов. В разного типа сочинениях могут быть выделены стихотворная или кораническая цитата, вокабула — в языковых словарях, имя собственное, название, термин — в биографических и тематических словарях, фразы комментируемого текста — в комментариях, дата — в хрониках, буквенные символы — в математических текстах и т. п.

Вне рамки помещаются различные текстовые элементы, исходящие от писца или читателей. Для большинства рукописей обязателен так называемый «хранитель» порядка листов — *хафиз* (слово, с которого начинается следующая страница); переписчик ставит его на оборотной стороне листа внизу слева. На полях может появиться поправка переписчика, заметившего описку или пропуск в ходе работы или при сверке с оригиналом; поправки делали и читатели. Многие рукописи содержат вне рамки такой минимальный набор: регулярные хафизы и редкие поправки. Но иногда поля заполняются всевозможными пояснениями и заметками писца и читателей, перерастая порой в комментарии к тексту. Способ записи пояснений, комментариев, перевода на другой язык может быть и иным, а именно между строками основного текста, для чего заранее оставляется свободное место.

Арабской мусульманской рукописной книге неведомы заглавная буква и деление на абзацы. Она начинается обычно формулой «Во имя бога. . .» на отдельной строке. После этого следуют восхваление бога и пророка, благопожелания всем мусульманам и собственно введение, в котором дается мотивировка создания сочинения, его тема и название, иногда — перечень разделов и глав. Название может быть помещено на лицевой стороне первого листа или на оборотной стороне перед началом текста, повторено в колофоне, записано владельцем (читателем, библиотекарем) на переплете, на обрезе книги. Имя автора сопутствует названию сочинения, но нередко опускается. Название структурных подразделений сочинения

выделяется обычно более крупным почерком и пишется на отдельной строке, иногда — на отдельной странице.

Знаки препинания в арабском письме применяются крайне редко. Ими служат овалы, кружочки, сердечки, треугольники, звездочки — с точкой в центре или без нее; пишутся они по одному, по два или по три. Знаки препинания, как и выделенные заголовки, могут использоваться в качестве орнаментальных элементов, записываться цветными чернилами и золотом с особым старанием или ухищрением.

Старейший способ количественного исчисления объема арабской рукописи — *куррасами* (тетрадями) по 10 или 12 листов; порядковый номер куррасы пишется в начале, в левом верхнем углу первой страницы, словами или цифрами. Полистная нумерация встречается реже и позднее, постраничная — явление совсем новое.

Главным украшением арабской рукописной книги считалось само письмо, качеству выполнения которого придавали большое значение. Направление письма — справа налево и сверху вниз — определяет отсчет строк, страниц, глав, томов. Общий рисунок арабского письма определяется его лигатурным характером и позиционными вариациями букв, размещением диакритических точек, огласовки и прочих орфографических значков в два яруса над и под строкой. Существующее разнообразие книжных почерков проявляется в величине и форме букв и лигатур, толщине линий, наклонах и изгибах, взаиморасположении букв, слов и строк, густоте или редкости вспомогательных значков и их расстоянии от строки. Почерки различаются по эпохам, регионам, сфере употребления, стилям; дополнительными дифференцирующими факторами были писчий материал и индивидуальная манера писца. Одни особенности накладываются на другие, и общая картина оказывается довольно сложной [см.: Grohmann, 1967—1973].

Издревле арабское письмо имело две основные разновидности: монументальное письмо и курсивное. В первом преобладают прямые линии, загибаемые под углом, во втором — закругленные линии и плавные повороты. В рукописной практике более употребительно курсивное письмо, на базе которого были выработаны десятки почерков. Важнейшая тенденция в развитии почерков была направлена на достижение симметрии в соотношении величин букв, вертикальных, горизонтальных и изогнутых линий, расстояний между строками. Инициатива по установлению постоянных пропорций между буквами с помощью геометрических измерений принадлежит знаменитому везиру и каллиграфу Ибн Мукле (886—940).

Влияние его школы ощущается в арабской каллиграфии всех последующих веков.

Самый популярный почерк, которым переписывали книги, — *насхи* (или *насх*) выделился в конце VIII в. и получил распространение в IX в. У канцелярских чиновников-писцов, из числа которых и выдвигались теоретики письма, существовали свои излюбленные и рекомендуемые почерки, носившие особые названия. Их классификации и номенклатуры были очень утонченными и изощренными, но не сопровождались образцами. Отсюда проистекает трудность в установлении соответствий между реальными почерками рукописей и между почерками, названия которых фигурируют в специальных средневековых сочинениях. Например, насхи вообще не принимали во внимание, может быть не считая его за один сложившийся почерк. Действительно, практически он очень разнообразен. Западные, магрибские почерки сформировались на базе монументального *куфи* и сохранили его архаичные черты; в них также возобладала тенденция к округлому курсиву, который, однако, избежал геометризации и пропорционализации форм.

В среде чиновников-писцов и профессиональных переписчиков книг к искусности в письме предъявляли повышенные требования, но в ученой среде редко уделяли качеству почерка особое внимание и даже открыто защищали свою позицию. Подлинная история арабских почерков отражает столкновение этих двух противоположных установок. Красоту арабского письма многие воспевали и превозносили. Среди арабских рукописей на самом деле много каллиграфических шедевров, производящих впечатление не только тщательным исполнением, но и особой гармонией линий — производимый ими художественный эффект приводил в восхищение многих исследователей-востоковедов. В то же время беглые, скорописные почерки в рукописях-автографах, особенно черновиках, способны вызвать отчаяние у самых искушенных арабистов из-за трудности их прочтения.

Основными писчими материалами для арабских книг служили папирус, пергамен и бумага. Несмотря на дороговизну, пергамен, изготовлявшийся из тщательно выделанных овечьих, козьих, телячьих и газельих кож, довольно широко употребляли в первые века хиджры. Упоминания о нем встречаются еще в древней арабской поэзии; на пергамене писали отдельные части Корана. Больше, чем в других местах, пергамен был распространен в Северной Африке. Сохранившиеся арабские пергамены представлены почти во всех крупных собраниях арабских рукописей, в каждом из них — лишь единицами или несколькими десятками листов. Всего полных и фрагментар-

ных пергаменных арабских рукописей насчитывается до двух тысяч, датированные экземпляры укладываются в хронологический период от 168/784 до 498/1105 г.

Папирус, как известно, произрастает только в Египте; он был известен, вероятно, еще в доисламской Аравии и служил важнейшим писчим материалом для произведений арабской литературы в течение трех начальных веков хиджры, сосуществуя с привозной китайской бумагой и пергаменом. В начале III/IX в. папирус соперничал с самаркандской бумагой, которая его и вытеснила, хотя он продолжал употребляться до конца IV/X в., в Египте — по меньшей мере до 1087 г.

В науке известно до 16 тыс. арабских папирусов — отдельных листов или обрывков, свитков и совсем немного однотетрадных и многотетрадных кодексов. Все они происходят из Египта. В других странах Ближнего Востока, где папирус был исторически известен, ничего не сохранилось. Основными сферами применения папируса были документация и переписка, частная и служебная. Реже упоминаются записи литературных текстов, а число дошедших до нас папирусов, содержащих отрывки из Корана и других памятников, очень незначительно. Среди них есть только одна относительно полная книга, датированная 889 г.

По нарративным источникам трудно судить о материале, на котором были записаны упоминаемые литературные произведения, немногие случайные или косвенные сведения неоднозначны, так как одни и те же термины (*варак*, *картас*, *тумар*) последовательно применялись к различным материалам.

Импортная китайская бумага была известна в Иране еще при Сасанидах с конца VI или начала VII в. В первые века хиджры она употреблялась в Арабском Халифате наряду с другими писчими материалами. Ибн ан-Надим (IV/X в.) различал книги на китайской бумаге и упоминал их отдельно от прочих. Но только налаживание производства собственной бумаги обеспечило государство прекрасным писчим материалом в удовлетворяющих потребности количествах.

Секрет изготовления бумаги был перенят от пленных китайских мастеров в Самарканде вскоре после середины VIII в. либо, согласно другому известию, унаследован от домусульманского времени. В течение двух столетий производство бумаги и торговля ею оставались монополией этого города, только во второй половине X в. бумажные мельницы появились в сирийских и иракских городах. В XI—XIII вв. эта отрасль производства постепенно получила распространение в Египте, Северной Африке и Испании, где от арабов ее заимствовали европейцы.

Важно отметить совпадение начала массового производства относительно дешевого высококачественного писчего материала и расцвета арабской литературы и науки, сопровождавшегося массовым изготовлением рукописных книг. Техническое новшество открыло возможности для создания книг большого объема и сложной структуры, многотомных и во множестве экземпляров. На бумаге «самаркандского», или «восточного», типа, технология изготовления которой не претерпела, очевидно, изменений на протяжении веков, написаны все известные нам арабские рукописные книги IX—XIV вв. (за исключением немногих книг на папирусе и пергамене). С XV в. появляются арабские рукописи на бумаге европейского производства, которой со временем становится все больше, а качество ее разнообразнее. Восточная же бумага постепенно сдает свои позиции, качество ее ухудшается.

Среди письменных принадлежностей, необходимых для создания рукописных книг, первое место занимает *калам* — тростниковая палочка с косо срезанным концом, острая сторона которого затачивалась, еще раз срезалась и расщеплялась посередине. Каламу в арабской литературе воздавалась всяческая хвала как предмету, сопричастному к творчеству и красоте. Качество калама, очень ценимое, зависело от умелого выбора тростника (по толщине, цвету, месту произрастания), от выдержки, хранения, обработки. В особенности очинка калама требовала искусности и считалась делом чести, а иногда и личным секретом писца. Взамен калама использовали также плоскую дощечку с заостренным концом, птичье перо, пальмовую веточку.

Другой важной принадлежностью писца была чернильница — *дават*. Собственно, это был целый чернильный прибор, род пенала или продолговатого ящичка с крышкой, в котором помещались чернила и калам. Другие орудия и принадлежности для письма — ножик для очинки калама, тампон для впитывания чернил и защиты их от высыхания, коробочка для клея, шило, скрепка (зажим), тряпочка, линейка и др. Письменные принадлежности рекомендовалось изготовлять из материалов лучших сортов, но скромными и неброскими по внешнему виду.

К качеству чернил предъявлялись высокие требования, особо подчеркивалось, что они должны быть густого черного цвета и блестящими. Существовали разные сорта чернил, получавшие названия по месту происхождения; сохранилось много рецептов их изготовления, но в основном было два вида: железистые ореховые чернила, приобретавшие со временем коричневатый оттенок, и чернила из сажи (копоти) устойчивого чер-

ного цвета, типа туши. Реже применяли цветные чернила — красные, желтые, синие, фиолетовые разных оттенков. Арабы знали также золотые чернила и специальные виды чернил.

Изготовление писчих материалов и письменных принадлежностей требовало множества разнообразных веществ и материалов, встречающихся в природе или предварительно обработанных, и участия ремесленников разных специальностей. В этом арабы и другие народы Халифата (и образовавшихся после его распада государств) явились преемниками древневосточных и средиземноморских цивилизаций. Они аккумулировали давний опыт, развили и поддерживали его на должном уровне в течение столетий.

Художественное оформление арабских рукописных книг было относительно скромным и непритязательным. Распространенным элементом оформления служил *унван* в начале книги, выполняемый в красках в половину, треть или четверть страницы перед текстом (на оборотной стороне первого листа); цвета преобладают синий, красный, золотой и зеленый; форма унвана — в виде купола (овального, полукруглого) при прямоугольная. Поле унвана расчерчивается и обрамляется. Изредка унван делается в развернутый лист или повторяется дважды. Совсем единичны случаи появления унвана в середине рукописи или в начале каждого тома большого сочинения. Обычно унван лишен надписей, но иногда в него вписывают название сочинения.

В роскошных экземплярах книг, выполнявшихся по прямому заказу или для подношения султану (эмиру, сановнику), первую страницу украшали миниатюрой, цветными рамками и орнаментом, на ней писали имя заказчика и владельца, а иногда и имя мастера (переписчика-оформителя) с добавлением благопожеланий, названия сочинения и имени автора. Под стать первой могла быть украшена и оформлена вторая страница, далее шли обрамленные страницы. Чаще других и роскошнее украшали рукописи Корана.

На долю иллюстрированных приходится небольшой процент арабских рукописных книг. Миниатюрами снабжали крайне ограниченный круг сочинений, в их числе: «Макамат» («Макамы») ал-Харири, сборники сказок, басен и притч, космографии, ботанико-медицинские разделы некоторых научных трудов, книги по военному делу. Наиболее популярные арабские книги лишены иллюстраций.

Чертежи, схемы, карты, таблицы как изображения абстрактные, не антропоморфные не были запрещены, поэтому встречаются в научных сочинениях довольно регулярно. Общая отсталость рисования ощущается и в них; например, арабская

картография уступала в точности описаниям путешественников и теоретическим знаниям географов. Геометрические чертежи, правда, делались весьма искусно. Наглядные схемы и таблицы просты в исполнении. Иногда материал располагали в столбец, а столбцы заключали в рамки и снабжали заглавием. Пояснения к ним даются в тексте (не в сносках). Сравнительно поздно оглавления сочинений стали выделять в начало или конец рукописи.

С книжным переплетом арабы познакомились одновременно с появлением у них первых книг. Как на источник влияния указывают на прилегающую к Аравии северо-восточную часть Африки, заимствованные термины подтверждают это. Один из старейших дошедших до нас переплетов происходит из Египта, его датируют приблизительно IX или X в.; этот роскошный переплет Корана большого формата изготовлен из ливанского кедра, инкрустирован слоновой костью и кусочками разноцветного дерева. Но деревянные крышки переплета редки, обычно же арабские книги имели либо мягкий кожаный переплет, либо жесткий кожаный переплет с картонной крышкой из прессованного папируса или бумаги.

Не каждая книга, наверное, имела переплет, который всегда обходился дорого. Предназначенные не столько украшать, сколько защищать книги, переплеты изнашивались, отрывались, терялись; вместе с ними нередко терялись или подвергались порче первые и последние листы рукописей; и те и другие чинили, заменяли новыми. Большинство самых старых сохранившихся арабских переплетов относится к мамлюкскому Египту XIII—XIV вв. Их изучению посвящено несколько специальных статей и монографий.

Отличительная особенность мусульманского переплета — продолжение левой крышки в виде клапана, который состоит из двух частей: прямоугольной, соответствующей по формату обрезу книги, и пятисторонней, входящей под правую переднюю крышку.

Переплеты с неукрашенной поверхностью редки, обычно это были ремесленные изделия добротного качества и художественного достоинства. Обе крышки и клапан обрамляли по краям: рамки были достаточно разнообразны по числу образующих ее линий и полосок и по расстоянию между ними; во внутренних углах рамки мог помещаться оттиск штемпеля. Более сложные рамки создавались штемпельным тиснением, обведенным линией; иногда добавляли второе и третье обрамление из оттисков иных форм. Огражденное поле орнаментировали по всей поверхности с проступающей посередине геометрической фигурой или без нее либо же только посередине и по углам.

Излюбленными геометрическими фигурами, которые повторялись в разных сочетаниях и связях, были звезды, ромбы, многоугольники, вписанные в круг. Искусность орнаментовки состояла в том, чтобы выделить фигуры, подчеркнуть их детали, добиться симметрии в их расположении, заполнить поверхность образуемых ими участков поля штемпельным тиснением, кружочками и точками. Переплетчики умели создавать настоящие художественные произведения.

Когда поле крышки и клапана орнаментировали только по центру и по углам, орнамент в середине имел форму круга, миндалины или звезды; каждая из фигур варьировалась по окаймлению и заполнению. Площадь круга, например, заполнялась штемпельным тиснением или делилась на участки более мелкими фигурами — многоугольниками, звездами и т. п. Миндалевидный центральный орнамент сравнительно поздно вошел в употребление, но стал популярен. Именно переплеты с медальоном миндалевидной формы послужили образцом для европейских переплетов эпохи Возрождения, арабо-мусульманское влияние здесь прослеживается отчетливо. Миндалина заполнялась изящным плетеным узором, сверху и снизу резко закруглялась и снабжалась узорчатым придатком; ее границей служили пучок линий, кайма или ряд оттисков штемпеля. Другие разновидности центрального орнамента (звезда, ромб, квадрат и т. п.) встречаются реже. Орнамент по четырем углам рамки зачастую служил дополнением к серединному и представлял его уменьшенную четверть.

Поверхность клапана по орнаментовке выглядит как половина крышки переплета или же ее обуженный вариант. Есть несколько типов геометрических фигур, которые встречаются только на клапанах; это два эксцентрических круга, часть большого ромба с глубокими зубчатыми изгибами, звезда из двух треугольников, квадрат, образуемый заштрихованным плетеным узором.

Внутреннюю сторону крышки обычно заклеивали бумагой, на которой потом появлялись записи владельцев и читателей. Иногда ее также обтягивали кожей, на которую наносили тисненый узор. Орнаментировали ее редко и скромно.

Переплетное дело в средневековом арабском ремесле приобрело большое значение. По переплетам можно изучать художественные вкусы общества. Как в других науках и искусствах, в переплетном деле арабы освоили и соединили разные традиции, приумножили и развили их трудом своих мастеров. Признается неоспоримой зависимость европейского книжного переплета от арабского в техническом отношении [см.: Weisweiler, 1962].

Христианские арабские рукописи также представляют собой пергаменные или бумажные кодексы и не отличаются от мусульманских по формату и общему характеру письма. Разумеется, в них, по определению, совсем иное содержание, иные титулы, вводные формулы, свои термины и излюбленные обороты. Христианские авторы и писцы менее строго соблюдают грамматические и орфографические правила литературного языка и стилевые каноны, принятые в мусульманских кругах; мало кто из них обладал настоящей филологической выучкой. Но и в деталях внешнего оформления арабских христианских рукописных книг наблюдаются некоторые различия по сравнению с мусульманскими. Прежде всего переплеты христианских рукописей отражают скорее византийско-коптскую традицию: лишены, как правило, клапанов, зато снабжены нередко петлями и застежками. Ранние рукописные книги из южнопалестинских и синайских монастырей характеризуются своеобразным почерком, в котором вертикали букв прямые, а лигатуры начинаются почти под прямым углом. В более поздних христианских рукописях заметна тенденция к сближению с мусульманскими по внешним показателям, хотя разница, конечно, остается всегда.

В заключение подведем некоторые итоги. Арабская рукописная книга впервые возникла во второй четверти VII в. в Аравии как священный текст, Писание, приверженцев новой религии — ислама. Закрепление и воспроизведение экземпляров этого текста стало важной функцией арабской книги на всем протяжении ее более чем тринадцативековой истории, но не осталось единственной. В последующие три-четыре столетия в арабских книгах были воплощены: (а) памятники арабской устной словесности доисламской, языческой эпохи; (б) произведения, которые были созданы в рамках эллинизированных культур Ближнего Востока и Ирана, существовали в письменной форме на нескольких языках и были переведены на арабский язык; (в) произведения общественно-политической мысли, науки и литературы, которые создавались на арабском языке как природными его носителями, так и теми, кто овладел им, став членом исламской общины или подданным Халифата либо тем и другим вместе; (г) переводные и оригинальные произведения религиозной по преимуществу литературы христианских и иудейских общин, целиком или частично усвоивших арабский язык.

К середине XI в. арабская рукописная книга стала чрезвычайно многообразной и разветвленной по своему жанрово-тематическому составу. Условно ее можно представить в виде

 нескольких крупных комплексов: религиозно-богословского

(комментарии к Писанию, изложение ритуально-правовых норм, теология, историография), филологического (грамматика, лексикография, метрика, поэтика и стилистика), литературного (поэзия, проза, записи фольклора), научного (математика, астрономия, география, ботаника, минералогия, медицина и др.), философского (логика, метафизика, космологические и политические теории, психология, этика), оккультного (магия, гадания и др.). Разграничение этих комплексов в какой-то мере условно потому, что они тесно соприкасались друг с другом и взаимопроникали; например, комментарии к Писанию имели ярко выраженный филологический аспект и стимулировали соответствующие филологические дисциплины, которые сами оказывали влияние на всю книжность; философия была связана как со спекулятивной теологией, так и с умозрительными и прикладными науками; правоведение и историография были обращены одной стороной к религии, другой — к гражданской жизни и т. д.

Принципиально новых отраслей арабской письменности после XI в. не появилось, но ни одна из тех, которые к этому времени сложились, не была впоследствии целиком предана забвению. Традиционализм и консервативность были характерными чертами средневековой культуры в целом и такого важного ее орудия и компонента, как рукописная книга. Все отрасли арабской письменности постоянно поддерживались, обновлялись и варьировались. Прежние сочинения переписывали заново, комментировали, дополняли, хотя многие сочинения выпадали из обращения и заменялись другими. Вновь создаваемые сочинения зачастую представляли собой иную комбинацию достигнутых знаний, переформулировку установившихся идей. Содержание унаследованных книг инкорпорировалось в книги представителей следующих поколений либо путем дословного цитирования, явного и скрытого, либо различными способами пересказа и переложения, либо изменением композиционного приема и принципа систематизации материала.

Территориально арабская книга была связана в начальный период с несколькими городами Аравии, Ирака и Сирии. Постепенно книги стали расходиться в Халифате повсеместно; со второй половины VIII в. главный центр их создания и размножения в копиях переместился в новую столицу, г. Багдад, основанный в 762 г. Когда в X в. Халифат фактически распался на ряд государств, в истории арабской культуры наступила эпоха полицентризма. Правящие династии сменяли друг друга, границы между государствами нередко передвигались, но военно-политические события, вследствие которых

возникали и рушились государства, не затрагивали основ социально-экономического строя и не прерывали преемственности единой арабско-мусульманской культуры, в том числе и книжности. И после упразднения Халифата в 1258 г. зона распространения арабской книги в общем совпадала с пределами мусульманских государств и расселения мусульман.

Социальные условия функционирования арабской рукописной книги определили ее особенности не в меньшей степени, чем географические и хронологические рамки. Круг лиц, причастных к созданию и воспроизведению арабских рукописных книг (в качестве авторов, переводчиков, переписчиков и др.), был поначалу довольно узок. Приток свежих сил в книжную сферу обеспечивался такими разными причинами, как обращение в ислам все возрастающего числа подданных Халифата наряду с усвоением разговорного и литературного арабского языка неарабской частью его населения, установление высокого социального престижа грамотности и книги, особенно среди знати и привилегированных слоев, представители которых стали производить значительные затраты средств на книжное дело. То обстоятельство, что на арабско-мусульманском Востоке феодальная интеллигенция и служители культа были непосредственно интегрированы в обществе, не отгорожены от него корпоративной организацией и какими-либо формальными ограничениями, способствовало относительно широкой социальной циркуляции книг. По той же причине место изготовления рукописной книги не было специализировано, ее писали и размножали в частных домах и общественных зданиях, в том числе культовых.

Арабская книга была порождением городской культуры, так как именно в городах сосредоточивались те социальные слои, которые так или иначе имели отношение к созданию и использованию книг. Города были административными и торговыми центрами, где жили «люди меча» (военно-служилая и землевладельческая знать) и «люди пера» (чиновники и интеллигенция), а также торгово-ремесленное сословие и всякого рода деклассированные элементы.

Одним из каналов поощрения книжного дела была частная и общественная благотворительность, осуществлявшаяся через вакфные учреждения. К числу последних могли относиться публичные библиотеки и учебные заведения, больницы, мечети, суфийские обители, мавзолеи, при которых обычно складывались общедоступные книжные собрания. Тесная связь книги с процессом обучения стала фактором, вызвавшим регулярную переписку учебных пособий. Формы обучения и типы

 школ были различными, унифицированных программ не су-

ществовало, но определенный круг сочинений приобрел ввиду их частого использования характер учебников; их стандартные тексты, сопровождаемые комментариями преподавателей разных поколений, дошли до нас во многих списках, происходящих из всех концов мусульманского мира, и встречаются теперь почти в каждом собрании арабских рукописей.

Этническая среда, в которой обращалась арабская рукописная книга, была достаточно разнообразной еще в эпоху существования Халифата; тем более это относится к мусульманским государствам, где правили иранские, тюркские, берберские, монгольские, индийские и африканские династии. То обстоятельство, что книги на арабском языке писали и копировали люди разных стран, народов и племен, породило в новое время, когда началось становление национальных культур, актуальную проблему принадлежности культурного наследия: определять ли ее по этнотерриториальному происхождению соответствующих авторов или исходя лишь из единства средневековой традиции.

Христианская арабская рукописная книга была достаточно богатой и разнообразной. Но христианские общины, как правило, представляли собой островки среди преобладающего мусульманского населения, не получали государственной поддержки, нередко испытывали притеснения. Репертуар их книг ограничивался почти исключительно религиозной сферой, социальная база — монашеством и духовенством, место переписки и хранения — монастырями и церквами.

Существует широкий круг вопросов, едва здесь затронутых или вовсе оставленных в стороне, которые в принципе подлежали бы рассмотрению в настоящей статье (например, соотношение типов сочинений и книг, виды авторства, книготорговля, история книжных собраний и т. п.). Фактический материал по арабским рукописям необозрим. В этом сжатом очерке сделана лишь попытка осветить исторические судьбы арабской рукописной книги, ее состав и некоторые технические характеристики (подробнее см. [Халидов, 1985]).

Библиография, 1982. — Библиография арабских рукописей. Составление И. Б. Михайловой при участии А. Б. Халидова. Отв. ред., автор предисл. и вступит. очерков А. Б. Халидов. Аннотации И. Б. Михайловой. М., 1982.

Крачковский, 1957. — Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4. Арабская географическая литература. М.—Л., 1957.

Сагадеев, 1980. — Сагадеев А. В. Ибн-Сина (Авиценна). М., 1980.

Халидов, 1982 (I). — Халидов А. Б. Арабский язык. — Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982.

Халидов, 1982 (II). — Халидов А. Б. Книжная культура. — Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982.

Халидов, 1985. — Х а л и д о в А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
Abbott, 1957—1972. — A b b o t t N. Studies in Arabic Literary Papyri. Vol. 1—3. Chicago, 1957—1972 (The University of Chicago, Oriental Institute Publications. Vol. 75—77).
Brockelmann, 1898—1949. — B r o c k e l m a n n C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd 1—2. Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände 1—3. Leiden, 1937—1942; zweite, den Supplementenbänden angepasste Aufl. Bd 1—2. Leiden, 1943—1949.
Eche, 1967. — E c h e Y. Les bibliothèques arabes publiques et semipubliques en Mésopotamie, en Syrie, et en Egypte au Moyen Age. Damas, 1967 (Institut Français de Damas).
Grohmann, 1967—1973. — G r o h m a n n A. Arabische Paleographie. T. 1—2. Wien, 1967—1973.
Nöldeke — Schwally, 1909. — N ö l d e k e Th. Geschichte des Qorans. 2. Aufl. bearb. von Schwally Fr. T. 1. Über den Ursprung des Qorans. Lpz., 1909.
Sezgin, 1967—1979. — S e z g i n F. Geschichte des Arabischen Schrifttums. Bd 1—7. Leiden, Brill, 1967—1979.
Weisweiler, 1962. — W e i s w e i l e r M. Der Islamische Bucheinband des Mittelalters nach Handschriften aus Deutschen, Holländischen und Türkischen Bibliotheken. Wiesbaden, 1962 (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen. Bd 10).

В. В. Лебедев

ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Еврейская рукописная книга как самостоятельное явление культуры впервые стала исследоваться М. Штейншнейдером (1816—1907), рассматривавшим историю рукописной книги как «составную часть введения в историю еврейской литературы» [Steinschneider, 1937, с. 1]. Новейшая монография М. Бейт-Арье [Beit-Arié, 1976] носит более узкий кодикологический характер. Этим фактически и ограничиваются основные специальные исследования. Масса ценных замечаний рассыпана в каталогах рукописей, описаниях отдельных рукописей, заметках о средневековых еврейских библиотеках, об иллюстрациях рукописей и т. п.

Исторические судьбы еврейского народа определили основные особенности еврейской рукописной книги, а именно: широкие исторические и географические рамки ее бытования; многоязычие; восприимчивость к традициям рукописной книжности различных народов; сохранение некоторых архаических черт древневосточной рукописной книги; разнообразие репертуара.

О раннесредневековой (до IX в.) еврейской рукописной книге сохранились лишь косвенные данные, полный свод и анализ которых — задача будущих исследователей. Древнейшие датированные еврейские кодексы относятся к IX в. Карасубазарская библия из собрания ИВ АН (шифр D 62) [см.: Starkova, 1972, с. 37—40] имеет приписку с датой, обычно читаемой как 607, т. е. 4607 г. «от сотворения мира», что соответствует 847 г. н. э.; однако эта неясно написанная дата вызывает сомнения ученых [Beit-Arié, 1976, с. 9]. Бесспорна датировка кодекса пророков 894—895 гг., ныне хранящегося в караимской синагоге г. Каира. К X в. относятся 17 датированных еврейских рукописных книг, к XI в. — 24, к XII в. — 41. Всего же в мире известно более трех тысяч еврейских рукописей, датированных X—XVI вв. [Beit-Arié, 1976, с. 10].

Сравнительно раннее появление еврейского книгопечатания (70-е годы XV в.) в определенной степени ограничило распространение рукописной книги. Однако на протяжении еще нескольких веков рукописная книга почти повсеместно успешно конкурировала с печатной.

Судьбы рукописной и печатной книги нередко переплетались. Известны случаи, когда дефектные экземпляры печатных изданий дополнялись от руки. Например, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится несколько экземпляров венецианских изданий караимских молитвенников (1528 г.) с рукописными дополнениями (шифр: Бахч. 121/1—6). Обычным явлением (как и у многих других народов) было изготовление списков с печатных изданий.

Влияние еврейской рукописной книги на печатную было велико. Два шрифта, применяемые в еврейских типографиях на протяжении всех пяти веков существования книгопечатания, — квадратный и раши — сохраняют начертания соответствующих почерков (причем первый — без каких-либо изменений). Нетрудно заметить также близость оформления рукописной и старопечатной еврейской книги. В свою очередь, поздние рукописные книги (XVI—XIX вв.) иногда оформляются по образцу печатных: появляется титульный лист с четко выделенным заглавием, именем автора и выходными данными (см., например, рукописи ГПБ: Евр. н. с. 111, Евр. н. с. 112, Евр. н. с. 176).

Географический ареал еврейской книги уже в средние века был весьма обширен: Ближний Восток, Иран, Средняя Азия, Северная Африка и почти вся Европа. Этим объясняется и многоязычие еврейской рукописной книги: можно назвать не менее 12 языков, на которых писались рукописи еврейским письмом: древнееврейский (иврит), арамейский, арабский, идиш, ладино, старофранцузский, итальянский, греческий, персидско-таджикский, татский, караимский и крымчакский.

Еврейской графикой не только переписывались тексты еврейских и караимских авторов, но и записывались произведения арабской, персидской, тюркоязычной литературы и фольклора. Привлечение подобных текстов может обогатить историю соответствующих литератур новыми фактами, как это можно видеть на примере арабской литературы и фольклора. Только в еврейской транскрипции пока известны арабские повести о халифе ал-Валиде и Салме [Лебедев, 1976, с. 133—135] и о войне птиц и зверей [Лебедев, 1973, с. 235]. Записи арабского фольклора, сделанные евреями и караимами, открывают неизвестную страницу в истории устного народного творчества

арабов, помогают проследить пути миграции фольклорных сюжетов [Лебедев, 1979].

Восприимчивость еврейской рукописной книги к местным традициям особенно отчетливо проявляется в ее оформлении и переплете: рукописи, переписанные в Западной Европе, близки в этом отношении к рукописям в латинской графике, а еврейские рукописи восточного происхождения — к мусульманским. Эту близость можно детально проследить на материале письма, структуры кодекса, иллюстраций, переплета. В частности, М. Штейншнейдер отмечал влияние готического стиля на оформление еврейских рукописей, переписанных в Германии [Steinschneider, 1937, с. 1]; очевидно влияние арабского письма на сефардийский курсив (округлая форма). Миниатюры еврейско-персидских рукописей сходны по стилю с мусульманскими (иранскими и среднеазиатскими) и совершенно отличаются от миниатюр европейских еврейских рукописей. Европейские переплеты еврейских рукописей резко отличаются от восточных.

Вместе с тем еврейская рукописная книга сохранила ряд специфических общих черт, восходящих к древневосточной рукописной традиции. К числу таких черт следует прежде всего отнести сохранение архаического типа книги — свитка. Счастливая случайность сохранила значительное число древнееврейских свитков, найденных в районе Мертвого моря, — остатки большой древней библиотеки. В тот период это была господствующая форма книги у евреев. Освященные талмудической традицией, свитки «священного писания» в течение многих веков переписывались специальными писцами (*соферим*), а в последние десятилетия стали воспроизводиться фототипическим способом. Число имеющихся в мире еврейских свитков не поддается точному учету. Они хранятся в синагогах, библиотеках и у частных владельцев. Наиболее распространены свитки Торы (Пятикнижия) и Книги Эсфирь, встречаются также свитки Песни Песней, книги Руфь, Екклесиаст и Плач Иеремии.

Отличительной чертой еврейской письменной традиции являлся запрет на уничтожение рукописей (на том основании, что любая из них содержала имя бога, а повреждение этого имени считалось тяжелейшим грехом). Рукописи, негодные к употреблению в силу их ветхости, ошибок в переписке текста или «еретического» содержания, закапывались в землю, а чаще складывались в специальные хранилища — *генизы* (от глагола *ганаз* «хоронить») — на чердаках или в подвалах синагог. Именно благодаря генизам сохранились до наших дней многие памятники еврейской письменности. Наиболее знаменита Каирская гениза, материалы которой находятся ныне во многих хранилищах мира.

Еврейская письменность (книжная и деловая) характеризуется обилием аббревиатур.

Ряд черт сближает еврейскую рукописную книгу с книгой других семитских народов (арабов, сирийцев, самаритян). Во всех этих трех системах письменности отсутствуют заглавные (прописные) буквы, письмо идет справа налево, отсутствуют переносы слов на другую строку.

Репертуар еврейской рукописной книги исключительно разнообразен. Наряду с библейскими свитками и кодексами, списками талмудических трактатов и богословских сочинений широко представлена экзегетическая литература на всех языках, распространенных среди народов иудейского вероисповедания. В рукописных собраниях велик удельный вес филологических (грамматических и лексикографических) сочинений. Большой вклад в их исследование внесли русские и советские гебраисты, в особенности акад. П. К. Коковцов. Сохранились оригинальные и переводные сочинения по философии, точным и естественным наукам, медицине, истории, географии; художественные произведения — поэтические, прозаические и *макамы* [1], сочетавшие рифмованную прозу с обилием вставных стихотворений. Неотъемлемую часть репертуара еврейской рукописной книги на Ближнем Востоке и в Северной Африке составляли произведения арабской научной и художественной литературы, а также записи арабского фольклора в еврейской транскрипции, о чем уже говорилось выше.

Борьба демократической и аристократической тенденций в еврейской культуре нашла отражение в репертуаре и оформлении еврейской рукописной книги. В ряде рукописных собраний мира преобладают еврейские богослужебные и богословские рукописи. Сочинения, сколько-нибудь расходившиеся с ортодоксальным иудаизмом, изымались из обращения и помещались в генизы; тем бо́льшую научную ценность представляют сохранившиеся до наших дней даже небольшие фрагменты подобных произведений. Фольклорные записи, делавшиеся небрежно, зачастую на первых попавшихся под руку клочках бумаги, не предназначались для длительного хранения и гибли быстрее кодексов, содержавших культовые тексты. Четко прослеживается разница между демократической рукописной книгой, включавшей сборники стихотворений и фольклорных записей, школьные учебники и скромные списки самых разнообразных текстов, переписывавшихся рядовыми тружениками для себя или членов семьи, и книгой аристократической, парадной, предназначавшейся для синагог или богатых меценатов. Впро-

---

[1] *Макамы* — занимательные рассказы.

чем, нередко в одной рукописи или одном рукописном собрании отражались различные, противоречивые культурные тенденции. Так, в сборниках стихотворений иногда литургические стихи соседствуют с лирическими, а в библиотеке одного египетского еврея (XI—XII вв.) рядом с молитвенниками хранился список арабского рассказа о халифе Харуне ар-Рашиде (см. рук. ГПБ Антонин № 349).

КРАТКАЯ КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРЕЙСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Древнейший мягкий писчий материал — папирус — представлен в собраниях еврейских рукописей сравнительно небольшим количеством фрагментов II—IX вв. (в основном литургического содержания) [Бéрлин, с. 718—719].

Кожа, которая благодаря своей прочности и повсеместной распространенности в I тысячелетии н. э. вытеснила папирус, применялась для написания библейских свитков вплоть до XIV—XV вв., а в отдельных местностях (Йемен, Кавказ) и позднее. Употреблялись кожи оленей, овец, коз, телят.

Значительное распространение у евреев (особенно в Европе) получил пергамен. Техника его изготовления и разлиновки зависела от места изготовления, но существенно не отличалась от применявшейся соответственно в Европе, Византии или арабских странах. Палимпсесты, где один из слоев (обычно верхний) написан еврейским письмом, сохранились в сравнительно небольшом количестве и в основном относятся к XI—XII вв. [Бéрлин, с. 720]. Если на Востоке пергамен вытесняется бумагой уже в XI—XII вв. (вначале в светских рукописях, потом в кодексах религиозного содержания) и употребляется в более поздний период лишь для свитков и определенных типов документов (например, брачных контрактов), то в Европе вообще пергаменная рукописная книга еще преобладает в XIV в. и сохраняет определенные позиции в XV в., что в полной мере относится и к еврейским рукописям. При этом в XIV в. параллельно с появлением ряда бумажных фабрик отмечается усовершенствование техники обработки пергамена (тщательно выбривается и чистится волосяная сторона, в результате чего получается высококачественный сорт белого пергамена, именуемый в латинской палеографии «vellum» [Beit-Arié, 1976, с. 22]. К этому времени относятся и рукописи, где пергамен сочетается с бумагой: первый и последний (как бы защитные) листы каждой тетради — пергаменные, остальные — бумажные. Ста-

20 Заказ № 174

рейшая известная датированная еврейская пергаменно-бумажная рукопись была переписана, впрочем, не в Европе, а в Александрии еще в 1212 г. (ныне хранится в университетской библиотеке г. Франкфурта-на-Майне) [Beit-Arié, 1976, с. 37]. В ГПБ хранятся несколько таких рукописей, старейшие из которых относятся к 1331 г. (Евр. I 479) и 1359 г. (Евр. I 23) (последняя рукопись переписана в крымском городе Кафе, ныне Феодосия).

Еврейские рукописи дают дополнительный материал для выяснения истории распространения бумаги на Востоке и в Европе. Здесь целесообразно привести данные о старейших известных еврейских рукописях на бумаге, происходящих из различных регионов. Древнейший датированный еврейский рукописный фрагмент на бумаге, происходящий из Каирской генизы, относится к 1005 г. [Beit-Arié, 1976, с. 20]. Старейшие датированные бумажные еврейские рукописи из Испании и Италии относятся соответственно к 1225 и 1312 гг. (причем в обоих случаях бумага сочетается с пергаменом), из византийско-балканского региона — к 1329 г. (бумага с филигранями), из Германии — к 1337 г. [Beit-Arié, 1976, с. 21]. Филиграни засвидетельствованы на бумаге еврейских рукописей, как видим, уже в XIV в. Здесь следует внести уточнение в известный свод филиграней Н. П. Лихачева [Лихачев, 1899, т. 1, с. 50]: фигурирующая там рукопись ГПБ Евр.-араб. I 1311 (содержащая части «Канона» Ибн Сины в еврейской транскрипции) [Старкова, 1957, с. 39—58] датируется не 1420-м, а 1380 г., соответственно меняется и датировка филиграней основной части этой рукописи («три горы», «три горы в круге», «единорог», «лук со стрелой»). Рукопись 1384 г., содержащая окулистический трактат Исы ибн Али (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1310), написана на бумаге с филигранью «голова оленя».

Вообще многие еврейские рукописи ближневосточного происхождения начиная с конца XIV в. написаны на итальянской и французской бумаге и тем самым подтверждают вывод Н. В. Пигулевской о распространении этих видов бумаги на Востоке [Пигулевская, 1960, с. 205—207]. В источниках встречаются сведения и о ближневосточных центрах производства бумаги, использовавшейся для написания как арабских, так и еврейских рукописей. Например, в одном из списков книг, принадлежавших египетскому ученому XII в. Йосефу б. Йа'акову ха-Бавли, упомянуты также находившиеся у него две чистые пачки багдадской бумаги (*рабтатайн кагид багдади*) [Scheiber, 1971, с. 69—70].

Обычный объем тетради в еврейских рукописях составлял в Центральной и Юго-Восточной Европе 8 листов, а на Востоке

и в Италии — 10 листов; максимальный объем пергаменной тетради всюду составлял 12 листов, а бумажной достигал 16 листов в византийско-балканском регионе и 24 листа — в Испании, Италии и Северной Африке [Beit-Arié, 1976, с. 43—47]. Тетради, как правило, нумеровались еврейскими буквами (имеющими, как известно, цифровое значение); на Ближнем Востоке обычно в начале каждой тетради (*курраса*) ее номер отмечался соответствующим арабским числительным (по-арабски и арабскими же буквами).

С XIII в. в конце каждой тетради, а позднее (XIV—XV вв.) — каждого листа появляются *кустоды* [Beit-Arié, 1976, с. 54]. Господствующий тип кустода — вынос в нижний левый угол оборотной стороны листа первого слова (или двух слов) следующего листа (по мусульманской кодикологической терминологии — *караул*). Кустоды часто надчеркивались горизонтальной чертой или наклонными штрихами, а иногда орнаментировались и даже иллюстрировались (см., например, рук. ГПБ Евр. I 78, а также [Beit-Arié, 1976, с. 55—57, табл. 10—12]).

Пагинация в еврейских рукописях появляется со второй половины XV в. вначале только в Италии и Испании [Beit-Arié, 1976, с. 66] и уже значительно позже (с XVII—XVIII вв.) и реже встречается в еврейских рукописях восточного происхождения (см., например, рук. ГПБ Евр.-араб. II 1750).

Переплетное ремесло среди евреев издавна получило широкое распространение. Но каких-либо специфических особенностей техники изготовления и оформления переплета, характерных именно для еврейской рукописной книги, пока обнаружить не удалось. Доступный нам материал лишь подтверждает зависимость переплетного дела у евреев от его традиций у окружающих народов. Два типа переплета: европейский и восточный — отчетливо прослеживаются на протяжении всего средневековья [Steinschneider, 1937, с. 33].

Старинный европейский переплет — массивные дубовые или буковые доски, обтянутые темной плотной кожей, с металлическими застежками — характерен для многих европейских еврейских рукописей. Например, библейская рукопись XIII—XIV вв. из собрания Фирковича (рук. ГПБ Евр. B 1) сохранила подобный переплет с остатками медных застежек; на обеих крышках переплета рукописи того же времени, содержащей трактат Маймонида «Море Невухим» (рук. ГПБ Евр. I 472), вытиснен геометрический орнамент. Можно отметить еще одну рукопись того же собрания (Евр. I 209), где на верхней крышке переплета вытиснены животный орнамент и имя переплетчика — Шему'ель б. Йехиель, а на нижней — растительный орнамент;

рукопись содержит известный богословский трактат «Тур орах хайим» («Порядок поведения») и датирована 1419 г.; переплет скорее всего относится к тому же времени. Позднее (с XVI—XVII вв.) наряду с кожей для переплетов употреблялся и пергамен (см., например, рук. ГПБ Евр. н. с. 2). В XVI—XVII вв. доски заменяются картоном, а в XIX в. и кожаный переплет постепенно вытесняется картонным.

Восточный переплет еврейской рукописи внешне не отличался от переплета мусульманской рукописи: вместо досок там обычно употреблялись спрессованные и склеенные бумажные или пергаменные листы (чистые или из старых, пришедших в негодность рукописей); кожа мягкая и светлая, орнамент живой (растительный или цветочный); иногда переплеты снабжались клапанами; застежки были также кожаные. В этом отношении характерны переплеты двух рукописей из собрания Фирковича, датируемых началом XVI в.: Евр.-араб. I 1314 (каллиграфический список «Книги заповедей» караимского автора Шему'еля Магриби, переписанный в Иерусалиме в 1513 г.; крышки переплета склеены из листов арабских рукописей, на коже крышек вытиснены медальоны) и Евр.-араб. I 1345 (комментарий Салмона б. Йерухама на Псалмы, 1515 г., место написания не указано, но скорее всего Египет или Палестина; вместо досок — склеенные листы старых еврейских рукописей).

Сфера распространения западных и восточных переплетов менялась в связи с изменением политической обстановки в странах, населенных евреями, и миграцией еврейского населения. Так, в Крыму в XIV—XV вв. был распространен европейский тип переплета (см., например, рук. ГПБ: Евр. I 78; Евр. н. с. 206, 207), а в XVII—XVIII вв. — восточный (см., например, рук. ГПБ Евр. I 662 и 687—688 из собрания Фирковича, которые имеют типичные арабо-турецкие переплеты с клапанами и медальонами).

ПИСЬМО, КАЛЛИГРАФИЯ, УКРАШЕНИЯ, ИЛЛЮСТРАЦИИ

Древнейшие сохранившиеся письменные источники на древнееврейском языке относятся к X—IX вв. до н. э. Первое тысячелетие до н. э. представлено преимущественно эпиграфическим материалом, и лишь некоторые свитки Мертвого моря относятся ко II—I вв. до н. э. Первоначально евреи использовали так называемое палеоеврейское письмо, развившееся

 непосредственно на основе финикийского алфавита; одна из

ветвей этого письма сохранилась до настоящего времени в виде самаритянского алфавита [Вильскер, 1974, с. 17—19].

Начиная с V—IV вв. до н. э. палеоеврейское письмо сосуществует с письмом арамейским, а на рубеже нашей эры уже вытесняется им. Свитки Мертвого моря написаны арамейским письмом (*кетав ашури*), уже близким к обычному еврейскому квадратному почерку (*кетав мерубба*ʿ).

«Благодаря строго установившимся правилам, которым подчиняется писание свитков Торы, в форме букв не могло произойти существенных изменений. Громадное значение. . . придававшееся этим рукописям, содействовало особенно тщательному изображению знаков; писцы старались выводить буквы красиво, поскольку тем не нарушались существующие на этот счет постановления» [Алфавит, с. 50].

В средние века квадратный почерк употреблялся: 1) в богослужебных рукописях (особенно в свитках); 2) для выделения библейского текста в рукописях комментариев на Библию и других сочинений, где встречались библейские цитаты; 3) для выделения заглавий, названий глав и разделов сочинений; 4) в отдельных случаях (в особенности до XIII—XIV вв.) в парадных, каллиграфических рукописях различных жанров; 5) в брачных контрактах (*кетубот*).

Прочность еврейской каллиграфической традиции, закрепленной и освященной Талмудом, способствовала сохранению квадратного почерка в качестве основного типа еврейского письма, с появлением книгопечатания занявшего господствующее место среди печатных еврейских шрифтов.

Вместе с тем уже в период раннего средневековья в силу особенностей пера (тростникового на Востоке, гусиного, а впоследствии металлического на Западе), небрежности в написании небогослужебных (в особенности светских) текстов и влияния письма других народов, среди которых жили евреи, в различных странах появляются местные типы полукурсивного и курсивного письма.

Полукурсив характеризуется несколько более небрежным, округлым или упрощенным написанием отдельных букв, например: *алеф* пишется не в три приема (как в квадратном почерке), а в два; *вав* изображается в виде вертикальной прямой линии (без крючка); *хет*, *тет*, *ламед*, *мем*, *нун* и некоторые другие буквы более плавные по сравнению с квадратным почерком (см. рис. 32, 34).

Наиболее распространенным типом полукурсива стал раввинский итальянский, получивший название «раши», поскольку этим почерком обычно писались комментарии известного экзегета Раши (1040—1105) к Библии и Талмуду. На основе этого

почерка был создан шрифт раши, получивший широкое распространение в первые века книгопечатания, да и в XIX—XX вв. еще сохранявшийся во многих еврейских типографиях. К почерку раши был близок сефардийский полукурсив, сложившийся в XII—XIII вв. на Пиренейском полуострове, а в дальнейшем распространившийся также в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Своеобразным начертанием букв отличаются караимские типы полукурсива: караимский восточный, западнокараимский и крымский. Караимский восточный почерк был распространен на Ближнем Востоке (имена известных писцов — представителей этого почерка связаны в основном с Каиром и Иерусалимом), западнокараимский — в Литве и Галиции. Караимский восточный почерк характеризуется угловатым *алефом*, петлеобразным начальным *пе*, закруглением влево «хвостов» *кофа*, конечных *кафа* и *нуна* (см. рис. 34). Этот почерк испытал некоторое влияние сефардийского полукурсива, крымский почерк — почерка раши, западнокараимский — ашкеназского курсива. До конца XVIII в. крымский почерк подвергался также определенному влиянию караимского восточного почерка, что объясняется традиционными связями ближневосточных и крымских караимов. После присоединения Крыма, Литвы и Волыни к России усилились контакты между крымскими и западными караимами, что привело в XIX в. к процессу взаимного влияния западнокараимского и крымского почерков. Наглядный пример таких контактов — деятельность А. С. Фирковича (1787—1874), уроженца г. Луцка, бóльшую часть жизни проживившего в Крыму. Его сыновья уже писали почерками, близкими к крымскому типу, да и сам он в 1830—1870-е годы несколько отступал от стандартного западнокараимского почерка.

Термин «курсив» в латинской и греческой палеографии предполагает написание буквы, группы букв или даже целого слова без отрыва пера от бумаги [Люблинская, 1969, с. 126]. Такая манера письма противоречила талмудическим канонам; поэтому последовательное применение принципа слитного написания букв встречается в еврейской письменности сравнительно редко и уже в относительно позднее время (с XIV—XV вв.). В еврейской палеографии термином «курсив» обозначается письмо, где каждая буква написана небрежно, существенно отличаясь от традиционного начертания квадратного почерка, и где обычным явлением ставится лигатура (т. е. соединение двух или более букв). Чаще всего в лигатурах участвуют буквы: *бет*, *далет*, *вав*, *йод*, *нун*, *реш*. Наиболее распространенная лигатура — *алеф*+*ламед* — проникла и в полукурсив. До сих

пор в специальных работах нет еще четкого разграничения курсива и полукурсива.

Обычно выделяют три типа курсива: сефардийский, ашкеназский и восточный, причем после изгнания евреев из Испании (1492 г.) отчетливо прослеживается влияние сефардийского курсива на восточный: появляется некая гибридная форма этих типов курсива, распространившаяся на огромной территории — от Марокко до Индии. Курсив вначале применялся в деловой и частной переписке и лишь постепенно (в XII—XIV вв.) стал появляться и на страницах рукописных книг. Один из ранних образцов восточного курсива, относящийся к 831 г., представлен в приложении к каталогу коллекции Э. Н. Адлера [Adler, 1921, табл. 2]. Любопытный образец еврейского письма в «Фихристе» знаменитого арабского библиографа второй половины X в. Ибн ан-Надима [Fihrist, с. 15] содержит курсивные начертания некоторых букв (*алеф*, конечный *каф*, *цаде*), хотя преобладают полукурсивные начертания; к сожалению, неясен источник, которым пользовался Ибн ан-Надим при передаче еврейского алфавита. Хронологические рамки проникновения курсива в еврейскую рукописную книгу могут быть уточнены лишь по завершении сводного каталога датированных еврейских рукописей.

По доступному нам материалу складывается впечатление, что восточный курсив распространяется в еврейской рукописной книге с XII в., а сефардийский и ашкеназский — с XIII—XIV вв. Так, почерк аденской рукописи 1144 г. (рук. ГПБ Евр.-араб. I 4562) можно определить как восточный курсив (см. рис. 33). Сефардийским курсивом написаны еврейские стихи на л. 161 арабской (!) рукописи 1270 г., содержащей сборник медицинских сочинений Ибн Рушда (рук. ГПБ Дорн 124); эти стихи, судя по палеографическим данным, были переписаны вскоре после основного текста; очевидно, владельцем рукописи был врач-еврей. Ранние образцы ашкеназского курсива приведены в палеографических таблицах С. Бирнбаума [Birnbaum, 1954, табл. 369—380]. С. Д. Гойтейн на основании исследования документов генизы пришел к выводу, что родиной еврейского курсива вообще является Ирак, а родиной сефардийского курсива — Тунис [Goitein, 1967, с. 234—235]. Изучение еврейских рукописей ленинградских собраний подтверждает закономерность, отмеченную уже авторами «Еврейской энциклопедии»: «Еще менее старания прилагалось при начертании букв в тех случаях, когда текст был не еврейским, а заимствованным путем транскрипции из другого языка» [Алфавит, с. 56]. Действительно, среди рукописей, написанных курсивом, велик удельный вес текстов на языках арабском, ладино, караимском,

еврейско-персидском. Переписывая тексты на иных языках, обычно светского содержания, писец был свободен от талмудических канонов, регламентировавших написание «священных» текстов на древнееврейском языке и объективно способствовавших становлению и развитию еврейской каллиграфии.

В то же время следует подчеркнуть, что далеко не все еврейские каллиграфы ограничивались перепиской свитков Торы и других богослужебных рукописей. Высокие образцы каллиграфии — как квадратным почерком, так и полукурсивом, как на древнееврейском, так и на других языках — сохранились во многих рукописных хранилищах мира. Например, в собрании Фирковича рядом на полке стоят арабоязычные каллиграфические списки «Канона» Ибн Сины (1380 г.) и трактата по окулистике ʿИсы ибн ʿАли (1384 г.), шифры соответственно: Евр.-араб. I 1311 и Евр.-араб. I 1310. Наличие каллиграфических списков сочинений арабской научной и художественной литературы [2] в еврейской транскрипции — одно из доказательств интереса и уважения средневековых евреев Ближнего Востока к арабской культуре.

Выявлению имен еврейских и караимских каллиграфов и в дальнейшем исследованию каллиграфических школ будут способствовать сводный каталог датированных рукописей и каталоги отдельных собраний. Большой неисследованный материал в этом отношении содержит собрание Фирковича. Достаточно назвать несколько имен каллиграфов, представленных в этом собрании. Дамасский караим Йицхак б. Шему'ель Ибн Куджук переписал в 1391 г. комментарий на Псалмы Салмона б. Йерухама (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1427); колофон содержит любопытные сведения о походе мамлюкского султана Баркука в Халеб. Несколькими десятилетиями позднее в Дамаске действовал караимский каллиграф Шему'ель б. Аврахам Леви, переписавший в 1436 г. сокращенный комментарий на Книгу Бытия известного богослова ал-Каркасани (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1366). Из каирских караимских каллиграфов XV в. можно назвать Ахарона Кохена, изготовившего в 1453 г. список юридического сочинения Шему'еля ал-Магриби «Китаб ал-муршид» («Книга-наставник») (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1814). Прекрасный образец каллиграфии XVI в. — «Сефер ха-мицвот» («Книга заповедей») того же автора, которая была переписана в Иерусалиме в 1513 г. Йехудой б. Давидом б. ан-Наккашем (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1314; см. рис. 34). Выдающимся кал-

---

[2] Например, в собрании Фирковича сохранились фрагменты каллиграфического списка макам ал-Харири в еврейской транскрипции (шифр Евр.-араб. II 203).

лиграфом был *хаззан* (кантор и секретарь) каирской караимской общины в 1630—1650-х годах Ахарон Ми'мар (в ГПБ хранится более 70 рукописей и документов, переписанных им).

Каллиграфические рукописи отличались не только строгостью и единообразием начертания букв, но зачастую также и наличием огласовки. Огласовывались библейские тексты и их переводы, списки Мишны и Талмуда, молитвенники, литургические и светские стихотворения, а иногда даже фольклорные записи [Лебедев, 1979, с. 127]. В грамматических и лексикографических сочинениях огласовывались библейские слова и фразы. Наряду с обычной (тивериадской) огласовкой, употреблявшейся практически во всех языках, на которых писали евреи и караимы, в рукописях встречается также вавилонская огласовка (в еврейских, арамейских и еврейско-арабских текстах) и арабская (в еврейско-арабских текстах). Сфера распространения вавилонской огласовки — Ирак, Иран и Йемен [Weil, 1962, с. 52], хронологические рамки — X—XIX вв. (от знаменитого Вавилонского кодекса 916 г.[3] до поздних сборников стихотворений из Йемена). Арабская огласовка применялась караимскими каллиграфами на Ближнем Востоке в XIII—XVI вв. не только в списках произведений арабского происхождения (например, макам ал-Харири, арабских антологий и отдельных рассказов), но иногда даже и в оригинальных сочинениях караимских авторов [4]; засвидетельствованы курьезные случаи огласовки колофонов еврейско-арабских рукописей по арабской системе. Такой колофон встречается в конце комментария на Пятикнижие караима Моисея (Моше) б. Соломона (Шеломо) Леви, переписанного в месяце зу-л-ка'да 807 г. хиджры/июне 1405 г. Да'удом б. Абу Са'идом Ибн ал-Хайси (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1814, л. 4б).

Орудие письма на Востоке — тростниковый калам, на Западе — гусиное, а позднее — металлическое перо [Steinschneider, 1937, с. 24]. Чернила обычно употреблялись темно-коричневые (изготовлявшиеся из древесного угля) [Narkiss, 1974, с. 17], изредка — для выделения заголовков — красные. В упомянутой выше каллиграфической рукописи 1513 г. темно-коричневые чернила иногда обведены красными.

Украшения в свитках Торы регламентировались столь же строго, как и письмо. Единственным украшением свитков является *тагин* — коронки над некоторыми буквами, в особенности

---

[3] Рук. ГПБ Евр. В 3.

[4] Например, по арабской системе огласованы тексты арабоязычного предисловия к «Дивану» Моисея (Моше) Дар'и (рук. ГПБ Евр. I 802, л. 1б—3б) и списка «Книги заповедей» Шему'еля ал-Магриби (Евр.-араб. I 1314).

над левой головкой букв: *гимел*, *зайин*, *тет*, *нун*, *ʿайин*, *цаде*, *шин* (в раннем средневековье также над *далетом* и *хе*). Существовало специальное руководство по написанию этих значков — «Сефер ха-тагин» («Книга о тагине»).

В библейских кодексах появляется орнамент, иногда искусно составленный из букв и фраз *масоры* [5], а зачастую и самостоятельный, не связанный с каллиграфическим оформлением. О широком распространении орнамента в рукописях еврейской Библии может свидетельствовать альбом «Еврейский орнамент» В. В. Стасова и Д. Г. Гинцбурга [Stassof, Günzburg, 1905], основанный преимущественно на материале библейских рукописей из собрания Фирковича. Уже старейшие сохранившиеся библейские кодексы X—XI вв. содержат прекрасные образцы высокохудожественного орнамента, например списки Пятикнижия 929 г. (рук. ГПБ Евр. II В 17) и 970 г. (рук. ГПБ Евр. II В 101) или знаменитая Каирская библия 1008 г. (рук. ГПБ В 19 А).

В библейских рукописях еврейского происхождения появлялись изображения реальных и мифических зверей и птиц, составленные из букв масоры, или вписанные в кружки и квадратики, образованные из масоретских текстов, или же в кустодах, а иногда — изображения людей и миниатюры [см.: Narkiss, 1974]. Еще разнообразнее оформление праздничных молитвенников и пасхальной аггады [6]. Многие рукописи подобного рода, в особенности испанского и итальянского происхождения, украшены заставками, орнаментом и миниатюрами (примеры см. [Narkiss, 1974]). Выдающимся образцом книжного искусства является Сараевская аггада середины XIV в., содержащая 70 миниатюр и множество цветных заставок [7]. Примером поздней иллюстрированной еврейской рукописной книги может служить венский молитвенник 1741 г. (рук. ГПБ Евр. н. с. 176), содержащий 11 миниатюр.

Орнаментировались также парадные, каллиграфические, заказные экземпляры рукописей различных жанров — как религиозного содержания (например, список «Книги заповедей» Шемуʾеля ал-Магриби), так и светских (например, сборник

---

[5] *Масора* — филологические примечания к библейскому тексту на полях рукописей и изданий еврейской Библии.

[6] Пасхальная аггада (*хаггада*) — повествование об исходе евреев из Египта, читаемое в пасхальный вечер.

[7] Издавалась дважды: [Müller, 1898; Sarajevska Hagada, 1962]. Сараевской аггадой эта рукопись названа по нынешнему месту хранения (Земельный музей Боснии в г. Сараеве, Югославия); место написания не указано, но, по предположению ее исследователей, это Испания (возможно, Барселона).

грамматических сочинений 1297 г. [8] или список «Дивана» Моисея (Моше) Дар'и) [9]. Рядовые списки светских сочинений орнаментировались и иллюстрировались сравнительно редко. На Арабском Востоке и в Южной Испании еврейские рукописи обычно не иллюстрировались; очевидно, здесь сказывалось влияние арабо-мусульманской культуры [Steinschneider, 1937, с. 27].

Лучшие образцы средневековой еврейской книжной миниатюры происходят из Италии. Кроме рукописей Библии, аггады и молитвенников иллюстрировались также списки сборника басен автора XIII в. Йицхака б. Сахулы [Roth, 1972, с. 103—110], еврейского перевода «Канона по медицине» Ибн Сины [Narkiss, 1974, с. 148] и некоторых других сочинений. Расцвет еврейской рукописной миниатюры в Европе относится к XV в. Португальский еврей Аврахам б. Хайим [10] написал специальный трактат о миниатюрной живописи. Другой район, где получила распространение книжная иллюстрация в еврейских рукописях, — Иран и Средняя Азия. Здесь миниатюры еврейских художников возникли под несомненным влиянием местных школ мусульманских мастеров; сохранившиеся образцы относятся к XVI—XVIII вв. (см., например, [Adler, 1921, табл. 35b, 37, 38]).

СТРУКТУРА И ДАТИРОВКА ЕВРЕЙСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Средневековая еврейская рукопись начинается с благословения и восхваления бога. Бенедикция (благословение) обычно сводится к словосочетанию «во имя бога» с теми или иными эпитетами, реже составляет законченную фразу, иногда в рифмованной прозе. Зачастую бенедикция выражается аббревиатурами [Steinschneider, 1937, с. 36]. Восхваление, как правило, более пространно и отличается бо́льшим разнообразием вариантов.

Далее следует авторское предисловие в прозе или стихах, излагающее цель работы и структуру сочинения. Нередко сочи-

---

[8] Рук. ГПБ Евр. I 97—102. На л. 1б — заставка с растительным орнаментом; колофон на л. 18б и многие кустоды сопровождаются орнаментированными виньетками. На полях л. 47б и в нижней части — изображения неких чудовищ, на л. 112 — арка и т. п.

[9] Рук. ГПБ Евр. I 802. На л. 138б — растительный орнамент, занимающий всю страницу.

[10] Относительно времени жизни этого автора в литературе имеются расхождения: Д. Кауфман указывает датой сочинения 1262 г. [Kaufmann, 1898, с. 299], а С. Рот датирует его серединой XV в. [Narkiss, 1974, с. 6].

нение посвящалось определенному лицу, и в таких случаях предисловие предварялось или заменялось посвящением в рифмованной прозе или акростихом в честь соответствующего лица. Оглавление в еврейских рукописях могло помещаться как в начале, так и в конце списка.

Окончание сочинения также отмечалось специальными формулами и аббревиатурами (примеры см. [Steinschneider, 1937, с. 36]). Этим формулам предшествуют *эвлогии* — восхваления бога по случаю завершения переписки. Наиболее распространена заключительная эвлогия: *Барух нотен лаййа'еф коах* «Благословен дающий силу усталому!», основанная на библейской цитате (Исайя XL, 29). Примеры других заключительных фраз см. [Steinschneider, 1937, с. 47]. Подобные фразы, как правило, так или иначе связаны с библейскими цитатами. В самом конце списка писалось: *амен* «аминь» (иногда повторенное дважды или трижды, иногда в сочетании со словом *селла* — букв. «пауза»).

Даже в тех случаях, когда текст рукописи написан не на древнееврейском языке, как правило, сохраняются обычные еврейские начальные и конечные формулы. Так, еврейско-арабская рукопись XIV в. (рук. ГПБ Евр.-араб. II 852), состоящая исключительно из арабских литературных и фольклорных текстов в еврейской транскрипции, начинается словами: *Бешем Йахве 'ел 'олам* «Во имя Яхве, бога вечного!». Заканчивая переписку арабского рассказа о черепе, караимский писец XVII в. (не назвавший своего имени) вдруг вспоминает библейскую цитату: *Хашивену Йахве 'елек венашува хаддеш йамену какедем* «Верни нас, господи, к себе, и мы вернемся; обнови дни наши, как прежде» (Плач Иеремии V, 21), затем дает обычную эвлогию: *Барух Йахве ле 'олам* «Благословен господь вовек!», далее привычное «аминь!» (здесь повторено дважды) и лишь в одном отступает от обычной концовки еврейской книги: вместо перечисленных выше еврейских формул пишет арабское слово *камулат* «кончено», как это было принято в арабских рукописях (рук. ГПБ Евр.-араб. II 1547, л. 5).

Влияние арабо-мусульманской рукописной традиции сказывалось в наличии арабоязычных восхвалений бога (*хамдала*) и предисловий к произведениям, написанным на древнееврейском языке, например к сборнику макам ал-Харизи под названием «Тахкемони» или «Дивану» Моисея Дар'и. Обычно в ближневосточных рукописях, содержащих стихотворения еврейских и караимских поэтов, заголовки стихотворений даются по-арабски (независимо от языка самих стихотворений). Арабская

 «басмала» (*бисми-л-лахи-р-рахмани-р-рахим* «Во имя Аллаха

милостивого, милосердного») встречается лишь в некоторых списках арабских произведений в еврейской транскрипции [11] и скорее всего возникает в результате механического копирования арабского оригинала.

В сборниках каждое сочинение снабжалось своей бенедикцией и заканчивалось одной из вышеуказанных формул. Обычно начальные и конечные формулы выписывались более крупно, квадратным почерком. Типология еврейских рукописных сборников на основании их содержания нуждается в специальном исследовании.

Важным элементом рукописи является колофон, содержавший имя переписчика и заказчика, дату и место написания, как максимум — также высказывания и благочестивые изречения различного рода, а как минимум — только дату.

Имя переписчика обычно вводится словами *ха-ʿевед ха-цаʿир* (аббревиатура ХʿХЦ) «раб малый» и тому подобными уничижительными эпитетами; напротив, имена заказчика и его предков сопровождаются всевозможными хвалебными эпитетами [ср.: Розов, 1977, с. 19]. Высказывания переписчика большей частью содержат его извинения перед читателями за ошибки в переписке. Текст колофона в целом стандартен, индивидуальность переписчика проявляется редко (в намеках на общую историческую обстановку, обстоятельства жизни переписчика, в отдельных юмористических фразах, в указании сроков переписки, платы за труд и т. д.); изредка попадаются стихотворные колофоны (или части колофонов) [Steinschneider, 1937, с. 48—51].

Дата дается в большинстве случаев «от сотворения мира». Начало христианской эры соответствует 3760 г. этого летосчисления. В ближневосточных рукописях употреблялись также «эра контрактов» (она называлась еще «греческой» или «селевкидской»; ее начало соответствует 312 г. до н. э.) и мусульманская датировка по хиджре (т. е. с 622 г.). Нередко дата давалась одновременно по двум летосчислениям. Например, дамасский караим Йицхак б. Шемуʼель переписал комментарий Салмона б. Йерухама на Псалмы 12 кислева 1703 г. по эре контрактов, отметив, что этот месяц соответствует зу-л-хиджжа 793/октябрю—ноябрю 1391 г. (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1427, л. 100б). Христианское летосчисление в еврейских рукописях, написанных в Европе, засвидетельствовано по крайней мере с XV в., случаи подобной датировки сравнительно редки [Steinschneider, 1937, с. 56].

---

[11] См., например, рук. ГПБ Евр.-араб. I 1310, л. 1 (список трактата арабского медика Исы б. Али «Тазкират ал-каххалин» — «Памятка для глазных врачей»).

Дата передавалась тремя способами: словами, с помощью букв, употреблявшихся в цифровом значении, и в виде хронограмм (библейских фраз, сумма букв которых составляла соответствующее число). В дате от «сотворения мира» первая буква, обозначавшая тысячи, могла опускаться [Steinschneider, 1937, с. 55]. Хронограмма всегда имела в виду эру «от сотворения мира», причем иногда в расчет принималась не вся фраза, а лишь отдельные ее слова или буквы, отмеченные точками вверху. Работа с хронограммами поэтому требует особого внимания и в случае небрежной расстановки точек и отсутствия других надежных критериев, позволяющих проверить датировку, доставляет много затруднений исследователям.

При обычном буквенном обозначении дата либо также выделялась точками над буквами, либо надчеркивалась. Обозначение даты цифрами — арабскими на Востоке и в Крыму и обычными европейскими (в быту известными под названием «арабских») в Европе — даже в позднесредневековых еврейских рукописях встречается очень редко. Даты «от сотворения мира» и «по эре контрактов» включают еврейские названия месяцев, даты по хиджре — мусульманские.

Место переписки отмечается в колофонах реже, чем дата. Как правило, упоминание места переписки обязательно в заказных, парадных, каллиграфических списках.

СУДЬБЫ РУКОПИСНЫХ КНИГ

Колофон в своем оптимальном варианте представляет собой как бы паспорт рукописи. Изучение колофонов дает большой материал для выяснения центров книгописания, характеристики переписчиков, заказчиков и т. д. К сожалению, после книги М. Штейншнейдера «Лекции об изучении еврейских рукописей, их собраниях и каталогах» ([Steinschneider, 1937]; первое издание — 1897 г.) не появилось новых работ, которые бы обобщали в этом отношении весь еврейский рукописный материал. Стимулом к созданию таких работ послужит сводный каталог датированных средневековых еврейских рукописей, а пока появляются лишь исследования об отдельных писцах (например [Scheiber, 1970, с. 115—130]). При отсутствии обобщающих исследований трудно делать какие-то выводы относительно характеристики еврейских переписчиков и заказчиков (как это делает Н. Н. Розов применительно к древнерусской книге [Розов, 1977, с. 95—112]). Приходится ограничиваться самыми общими положениями или случайными наблюдениями.

Существовали определенные категории профессиональных писцов: переписчики свитков Торы (строго специализировав-

шиеся на этом ремесле), а также секретари еврейских и караимских общин, оформлявшие деловые документы этих общин, а заодно и переписывавшие книги для синагог или знатных лиц. Нередко должность секретаря общины сочеталась с должностью хаззана (кантора), и тогда естественной обязанностью человека, занимавшего этот пост, становилась переписка литургических сборников и молитвенников. Особенно характерно сочетание хаззан-писец для караимов. Например, в караимской общине Каира в середине XVII в. этот пост занимал Ахарон Миʿмар, а в караимской общине Евпатории в 1820—1840-х годах (с некоторыми перерывами) — А. С. Фиркович. Упоминаемое при имени переписчика слово *ха-софер* «писец» (с определенным членом) в ряде случаев, очевидно, служит указанием на его профессию.

Безусловно, был велик и процент непрофессиональных переписчиков (как духовных, так и светских лиц). Их учет и характеристика — дело будущих исследователей. Можно лишь отметить, что круг каллиграфов не ограничивался профессиональными писцами. Каллиграфическим почерком обладал, например, потомственный караимский священнослужитель Ахарон ха-Кохен б. Моше ха-Кохен, живший в середине XV в. в Каире; выше упоминалась переписанная им в 1453 г. рукопись «Муршида» Шемуʼеля ал-Магриби.

Относительно заказчиков можно сказать, что их состав, по нашим наблюдениям, разнообразен, включает и духовных, и светских лиц. Изучение этого состава позволит представить круг чтения представителей различных слоев иудейских (еврейских и караимских) общин и состав средневековых еврейских библиотек, о которых речь пойдет ниже.

Владельцы рукописей часто оставляли на них свои записи разнообразного содержания: констатировали принадлежность рукописи, проклинали ее возможных похитителей (*арур гонево* «да будет проклят крадущий ее!»), сообщали о различных событиях в своей стране, городе или семье, подсчитывали свои доходы и расходы или просто пробовали перо. Представляют интерес, в частности, записи о различных стихийных бедствиях (например, записи о землетрясении 1706 и 1757 гг. в некоторых рукописях собрания Фирковича) [12]. Исследователь не должен игнорировать и такие на первый взгляд незначительные пометы, как пробы пера. Иногда эти пробы ограничивались лишь написанием отдельных букв или слов или же обычного в этих случаях словосочетания: *анасат ха-кулмос* «проба пера»; но

---

[12] См. соответственно рук. ГПБ Евр.-араб. I 418, л. 2б, и Евр. I 39—641, л. 36б.

нередко владельцы, пробуя перо, давали полностью весь еврейский алфавит (что представляет несомненный палеографический интерес, в особенности когда эти записи делались полукурсивом или курсивом). Среди проб пера попадаются также пословицы и афоризмы. Так, старейшая запись арабской пословицы *ас-салам йаджиб ал-калам ва-л-калам йаджиб ал-биттих* («Привет приносит слово, а слово приносит арбуз») обнаружена нами среди проб пера на фрагменте караимского литургического сборника XVII в. (рук. ГПБ Евр. II А 1322).

Большую ценность представляют глоссы — пометы, непосредственно относящиеся к рукописи. Глоссы содержат толкование неясных мест текста на языке оригинала или иных языках. Например, в каллиграфическом еврейско-арабском списке макам ал-Харири (рук. ГПБ Евр.-араб. II 203) отдельные арабские слова (очевидно, устаревшие к моменту переписки) объясняются более простыми арабскими синонимами (так, к форме *муклати* «мой глаз», л. 23б, дана глосса: *ʿайни*). Изобилует глоссами на древнееврейском, латинском и итальянском языках еврейско-арабский список «Канона» Ибн Сины (рук. ГПБ Евр.-араб. I 1311); по предположению К. Б. Старковой, еврейские глоссы отражали подготовительную работу к переводу труда Ибн Сины на древнееврейский язык [Старкова, 1957, с. 47—50].

Другую группу владельческих записей представляют продажные и дарственные записи. Продажные записи — основной источник сведений о цене книг в разное время и в различных странах. К данным Л. Цунца [Zunz, 1845, с. 211—213] и М. Штейншнейдера [Steinschneider, 1937, с. 40—41] следует добавить несколько продажных записей из рукописей ленинградских собраний. Так, в библейской рукописи, ныне хранящейся в ЛО ИВ АН (шифр: С 35), сохранилась запись о продаже в 1387 г. двух рукописей (грамматики «Сефат йетер» — «Лишние слова» и трехтомной Библии) за 375 «крымских серебреников», а еще одна рукопись (А 211) была продана в 1462 г. в Кайруане (Тунис) за 14 флоринов (перахим).

Ряд продажных записей сохранили рукописи собрания Фирковича. Так, в одном из списков Пятикнижия [Harkavy—Strack, 1875, № 85] имеются две записи о продаже его за 50 динаров: одна (в подлинности которой, впрочем, сомневаются А. Я. Гаркави и Г. Л. Штрак) сделана в 1157 г. в г. Матарха (Тмутаракань) рукой знаменитого караимского ученого Йехуды Хадасси; другая не датирована, но, судя по почерку и чернилам, достаточно древняя. Из двенадцати записей, отражающих судьбу знаменитого Вавилонского кодекса, три содержат указания его цены [Harkavy—Strack, 1875, с. 231—235, № 10—

12], причем любопытно, что за сравнительно короткий срок (46 лет) эта цена снизилась почти вдвое: в 1332 г. он стоил 280 серебреников (*кесеф*), в 1350 г. — 190, а в 1378 г. — 150. К сожалению, ни в одной из этих записей не указано тогдашнее местонахождение кодекса и даже почти нет косвенных данных для предположений на этот счет. Скорее всего из Египта происходит фрагмент, содержащий запись о продаже некоей рукописи за 8 золотых ашрафи [13] и датируемый сафаром 871 г. хиджры / сентябрем—октябрем 1466 г. (название рукописи не сохранилось) [14].

География распространения еврейской рукописной книги в самых общих чертах совпадает с территорией расселения иудейских общин в средние века, охарактеризованной в первых строках данной работы. Задача будущих исследователей состоит в установлении основных центров еврейского книгописания и путей миграции еврейских рукописей. Материал для исследования дадут каталоги рукописных собраний, и прежде всего сводный каталог датированных рукописей. Полезной в методическом отношении является разработка географии древнерусской книги Н. Н. Розовым, предложившим для этой отрасли книговедения специальный термин «библиогеография» [Розов, 1977, с. 112—120].

Пока же можно отметить наличие еврейской рукописной традиции не только в таких древних культурных центрах, как Иерусалим, Дамаск и Каир, но и в сравнительно отдаленных городах и районах (например, Аден). Для истории отечественной культуры интересно проследить эту традицию на территории Кавказа и Крыма, Украины и Литвы — прежде всего на основе изучения собрания Фирковича.

Рукописи этого собрания дают также множество примеров миграции книги. Некоторые рукописи, найденные А. С. Фирковичем в Крыму, были написаны на Востоке. Например, Вавилонский кодекс был написан скорее всего в Ираке; спустя двести с небольшим лет (в 1127 г.) он находился в хорасанской деревне Шахрастан [Harkavy—Strack, 1875, с. 231], а в 1839 г. — в Чуфут-Кале [Фиркович, 1872, с. 12]. Следует попытаться проследить его путь из Хорасана в Крым, хотя данные для этого весьма скудны. Каирская Библия 1008 г. (рук. ГПБ В 19 А) попала в Крым через Дамаск [Harkavy—Strack, 1875, с. 274, № 10].

---

[13] Ашрафи — золотая монета, введенная в обращение мамлюкским султаном ал-Ашрафом Барсбеем (1422—1438).

[14] Рук. ГПБ Евр.-араб. II 1434.

21 Заказ № 174

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СОБРАНИЯ ЕВРЕЙСКИХ РУКОПИСЕЙ

Свитки Мертвого моря дают нам представление о древней еврейской библиотеке (или даже нескольких библиотеках) примерно двухтысячелетней давности. Характеристика этого комплекса материалов выходит за рамки данного очерка, посвященного средневековым еврейским рукописям; отметим лишь, что уже эти древнейшие библиотеки не ограничивались исключительно рукописями религиозного содержания, но включали также светские тексты (Устав кумранской общины, Медный свиток, некоторые апокрифы).

Далее в истории еврейских библиотек существует почти тысячелетняя лакуна. Можно лишь предполагать, что выдающиеся талмудисты и масореты располагали большими или малыми коллекциями рукописей и что основное место в этих коллекциях занимали библейские рукописи, а с развитием талмудической и мидрашитской литературы стал постепенно возрастать удельный вес этих памятников в рукописных собраниях.

Весь материал, содержащий сведения о средневековых еврейских библиотеках, распадается на три основные группы источников: 1) колофоны рукописей и владельческие пометы; 2) средневековые списки рукописей; 3) сообщения исторических источников о библиотеках.

Все эти группы источников привлекаются исследователями, но еще далеко не в полном объеме, и перечни средневековых еврейских библиотек носят пока беглый, схематический характер [Steinschneider, 1937, с. 57—58; Черный, с. 468—472]. Правда, в настоящее время готовится сводное издание всех сохранившихся средневековых списков еврейских рукописей, благодаря которому весь этот материал будет доступен исследователям [15]. Часть этих списков составлена книготорговцами и отражает не собрания определенных лиц, а перечень книг, предназначенных для продажи (наподобие современных книготорговых каталогов); списки подобного рода исключительно важны для представления о репертуаре рукописной книги соответствующего периода.

Обзор средневековых еврейских библиотек обычно начинают с X—XI вв. Между тем в арабских источниках нами обнаружено свидетельство о рукописном собрании химйарита-

---

[15] К настоящему времени уже опубликовано более 20 подобных списков, относящихся к XII—XVIII вв. Наиболее полный перечень этих публикаций см. [Аллони — Шейбер, 1973]. Можно упомянуть еще два неопубликованных списка: рук. ГПБ Евр.-араб. II 1118, и рук. ГПБ Антонин № 349.

иудея, жившего в конце VI—начале VII в., Мати' б. Зу-л-Хаджана, сын которого Ка'б ал-Ахбар впоследствии принял ислам и стал одним из первых мусульманских традиционалистов. Историк IX в. Ибн Са'д вкладывает в уста Ка'ба ал-Ахбара следующую фразу: «Отец мой написал мне книгу из Торы, вручил ее мне, сказал: „Пользуйся ею!“ — и запечатал от меня о с т а л ь н ы е с в о и к н и г и (разрядка наша. — *В. Л.*)» [Ibn Saad VII/2, с. 156]. В дальнейшем Ка'б ал-Ахбар нарушил отцовский запрет, заглянул в эти книги и «обнаружил в них описание пророка Мухаммада», что и послужило причиной его перехода в ислам [Ibn Saad VII/2, с. 156]. Этот рассказ, повторяемый также историком XIV в. аз-Захаби [Lidzbarski, 1893, с. 31], более правдоподобен по сравнению с другими вариантами сообщений о принятии ислама Ка'бом ал-Ахбаром [Perlemann, 1953; Perlemann, 1955], и возможно, что в его основе лежит реальный факт передачи рукописей от отца к сыну. Ка'б ал-Ахбар, один из ученейших людей своего времени, и сам мог пополнять свою библиотеку. Арабский географ начала X в. Ибн ал-Факих, сообщая предание о находке гробницы пророка Данийала (Даниила), отмечает, что в этой гробнице были найдены гадательные книги, обладателем которых стал Ка'б ал-Ахбар [Ибн ал-Факих, 1979, с. 84, 205]. Рассказ этот носит явно фольклорный характер; но возникает вопрос, случайно ли здесь упомянут Ка'б ал-Ахбар — только ли как популярный знаток древних преданий, или же здесь отразились отголоски воспоминаний о его библиотеке? Во всяком случае, наличие рукописных собраний у Ка'ба ал-Ахбара, его отца и учителей — йеменских иудеев-книжников вряд ли подлежит сомнению. Ка'б ал-Ахбар, безусловно, пользовался не только устными, но и письменными еврейскими источниками. Характерна в этом отношении приписываемая ему фраза, сохранившаяся в хронике ат-Табари: «Я рассказывал по ветхой книге, которая ходила по рукам» [Tabari, т. 1, с. 74].

Более достоверные и конкретные сведения о еврейских библиотеках относятся уже к XII в., от которого сохранились и списки рукописей (правда, не всегда с указанием их владельцев) и сообщения источников о собирателях еврейских рукописей. Так, знаменитый переводчик конца XII—начала XIII в. Йехуда б. Тиббон «оставил своему сыну Самуилу богатое собрание еврейских и арабских книг с подробным в завещании наставлением о тщательном их сохранении» [Черный, с. 469]. Представляют интерес составленные в тот же период списки рукописей, принадлежавших египетскому еврею Йосефу (180 названий сочинений по философии, богословию, точным наукам, медицине, художественной литературе) [Аллони—Шейбер,

1973, с. 170—172] и врачу, имя которого не сохранилось [Банет, 1961, с. 171—185]. Для ближневосточных еврейских библиотек было характерно наличие сочинений арабского происхождения (в арабской графике или еврейской транскрипции). Остатки библиотек некоторых еврейских и караимских врачей средневекового Египта сохранились в собрании Фирковича. Это же собрание вместе с рукописным фондом ИВ АН дает большой материал для изучения библиотеки караимской семьи Фируз, жившей в Египте в XIV—XIX вв.

Из средневековых еврейских библиофилов, живших в Европе, можно отметить: Мешуллама б. Йа'акова из Люнеля (вторая половина XII в.) [Steinschneider, 1937, с. 58]; Йехуду (Леона) Москони с острова Мальорка (ум. в 1377 г.), библиотека которого была приобретена королем Арагона (сохранились два инвентаря этой библиотеки); итальянских евреев Менахема из Вольтерры (XV в.), собрание которого ныне находится в Ватиканской библиотеке, и Баруха де Пешиера (XVI в.) [Roth, 1972, с. 249—250]; амстердамского раввина Моисея Рафаила д'Агиляра (ум. в 1680 г.) [Черный, с. 471] и др. С появлением и развитием книгопечатания все больший удельный вес в книжных собраниях стали занимать печатные издания, но интерес к рукописям сохранялся (например, Агиляр, живший спустя двести лет после изобретения книгопечатания, имел 50 ценных рукописей). Одновременно с частными книжными коллекциями росли и синагогальные, в ряде случаев не ограничивавшиеся культовыми текстами.

В эпоху Возрождения появляются собиратели еврейских рукописей также среди христианских ученых-гуманистов, проявлявших интерес к гебраистике, и среди меценатов, покровительствовавших подобным ученым. В этой связи можно назвать библиотеки семейства Медичи (XV в.), гебраистов Пико де Мирандола (1463—1494, Италия), Я. Рейхлина (1455—1522, Германия), И. А. Видманштадта (первая половина XVI в., Мюнхен — 335 рукописей), И. Буксторфа-отца (1564—1629, Швейцария), Э. Покока (1604—1691, Англия — 420 рукописей), епископа Гентингтона (XVII в., Англия — 600 рукописей) [Черный, с. 470, 474] и др.

Источники не только дают обширный материал для нахождения следов средневековых еврейских библиотек, но иногда сообщают и о невосполнимых утратах. Войны, религиозные преследования, стихийные бедствия приводили к гибели многих средневековых еврейских библиотек. Так, в начале XVI в. в Каире погибла большая караимская библиотека [Steinschneider, 1937, с. 57], в XV в. — библиотека раввина г. Майнца (Германия) Моисея Минца, в XVI в. — собрание известного

грамматика Ильи Левиты в Италии [Черный, с. 470], и этот список можно было бы продолжить. Отсюда — необходимость усиления внимания к сохранившимся средневековым собраниям еврейских рукописей и к отдельным рукописям (пусть даже небольшим фрагментам), восходящим к этим коллекциям.

В XIX в. традиция собирания еврейских рукописей продолжалась во многих странах. Достаточно назвать такие имена, как А. С. Фиркович, Л. Фридлянд и семейство Гинцбургов в России, Э. Н. Адлер и М. Гастер в Англии, Д. Кауфман в Венгрии и др.

Многовековая деятельность собирателей еврейских рукописей способствовала созданию рукописных коллекций, в настоящее время большей частью поступивших в крупнейшие библиотеки мира. Так, собрание Фирковича хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Гинцбургов — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, собрание Фридлянда — в Ленинградском отделении Института востоковедения, коллекция Кауфмана — в библиотеке Венгерской Академии наук, коллекция Тэйлора-Шехтера — в Кембриджской университетской библиотеке, собрание Адлера — в Еврейской теологической семинарии (Нью-Йорк). Некоторые старейшие государственные библиотеки Европы стали пополняться еврейскими рукописями уже в первые десятилетия своего существования. Например, в Парижскую Национальную (бывшую королевскую) библиотеку в конце XIV в. поступило 50 рукописей, найденных в доме некоего еврея, изгнанного из Парижа [Черный, с. 477].

Крупнейшими хранилищами еврейских рукописей в СССР являются: ГПБ (свыше 15 тыс. еврейских рукописей), Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (около 2 тыс.), ИВ АН (более тысячи кодексов). В Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР (Тбилиси) хранится более 30 еврейских рукописей, документов и свитков [Вильскер, 1979, с. 149—151]; украшением этого фонда является Лаилашская библия XI в. [Церетели, 1969; Weil — Guény, 1976]; остальные же рукописи — поздние (XVIII—начало XX в.). Более 20 еврейских рукописей находится в Научной библиотеке Вильнюсского государственного университета. Несколько еврейских рукописей хранится в Матенадаране (Ереван) [Вильскер, 1979, с. 149] и различных хранилищах г. Львова (Библиотека Академии наук УССР, Музей истории религии и атеизма). Не исключено, что отдельные еврейские рукописи находятся в различных учреждениях и у частных владельцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение еврейской рукописной книги в истории культуры определяется ее чертами, отмеченными в начале данной работы, прежде всего широтой исторических и географических рамок бытования, а также многоязычием и восприимчивостью к культурным традициям разных народов.

Еврейская рукописная книга, распространяясь на всей территории расселения евреев, способствовала развитию различных жанров художественной и научной литературы на древнееврейском языке, а следовательно, и сохранению этого языка в условиях, когда в живой речи он был вытеснен другими (вначале арамейским, греческим и латынью, затем, на Востоке, арабским и персидским, а в Европе — идишем, ладино и различными национальными языками). Именно благодаря рукописной книге древнееврейский язык вышел за пределы синагоги, продолжая развиваться в литературе, что явилось одной из предпосылок его воскрешения в качестве разговорного в XX в.

В то же время еврейская рукописная традиция в различных странах способствовала развитию литературного творчества на местных разговорных языках иудейских общин (еврейско-арабском — на Ближнем Востоке, еврейско-персидском — в Иране, Средней Азии и на Кавказе, идише — в Восточной Европе, ладино — в Средиземноморье и на Балканах, караимском — в Крыму, Галиции, Польше и Литве, крымчакском — в Крыму), а следовательно, и формированию соответствующих литературных языков.

Велика роль еврейской рукописной книги в установлении культурных контактов между Востоком и Западом. Многие арабские сочинения по философии, точным и естественным наукам вначале были переведены на древнееврейский язык и уже затем (в XII—XVI вв.) на латынь.

Собрания еврейских рукописей создали необходимую базу для развития гебраистики в Европе, а впоследствии и в Америке.

Лишь в еврейской рукописной традиции сохранился ряд литературных и фольклорных памятников других народов (в частности, арабов).

Еврейская рукописная книга способствовала развитию изобразительного искусства у евреев в ряде стран Европы и Азии.

Далеко еще не исчерпаны возможности использования еврейской рукописной книги для выявления следов культурного наследия многих древних и средневековых народов, населявших нынешнюю территорию СССР (например, хазар). Эти

следы могут проявляться в художественном оформлении рукописей, в технике их изготовления, в глоссах на неведомых языках [16] и уже в самом факте нахождения рукописи в том или ином населенном пункте.

Дальнейшее углубленное изучение истории еврейской рукописной книги, безусловно, даст много ценного материала историкам и лингвистам.

Аллони — Шейбер, 1973. — Аллони Н., Шейбер А. Решимат сефарим, отограф лераб Йосеф рош ха-седер (Список книг — автограф г-на Иосифа, синагогального старосты). — Кирйат сефер. Т. 48. Иерусалим, 1973 (на иврите).

Алфавит. — Алфавит еврейский. — Еврейская энциклопедия. Т. 2. СПб., 1908.

Банет, 1961. — Банет Д. Ц. Сифрийато шел рофе бе Мицрайим биме ха-Рамбам — Тарбиц (Библиотека египетского врача времен Маймонида). Т. 30. Иерусалим, 1961 (на иврите).

Бе́рлин. — Бе́рлин И. Рукописи. — Еврейская энциклопедия. Т. 13. СПб., 1913.

Вильскер, 1974. — Вильскер Л. Х. Самаритянский язык. М., 1974.

Вильскер, 1979. — Вильскер Л. Х. Неизвестные еврейские рукописи и пергаменные постинкунабулы. — «Советиш Геймланд». 1979, № 3 (на идише).

Ибн ал-Факих, 1979. — Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан (Известия о странах). Введение, пер. с араб., изд. текста и коммент. А. С. Жамкочяна. Ер., 1979.

Лебедев, 1973. — Лебедев В. В. Памятники арабской народной литературы в собраниях восточных рукописей. — Книги. Архивы. Автографы. М., 1973.

Лебедев, 1976. — Лебедев В. В. Две неизвестные арабские средневековые повести. — НАА. 1976, № 4.

Лебедев, 1979. — Лебедев В. В. Записи средневекового арабского фольклора в рукописном собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ППВ-73. 1979.

Лихачев, 1899. — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. 1—3. СПб., 1899.

Люблинская, 1969. — Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.

Пигулевская, 1960. — Пигулевская Н. В. Филиграни сирийских рукописей. — Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — Палестинский сборник. Вып. 6 (60). М.—Л., 1960.

Розов, 1977. — Розов Н. Н. Книга древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1977.

Старкова, 1957. — Старкова К. Б. Рукопись «Канона по медицине» Ибн Сины (Авиценны) из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды ГПБ. Вып. 2 (5). Л., 1957.

---

[16] См., например, запись на л. 82 библейского кодекса № 51 из первого собрания Фирковича [Harkavy — Strack, 1875, с. 76, № 3].

Фиркович, 1872. — Фиркович А. С. Сефер Авне Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем. Вильна, 1872 (на древнеевр. яз.).
Церетели, 1969. — Церетели Г. В. О тбилисской рукописи древнееврейского Пятикнижия. — Восточная филология. Тб., 1969 (на груз. яз.).
Черный. — Черный И. Библиотеки. — Еврейская энциклопедия. Т. 4. СПб., 1909.
Adler, 1921. — [Adler E. N.] Catalogue of Hebrew Manuscripts in the Collection of Elkan Hathan Adler. Cambridge, 1921.
Beit-Arié, 1976. — Beit-Arié M. Hebrew Codicology. Tentative Typology of Technical Practices Employed in Hebrew Dated Medieval Manuscripts. P., 1976.
Birnbaum, 1954. — Birnbaum S. Hebrew Scripts. Pt. 1. The Plates. L., 1954.
Fihrist. — Kitab al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel. Bd 1—2. Lpz., 1871.
Goitein, 1967. — Goitein S. D. The Mediterranean Society. Los Angeles, 1967.
Harkavy — Strack, 1875. — Harkavy A., Strack H. L. Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. St.-Pbg., 1875.
Ibn Saad. — Ibn Saad. Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und späteren Träger des Islams bis zum Jahre 230 der Flucht. Bd 1—9. Leiden, 1904—1940.
Kaufmann, 1898. — Kaufmann D. Zur Geschichte der jüdischen Handschriftenillustration. — Müller D. H., Schlosser J. Die Haggadah von Sarajevo. Wien, 1898.
Lidzbarski, 1893. — Lidzbarski M. De propheticis quae dicuntur, legendis arabicis. Lipsiae, 1893.
Müller, 1898. — Müller D. H., Schlosser J. Die Haggadah von Sarajevo. Wien, 1898.
Narkiss, 1974. — Narkiss B. Hebrew Illuminated Manuscripts. 2-d ed. Jerusalem, 1974.
Perlemann, 1953. — Perlemann M. A Legendary Story of Ka'b al-Ahbar's Conversion to Islam. — The J. Starr Memorial Volume. Philadelphia, 1953.
Perlemann, 1955. — Perlemann M. Another Ka'b al-Ahbar Story. — The Jewish Quarterly Review. New Series. Vol. 45. Philadelphia, 1955.
Roth, 1972. — Roth C. Essays in Jewish Bibliography and Other Subjects. [Farnborough], 1972.
Sarajevska Hagada, 1962. — Sarajevska Hagada. Tekst napisao Sesil Rot. Beograd, 1962.
Scheiber, 1970. — Scheiber A. Materialen zur Wirksamkeit des Joseph b. Jacob Habavli als Schriftsteller und Kopist. — «Acta Orientalia Hungaricae». T. 23. Budapest, 1970.
Scheiber, 1971. — Scheiber A. Two Book Lists of Joseph b. Jacob Habavli. — «The Journal of Jewish Studies». Vol. 22, 1971.
Starkova, 1972. — Starkova C. B. Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de l'Institut des études orientales de l'Académie des sciences de l'URSS. — Colloques internationaux du CNRS. № 547. La paléographie hébraique médiévale. P., 1972.
Stassof, Günzburg, 1905. — Stassof V., Günzburg D. L'ornement hébreu. B., 1905.

Steinschneider, 1937. — Steinschneider M. Vorlesungen über

die Kunde hebräischen Handschriften, deren Sammlungen und Verzeichnisse. 2-te Aufl. Jerusalem, 1937.
Tabari. — Annales quod scripsit Mohammed ibn Jarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. T. 1—3. Lugduni-Batavorum, 1881—1883.
Weil, 1962. — Weil G. E. Developpement de l'oeuvre massoretique.— Bulletin d'information de l'Institut de recherches et d'histoire des textes. N 11. P., 1962.
Weil — Guény, 1976. — Weil G. E., Guény A.-M. Le manuscrit du Pentateuque de Tbilissi. Aspects paléographique, codicologique et massoretique. — Восточная филология. Вып. 4. Тб., 1976.
Zunz, 1845 — Zunz L. Zur Geschichte und Litteratur. Bd 1. B., 1845.

О. Ф. Акимушкин

ПЕРСИДСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Два с половиной тысячелетия насчитывает история персидской письменности и книжной культуры. Почти одиннадцать веков из прошедших двадцати пяти приходится на рукописную книгу мусульманского периода истории Ирана. Именно рукопись явилась заботливым хранителем и бережным передатчиком многообразного наследия духовной культуры как собственно Ирана, так и тех сопредельных народов, для которых персидский язык долгое время служил языком поэзии и историографии, канцелярии и художественной литературы. Более того, можно сказать, что все обилие и исключительное разнообразие персидской словесности дошло до наших дней благодаря рукописной книге. Книга всегда направлена в будущее: говоря о прошлом и настоящем, она содержит в себе крупицу аккумулированного общечеловеческого знания, опыта поколений, адресованного потомкам. «Письменное сообщение есть один из видов сообщения, — писал девять веков назад великий энциклопедист Абу Рейхан ал-Бируни, — и, пожалуй, более предпочтительный, чем какой-либо другой, ибо откуда мы знали бы предания народов, если бы не вечные памятники пера» [Беруни, 1963, т. 2, с. 57]. В процессе развития своей культуры многие народы, создавшие письменность, прошли этап рукописной книжности. Специфика исторического процесса приводила к тому, что у одних этот этап отличался достаточной продолжительностью, тогда как у других он был сравнительно коротким. Рукописный же период в жизни персидской книги имеет исключительное значение еще и потому, что книгопечатание в Иране появилось относительно недавно, в первой четверти XIX в.[1]. Но под воздействием многовековой традиции и прочно устоявшейся привычки к рукописи, ее внешнему виду, форме и струк-

[1] Первая отпечатанная наборным шрифтом в Тебризе книга датируется июлем 1818 г. («Джихадийе» — сочинение мирзы ‘Исы Ка’има Макама о войне Ирана с Россией). Как показала О. П. Щеглова, сообщение И. Афшара о том, что первая наборная книга «Фатх-наме» была напечатана в Тебризе в 1812 г., оказалось недостоверным [Щеглова, 1979, с. 26]; ср. также [Аринпур, 1972, с. 229—234].

туре типографский способ печатания сразу не получил распространения, а на первых порах привился литографский, послуживший как бы переходным этапом к первому. Вполне вероятно, что не последнюю роль в этом процессе сыграли также и интересы весьма многочисленной армии мастеров рукописной книги, главным образом переписчиков, которые начали выполнять заказы владельцев литопечатен и сыграли активную роль в становлении производства литографий [2].

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых аспектах истории персидской рукописи [3], рассматривая ее при этом, с одной стороны, как результат культурной деятельности человеческого общества, а с другой — как инструмент, способствовавший развитию духовной культуры этого общества. Основное внимание будет уделено не столько содержанию рукописной книги, сколько процессу ее создания и в первую очередь ее творцам и создателям, заказчикам и потребителям. Рукопись создавалась человеком (одним или в коллективе), и отношение его к ней было разным и далеко не однозначным, поскольку рукопись есть «. . .произведение. . . литературно-художественного, общественно-политического или практического содержания; средство распространения и сохранения идей, образов и знаний; орудие идеологической и политической борьбы, научного исследования и развития культуры; один из важнейших факторов человеческого прогресса» [КЛЭ, 1966, стб. 609]. В той или иной степени будут затронуты и рассмотрены вопросы грамотности населения в средневековом обществе, уровня книжного производства, соотношения светской и религиозной литературы, популярности отдельных произведений, репертуара книжной продукции и т. п. — словом, вопросы, связанные с созданием рукописи и ее ролью в жизни социума. Конечно, мы не претендуем на сколько-нибудь полное разрешение поставленных проблем, так как комплексное изучение персидской рукописной книги началось недавно, но полагаем, что постановка указанных проблем уже назрела.

---

[2] Заметим, что с введением литографского способа книгопечатания рукопись в Иране не только продолжает существовать, но даже успешно конкурирует с печатными изданиями. Подобное явление характерно как для Западной Европы, так и для России, что, видимо, является определенным этапом в развитии книги вообще в период начальных шагов книгопечатания.

[3] За последние двадцать лет значительный вклад в изучение персидской рукописи и книжности в целом внесли иранские ученые М. Минуви, С. Нафиси, М. Байани, И. Афшар, М. Т. Даниш-Пажух, Дж. Матини, К. Рана Хусайни, Р. Хумайунфаррух, а также афганский специалист А. Хабиби. Из советских иранистов к общим проблемам рукописи обращались А. А. Семенов, А. Ю. Казиев, Г. И. Костыгова и А. А. Иванов.

Вслед за новым вероучением — исламом — арабы принесли с собою и новую письменность. Арабская письменность постепенно распространилась по всей стране и, видимо, к середине второго века правления Аббасидов (начало X в.) окончательно вытеснила из употребления весьма сложную среднеперсидскую (пехлевийскую). Последнее обстоятельство сыграло основную роль в том, что лишь единичные экземпляры из богатой книжной традиции домусульманского Ирана дошли до наших дней. Этому также способствовало как то, что арабским письмом был записан Коран — священная книга мусульман, так и то, что арабский алфавит, будучи сравнительно простым для обучения, обладал значительными преимуществами, главное из которых заключалось в том, что он является звуковым. При такой системе звук-фонема фиксируется на письме соответствующим ему знаком-графемой.

В сущности, персы переняли арабографическую систему без изменений, но процесс перехода к ней был все же относительно длительным. Следует отметить, что, хотя персы сохранили в заимствованной письменности знаки эмфатических арабских согласных, которые не были известны фонематическому строю новоперсидского языка, они в отличие от арабов произносили их на свой лад [История, 1970, с. 99]. Думается, что основная трудность при создании персидской письменности на базе арабской графики заключалась не в оформлении отдельных знаков-графем, а в определении фонематического состава новоперсидского языка и в установлении основ орфографии. Все же новую письменность нельзя было назвать совершенной, так как она не отражала всего наличия фонем персидского языка. Поэтому в ряде случаев возобладало искаженное или диалектальное произношение, тогда как в других оно было просто утрачено. Такие чисто персидские фонемы, как *п*, *г*, *ч*, *ж*, не имевшие аналогий в арабском языке, первоначально отображались на письме графемами для фонем *б*, *к*, *дж*, *з*. Отсутствие в принятой письменности знаков для кратких гласных трудностей не создало, поскольку их не было также и в прежнем алфавите, однако долгие гласные получили графическое отображение, что, хотя и не полностью, отвечало структуре новоперсидского языка [История, 1970, с. 98]. Конечно, мы никогда не узнаем, кто и когда впервые применил арабскую графику для записи персидского языка. Скорее всего эта практика возникла в какой-то мере стихийно в разных частях покоренной страны. Можно почти с уверенностью предположить, что она была вызвана административно-хозяйственными нуждами: арабский алфавит был проще, удобнее и скорописнее. Позднее,

видимо, пришли к мысли о том, что эта письменность пригодна и для написания значительных по объему персидских текстов — как поэтических, так и прозаических. Несколько иного мнения придерживается Р. Н. Фрай, предложивший, что «с введением персидских слов в арабские стихи могли быть сделаны первые шаги по пути создания письменного новоперсидского языка» [Фрай, 1972, с. 343]. Очень трудно ответить на вопрос: «откуда бысть пошла» персидская рукопись? Действительно, ранняя мусульманская рукопись практически не имела выраженных «национальных» признаков. На первых порах ее отличало удивительное единообразие формальных моментов: форма кодекса, полученная — еще до арабского завоевания — как арабами, так и персами, видимо, через византийское посредство от коптов; переплет, кожаный или деревянный, тоже полученный тем же путем; пергамен или бумага; наконец, арабская графика. Следовательно, единственным отличительным признаком на первых порах являлся язык, на котором была написана рукопись.

Нам представляется, что можно говорить о трех этапах развития собственно персидской рукописи, и все они непосредственно связаны со становлением персидской письменности на основе арабского алфавита. Первый этап: начало развития и становления персидской арабографической письменности. Арабский алфавит, содержащий 28 знаков-графем, был использован для графической фиксации новоперсидского языка. Сразу же проявляются отличия в письменности, поскольку средствами арабской графики записывается другой язык с иным, чем арабский, фонематичным составом. Отсутствуют столь характерные для арабского языка определенный артикль *ал* и конечное *та* с двумя точками (*та-йи мудаввар*), зато появляются *ха-йи хавваз* и знак *хамзы* над последним и после конечного долгого гласного как показатель изафета (status constructus). Предположительно, такие записи можно отнести к началу — середине IX в.

Второй этап характеризуется, как нам представляется, уже качественными изменениями (включая дополнения) арабской графики и становлением на ее основе персидской арабографичной письменности, появлением собственно персидского алфавита. В этот период персидские филологи создают ряд новых, дополнительных графем (не менее семи), отражавших на письме фонемы персидского языка, не представленные в арабском, например پ (*п*), چ (*ч*), ڭ, ݣ, ࢰ (*г*), ژ (*ж*), ۋ (*фау*). Видимо, это произошло к началу X в., поскольку все три точно датированных списка XI в. широко используют уже

принятую персидскую орфографию. Любопытно отметить, что последний значок-буква, обозначавший фонему-дифтонг, произносившийся как нечто среднее между *ау* и *фа*, исчезает с листов рукописей к началу XIII в. Остается только гадать, отображала ли эта графема диалектальное произношение, вследствие чего от него отказались и тем самым выправили литературное произношение, либо, наоборот, она передавала литературную норму, но в силу того, что переписчики впоследствии ее почти не отмечали на письме, она исчезла и письменность не закрепила эту норму. Как свидетельствуют списки, начиная с XI в. графемы для *п*, *ж* и *ч* утвердились в письме почти повсеместно, однако знак для *г* — три или две точки над или под *к* — распространения не получил, и новое графическое отображение появилось лишь в конце XVI—начале XVII в. — вторая косая черта (*саркаш*) над знаком *к* (گ). Попытки уточнить, приспособить арабскую систему письма, создать такую орфографию, чтобы она как можно более адекватно отражала звуки персидского языка, делались неоднократно, и, видимо, скорее индивидуальными энтузиастами в разных частях страны, чем организованно в региональном либо национальном масштабе. Например, уже на раннем этапе становления персидского алфавита появляются точки над буквами *даль*, *ра*. Что это означало? Просто показатель того, что это — *даль*, а не *ẕаль* или *ẕал-и фарси* или *ра*, а не *за*? А может быть, эта точка содержала указание на фонематичность графемы? Причем указанное написание применялось не только в рукописях, но и в документах [Акимушкин, 1977, с. 134, 309] до конца XII—начала XIII в. Отметим также, что *ẕал-и фарси* был широко представлен в персидских рукописях до конца XIV в., к середине же XV в. он повсеместно исчезает. Таким образом был создан в течение сравнительно длительного периода арабографичный персидский алфавит, состоявший из 32 букв-графем, который начал широко применяться персидскими писцами, по мнению Дж. Матини, с XVI—XVII вв. В предшествующие века он применялся значительно реже [Матини, 1967, с. 160]. В зависимости же от региона или сложившихся традиций переписки рукописей применялись под рядом букв другие значки — арабские по своему происхождению, например *хамза* под *айн*, *х̣а* и *син*, иногда под последним знаком ставились три точки в форме треугольника либо в линию [Чурас, 1976, с. 143]. Введение новых, чисто персидских графем в арабский алфавит поражает фонетическим подходом, изобретательностью и бережным отношением к базовой системе неизвестных филологов прошлого. Действительно, базовые графемы видоизменялись только посредством добавления точек, само же начертание буквы не ме-

нялось. В персидском алфавите насчитывается 32 буквы, которые представлены 18 различными формами. Остальные 14 отличаются от идентичных форм лишь вариацией числа точек над или же под той или иной формой. Созданные новые четыре знака явились вариациями арабских графем с добавлением двух точек. Но что замечательно: новые графемы, как и их основа — старые, фиксировали на письме звуки, которые хотя и были характерны только для персидского языка, но стояли с арабскими в одном ряду как по артикулирующему органу, так и по способу образования, отличаясь лишь звонкостью. Так, добавление двух точек к знаку ب — губно-губному смычному звонкому согласному—отразило на письме через پ губно-губной смычный глухой согласный; добавление же двух точек к знаку ج — переднеязычной смычной звонкой аффрикате — отразило, в свою очередь, на письме چ — переднеязычную смычную глухую аффрикату. Если буква ک передает в арабском среднеязычный смычный глухой согласный, то с добавлением второго косого *саркаша* новая графема фиксирует среднеязычный смычный звонкий согласный и т. д. [ср.: Кушев, 1980, с. 102—103].

Наконец, третий этап связан уже с изменением и приспособлением шести классических арабских почерков — «шестерки» (*ситта*), с их «иранизацией», исходя из эстетических склонностей и художественного вкуса самих персов, и созданием и развитием собственно персидских почерковых стилей. На этой стадии рукопись отличается уже не только языком и письменностью, но и формой передачи последней — почерками. Если для примера мы возьмем традиционную арабскую шестерку почерков: *мухаккак*, *райхан*, *насх*, *сулс*, *таукиʿ* и *рикаʿ*, то обнаружим, что на иранской почве мухаккак столь близок в написании с райханом, а рикаʿ — с таукиʿ, что можно говорить о наличии в арсенале персидских каллиграфов не шести, а четырех классических почерков: *мухаккак / райхан*, *насх*, *сулс* и *рикаʿ / таукиʿ*. Из новых, созданных персами почерков на базе упомянутых выше арабских следует отметить три: *таʿлик* (иногда его, главным образом в Турции, называют *дивани*), *настаʿлик* и *шикасте* с его разновидностями *шикасте-йи таʿлик* и *шикасте-йи настаʿлик*. Особенное распространение получил почерк *настаʿлик*, изящество, эстетичность, импульсивность, текучесть которого столь импонировали мастерам художественного письма в Иране начиная с конца XIV в.

Вместе с арабской письменностью персы в первые века ислама приняли, естественно, и сугубо арабские по своему происхождению и развитию почерковые стили. Правда, Ибн Надим в «ал-Фихристе» [Ибн Надим, 1967, с. 11] сообщает, что для переписки Корана персы использовали свой почерк, названный ими *фирамуз* (видимо, *пирамуз*, т. е. простой, легкий). К сожалению, этим сообщением Ибн Надима исчерпываются наши сведения об этом почерке, так как он не дает его описания, а образцы его до нас пока не дошли. Поэтому все гипотезы, которые появились в иранских исследованиях 60—70-х годов относительно происхождения данного почерка и его графической основы, представляются чисто умозрительными, спекулятивными и лишенными реальной основы.

С конца прошлого века среди исследователей арабской палеографии возобладала гипотеза, согласно которой в арабской письменности изначально в зависимости от функциональных задач появились и развивались бок о бок (каждый своим путем) два вида, или типа, письма. Первый, получивший впоследствии общее название *куфи*, или куфический, объединял группу почерков, характерной особенностью которых был угловатый и прямолинейный внешний вид букв. Причем этот внешний вид зависел не только от формы букв, но и от способа соединения их между собой. Второй тип включал в себя почерки, которые были по преимуществу криволинейные, округлые и курсивные. Этот вид почерков получил общее название *насхи* [ср.: Истрин, 1965, с. 326—327]. Следует заметить, что каждый из вышеназванных терминов по своему происхождению связан с особым индивидуальным почерком.

В настоящее время большинство специалистов склоняется к той точке зрения (до известной степени совпадающей с местной, традиционной), что обе эти формы раннего арабского письма, т. е. прямолинейная и криволинейная, едины по своему происхождению и изначальным корням. Но к началу омейядского периода (40-е годы VII в.) происходит заметная индивидуализация существовавших почерков, вызванная строгим определением их функционального использования и назначения, которая впоследствии привела к расхождению в почерковых стилях в соответствии с двумя основными типами [Sourdel-Thomine, 1965, с. 151—157].

Интересный материал, подкрепляющий приведенную точку зрения, дают многочисленные документы из Египта, связанные с деятельностью арабской провинциальной администрации в I в. хиджры (VII—VIII вв.). Документы, самый ранний из

которых датирован 22/643 г., были, несомненно, написаны арабами, так как в указанный период как в метрополии, так и на ее окраинах арабской графикой практически владели только арабы. Эти документы показывают, что различные почерки, отличающиеся как размерами букв, так и степенью их угловатости, использовались в официальных донесениях, в корреспонденции наместника, в реестрах определения сумм налогов, в списках на их взимание. Примечательно, что в первых двух типах документов применялись наиболее крупные и угловатые почерки, тогда как в двух последних видах — более мелкие и более курсивные. Тип письма не оставляет сомнения, что эти почерки связаны с меккано-мединской и куфийско-басрийской практикой [ср.: Abbott, 1941, с. 84].

Мусульманская же средневековая традиция рассматривает появление письменности как акт божественного промысла, утверждая, что Коран якобы не был сотворен, он был ниспослан Мухаммаду, следовательно, его письмо также божественного происхождения. Согласно традиции, которая, видимо, окончательно сложилась на арабо-персидской почве к XI в., так называемый почерк *куфи*, коим были записаны ранние кораны, был усовершенствован четвертым праведным халифом — Али б. Аби Талибом. Другие же почерковые стили есть прямые наследники куфического письма, так как они развивались и совершенствовались на его основе. Таким образом традиция освящала производные от *куфи* почерки. Последнее обстоятельство позволяло использовать курсивное письмо при переписке коранов и с религиозной точки зрения. Если писаное слово — талисман, то сам процесс писания — магическое действо. Подобное мистическое отношение к слову и письму на мусульманском Востоке проистекало из самого акта переписки Корана — акта богоугодного, ведущего к прощению грехов.

Согласно устойчивой и широко распространенной традиции, арабское письмо реформировал Абу Али Мухаммад б. Али б. Мукла (272—328/886—940), везир при трех аббасидских халифах, создав на базе куфического стиля знаменитые шесть классических почерков: мухаккак, сулс, рика', насх, тауки' и райхан. В дальнейшем систему Ибн Муклы улучшил каллиграф персидского происхождения Али б. Хилал по прозванию Ибн Бавваб (ум. в 413/1022 или 422/1031 г.), работавший в известной публичной библиотеке г. Шираза, и довел до совершенства каллиграф последнего Аббасида Йакут Муста'сими (640—696/1242—1298).

Система Ибн Муклы строго пропорциональна и носит ярко выраженный математический характер. Основу ее составляет круг, вписанный в квадрат, пятиугольник, два ромба, вписан-

ные в круг, диаметром которого является *алиф*. А модуль — это ромбовидная точка, оставляемая на бумаге каламом при однократном нажатии. Таким образом, все буквенные начертания могут быть описаны и представлены как разновидности числа точек. Все буквы соотносятся по числу точек от высоты алифа, которая должна быть равна строго определенному числу точек, когда алиф является диаметром круга. Словом, в этой системе буквы соизмерялись соотношением точек и окружности. В результате все шесть почерков содержали буквы, которые имели постоянные и точные пропорции по отношению друг к другу как в каждом данном почерке, так и по отношению к аналогичным буквам в других почерках. Диаметр круга, естественно, для букв различных почерковых стилей был разным. Например, диаметр круга, т. е. алиф, в почерке мухаккак равен восьми точкам, в почерке сулс — семи точкам, а в почерке тауки' — шести. Округлые части букв *джим*, *айн* и аналогичных им должны соответствовать половине окружности или около этого. Например, в почерке мухаккак эта часть равна девяти точкам, а в почерке сулс — ровно половине окружности, т. е. десяти с половиной точкам, в почерке же тауки' — одиннадцати точкам. Лежащие на линии буквы с большим протяжением центральной части, например *ба*, *та*, *с̱а*, вписываются в круг по наибольшей хорде данного круга. Так, в мухаккаке длина *ба* равна семи точкам, в сулсе — шести, в тауки' — пяти. Высота этих протянутых букв должна быть равной одной точке. Квадрат, в который вписан соответствующий круг, определяет как форму, так и величину букв *лам* и *каф*. Углы равностороннего треугольника, вписанного в сегмент, образованный пересечением двух диаметров, определяет форму букв *дал*, а также характер венцов букв *ḳаф*, *мим* и *вав*. Стороны пятиугольника, вписанного в круг, указывают на форму и величину нижней части букв *ра* и *вав*, а также венчика *джим* и подобных ему начертаний. Следует отметить, что каждая буква в арабской графике состоит обычно из прямого (горизонтального или вертикального) элемента, именуемого *сатх* или *маддат*, и криволинейного, называемого *даур* или *даира*. Почерки шестерки отличаются друг от друга не только количеством точек в каждой букве, но и соотношением в написании этих двух типов элементов в нем. Кроме того, почерки отличают один от другого также особенности соединения букв в каждом слове, а в скорописных и курсивных почерках — характер и число соединенных между собой слов. Практически все как арабские, так и персидские трактаты-наставления по искусству художественного письма выделяют
 в шестерке помимо насха и сулса две пары: мухаккак — райхан

и тауки' — рика' [4], отмечая, что основное отличие первых компонентов от вторых состоит только в количественной пропорции, а соотношение прямолинейных и криволинейных элементов в буквах каждой пары почерков одно и то же. Правда, при письме этими почерковыми стилями проявляются некоторые оттенки и отклонения, но мы не будем в рамках этой статьи вдаваться в тонкости их различий, представляющие интерес лишь для узкого специалиста.

Говоря об арабских по своему происхождению и первоначальному развитию почерках, пересаженных на персидскую почву, необходимо отметить, что именно персидским переписчикам обязано арабское письмо широкому введению в повседневную практику округлых и криволинейных почерков (за исключением мухаккака), каковыми являются почерковые стили шестерки. Впоследствии эта практика была распространена на переписку Корана. Тем самым неоднократные попытки пуристов-богословов, требовавших канонизации прямолинейных и угловатых почерков, которыми были записаны ранние кораны, и распространения этого положения на всю последующую практику их переписки, потерпели окончательную неудачу. Эта неудача богословов открыла двери широкому развитию и совершенствованию почерковых стилей, поскольку, если бы почерк стал каноном, он не мог бы развиваться и модифицироваться. Это требование было выдвинуто вслед за кодификацией текста Корана и канонизацией его чтения. Напомним, что самый ранний известный нам в настоящее время список Корана, исполненный курсивным почерком (видимо, насхом), происходит из Ирана и датирован 427/1036 г. [Abbott, 1941, с. 83].

На первый взгляд может показаться, что столь строгая система пропорций отдельных букв по отношению друг к другу, определенное соотношение в каждой из них прямолинейных и криволинейных элементов и частей, четкие правила, регламентирующие их соединение в слове в зависимости от места, занимаемого буквой в нем, разработанные тремя поколениями каллиграфов и секретарей-делопроизводителей при дворе аббасидских халифов в Багдаде в VIII—IX вв., отчего вся система

---

[4] Исключение составляет самый ранний дошедший до нас трактат на персидском языке, написанный Абу Бакром Мухаммадом Раванди (ок. 1207 г.), включившим его, как особую главу, в свой исторический труд. Раванди, который, судя по его собственным словам, был мастером в 70 разновидностях почерков, отмечает только четыре почерка: сулс, мухаккак, рика' и насхи [Rawandi, 1921, с. 443]. Это замечание мастера можно рассматривать и как признание того, что он не видел существенных различий между сведенными в пары почерками.

шести почерков получила название «иракской», приведут к такой унификации письма, при которой эти почерки будут одинаково воспроизводиться во всех регионах тогдашнего арабо-мусульманского мира.

Безусловно, реформа Ибн Муклы преследовала эту цель в качестве основной. Однако этого не произошло. Не произошло потому, что многочисленные переписчики и секретари, работавшие на местах вдали от метрополии, не могли чисто психологически не вносить в строго регламентированные правила арабского письма свои местные особенности, которые, не затронув основ системы, несколько ее видоизменяли (иногда почти неуловимо), придавая ей те региональные, а позднее и национальные черты, которые позволяют в настоящее время с известной степенью точности определять время и место переписки того или иного манускрипта. Этот процесс нашел свое отражение в нарративных источниках уже в конце XII в. В них встречаются такие профессиональные термины, как, например, *насх-и ирани* («иранский насх»), или *сулс-и ираки* («иракский сулс»), или *мухаккак-и магриби* («магрибинский мухаккак») и т. п. Почерки, как показывает их история, все время находились в движении. Они постоянно развивались, изменялись, уточнялись и совершенствовались в зависимости от социальных, культурных и политических условий каждой данной эпохи. Процесс этот и не мог быть иным, так как каждое поколение мастеров письма по-своему отвечало на требования, предъявляемые им общественным развитием, и в этой связи со своих позиций разрешало стоящие перед ним задачи. Практика многочисленной армии переписчиков и рядовых секретарей не отвергалась, а достаточно полно учитывалась мастерами художественного письма. Простое сравнение рекомендаций и дополнений к правилам письма, содержащихся в многочисленных трактатах по искусству каллиграфии, расположенных в хронологическом порядке, наглядно иллюстрирует высказанное выше положение.

В этой связи мы понимаем каллиграфический почерк как стандартизированную, т. е. наиболее удобную для всеобщего пользования и основанную на регламентированных пропорциях системы знаков, форму практической письменности в каждый данный исторический период ее развития. Специалисты насчитывают 36 отдельных почерков, которые были в ходу в Иране в средние века. Ниже мы остановимся только на тех из этих почерков, которые, во-первых, были наиболее распространенными и популярными как в среде мастеров письма, так и в кругу заурядных писцов и которые, во-вторых, составляли необходимый для каждого профессионального перепис-

чика набор, позволявший ему с одинаковым успехом переписывать книги различного содержания строго определенными почерками. Заметим, что арабские по своему происхождению почерки, распространившиеся в Иране после принятия ислама, первоначально использовались персидскими мастерами в полном соответствии с правилами письма, выработанными иракской школой. Однако позднее, как показывают списки Корана, исполненные в конце IX—X вв., и рукописи светских сочинений XI—XII вв., эти мастера письма под воздействием местных культурных традиций и эстетических представлений ввели в указанные почерки ряд новшеств, несколько трансформировав как форму букв, так и их начертание в зависимости от места каждой буквы в слове и ее соединения в нем. Средневековые теоретики каллиграфического искусства сразу же отреагировали на появление новых модификаций, добавив к названию почерка определение *ирани* («иранский»). Этот процесс охватил все без исключения арабские почерки, бывшие в употреблении в Иране в средние века, о которых пойдет речь ниже.

Куфи, или куфический почерковый стиль

Выше нам уже приходилось отмечать, что этим термином называют, во-первых, особый, отдельно существовавший почерк, названный по имени города Куфы, где он развился и сформировался; во-вторых, все угловатые и прямолинейные по преимуществу почерки с ярко выраженным уставным характером письма, функция которых начиная с середины VIII в. свелась лишь к переписке коранов. В дальнейшем с куфи произошло то, что происходит обычно со всяким застывшим и остановившимся в своем развитии явлением: сфера его использования резко сузилась, уже в XII в. в сиро-иракско-иранском регионе ему на смену в переписке коранов пришли курсивные и криволинейные почерки (мухаккак, райхан, сулс, насх), и лишь на крайнем западе арабского мира, в Магрибе и Марокко, указанная функция сохранилась за ним вплоть до XIV в. Но окончательно из употребления он не вышел. Более того, этот почерк стал одним из тех основных узоров мусульманского орнамента, который на Западе и у нас именуют арабесками. Почерк подвергся значительной стилизации: с одной стороны, в его ткань был введен декоративный элемент — его буквы были стилизованы под разного вида бутоны, цветы и листья — отсюда его название «цветущий куфи»; с другой стороны, в нем нарочито усилили и подчеркнули геометрическую основу письма — угловатость и прямолинейность начер-

таний. Оба эти вида получили широкое применение в качестве орнамента на облицовочном материале при строительстве разного рода архитектурных сооружений. Средневековые теоретики называли такой куфи термином *ма'кили*, современные же употребляют термин *куфи-йи банна'и* («строительный куфи») [Фаза' или, 1971, с. 160—172].

Кроме того, этим письмом исполнялись эпитафии на надгробных стелах, легенды монет, личных и государственных печатей. В рукописи же вплоть до XV в. куфи применялся для написания *басмалы* (бенедикционная формула), названий сочинений, глав и подзаголовков. До нас дошел фрагмент Корана, содержащий последнюю, 30-ю его часть, датированный 198/813 г. Это самый старый известный нам в настоящее время Коран, переписанный в Иране почерком куфи. Предполагают, что он был исполнен для аббасидского халифа ал-Ма'муна, [Байани, 1958, с. 8—10]. В качестве любопытного курьеза, имеющего значение для истории персидской палеографии, отметим, что в 1323/1905 г. в Тегеране каллиграф Зайн ал-Абидин Шариф с почетным прозванием Фахр ал-Ашраф переписал Коран, впоследствии напечатанный, где около тридцати айатов из 37-й и 38-й сур написаны им почерком *куфи-йи ирани* («иранским куфи»), а остальное — насхом [Фаза'или, 1971, с. 131]. Достаточно точное представление о развитии иранского куфи, употреблявшегося в Иране для переписки коранов в IX—XII вв., дает богатейшее собрание их в библиотеке при мавзолее имени Ризы в Мешхеде, а также в Тегеране (бывш. библиотека Салтанати).

Мухаккак

Этот почерк отмечается Ибн Надимом в «Китаб ал-Фихрист» среди тех, которыми переписывались кораны [Ибн Надим, 1967]. Тот же автор добавляет, что почерк оформился в начале правления Аббасидов (вторая половина VIII в.) и получил название *ираки* («иракский»), он пользовался популярностью среди переписчиков, отчего его иногда называли *варраки* [Ибн Надим, 1967, с. 14]. Соотношение в нем криволинейных и прямолинейных элементов равно одному к трем, т. е. $^1/_4 : ^3/_4$. Мухаккак входил в группу крупных почерков, поэтому он применялся при переписке коранов большого формата. Средневековые теоретики считали, что буквенные начертания в этом почерке представляют собой самую совершенную форму. Согласно Абдаллаху Сайрафи — персидскому каллиграфу XIV в., этот почерк наиболее прямолинейный из шестерки и

 ближе всех стоит к куфи. Тщательно написанный мухаккак

использовался в тех случаях, когда требовался почерковый стиль, графика которого придавала тексту рукописи (Коран, сборники хадисов, изречения Али) уставное единство, четкость, ясность и торжественность. Считалось, что *калам* для этого почерка должен иметь кончик средних размеров по длине, менее толстый, чем для сулса, обрезанный слегка косо. Длина кончика (языка) должна соответствовать длине фаланги среднего пальца [5]. Большую известность получили списки коранов, переписанные персидскими каллиграфами этим почерком. В частности, внук Тимура мирза Байсункур (ум. в 837/1434 г.) исполнил Коран поистине громадных размеров, каждый лист которого был равен 170×101 см. Сфера применения мухаккака была ограниченной — переписка коранов (весьма редко), образцы каллиграфического письма, а также коранические стихи в качестве орнамента на стенах архитектурных сооружений. К середине XVII в. он уступает свои функции другому курсивному почерку — сулсу, которым переписывают не целые кораны, а лишь отдельные его суры.

Райхан, или *райхани*

В среде персидских каллиграфов не сложилось единого мнения в определении этого почерка. Сходясь в том, что райхан восходит к мухаккаку и что в нем то же соотношение криволинейных и прямолинейных элементов, а также те же пропорции букв, одни утверждали, что между райханом и мухаккаком нет особой разницы, за тем лишь исключением, что его линии более тонкие и изящные. (Обстоятельство, вызванное способом очинки калама, когда его кончик обрезался короче, тоньше и у́же, чем в мухаккаке.) Другие видели в нем вариант

---

[5] Заметим здесь, что правила очинки калама, его длины и ширины, толщины и тонкости, соотношение левой и правой сторон языка от расщепа и т. п. были, естественно, для каждого почерка разными. Но как в арабских, так и в персидских трактатах, посвященных этим правилам, последние часто формулируются исходя из разных пропорций для одного и того же почерка. Эти расхождения можно объяснить, во-первых, тем, что их авторы принадлежали к различным школам (в том числе и региональным) каллиграфии, во-вторых, тем, что они были написаны нередко в значительном временно́м разрыве (совершенствовались почерки — совершенствовались методы очинки калама), и, в-третьих, тем, что авторы, многие из которых были признанными авторитетами и выдающимися мастерами художественного письма, делились в них своим богатым опытом, накопленным в многолетней работе, сообразуясь с личной практикой. Ср. противоположные высказывания различных мастеров XIV—XVII вв. о прямом обрезе, т. е. перпендикулярном оси калама, косом — в 45° (*мухарраф*) и среднем — в 67,5° (*мустави*, *авсат*) в книге А. Ю. Казиева [Казиев, 1966, с. 38—40].

мелкого мухаккака, т. е. когда последний пишется в размерах насха со строгим соблюдением своих пропорций и основ, то это и есть райхан. Третьи же полагали, что в мухаккаке начертание *даира* приближается к квадрату, а протянутые (*маддат*) элементы более округлы с почти прямоугольным левым загибом, тогда как в райхане первые более приземисты, а вторые имеют слабовыраженную дугообразность без отмеченного выше загиба. Этот почерк применялся для тех же целей, что и мухаккак, и, подобно своему прототипу, вышел из употребления к середине XVII в., уступив место другому курсивному почерку — насху. В XIV—XV вв. ряд известных переписчиков в Иране употребляли райхан только в колофоне исполненных ими списков.

Сулс

В средние века этот почерк был одним из самых распространенных во всем мусульманском мире. Ибн Надим определяет сулс как средних размеров почерк, употреблявшийся в государственной канцелярии [Ибн Надим, 1967, с. 14]. Если вязь мухаккака разворачивается медленно, в парадной торжественности, то сулс отличается энергичностью и в то же время плавностью переходов и лигатур. Этот округлый, криволинейный и курсивный почерк, в котором одна треть начертания буквы является прямолинейной (именно этому обстоятельству он и обязан своим названием: *сулс* — «треть, третья часть»), а две трети — округлой и криволинейной, использовался в Иране в других вариантах — среднего и крупного размера. Традиция связывает сулс прежде всего с теми почерками, которыми писались обычно официальные распоряжения, указы и рескрипты. Вместе с тем им переписывались кораны (полностью — очень редко — или частично), в чем он заменил мухаккак, в лицевых или подносных рукописях сулсом часто вписывались басмала, названия глав и подзаголовков, имя владельца в медальоне — экслибрисе (*шамсе*), а также исполнялся колофон. Крупным сулсом обычно делали прописи для орнамента архитектурных построек. Как крупным сулсом, так и средним часто писались *кит'а* — образцы каллиграфического письма. Отметим, что персидские мастера, писавшие сулсом, следовали уставу Абдаллаха Сайрафи, от которого берет начало, собственно, *сулс-и ирани* («иранский сулс»), почерк, разработанный им на основе канона Йа'кута Муста'сими. Кончик калама при письме этим уставом обрезался ровным, тонким, длинным, равным по ширине диаметру калама.

Это скорописный, курсивный и округлый почерк. Средневековые персидские авторитеты возводили его к почерковому стилю сулс, считая его одной из модификаций последнего. Если размеры букв в этом почерке в отношении друг к другу были практически равны размерам сулса, то их соединение между собой весьма отличалось, так как одна шестая начертаний букв почерка была прямолинейной (ср. сулс — одна треть). Таким образом, тауки' вместе со своим уменьшенным вариантом — рика' был наиболее курсивным почерком в классической шестерке почерковых стилей. Все линии в нем пишутся одинаковой полноты, в нем не наблюдается чередования тонких и толстых элементов букв. Данное обстоятельство было связано со способом очинки калама, кончик которого обрезался округлым [Фаза'или, 1971, с. 266], толстым и длинным. Как правило, в нем соединялись между собой не только все буквы в слове, но часто и отдельные слова, что придавало ему стремительный, скорописный внешний вид. В Иране почерком тауки' писались подтверждающая краткая запись от имени монарха на рескрипте или дарственной [6], исключительной важности государственные бумаги и судебные акты. С течением времени (после XIV в.) им стали исполнять последнюю страницу манускрипта, содержащую колофон с «выходными данными» списка как светских, так и богословских и богослужебных сочинений, включая, конечно, и Коран. Несомненно, о таком скорописном почерке сообщает нам один египетский автор XI в.: «Его буквы. . . переходят одна в другую, и все они соединяются вместе. Это делается для того, чтобы отправить важную корреспонденцию, не терпящую отлагательства» [Stern, 1964, с. 105]. О том, как писались подобные бумаги, нам оставил красочный набросок Ибн Халдун: «Одной из обязанностей секретаря является тауки'. Это значит, что секретарь сидит перед правителем во время его публичной аудиенции и записывает (*йувакки*') в самой экономной и стилистически безупречной манере решения, которые он получает от правителя по поводу представленных последнему петиций» [Soucek, 1979, с. 14].

---

[6] Ср., например, записи на рукописях ардебильской коллекции в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, датированные 1017/1607 и 1021/1611 гг. В каждой из них от имени Аббаса I говорится о передаче данного списка в вакф усыпальницы шейха Сафи ад-Дина в Ардебиле.

*Рика*ʿ

Ибн Надим сообщает, что этот почерк был создан на основе сулса и что он применялся при написании монарших грамот и рескриптов (*тауки*ʿ*ат*) [Ибн Надим, 1967, с. 14]. По своим основным характеристикам этот почерк ничем не отличается от тауки', о котором шла речь выше, за исключением размера букв — они меньше, а их начертания тоньше. Объясняется это способом очинки калама: его кончик при округлом обрезе был более коротким и тонким по сравнению с каламом, который употребляли для тауки'. Словом, это был скорописный, курсивный и округлый почерк. Его некрупная и изящная и в то же время свободная вязь определила и сферу его применения. Персидские средневековые трактаты по правилам письма (в отличие от арабских, написанных на тот же сюжет), отмечая эволюцию почерка на иранской почве, считали его как бы «интимным» почерком, которым писались частные и личные письма на небольших листках бумаги (отсюда название). Несколько позднее он стал употребляться для переписки небольших рассказов развлекательного содержания, композиций орнаментированной прозы (обычно письма в высшей степени выспренне «высокого стиля»). Исполнялись им также *иджаза* на первом листе богословского труда, в ряде случаев запись в медальоне-экслибрисе, последний лист Корана или светского сочинения (главным образом колофон, содержащий место и дату переписки, имя исполнителя, название сочинения, имя заказчика и т. п.); употреблялся рика' и для создания кит'а — образцов почерка выдающихся мастеров художественного письма. Следует отметить, что чрезвычайная функциональная близость рика' и тауки', получившая отражение в их внешнем виде, привела к тому, что в Иране под термином рика' очень часто понимали оба почерка.

Насх

Традиционная этимология этого термина — «уничтожение, отмена, перечеркивание» в смысле «отменяющий другие почерки». Однако ряд арабских и персидских авторитетов объясняет его как «новый, свежий» [Фаза'или, 1971, с. 390]. Насх — самый популярный и распространенный почерк на всем мусульманском Востоке вплоть до наших дней. В настоящее время все печатные шрифты (газеты, журналы, книги) создаются на его базе. Всеобщее признание почерк получил благодаря присущей ему четкости, ясности, сбалансированно-

сти и соразмерности буквенных начертаний и соединения их в слове, а также, что весьма важно, сравнительной легкости обучения. Большинство специалистов и авторитетов считает, что насх оформился как почерк на основании канона пропорций, в который вошли элементы из мухаккака, райхана и сулса, хотя при этом буквы в нем не столь крупные, как в указанных почерках. Соотношение прямолинейных и криволинейных элементов приблизительно равное, т. е. половина на половину. В переписке книг обычно употреблялся насх мелкий, реже — среднего размера и очень редко, главным образом в кит'а, — крупный. Калам для письма этим почерком обрезают чуть косо — либо по нормам сулса, либо по нормам наста'лика (когда кончик калама обрезается перпендикулярно оси калама, а его ширина равна $^3/_4$ или $^2/_3$ диаметра последнего). В Иране насх был в употреблении уже, видимо, с конца X в. — возможность такого предположения дают списки первой половины XI в., созданные в Иране. В течение двух — двух с половиной последующих веков здесь формируется новый почерк, получивший название «иранский насх». Однако он полностью уступил свое место «иранскому стилю насха», окончательно сформировавшемуся под пером Йа'кута Муста'сими (ум в 696/1298 г.). Несмотря на временную потерю популярности при монголах в XIII—XIV вв., стиль Йа'кута безраздельно царствовал в Иране в среде переписчиков вплоть до конца XVII—начала XVIII в., когда каллиграф Ахмад Найризи несколько видоизменил его, сблизив с наста'ликом, введя в него элементы, характерные для последнего; Ахмад Найризи сделал более тонкими и изящными все вертикальные и прямолинейные элементы, хотя и сохранил их соотношение с криволинейными; в то же время он отказался от излишней декоративности, введенной в почерк из сулса «иракской» школой. С той поры устава реформированного этим мастером насха придерживаются в Иране. Подавляющая часть всей книжной продукции в средневековом Иране была переписана этим почерком, включая кораны и богословские сочинения. И хотя в конце XIV в. из переписки поэтических сочинений его вытеснил новый почерковый стиль наста'лик, а к началу XVIII в. он же несколько сузил сферу использования насха при переписке прозаических трудов, тем не менее насх не утратил своей популярности и до XX в. наряду с наста'ликом оставался основным почерком на вооружении персидских переписчиков и мастеров художественного письма.

Рассмотрев традиционные, арабские по своему происхождению и функциональному назначению почерки, которые широко применялись в Иране, мы остановимся ниже на почерках,

созданных непосредственно на иранской почве, в арабографическую ткань которых были искусно вплетены некоторые элементы букв домусульманских алфавитов.

Таʿлик

Уже само название почерка — «подвешенные друг к другу» — говорит о том, что все буквы в слове соединялись друг с другом и, следовательно, почерк был курсивным и скорописным. Он появился и оформился как почерк в практике персидских делопроизводителей-секретарей в конце XI—начале XII в., которые, использовав уставы таких почерков, как таукиʿ, рикаʿ и насх (см. выше), ввели в него волнообразно-округлые и извилистые элементы букв авестийского и среднеперсидского алфавитов. Созданный исключительно для нужд канцелярии и присутственных мест, таʿлик широко применялся в корреспонденциях разного рода вплоть до XIV в., не меняя при этом практически своего внешнего вида. И хотя в указанный период делались попытки расширить сферу его использования, включив в нее переписку книг, видимо, эта практика не привела к значительным результатам, так как до нас дошло сравнительно малое число рукописей, переписанных этим почерком. В течение XIII и XIV вв. таʿлик постепенно утратил свои позиции и к концу XIV в. уступил свое место новому почерку, созданному на его основе, который получил название *шикасте-йи таʿлик* («ломаный таʿлик»). Этот почерк не только полностью вытеснил своего предшественника из употребления, но и принял его название — таʿлик, поэтому в персидских трактатах по каллиграфии первый называют *таʿлик-и асл* («основной таʿлик») либо *таʿлик-и кадим* («старый таʿлик»), не добавляя ко второму слова *шикасте*.

Шикасте-йи таʿлик

Устойчивая традиция, бытующая в среде персидских мастеров письма, сообщает нам, что начиная с конца XIV в. этот почерк оформился в результате приложения к старому таʿлику канона пропорций, разработанного Тадж ад-Дином Салмани Исфахани, каллиграфом, состоящим на службе при Тимуре (ум. в 1405 г.). Это ярко выраженный скорописный канцелярский почерк с чрезвычайно стилизованными формами начертания букв, в котором округлые элементы играют более заметную роль, чем даже в тауки' или рика'. В этом почерке все буквы в слове не только соединяются между собой, но и теряют столь привычные для нас (по другим строго соразмерным

почеркам) свои пропорции и внешний вид; лигатуры играют в нем важнейшую роль, поскольку они становятся как бы частью той или иной буквы, ее продолжением; форма и размеры отдельных букв могут меняться в зависимости от того или иного места, которое они занимают в слове, а слово — в строке. Последнее обстоятельство создает значительные трудности при чтении документов, написанных этим почерком, несмотря на то что практика его употребления выработала стандартные трафареты и штампы соединений, которые характерны для таʿлика. В строке все слова, пишутся, как правило, соединяясь друг с другом, чрезвычайно слитно и сжато; в то же время расстояние между строками оставляется достаточно широким — специфический признак, отсутствующий в других курсивных почерках. В зависимости от движения калама при написании букв и слов линии, их составляющие, меняют свою полноту и сочность, переходя от толстых к тонким и наоборот. Для письма этим уставом кончик калама обрезают ровным, средней длины и тонким, с шириной, равной либо диаметру калама, либо $^3/_4$ последнего. Этот почерк использовался исключительно в государственной деловой переписке, им писались указы и пожалования, рескрипты и грамоты, судебные постановления и нотариальные документы. Вопреки широко бытующему мнению, книги им не переписывались, однако его использовали, когда составляли сборники образцовых по стилю документов. Наибольшая популярность таʿлика приходится на XIV—XVI вв. В дальнейшем в связи с быстрым распространением другого иранского почерка — настаʿлика и его скорописного варианта — *шикасте-йи настаʿлик* сфера применения *шикасте-йи таʿлик* резко сужается, и к началу—середине XIX в. он выходит из употребления. Следует заметить, что ряд составителей каталогов персидских рукописей ошибочно называли настаʿлик таʿликом.

Настаʿлик

Персидские авторитеты в области теории художественного письма не сомневаются в том, что этот почерк появился в результате органического соединения наилучших черт, присущих насху (см. выше) и таʿлику (см. выше). Если насх — это математически пропорциональный, четкий, ясный и удобочитаемый почерк, то таʿлик — это экономная и курсивная скоропись. Соединение именно этих компонентов, наиболее специфичных для названных почерков, породило новый иранский почерковый стиль, получивший название *настаʿлик* (от *насх-и таʿлик*, т. е. «таликовый насх»). Этот стиль имеет присущий

только ему канон пропорций букв: например, высота *алифа* равна трем точкам, *ба* и подобные ей буквы, состоящие из двух загибов и горизонтально-округлой основы, имеют загибы высотой в одну точку, а их основа равна шести. Нижняя округлая часть *джима*, *айна* и им подобных равна приблизительно двум третям овала, в который они вписываются, и т. п. Соотношение округлых и прямолинейных элементов букв в зависимости от различных уставов колеблется между $^5/_6 : ^1/_6$ и $^4/_6 : ^2/_6$. Язычок калама, как правило, средней длины (не менее длины ногтя большого пальца на руке и не более фаланги этого же пальца), тонкий, с небольшой выемкой для того, чтобы чернила стекали постепенно, расщеп должен делить язычок на две равные части (ср. шестерку почерков, где после расщепа правой и левой стороны язычка рекомендовалось соотношение два к одному). Обрез надлежало делать слегка косым, но не менее 65°, ширина же кончика калама не должна была превышать $^3/_4$ диаметра или сечения калама. Очень скоро новый почерк завоевал себе всеобщую популярность, над его совершенствованием трудились целые поколения переписчиков и каллиграфов, придавших ему ярко выраженные красоту пропорций, плавность переходов, эстетичность и декоративность. Традиция, принятая в среде мастеров письма и зафиксированная как в нарративных трудах, так и в специальных трактатах по каллиграфическому искусству, приписывает его создание таланту мир Али Табризи, который, согласно турецкому биографу и стилисту Мустафе Аали Челеби (XVI в.), создал самобытный устав почерка. Так случилось, что именно в этот период (вторая половина XIV—первая половина XV в.) в одном и том же городе (Тебризе) жили и работали два каллиграфа, носившие указанное выше имя. Лишь благодаря исследованиям персидского ученого Махди Байани выяснилось, что тем мастером, с которым традиция связывает появление почерка, был мир Али б. Хасан ас-Султани Табризи, а не мир Али б. Илйас Табризи Баурчи, как считало большинство отечественных и европейских исследователей [Байани, 1967, т. 2, с. 452]. Однако в действительности все обстояло несколько иначе, так как мир Али б. Хасан не был «изобретателем наста'лика», но, несомненно, он был одним из последних в ряду тех мастеров, которые своим талантом, фантазией и изобретательностью сделали наиболее существенные штрихи в оформлении этого самого элегантного из числа бывших в ходу почерков. Дело в том, что рукописи, дошедшие до нас начиная с первой трети XIV в., наглядно иллюстрируют, как на западе Ирана среди писцов начал постепенно распространяться новый почерковый стиль, отдаленно напоминавший будущий наста'лик; он, правда, еще не был

столь изящен и пропорционален, но уже отличался курсивностью и скорописностью. Появление этого почерка не является случайностью. Оно вполне закономерно, так как было вызвано всем предшествующим этапом развития персидской книжности. Росло число грамотных людей. Этот рост обеспечивал постоянный и увеличивающийся спрос на книгу, который, несмотря на расширение контингента переписчиков, сдерживался медленными темпами переписки. Нужен был новый, скорописный почерк. Таковым стал наста'лик. Сыграв определенную роль в оформлении нового почерка, мир Али б. Хасан Табризи теоретически обосновал канон его пропорций в своем трактате. Кроме того, видимо, именно он ввел новый способ очинки и обрезки калама для письма этим стилем. Впоследствии произошло то, с чем мы часто встречаемся в истории культуры: поколения прочно забыли имена тех лиц, которые создавали этот почерковый стиль (например, Салиха б. Али ар-Рази, переписавшего одну из последних своих работ — «Диван-и Ахмад-и Джалаир» в Багдаде 1 джумада II 800/19 февраля 1398 г.), и нерасторжимо увязали создание наста'лика с личностью мир Али Табризи.

Наста'лик быстро получил признание иранских каллиграфов, которых привлекали в нем такие качества, как убористость, достаточная быстрота письма, удобочитаемость, элегантность, импульсивность и четкость. В силу своих особенностей наста'лик казался специально созданным для передачи поэтических строк. Он чрезвычайно наглядно выделял рифмы и редифы, как бы продолжая своей плавной и соразмерной вязью ритмику стиха. Рукописи XV в. представляют нам значительные вариации нового почеркового стиля, которые отличались своими пропорциями в зависимости от региона (ср. списки, выполненные в Ширазе, Йезде, Тебризе, Герате и т. п.). Но постепенно к концу этого века выделяются две школы: а) хорасанская, основы которой были заложены выходцем из Тебриза Джа'фаром б. Али (ум. ок. 860/1456 г.) [7], переехавшим из Шираза ко двору Тимурида Шахруха (ум. в 850/1447 г.) в Герат; б) западноиранская, или ширазская, созданная усилиями мастеров, прибывших с востока, из Хорасана и Средней Азии, в Шираз и Багдад, главным образом Абд ар-Рахманом ал-Хоразми и его сыновьями Абд ар-Рахимом и Абд ал-Каримом. Не вдаваясь в подробности и детали стилевых отличий этих школ, отметим,

---

[7] Творчество этого замечательного мастера представлено в собрании ИВ АН СССР превосходным подносным экземпляром поэмы Низами «Хусрау ва Ширин» («Хосров и Ширин»), переписанным в 824/1421 г. Шифр — В 132.

что первая была представлена такими именами, вошедшими в историю персидской каллиграфии, как Султан-Али Машхади (ум. в 926/1520 г.), Мир-Али Харави (ум. в 951/1544 г.) и Мир-Имад ал-Хасани (ум. в 1024/1615 г.) [8], устава которого придерживаются до сих пор в Иране. Имена же представителей второй школы (за исключением ее основателей) не встречаются на страницах трактатов по искусству художественного письма. Это обстоятельство, видимо, можно объяснить только тем, что их авторы не признавали стиль письма, выработанный этой школой, и не считали возможным включать ее представителей в пантеон выдающихся каллиграфов. В продолжение XVI в. эта школа функционирует в Ширазе, постепенно увянув к началу XVII в.

При переписке рукописей использовался обычно мелкий наста'лик или средний. К наста'лику же крупного размера (*джали*) каллиграфы прибегали лишь в тех случаях, когда создавали образцы почерка на отдельных листах большого формата (*кит'а*), которые приобретали ценители и знатоки художественного письма. Этот почерковый стиль безраздельно господствовал при переписке поэтических сочинений в XV и XVI вв., и, хотя в следующем столетии он весьма сузил сферу применения другого широко распространенного почерка — насха, поскольку им стали переписывать прозаические произведения, последний все же, потеснившись, не вышел из употребления, как это имело место с другими почерковыми стилями (например, с сулсом или та'ликом). Насх остался функционально закрепленным почерком, которым переписывались Коран, богословские и богослужебные книги, а также часть прозаических «светских» сочинений. Нельзя сказать, чтобы разными каллиграфами в разное время не делались попытки переписывать Коран почерком наста'лик, но подобная практика распространения не получила и не привилась, хотя источники время от времени сообщают о таких попытках: Будаг Казвини в «Джавахир ал-ахбар», а вслед за ним Кази Ахмад в «Гулистан-и хунар» сообщают, что Дуст-Мухаммад б. Сулайман Харави переписал в 968/1560-61 г. Коран для Тахмаспа; знаменитый каллиграф Шах-Махмуд Нишапури выполнил ту же работу для этого же шаха в Тебризе (до 954/1548 г.). Последний из указан-

---

[8] Собрание ИВ АН СССР располагает поэтическим сборником (рук. С 860), который переписал Мир-Али в Бухаре в 935/1529 г. для личной библиотеки Шибанида Абд ал-Азиз-хана. В ленинградском собрании нет списков руки Мир-Имада Хасани. Однако в большом альбоме (*муракка'*), собранном в Ширазе в первой половине XVIII в. (Е 14), представлено 195 отдельных образцов (*кит'а*) художественного письма этого выдающегося каллиграфа.

ных выше авторов говорит, что за подобную же работу взялся Малик Дайлами (ум. в 969/1561-62 г.) в Казвине, но не успел закончить работу [Кази Ахмад, 1947, с. 150, 151]. В библиотеке Салтанати (Тегеран) хранится Коран, переписанный наста'ликом в 1093/1682 г. мастером Мухаммад-Хусайном Наврас Димаванди. В 1268/1851-52 г. Асадаллах Ширази, придворный каллиграф Каджара Насир ад-Дин шаха, переписал Коран этим почерком в Тегеране по приказу последнего.

Шикасте-йи наста'лик

Почерк появился в первой половине XVII в. как результат попыток использовать наста'лик в скорописи. Первоначально этот стиль находился под сильным влиянием (особенно это касалось начертания отдельных букв) имевшего широкое хождение в частной и деловой переписке шикасте-йи та'лик. Дальнейшая эволюция почерка привела к созданию шикасте-йи наста'лик, который позже стали называть просто *шикасте*. Применение в почерке принципов скорописи та'лика наряду с сохранением ряда пропорций наста'лика дали в результате самый скорописный почерк, используемый до сих пор в Иране, который сохранил многие эстетические качества, присущие наста'лику. Создателем его традиционно считается сефевидский правитель Герата Муртаза-Кули-хан б. Хасан-хан Шамлу (ум. в 1100/1688-89 г.); он удачно использовал в своих работах уже наметившиеся в наста'лике черты усиления скорописной его стороны. Наивысшего расцвета почерк получил в творчестве Дарвиша Абд ал-Маджида Таликани (ум. в 1185/1771-72 г.) и Мухаммад-Казима Исфахани Вале (ум. в 1229/1814 г.) [9]. Все персидские мастера в той или иной степени придерживались устава этих мастеров. Как правило, шикасте-йи наста'лик использовался в частной и неофициальной переписке. Однако до нас дошли государственные документы, написанные этим почерком в конце XVIII—XIX в. В очень редких случаях этот почерк использовался для переписки отдельных книг. Правда, на этот шаг решались лишь выдающиеся мастера каллиграфии, такие, как Дарвиш Абд ал-Маджид — «Бустан» Са'ди его руки хранится в настоящее время в библиотеке бывш. сената (Тегеран) — или Мухаммад-Шафи Висал-и Ширази (1783—1846). Следует заметить, что этот скорописный

[9] В собрании ИВ АН СССР хранится поэтический сборник, который Вале не только переписал почерком шикасте-йи наста'лик, но и украсил десятью миниатюрами. Этот список (шифр А 1646) он исполнил для Мухаммад-Кули Ака по личной просьбе последнего в 1201/1787 г.

почерк более удобочитаем, чем шикасте-йи та'лик, поскольку в нем, как правило, не допускается слитное написание всех слов в строке.

Заканчивая экскурс в историю развития почерковых стилей, бывших в ходу в Иране в течение почти десяти веков, представляется нелишним отметить, что при переписке книг персидские писцы предпочитали пользоваться только двумя почерками, а именно насхом (видимо, со второй половины X в.) и наста'ликом (с конца XIV в.). В этом весьма легко убедиться — достаточно перелистать каталоги персидских рукописей. Можно смело сказать, что почти все персидские рукописи, дошедшие до нас, переписаны этими почерками.

Здесь, видимо, следует еще раз подчеркнуть, что почерки, являющиеся стандартизованными моделями форм индивидуального практического письма, возникали, оформлялись и развивались в сторону скорописности, ясности или четкости не по желанию или прихоти одного или целой плеяды переписчиков и каллиграфов, как это может показаться на первый взгляд. За творческими исканиями и талантом писца стояла общественная потребность в новых почерках, историческая необходимость, вызванная требованиями времени, социального развития и политических и культурных условий данного региона. Так, например, образование и становление мусульманской империи (Арабского халифата) в VIII в., вовлечение в его орбиту все большего числа завоеванных регионов, стран и народов, стоявших на разных ступенях общественного, политического, культурного и экономического развития, в десятки раз увеличили число исходящих из государственной канцелярии официальных документов и деловых бумаг самого различного назначения и содержания. Это обстоятельство не только вызвало к жизни небывалый до тех пор по своим размерам бюрократический аппарат с его значительной прослойкой канцелярских чиновников, специально занимавшихся составлением и перепиской государственных документов, но и способствовало тому, чтобы в среде этих чиновников были созданы и отшлифованы новые, курсивно-скорописные и удобочитаемые почерки, предназначенные специально для канцелярской продукции.

Далее, бурный рост городов, вызванный развитием торговли и ремесла, создал необходимые условия для расширения социальной основы культурной жизни. Появилась городская интеллигенция, вышедшая из среды ремесленников, мелкого купечества, низшего и среднего духовенства, местной бюрократии, что значительно расширило число грамотных людей, а следовательно, привело к увеличению спроса на книгу, тяги к знанию. Однако этот спрос сдерживался отсутствием в репер-

туаре писцов таких почерков, которые бы, отличаясь ясностью, четкостью и удобочитаемостью, были в то же время курсивными и относительно скорописными. Иными словами они должны были удовлетворять запросам как потребителей, так и исполнителей. И такие специально предназначенные для переписки книг почерки были созданы и отшлифованы усилиями и творческими исканиями нескольких поколений арабских и персидских переписчиков.

Помимо общественно-социальной потребности значительную роль в развитии арабографичной письменности в Иране сыграли такие факторы, как влияние в локальных условиях элементов прежней древней письменности (например, в почерках таʿлик и шикасте-йи таʿлик), культурно-эстетические воззрения и представления, бытовавшие в данном регионе; влияние особенностей языка; развитие политических, экономических и культурных связей мусульманского ареала также требовало рационализации письменности и т. п. Мы не видим необходимости раскрывать содержание указанных факторов, поскольку это не входит в задачу настоящей статьи, во-первых, а во-вторых, это превосходно сделано в монографии В. А. Истрина, к которой и отсылаем заинтересованных лиц [Истрин, 1965, с. 530—562].

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСКУССТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПИСЬМА

Те особенности арабографичного письма, на которых мы останавливались выше, т. е. соразмерность прямо- и криволинейных элементов букв, пропорциональность последних по отношению друг к другу (что характерно для каждого почерка), а также ярко выраженное стремление писать ясно и четко, исходя из обязательного для каждого мастера положения: *ал-Хатт ма йакра* — «Письмо [есть] то, что читается», открывали перед писцами в Иране практически неисчерпаемые возможности для творческих исканий и удовлетворения эстетических запросов. В средневековом Иране духовная культура находила свое проявление, как известно, во многих аспектах и формах, и в том числе в каллиграфии — в искусстве художественного, четкого, ясного и красивого письма. Это искусство высоко ценилось и превозносилось, считалось мерилом учености и таланта, было престижным и высокочтимым, оно даже было специально подкреплено хадисом — преданием, появившимся где-то на рубеже X—XI вв.: *ал-Хатт нисф ал-ʿилм* — «Письмо — это половина знания». В Иране, как и во многих мусульманских странах, где ислам спорадически огра-

ничивал живописно-изобразительное творчество, эмоциональная выразительность каллиграфии стала основой разнообразнейших орнаментально-декоративных и узорно-ритмических композиций. Письменная традиция, широко распространенная в среде персидских мастеров калама и в образованных кругах средневекового феодального общества, сохранила и донесла до нас имена многих виртуозов-каллиграфов, чье искусство считалось эталоном лишенного изъяна письма. Естественно, что каждое поколение добавляло к пантеону уже избранных артистов имена своих представителей. К сожалению, нам не совсем понятен принцип, согласно которому мастера входили в эту элиту, так как целый ряд отличных персидских каллиграфов, которые не уступали качеством своего письма признанным корифеям, традиция не отметила, и их имена пришли к нам из забвения лишь в последние годы благодаря исследованиям современных ученых-палеографов.

Сведения о мастерах художественного письма мы черпаем из двух видов источников, к которым, собственно, сводится отмеченная нами письменная традиция. Это, во-первых, сочинения типа сравнительно недавно вошедшего в научный обиход трактата Кази Ахмада [Кази Ахмад, 1947; Calligraphers, 1959], представляющие собой, в сущности, биографические справочники, словари, специально посвященные мастерам каллиграфии, миниатюры, переплета, орнамента и розбрызга, т. е. творцам роскошных подносных рукописных книг. Несмотря на то что все сочинения такого рода, известные нам, не старше XVI в., т. е. они были созданы тогда, когда каллиграфическое искусство уже существовало несколько столетий, можно почти с полной уверенностью предположить, что традиция их составления была распространена на мусульманском Востоке. Например, всего лишь десять лет отделяют труд турецкого историка и биографа Мустафы Аали Челеби «Манакиб ал-хунарваран» («Деяния людей даровитых») от года завершения первой редакции «Трактата» Кази Ахмада (1004/1596 г.). Однако тождество строгой и выдержанной композиции наряду с отработанностью схемы и разработанностью тематики в этих произведениях указывают на то, что у упомянутых авторов должны были быть предшественники.

Основным источником для таких сочинений, безусловно, служили устные и письменные предания, рассказы и иногда легенды, ходившие и распространявшиеся как среди профессионалов — создателей рукописной книги, так и среди состоявших на государственной службе многочисленных *мунши* (секретарей). Характерно, что авторы этих сочинений были тесно связаны со средой каллиграфов и мунши. Заметим, что Дуст-

Мухаммад (ум. после 972/1564-65 г.), Малик Дайлами (ум. в 969/1563 г.) и Сейид Ахмад Машхади (ум. в 986/1578-79 г.) были придворными каллиграфами, а Кази Ахмад — каллиграфом и мунши.

Сравнивая предисловие Дуст-Мухаммада к альбому (*муракка*ʿ), который он составил для брата шаха Тахмаспа I Бахрам-мирзы в 951/1544-45 г., с трактатом Кази Ахмада, трудно не обратить внимание на значительное композиционное сходство между этими сочинениями. Именно это сходство дает основание предположить, что появление трактатов, посвященных каллиграфам и художникам, тесным образом связано с широко распространенной практикой составления альбомов, включавших образцы художественного письма и отдельные миниатюры. Действительно, хотя трактат — это оригинальное, самостоятельное сочинение (биографический словарь мастеров рукописной книги), все же, видимо, его можно рассматривать как свод подробных аннотаций к большому, но никогда не составлявшемуся альбому. Естественно, что произведения такого рода являются основным источником наших сведений о мастерах калама и кисти.

Что же касается остальных источников, то хотя они и не могут сравниться с ними объемом приводимых данных, но тем не менее сведения фрагментарного характера, которые приводят, например, исторические хроники и поэтические антологии-*тазкире*, когда они сведены в корпус, существенно дополняют, а иногда и уточняют материалы, содержащиеся в упомянутых трактатах.

Во-вторых, это трактаты, посвященные искусству художественного письма, которые, как правило, создавались признанными авторитетами в этой области. Тематика и цель этих произведений — изложить и тем самым передать поколению молодых мастеров сложившиеся в течение многих веков каллиграфической традиции правила, рецепты и навыки художественного письма, а также богатый, накопленный годами практической деятельности опыт их авторов (советы, как выбирать бумагу и тростник для калама; рецепты составления чернил, туши, красок и жидкого золота; методы очинки калама; упражнения в различных почерках для выработки автоматизма в движении руки; приемы написания отдельных букв; пояснения профессиональной терминологии и т. п.). Эти трактаты содержат богатый и многообразный материал о развитии каллиграфии как искусства, но, к сожалению, бедны сведениями о ее творцах. Этот вид источников не играет самостоятельной роли при изучении истории персидской каллиграфии и является вспомогательным, представляя интерес оценками их

авторов стиля и методов работы предшественников, новшеств, введенных ими в теорию и практику письма, развития эстетических вкусов и взглядов, наглядно наблюдаемых при сравнении разных по времени написания трактатов, а также устойчивостью и преемственностью традиций, которых авторы придерживались и которым следовали [ср.: Костыгова, 1957, с. 103—112].

Согласно неизвестному автору арабского трактата по искусству письма XI в., хранящегося ныне в Государственном музее г. Берлина, «искусство каллиграфии — редкий дар. Именно поэтому на каждое поколение приходится только один выдающийся мастер-каллиграф». Это замечание удивительным образом совпадает со сведениями как профессиональных, так и нарративных источников, о которых речь шла выше, поскольку они говорят о сравнительно узком круге признанных авторитетов. Например, Кази Ахмад в своем ставшем знаменитом трактате (первый вариант первой редакции завершен автором 25 зи-л-хиджжа 1004/20 августа 1596 г.) приводит данные о 89 мастерах классической «шестерки» и 59 мастерах почеркового стиля наста'лик. Причем лишь единицы из этого перечня были его современниками. Остальных же он отметил (причем подавляющее большинство), следуя за своими предшественниками, согласно традиции. Следует заметить, что превосходно исполненные каллиграфические списки никогда не создавались для относительно широких слоев грамотных горожан. Они были исключительно дороги и предназначались для тех, кто мог оплатить труд каллиграфа, ценившийся исключительно высоко. Ведь на переписку безукоризненной по своей каллиграфии рукописи часто требовалось столько же времени и усилий, сколько уходило на создание сложной в композиционном отношении картины. Требование к подобным спискам было строгим; он должен быть переписан от начальной до последней строки единым, каллиграфически совершенным почерком. Пропорции букв и их соединений, «худоба» и «полнота» линий, компоновка букв в слове и слов в строке, строгая параллельность однотипных начертаний, импульсивность или текучесть письма, его твердость и уверенность — эти и прочие сугубо профессиональные детали давали обильный и разнородный материал эстетам и знатокам для всевозможных замечаний, мнений, суждений и дискуссий. С самого начала участь этих произведений искусства была предрешена — они должны были занять место в дворцовой или личной библиотеке того или иного представителя властей предержащих. Считалось весьма престижным иметь в личной библиотеке роскошные фолианты руки великих каллиграфов, и поэтому шахи Ирана, ханы Сред-

ней Азии и государи Индии разыскивали их и собирали точно так же, как в Европе короли и императоры создавали свои собрания произведений знаменитых мастеров кисти и резца.

ЧИСЛО РУКОПИСЕЙ И СТАРЕЙШИЕ СПИСКИ

Совершенно очевидно, что мы никогда не составим себе сколько-нибудь полного (или приближенного) представления о всей массе произведенных в Иране рукописей, равно как о репертуаре персидской средневековой книжности, хотя бы по причине того, что какая-то не поддающаяся учету их часть безвозвратно утеряна для нас [10]. Более того, в настоящее время мы не можем сказать достаточно определенно, сколько же персидских рукописей дожило до наших дней. Дело в том, что десятки тысяч их в различных древлехранилищах мира еще ожидают своих каталогизаторов и археографов. Вместе с тем за последние 35 лет предпринимались попытки дать приблизительную оценку их числа, как в общем плане, так и по отдельным странам. Например, Х. Риттер считал, что в библиотеках Турции насчитывается около 200 тыс. мусульманских рукописей, из которых 124 тыс. приходится на долю собраний Стамбула, одну четверть от этого числа составляют персидские рукописи [Ritter, 1953, с. 63, 65]. Иранский ученый М. Минуви, долгое время работавший в Турции культурным атташе при посольстве Ирана, склоняется к мысли, что в Турции имеется 30—40 тыс. рукописей на персидском языке [Минуви, 1956, с. 42—75]. Согласно сообщению И. Афшара, на I Международном конгрессе иранистов (Тегеран, 1966 г.) в Иране (без частных собраний) насчитывалось 59 100 списков. Авторы предисловия к русскому переводу исторической части справочника Ч. А. Стори полагают, что «общее их число, по всей видимости, достигает нескольких сот тысяч (по крайней мере не меньше двухсот тысяч)» [Стори, 1972, ч. 1, с. 42, примеч. 67]. В 1971 г. тонкий знаток персидской рукописи и

[10] Вместе с тем следует заметить, что исследования, которые развернулись в этом направлении в Иране и других странах за последние 30—35 лет, дают основание надеяться, что при условии, если эти работы будут вестись с той же интенсивностью, мы получим (пусть в отдаленном будущем) относительно полный корпус названий сочинений на персидском языке, т. е. репертуар персидской словесности. Работа эта исключительно многообразна: публикация списков и описаний различных рукописных собраний, подготовка био- и библиографических словарей, библиографий работ и произведений отдельных ученых и поэтов, исследование жанров и направлений словесности и т. д.

словесности Ахмад Монзави сообщил, что составленный им сводный каталог персидских рукописей насчитывает немногим более 60 тыс. списков [Монзави, 1971, с. 283—284]. К последнему следует добавить, что к тому времени он просмотрел и расписал только 53 каталога различных хранилищ мира (146 т.), т. е. менее 10 % от числа существующих печатных каталогов персидских рукописей. Нет сомнений в том, что, когда роспись будет доведена до конца, приведенная цифра рукописей значительно увеличится. В этой связи названное выше число рукописей в 200 тыс. представляется нам даже менее реально существующего количества. Цифра эта, конечно, впечатляюща, а если принять во внимание также те рукописи, которые погибли в огне войн и междоусобиц, во время стихийных бедствий и т. п., то, очевидно, она многократно возрастет [11].

Старейшие персидские рукописи, дошедшие до наших дней, относятся к XI в. Их всего 12, согласно статистике А. Монзави [Монзави, 1971, с. 286—290]. Три из этого числа точно датированы и поэтому представляют громадную ценность для персидской палеографии, истории создания персидского арабографичного алфавита и истории рукописного дела.

Когда в месяце шаввале 447/январе 1056 г. поэт и будущий лексикограф Али б. Ахмад ал-Асади ат-Туси поставил последнюю точку в колофоне переписанной им рукописи сочинения Абу Мансура Муваффака ал-Харави «Китаб ал-абнийа ʿан хака'ик ал-адвийа» («Книга основ по истинам фармакологии») [12], он, конечно, не мог даже и предположить, что спустя девять веков историки персидской книжности столь же часто будут упоминать его, как и исследователи персидского языка и литературы. Так случилось, что время пощадило этот список и ему выпало стать пока старейшей датированной персидской рукописью [13].

---

[11] Арабские средневековые источники, говоря о рукописях, оперируют еще более внушительными цифрами. Они сообщают, например, что личная библиотека фатимидского халифа ал-Хакима (996—1021) насчитывала 2 млн. рукописей, а у халифа Хакама II (961—976) в Кордове хранилось около 400 тыс. Приведенные цифры скорее фантастичны, чем реальны. Они явно многократно завышены восторженными средневековыми авторами.

[12] Об авторе, сочинении, рукописях, исследованиях и изданиях см. [Lazard, 1963, с. 45—48; Монзави, 1969—1976, с. 463—464].

[13] Древность списка делала его уникальным и первоклассным памятником в различных аспектах: его детально исследовали историки восточной медицины Р. Залигман (в 1830—1833 и 1859 гг.) и А.-Х. Ахундов (1893 г.), язык сочинения привлек к себе внимание П. Хорна (1893 г.) и был обстоятельно разобран в монографии Ж. Лазара (1963).

Личность переписчика этой книги представляет известный интерес, поскольку в истории персидской литературы многое, что вышло из-под его пера, обычно сопровождается словом «первый». Именно он создал в 458/1066 г. в Нахчиване первое подражание-дополнение к гениальному творению Фирдоуси — героико-эпическую поэму «Гаршасб-наме» («Книга о Гершаспе»), став как бы родоначальником целого свода так называемых циклических поэм. Пробовал он также свои силы и в столь своеобразном жанре, каким является *муназаре* — ода-прение (*тенцона*), оставив нам пять таковых. Наконец, после «Гаршасб-наме» он составил «Лугат-и фурс» («Лексикон персидского языка»), остающийся самым ранним трудом в персидской лексикографии.

Возвращаясь к «Китаб ал-абнийа», заметим, что с палеографической точки зрения этот список не столько вызывает интерес индивидуальной манерой письма, сколько помогает уяснить пути перехода криволинейного курсивного почерка от функционально ограниченного использования к всеобщему. Известно, что в XI в. этот почерк получил широкое применение при изготовлении списков Корана, оттеснив преобладавшие до этого прямолинейные и угловатые. Данный список со всей очевидностью фиксирует вклад, который внесли персидские писцы в «демократизацию» письма, используя сугубо коранический почерк для переписки сочинений светского характера.

Спустя почти три десятилетия на востоке иранского мира — в Восточном Хорасане (либо Мавераннахре) 24 шавваля 473/7 апреля 1081 г. была переписана часть сочинения бухарца Мустамли (ум. в 434/1042 г.) «Нур ал-муридин ва фазихат ал-мудда'ин» («Свет для последователей и позор для притязающих»). Данный труд представляет собой комментарий на известное руководство по теории и практике раннего суфизма «Китаб ат-та'аруф ли-мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Книга пояснения по верованию суфиев»), написанное соотечественником комментатора имамом Абу Бакр Мухаммадом ал-Калабади (ум. в 380/990 г.). Этот список, переписанный, кстати, как и первый, на бумаге, содержит комментарии ко второму и началу третьего тома труда ал-Калабади и в настоящее время хранится в Национальном музее Пакистана (г. Карачи).

Там же, в Бухаре, при Саманидах было создано еще одно руководство по медицине, посвященное анатомии человека, его болезням и их лечению. Известный местный врач Абу Бакр Раби' б. Ахмад Ахавайни ал-Бухари — последователь медицинской школы Мухаммада б. Закарийа ар-Рази (ум. 5 ша'бана 313/26 октября 925 г.) и ученик ученика последнего, Абу-л-Касима Мукана'и, решил обобщить свой тридцатилетний опыт

врачебной практики и с этой целью составил в 60—70-х годах X в. «Китаб ал-хидайат ал-мута'аллимин фи-т-тибб» («Наставление обучающимся медицине») для своего сына, тоже врача. Сочинение дошло до нас в трех очень старых списках, один из которых завершен перепиской в месяце раби' I 478/июне—июле 1085 г. и, таким образом, является третьим из старейших на персидском языке. Любопытно, что эта книга была приобретена неким врачом по имени Абу Талиб б. Мухаммад б. Али Зайд ат-Табиб, который оставил две свои пометы в начале и конце рукописи. В одной он заметил, что 18 раби' II 682/16 июня 1283 г. выправил ее по другому, более точному экземпляру, а в другой, датированной 710/1310-11 г., записал, что передает книгу своему сыну Хусайну, начавшему самостоятельную врачебную практику [14]. Таковы три старейшие датированные персидские рукописи — 1056, 1081 и 1085 гг. Заметим, что арабская книжность знает более древние списки, из которых самым старым является переписанный в 846 г., т. е. более чем за два столетия до «Китаб ал-абнийа». Для сравнения укажем, что старейшая русская рукописная книга — Остромирово Евангелие (собрание ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) — была завершена перепиской на пергамене 12 мая 1057 г.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в данной статье мы рассматриваем главным образом рукописи, включая, естественно, и старейшие списки, а не ранние произведения персидской словесности. Это неадекватные понятия, и рукописи моложе сочинений, в них представленных, более чем на двести лет. Конечно, было бы идеальным, если бы памятники дошли до нас в списках-автографах либо в копиях, прижизненных автору. Однако этого не произошло. До нас дошли ранние произведения (но не самые ранние) многообразной и обширной персидской литературы, но дошли они в сравнительно поздних копиях, изрядно попорченными многовековым процессом переписки. Последнее в общем-то естественно. Книгу производит печатная машина, а рукопись от начала до конца создает человек, ее нельзя тиражировать, как любую печатную книгу. Сколько бы мы ни сравнивали списков одного и того же сочинения, мы никогда не найдем хотя бы двух его идентичных копий. С этой точки зрения любая рукопись уникальна, так как ни одна из них не похожа на другую. В противном случае

---

[14] Сочинение было издано в Мешхеде в 1965 г. д-ром Джалалом Матини, который использовал при издании все три известных списка [Hidayat, 1965].

отпала бы необходимость в сложной и тонкой профессии филолога-текстолога.

Выше говорилось о том, что старейшие сохранившиеся персидские рукописи относятся к XI в. Всего — двенадцать списков, причем бо́льшая их часть представлена сочинениями светского содержания. Это — четыре рукописи медицинских сочинений, две по астрономии, две по лексикографии, одна по математике, две по коранической экзегезе и одна по суфизму. Такое соотношение (1 : 3) теологии и суфизма с другими жанрами удивительно лишь на первый взгляд. Просто дело заключается в том, что богословские и богослужебные сочинения писались преимущественно по-арабски, и эта традиция сохранялась в среде иранского духовенства вплоть до недавних дней. Вместе с тем приведенная выше цифра чрезвычайно мала даже в сравнении с числом известных нам и сохранившихся в поздних списках сочинений. Например, Ж. Лазар в своем исследовании рассматривает для X—XI вв. 51 произведение (9 и 42 соответственно) самого различного жанра в прозе [Lazard, 1963, с. 36—118]. В русском переводе труда Ч. А. Стори [Стори, 1972, ч. 3, с. 1755—1756, 1766] для этого же периода зафиксировано 18 сочинений (4 и 14 соответственно). Семь из них — трактаты по рецитации и пунктуации Корана — не вошли в работу Ж. Лазара. Специального подсчета стихотворных произведений никто не производил, но можно с уверенностью сказать, что их число, несомненно, в несколько раз превышает прозаические.

Сравнительно небольшое число последних (в основном научного характера), созданных в первые века ислама в Иране на персидском языке, можно объяснить не только тем, что определенная их часть просто не сохранилась и погибла в результате стихийных бедствий, в огне пожаров вражеских нашествий, разорений и лихолетья междоусобных войн, время от времени сотрясавших этот регион, и также не тем, что писчий материал не обладал достаточно высокими качествами и не устоял перед испытанием времени. Видимо, немалую роль в сложившейся ситуации сыграло то обстоятельство, что в IX—XII вв. на всем пространстве от Бухары до Шираза и от Газны до Багдада в богословии и научной литературе безраздельно господствовал арабский язык, ставший основным средством обмена идеями и мыслью. (Почти ту же аналогию мы находим в Европе средних веков с ее всеобъемлющей латынью. Разница состояла в том, что латынь была мертвым языком, тогда как арабский — живым языком народа.) Вспомним, что все сочинения выдающегося иранского врача, химика и философа Мухаммада б. Закарийа ар-Рази (ум. в 925 г.) написаны по-

арабски. Только один трактат из научного наследия великого хорезмийца Абу Райхана ал-Бируни (973—1048), посвященный проблемам астрологии («ат-Тафхим»), был написан по-персидски (правда, не все специалисты разделяют эту точку зрения, полагая, что трактат был написан по-арабски, а на персидский переведен другим лицом). Если же обратиться к научному наследию Абу Али Ибн Сины (980—1037), то наблюдается сходная картина: из 131 труда, несомненно принадлежащих его перу, только два трактата написаны на персидском языке. Это «Даниш-нама-йи ʿАла'и» («Книга мудрости для ʿАла ад-Даула») и медицинский трактат «Рисала-йи набз» («Трактат о пульсе»). Математик-астроном и поэт Омар Хаййам (1048—1131) не был столь плодовит, как отмеченные выше ученые. В настоящее время известно 12 его трактатов, из них два — «Науруз-наме» («Книга о Новом годе») и «Рисала фи куллийат ал-вуджуд» («Трактат о всеобщности существования») — написаны по-персидски. Знаменитый Фахр ад-Дин Аба Абдаллах Мухаммад ар-Рази (род. в Рее в 543/1149 г., ум. в Герате в 606/1210 г.) оставил после себя около 119 трудов самой разнообразной тематики: сочинения по логике, лингвистике, математике, медицине, философии и праву. Все они написаны по-арабски, хотя он учился и провел свою жизнь в центрах иранской учености. Подобных примеров можно привести во много раз больше, но мы ограничимся этими, так как они, на наш взгляд, достаточно убедительны. Из сказанного выше следует, что, подобно тому как в персидской словесности был период, когда она существовала в иной языковой оболочке, выступая в одежде арабского языка, такое же явление наблюдалось, как естественное отражение первого, и в персидской книжности. Следовательно, рукописи на арабском языке, переписанные в Иране, можно с полным правом отнести к истории персидской рукописной книги, как, впрочем, с таким же точно правом и к арабской.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕПЕРТУАРЕ РУКОПИСНОЙ КНИЖНОСТИ И ЕГО СОСТАВЕ

Специалисты, занимающиеся исследованием персидской классической литературы, в своей работе постоянно сталкиваются с таким малоизученным явлением в рукописной книжности, как явно наблюдаемая избирательность ее репертуара. Этот репертуар создавали читательские круги средневекового

феодального общества Ирана, и они же определяли его через посредство главных действующих лиц: заказчик-читатель и переписчик. На всех этапах развития общества и словесности эта позиция сохраняла свою устойчивость и стабильность, но вот отношение общества к различным жанрам книжности находилось в постоянном движении и в зависимости от времени менялось. Это — естественный процесс, поскольку каждая эпоха приносила с собой свои оценочные категории и критерии, которые определяли отбор текстов для копирования и распространения.

Видимо, этим можно объяснить тот факт, что некоторые ранние памятники литературы в связи с потерей к ним социально-общественного интереса дошли до нас только в очень старых списках. Те же из списков, что попали в неблагоприятные условия, не сохранились, и мы знаем об этих сочинениях лишь из более поздних источников. Словом, потеря социального интереса к памятнику прерывала традицию его воспроизводства в списках, и наоборот. Нас не удивляет большое количество сохранившихся рукописей религиозно-богословского содержания. Конечно, хотелось бы, чтобы сохранились, например, все восемь поэм и Диван Абу Абдаллаха Джаʿфара Рудаки (ум. в 941 г.) или три поэмы Абу-л-Касима Хасана Унсури (ум. в 1039 г.). Но человек средневековья руководствовался несколько иными ценностями в своем отношении к миру, чем мы. «Богословие представляло собой „наивысшее обобщение“ социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение» [Гуревич, 1972, с. 12]. Почему, например, до нас дошло почти полторы сотни экземпляров «Тарджама-йи Тарих-и Табари» («Перевод „Истории“ Табари») и только один список знаменитого «Худуд ал-ʿалам» («Границы мира»)? Ведь оба сочинения были составлены в X в. Старейший список «Перевода» датирован 585/1190 г., а переписка «Худуд ал-ʿалам» завершена в 656/1258 г. Чем объяснить, что до нас дошло географическое сочинение начала XIII в. «Джахан-наме» («Книга о вселенной») Наджиба Бакрана в четырех копиях XIII, XV, XVIII вв., а труд по всеобщей истории, составленный в XI в. и содержащий уникальный раздел о тюркских народах, «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») Гардизи в двух списках, XVII и XVIII вв.?

Еще один пример, который вызывает большой интерес в связи с записью народной литературы в средние века в Иране. Народные романы (*дастан*), возникнув как устное произведение в городской среде на рубеже XI—XII вв., изустно же

в течение веков распространялись и пересказывались профессиональными сказителями. Популярность их была достаточно широка. Но вот что интересно. Одно такое произведение, «Китаб-и Самак-и Аййар» («Книга Самак-и Аййара»), записанное, видимо, в 585/1190 г. профессиональным секретарем-писцом Фарамурзом б. Худададом б. Абдаллахом ал-катибом Арраджани со слов сказителя Садака б. Аби-л-Касима Ширази, дошло до нас только в одном списке первой половины XIV в. В то же время «Абу Муслим-наме» («Книга Абу Муслима»), время записи которой и имя лица, ее произведшего, нам неизвестны, дошла до нас в 38 списках (представляющих по крайней мере три версии), самый ранний из которых переписан в XVII в. Соотношение 1 список (XIV в.) и 38 (XVII—XIX вв.), казалось бы, говорит о полной потере читательского интереса к «Китаб-и Самак-и ʻАййар» в последующие века. Такой вывод, видимо, был бы справедлив для письменных литературных и научных памятников, авторских по своему происхождению, текст которых был достаточно закрепленным и устойчивым. Но мы здесь имеем дело с народными романами, а они могли не нуждаться в переписке и распространяться по традиции профессиональными сказителями-рассказчиками. Следует заметить, что подавляющая часть списков «Абу Муслим-наме», известных нам в настоящее время, была произведена в Средней Азии и Восточном Хорасане и, очевидно, для нужд самих сказителей (*киссаханан*). Поднятые вопросы далеко не праздные и отнюдь не умозрительные. Правильное объяснение подобных явлений приблизит нас к пониманию той модели мира, которая отражалась в представлениях средневекового иранца, а следовательно, поможет лучше понять его культурный и духовный мир.

Репертуар рукописной книжности — это те произведения персидской словесности, которые создавались в среде образованных кругов иранского средневекового общества. Естественно, чем большей популярностью пользовалось сочинение, чем больше появлялось желающих иметь его у себя дома на книжной полке, тем чаще оно копировалось и переписывалось. С этой точки зрения очень любопытны в статистическом отношении материалы русского перевода справочника Ч. А. Стори (число сочинений) и выкладки А. Монзави (количество списков). Всего по XIX в. включительно труд Ч. Стори содержит 382 названия сочинений по коранистике (экзегеза и перевод Корана, его рецитация, пунктуация, орфография, глоссарии и конкордансы к Корану и пр.), раздел же истории (включая историю пророков, биографию Мухаммада и ранний ислам) — 1030 на-

званий сочинений. Соотношение 382 и 1030 впечатляюще. Даже если мы отнесем к разряду религиозной литературы сочинения по истории раннего ислама, истории пророков и жития Мухаммада (по сути своей, каковыми они и являются), что составит округленно около 450 названий, то и в этом случае соотношение религиозной литературы и литературы светского содержания (около 830 и примерно 580) следует признать весьма высоким (приблизительно 59 % к 41 %). Конечно, на этой достаточно узкой базе делать какие-либо широкие обобщения нельзя, но факт распространения указанных сочинений весьма интересен. В своих (по XIX в. включительно) статистических выкладках А. Монзави использовал 30 447 копий (число рукописей, естественно, должно быть меньше, поскольку сочинения малого размера бытовали в сборных рукописях и тематических сборниках). В эту статистику не вошло около 30 тыс. списков, содержащих сочинения по истории, географии и космографии, религиозному праву, белой и черной магии, хадисы, агио- и биографии, документы, поэмы (числом 10 004), музыка (277) и т. п. Указанные 30 447 копий он распределил по 24 рубрикам (в действительности 23 рубрики, так как «литературные дисциплины» — рубрика 7 — включает № 15, 17, 18, 19, 20, 23, и тем самым число рукописей ошибочно увеличивается на их сумму — 1794) в нисходящем порядке, от большего к меньшему числу копий: 1. диваны — 6192; 2. суфизм — 5758; 3. этика, политика, домострой — 2483; 4. астрономия и астрология — 2385; 5. философия — 1887; 6. медицина — 1768; 7. литературные дисциплины — 1794 (эта рубрика нами не учитывалась, см. выше); 8. лексикография — 1563; 9. коранические дисциплины — 1504; 10. богословие — 1347; 11. математика — 728; 12. изучение природы — 726; 13. *куллийаты* — 704; 14. энциклопедии — 637; 15. письмовники — 375; 16. химия и алхимия — 344; 17. грамматика — 335; 18. риторика — 334; 19. *ʻаруз* и рифма — 304; 20. логогрифы — 296; 21. логика — 278; 22. бабидство и бехаитство — 236; 23. художественное письмо — 150; 24. секты — 113. К этому числу (т. е. к 30 447) мы добавляем 277 списков музыкальных сочинений, вошедших в т. 5 каталога А. Монзави и не получивших отражения в статистике, в результате получаем 30 724. Сумма списков религиозно-богословского содержания, включая мистику (т. е. № 2, 5, 9, 10, 21, 22, 24), дает цифру 11 123, остальное — 19 601. Таким образом, с учетом всего вышесказанного эта статистика дает нам следующее соотношение рукописей светской и религиозной тематики: 63,5 % и 36,5 %. Мы не учитывали 10 004 списка поэм, кстати также не учтенных в статистике А. Монзави, но вошедших в т. 4 его каталога, поскольку

произведения, которые они содержат, требуют тематического анализа. Делать какие-либо строго научные выводы на основе даже 30 тыс. списков несколько рискованно, принимая во внимание, что Коран и основная масса богословских и богослужебных сочинений писалась на арабском языке. Все же, учитывая данные Ч. А. Стори по произведениям и материалы статистики А. Монзави по спискам-копиям, можно, видимо, заключить, что сочинений (а следовательно, и рукописей) светского характера, написанных на персидском языке, было не меньше (а если меньше, то ненамного), чем религиозно-богословского [ср.: Монзави, 1971, с. 284, 287, 290].

ПРОИЗВОДСТВО РУКОПИСЕЙ

Переписчик, его статус, социальное положение

Выше мы отметили, что в средние века в Иране производство рукописей на двух языках достигло весьма внушительного размаха и, судя по такому значительному их числу, спрос на книжную продукцию был достаточно широким и постоянным в течение очень длительного времени [15]. Этот спрос (его с полным правом следовало бы назвать социальным заказом) вызвал к жизни целую армию переписчиков-профессионалов, способных быстро, но при этом аккуратно и грамотно переписать требуемую книгу. Эта армия рекрутировалась различными путями. Один из них отмечен А. Мецем [Мец, 1973, с. 158], когда писцами становились люди с образованием, не получившие места и вынужденные добывать себе средства к существованию перепиской книг. Однако, чтобы стать профессиональным писцом, недостаточно быть грамотным и уметь писать, нужны такие навыки, как быстрота переписки, четкость и аккуратность почерка, умение писать понятным для читателя письмом.

К сожалению, мы в настоящее время не можем сказать, каким образом готовились переписчики средней руки, хотя мы в общих чертах знаем, как обучалась элита переписчиков — мастера художественного письма. Но ведь основная масса книжной продукции создавалась не последними, а первыми, и именно о них ничего не сообщают доступные нам источники: их внимание привлекали только выдающиеся мастера калама.

---

[15] Статистика производства рукописей за весьма длительный период — с XI по XIX в. — указывает только на один период резкого падения книжного производства в регионе, приходящийся на XII/XVIII в. Это явление было вызвано ситуацией, сложившейся в Иране: афганское нашествие, разорительные войны Надир-шаха (1736—48) и лихолетье междоусобных войн между Зендами и Каджарами.

Помимо переписчиков, занятых перепиской книг, существовал другой контингент профессионалов, работавших в государственных канцеляриях. Это был особый вид специалистов — секретари, о находчивости, образованности, остроумии и подготовленности которых ходили легенды и которым Низами Арузи из Самарканда посвятил целый ряд новелл и этюдов в первой главе «Маджма' ан-навадир» («Собрание редкостей»), известном в обиходе как «Чахар макале» («Четыре беседы») и составленном им в 551/1156-57 г. Этого круга чиновников на придворной службе мы не будем касаться в данной статье, но отметим, что, несмотря на значительное число (более полутораста) трактатов и руководств, посвященных их профессии [16], ни в одном из них не говорится о процессе подготовки секретаря-письмоводителя. В них мы встречаем массу полезных советов относительно того, что он должен уметь и знать, но в богатой литературе на эту тему, берущей, кстати, свое начало на арабской почве, до сих пор не обнаружено сочинения, в котором бы был описан процесс непосредственного обучения.

Мы знаем, что рукописная продукция в средневековом Иране была громадной по своим масштабам, а содержание рукописной книги отличалось исключительным разнообразием (чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с оглавлением любого каталога персидских рукописей или перелистать справочники А. Монзави и Ч. А. Стори). Разнообразие репертуара и количество списков, свободно циркулировавших на книжном рынке, несомненно, отражали интересы и потребности различных сословий и социальных групп тогдашнего иранского феодального общества. Они отражали не только культурный уровень общества, но и его грамотность и образованность. Читательский спрос на книгу удовлетворял переписчик, фигура которого по мере роста спроса играла все более заметную роль в культурной жизни города. Хотя переписчики весьма редко писали книги загодя, так сказать, впрок, без определенного заказа, все же они в известной степени формировали «моду» на произведение, поднимали к нему интерес читателей. Любой житель знал не только адрес каллиграфа, к которому он мог обратиться, если ему хотелось приобрести образец его художественного письма (источники очень часто указывают точное местожительство этих мастеров), но он также знал, где он может заказать или купить требуемую книгу. В этом отношении мы наблюдаем устойчивую и многовековую традицию: арабский историк ал-Йа'куби (вторая половина IX в.) пишет, что только в Багдаде имелось не менее 100 продавцов-переписчиков книг,

---

[16] Перечень, правда, неполный [ср.: Даниш-Пажух, 1970—1971].

24 Заказ № 174

а их лавки находились на особой улице, носившей название Сук ал-варракин; согласно же сообщению А. А. Семенова, в конце XIX—начале XX в. в городах Средней Азии существовали особые ряды книжных торговцев (*раста-йи китабфурушан*) [Семенов, 1951, с. 90].

Следовательно, личность переписчика обладала определенным общественным звучанием, а его социальный статус, видимо, как-то отличался от положения его коллеги по профессии в Европе и России. Действительно, как в Европе (по XVII в.), так и в России (по XVIII в.) производство рукописных книг было сосредоточено в особых мастерских (скрипториях), функционировавших при церквах и монастырях, в которых производилась переписка книг. Основной контингент переписчиков составляли монахи. Это, конечно, не означает, что не было «мирских» писцов, работавших по найму или на рынок, но их число значительно уступало монастырским. Очень любопытный и примечательный факт сообщает известный знаток русской рукописной книги Н. Н. Розов. Он пишет, что «среди 94 известных по именам писцов книг Софийской библиотеки XI—XIX вв. оказалось 22 монаха, 30 священников и диаконов; 42 остальных не указали своей принадлежности к духовному сану. Стало быть, книги старейшей из сохранившихся русских библиотек, в подавляющем большинстве своем богослужебные, почти наполовину обязаны своим существованием отнюдь не духовенству» [Розов, 1971, с. 32] [17]. Концентрация производства почти всей массы рукописей в подобных мастерских давала возможность церковной организации как устанавливать и определять книжный репертуар, так и проводить строгую идеологическую цензуру. Кроме того, известная монополия на грамотность позволяла церкви использовать книгу в первую очередь для своих нужд. В этой связи знаменательно, что только 3 % от всей массы произведенных рукописей в Южной Италии в XI в. составляли сочинения светского характера [18].

На мусульманском Востоке наблюдается несколько иная картина. Те мастера, что работали постоянно в дворцовых и государственных библиотеках светских феодалов, обычно были заняты выполнением заказов своего патрона, которые были, как правило, связаны со светскими произведениями (не считая переписки коранов). Специальных центров переписки при мечетях и медресе, подобных тем, что мы видим в монастырях

---

[17] Этот факт показателен также тем, что светские писцы, нанятые со стороны, возможно временно, никоим образом не повлияли на репертуар производимых книг.

[18] Из этих трех процентов два составляли грамматики и лексикография и один — сочинения древних авторов [Guillou, 1974, с. 101].

Европы и России, не было. Правда, имеются сведения о библиотеках при суфийских обителях (*ханака*) в Мерве (XII—XIII вв.) и Бухаре (XV в.), где создавались рукописи, а также редактировались (в последнем) сочинения богословского и суфийского содержания, строго выдержанные в рамках догматов ислама. Но отмеченные факты были единичными. Вместе с тем в общедоступных библиотеках при целом ряде мечетей и медресе существовала традиционно устойчивая практика, при которой частным лицам разрешалось переписывать для себя безвозмездно те или иные сочинения из этих библиотек. Более того, известны случаи, когда владельцы личных собраний, завещавшие их таким библиотекам, в своих дарственных специально оговаривали суммы, которые выделялись ими от доходов соответствующего вакфа на покупку бумаги и писчих принадлежностей. Они должны были бесплатно выдаваться тем, кто пожелает снять копию с какого-либо списка из числа пожертвованных этим владельцем книг.

Категория переписчиков, работавшая на постоянной службе, составляла мизерную часть от всей армии занятых этим ремеслом. Но справедливости ради отметим, что и они имели право или возможность по выполнении регламентированной нормы брать заказы со стороны. По всей видимости, положение книгописца было достаточно свободным, и переписчик, вероятно, зависел не столько от государственного или религиозного контроля, сколько от потребительского спроса на его продукцию.

Отчасти это заключение подтверждается чрезвычайно широкой географией мест переписки книг, которая включает в себя практически все более или менее известные (как большие, так и малые) города средневекового Ирана, а также значительное число селений и деревень. Данное обстоятельство фиксируют каталоги персидских рукописей, приводя сведения колофонов, и это несмотря на то, что писцы гораздо чаще не отмечали место переписки, чем указывали его [19]. Последнее труднообъяснимо, так как здесь не прослеживается даже слабого намека на закономерность.

Столь широкая и повсеместная практика производства рукописей не получила отражения в известных нам нарративных источниках и официальных документах. Эти источники — первые скупо, вторые более пространно — отмечали «собствен-

---

[19] Например, в собрании ИВ АН СССР насчитывается 3030 персидских рукописей. Переписчики указали свое имя (703 человека) только в колофонах 756 из них; лишь в 279 случаях они пометили место переписки (123 наименования), т. е. 25 и 9 % соответственно от числа всех списков.

ные» мастерские по производству высокохудожественных списков, функционировавшие при дворах местных правителей, наместников, крупных феодалов и т. п. в Ширазе, Герате, Тебризе, Мешхеде, Исфахане, Бухаре, Самарканде, Йезде и других городах-центрах исторических провинций и столицах феодальных государств, возникавших на территории этого региона. Рукописи, произведенные в этих мастерских, не определяли масштабы книжной продукции в стране, поскольку они не выходили за стены дворца, а их судьба была известна заранее — занять место на полке в личной библиотеке патрона и владельца. Кроме того, их производилось немного, они были очень дороги и доступны чрезвычайно ограниченному кругу богатых меценатов и любителей.

Следовательно, основная, так сказать товарная, масса рукописей создавалась вне стен подобных мастерских, а лаконичные фразы в колофонах «переписано там-то», отмечая широту географии мест переписки, лишний раз убеждают нас в этом. Видимо, географические рамки мест переписки рукописей еще более расширятся, если мы примем во внимание и *нисбу* (прозвище по месту происхождения) писца, дающую многообразный материал. Сразу оговоримся, что мы далеки от мысли утверждать, что такая нисба помимо места, откуда переписчик родом, обязательно указывает и на место его работы. Мы также учитываем и имевшую место практику, когда нисба нередко переходила к мастеру от отца или деда. Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы тем не менее все же допускаем возможность того, что нисбы переписчиков если и не всегда указывают на место его работы и происхождения, все же расширяют наши представления о местах работы персидских писцов.

Профессиональный переписчик в средневековом Иране — это ремесленник, занятый перепиской заказанных книг и работавший в одиночку. В этом отношении он напоминает нам лиц «свободной профессии» в Европе. В настоящее время из-за отсутствия сколько-нибудь достоверных сведений мы не можем сказать, существовали ли в их среде организации или корпорации, объединявшие их по ремесленно-профессиональному признаку, т. е. цехи или гильдии. Следует заметить, что большинство специалистов, исследующих проблемы средневекового города на мусульманском Востоке, склоняется к мысли, что ремесленные объединения, отдаленно напоминавшие цеховые организации, начинают складываться в первой трети XIV в. в Малой Азии [20]. Иран также не являлся исключением. В дан-

[20] Менее категоричную и более осторожную точку зрения высказал О. Г. Большаков [Беленицкий и др., 1973, с. 298—300].

ный момент нет сколько-нибудь веских доказательств в пользу существования в стране корпоративных объединений цехового типа до XIV в., хотя сообщение Ибн Баттуты о наличии ремесленных объединений в Ширазе и Исфахане позволяет допустить определенную традицию их существования. Мы далеки от мысли высказывать суждения по этому запутанному и сложному вопросу, но доступные нам материалы (разрозненные и, видимо, далекие от полноты) пока не расходятся с приведенной выше точкой зрения. Вместе с тем это обстоятельство не исключает возможности работы переписчиков по найму в отдельных частных мастерских, где производились рукописи на рынок [21].

Если мы наблюдаем такое положение в случаях с просто переписчиками, то, видимо, производство художественно оформленных и украшенных миниатюрами рукописей требовало объединения мастеров «книжного рукоделья» в одном месте. Правда, источники сообщают нам о случаях, когда один и тот же мастер выступал в роли каллиграфа, оформителя, миниатюриста и переплетчика [22]. Но это всегда являлось исключением, а не

[21] Например, каллиграф Мухаммад-Хусайн Дар ал-Марзи отметил в колофоне переписанной им рукописи «Хамсе» Низами, что эту работу он выполнил 1 раджаба 1031/9 апреля 1625 г. в Ширазе в мастерской (*кархане*) Лутфаллаха-музаххиба. О других частных мастерских, функционировавших в Казвине, в которых одновременно обучались и работали, видимо, на рынок не каллиграфы, а художники, сообщает Искандар Мунши в «Тарих-и ʿАламара-йи ʿАббаси» («Мироукрашающая Аббасова хроника»). Говоря о художнике Мир Зайн ал-Абидине, он замечает: «Его ученики, открыв художественную мастерскую (*кархане-йи наккаши*), работали [в ней], однако сам он, работая всегда для царевичей, эмиров и вельмож, пользовался их расположением». В данном случае противопоставление мастера и его учеников поясняет, почему они создали мастерскую. Мастер, тесно связанный с двором, не нуждался в заказах, а его ученики были вынуждены добывать себе пропитание, работая на рынок. В другом месте тот же автор отмечает, сообщая о художнике Абд ал-Джаббаре: «Хотя он и открыл художественную мастерскую (*кархане-йи наккаши*), однако, в связи с тем что большую часть времени он проводил в обществе эмиров и вельмож, лично он мало уделял внимания тому занятию. Его сын ходжа Насир. . . работал вместе с учениками». Сказанному выше как будто не противоречит отсутствие каких-либо сведений об объединениях переписчиков в трактатах о деятельности *мухтасиба* — государственного чиновника, призванного осуществлять надзор за соблюдением предписаний ислама, в круг обязанностей которого входил также контроль за ремеслом и торговлей.

[22] Помимо примеров, приведенных в работе [Акимушкин—Иванов, 1968, с. 131—136], отметим следующие: 1. Каллиграф Хусайн б. Хасан б. Мухаммад. . . ал-Ваиз ал-Хасани в 732/1332 г. переписал и украсил орнаментом список сочинения «Таквим ас-сахха» (собр. Chester Beatty, № 108); 2. Лутфаллах б. Йахйа б. Мухаммад аш-Ширази переписал и иллюминировал (фронтиспис, унваны, заставки и украшение полей) в 796/1394 г. список «Шах-наме» из собрания Каирского музея; 3. Фаворит и *китабдар* шаха Аббаса I Али-Риза-йи Аббаси исполнил в 1022/

правилом. И действительно, давно уже обратили внимание на то, что в 20—60-х годах XVI в. значительное число хорошо оформленных рукописей, весьма сходных по почерку, убранству, стилю и цветовой гамме миниатюр, происходило из Шираза. Это обстоятельство само по себе уже наталкивало на мысль о, возможно, функционировавших в то время в городе одной или нескольких мастерских, объединявших мастеров различных специальностей и связанных одним трудом — производством рукописей на продажу.

Весьма колоритное объяснение этому факту мы встречаем у автора «Джавахир ал-ахбар» («Перлы известий») Будага Казвини (584/1576 г.), который пишет: «Пишущих наста'ликом в Ширазе много, все подражают друг другу. Почему никоим образом нельзя отличить их почерки. Ширазские женщины являются переписчиками, а ежели они неграмотны, то они выписывают, как вырисовывают. Автор (сих строк) отправился в Шираз и проверил — действительно, в Ширазе в каждом доме жена — переписчик, муж — миниатюрист, дочь — оформитель рукописи, сын — переплетчик. Какую бы книгу они ни захотели, создается в одном семействе. Если у кого-нибудь появится желание (получить) тысячу украшенных книг, то в течение года из Шираза непременно поступит. Все на один манер, так что ни в чем нельзя отличить. Вот шутка Бахрам-мирзы, который говаривал: „В Ширазе каллиграфы сидят без дела, одни — из-за того что их много, другие — по причине того, что (работой) все похожи друг на друга“» [Будаг Казвини, л. 109аб].

Вместе с тем, хотя мы не располагаем прямыми указаниями источников о существовании организаций цехового типа среди переписчиков и мастеров рукописной книги и после XIV в., тем не менее распоряжение (*парванче*) шаха Тахмаспа I от ша'бана 983/ноябрь—декабрь 1575 г. на имя известного оформителя рукописей устада Хасана ал-музаххиба ал-Багдади дает возможность предположить, что нечто подобное существовало в Тебризе в то время.

Видимо, нет смысла приводить весь текст, написанный весьма многословно, цветисто и достаточно напыщенно, полностью; мы ограничимся лишь двумя самыми существенными фразами: «. . .мы пожаловали неповторимому мастеру [нашего]

1613-14 г. в г. Сари рукопись поэмы Джами «Субхат ал-абрар» (собр. Кеворкяна), в колофоне этот мастер отметил, что он выступал в роли переписчика, миниатюриста и иллюминатора; 4. Мастер Мухаммад-Хусайн Наврас Димаванди, выполнив заказ сефевидского вельможи в 1090/1680 г., отметил в колофоне списка «Тазкире-йи шах Тахмасб» (Тегеран, библиотека Салтанати, рук. № 708), что он не только его отредактировал и переписал, но и иллюстрировал миниатюрами.

времени маулане Хасану музаххибу Багдади первенствующее положение и начальствование над группами людей (*джама'ат*) профессий золотильщиков (*музаххибан*), переписчиков (*катибан*), переплетчиков (*муджалладан*), декораторов-оформителей (*наккашан*), златобитов (*тилакубан*) и продавцов-производителей бумаги (*кагазфурушан*) стольного города Табриза. . . и пусть указанные люди (*джама'ат*), полагая отмеченного (выше) неповторимого мастера эпохи своим начальником и руководителем, повинуются (ему) и подчиняются, и не перечат, и не преступают его указаний. . .» [Нава'и, 1971, с. 24—26]. Данное распоряжение — единственный случай, известный нам, касающийся мастеров различных специальностей, объединенных производством рукописной книги. Здесь любопытно следующее обстоятельство. Все эти мастера не состояли на государственной службе и работали либо в частных мастерских, либо индивидуально, а распоряжение составлено таким образом, что как будто бы они работают в придворной мастерской и должны подчиняться новому шефу, назначенному патроном. Известна практика для Исфахана в XVII в. и позднее, когда глава дворцовой мастерской, в которой работали ремесленники определенной профессии, в то же время являлся членом аналогичного цехового объединения ремесленников в городе и одновременно государственным контролером, следившим за их работой. Однако в 1575 г. Тебриз уже давно не был столицей государства, а Хасан-музаххиб Багдади, хотя и считался фаворитом шаха, не был *китабдаром*, т. е. шефом придворной библиотеки-мастерской по производству рукописей; обязанности китабдара исполнял в то время маулана Йусуф — известный мастер почеркового стиля сулс.

Итак, книжная продукция, произведенная в средние века в Иране на двух языках, насчитывала многие сотни тысяч рукописей и отличалась исключительным разнообразием своего репертуара. Над копированием и распространением произведений персидской и арабской словесности постоянно трудились поколения многотысячной армии писцов. Этот факт отметил уже в XVII в. секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, заметивший мимоходом: «. . .в Персии есть несколько тысяч людей, добывающих себе пропитание писанием таких книг. . .» [Олеарий, 1870, с. 792]. Профессиональные переписчики в массе своей работали индивидуально, выполняя заказы как авторов, так и читателей. Те из них, что состояли в штате дворцового ателье, создавали рукописи для личной библиотеки патрона, а те, что трудились по найму в частных мастерских, работали на хозяина, т. е. на рынок. Доступные в настоящее время источники не дают нам возможности сколько-нибудь

обоснованно говорить, что в средневековом Иране функционировали профессиональные объединения переписчиков.

Духовная культура средневекового Ирана находила свое проявление прежде всего (не считая архитектуры, музыки и живописи) в широком разнообразии словесности, которое отражалось в поразительно большом числе произведенных списков. Уже неоднократно упоминавшаяся нами статистика А. Монзави наглядно показывает непрерывный рост количества рукописей на персидском языке с XI по XVII в. включительно. И это невзирая на социальные и военные бури, пронесшиеся над регионом, особенно в годы монгольского нашествия и завоеваний Тимура.

Как и чем объяснить столь высокий уровень культуры, ее подъем? Вряд ли ответ будет однозначным. Здесь, видимо, можно отметить три, с нашей точки зрения, основных фактора, и прежде всего рост и развитие городов и связанное с этим процессом появление на политической арене новых социальных слоев, составивших среднее городское сословие — низшее и среднее духовенство, мелкие государственные чиновники, торгово-ремесленная среда, купцы средней руки и т. п. Именно эти слои, как и город в целом, сыграли основную роль в формировании, создании и потреблении духовной культуры, расширили, с одной стороны, ее социальную базу, а с другой — были той питательной средой, в которой она создавалась.

Следует, видимо, также учитывать тот факт, что на мусульманском Востоке в отличие от Европы, Византии и России мы не наблюдаем, кроме города, других центров формирования культурных ценностей. Монастырей на Востоке не было. Правда, были дервишеские обители — *ханекахи*, которые, несомненно, сыграли определенную роль в этом отношении. Но сколь существенной она была, нам в настоящее время неясно. Поэтому, видимо, не будет преувеличением сказать, что практически вся персидская книжность создавалась в городе усилиями горожан. Когда А. Олеарий писал: «Редко найдется персианин, какого бы состояния он ни был, который бы не умел писать и читать; ибо вообще дети посещают там училища с весьма раннего возраста. . .» [Олеарий, 1870, с. 809], то, конечно, секретарь голштинского посольства отнюдь не имел в виду жителей сельской местности. Он мог так говорить только о тех, с кем ему приходилось постоянно сталкиваться во время пребывания в Иране, т. е. о жителях города.

После того как к IX в. новая религиозная идеология — ислам — окончательно и бесповоротно утвердилась в Иране, в стране начался глубокий и проникавший во все поры жизни и деятельности общества процесс создания новой мусульман-

ской культуры на базе новой идеологии, вызвавшей к жизни большое число произведений первоначально на арабском языке. Этот сложный и длительный процесс до известной степени был облегчен и ускорен тем, что вместе с новым вероисповеданием персы приняли и новую письменность — арабское письмо, на котором написан Коран. Приняв новую письменность, персы практически перечеркнули свою прежнюю культуру. Р. Н. Фрай совершенно справедливо отмечает, что «создавалась новая мусульманская персидская культура. Зороастрийские элементы в стихах персидских поэтов отражали только моду этого времени; они не могут считаться выражением подлинных зороастрийских представлений или верований. Тоска по прошлому давала себя знать, особенно в поэзии, где такого рода настроения нередки, но возврата к прошлому уже не могло быть» [Фрай, 1972, с. 344]. Наконец, духовная культура уже не является достоянием лишь избранных. Она по-прежнему обслуживает верхушку феодального общества, двор династа и рыцарский замок, но в связи с ощутимым ростом города ее социальная база заметно расширяется, а сама она прочно утверждается на городском базаре, в *худжрах* медресе, в домах городского «бюргерства» и «патрициата» [Болдырев, 1957, с. 254 и сл.]. Грамотность в городах становится массовым явлением и уже не вызывает благоговейного почтения.

Несомненно, что были и другие причины, обусловившие подъем образованности и грамотности, а отсюда и потребности в широком распространении и производстве книг в средневековом Иране, но, как нам представляется, отмеченные выше факторы сыграли в этом процессе наиболее существенную роль.

Профессия писца: обучение и подготовка

То, что нам известно о подготовке и обучении профессионального переписчика, не может нас удовлетворить, так как доступные сведения чрезвычайно скудны и разбросаны во времени. Известные нам источники, к сожалению, уделяют все свое внимание элите переписчиков — мастерам художественного письма, каллиграфам, отбор которых в пантеон признанных нам не всегда понятен (см. выше). В этом отношении весьма примечательна изданная в 1966—1969 гг. работа наиболее тонкого знатока персидской каллиграфии — иранского ученого М. Байани. В своем трехтомном труде он свел в корпус сведения о 1526 каллиграфах, работавших в почерковом стиле наста'лик, тогда как доступные нам нарративные источники не дают и 400 имен [Байани, 1966—1969]. Даже трактаты об искусстве художественного письма, создававшиеся корифеями

каллиграфии, не раскрывают последовательности учебного процесса. Отчасти этот факт можно объяснить обычным для средневековья ревнивым отношением каждого мастера-профессионала к своим индивидуальным навыкам и секретам, к выработанной методике упражнений: ведь это ремесло его кормило. Но думается, все обстояло несколько проще. Видимо, это был настолько обыденный и повседневный процесс, что авторы просто проходили мимо него, полагая, что он всем известен и ни у кого не вызовет интереса его детальное описание. Любопытно, что точно так же ни один автор не рассказывает о том, как, в каком положении работал переписчик. Это было таким обычным делом. Писец, расположив протограф на подставке слева или справа от себя, садился на плотную подстилку или коврик (в ряде случаев на низкую скамеечку) и, положив ровную гладкую дощечку под лист бумаги на колено, принимался за работу. Иногда он для удобства мог подставить под ноги низкую, но широкую скамеечку. Это знали, естественно, все современники, но не мы, люди XX века. И только западные путешественники, посетившие Иран в XIV—XVII вв. и сообщившие о таком способе работы, а также несколько миниатюр этого и более раннего времени, запечатлевшие писца в момент работы, позволяют нам утверждать, что переписчики работали именно так, а не сидя, как мы, за столом. Одной из ранних миниатюр, изображающих переписчика за работой, может считаться миниатюра из арабской рукописи, переписанной в Багдаде в 1287 г. Она изображает святого, пишущего на колене [Sirat, 1976, fig. XI]. Вместе с тем, как показывают миниатюры, выполненные в Индии в конце XVI в., мастера каллиграфии, создавая высокохудожественный памятник, предпочитали иногда работать за низким, достаточно широким столиком. Школы, в которых готовились профессиональные переписчики, содержали, как правило, мастера-каллиграфы или признанные авторитеты в области художественного письма. Обучение начиналось с очень ранних лет, и обычно будущие светила каллиграфии настолько овладевали письмом, что уже к десяти-одиннадцати годам могли прилично переписать полную рукопись. Как сообщают источники, состав таких школ был в социальном плане достаточно разнородным, но в основном обучались дети состоятельных родителей, которым не обязательно было становиться писцами, но которые в соответствии с требованиями правил хорошего тона тогдашнего общества должны были обладать красивым почерком. В биографии знаменитого гератского каллиграфа Абдаллаха Харави Таббаха (ум. ок. 873/1468-69 г.), например, говорится, что когда он, снедаемый страстным желанием научиться красивому письму,

заглянул в подобную школу, то увидел группу из сыновей аристократов и крупных купцов, занятых упражнениями. В ответ на его просьбу ему резонно заметил отец, держатель закусочной: «. . .там учатся дети государей, а ты — бедняк» [Байани, 1966—1969, т. 2, с. 300]. В школе другого известного каллиграфа, Мир Сайида Ахмада Машхади (ум. в 986/1578-79 г.), обучались, согласно словам Кази Ахмада Куми, по понедельникам и четвергам молодые люди г. Мешхеда, причем, судя по контексту, это были горожане [Гулистан-и хунар, 1973, с. 91]. Сын ученика Мир-Имада Хасани — Абу Тураба каллиграф Мухаммад-Салих Исфахани (ум. в 1126/1714 г.) отмечает в своем «Тазкире-йи хаттатан» («Памятка о каллиграфах»), что он около 40 лет обучал всех, кто обращался к нему «из благородных и бедных, тюрков и таджиков и из жителей любой страны, которые приезжали в сей город (т. е. Исфахан. — *О. А.*)» [Байани, 1966—1969, т. 3, с. 771—772].

Ученики весьма долго и кропотливо изучали и осваивали особенности и основные принципы написания отдельных букв и их сочетаний в разных почерках, повторяя их сотни и тысячи раз под наблюдением мастера, чтобы добиться определенного автоматизма в движении руки и калама. Практическое освоение любого почеркового стиля (а каждый писец должен был обязательно владеть, как минимум, тремя основными для периода после XIV в. почерками: сулсом, насхом и наста'ликом) базировалось на правилах, которые были разработаны целыми поколениями как арабских, так и персидских каллиграфов и о которых мы говорили выше. При обучении письму обычно использовали два вида упражнений: *калами* и *назари*. *Калами* — это многократное копирование образцов почерка (зачастую одного и того же образца) признанных авторитетов с целью выработки у ученика твердой и верной руки, усидчивости и терпения, внимательности и собранности. Такие упражнения постоянно делали не только начинающие писцы, но и мастера, обладавшие большим опытом, которые в своих наставлениях усиленно подчеркивают необходимость постоянной, каждодневной тренировки. Избирая как образец для подражания произведение какого-либо мастера, копиист стремился добиться абсолютного сходства. Удавалось это, конечно, не всем. Но если знатоки приходили к заключению, что копия не отличается от оригинала, то в этом случае копиист ставил помету: «Упражнение такого-то по образцу такого-то». Некоторые добивались виртуозных успехов в копировании, а часто и подделке образцов письма крупнейших мастеров калама. Известно, например, что шах Тахмасп I (1524—1576) запретил своему придворному художнику Музаффар-Али воспроизводить кит'а

Мир-Али Харави, поскольку ни один эксперт не мог их отличить друг от друга, а на базаре они шли как подлинники Мир-Али, стоившие исключительно дорого. *Назари* — это сравнение под непосредственным руководством наставника образцов письма различных мастеров одного почеркового стиля, их разбор и анализ. Этот вид обучения показывал ученику, как эти мастера использовали на письме те или иные сочетания букв и их элементов [Костыгова, 1957, с. 142—144].

Это был упорный, длительный и тяжкий труд, и лишь очень немногие становились в результате звездами первой величины в каллиграфии. Но все известные источники, в которых говорится о мастерах художественного письма, непременно отмечают их трудолюбие и стремление к совершенству. Такие мастера и теоретики каллиграфии, как Мир-Али Харави (ум. в 951/1544-45 г.) и Маджнун Рафики (вторая половина XVI в.), в своих трактатах призывали в процессе обучения использовать достижения старых мастеров с учетом своей творческой индивидуальности, чтобы каллиграф обладал своим, оригинальным почерком, а не слепо копировал наследие предшественников. Впоследствии у Мир-Имада Хасани (уб. в 1024/1615 г.) этот метод получил теоретическое обоснование в термине *машк-и хийали* («творческое упражнение») [Казиев, 1966, с. 15—16]. В больших по числу обучавшихся в них школах главному руководителю помогали его заместители (*халифа*). Обычно они были его любимыми и наиболее талантливыми учениками. Например, в Исфахане в школе Мир-Имада Хасани учеников принимал и пестовал его ученик Абу Тураб, впоследствии, после гибели патрона, возглавивший школу. Однако, как правило, школы были небольшими, около полутора десятков учащихся. После выполнения экзаменационной работы переписчик получал от мастера разрешение на право самостоятельной работы [23] и работал индивидуально, добывая своим ремеслом хлеб насущный. Чтобы не повторяться, ниже мы дадим слово профессиональному секретарю-письмоводителю Мухаммаду б. Хиндушаху Нахчевани (XIV в.), который, говоря об

[23] Иногда колофоны рукописей сообщают нам, под чьим наблюдением выходящие в жизнь переписчики выполняли свою работу. Так, например, переписавший «Маснави-йи ма'нави» Джалал ад-Дина Руми (б-ка Маджлиса, без номера) 1 рамазана 893/9 августа 1488 г. Мухйи б. Махмуд-Шах говорит, что это он сделал «старанием великого устада [Султан] Мухаммад-Нура». А каллиграф Джамал Машхади, исполнивший в Мешхеде в 989/1581 г. «Диван-и Джахи» (библиотека Салтанати, рук. без номера) отмечает, что работу он выполнил «благодаря стараниям старинного слуги почившего в бозе Султан-Ибрахим-мирзы, мастера 'Абдаллаха ал-Музаххиба аш-Ширази».

аксессуарах переписчика, замечает: «Писцу в письме надобны некоторые принадлежности, как, например, [тростниковое] перо, перочинный нож, чернильница, мешалка (михрак), чернила и бумага. Все это должно быть заготовлено [самим писцом], и [их] не следует брать во [временное] пользование; но если другой [писец] захочет одолжить [у тебя], то не отказывать [ему]!

Калам всегда надо держать отточенным, и кончик его должен быть расщепленным. Каждый калам, который сегодня был в употреблении, на следующий день вновь следует очинить, дабы влажность чернил с него сошла полностью. . . Перочинный нож нужно всегда держать острым, и им в чернильнице не помешивать! Потому-то блаженный ученый, наставник каллиграфов Джамал ад-Дин Йа'кут Муста'сими, да будет над ним милость божья, говаривал, если замечал в письме какого-либо писца какой-нибудь изъян или небрежение: „Его перочинный нож затупился!“ Следует также иметь [при себе] мешалку и пластинку из кости, [первая] для того, чтобы не приходилось перемешивать [чернила] перочинным ножом или каламом, [вторая] для того, чтобы не обрезывать [кончик] калама на другом каламе. . . Также нужно в чернильницу добавлять для благовония немного мускуса или розовой воды. Равно как нужно иметь и тряпочку для вытирания [кончика] калама. Чернила же должны быть не густыми, а текучими и блестящими, дабы писец не утомился при письме. . .» [Казиев, 1966, с. 16]. Любопытно, что эта памятка для переписчика остается практически без изменений очень длительное время (вплоть до XIX в.) и лишь незначительно варьируется в последующих трактатах специалистов [24].

Труд переписчика, особенности его работы

Трудно согласиться с тем неверным представлением, которое сложилось в отечественной литературе об интенсивности труда и темпах работы рядового писца или каллиграфа. Считается, что они были невысокими и медленными. Вместе с тем как нарративные, так и официальные источники дают нам весьма разнообразный материал, не подтверждающий в своей массе это мнение. Материал этот отчасти, видимо, носит легендарный характер, в котором правда и вымысел причудливо сплелись в нерасторжимое целое. Следует заметить, что через

---

[24] Ср., например, перечень аксессуаров писца, рецепты изготовления красок, стойких чернил и рекомендации по очинке калама в статье А. А. Семенова [Семенов, 1946, с. 157—160].

сообщения всех авторов красной нитью проходит стремление отыскать в работе каллиграфа только крайности: либо медленная работа, либо быстрая. Обычные темпы переписки их не интересовали. Они отмечали то, что их удивляло или восхищало в труде каллиграфа, то, что выходило за рамки привычного, а следовательно, то, что присуще феноменам, таковых же было очень немного. Вместе с тем мы можем проверить сообщения источников. С одной стороны, такую возможность дают нам пометы и записи писцов, сделанные во время и по окончании работы, а с другой — наши собственные подсчеты, которые были сделаны с привлечением около сотни списков как стихотворных, так и прозаических сочинений.

Будаг Казвини в «Джавахир ал-ахбар» (984/1576 г.) пишет, что его современник, известный мастер художественного письма Касим Шадишах «обычно писал в день пять бейтов, исправляя и подчищая [их] весьма» [Будаг Казвини, л. 110б]. Те же самые сведения повторяет Кази Ахмад в «Гулистан-и хунар», следуя за своим первоисточником. Бухарский историк Мухаммад-Йусуф ал-Мунши в «Тарих-и Муким-хани» (1116/1704 г.), рассказывая о придворном каллиграфе Абд ал-Азиз-хана ходже Йадгаре, заметил, что тот затратил семь лет на переписку по приказу хана «Диван-и Хафиз» [Семенов, 1946, с. 154]. Три с половиной года понадобилось знаменитому каллиграфу Шах-Махмуду Нишапури, чтобы переписать «Хамсе» Низами для библиотеки шаха Тахмаспа I (ныне в собрании Британского музея в Лондоне). Согласно колофону, он приступил к работе в месяце джумада II 946/октябре—ноябре 1539 г. и завершил ее в месяце шаввале 949/январе—феврале 1543 г. Махмуд-Хаким, сын Висаля Ширази, в течение пяти лет трудился над сочинением Мирхонда «Раузат ас-Сафа» (Тегеран, библиотека Мелли) по заказу правителя Фарса Мухаммад-Кули-хана Илхани, завершив переписку, согласно колофону, 3 зу-л-каʿда 1265/20 сентября 1849 г. Примеры из жизни и работы мастеров каллиграфии показывают, что на создание безукоризненной с точки зрения канонов письма рукописи требовалось не меньше времени, чем на написание значительного художественного полотна.

Вместе с тем в среде переписчиков и каллиграфов высоко ценилась быстрота переписки при обязательном сохранении ясности и четкости письма.

Источники в какой-то степени отразили и эту сторону работы каллиграфа. Гийас ад-Дин Хондамир (ум. ок. 942/1535-36 г.), рассказывая в «Хабиб ас-сийар» («Друг жизнеописаний») о мастере Маʿруфе Багдади, замечает, что он прибыл в Шираз

 к Искандар-Султану, сыну Омар-Шайха, и вошел в состав его

придворной мастерской, подрядившись переписывать в день 500 бейтов стихотворного текста. Как-то патрону сообщили, что Ма'руф Багдади уже два дня, как ничего не пишет. Будучи вызван к Искандар-Султану, он ответил, что выполнит трехдневную норму в один день. 1500 бейтов были написаны им в присутствии султана к вечеру [Тарих-и Хабиб, 1954, с. 816]. Даулатшах Самарканди (ум. в 900/1494-95 г.) пишет в своей антологии «Тазкират аш-шу'ара» («Памятка о поэтах»), что мастер Джа'фар Байсонкури (ум. ок. 856/1452 г.) отличался быстротой переписки и мог в течение дня написать 1000 бейтов.

Кази Ахмад Куми, посвятив короткую новеллу мастеру Сими Нишабури, служившему при дворе Ала ад-Даула, сына Байсонкура (ум. в 863/1458-59 г.), говорит: «Известно, что Маулана Сими Нишабури в один день сочинил по своей прихоти 2000 бейтов и написал [их]. И этот предел еще никто из поэтов и переписчиков не преступил» [Кази Ахмад, 1947, с. 131]. Об этом же каллиграфе, согласно «Мир'ат ал-'алам» («Зеркало мира») шейха Мухаммад-Бака (ум. в 1094/1683 г.), ходила легенда, что однажды он, работая от зари до зари, сочинил и написал 120 писем различного содержания, каждое в 10 строк [Байани, 1966—1969, т. 3, с. 750]. Вместе с тем сами переписчики очень редко говорят о быстроте, с которой они пишут. И если в колофоне какого-либо списка мы читаем, что список был переписан очень быстро, то это скорее следует понимать как извинение за ошибки, которые писец мог допустить, чем как саморекламу. Аналогичная помета под образцом письма означает только одно — мастер, исполнивший этот образец, сам видел допущенные в нем огрехи.

Необходимо заметить, что каллиграфы и переписчики, работавшие в составе придворной мастерской по производству художественно оформленных рукописей (*китабхане*), выполняли определенную норму переписки числа строк или бейтов в день. Во всяком случае, такой порядок мы наблюдаем в XV в. при Тимуридах и при династии Ак-Койунлу. Очевидно, нечто подобное сохранялось и при Сефевидах (1502—1736). Захир ад-Дин Бабур (1483—1530) в своих «Записках» сообщает, что Султан-Али Машхади ежедневно переписывал для Султан-Хусайна Байкары тридцать бейтов, а для Алишера Навои — двадцать. Вполне вероятно, что такая практика имела давнюю традицию, поскольку Будаг Казвини замечает в рассказе о знаменитом арабском каллиграфе Йа'куте Муст'асими (ум. в 696/1298 г.), что он «каждый день писал. . . сто арабских бейтов для халифа и семьдесят для везиров» [Будаг Казвини, л. 107б].

До наших дней дожил очень интересный документ, хранящийся ныне в Стамбуле в библиотеке Архива вакуфных актов. Этот документ, написанный Шайх-Махмудом Харави (ум. после 894/1488-89 г.) на имя главы династии (видимо, Йа'куба Ак-Койунлу), указывает точную норму переписки в день, принятую в китабхане.

«Нижайший из праха возвышенных, Шайх-Махмуд, почтительно прикладываясь к высочайшему порогу, имеет честь доложить, что вышел августейший указ по поводу переписки рукописей, выполняемой рабом [государева] дворца и [его] учениками, а именно — сколько каждый может писать ежедневно? . . Ныне, поскольку по этому поводу вышел указ, коему подчиняется мир, пусть они будут писать ежедневно маснави 80 бейтов, а газелей — 50 художественным письмом. А сей, возвышенный [монаршей милостью] из праха, полностью занят перепиской и по мере возможности старается, хотя еще имеется остаток, [не выполненный] из-за слабости по болезни. Затем по воле Аллаха, как только воздух станет несколько более свежим, он (т. е. Шайх-Махмуд. — *О. А.*) перепишет то [необходимое] количество [бейтов], которое получит одобрение благостного взора» [Байани, 1966—1969, т. 3, с. 892].

Норма переписки маснави была выше потому, что обычно переписка велась в четыре колонки (реже — в шесть или две), шла она подряд и почерк был мельче. При переписке газелей, т. е. диванов, требовалось больше внимания, так как переписка шла в две колонки, почерк был крупнее, кроме того, переписчик прерывал свою работу, чтобы наметить расположение газелей на странице.

Интересно также указание на жаркую погоду. Длительная практика и опыт писцов закрепились в следующем правиле, которое мы читаем в трактате Маджнуна б. Махмуда ар-Рафики «Расм ал-хатт» («Правило письма»), составленного в 909/1503-04 г.:

Потому что, если воздух становится жарким,
От жары сохнет мягкая бумага;
Чернила густеют, расплывчатым
Становится письмо, а пальцы потеют.

[Ма'ил, 1974, с. 147].

Несколько выше норма дневной переписки, выведенная нами эмпирическим путем. Мы отобрали около ста рукописей XIV—XIX вв. различных сочинений, главным образом тех, которые более всего были популярны в средневековом Иране. Чтобы не утомлять деталями, приведем только окончательные результаты. Для сочинений стихотворных дневная выработка

колебалась от 130 до 295 бейтов в день, в основном в пределах 160—210 бейтов в день. Причем известные мастера, чьи работы оказались в нашей выборке, писали в день не более 150 бейтов. Для сочинений прозаических дневная выработка (в прямой зависимости от формата рукописи) колебалась от одного до шести листов, т. е. от 50 до 110 строк сплошного текста. Здесь также прослеживалась отмеченная выше закономерность; признанные мастера писали в день меньше своих не столь известных коллег по профессии.

Говоря об обычной дневной выработке переписчика, следует всегда иметь в виду, что в каждом конкретном случае она часто зависела от многих второстепенных причин и, конечно, от индивидуальных способностей того или иного мастера или заурядного писца. Тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что писали они достаточно быстро, аккуратно и споро. В своей работе писец (или каллиграф) практически всегда зависел от заказчика и исполнял то, что последний ему заказывал. Исключение составляли случаи, когда клиент просил исполнить для него подборку стихотворений любимых им поэтов, полагаясь на вкус исполнителя. «Мода» на подобные сборники (в зависимости от формы и размера их называли *байаз*, *джунг* или *сафине*) привилась в Иране с середины XIV в., причем такие сборники составлялись не только профессиональными писцами, но также поэтами и отдельными любителями и знатоками поэзии.

Иногда источники сообщают нам, как бы мимоходом, сведения, которые можно истолковать таким образом, что в среде мастеров наблюдалось явление, напоминающее как бы специализацию по переписке определенных сочинений. Мы не беремся утверждать, что именно так и было; скорее это объяснялось личными склонностями и симпатиями переписчика, а также его профессиональными навыками. Кроме того, любимое произведение, видимо выученное наизусть (кстати, еще одна причина описок и ошибок), переписывается быстрее и охотнее, да и работа спорится. Каталоги персидских рукописей показывают, что, например, в Ширазе в конце XV—середине XVI в. работали два превосходных мастера каллиграфии — Мун'им ад-Дин ал-Авхади и Мухаммад-и Кавам Ширази; от последнего до нас дошло около трех десятков списков различных произведений персидской литературы (от первого немногим меньше). Это — «Хамсе» Низами, «Шах-наме» Фирдоуси, «Куллийат-и Са'ди», Диван Хафиза и произведения Джами. Видимо, этот репертуар переписанных ими книг не случаен. Все эти произведения, за исключением Дивана Хафиза, большие по объему, а почерк этих мастеров — средний наста'лик, очень четкий,

компактный и ясный, как нельзя лучше подходил для переписки крупных поэтических произведений.

Именно в Ширазе усилиями целой плеяды мастеров в течение XV и XVI вв. создается особая школа в почерковом стиле наста'лик, отличная от хорасанской (центры — Герат и Мешхед) и западноиранской (центр — Тебриз), к которой ее обычно относят. Эта школа отличалась меньшей декоративностью письма, большей компактностью и округлостью его элементов, большим рационализмом и меньшей фантазией мастера. Видимо, она выработалась исходя из чисто утилитарных целей — быстрее, четче и яснее переписывать книги. Конечно, такая манера письма, безусловно, лишала представителей школы значительной доли индивидуальности (о чем и говорит цитированный выше Будаг Казвини), но зато она имела те преимущества, которые ценились потребителями: стоили такие списки дешевле при сравнительно высоких общих художественных достоинствах письма. Каллиграфия — это искусство, в котором, как и в любом другом, прежде всего должна проявляться творческая индивидуальность мастера, а в ширазской школе это самовыражение каллиграфа проявлялось меньше, чем в других школах. Возможно, поэтому в трактатах по каллиграфии мы не встречаем имен ширазских мастеров XVI в.

Переписчики были обычными людьми, со всеми своими личными и семейными радостями и горестями, болезнями и недомоганиями, успехами и неудачами. Иногда по окончании работы над очередным списком они делятся этим с читателем, добавляя от себя в колофоне различные факты и штрихи о процессе переписки данного списка, уточняя место переписки и дату (даже используя астрономические термины), или вдруг жалуются на упадок сил, тяжкое моральное состояние, слабеющее здоровье. Иногда они с гордостью отмечают высокое качество выполненной работы, причем они не имеют в виду само письмо, а говорят о правильности текста, который они переписали благодаря тому, что нашли аутентичный протограф, копию автографа и т. п. Подобная работа не всегда оговаривалась. Бывало и так, что писцы, имевшие перед собой в качестве протографа неполные, перебитые или с похожими изъянами списки, привлекали другие, руководствуясь единственно наличием в них текста, отсутствующего в его протографе. Это своего рода компилятивно-редакторская работа. Ее суть, содержание и конечный результат превосходно показал Л. Т. Гюзальян на примере одного из старейших списков «Шах-наме» Фирдоуси, который обычно датируется 675/1276-77 г. [Гюзальян, 1972, с. 77—80]. В ряде случаев они рассказывают в колофоне рукописи о своих предыдущих работах. Так, некий Мухаммад-

Риза, исполнивший по заказу Исма'ил-султана в дер. Мухаммадабад 10 ша'бана 1187/27 октября 1773 г. список «Шах-наме» Фирдоуси (Тегеран, б-ка Салтанати № 12.299), пометил, что перед этим он переписал «Хамсе» Низами, «Куллийат-и Са'ди», «Диван-и Хафиз», «Хафт авранг» Джами, «Анвар-и Сухайли» Кашифи.

Когда же к переписчику приносили дефектные списки с просьбой дописать недостающее, заполнить лакуны или завершить работу, начатую до него, то, как правило, в этих случаях он всегда скрупулезно указывал, какую часть выполнил он, а если ему было известно, кто начал переписку до него, то обязательно отмечалось имя предшественника. В качестве иллюстрации: в 935/1528-29 г., видимо, в Герате был завершен подносный экземпляр «Шах-наме» Фирдоуси с миниатюрами (Тегеран, библиотека Салтанати рук. 12.162). Спустя три столетия эта рукопись, в которой уже не хватало начала и конца, а также имелись значительные лакуны, была восстановлена писцом Али-Асгаром ал-Хамадани. Этот переписчик отметил в колофоне, что работа была выполнена по приказу мирзы Мухаммада, что часть переписл он сам, частично дописал Хаджж Али-Акбар Ширази, а «один-два листа написал другой его ученик».

Очень рано в практике персидских писцов появились обращения к читателю в колофоне, написанные стихами, сочиненными самими мастерами. Обычно они были анонимными и, кочуя из одного списка в другой, постепенно превратились в трафаретные. Эти «бродячие» стихи-трафареты появляются в колофонах в определенное время и с точки зрения определения недатированных рукописей могут оказать вкупе с другими элементами известную помощь. Несколько примеров. Запись, фиксированная в списках XIV—XVI вв.:

Написал я книгу, потратил время,
Не будет меня — памятью обо мне останется
[эта] книга.

Четверостишие, отмеченное в рукописях XV—XVII вв.:

Читатель! Не порицай меня и не хули,
Если в книге допущена будет ошибка.
Исправь ту содеянную ошибку
По великодушию своему. Аллах лучше ведает,
в чем истина.

С этим четверостишием удивительно перекликаются и вторят ему слова русского писца XVII в.: «А ще где в книге сей, грубостию моей пропись, или же небрежением писано, молю Вас: не зазрите моему окаянству, не клените, но поправьте,

писал бо не ангел божий, но человек, грешен и зело исполнен неведения» [Малышев, 1970, с. 84]. Наконец, последний пример, отмеченный в списках XV—XVIII вв.:

Устала душа, и сломалось перо.
Написано здесь худым почерком.

Как известно, в ремесленной среде дети обычно продолжали занятия своих родителей, осваивая под их руководством профессиональные навыки и секреты ремесла. Переписчики, равно как и каллиграфы, а также мастера художественного оформления рукописей и миниатюристы не составляли исключения из этого правила. К сожалению, источники (Аали Челеби, Кази Ахмад, Искандар Мунши и др.), как правило, просто ограничиваются указанием на то, что сын такого-то также был каллиграфом. И вновь в каждом случае неоценимую помощь оказывают нам колофоны рукописей, в которых записи, оставленные переписчиками, позволяют установить их родословную и приблизительные временные рамки их жизни. В этом отношении особо интересен Шираз второй половины XV—конца XVI в. Рукописи, переписанные в этом городе в указанный период и дожившие до наших дней, подтверждают достоверность и точность цитированного выше сообщения Будага Казвини. В то время в Ширазе работали три семьи потомственных переписчиков (естественно, что ими не исчерпывались мастера, работавшие в этом городе): это семья (отец, сын и внук), общими компонентами имени которой были ал-Авхади ал-Хусайни аш-Ширази; семья (отец, сын и внук), представители которой обычно в конце своего имени писали «Кавам. . . ал-катиб аш-Ширази» (переписчик из Шираза); семья (отец и три сына), основным компонентом имени представителей которой было имя Муршид. В общей сложности до нас дошло более 120 рукописей, исполненных этими семьями.

Переписчик: качество его работы, оплата за труд

В какой бы части Ирана ни работал переписчик, всякий раз, получая заказ на изготовление рукописи, он обговаривал условия контракта на выполняемую работу. Обычно оплачиваемая работа сводилась к двум видам: либо переписка выполнялась за твердо установленную плату целиком, поэтому такой подряд получил название *уджрати*, либо отдельно за каждую часть переписываемого сочинения, что называлось *мукатаʿа*.

И в том и в другом случае для недобросовестного мастера открывался широкий простор для обмана заказчика. В первом

случае писец, стремясь как можно скорее выполнить заказ, когда он получал определенную сумму за весь список, сокращал по своему усмотрению текст сочинения, содержащегося в рукописи. Во втором же, поскольку платили за количество листов (бейтов), он поступал противоположным образом: вносил в текст значительные по объему дополнения. Подобных примеров можно было бы привести великое множество, история текстологии дает нам для этого богатый материал. Особенно грешили, обманывая заказчика, знаменитые каллиграфы и известные мастера калама. Ведь не секрет, что до настоящего времени при подготовке научного издания текста какого-либо сочинения в качестве основного еще не привлекался список, переписанный признанным мастером художественного письма. Шедевры каллиграфического искусства, радуя взор знатока и ценителя красотой и четким ритмом почерка, гармонией его линий и форм, вызывают досаду у специалистов-филологов засоренностью и ненадежностью текста представленных в них сочинений. Естественно, что особенно тяжкая судьба в этом отношении выпала на долю тех сочинений, что были особенно популярны в средневековом Иране: «Шах-наме» Фирдоуси, «Маснави-йи маʿнави» («Поэма о сокрытом смысле») Джалал ад-Дина Руми, «Гулистан» и «Бустан» Муслих ад-Дина Саʿди Ширази, Диван Хафиза. Каждое из этих сочинений дошло до нас в нескольких сотнях копий. Чем чаще их переписывали, тем больше в них вкрадывалось описок, сознательных подновлений и случайных ошибок. Известно, что переписчики допускали ошибки в своей работе.

Думается, что все «исправления», искажения и огрехи, которые мы встречаем в рукописных текстах, можно было бы свести к двум группам. Первая — ошибки и описки, совершенные в известной мере случайно: по недосмотру, по небрежности или непониманию текста, при переписке под диктовку или на слух и т. п. Особенно характерны последние описки, так как они касаются в основном слов арабского происхождения и написания определенного артикля *ал* перед так называемыми «солнечными» буквами, поскольку орфография не отражала произношения. К другой группе относятся «исправления», внесенные в текст сознательно, они по сути своей носят уже редакционный характер (мы не касаемся в данном случае преднамеренных идеологических подновлений). Действительно, как бы ни был переписчик добросовестен и аккуратен, грамотен и образован, он, копируя сочинение, написанное за сто, двести, а то и более лет до него, не мог чисто психологически не вносить в его текст отдельных изменений. В определенной степени этого от него требовали как оценочные категории и

критерии его эпохи и окружающей среды, которыми он руководствовался в своей повседневной духовной жизни, так и родной язык. Осовременивая тем самым язык памятника, упрощая синтаксис и обороты, вводя пояснительные бейты к тексту, переписчик отнюдь не считал, что он искажает авторский текст, а следовательно, и замысел, наоборот, он полагал, что приближает его к своим современникам, облегчая им его восприятие [Смирнова, 1970, с. 160—161]. Следует сказать, что подобной практике способствовала и сама персидская классическая литература, в которой разница между прошлым и настоящим стиралась благодаря широко используемым методам заимствования, подражания и ответа-*назира*.

Неудивительно, что недоброкачественные списки, вышедшие из-под калама нерадивого писца, вызывали нарекания заказчиков и недовольство авторов. Весьма колоритный рассказ приводит Алишер Навои (1441—1501) в «Маджалис ан-нафа'ис» («Рассказы об утонченных») о случае с известным гератским мастером оформления рукописей Абд ас-Самадом Машхади, который подвизался время от времени на поприще переписки. Однажды Алишер Навои поручил ему переписать Диван Абд ар-Рахмана Джами. Когда каллиграф закончил свою работу, Навои передал список автору, с тем чтобы тот проверил текст. Спустя несколько дней Джами сказал Навои: «Писец так переписал книгу, что, похоже, он обязался написать ни единой строки без ошибки». В свою очередь, Навои попросил Джами собственноручно выправить копию. Джами выразил согласие и, внеся необходимые исправления, написал поверх списка своей рукой следующее кит'а:

Каллиграф, как ланиты красавиц,
украсил слова мои прекрасным почерком.
Но вот [беда]: повсюду в них из-за ошибок переписки
то что-либо добавлено, то [чего-то] недостает.
Внес я в них исправления своей рукой,
хотя не получилось так, как мне бы хотелось.
Я выправил все, что он сотворил
с моими стихами своим письмом.

[Байани, 1966—1969,
т. 2, с. 402].

Примеры, подобные приведенному выше, нехарактерны в целом для персидской рукописной книжности. Они скорее являются исключением, уже хотя бы потому, что единичны и редки. Конечно, книги, переписанные от руки, не могли не содержать описок и ошибок. Их переписывал человек, а не тиражировала наборная машина. Но это обстоятельство отнюдь

не означает, что вся персидская словесность, дошедшая до нас в рукописном виде, оказалась очень далекой по своему содержанию от авторских оригиналов, искаженная многократным копированием. Горькая шутка, ставшая затем крылатым выражением, что персидское сочинение, трижды переписанное, становится арабским, была сказана по поводу тех произведений, которые были особенно популярны, имели широкое хождение и распространялись в сотнях и сотнях списков. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что их текст был засорен позднейшими вставками, пояснениями, «исправлениями». Но подобных сочинений было очень немного. Всеобщее признание и популярность оказались весьма тяжким бременем для текста этих произведений, первое место среди которых, несомненно, занимает «Шах-наме» Фирдоуси. Трудно не согласиться с Лутф-Али-беком Исфахани (1772—1781), мимоходом заметившим по поводу этого памятника в антологии «Аташкаде» («Капище огня»): «В настоящее время нельзя сказать, сохранилась ли в этой книге хотя бы одна [подлинная] строка Фирдоуси» [Бертельс, 1960, с. 181].

Разумеется, огрехи и погрешности, которые допускали в своей работе персидские переписчики и каллиграфы, не являются характерными и специфическими лишь для Ирана. Схожие и абсолютно идентичные явления мы наблюдаем в практике всех народов, прошедших этап рукописной книжности, будь то в Европе, России, Византии или Индии. Любопытный штрих: можно встретить различную по степени и силе критику в адрес нерадивого писца, исказившего текст сочинения, а с ним и мысль автора, но до сих пор нам не приходилось сталкиваться с похвалой в адрес переписчика, выполнившего свою работу грамотно, четко и в полном соответствии с оригиналом. Последнее считалось само собою разумеющимся и, безусловно, обычным явлением. Бóльшая часть переписчиков не только сверяла переписанный текст с протографом, что являлось одной из основных их обязанностей и практически никогда специально не оговаривалось в колофоне, но, если в процессе копирования у них под рукой оказывался более надежный текст (автограф, авторская копия или копия с автографа), они, как правило, сверяли исполненное с этим списком и почти всегда отражали этот факт в колофоне. Более того, почти всегда отмечался колофон старого протографа, особенно если он был выверен и сверен с другим списком. Примеров этому в истории персидской рукописи предостаточно. Только один пример для иллюстрации: 5 раби‘ II 936/7 декабря 1529 г. неизвестный писец завершил «Зафар-наме» («Книга победы») Шараф ад-Дина Али Йазди (ум. в 858/1454 г.), пометив в ко-

лофоне: «Скопировано с экземпляра, писанного автором мавланой Шараф ад-Дином Али Йазди» (л. 367а). Несколько десятилетий спустя этот список оказался в Индии в библиотеке крупного вельможи и государственного деятеля Мубариз ад-Дина ходжи Абу-л-Хасана (ум. в 1042/1632-33 г.). Из приписки на том же листе (367а—б) мы узнаем, что он приказал сверить настоящий список с автографом, бывшим в его распоряжении, что и было сделано в Бурхаппуре в 1022/1613-14 г. (Мешхед, библиотека Астан-и гудс, рук. № 4.254).

Иногда подобные пометы писцов приобретают исключительное значение, оказывая текстологам и историкам литературы помощь, которую трудно переоценить. Например, известно, что к числу сочинений, наиболее читаемых в Иране (а следовательно, и наиболее засоренных позднейшими «пояснениями»), относится «Маснави-йи маʿнави» Джалал ад-Дина Руми (1207—1273). Рукопись же этого сочинения, переписанная в Конье в 677/1278-79 г., т. е. спустя пять лет после смерти автора, завершается заключением (*хатиме*) переписчика, содержащим ценнейшую для историков литературы информацию. Писец Мухаммад б. Абдаллах Кунави сообщает, что в последние годы жизни Руми перечитывал и проверял свой труд в присутствии «своего потомка», т. е. сына Султан-Веледа, и «своего халифа», т. е. Хусам ад-Дина Челеби. Если мысль или идею можно было выразить двояко, то основной вариант (со слов автора) они оставляли в тексте, а другой записывали на полях. Во всех случаях, когда специфика произношения Руми отличалась от общепринятой, они специально фиксировали огласовками своеобразие языка поэта. В результате был подготовлен текст, копией с которого и является список 677 г. х., хранящийся ныне в Конье в мавзолее Руми.

Наконец, некоторые переписчики с большим стажем и опытом проделывали весьма кропотливую и сложную работу над текстом, чтобы выполнить заказ и передать читателю надежный список. Ценно то, что подобная работа над данным списком обязательно оговаривалась в колофоне.

Как мы уже отмечали выше, социальное положение переписчиков могло быть различным: они могли работать индивидуально, по найму, в частной мастерской, на государственной службе, в личной библиотеке богатого феодала и, наконец, в штате придворного ателье. С точки зрения материальной в лучшем положении находились писцы, работавшие в государственной канцелярии и при дворе, поскольку у них была твердо фиксированная заработная плата либо в день, либо в месяц, либо в год, состоявшая обычно из трех компонентов — наличные, продукты питания и одежда. Причем была широко рас-

пространена практика выплаты дополнительного вознаграждения за особо понравившуюся патрону работу.

В настоящее время мы не можем даже сколько-нибудь приближенно сказать, какую сумму получал рядовой переписчик (вне зависимости от того, работал ли он в частной мастерской или индивидуально) за выполненную им работу. Правда, известно, что в Халифате X в. переписчики относились к тем социальным группам, чей доход был весьма низким, а высказывание нишапурца Абу Хатима, занимавшегося в течение 50 лет этим ремеслом, как будто бы подтверждает сложившееся представление об их материальном положении. Он говорил: «Изготовление копий — занятие жалкое и проклятое, оно не дает ни куска хлеба для жизни, ни савана для смерти» [Мец, 1973, с. 158]. Спустя семь веков А. Олеарий, посетивший Иран в 1637—1639 гг., отметил, что благодаря высоким ценам на книги «многие персияне, особенно у кого много детей, стараются обучить их хорошему письму» [Олеарий, 1870, с. 792], т. е., иными словами, приобщить их к доходному ремеслу и профессии, которая достаточно обеспечит их.

Вполне вероятно, что с течением времени социальная значимость фигуры переписчика в обществе резко возросла и его труд получил более высокое, чем прежде, общественное звучание и признание. Рост числа грамотных людей вызывал большой спрос на книгу и ее производство, что, в свою очередь, повышало доходы переписчиков. Но в чем и как конкретно это выразилось, мы не знаем, так как доступные нам материалы чрезвычайно скудны и малочисленны, хронологически разрозненны и скорее иллюстративны.

Так, например, владелец списка «Тазкира-йи ула ал-албаб» («Памятка, лучшая из сердцевин») на л. 1а пишет, что в тот момент (XVII в.), когда он, т. е. Мухаммад-Хусайн ат-табиб, отправлялся в Мекку на поклонение святым местам, его учитель Мухаммад-Му'мин Танкабуни попросил снять для него копию или купить список этого сочинения. В связи с тем что Мухаммад-Хусайн задержался на некоторое время в Сирии, он отправил в Египет человека со специальным заданием купить эту рукопись или снять копию с нее. Заказ был выполнен, и книга приобретена за семь туманов, которые были уплачены переписчику, продавцу бумаги и переплетчику. Танкабуни на обороте того же листа написал, что несколько лет спустя он видел этот список у книгопродавца и он стоил уже 20 туманов (Исфахан, библиотека Университета рук. № 6.625).

Мухаммад-Давири б. Висал Ширази в течение пяти лет работал над «Шах-наме» Фирдоуси, причем он не только переписал поэму, но и иллюстрировал ее и изготовил художествен-

ный переплет. Рукопись предназначалась для Мухаммад-Кули-хана Кашка'и (глава племен Фарса), который дал за работу Мухаммад-Давири 700 туманов наличными, два комплекта шалей «кашмири» и две лошади [Байани, 1965—1969, т. 3, с. 713].

В среде переписчиков и каллиграфов ходило множество легенд, одна фантастичнее другой, в которых рассказывалось о громадных суммах, полученных тем или иным мастером за удачно исполненную работу. Для примера мы остановимся на одной из них.

Однажды шах Аббас I (1587—1629) прислал знаменитому персидскому каллиграфу Мир-Имаду Хасани (уб. в 1615 г.) семьдесят туманов и потребовал, чтобы каллиграф переписал для него «Шах-наме» Фирдоуси. Минул год, и шах направил нарочного за рукописью. Мир-Имад вручил тому семьдесят начальных бейтов поэмы и добавил на словах, что это соответствует полученной им сумме. Недовольный шах возвратил мастеру его работу. Тогда Мир-Имад разрезал написанное на семьдесят частей по одному бейту в каждой и предложил своим ученикам. Они отдали по туману за каждый фрагмент, и Мир-Имад вручил всю сумму сполна шахскому посланцу [Акимушкин, 1962, с. 65]. Современный иранский ученый М. Бастани-Паризи, касаясь покупательной способности тумана того периода, высчитал, что за один туман можно было купить 800 манов (т. е. 2400 кг) пшеницы в Систане [Бастани-Паризи, 1971, с. 248]. Следовательно, сумма в один туман за один бейт работы Мир-Имада просто фантастична.

Выше уже отмечалось, что более точными сведениями мы располагаем об оплате труда придворных мастеров, содержание которым устанавливалось специальным указом на их имя. Для XVI в. известны точные данные из реестра по дворцовой библиотеке османских султанов, согласно которому «дневной заработок» наиболее оплачиваемого художника составлял 24 акче, средняя сумма для менее известных мастеров — 10 акче, а самая низкая была у учеников, возможно детей, — 2,5 акче. Приблизительно в этих же размерах оплачивалась работа мастеров китабхане Исма'ила I (1502—1524) и Тахмаспа I (1524—1576). Каллиграф Шах-Касим Табризи (ум. в 948/1541-42 г.), уведенный Селимом I (1512—1520) в 1514 г. в числе тысячи тебризских ремесленников в Турцию, ежедневно получал 50 секке установленного жалованья. Другой каллиграф, Хаджж Мухаммад Табризи, ученик Шах-Махмуда Нишапури (был жив в 995/1586-87 г.), отправился в Стамбул и, работая при дворе, получал в день 40 акче вознаграждения.
 Переписчик Абд ар-Раззак Казвини (ум. между 1060—1063/

1650—1653 гг.), известный также как превосходный чтец «Шах-наме», получал в год от Аббаса I 300 туманов. Ученик Мир-Имада, ставший впоследствии придворным переписчиком при Аббасе II (1642—1666), Мухаммад-Салих Хатунабади (ум. после 1071/1660-61 г.), неоднократно, кстати, переписывавший истории правления Аббаса I, Сафи I (1629—1642) и Аббаса II, получал от своего патрона ежегодную пенсию в размере 500 туманов. А другой писец, Мухаммад-Таки б. Абд ал-Джаббар, живший в Казвине, получал от Надир-шаха Афшара ежемесячную дотацию в 20 туманов [Байани, 1966—1969, т. 1, 3, с. 289, 665, 668, 774, 969]. Для сравнения укажем на Мухаммад-Амина Хорасани, который, уехав из Мешхеда в Индию, работал в библиотеке Ханханана и за свою работу по оформлению рукописей получал от последнего в месяц 400 рупий, т. е. 12 туманов.

Нередко случалось, что даже представители элиты переписчиков — каллиграфы, получавшие установленную «заработную плату», лишались ее в силу самых различных причин. Источники, сообщающие нам так много легенд о баснословных вознаграждениях мастерам, обычно обходят молчанием случаи, когда тот или иной из них был лишен пенсии. Пожалуй, единственным исключением является эпизод с мастером Мир Сайид-Ахмадом Машхади (ум. в 986/1578-79 г.), отмеченный Кази Ахмадом. Этот каллиграф состоял в штате придворного ателье Тахмаспа I. Затем ему было дано разрешение уехать в Мешхед с непременным условием переписывать там книги для патрона. В этой связи ему был положен ежегодный оклад, который поступал в его распоряжение из хорасанских доходов казны, и *сойюргал* в Мешхеде. Так продолжалось «около десяти лет», как вдруг отношение к нему Тахмаспа резко изменилось: от него потребовали возвратить в казну все полученные деньги и лишили права на *сойюргал*. Обратившись к помощи нескольких местных купцов, Мир Сайид-Ахмад выплатил все сполна, но в результате был разорен [Кази Ахмад, 1947, с. 145].

Сохранился целый ряд документов, в которых переписчики обращаются к властям предержащим, напоминая о себе и говоря о своих финансовых и материальных трудностях, возникших в результате того, что им не выплачивали положенное. Например, каллиграф Султан-Али Ка'ини (ум. в 914/1508-09 г.) писал, обращаясь к одному из правителей династии Ак-Койунлу: «. . .ныне дом, в котором проживает сей раб, продают по частям, и нет у меня ничего, кроме надежды на то, что [выплатят] 7000 динаров, что остались невыплаченными из положенного сему рабу еще давно. Если его величество проявит

сострадание в этой связи, то [сей раб] не погибнет. Да будет воля божья» [Байани, 1966—1969, т. 1, с. 239].

Спустя почти триста лет, 4 джумада I 1297/14 апреля 1880 г., сайид Али-Риза ал-Хусайни Ширази в сходных выражениях обрисовал свое положение. В колофоне переписанного им для наместника Фарса Фархад-мирзы Каджара списка, содержавшего сочинение его деда мирзы Мухаммада Калантара «Рузнаме» («Подневные записи»), он заметил: «В соответствии с приказом Хаджж Фархад-мирзы, наместника Фарса, я, Али-Риза ал-Хусайни аш-Ширази, внук мирзы Мухаммада, прежнего калантара Фарса и автора сей книги назидания, приступил к ее переписке. И хотя я полностью лишен со своей семьей пенсионных сумм со стороны его величества и государевых пожертвований продуктами, которые были выделены моим преданным [династии] родителям, и несмотря на то, что имеются приказы султанов и распоряжения наместников [в этом отношении], нет у меня ни единого динара из утвержденных [нам] сумм. . .» [Байани, 1966—1969, т. 2, с. 462]. Содержание этой приписки показывает, что традиция выплаты мастерам рукописной книги положенных им пенсий наличными и натурой (продукты, одежда) сохранялась весьма долго и была устойчивой. Из истории персидской литературы также известно, что подобная же практика распространялась на поэтов и писателей.

Стоимость рукописной книги, книжная торговля

Обращаясь к вопросу о стоимости рукописной книги, теснейшим образом связанному с вопросом об оплате труда переписчика, следует иметь в виду, что на ее цену помимо материала (бумага, тушь, чернила, краски, кожа и картон для переплета), использованного при ее изготовлении, и труда мастера, потраченного на нее, значительное влияние оказывали рыночный спрос и конъюнктура. Отчужденная книга превращалась в товар, предмет купли-продажи, цены на который в различных провинциях региона и в разное время были далеко не одинаковы. Пример с «Тазкира-йи ула ал-албаб» (см. выше), когда список, выполненный за 7 туманов в Египте, спустя несколько лет идет в Иране по цене 20 туманов, весьма показателен.

Помимо источников, которые сообщают нам только о стоимости книг, переписанных известными мастерами, мы располагаем значительным подбором помет, оставленных книжными маклерами или коллекционерами на форзацных листах рукописей. Записей этих много, но, к сожалению, они весьма разрозненны и разбросаны по времени и потому плохо под-

даются систематизации. Тем не менее они позволяют нам составить пусть не полное, но определенное представление о цене рукописи, как богато оформленной, заказной, так и более скромной, рассчитанной на менее состоятельного покупателя.

Будаг Казвини приводит весьма любопытные данные о стоимости как рукописей, так и отдельных образцов письма (кит'а), выполненных известными каллиграфами. Пожалуй, он является единственным персидским автором нарративного источника (завершен в 984/1576 г.), в котором отмечается стоимость той или иной рукописи при жизни ее создателя. Причем, что очень важно, он переводит ее на цены своего времени. Ниже следуют данные этого автора. Тысяча бейтов работы каллиграфа Мухаммад-Хусайна Бахарзи (ум. после 976/1568-69 г.) шла в Казвине, т. е. в столице государства, по 5 тыс. динаров [25]. Следовательно, полная «Хамсе» Низами, переписанная им, стоила бы 18 туманов (из расчета 10 тыс. динаров в тумане и 36 тыс. бейтов в «Хамсе»). Каждое кит'а работы Мир Сайид-Ахмада «покупают по пять шахи, и [это] установленное правило» [26]. «Письмо этих двух Султан-Мухаммадов (т. е. Нура и Хандана. — *О. А.*) почитают чрезвычайно. Тысячу бейтов [работы] любого из них, которую кто-либо выставит на продажу, тут же покупают по три тумана, так что каждый бейт идет по 30 динаров. А если это будет кит'а, то каждое [покупают] по цене 1000 динаров». «Каждый из них (т. е. Султан-Али Машхади и Мир-Али Харави. — *О. А.*) имеет в художественном письме [высокий] авторитет, и [ныне] их кит'а покупают по две-три тысячи [динаров], будь то богач или нищий. В ту пору, когда они оба были живы, за [их] кит'а давали [лишь] одно-два бисти (?), что равно половине шахи. В Бухаре кит'а муллы Мир-Али покупали за

---

[25] В. Хинц в статье, в которой он исследует стоимость тумана в Иране, построил свои расчеты исходя из того, что венецианские *дукат* и *цехин*, а также флорентийский *флорин*, имевшие широкое хождение на Среднем Востоке в XIII—XVIII вв., никогда не изменяли своего золотого паритета и были равны десяти золотым германским маркам 1913 г. каждый или половине английского фунта стерлингов того же времени — по цене 2,81 марки за грамм чистого золота. Один туман был равен 10 тыс. динаров, или 200 шахи (по 50 динаров в каждом шахи). Между 1550—1576 гг. туман был равен 133 золотым маркам [Hinz, 1969, с. 90—95]. Следовательно, тысяча бейтов работы этого мастера стоила 66,5 золотой марки (ЗМ), или 23,65 грамма золота. Признавая всю относительность подобных расчетов, следует сказать, что цена за тысячу бейтов была просто громадной (конечно, исходя из цены на золото в наше время).

[26] В тумане 200 шахи. В 1576 г., согласно В. Хинцу, туман был равен 133 золотым маркам, отсюда каждое кит'а Мир Сайид-Ахмада стоило 3,32 ЗМ из расчета — 133 : 40. В ходе дальнейшего изложения мы не будем производить пересчетов и отсылаем заинтересованных к указанной работе В. Хинца.

одно хани, что ныне [идет] за два шахи»[27] [Будаг Казвини, л. 109б—110б]. Последние слова Будага Казвини подтверждаются данными другого источника, написанного в Багдаде в 995/1586-87 г. турецким автором Аали Челеби. Последний сообщает: «В наше время составители альбомов кит'а и образцов письма приобретают одно кит'а Мира за 5000—6000, а *дубайт* (т. е. четыре стихотворные строки. — *О. А.*) Султана-Али не более чем за 400—500 османских акче. . . Я не знаю, сложилось ли такое положение в результате явного предпочтения и спроса знатоков на произведения Мира или же из-за редкости [появления на рынке] его письма» [Байани, 1966—1969, т. 2, с. 508]. Это свидетельство турецкого современника персидского автора, с нашей точки зрения, не противоречит истине. Дело в том, что Султан-Али за свою долгую (более восьмидесяти лет) жизнь создал очень много художественно переписанных книг, которые, к сожалению, не все одинаково высокого качества. Известен специальный указ, написанный на его имя по распоряжению Тимурида Султан-Хусайна Байкары (ум. в 1506 г.), в котором обращалось внимание каллиграфа на допускаемые им в поспешности огрехи и ошибки [Семенов, 1946, с. 163—165]. Считается, что лучшее из созданного им приходится на тридцатилетний период его жизни — от тридцати до шестидесяти лет. Мир-Али ал-Хусайни ал-Харави прожил меньше (около семидесяти лет), кроме того, он в основном занимался перепиской книг (*китабат*) и реже обращался к созданию образцов письма (кит'а), которые писались крупным почерком (*джали*). Наконец, в Иране, Турции и Индии ценители и знатоки каллиграфии в своей массе отдавали предпочтение произведениям этого мастера, о чем свидетельствуют многочисленные исторические анекдоты, донесенные до нас источниками различных жанров. Заметим также, что, когда покупалась рукопись, содержащая стихотворный текст (*диван*, *маснави*), в этом случае платили из расчета за каждую тысячу бейтов (не считая, естественно, оформления, миниатюр и переплета, что оценивалось особо). Если же покупатель приобретал образец художественного письма (кит'а), то помимо рыночной цены на произведения любого мастера каллиграфии еще добавлялась определенная стоимость полустишия (*мисра'*), а также надбавка за оформление.

Около 984/1576 г. списки Корана работы известного мастера, специализировавшегося в почерковых стилях насх и сулс,

---

[27] Любопытное замечание нашего автора. Мастер прожил в Бухаре с 1529 по 1544 г. Следовательно, бухарское хани того периода шло в 1576 г. в Иране за два шахи, т. е. за 100 динаров.

муллы Шайх-Мухаммада Сабзавари (работал в составе китабхане Султан-Ибрахим-мирзы, погибшего в 984/1575 г.) покупались по три или четыре тумана [Будаг Казвини, л. 112б]. А Адам Олеарий сообщает нам, что «Алкоран. . . писаный стоит 15—20 и более рейхсталеров» [Олеарий, 1870, с. 792]. Поскольку он сам замечает: «60 туманов, или 460 рейхсталеров», то не составляет труда вычислить, что во время пребывания Олеария в Иране в 1637—1639 гг. в Исфахане Коран стоил от двух туманов и выше. Последнее согласуется с только что приведенным сообщением Будага Казвини. Тот же А. Олеарий пишет: «Но между всеми этими писателями превосходнейшим и добросовестнейшим считается Мирхонд, написавший изящным языком Персидскую летопись во множестве томов, которые стоят 200 и более рейхсталеров» [Олеарий, 1870, с. 815—816]. Тогда, если исходить из того же расчета, сочинение Мирхонда (имеется в виду «Раузат ас-сафа»), обычно представленное двумя списками большого формата, стоило 26 туманов и более, что, следует признать, составляло весьма значительную сумму. Правда, вполне возможно, что Олеарий имеет в виду превосходные, богато орнаментированные миниатюрами списки, которые действительно были очень дороги и доступны немногим, а не скромные, рассчитанные на менее состоятельного читателя списки. В том, что это было именно так, нас убеждает просто оформленный, но четко и аккуратно переписанный список третьего тома «Раузат ас-сафа» (рук. ИВ АН С 406 I), законченный 28 сафара 1018/2 июня 1609 г. неким Абу-л-Хасаном б. Мухаммад-Кули ал-Кумра. На л. 1а имеется приписка, из которой мы узнаем, что в сафаре 1079/июле—августе 1668 г. некий Мухаммад-Таки, «известный как Табризец», купил его «куплей законной за 7000 динаров у Хаджжи-*китабфуруша* (книготорговца. — *О. А.*) в присутствии [свидетеля] Баба Шарифа». Последний пример: Махмуд-мирза Каджар в своей антологии современных ему персидских поэтов «Сафинат ал-Махмуд» («Ковчег Махмуда»), составленной в 1240/1824-25 г., пишет, что, когда список антологии «Аташкаде», выполненный в Ширазе Мухаммад-Шафи' Висалем (1783—1846) почерком шикасте-йи наста'лик, поступил в Тегеран, все знатоки «хором сошлись во мнении, что цена ему 1000 табризских туманов». После долгого обсуждения «за книгу положили 700 туманов» (Будапешт, Восточный отдел библиотеки ВАН, рук. Pers. F. 14, л. 91б). Конечно, на стоимость рукописных книг, которые свободно циркулировали на рынке, известное воздействие оказывали самые различные факторы. Это и редкость сочинения, и возраст списка, и сохранность рукописи, и имя писца, и наличие помет «мужей пера и меча» — словом, то, отчего и ныне замирает

сердце библиофила и знатока. В частности, на стоимость богословских и богослужебных книг (в сторону увеличения их цен) воздействовала практика *иджаза*, при которой признанные авторитеты в этой области ставили на рукописях помету, подтверждающую их соответствие оригиналу и разрешавшую ими пользоваться. Рукопись при этом повышалась в цене, и это была одна из статей дохода как для того факиха, что дал разрешение, так и для книжных маклеров.

Материалы, доступные нам, со всей очевидностью убеждают в том, что рукописная книга в Иране в XIV—XVIII вв. была дорогой и доступной из-за своей высокой стоимости далеко не всем представителям городской интеллигенции (мы не говорим о сельской округе, где число грамотных было просто ничтожным). В этой связи утверждения такого рода, что простые писцы, профессионально занимавшиеся перепиской книг, производили их по ценам, доступным среднему ученому, в результате чего последние могли составить себе собственные библиотеки [Inayatullah, 1938, с. 157], представляются нам весьма далекими от истинного положения вещей. В данном случае дело не столько в том, что не была принята во внимание высокая стоимость рукописной книги, в значительной степени обусловленная относительно медленными темпами переписки, сколько в том, что представители городского «бюргерства» не только заказывали и покупали книги, но и сами часто переписывали их для своих нужд. Вероятно, этим обстоятельством можно до известной степени объяснить тот факт, что определенная часть рукописей, дошедших до наших дней и не имеющих сигнатуры лиц, их переписавших, была скопирована именно этой категорией грамотных людей для своих занятий.

Книжная торговля была достаточно разветвленной и широкой на всем обширном ареале мусульманского Востока — от Каира до Кашгара и от Бухары до Адена, включая, естественно, и Иран. Каждый горожанин знал не только местожительство каллиграфа или переписчика, но и местонахождение книжной лавки (или лавок), куда он мог в случае необходимости обратиться за понадобившейся ему книгой. Это были типично средневековые книжные лавки, где их владельцы и держатели изготовляли копии различных сочинений по заказу желающих. Там же проводилась купля-продажа книг, выставлялся книжный антиквариат. Наконец, такая «лавка древностей» обычно становилась своеобразным клубом, местом, где собирались поэты и писатели, преподаватели и студенты и просто образованные и грамотные люди. Подобный тип книжного заведения сложился еще в первые века ислама, он был отмечен
 арабским историком ал-Йа'куби (вторая половина IX в.)

для Багдада его дней [Abbott, 1941, с. 72—73] и сохранил свою специфику почти без изменений вплоть до XIX в., превратившись в обычную лавку книжного антиквариата, где покупали рукописи самого разного содержания и вида. Обычно дефектные списки восстанавливались (заполнялись лакуны, заново писались утраченные начало и конец и т. п.), реставрировались, одевались в новый переплет и выставлялись на продажу. Например, значительное число рукописей, поступивших в собрание ИВ АН СССР в составе коллекции В. А. Иванова (1915 г.), прошло через руки бухарских книжных маклеров конца XIX—начала XX в., хотя в свое время эти списки были созданы далеко от Бухары, в различных странах Переднего и Среднего Востока, а также в Индии.

К сожалению, источники (уже в который раз) специально не освещают этих вопросов. Они говорят о книжной торговле чрезвычайно скупо и как бы мимоходом. Это понятно, так как книжная торговля была обычным, будничным явлением. Если же они и приводят кое-какие скудные данные, то лишь в связи с творчеством того или иного выдающегося мастера калама. Поэтому о функционировании книжных лавок в разных городах региона, о многих сторонах их деятельности, о бытовавших ценах на книги, наконец, о стоимости персидских рукописей за пределами Ирана мы узнаем из помет и записей книжных торговцев, а также покупателей на форзацных листах рукописей. Эти записи никто не систематизировал и не сводил в корпус. Однако они, расположенные по странам в хронологическом порядке, могут дать исключительно ценный материал в руки историков, экономистов и социологов. Ценны они и для нумизматов, поскольку в пометах нередко отмечается соотношение, например, рупии и таньга, таньга и динара, тумана и тилла, рупии и тумана и т. п. Несколько примеров о торговле рукописями и их вывозе за пределы Ирана. Так, Кази Ахмад сообщает нам, что кораны работы его современников двух известных мастеров из Тебриза, Али-Риза и мирзы Хасан-бека, специально покупаются купцами для того, чтобы продать их по высокой цене за рубежом [Кази Ахмад, 1947, с. 88]. Он отмечает, что большинство работ мастера мир Муʿизз ад-Дина Каши (ум. в 995/1586-87 г.), писавшего почерковым стилем настаʿлик, было скуплено купцами и продано в Индии (с. 168). Известный хронист Аббаса I (1587—1629) Искандар Мунши горестно замечает по поводу судьбы произведений каллиграфа Баба-шаха Исфахани (ум. в 996/1587-88 г.): «Переписанных им книг было много у жителей Ирака [Персидского]. Однако ныне они попадаются редко, ибо большую их часть, увезя во все стороны и края, продали по самой

высокой цене» [Акимушкин, 1965, с. 27]. Приведенные факты подтверждаются интереснейшим сообщением мирзы Мухаммад-Тахира Насрабади (ум. ок. 1100/1689 г.), опирающимся на сведения поэта Гурури, о знаменитом художнике Садик-беке Афшаре (1533—1610): «Спустя мгновение он (Садик-бек.— *О. А.*) возвратился с пятью туманами, завернутыми в какой-то платок, и с десятью листами бумаги, на которых он лично сделал рисунки тушью. Дал [их] мне и сказал: „Купцы за каждый лист с моим рисунком платят три тумана, чтобы увезти в Хиндустан. Смотри, не продай дешевле“» [Тазкира, 1937, с. 39—40].

Несколько слов о формате рукописных книг

Весьма трудно говорить об определенных стандартах, которыми бы руководствовались мастера «книжного рукоделия», устанавливая тот или иной формат для каждого данного списка. Тем не менее можно сказать, что обычно формат рукописи колебался между 20×12 и 30×20 см. Это, разумеется, не означало, что, как показывает практика, не производилось рукописей больших или меньших размеров, но отмеченные форматы преобладали. Особой формой списка отличались поэтические альбомы и сборники, которые в зависимости от содержания и назначения назывались *джунг*, *байаз* или *маджму'а* .Они, как правило, имели узкую продолговатую форму, и их удобно было помещать в карманы во время переездов, путешествий и т. п. Значительную роль играли при этом также и вкусы заказчиков и авторов; последние в ряде случаев сами определяли переписчикам форму требуемого списка, исходя из назначения и условий использования их произведения. Источники ничего не сообщают нам об обычных форматах рукописи, которые были наиболее удобны для чтения и хранения, широко распространены и популярны в читающей среде. То, что отмечено выше, основывается исключительно на нашем личном опыте работы над рукописями. Вместе с тем нельзя сказать, что они обходят молчанием этот вопрос, но их авторов, как во многих других случаях, о которых мы говорили выше, привлекали прежде всего редкость и необычность явления, т. е. то, что выходило за рамки привычного и ординарного. В данном контексте это были либо очень большие рукописи, либо очень малые. Так, Кази Ахмад, посвятив краткую новеллу мастеру «шестерки» Омару Акта' (т. е. Однорукому), замечает: когда этот каллиграф переписал Коран столь мелким письмом, что он мог уместиться под гнездом перстня, Тимур (1336—1405), которому он преподнес эту книгу, отказался ее принять и неодобрительно отозвался о подобной работе. Но когда Омар Акта' переписал

Коран, в котором каждая строка была длиной в один зар' (т. е. 49, 875 см) [28], и в результате получился громадный по размерам список, завоеватель похвалил мастера за такую работу [Кази Ахмад, 1947, с. 115]. Тот же автор сообщает, что мирза Ибрахим-Султан б. Шахрух (ум. в 838/1435 г.) написал почерком сулс Коран «размером два зара длины и полтора зара ширины» (с. 77—78) и подарил его мазару Баба Лутфаллаха Имад ад-Дина. Ныне этот список хранится в Ширазе в Музее Парс. В Мешхеде в библиотеке Астан-и гудс имеется семь листов еще более громадного Корана, переписанного почерком мухаккак его братом мирзой Байсункуром (ум. в 837/1434 г.). Его размеры — 177×101 см. Эти рукописи-монстры, безусловно, производили впечатление на всех, кто их видел, своими необычно большими размерами, а авторы спешили поведать о них читателям еще и потому, что переписка Корана всегда считалась делом богоугодным, и мы знаем, что многие из власть имущих в средневековом Иране переписывали его и рассылали в библиотеки мусульманских святынь. Источники не сообщают нам о случаях, когда изготовлялись рукописи светского содержания подобного же формата. Видимо, в этом не было особой нужды, так как такие рукописи создавали массу неудобств при пользовании ими: их было трудно читать и транспортировать. Но они обладали одним преимуществом: в них можно было поместить много произведений, как показывает пример единственного известного пока списка такого рода — сборника «Гулшан» («Цветник») из собрания ИВ АН СССР (шифр Е 12).

В заключение хотелось бы отметить, что, будучи ограничены рамками настоящего очерка, мы, естественно, затронули только некоторые аспекты проблемы о роли и значении рукописной книги в культурной жизни Ирана и частично сопредельных стран в средние века. Мы попытались, используя доступный нам в настоящее время материал, который редко удовлетворял нас своей полнотой, рассмотреть вопросы, связанные с проблемами создания рукописной книги (переписка, тематика и репертуар, почерковые стили и их развитие и модификации) и ее распространения (стоимость книги, книжная торговля), а также роль, которую при этом играл переписчик — создатель рукописной книжности. При этом мы сознательно не касались роскошных лицевых, т. е. подносных, экземпляров, художественно переписанных, превосходно оформленных, украшенных великолепными миниатюрами и одетых в тончайшей работы переплеты. Это были произведения искусства, вошедшие

---

[28] Нами приняты размеры зар'-и шар'и, т. е. «канонического арабского локтя» [Хинц, 1970, с. 64].

в золотой фонд мировой культуры. Но их было немного, они практически не отражали и не определяли той массы рукописей, которая была произведена почти за одиннадцать столетий и которая представлена простыми, скромными и неукрашенными списками. Именно такие рукописи представляют наибольший интерес в аспекте истории культуры.

Акимушкин, 1962. — Акимушкин О. Ф. Мир Имад. — Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии. М., 1962.

Акимушкин, 1965. — Акимушкин О. Ф. Искандер Мунши о каллиграфах времени шаха Тахмаспа. — КСИНА. № 39, 1965.

Акимушкин, 1977. — Акимушкин О. Ф. Фрагменты документов с Восточного Памира. — ППВ-72. 1977.

Акимушкин — Иванов, 1968. — Акимушкин О. Ф., Иванов А. А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. — НАА. 1968, № 1.

Аринпур, 1972. — Аринпур Й. Аз Саба та Нима (Тарих-и 150 сал-и адаби-и Иран). Чап-и дуввум. Т. 1. Тихран, 1972.

Байани, 1958. — Байани М. Джузв-и сийум аз Куран-и маджид. — «Накш ва нигар». Тихран, 1958, т. 2, № 5.

Байани, 1966—1969. — Байани М. Ахвал ва асар-и хушнависан. Наста'лигнависан. Т. 1—3. Тихран, 1966—1967—1969.

Бастани-Паризи, 1971. — Бастани-Паризи М. Шаҳ-наме, Ахи-раш хушаст. — Най-йи хафтбанд. Тихран, 1971.

Беленицкий и др., 1973. — Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бертельс, 1960. — Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. Избранные труды. М., 1960.

Беруни, 1963. — Беруни Абу Рейхан. Индия. Избранные произведения. Т. 2. Таш., 1963.

Болдырев, 1957. — Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи — таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад. 1957.

Будаг Казвини. — Будаг Казвини. Джавахир ал-ахбар. Рук. ГПБ Dorn 288.

Гулистан-и хунар, 1973. — Гулистан-и хунар. Талиф-и Кази мир Ахмад-и мунши-йи Куми. Ба тасхих ва ихтимам-и Ахмад Сухайли Хансари. Тихран, 1973.

Гуревич, 1972. — Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гюзальян, 1972. — Гюзальян Л. Т. Исправления в тексте древнейшей рукописи «Шахнамэ». — «Историко-филологический журнал». 1972, 2 (57).

Даниш-Пажух, 1970—1971. — Даниш-Пажух М. Т. Дабири ва нависандаги. — «Хунар ва мардум». Тихран, 1970, № 101—103; 1971, № 106—109.

Ибн Надим, 1967. — Китаб ал-Фихрист. Талиф-и Мухаммад б. Исхак ан-Надим. Тарджама-йи М. Риза Таджаддуд. Чап-и дуввум. Тихран, 1967.

История, 1970. — История персидской и таджикской литературы. Под ред. Я. Рипки. Пер. с чешск. Ред. и автор предисл. И. С. Брагинский. М., 1970.

Истрин, 1965. — Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.
Кази Ахмад, 1947. — Кази Ахмад. Трактат о каллиграфах и художниках. 1596-97/1005. Введ., пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1947.
Казиев, 1966. — Казиев А. Ю. Художественно-технические материалы и терминология средневековой книжной живописи, каллиграфии и переплетного искусства. Баку, 1966.
Костыгова, 1957. — Костыгова Г. И. Трактат по каллиграфии Султан Али Мешхеди. — Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957, т. 2 (5).
КЛЭ, 1966. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1966.
Кушев, 1980. — Кушев В. В. Афганская рукописная книга. М., 1980.
Ма'ил, 1974. — Ма'ил Харави. Лугат ва истилахат-и фанн-и китабсази. Тихран, 1974.
Малышев, 1970. — Малышев В. И. Искатель старинных рукописей. — «Звезда». Л., 1970, № 10.
Матини, 1967. — Матини Джалал. Расм ал-хатт-и фарси дар гарн-и панджум-и хиджри. — «Маджалла-йи данишкада-йи адабийат-и Машхад». Мешхед, 1967, т. 3, № 2—3.
Мец, 1973. — Мец А. Мусульманский Ренессанс. 2-е изд. М., 1973.
Минуви, 1956. — Минуви М. Аз хаза'ин-и туркийе. — «Маджалла-йи данишкада-йи адабийат-и Тихран». Тихран, 1956, т. 4, № 2.
Монзави, 1969—1976. — Монзави А. Фихрист-и нусхаха-йи хатти-йи фарси. Тихран, 1969—1976, т. 1—6.
Монзави, 1971. — Монзави А. Намудар-и нусхаха-йи хатти-йи фарси. — «Рахнама-йи китаб». XIV. № 4—6. 1350 [1971].
Нава'и, 1971. — Нава'и А. Шах Тахмасб Сафави. Маджму'а-ий аснад ва мукатабат-и тарихи. Тихран, 1971.
Олеарий, 1870. — Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием. Пер. с нем. П. Барсов. М., 1870.
Розов, 1971. — Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Л., 1971.
Семенов, 1946. — Семенов А. А. Гератская художественная рукопись и ее творцы. — Алишер Навои. М.—Л., 1946.
Семенов, 1951. — Семенов А. А. Рецепты оформления старинных восточных рукописей. — Труды ИИЯЛ ТаджФАН СССР. 1951, т. 29.
Смирнова, 1970. — Смирнова О. И. Некоторые вопросы критики текста. — ППВ-1968. 1970.
Стори, 1972. — Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. М., 1972.
Тазкира, 1937. — Тазкира-йи Насрабади. Та'лиф-и мирза Мухаммад-Тахир Насрабади Исфахани. Тихран, 1937.
Тарих-и Хабиб, 1954. — Тарих-и Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад башар. Та'лиф-и Гийас ад-Дин Хондамир. Т. 3. Тихран, 1954.
Фаза'или, 1971. — Фаза'или Хабибаллах. Атлас-и хатт. Исфахан, 1971.
Фрай, 1972. — Фрай Р. Н. Наследие Ирана. М., 1972.
Хинц, 1970. — Хинц В. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему*Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.
Чурас, 1976. — Чурас Шах-Махмуд б. мирза Фазил. Хроника. Крит. текст, пер., коммент., иссл. и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

Щеглова, 1979. — Щеглова О. П. Иранская литографированная книга (Из истории книжного дела в Иране в XIX—первом десятилетии XX века). М., 1979.
Abbott, 1941. — Abbott N. Arabic Paleography. — Ars Islamica. Ann-Arbor, 1941, vol. 8.
Calligraphers, 1959. — Calligraphers and Painters. A Treatise by Qāḍī Aḥmad, Son of Mīr-Munshī (Circa A. H. 1015/A. D. 1606). Transl. from the Persian by V. Minorsky. Washington, 1959.
Hidayat. — Hidayat al-Muta'allimin fi-t-tibb. By Abu Bakr Rabi' b. Ahmad al-Akhawaini al-Bukhari. Ed. by Jalal Matini. Mashhad, 1969.
Hinz, 1969. — Hinz W. The Value of the Toman in the Middle Ages. — Vād-nāme-ye Irānī-ye Minorsky. Tehran, 1969.
Inayatullah, 1938. — Inayatullah Sh. Bibliophilism in mediaeval Islam. — Islamic Culture. 1938, vol. 12, № 2.
Guillou, 1974. — Guillou A. Production and Profite in the Byzantine Province of Italy (X-th and XI-th centuries): an expending Society. — Dumbarton Oaks Papers. 1974, t. 28.
Lazard, 1963. — Lazard G. Le langue des plus anciens monuments de la prose persane, P., 1963.
Rawandi, 1921. — The Ráhat-uṣ-Ṣudur wa Ayat-us-Surūr by Muhammad ibn Alī al-Ráwandī ed. by Mūh. Iqbal. L., 1921.
Ritter, 1953. — Ritter H. Autographes in Turkish Libraries. — «Oriens». 1953, vol. 6, pt. 1.
Sirat, 1976. — Sirat G. Ecriture et civilisations. [P.], 1976.
Soucek, 1979. — Soucek P. P. The Arts of Calligraphy. — The Arts of the Book in Central Asia. 14th—16th Centuries. L., 1979.
Sourdel-Thomine, 1966. — Sourdel-Thomine J. Les origines de l'ecriture arabe à propos d'une hypothèse récente. — Revue des Etudes Islamiques. 1966, vol. 34.
Stern, 1964. — Stern S. M. Fatimid Decrees: original documents from Fatimid Chancery. L., 1964.

Л. В. Дмитриева

ТЮРКОЯЗЫЧНАЯ АРАБОПИСЬМЕННАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА ПО ЕЕ АРЕАЛАМ

Телом и словом письмо облекает безгласные мысли, говорящий листок их относит векам.

В. Шекспир

Есть, на наш взгляд, очень четкая и полная характеристика рукописной книги любого народа, а именно: это «. . . произведение. . . литературно-художественного, общественно-политического или практического содержания; средство распространения и сохранения идей, образов и знаний; орудие идеологической и политической борьбы, научного исследования и развития культуры; один из важнейших факторов человеческого прогресса» [КЛЭ, 1966, с. 609]. Из этого определения следует, что рукописная книга является результатом культурной деятельности общества — памятником культуры народа, а с другой стороны, она служит одним из важнейших источников развития этой деятельности, следовательно — источником развития и изучения культуры народа.

Тюркоязычная рукописная книга — очень сложное и специфическое явление: она получила свое выражение исторически в нескольких видах письменности, из которых арабская просуществовала у тюрок дольше других — последние десять (XI— начало XX) веков. Старейшие тюркоязычные арабописьменные сочинения относятся к XI в. [этико-дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Наука о том, как сделаться счастливым») Йусуфа Баласагунского [1], составленная в 462/1069-70 г.], а старейшие их списки — к XIII в. [рукопись «Диван-и лугат ат-турк» («Словаря тюркских языков») Махмуда Кашгарского,

[1] Названия сочинений, имена авторов и других лиц, восточные термины приводим в упрощенной транскрипции, так как передача их в транскрипции, разработанной для каталогов рукописей, довольно далека от произношения и принятого написания таких названий, имен и терминов в соответствующих тюркских языках.

написанного в 466/1073-74 г., датирована 27 шавваля 664/1 августа 1266 г.]. Позднейшие сочинения и списки были созданы в начале XX в.: в Институте востоковедения АН СССР есть рукопись татарско-башкирского «Шаджаре» («Родословия») некоего Исмаила из Башкирии, написанного и переписанного автором в 1930 г. В ИВ АН УзССР хранится рукопись 1951 г. антологии хивинских поэтов и писателей, составленной Лаффаси в 1944 г. Подавляющее же число произведений и рукописей на тюркских языках приходится на XVIII—XIX вв., тогда как для XI—XIII вв. сохранились лишь единичные сочинения. Возможно, содержавшие их списки погибли или тюркоязычные произведения писались в то время в исключительных случаях — их заменяли ираноязычные (персидско-таджикские) и арабоязычные.

Тюркоязычная рукописная книга создавалась и переписывалась на огромном пространстве (включавшем современные Среднюю Азию, Западную Сибирь, Урал, Поволжье, Северный Кавказ и Закавказье, Крым, Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, Индию, Синьцзян, Египет, Ирак, Сирию, ряд стран Балканского полуострова — Болгарию, Румынию, Югославию) и на многих тюркских языках (по принятым в настоящее время их названиям они определяются как турецкий, азербайджанский, туркменский, узбекский, уйгурский, татарский — даже с западносибирским его диалектом, — крымскотатарский, башкирский, казахский). В рукописях периода средних веков, а нередко и вплоть до начала XIX в. их язык определяется словом *тюркй*, служившим для обозначения литературного письменного языка вообще в отличие от народно-разговорного и имевшим в каждом ареале специфические локальные различия.

Современные тюркские народы представляют собой результат длительного и сложного развития отдельных родо-племенных и племенных союзов, народностей и объединений, возникавших и распадавшихся на огромной территории — от Центральной и Средней Азии и Сибири до Кавказа, Малой Азии и Восточной Европы. Эти процессы были особенно значительными в XI—XIV вв. Они приводили к этническим контактам и смешениям с возникновением «своего рода интердиалектов, которые при определенных условиях оформлялись как письменный язык» [Грунина, 1971, с. 98]. Таковым являлся язык караханидской эпохи, оказавший влияние на возникновение и развитие письменных языков в других тюркоязычных районах в XII—XIV вв. При малой «подвижности» грамматических норм и общности лексики для всех них была характерна «известная свобода произносительных норм», что создавало смешанность этих языков в XIII—XIV вв. [Грунина, 1971, с. 99].

Поэтому языковое определение конкретных тюркоязычных письменных памятников XI—XIV вв. возможно только с учетом целого ряда исторических факторов, а именно: места и времени их создания, этноса автора и населения данной территории и т. п. К этому нужно добавить, что арабская графика почти не передавала фонетического состава гласных, а в некоторых случаях и согласных тюркских языков [2].

Длительные занятия, связанные с изучением и описанием арабописьменной тюркоязычной рукописной книги в собраниях ИВ АН СССР и, в меньшей мере, Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также знакомство по печатным каталогам почти со всеми имеющими их коллекциями тюркоязычных арабографичных манускриптов мира позволяют нам выделить следующие основные историко-географические ареалы этой книги: восточнотуркестанский, среднеазиатский, малоазиатский (турецкий), закавказский (азербайджанский), поволжско-уральский. Все они настолько связаны с основными исторически сложившимися ареалами тюркской культуры, что можно говорить о тех же ее центрах, что и для указанной книги, но с некоторой разницей в границах: например, границы восточнотуркестанского «книжного» ареала для соответствующего ареала культуры должны быть значительно расширены, включив Монголию и некоторые прилегающие к ней территории, а сам этот «культурный» ареал должен быть определен как центральноазиатский. В перечень «книжных» ареалов не входят те, в которых в раннем средневековье (и позже) не было своей письменности (например, восточносибирские районы) или функционировали иные (пользующиеся не арабским алфавитом) письменности (к примеру, в восточноевропейских, некоторых закавказских районах). Вопрос о выявлении «культурных» и «книжных» ареалов, их идентификации и связей для определенного вида письменности из всех ее разновидностей, исторически использовавшихся тюркскими народами, очень сложный и требует специальных всесторонних исследований.

«Книжные» арабописьменные ареалы, так же как и «культурные», были тесно связаны между собой, особенно соседние и те, которые в силу существования некогда общих тюркских

---

[2] В трудах восточных филологов XI—XVIII вв. (в основном арабских), посвященных тюркским языкам, приводятся, например, такие фонетические пометы: ق — для обозначения основы мягкого ряда, ج — твердого ряда, ش — для правильного чтения согласных *в*/*p*, *ǰ*/*č* (если при слове есть эта помета, то ب следует читать как *p*, а ج — как *č*). Имеются также пометы о соответствии согласных *γ*/*q*; *s*/*š*; *k*/*j*; δ/*j*, δ/*d* и др. [Фазылов, 1971, с. 83].

государственных и племенных образований были едиными или входили в одни и те же общности. Арабская письменность способствовала этому.

Так, были тесно связаны почти до XIX в. закавказский (азербайджанский) «книжный» ареал с малоазиатским (турецким) по языку (огузско-тюркская группа) и литературным традициям. Связана с малоазиатским ареалом и «туркменская ветвь» среднеазиатского, которая относится к последнему по культурным и литературным традициям, репертуару, оформлению манускриптов. То же можно сказать о восточнотуркестанском и среднеазиатском ареалах. Тюркскую рукописную книгу Крыма по языку, традициям, репертуару, оформлению рукописей следует отнести к малоазиатскому ареалу в качестве его ветви (почти до XIX в. тюркоязычные сочинения в Крыму писались на турецком языке, только поздние из имеющихся в хранилищах — на крымскотатарском).

Несмотря на эти связи, каждый «книжный» ареал имеет свои истоки, историю развития, традиции, контакты с иноязычным окружением, преобладающий тюркский язык или языки, репертуар и в отдельных случаях специфику оформления рукописей.

Общим для всех рассматриваемых ареалов является количественное преобладание поэтических сочинений над прозаическими, религиозных над светскими (в несколько меньших размерах, чем в первом случае); бытование переводной (с иранских и, реже, арабского языка) и, в значительно меньшей мере, «комментаторской» литературы, а также ряда тематических разделов и жанров; обычность перемещения творцов (авторов и исполнителей, особенно наиболее известных и искусных) арабописьменных рукописных книг из одного «культурного» и, реже, «книжного» ареала в другой, от одного правителя к другому, что вызывало постоянное перенесение и смешение традиций, репертуара и т. п., определенная зависимость развития книжной мусульманской культуры от меценатства власть имущих.

Исходя из постоянно наблюдаемого (судя по печатным каталогам) численного соотношения между ираноязычными и тюркоязычными манускриптами по ряду хранилищ мира можно предположить, что если в мире не менее 200 тыс. ираноязычных рукописей, то тюркоязычных должно быть не менее 100 тыс. единиц. Приведем некоторые имеющиеся в печати цифровые данные: в ИВ АН УзССР до 17 тыс. рукописей, немного более 10 % из них (т. е. более 1700 единиц) — тюркские [Азимджанова, Вороновский, 1963, с. 127], в ГПБ в Ленинграде — около 400 [Демидова, Костыгова, 1963, с. 165], в ИВ АН СССР, по нашим подсчетам, — до 1500. Судя по большому числу рукопи-

сей, созданных в районах расселения тюрок, и по тому, что до нас дошли и довольно старые манускрипты, можно говорить о большом и широком развитии рукописной книжной культуры у тюрок, их бережном отношении к рукописям.

Тематика тюркских рукописей очень разнообразна: история, хронология (календари), акты, переписка, география, биографии, родословные, агиография, библиография, энциклопедии, астрономия и астрология, медицина, минералогия, математика, языкознание (лексикография, грамматика), письмовники, этика и философия, музыка, охота, военное дело, фольклор (стихи и проза), художественная литература (поэзия и проза), обрядники ремесленников, оккультная литература, учебные пособия. Для мусульманской рукописной литературы характерно соединение в одном произведении материалов разных тематических групп и жанров. Мусульманские ученые средневековья разработали свою классификацию наук со специальной арабской терминологией для их обозначения [Бартольд, 1966, с. 162].

Основная масса тюркских рукописных сочинений и их списков представлена поэзией, религиозной литературой и, в значительно меньшем количестве, историей. Более половины поэтических сочинений также религиозного содержания. Число сочинений в стихах более чем в два раза превышает число прозаических произведений. Видимо, первая и последняя тематические группы, особенно первая, пользовались наибольшим спросом у читателей и заказчиков рукописей, а количественное преобладание религиозной литературы над историей, например, обусловлено, вероятно, не спросом на нее, а традицией, порожденной и постоянно укрепляемой властью мусульманского духовенства и его огромным влиянием на все слои общества и на все стороны его жизни. Такое положение характерно для всего средневековья, ибо «богословие представляло собой „наивысшее обобщение“ социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение» [Гуревич, 1972, с. 12].

Однако запросы читателей, грамотность и образованность населения, его потребности, влияние своих и чужих, восточных и западных традиций, интересы правителей и их сановников обеспечивали указанное выше тематическое и количественное разнообразие тюркской оригинальной, переводной и комментируемой по-тюркски иноязычной книжной продукции таким образом, что светская литература и по форме (стихотворной) преобладала над богословской.

Среди тюркских манускриптов встречаются переводы с арабского и, в еще большей мере, с иранских языков, тюркоязычные комментарии на сочинения на этих языках. Появление тюркских переводов и комментариев было вызвано плохим пониманием или незнанием тюркским населением арабского и персидского языков. Требовалось переводить на «чистый» тюркский язык, избегая непонятных арабских и персидских выражений, а также «слов монгольского или калмыкского» (калмыцкого. — *Л. Д.*) происхождения [см. рук. ИВ АН СССР В 764 (л. 2а) и D 120 (л. 10а), содержащие переводы «Дербенд-наме» («Книга о Дербенде») и «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди»)].

Переводили исторические, географические, литературные (поэзия и проза), богословские, агиографические, этические, медицинские и некоторые другие сочинения. Выбор их определялся заказами представителей правящих кругов, духовного сословия, практическими нуждами высших и средних слоев тюркского общества. Комментировались в основном богословско-этические и, реже, литературные произведения. Переводы исторических и географических трудов выполнялись по непосредственному указанию правителей и вельмож или в дар им с целью ознакомления среднего сословия тюркоязычных районов с историей тюркских династий и племен, а тем самым — с целью возвеличения этих правителей.

До второй половины XI—начала XVI в. переводы встречались редко, уступая место самим оригиналам. Впрочем, и впоследствии переводческая деятельность в тюркских государствах была весьма ограниченной.

Переводы выполняли чаще придворные или профессиональные историки, писатели, поэты, как правило хорошо владевшие тремя основными языками мусульманской книжности, как, например, турецкие историки Мухаммед Сахиб Пири-заде, Ахмед-чауш, хивинский историк и поэт Агахи, Мухаммед-Садик Кашгари, узбекский поэт и писатель Бинаи и др. Обычно над переводом отдельного труда работал один переводчик, хотя были и случаи, когда завершал его другой или же перевод осуществлялся группой переводчиков [Собрание, 1952, с. 16—18].

Выполнялись текстуальные (почти всегда неточные) переводы целых сочинений, переводы-обработки частей и разделов оригиналов, которые заказчикам и переводчикам казались наиболее важными, имеющими самостоятельное значение для современных им условий. Переводчики обычно обращали внимание, как и всюду на мусульманском Востоке, не на точность,
 а на занимательность для читателя своего перевода [Смирнов,

1898, с. 13], для чего в ряде случаев добавляли к оригиналу невероятные сведения и неточные даты [Крачковский, 1957, с. 522—524], иногда продолжали его до своего времени, интерполировали оригинал и сокращали его. И все это делалось с учетом интересов и вкусов заказчиков. Поэтому всегда оправданными были в конце предисловий или послесловий переводчиков их традиционные самоуничижительные формулы или «мольбы» (*илтимас*), подобные той, с которой обращался Мухаммед-Нийаз к читателям: «Все ошибки и погрешности, которые допустил ничтожный при переводе этой книги, пусть милостиво простят, пером исправления поправят и пусть не сделают сего немощного мишенью упрека, не бросят камень порицания, но простят и помянут в молитве благожелательства» (см. рук. ИВ АН СССР D 192, л. 71а) [Султанов, 1978, с. 149].

Для тюркоязычных рукописей, как и для всех мусульманских, характерны расхождения и разночтения в текстах различных списков одного памятника. Они вызывались обычно дополнениями, сокращениями, изменениями, искажениями, ошибками, допущенными их переписчиками. Однако часть расхождений могла быть вызвана и редактированием многих сочинений в процессе их «бытования» при жизни автора и после им самим или другими лицами. К сожалению, исследователи манускриптов чаще винят переписчиков не только в описках, но и в серьезных расхождениях, вместо того чтобы в ряде случаев попытаться обнаружить в последних следы вероятного редактирования сочинения. Это хорошо показано Э. Н. Наджипом на примере списков «Кутадгу билиг»: он определил две авторские редакции этого сочинения (первая была составлена автором, когда он жил на р. Чу; вторая — после его переселения в Кашгар) [Наджип, 1974, с. 75—85]. Навои выполнил две редакции «Маджалис ан-нафаис» («Собрание драгоценностей»): первую в 896/1490-91 г., вторую, видимо, в 905/1499 г. Диван Навои составлялся и редактировался самим автором в течение всей его жизни. При каждом редактировании автор пополнял Диван новыми стихами, нередко менял его строение и переделывал отдельные ранние стихи, вкладывая в них новый смысл и совершенствуя их поэтическую форму. К сожалению, автографы авторских редакций Дивана до нас не дошли. Лирические стихи Навои собирали в диваны и в какой-то мере редактировали их и другие лица — как при жизни поэта, так и после его смерти. К настоящему времени удалось установить пять авторских и неавторских редакций Дивана Навои: 1) неавторские сборные диваны, составленные на материале ранних произведений поэта (одна рукопись); 2) авторская — первый Диван, под названием «Бадаи ал-бидайа» («Начало начал»,

четыре рукописи); 3) авторская — второй Диван, под названием «Навадир ан-нихайа» («Редкости конца», одна рукопись); 4) лирический свод, озаглавленный «Хазаин ал-маани» («Сокровищница значений»), состоящий из четырех созданных в разные периоды жизни автора диванов (43 рукописи); 5) неавторские сборные диваны, составленные на материале «Хазаин ал-маани» (304 рукописи) [Сулейман, 1960; Дмитриева, 1964, с. 3—11].

Вынужденные использовать арабский алфавит и при этом оставить его в целом в неприкосновенности, тюрки внесли в него кое-что новое, сделав это вслед за ираноязычными народами по возможности фонетически обоснованно. Для ираноязычных *п*, *г*, *ч* были преобразованы такие же по месту артикуляции, но противоположные по звонкости *б*, *к*, *дж*: ب > پ; ك > گ, ڭ; ج > چ [Кушев, 1980, с. 102—103]. Так же поступили и тюрки. Кроме того, они использовали غ, ق, ص, ط в словах с гласными заднего ряда. В ранних памятниках Малой Азии встречаем *харакеты* (огласовки) для передачи гласных, аффиксы писались отдельно от корня [например, в рук. ИВ АН СССР С 155, содержащей список 1255/1839 г. поэмы Ашик-паши «Гариб-наме» («Книга скитальца», 730/1330 г.), скопированной со списка 854/1450, встречаем: بُقْمَا زِدِ، آدِ وَارُ и т. п.] В арабописьменных тюркоязычных памятниках различалось действие двух традиций: уйгурской (более полное написание гласных, употребление группы نك для передачи *ң*, использование س в словах с гласными заднего ряда; передача *п*, *ч*, отделение аффикса от корня) и арабо-иранской (неполное написание гласных, передача *ң* только через ن или только گ, употребление ص в словах с гласными заднего ряда, слитное написание аффикса с корнем, плеонастический *алиф* на конце слов, использование *тенвинов*) [Mansuroğlu, 1959, с. 162].

Со временем написание слов в тюркских арабописьменных памятниках установилось, закрепилось традицией: тюрок читал уже не так, как было написано, а как требовали того фонетические нормы его языка. Поэтому авторы и переписчики, используя все возможности арабского алфавита и указанных традиций, прибегали к различным натяжкам, порождавшим множество колебаний в написаниях. Колебания вызывались также неустойчивостью произношения, искажениями текста переписчиками (отражение особенностей языка самого переписчика и местного населения, влияние «требований» различных каллиграфических школ, особенно в средние века, и «правил» почерковых стилей, описки и т. д.).

Производство тюркоязычной арабописьменной рукописной книги (изготовление бумаги, чернил, красок, выделка кож и картона для переплета, переписывание и переписчик, оформление рукописи и оформители, переплетение и переплетчик) в целом не отличается от такового для мусульманской рукописной книги вообще, и прежде всего для персидско-таджикской — самой близкой к тюркской рукописной книге по характеру и технике производства. Сведения о производстве мусульманской рукописной книги вообще и персидской в частности известны по многим публикациям [3]. Они уже заимствовались для подобной характеристики азербайджанской рукописной книги А. Ю. Казиевым [Казиев, 1977]. Поэтому не будем их повторять здесь, ограничившись некоторыми полученными нами из практики описания тюркоязычной книги добавлениями в обзоре ареалов.

Около сотой части тюркоязычных рукописей содержат в конце заключенных в них списков сочинений имя переписчика, дату и, значительно реже, место их переписки. Это относится не только к каллиграфически выполненным, но и к обычным спискам, переписанным рядовыми писцами и, чаще, просто грамотными людьми. В больших хранилищах очень редко встречаются два (три — еще более редкое явление) списка одного переписчика, обычно же каждый переписчик даже в них представлен одним списком. Каллиграфических списков всего не более 200—220. К сожалению, выявлением имен переписчиков по печатным каталогам и непосредственно по самим рукописям, установлением круга переписанных ими сочинений, изучением по возможности их жизни и творчества до сих пор почти никто не занимался не только применительно к тюркским, но и к другим мусульманским рукописям. Подобное исследование дало бы важные материалы для истории рукописной книги и вообще культуры тюркских и других народов Востока, пользовавшихся арабским письмом.

Художественными рукописями среди тюркских являются преимущественно старые, выполненные по заказу правителей, сановников и других известных лиц или для подношения им. Общее число таких манускриптов, судя по каталогам, очень незначительно, вероятно не более 150—200, а имеющих художественные миниатюры — не более 50—80. Подавляющее число украшенных миниатюрами и вообще художественно иллюстрированных манускриптов приходится на турецкие, узбекские (особенно староузбекские) и, несколько меньшее (так как и

---

[3] Им уделяется достаточно внимания и в данном издании (см. очерки О. Ф. Акимушкина, Т. И. Султанова).

вообще их меньше), на азербайджанские. Среди рукописей на других тюркских языках художественных образцов не встречается. С этим, конечно, перекликаются данные по истории культуры и искусства тюркских народов рассматриваемых ниже ареалов тюркской рукописной книги.

Почти среди всех языковых и тематических групп тюркских рукописей, сосредоточенных в хранилищах мира, есть уникальные (представлены лишь одним списком) или редкие, а также наиболее точно и полно воспроизводящие авторский оригинал. Есть и автографы авторов, переводчиков, комментаторов, а также переписанные известными и неизвестными, но превосходными мастерами-каллиграфами. Однако автографов меньше, чем художественных рукописей; переписанных каллиграфами несколько больше, чем художественных манускриптов. В ИВ АН СССР сравнительно больше автографов, чем в какомлибо другом хранилище (это преимущественно автографы тюркских, а не турецких авторов). Однако художественные рукописи с художественными миниатюрами и переплетами, можно сказать, единичны для этого собрания.

Большое значение имеют приписки на первых и последних листах (иногда на полях) рукописи, так как они могут содержать сведения о ее владельцах, о стоимости, в некоторых случаях — о ее содержании, авторе, а порою — данные по истории, социально-экономическим отношениям населения тех районов, где бытовала конкретная рукопись. Колофоны переписчиков могут содержать важные данные о них самих, о месте, причинах, дате переписки, иногда об истории списка и т. п. Однако для тюркоязычных рукописей указанные приписки и колофоны редко отмечаются в каталогах и других публикациях. Их изучение еще не производилось. Поэтому в обзоре ареалов тюркоязычной книги мы приводим лишь отрывочные сведения, полученные из таких приписок и колофонов.

Перейдем к рассмотрению тюркоязычной рукописной книги по ареалам. В посвященном каждому из них обзоре мы стремились показать истоки, историю развития, традиции, контакты, преобладающий тюркский язык (или языки), разнообразие репертуара, дать некоторые сведения о специфике оформления в нем рукописей (если таковая имелась), т. е. все то, чем каждый ареал отличается от других. Конечно, приведенные данные далеко не полные, порою предварительные, общие, что объясняется большой сложностью поставленной задачи и тем, что делается это в таком плане впервые и в очень ограниченное время. Памятники восточнотуркестанского ареала рассматриваются здесь в тематическом плане, а всех других — в хронологическом. Это вызвано тем, что развитие арабописьменной литера-

туры в первом ареале как бы прерывается в XII в. и возобновляется уже через несколько веков, в XVIII в. В других ареалах таких разрывов не прослеживается. Задачами показать истоки и историю развития рукописной арабописьменной продукции каждого ареала обусловлены приводимые нами (необходимые, на наш взгляд) сведения историко-этнического и историко-лингвистического характера. Дальнейшее исследование поставленных здесь задач в связи с выделением и изучением ареалов тюркоязычной арабописьменной рукописной книги даст новые важные материалы [4].

Малоазиатскому (турецкому) ареалу посвящен наш специальный очерк в данном издании, а среднеазиатский и восточнотуркестанский для позднесредневекового времени рассмотрены в очерке Т. И. Султанова.

ВОСТОЧНОТУРКЕСТАНСКИЙ АРЕАЛ

Территория этого ареала — бывший Восточный Туркестан, а в раннем средневековье — восточные районы Караханидского государства. Памятники ареала являются уйгурскими по языку, для раннего средневековья — тюркоязычными, с особенностями бытовавших в указанных районах Караханидского государства тюркских языков. Последние представлены единичными памятниками, уйгурских же насчитывается до сотни сочинений примерно в 300 списках.

Изучение мусульманской рукописной книги этого ареала и специально тюркской рукописи очень важно, так как Восточный Туркестан, являясь своего рода воротами Центральной Азии, стал ареной столкновения культур Индии, Китая, Ближнего Востока, как это прослеживается на материале рукописей уйгурским письмом и другими письменами, бытовавшими в Центральной Азии. Арабописьменные тюркские манускрипты этого ареала — сравнительно позднее явление его культуры.

В X—XII вв. его территория входила в состав Караханидского государства, этнической основой которого являлся карлукский тюркский племенной союз. В конце X в. в этих районах утвердился ислам, были объединены народы двух

[4] В данном очерке по большей части делаются ссылки на тюркоязычные рукописи собрания ИВ АН СССР. Это объясняется тем, что данное собрание является единственным по разнообразию представленных в нем тюркских языков, тематических групп, широте хронологического и географического охвата сочинений и переписки их списков, их уникальности и редкости, сравнительному обилию автографов.

развитых для того времени культур: уйгурской на востоке и тюркско-иранской — на западе (Средняя Азия). Центрами первой являлись Баласагун и Кашгар, второй — Узгенд на Сырдарье. Большое влияние и распространение в государстве получили ираноязычная литература и иранские языки.

В Притяньшанье, к востоку от Кучара, и в восточной части Восточного Туркестана находилось Уйгурское государство, которое уже в IX в. восприняло буддизм и буддийскую культуру. Наряду со своей устной народной литературой здесь существовала «подражательная» или переводная буддийско-тюркская письменная литература. До конца XIV в., когда Уйгурское и Караханидское государства были завоеваны Чагатаидами, в них шли самостоятельные процессы этнического и культурного развития. Чагатаиды основывают на территории этих государств свое государство со столицей в Яркенде, получившее у восточных историков того времени название «Моголистан». Ислам стал господствующей религией на всей его территории. Усилилась внутренняя миграция. В XV в. началось бытование единой культуры и единых обычаев на этих землях, усилились связи со Средней Азией. В политической истории Моголистана начался длительный период внутренней феодальной борьбы.

В 80-е годы XVII в. власть перешла к мусульманским ходжам, сохранившим свое влияние и после присоединения Восточного Туркестана к Китаю в конце 50-х годов XVIII в. с образованием здесь провинции Синьцзян. В 60—70-е годы XIX в. провинцией правил воспользовавшийся политическими смутами в стране выходец из Кокандского ханства Йакуб-бек.

Самыми ранними из дошедших до нас памятников этого ареала являются отмеченные выше поэма «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагунского (на р. Чу, недалеко от нынешнего города Токмака), написанная в 462/1069-70 г., и «Диван-и лугат ат-турк» («Словарь тюркских языков») первого тюркского филолога Махмуда Кашгарского, составленный в 466/1073-74 г. Сохранились три рукописи первого труда: венская переписана уйгурским письмом в Герате в 842/1439 г., каирская [5] и наманганская — арабским письмом, без дат переписки. Второй труд известен по одной его рукописи 644/1266 г., переписанной в Дамаске с автографа самого автора, как указывает переписчик Мухаммед б. Абу-Бекр б. Абу-л-Фатх ас-Сави ад-Димишки. Судя по многочисленным ошибкам, он, видимо, не знал тюркских

---

[5] Копией каирской рукописи, выполненной в 1898 г. по заказу В. В. Радлова для Азиатского музея, является рукопись ИВ АН СССР D12, имеющая на полях пометки В. В. Радлова и Э. Морица, в то время директора Хедивской библиотеки в Каире.

языков, арабским же владел довольно слабо. Эта рукопись хранится в библиотеке Миллет-кутубханеси в Стамбуле. В «Словаре» есть указание автора на то, что он преподнес свой труд аббасидскому халифу ал-Муктади (шабан 467 — мухаррем 487/апрель 1075 — февраль 1094 г.). В колофоне списка, выполненного Димишки, сказано: «Составление было начато в первый день джумада I (4)64 и окончено после исправления, улучшения и четырехкратного переписывания в понедельник десятого джумада II 466 года». Следовательно, Махмуд Кашгарский начал «Словарь» в среду 25 января 1072 г., а закончил после «исправления, улучшения и четырехкратного переписывания», т. е. редактирования, 10 февраля 1074 г. Чтобы преподнести свое сочинение халифу, автор должен был прибыть в Багдад к апрелю 1075 г., когда ал-Муктади был провозглашен халифом. Если Димишки делал свой список (небрежно и с ошибками) с автографа автора, то этот автограф в отличном исполнении — так как преподносился он именно халифу — должен был находиться в Багдаде, а не в Кашгаре или другом городе Восточного Туркестана, что и объясняет факт переписки с него списка переписчиком из Сирии (из Дамаска), который, судя по нисбе, был родом из Сава (Иран). Но странно тогда, почему средневековые энциклопедисты, библиографы и биографы, кроме краткой заметки в «Кашф аз-зунун» («Раскрытие тайн») Хаджжи Халифы (1609—1657), не упоминают ни Махмуда Кашгарского, ни его сочинение [Кононов, 1972, с. 6—8].

«Словарь» Махмуда Кашгарского написан на арабском языке, но он включает в себя и огромный тюркский иллюстративный материал. Он содержит наряду с богатейшими сведениями о расселении тюркских племен, о лексике тюрок с указанием ее племенной принадлежности, о тюркской исторической фонетике и грамматике также классификацию тюркских языков, материалы по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрок, самую старую тюркскую карту мира. Все это основано, как указывает автор, на данных, собранных им во время его странствий по землям тюрок. Вероятно, он использовал и труды своих предшественников. Словарь четырежды редактировался автором [Bazin, 1957, с. 23—24].

Судя по сохранившимся спискам сочинений, на территории восточнотуркестанского ареала нет произведений, написанных здесь в XII—XVI вв., и нет рукописей, переписанных здесь же в XI—XVI вв. В основном сочинения этого ареала датируются XI, XVIII—началом XX в. (автограф автобиографии Дила Убулмахди из г. Караходжи, составленный в 1909 г.). Время переписки рукописей — XVIII—начало XX в. [Мугинов, 1962].

Тематический состав всех известных уйгурских рукописей довольно разнообразен: исторические хроники, поэтические, религиозные, агиографические сочинения, гадания, маршрутники паломников, обрядники ремесленников; представлены также медицина, минералогия, охота; есть переводы различных исторических, религиозных и, меньше, литературно-художественных произведений с иранских языков [6]. Нет среди манускриптов рассматриваемого ареала сочинений географического, космографического, филологического [7] (лексикография, грамматики, письмовники) содержания, энциклопедий, библиографий, антологий поэтов, актов и официальной переписки, математических сочинений, военных и учебных пособий.

События XVII—XIX вв. нашли широкое отражение в местной исторической мемуарной, включая агиографические сочинения, литературе. Среди исторических хроник назовем уникальные: сочинение Касим-бека о событиях в Кульдже до 1862 г., составленное по просьбе влиятельных людей этого города (рук. ИВ АН СССР В 4018); труд Мухаммеда Аляма по истории Кашгарии с 1279/1862-63 по 1295/1878 г., написанный в 1311/1894 г. для Н. Ф. Петровского (рук. ИВ АН СССР В 2322); автограф поэмы Умиди «Бадавлат-наме» («Книга о Бадавлате»), составленной в 1308/1890 г. для Н. Ф. Петровского (рук. ИВ АН СССР С 578); уникальные списки поэм того же Умиди — «Джанк-наме» («Книга о сражении»; рук. ИВ АН СССР В 292) и «Мактубча-йи хан» («Малое ханское письмо»; рук. ИВ АН СССР С 575) — последняя о событиях в Коканде в 1842—1885 гг. — и др.

Поэзию представляют поэмы Зелили (XVII—XVIII вв., из Яркенда) и его современника Невбати (из Хотана); сочинения Эрши (XVIII в., из Кашгара), Мухаммеда Садика Кашгари (конец XVIII—первая половина XIX в.), Низари (1770—1849 гг., из Кашгара), Турды Гарибй [в 1841 г. он составил поэму «Китаб-и гариб» («Книга о диковинном»), повествующую о споре представителей 32 различных профессий], Зийаи (XIX в.), Билала Назима (1824—1899 гг., из Кульджи), Моллы

[6] Таков тематический состав тюркских восточнотуркестанских рукописей, хранящихся в ИВ АН СССР. Первое «специализированное» — по месту переписки — описание уйгурских и узбекских рукописей этого собрания, переписанных в Восточном Туркестане, выполнено А. М. Мугиновым [Мугинов, 1962]. Тот же состав в целом повторяется в коллекции М. Хартмана (133 списка, среди которых несколько узбекских) [Hartmann, 1904], а также в собрании музея в Урумчи (74 списка, четвертая часть которых — узбекские) [Мухлисов, 1957].

[7] Не считая отмеченного выше труда Махмуда Кашгарского.

Шаира (XIX в., из Уч-Турфана), Мухаммеда Салиха Йаркенди [в 1866 г. ему было 60 лет, написал поэму «Рисала-йи мактуб» («Сочинение-письмо») в честь падишаха Хан-Ходжама (рук. ИВ АН СССР С 584)] и т. д.

Агиографические сочинения — это 14 сборников конца XVIII—начала XIX в., содержащих жизнеописания пророка, Фатимы, «друзей по пещере», «четырех зарезанных имамов», имамов Зейн ал-Абидина, Мухаммеда Бакира, Джафара Садика, Забиха, Мухашира, Абу-л-Кайса Хиджази, Афтаха, Йусуфа, Хаким-ата, Абу Насра Самани, Абу-л-Фаттаха, Бахаддина, Нумана б. Сабита, Сетук Богра-хана и др. (рукописи ИВ АН СССР).

Обрядники ремесленников (кузнецов, каменщиков, ткачей, сапожников, земледельцев, мясников, торговцев и др. — коллекция ИВ АН СССР уникальна!) содержат легенды, повествующие о возникновении каждого вида ремесла; сообщения о *пúрах*-наставниках, почитаемых в каждом ремесле, с краткими поучениями.

Среди медицинских рукописей преобладают анонимные поздние сочинения по народной медицине (рук. ИВ АН СССР А 275, А 202, В 889). Есть уникальное произведение по минералогии «Джевахир-наме» («Книга о драгоценных камнях») — описание драгоценных камней и их свойств с указанием районов добычи и стоимости (в двух списках ИВ АН СССР — В 860 и В 861).

Охота представлена редкими сочинениями XVIII в. о ловчих птицах. Имеются также единичные маршрутники уйгурских паломников от Кашгара до Мекки и Медины и обратно (XIX в.). Есть редкие сборники сказаний о Малике, Шасенем и Шагарибе, Йусуфе и Ахмеде, Хурлыге, сборник уйгурских песен и сказок, записанных в 1909 г. жителем Караходжи Дила Убулмахди по просьбе С. Ф. Ольденбурга (рукописи ИВ АН СССР).

Переводы некоторых популярных в Средней Азии персидско-таджикских исторических сочинений выполнены в XVIII—XIX вв. по инициативе правящих или сановных лиц. Это «Тарих-и Хазаначи» («История Хазаначи») — перевод произведения «Тарих-и Бенакати» («История Бенакати», XIV в.), осуществленный в 1117/1706 г.; первый том «Раузат ас-сафа» («Сад радости») Мирхонда (XV в.), переведенный в 1150/1737 г. Мир Фазилом; три перевода труда Мухаммеда-Хайдара (XVI в.) «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди»): один выполнен в 1160/1747 г. неизвестным переводчиком, другой — в 1253/1837-38 г. Мухаммедом Нийазом, третий — до 1265/1849 г. Мухаммед-Садиком Кашгари и др. Были переведены и литературные про-

изведения: сборники «Калила ва Димна» («Калила и Димна»), «Дараб-наме» («Книга о Дарии»), сказки «Кырк тути» («Сорока попугаев»), поэмы «Шах-наме» («Царская книга») Фирдоуси, «Йусуф ва Зулейха» («Йусуф и Зулейха») Джами и т. д.

Комментарии встречаются чрезвычайно редко. Из них назовем уникальный список уйгурского комментария к узбекской этической поэме Бабура «Мубаййин» («Разъясняющий»), выполненный Абу-л-баки Аксуи (время составления неизвестно; рукопись музея в Урумчи) [Мухлисов, 1957, с. 34].

Рукописи восточнотуркестанского ареала составлялись и переписывались в разных городах и местностях этого ареала: Кашгаре, Хотане, Яркенде, Аксу, Каракаше, Янгихисаре, Тукузкенте, Фускаме, Ташимлике и др. Переписывали рукописи разные переписчики, но среди них есть такие, которым принадлежат несколько списков (от двух до четырех): Мухаммед Йусуф-ходжа (4 списка), Мухаммед Йакуб (3), Аййуб-ахунд и Абу-л-Мумин-ахунд (3), Ахмед Мискин Гедай (2), Турдуш-мулла (2), Закир-имам Аксуи (2) и т. д.

Среди рукописей восточнотуркестанского ареала есть автографы авторов, уникальные и редкие списки (они отмечались выше). Имеются манускрипты с пометками об их стоимости; судя по такой пометке, например, рукопись перевода сочинения «Тарих-и Рашиди», выполненного Мухаммед-Садиком Кашгари, была куплена за 30 таньга (рук. ИВ АН СССР С 569). Все списки коллекции С. Ф. Ольденбурга имеют его приписки о времени, месте их приобретения и о стоимости в восточнотуркестанских ланах и чонах: так, рукопись сочинения о ловчих птицах (не ранее XVIII в., рук. ИВ АН СССР В 874) куплена в Кучаре 5 февраля 1910 г. за 2 чона; список «Тазкира-йи Богра-хан» («Жизнеописание Богра-хана») приобретен там же 6 февраля 1910 г. за 5 ланов (список 1256/1840-41 г., рук. ИВ АН СССР D 113); рукопись автобиографии жителя г. Караходжи Дила Убулмахди (начало XX в.) куплена в Турфане 29 ноября 1909 г. за 3 лана (рук. ИВ АН СССР В 779). Иногда встречаются приписки, характеризующие социально-экономические отношения в Восточном Туркестане XVIII—XIX вв.: в рукописи конца XVIII в., содержащей сочинение «Тазкира-йи азизан» («Жизнеописание святых») Мухаммад-Садика Кашгари, указывается в приписке, что некий Мухаммед Салих в 1253/1838-39 г. (приписка сделана значительно позже времени переписки рукописи) отдал своего сына Ахун-ходжу на один год в работники к Садик-баю и за это при трех свидетелях получил 23 таньга. На внутренней стороне переплета этого манускрипта — другая приписка о том, что в 1260/1844 г. некий Хаджир-ходжа

отдал в работники своего сына Йулдаш-ходжу на один год за 11 таньга (рук. ИВ АН СССР С 583).

В процессе описания тюркских рукописей ИВ АН СССР мы обратили внимание на то, что в большинстве своем уйгурские и узбекские рукописи из Восточного Туркестана имеют картонные, обтянутые темно-коричневой грубой кожей переплеты с очень скромным и сравнительно редким геометрическим тиснением (без позолоты); бумага толстая, грубая, сероватая с проступающим на поверхности необработанным волокном; почерк крупный, довольно небрежный, словно текст писался как бы наспех и плохо зачиненным каламом. Есть рукописи, написанные на более тонкой, глянцевой, светлой бумаге среднеазиатского образца. Все такие рукописи близки по оформлению в целом к среднеазиатским. Однако этих манускриптов меньше, чем первых, и представляют они, как правило, поэтические, литературно-художественные, некоторые религиозные, иногда переводные труды.

По характеру бумаги и стилю письма (крупное, небрежное) можно предположить, что в восточнотуркестанском ареале употреблялись местные сорта бумаги и сохранялся свой стиль письма. В какой-то мере это объясняется особенностями оформления рядовых древнеуйгурских манускриптов уйгурским письмом.

Во дворцах местных правителей восточнотуркестанских городов были личные библиотеки. Такая библиотека, например, по сообщению переводчика сочинения «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Нийаза, имелась в 30—40-х годах XIX в. у правителя Хотана Мухаммеда Азиз-ванга. В ней были представлены прекрасные по оформлению и сохранности рукописи (рук. ИВ АН СССР D120, л. 10б—11а).

Уйгурские рукописи есть в Ленинграде (собрание ИВ АН СССР), в Ташкенте (ИВ АН УзССР), в крупных зарубежных хранилищах. Ими представлены коллекции музея в Урумчи и в Берлине (собрание М. Хартмана). В ИВ АН СССР уйгурскими являются коллекции Н. Ф. Петровского, Я. Я. Лютша (оба служили в Восточном Туркестане в консульствах, торговых миссиях и т. п.), С. Ф. Ольденбурга — все они специализированно собирали уйгурские рукописи.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ АРЕАЛ

Данный ареал занимает территорию Средней Азии. Границы его исторически менялись и при Тимуридах включали на юге район Герата, а при Бабуридах — Северной Индии. Основным

тюркским языком ареала являлся до XVII в. староузбекский и затем узбекский. В раннесредневековый период им предшествовал тюркский язык с огузско-кыпчакскими особенностями: в разное время и на различных тюркоязычных территориях в разной степени проявлялись те или другие. Численно тюркоязычные (преимущественно староузбекские и узбекские) рукописи этого ареала составляют до одной трети всех тюркских манускриптов.

Выделение западного культурного района Караханидского государства в XI в. способствовало росту значения в нем Хорезма и консолидации здесь огузо-кыпчакских племен. В Хорезме XII—XIV вв. создано несколько памятников тюркоязычной литературы — их язык близок к языку указанных выше памятников Караханидского государства XI в., но имеет и отличительные огузо-кыпчакские черты. По географическому принципу (принадлежность Хорезма к территории Средней Азии) мы относим хорезмийские памятники XII—XIV вв. к образцам среднеазиатского ареала тюркоязычной рукописной книги.

Самым ранним ее памятником в этом ареале являются стихотворения-*хикматы* (мудрые изречения) поэта-мистика Ахмеда Йасеви (ум. в 562/1166 г.) [8]. Они были собраны в диваны, сохранившиеся лишь в более поздних списках, новых по языку, которые широко распространялись среди тюркского населения разных районов, различаясь как по количеству хикматов, так и по их составу.

Известный хорезмийский богослов и филолог Махмуд б. Омар Замахшари (ум. в 538/1143 г.) создал по поручению хорезмшаха Атсыза (523—551/1128—1156) большой арабский словарь «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в словесность») с некоторыми грамматическими разделами. Уже современные автору рукописи словаря сопровождались подстрочными глоссами на разных восточных языках, в том числе и на тюркском, бытовавшем в Хорезме. С таких манускриптов копировались и все более поздние списки (бухарский 989/1492 г., самаркандский, ташкентский).

Сулейман Бакиргани, или Хаким-ата, шейх-мистик конца XII—начала XIII в. из местечка Бакирган (под Хорезмом), составил религиозные поэмы, широко распространявшиеся в сравнительно поздних, поновленных по языку манускриптах:

---

[8] В г. Туркестане Чимкентской области (Казахстан) находится мавзолей, сооруженный в XIV в. над могилой Ахмеда Йасеви. Он был реставрирован в 1979 г. и превращен в музей. В нем сохранилось помещение древней *китапханы* — библиотеки рукописей.

«Бакирган китаби» («Книга из Бакиргана»), «Мариам китаби» («Книга о Марии»), «Ахир заман китаби» («Книга о конце мира»).

К XII—XIII вв. относится так называемый среднеазиатский тефсир на Коран (из Карши; рук. ИВ АН СССР С 197), изданный А. К. Боровковым [Боровков, 1963]. Али написал в 609/1212-13 г. (в некоторых рукописях ошибочно указан 630/1232-33 г.) поэму «Кисса-йи Йусуф» («Сказание о Йусуфе»), воспроизводящую библейско-кораническую легенду о Йусуфе — Иосифе Прекрасном. Она составлена в Хорезме [Наджип, 1976] (различные исследователи относили поэму к разным тюркским языкам).

В 1220 г. Хорезм был завоеван монголами, и до 1379 г. он связан с Золотой Ордой. В этот период в хорезмийских областях создаются религиозные сочинения: «Кисас ал-анбийа» («Сказания о пророках») Насира б. Бурхана из местечка Рибат-и Огуз (под г. Туркестаном), составленное в 710/1310-11 г. для правителя Насиреддина Ток-Буга. Произведение это, более известное под названием «Кисас-и Рабгузи» («Сказание Рабгузи»), было широко распространено среди тюрок. Имеется более поздняя его узбекская редакция. Поэма «Хосров и Ширин» Кутба была написана в 742/1341-42 г. в Хорезме или в Средней Азии. В Хорезме создана и поэма «Мухаббат-наме» («Книга дружбы») Ходжа-бега Хорезми (был жив в 754/1353 г.).

Староузбекский литературный язык сложился в XV в. — в период формирования узбекской народности — на базе литературных тюркских языков Караханидского государства, Хорезма и особенно улуса Чагатая с определенным участием и народных языков этих районов. Завершение его формирования и расцвет относятся к периоду творчества Навои (1441—1501). Этот язык продолжал жить и в образовавшихся после распада государства Тимуридов (1405—1506) Бухарском, Хивинском, Кокандском ханствах, сыграв большую роль в создании письменных языков соседних тюркоязычных народов — туркмен, казахов, каракалпаков, уйгуров [Баскаков, 1969, с. 307].

Хронология сочинений, написанных в среднеазиатском ареале: XII в. (хикматы Ахмеда Йасеви) — середина XX в. (антология хивинских поэтов и писателей, составленная в 1944 г. Лаффаси). Хронология переписанных в этом ареале рукописей: XIV в. (список «Кисас-и Рабгузи» в ИВ АН УзССР) — начало XX в. (список этой антологии, датируемый 1951 г.). Основная же масса сочинений и рукописей приходится на XVIII—XIX вв.

Тематика староузбекских и узбекских сочинений этого ареала разнообразна: история, биография, мемуары и путешест-

вия, география и космография, астрономия и астрология, медицина, охота, военное дело, музыка, этика и политика, филология (лексикография, грамматика), письма и официальные документы, поэзия, художественная проза, фольклор, драматургия, хрестоматия, агиография, религия, суфизм, гадания, обрядники ремесленников.

При Тимуридах культурными центрами были Самарканд и Герат. Большое внимание уделялось наукам, литературе (поэзии), искусству. Из поэтов данного периода следует назвать Ходженди (конец XIV—начало XV в.), Секкаки (первая половина XV в.), Лутфи (768—870/1366—1465), Атаи (XV в.). В правление Султан-Хусейна Байкары (1469—1506) поэзия получает свою классическую форму в творчестве Навои и его современников — самого Байкары, Дурбека и др. В этот период основные виды и формы ираноязычной классической поэзии творчески перерабатываются и воспроизводятся на тюркском материале; распространяется и народная поэтическая форма — *туйуг*, особенности которой были сформулированы впервые Навои в сочинении «Мизан ал-авзан» («Весы размеров»). Помимо литературных произведений в 886/1481-82 г. он написал «Вакфийа» («Вакуфная запись») о передаче своей земли в вакф мечети Ихласийа в Герате; около 894/1488-89 г. составил краткую историю древних персидских царей и правителей «Тарих-и мулук-и аджам» («История персидских царей») и др.

В XVI в. правила династия Шейбанидов (1506—1598), их столицей был Самарканд. Родоначальник династии Шейбани-хан (1506—1510) писал стихи, покровительствовал ученым и поэтам. При его дворе работали: поэт Мухаммед Салих (ум. в 941/1534 г.), составивший поэму «Шейбани-наме» («Книга о Шейбани»); неизвестный автор редкого исторического труда «Таварих-и гузида нусрат-наме» («Избранные истории — Книга побед»), написанного в 908/1502-03 г.; Бинаи — автор ираноязычных трудов и переводчик с персидского на староузбекский космографии «Аджаиб ал-махлукат» («Диковинки сотворенного»). В 931/1525 г. Насраллахи составил всеобщую историю мусульманских династий до года ее написания «Зубдат ал-асар» («Суть летописей»), известную лишь в двух списках — рук. ИВ АН СССР D104 и рук. ИВ АН УзССР [Собрание, 1952, № 69]. В XVI в. Тимурид Бабур основал государство Великих Моголов (Бабуридов) в Индии. Сам Бабур составил исторические мемуары-хронику «Бабур-наме» («Книга Бабура»), поэму «Мубаййин», трактат об арузе. При дворе Бабуридов писали туркменский поэт Байрам-хан (ум. в 1561 г.), его сын Абдуррахим Мирза, который перевел на персидский язык «Бабур-наме», и др.

В XVII—XVIII вв. в качестве культурных центров Средней Азии выдвигаются Бухара, Хива. В Бухаре в этот период работали такие писатели и поэты, как Имам-Кули-хан (1602—1640), Субхан-Кули-хан (1680—1702), Кул-Шериф (1618—1692), Машраб (1657—1711), Суфи Аллайар (ум. в 1721 или 1723 г.), Хувайда (ум. в 1780 г.), Сайкали (1730—1797), Турды (ум. в 1700 г.), Абиди (ум. в 1828 г.). В Хиве трудились: Абулгази-хан, составивший в 1661 г. по просьбе туркменских старейшин Хивы «Шаджаре-йи теракима» («Родословная туркмен»), а затем «Шаджаре-йи турк» («Родословная тюрок») — сочинение, законченное в 1666 г. согласно предсмертной воле автора неким Махмудом б. Мухаммедом Заманом Ургенчи, участником и очевидцем описанных событий. Здесь же работал поэт Хасан-Кули Ахсани (XVII в.). В конце XVIII в. неизвестный автор написал историю походов Шейбани-хана (855—916/1452—1510) «Шейбани-наме» («Книга о Шейбани»).

В XIX в. в Хиве творили придворные историки, поэты и переводчики. Так, Мунис (1778—1829) и его племянник Агахи (1809—1874) составили хронику ханства «от сотворения мира» до 1241/1825 г. «Фирдавс ал-икбал» («Райский сад благополучия»). Затем по поручению ханов Агахи написал еще ряд хроник их правления: «Рийаз ад-давла» («Сады счастья» — с 1241/1825 до 1258/1843 г.), «Зубдат ат-таварих» («Суть историй» — с 1258/1843 по 1262/1846 г.), «Джами ал-вакиат-и султани» («Собрание султанских событий» — с 1261/1845 по 1271/1855 г.), «Гулшан-и давлат» («Цветник счастья» — с 1272/1855 по 1281/1864 г.), «Шахид ал-икбал» («Свидетель успеха» — с 1281/1864 по 1289/1873 г.). Мудеррис Иш-Мурад ал-Алави написал сочинения «Тарих-и Сайййд Мухаммедхани» («История Сайййд-Мухаммед-хана») в 1278/1861 г. и «Тарихче-йи Мухаммед-Йакуб-ходжа» («Краткая история Мухаммед-Йакуб-ходжи») в 1280/1863-64 г., посвященные правлению династии инаков с 1219/1804 г. до времени хана Сайййд Мухаммеда (1272—1281/1855—1864). В XIX в. работали поэты Камил Хорезми (1825—1899), Фируз (Мухаммед Рахим-хан II, годы правления: 1865—1910) и др.

В Коканде в XIX в. писали Омар-хан (1810—1822), Фазли, Гулхани, Хазик, Махмур, Мукими (1858—1909), Фитрат (1886—1938 ?), Хамза Хаким-заде (1889—1929) и др. Из авторов XX в. назовем Раджи (ум. в 1908 или 1910 г.), Камйаба (1861—1922), Мирзу (1840—1922).

Только в среднеазиатском ареале хорошо представлены словари к сочинениям Навои, например: «Лугат-и Абушка» («Словарь Абушка»), составленный в 959/1551-52 г.; «Мунтахаб ал-лугат» («Избранный словарь») Мухаммеда Ризы, напи-

санный в 1213/1798 г., обнаруженный в 1974 г. в ИВ АН УзССР словарь в стихах «Нисаб-и Наваи» («Происхождение Навои»), переписанный на полях списка «Хамсы», («Пятерицы») Навои в 1571 г. [Умаров, 1974, с. 74] и т. д.

Обрядники ремесленников наиболее полно и интересно характеризуются их собранием в ИВ АН СССР (коллекция С. М. Смирнова). Это обрядники кузнецов, медников, токарей по дереву, котельщиков, каменщиков, прядильщиков, валяльщиков войлока, сапожников, портных, плотников, маляров, мастеров по изготовлению светильников, горшечников, мыловаров, стрелков, профессиональных борцов, цирюльников, торговцев, мясников, маслобойщиков, пивоваров, земледельцев, мельников, пастухов и др. (рук. ИВ АН СССР В 1900 и др.).

Любопытны сборники XIX в., содержащие записи *диванбеги* о сборе хараджа, о разных расходах и т. п.

В среднеазиатском ареале выполнено довольно большое число переводов и меньше — комментариев. Оригиналом обычно являлись ираноязычные и, значительно реже, арабоязычные сочинения. Чаще переводились исторические произведения (особенно сочинения по всеобщей истории мусульманского мира и те, которые касались местных династий), географические и космографические, этико-политические и этико-дидактические, медицинские, литературно-художественные, религиозные труды. Комментировались религиозные, этические и грамматические сочинения.

Переведены с персидского на узбекский язык исторические труды: «Раузат ас-сафа» Мирхонда (XV в.) — перевод выполнен Раджи, судя по данным списка ГПБ в Ленинграде (шифр Г. н. с. 7), в середине XIX в. (1-й том, автограф переводчика, — рук. ИВ АН СССР D136); «Дурра-йи Надири» («Надирова жемчужина») Мухаммеда Мехди-хана (XVIII в.) — перевод Мухаммеда Назара и Агахи (XIX в.); «Мунтахаб ат-таварих» («Извлечение из историй») Мухаммед-Хакима (середина XIX в.) — неизвестного переводчика (вторая половина XIX в.) и др. Выполнены перевод-обработка малоизвестного персидского сочинения «Джами ал-макамат» («Собрание степеней духовного совершенства») Абу-л-Бака ибн Бахаддина ибн Махдум-и Азама (начало XVII в.), составленная в 1108/1696-97 г. Мухаммедом-Садиком Йангихисари; перевод в 1241/1825 г. Дилаваром персидских мемуаров Васифи «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события») XVI в.; переводы Мухаммедом Хусейном Махдумом (дата перевода неизвестна) персидского космографического и географического сочинения ал-Балхи «Маджма ал-гараиб» («Собрание диковинок») в 974/1566-67 или 984/

 1576-77 г.; перевод Хатифа-Кули в 1251/1835-36 г. с персид-

ского автобиографии Тимура «Тузук-и Тимури» («Уложение Тимура») 1047/1637-38 г. и др.

Сочинения составлялись, а рукописи переписывались в различных городах и районах Средней Азии. В меньшей мере списки переписывались также в Восточном Туркестане, Индии, Афганистане, еще реже — в Турции, Иране, Поволжье, на Урале, в Азербайджане.

Среди рукописей среднеазиатского ареала имеется целый ряд автографов авторов и переводчиков: Муниса, Агахи, Раджи, Мукими, Хамзы и др. Есть несколько уникальных (в ИВ АН УзССР — десять) и редких манускриптов, например: сочинение Агахи «Зубдат ат-таварих» («Суть историй»), представленное лишь двумя списками (один — в ИВ АН СССР, рук. Е6, другой — в ГПБ, рук. Т. н. с. 22, в Ленинграде); автограф уникального списка докладной записки кази Самарканда муллы Камаля о местных событиях 1285/1868-69 г. русским властям (рук. ИВ АН СССР С 1690). Имеются рукописи, переписанные известными каллиграфами, интересные содержащимися в них приписками, и т. п.[9].

Списки староузбекских сочинений чаще иллюстрированы художественными миниатюрами, *унванами*, заставками и чаще имеют художественные переплеты, чем рукописи на других тюркских языках (т. е. других ареалов тюркоязычной рукописной книги арабским письмом).

Гератская художественная школа, известная самыми искусными образцами оформления рукописной книги, достигла наивысшего расцвета в правление Султан-Хусейна Байкары и в период творчества Навои. На базе этой школы во второй половине XVI в. в Мавераннахре функционировала художественная школа, прекратившая свое существование в последней трети XVI в. В XVII в. наблюдался подъем в искусстве рукописной миниатюры, приведший к образованию во второй половине XVII в. новой художественной школы в Мавераннахре [Акимушкин, Иванов, 1968, с. 135]. Образцы первой мавераннахрской школы представлены в оформлении и в 15 миниатюрах рукописи «Таварих-и гузида нусрат-наме», переписанной в 970/1562-63 г. (Британский музей) [Иванов, 1968, с. 194]. С мавераннахрской школой связано творчество таких миниатюристов, как Мухаммед-Муким, Аваз-Мухаммед, Мухаммед-Амин, Ходжа Гедай.

В XVIII—XIX вв. с образованием более или менее самостоятельных Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств

---

[9] Об этом частично говорится в очерках О. Ф. Акимушкина, Т. И. Султанова.

сложились некоторые художественно-оформительские особенности для переписываемых в каждом из них рукописей: например, в Хивинском ханстве в XIX в. такой особенностью являлся строгий черный кожаный переплет с тиснением [Мамедова, 1974, с. 49—53].

На территории среднеазиатского ареала, судя по источникам, было довольно много богатейших придворных и частных библиотек мусульманских рукописей. Назовем некоторые из них.

В Самарканде в XI—XIII вв. были значительные библиотеки. В Мерве в XII в. находились библиотеки семьи ас-Самани, в конце XIII в. — библиотека Рашид ад-Дина (1247—1318), при которой существовала мастерская каллиграфов и оформителей рукописей [Мугинов, 1958, с. 352]. В Бухаре в начале XV в. появилась публичная библиотека, основанная шейхом Мухаммедом Парса (ум. в 1419 г.) [Семенов, 1958, с. 912—913]. В конце XIV—первой половине XV в. в Самарканде функционировала библиотека, собранная Тимуром (1370—1404) и затем перешедшая к его внуку Улугбеку (уб. в 1449 г.). В Герате придворную библиотеку составил Байсункар (ум. в 1433 г.), там же в XV в. существовала библиотека Навои [Якубовский, 1946, с. 20]. В Бухаре в XVII в. рукописи собирали правители из рода Аштарханидов Абд ал-Азиз (1645—1680) и его брат Субхан-Кули-хан (1680—1702) [Семенов, 1958, с. 913]. Во второй половине XIX—начале XX в. в Хиве функционировала библиотека хана Мухаммед-Рахима II (1865—1910) [Самойлович, 1909]. В начале XX в. имелось несколько частных библиотек в Фергане (например, А. Фитрата) [10] и Бухаре [Валидов, 1915, XXII, с. 303—320], частное собрание Джурабека (убит в 1906 г.) в Ташкенте и др. Хотя частные библиотеки рукописей в Средней Азии, как и в других странах Востока, были малодоступны и почти не изучались, но благодаря им сохранился целый ряд ценнейших памятников письма [Азимджанова, Вороновский, 1963, с. 113]. Однако «судьба всех частных собраний дореволюционной Средней Азии в общем печальна. По смерти. . . библиофила все его имущество делилось по шариату на составляющие доли между его наследниками и наследницами. О целостности многотомного рукописного труда в этих случаях не заботились, поэтому отдельные тома попадали в разные руки» [Семенов, 1958, с. 912].

Рукописи на староузбекском и узбекском языках в подавляющем большинстве хранятся в Средней Азии (УзССР), что

---

[10] В этой библиотеке находился наманганский список «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагунского [Малов, 1951, с. 224].

видно по ташкентскому каталогу [Собрание, 1964]. В меньшем, но все же значительном числе (до 400—450 списков) есть они и в Ленинграде (в основном в ИВ АН СССР и несколько десятков их в ГПБ), представлены во всех хранилищах СССР (кроме Казани) и ряде зарубежных. Памятники староузбекского языка во многих хранилищах представлены главным образом рукописями сочинений Навои. Памятники тюркского языка, бытовавшего в Хорезме, встречаются редко — преимущественно в Средней Азии, Ленинграде, отчасти в Казани, в некоторых крупнейших зарубежных хранилищах.

При Бабуридах (XVI—XVII вв.) контакты между Средней Азией и Индией становятся более тесными и широкими: в Индию из Ферганской долины, Самарканда, Бухары, городов Хорасана приглашают крупнейших поэтов, ученых, медиков, каллиграфов, миниатюристов, архитекторов, музыкантов. В XVI в. в Индии формируется язык урду, принявший арабскую письменность. Это в определенной мере способствовало взаимообогащению культур народов Индии, Средней Азии, Восточного Туркестана и других, пользовавшихся арабской письменностью.

В хранилищах Индии имеется много переписанных в этой стране и за ее пределами староузбекских рукописей: хайдерабадский список «Бабур-наме» (издан А. Беверидж в 1905 г.), калькуттская рукопись того же сочинения; три списка Дивана Бабура (XVIII в.); сокращенный персидский перевод в стихах трактата Бабура об арузе, выполненный в XVIII в. Азфари Карагани (находится в Мадрасе); поэмы Хайдара Хорезми, Дурбека, Лутфи, списки Дивана Зебунниса-бегим; оды ташкентского поэта XIV в. Бедреддина Чачи, переписанные в Индии (хранилище Академии художеств в Сринагаре). Уникальными являются: написанный в Ширазе Диван (включает 1051 газель, ряд касыд и рубаи) хорезмийского поэта конца XIV в. Абдуррахима, бежавшего из Хорезма в Шираз, где он познакомился с известным персидским поэтом Хафизом, имя которого в форме «Хафиз из Хорезма» стало псевдонимом автора; сборник философско-дидактических поэм узбекского поэта первой половины XV в. Саида Касими, состоящий из «Маджма ал-ахбар» («Собрание известий»), «Гулшан-и раз» («Цветник тайн»), «Хакикат-нама» («Книга сущности») и «Илахи-нама» («Книга о боге», переписанная в 1044/1634 г. в Бухаре). Рукописей сочинений Навои мало: его персидский «Диван-и Фани» («Диван Фани»), поэма «Лисан ат-тайр» («Язык птиц»; переписана в Герате в начале XVI в.), роскошная рукопись персидского перевода «Маджалис ан-нафаис» («Собрание избранных») — все хранятся в Хайдерабаде. Есть труды Улугбека,

Али Кушчи, Ибн Сины, автограф Джами «Джевами ат-тибийан фи тафсир» («Свод достоинств, [проявляемых] в комментарии») на арабском языке, семь строк автографа Саади на рукописи его сочинения, переписанной в XIII в. ученым-филологом Замахшари, и др. [Сулейманов, 1980, с. 68—72].

Д. Неру справедливо полагал, что «моголы были чуждым элементом и чужестранцами в Индии» [Неру, 1955, с. 252], так как Бабуриды постоянно стремились сохранить свой родной язык, писали на нем. Так, турецкий адмирал Сиди Али Реис, владевший узбекским языком и писавший на нем стихи, сообщает в своей книге «Мират ал-мамалик» («Зерцало стран»), что «при Хумайун Мирзе среди дворцовой знати был распространен чагатайский язык и часто проводились поэтические вечера на чагатайском языке» [Сиди Али Реис, 1963, с. 33]. Аурангзеб сделал староузбекский язык государственным языком. В этот период придворный ученый Мухаммед Йакуб Чинги составил узбекско-персидский словарь «Келур-наме» («Книга жатвы»), один список которого хранится в ИВ АН УзССР, а другой — в Британском музее в Лондоне [Хафизова, 1972, с. 97—98].

Ветвью среднеазиатского ареала можно считать территорию, населенную туркменами (Туркменская ССР) и географически относящуюся к Средней Азии. В XV—XVII вв. важную роль в формировании старого туркменского литературного письменного языка, отчасти и разговорного, играл староузбекский, являвшийся литературным языком всей Средней Азии того периода. Основными памятниками старого письменного туркменского языка могут служить: религиозное сочинение в стихах «Ревнак ал-ислам» («Светоч ислама»), составленное в 865/1464-65 г. поэтом Вепаи (рукописи его распространены в поновленном языковом варианте); некоторые туркменоязычные тексты из «Шаджаре-йи теракима» Абулгази-хана (XVII в.); записи произведений туркменских народных поэтов XVIII—XIX вв.: Азади (1700—1760), Нур-Мухаммеда Гаиба (ок. 1711—1765), Шабенде (1720—1800), Магрупи (1735—1795), Махтумкули (1733—1783), Гаиби (его современник), Сайииди (1768—1830), Зелили (ок. 1790—1844), Кемине (1770—1840), Молла Непеса (1810—1862), Андалиба (был жив в 1233/1817-18 г.), Катиби (1820—1881), Мухтаджи (1824—1884), Мискин Клыча (1845—1905), Кёр-моллы (1872—1934) и др.

К XIX в. относится историческое сочинение Абд ас-Саттара-казы «Книга рассказов о битвах текинцев», а также уникальные списки ИВ АН СССР, посвященные истории туркмен со времени их появления на Мангышлаке до переселения сары-

ков и салоров в Мерв (рук. В 725-III) и со времени переселения сарыков из Чарджоу в Мервский оазис в 1182/1768-69 по 1319/1901-02 г. (рук. В 725-I), история сарыков в 1183/1769-70 (рук. D21).

В Рампуре (Индия) хранится Диван туркменского поэта XVI в. Байрам-хана, переплетенный в одну книгу с собранием лирики Камрана — сына Бабура [Сулейманов, 1980, с. 72]. В ИВ АН СССР есть три сборника стихов туркменских поэтов XIX—начала XX в., составленные в 1906—1908 гг. для А. Н. Самойловича в Туркмении (рук. В 725, рук. D 21, рук. С 162).

Из приведенного следует, что ранние туркменские сочинения относятся к XV в., основная же часть туркменских произведений — к XVIII—началу XX в. Время переписки рукописей — XVIII—начало XX в. Переписывались они в Туркмении и, редко, в Средней Азии, Поволжье, на Урале. Тематика этих сочинений: поэзия, история, религия. Среди записей произведений народных поэтов есть уникальные и редкие. Художественно оформленных манускриптов нет. Старые рукописи имеют «рядовое» среднеазиатское оформление, новые не являются обычно собственно рукописями (это тетради с записями).

ЗАКАВКАЗСКИЙ (АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ) АРЕАЛ

Территория данного ареала включала восточную часть Закавказья (современный Северный, или советский, Азербайджан, а также Дагестан) и северные районы Ирана (Южный, или Иранский, Азербайджан). Основным языком ареала являлся азербайджанский (исторически он представлен староазербайджанским и азербайджанским). Ему предшествовал в раннесредневековое время тюркский язык огузо-кыпчакского типа с некоторым (все возрастающим) преобладанием в нем огузских черт. Сведений об общем количестве тюркоязычных арабописьменных рукописей, созданных в этом ареале на местном тюркском языке, нет. Судя по данным каталогов, полагаем, что их насчитывается в целом до 100—120 списков.

К XI в. тюркоязычное население в закавказском ареале стало преобладающим в связи с передвижением огузо-кыпчакских тюркских племен из Средней Азии на запад, в Переднюю Азию. Часть из них оказалась в Закавказье, преимущественно в Азербайджане, что способствовало значительной языковой тюркизации этого района. В течение XI—XII вв. в Переднюю

28 Заказ № 174

Азию почти постоянно приходили и оседали здесь все новые группы огузов, кыпчаков, а также уйгуров, канглы, халаджей, образуя в целом конгломерат данных племен с общим для них всех ираноязычным субстратом. В XIII в. на базе местных и пришлых огузо-кыпчакских племен на территории ареала формируется азербайджанская народность. В Южном Азербайджане складывается и сохраняется более «чистый» огузо-тюркский язык, в языке Северного ярче проявляются кыпчакские элементы [Демирчизаде, 1947, с. 3—14].

История азербайджанской литературы начинается в XIII в. творчеством поэта Хасана-оглы (Пури Хасана). Дошедшие до нас ранние образцы тюркоязычной арабографичной письменности данного ареала датируются XIII—XIV вв. Это лексикографические труды «Сихах ал-аджам» («Чистый иранский язык») Фахреддина Нахчивани и «Сихах ал-фурс» («Чистый персидский язык») его сына Шемседдина [Мəммəдова, 1976, с. 110].

Хронология составления сочинений для закавказского ареала: XIII—XIV вв. («Хулийат ал-инсан ве халибат ал-лисан» — «Мысли человека и сфера языка» Ибн Муханны) — начало XX в. (например, сочинения Неджеф-бека Везирли, умершего в 1926 г.). Хронология переписки рукописей в этом ареале: XVI в. (список Дивана Фузули из Южного Азербайджана — рук. ИВ АН СССР В 3973 и др.) — начало XX в. (список сочинения Неджеф-бека Везирли, хранится в АН АзССР).

В конце XIII или в XIV в. филолог Джамаледдин ибн Муханна составил сочинение, содержащее словарь и грамматику огузско-тюркского языка, характеризующееся явными элементами уйгуро-тюркского языка Восточного Туркестана, — «Хулийат ал-инсан ве халибат ал-лисан» («Мысли человека и сфера языка») в Южном или Северном Азербайджане [Мелиоранский, 1900; Малов, 1928]. К XV в. относятся: тюркский Диван поэта-хуруфита Имадеддина Насими (уб. в 820/1417 г.); сочинение по музыке «Макасид ал-адвар» («Цели вращения») Нуреддина Мараджи (составлено в 1413 г.); труды поэтов Касима Энвера (ум. в 1434 г.) и Бадра Ширвани (ум. в 1451 г.); редкий Диван Кишвери [Гəhрəманов, 1976, с. 36, 52]; словарь «Бахр ал-гариб» («Сокровищница чудес») Халими [Гəhрəманов, 1976, с. 71].

В XVI в. творили несколько крупных поэтов и писателей, рукописи их трудов (в особенности Фузули) имеются в ряде стран, где хранятся вместе с турецкими, так как они часто рассматриваются именно как турецкие. Это Диван и поэмы «Дех-наме» («Десять писем»), «Насихет-наме» («Книга нравоучения») уроженца Азербайджана, персидского шаха Исмаила

Сефеви (907—930/1502—1524), писавшего на своем родном тюркском языке под псевдонимом Хатаи; поэмы и прозаические произведения Мухаммеда б. Сулеймана Фузули (903—963/1498—1556), собрание сочинений которого находится в каллиграфически переписанной в Багдаде рукописи 998/1589-90 г. (рук. ИВ АН СССР С 1924) [Бертельс, 1962, с. 493—502]; поэма «Йусуф и Зулейха» Замири (ум. в 973/1565-66 г.; рук. ИВ АН СССР Е 12); уникальный Диван Рахмати Тебризи (современника Фузули — в АН АзССР).

В XVII в. были созданы: жизнеописание поэтов «Маджма ал-хавасс» («Собрание избранных»), написанное писателем, поэтом, каллиграфом, миниатюристом и воином Садик-беком Афшаром (был жив в 1058/1648 г.) [11]; тюркский Диван Саиба Тебризи (1012—1081/1603—1671); Диван Ахмеда Нишати (ум. в 1085/1674 г.); произведения Мухаммеда-Али (ум. в 1680 г.) и др. Вероятно, в XVII в. уроженец Азербайджана Акташи по поручению Чубан-бека, сына дагестанского правителя Гирей-хана, «переложил по-тюркски» известное персидское сочинение «Таварих-и Дербенд-наме» («Книга историй Дербенда») Казвини (рук. ИВ АН СССР В 764, 1225/1810 г.).

К XVIII—началу XX в. относятся сборник стихотворений шекинского хана Хасана (XVIII в.), произведения Вагифа (1717—1797), Вели Видади (1709—1809), Закира (1784—1857), Аббаскули Бакиханова (1794—1848), Мирзы Шафи (1792—1852), Хуршид-бану Натеван (1837—1897), Ахунд-заде (Ахундова, 1812—1878), Неджеф-бека Везирли (1854—1926) и др. Уникальное сочинение по истории Дербенда составил в 1244/1828-29 г. Шуаи (рук. ИВ АН СССР А 1016). Хроники Мирзы Джамала, Мир Мехти Хазани, Мирзы Ахмеда представлены автографами в АН АзССР. Историю Карабаха «Карабаг-наме» («Книга о Карабахе») написал Мирза Адигузел-бек в 1845 г. по просьбе тифлисского вице-губернатора М. П. Колюбакина (ее списки хранятся в ИВ АН СССР и АН АзССР; в ИВ АН СССР — рук. В 1881, переписанная через три года после составления сочинения). Автобиография Мирзы Адигузел-бека имеется в рукописях ИВ АН СССР (рук. В 1881 и рук. В 762) и АН АзССР. Сборники азербайджанского фольклора XIX в., медицинские (в основном народная медицина) и другие произведения имеются в хранилищах АН АзССР.

---

[11] Сохранилось несколько его миниатюр. На одной из них (рук. ИВ АН СССР D 181) изображен Тимур-хан Туркмен (л. 16). Этот портрет, начатый Садик-беком в 1020/1611-12 г., был закончен Муин-мусаввиром в 1095/1683-84 г. [Казиев, 1959, с. 183—187]. Садик-бек написал по-персидски «Трактат о живописи» («Канун ас-сувар»), изданный в 1963 г. А. Ю. Казиевым.

В закавказском ареале сильным и длительным было влияние ираноязычных литературы, языка, искусства. Это сказалось в том, что в XIV—XVI вв., например, преобладающее число произведений написано на иранских языках, очень популярными являлись списки сочинений Джами и других классиков персидско-таджикской литературы [Нағыјева, 1963, с. 125], в лексике письменного азербайджанского языка большое место занимали заимствования из иранских языков и через них — из арабского. Что касается других тюркоязычных литератур, то в XVI—XIX вв. были популярны труды узбеков — Навои, Байкары, Улугбека, турок — Ламии, Печеви, Недима, Сабита, туркмена Махтумкули.

С целью популяризации династии Сефевидов в Южном и Северном Азербайджане Мухаммед-катиб Нишати Ширази в 949/1542-43 г. перевел с персидского жизнеописание родоначальника этой династии шейха Сефеддина (ум. в 735/1334 г.) «Сафат ас-сафа» («Чистота радости») Таваккули б. Исмаила б. Баззаза (1759/1358 г.) и «Раузат аш-шухада» («Сад мучеников») Ваиза Кашифи (перевод имеет другое заглавие: «Шухаданаме» — «Книга о мучениках»). Назовем и уже упоминавшийся перевод истории Дербенда Казвини, выполненный, вероятно, в XVII в. Акташи. Переводческая деятельность, конечно, получила свое развитие в закавказском ареале, но, так как изучение ее еще специально не производилось, пока трудно говорить о ней более определенно. Полагаем все же, что меньшее, чем в других рассмотренных ареалах, число переводов с иранских языков, возможно, свидетельствует о лучшем знании местным тюркским населением этих языков.

Созданные здесь тюркоязычные сочинения написаны в разных городах и местностях Северного и Южного Азербайджана и Дагестана. Рукописи обычно переписывались там же и — несколько реже — в Турции, Средней Азии. Среди манускриптов есть автографы поэтов, писателей, историков, рукописи уникальные и редкие, каллиграфически исполненные и художественно оформленные, имеющие прекрасные миниатюры. Так, в АН АзССР хранятся автографы названного выше хрониста XIX в. Адигузел-бека, карабахского ученого, поэта и художника Мир Махсун Навваба (списки его азербайджанских и персидских сочинений 1883, 1897, 1899 гг.) [Мајылова, 1963, с. 115]; автографы турецких авторов: Ниматаллаха — составителя словаря (947/1541 г.), Сабита — создателя дивана (1124/1712 г.) и др.

Культурным центром Азербайджана в средние века и позже был Тебриз. Здесь сосредоточивались обычно лучшие поэты, писатели, ученые, каллиграфы, миниатюристы. Сведения о них

и их творчестве хорошо известны. Отметим только, что едва ли имеются фактические данные для выделения особой азербайджанской художественной школы второй половины XVI—начала XVII в. [ср.: Казиев, 1964, с. 5—30]. В результате исследований специалистов выяснилось, что относимые к ней мастера по стилю работы принадлежали к казвинской и исфаханской персидским художественным школам [Иванов, 1967, с. 203].

Большое число азербайджанских (и староазербайджанских) арабописьменных рукописей хранится в Республиканском рукописном фонде АН АзССР, где сосредоточено до 350 тыс. списков рукописных сочинений на различных языках [Султанов, 1961, с. 7]. Рукописи произведений Фузули, Насими, Саиба Тебризи имеются во многих хранилищах СССР и зарубежных. Например, до 30 списков Дивана Насими насчитывается в хранилищах СССР (Азербайджан, Грузия, Армения, Узбекистан, Туркмения, Ленинград), Англии, Франции, Чехословакии, Италии, Турции, Ирана, арабских стран [Каграманов, 1973, с. 31—36]. В ИВ АН СССР имеется до 25—30 азербайджанских манускриптов.

ПОВОЛЖСКО-УРАЛЬСКИЙ АРЕАЛ

Его территория — Поволжье и Урал, основной письменный язык — татарский (и старотатарский), в раннем средневековье — тюркский язык кыпчакского типа с огузскими и булгарскими особенностями. По рукописным арабографичным памятникам этого ареала особенности башкирского языка почти не проявляются. Манускрипты поволжско-уральского ареала составляют более четвертой части всех тюркоязычных рукописей.

В IX—X вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье шел процесс формирования булгарского тюркского государства и булгарской народности, завершившийся к XII в. В соседних тюркских степных районах (Дешт-и Кыпчак) кыпчакский язык в результате «поглощения» родственных тюркских языков — огузского и булгарского — приобрел в XI—XIII вв. некоторые общие с ними черты [Баскаков, 1969, с. 146—147]. После монгольского завоевания возникло государство Золотая Орда (в восточных источниках оно называлось улусом Джучи или Голубой Ордой) со ставкой Сарай Бату возле современной Астрахани, а затем — Сарай Берке (или Новый Сарай) на нижней Волге (в районе Ахтубы). К концу XIII в. оно подчинило булгаров, Дешт-и Кыпчак, Русь, Крым, Северный Кавказ и Север-

ный Хорезм. В Золотой Орде сложился свой литературный письменный язык, который сначала пользовался двумя письменностями (уйгурской и арабской), а с середины XIV в. — только арабской. Видимо, арабская письменность пришла к тюркам Поволжья и Урала из Средней Азии, а не непосредственно от арабов, с которыми они (булгары) уже в X в. имели связи через халифских послов (посольство Ахмеда б. Фадлана от халифа Муктадира к булгарскому царю Алмушу в 922 г.). В XV в. Золотая Орда распалась и выделилось три самостоятельных ханства: Крымское (в 1443 г.), Казанское (в 1438 г.), Астраханское (в 1459 г.).

Так как исторически в государстве Золотой Орды сложилось два культурных центра (Хорезм и Египет), то все созданные на его территории за время существования Золотой Орды тюркоязычные письменные памятники можно разделить на две группы: восточную (Хорезм и смежные с ним территории) и западную (районы Поволжья, южнорусских степей, Крым и земли к западу от него, включая Египет, куда кыпчаки эмигрировали из южнорусских степей во время монгольского нашествия и где они создали свое государство мамлюков).

Памятники первой группы относятся к среднеазиатскому ареалу (они были указаны в его обзоре), памятники второй группы были созданы на указанной выше территории. Старейшие из них датируются XIII—XIV вв. Это тюркоязычные материалы из составленного в 1245 г. в Египте анонимного тюрко-арабского словаря (издан Т. Хоутсма); аналогичные материалы из тюрко-арабского словаря с грамматическим очерком «ат-Тухфат аз-закиййа» («Дары сообразительности»), написанного также в Египте в XIII—XIV вв. с целью обучения арабов тюркскому языку; такие же материалы из словаря и грамматики арабского филолога Абу Хаййана, отражающей особенности бытовавшего тогда в Золотой Орде кыпчакского тюркского языка с элементами сравнения его с огузским тюркским языком той эпохи (составлен в 1313 г.). Это поэма «Кисса-йи Джумджума» («Сказание о Джумджуме») Хусама-катиба (был жив в 770/1369-70 г.); дастан «Кисекбаш китаби» («Книга о Кисекбаше» — XIII—XIV вв.); «Нахдж ал-фарадис» («Райский путь») Махмуда б. Али (759/1357-58 г.); арабско-кыпчакский словарь «Китаб-и булгат ал-муштак фи-л-лугат ат-турк ва-л-кифчак» («Красноречивая желанная книга на языке тюрок и кыпчаков») Джамаладдина ат-Турки (первая половина XV в.), содержащий также сравнительные данные о кыпчакском и огузском языках; поэзия Камала Умми (XV в.).

Мамлюкские султаны покровительствовали искусствам, наукам и литературе. Некоторые из них знали арабский язык и

занимались литературой (Кайыт-бай, Кансу Гаври), но большинство их говорило только на родном тюркском языке, который поэтому имел в государстве мамлюков большое значение и должен был как-то восприниматься местным арабским населением. Это и явилось причиной создания здесь нескольких тюрко-арабских словарей и грамматик, тюркоязычных религиозных и других сочинений. О довольно широком распространении тюркского языка в мамлюкском Египте сообщают и арабские источники [Амин ал-Холи, 1962, с. 31—32].

Тюркский язык, на котором создавались такие сочинения, имел три диалекта. Сохранившиеся письменные памятники распределяются по ним несколько условно, порою с отнесением одного и того же памятника к двум разным говорам внутри диалекта, что обусловливается неизученностью их языка. Диалекты: 1) собственно кыпчакский [памятники: перевод «Гулистана» («Цветник роз» — XIII в.) Сайфи Сарайи; «Иршад ал-мулук» («Наставление правителям») Берке Факиха; сочинения неизвестных авторов: «Китаб би итарат ал-вазих» («Книга ясного управления») и «Мунийат ал-гузат» («Цель победителей»)]; 2) огузо-кыпчакский (смешанный) с двумя говорами: один — с преобладанием восточнотюркских элементов [памятники: «Китаб фи илм ан-нушшаб» («Книга науки о напитках») или «Хуласа» («Сущность»), «Китаб ал-хайл» («Книга толпы»)], другой — с преобладанием старотурецких элементов [памятники: «Китаб фи-л-фикх би лисан ат-турки» («Книга права на языке тюрок»), или «Китаб ал-фикх» («Книга права»), или же «Хуласа»; «Китаб ал-хайл» («Книга толпы»), «Китаб би итарат ал-вазих» («Книга ясного управления»), «Китаб-и мукаддимат-и Аби-л-Лайс ал-Самарканди» («Книга введения Абу-л-Лайса ас-Самарканди»)]; 3) старотурецкий [памятники: стихи султанов Кайыт-бая (1468—1495), Кансу Гаври (ум. в 1517 г.); перевод сочинения Айни, выполненный в XIV в. Кудури; «Фарах-наме» («Книга радости») Камал-оглу (XIV в.), произведения Зарифа (XIV в.), «Хикмат-наме» («Книга мудрости») Балу (XV в.), перевод «Шах-наме», выполненный Хусейни в 916/1510 г. [PhTF, 1964, с. 297—300] (в 952/1545 г. перевод этого же сочинения был сделан Шерифом Амиди по приказу султана Кансу Гаври)].

По времени составления арабописьменные тюркоязычные памятники поволжско-уральского ареала относятся к XIII—XIV—началу XX в. (например, автограф сборника стихов, песен, личных и памятных записей Азизы Самитовой по 1925 г.— рук. ИВ АН СССР В 4106), по времени переписки — в основном к XVIII—началу XX в. Тематика их довольно разнообразна: история (главным образом местная, полулегендарного харак-

тера), маршрутники паломников, поэзия, художественная проза (в небольшом количестве, чаще — переводы с персидского), фольклор, лексикография, медицина (народная), религия, учебные пособия (представлены широко).

К ранней татарской (на территории Казанского ханства) письменной литературе следует отнести поэмы «Тухфа-йи мардан» («Дар мужей», 946/1539 г.) и «Нур-и судур» («Свет сердец», 948/1542 г.) Мухаммедйара и «Таварих-и Булгарийа» («История Булгарии») Булгари (XVI в.).

В XVIII — начале XX в. создано немало произведений на татарском языке: «Исмаил сейахати» («Путешествие Исмаила») — описание хаджа в Мекку некоего Исмаила (вторая половина XVII в.); описание хаджа Умар-угли Мухаммед-Амина в 1783—1786 гг.; сочинения Абу-л-Муниха (1782—1826), Абдаррахима Утыз-Имани [(1754—1834); поэмы: «Бадавам китаби» («Книга с продолжением»), «Авариф аз-заман» («Дары времени)»; комментарий к поэме «Сабат ал-аджазин» («Твердость слабых») Суфи Аллайара], Таджеддина Йалчигул-угли [(1768—1838); комментарий к той же поэме, названный «Рисала-йи Азиза» («Сочинение для Азизы»)], Гази (был жив в 1825 г.), Умара б. Мухаммеда [(первая половина XIX в.); поэма о путешествии наследника Александра Николаевича в Оренбург в 1837 г.], Абд ал-Джаббара Кандалы [(1797—1860); несколько поэм], Хибаталлы б. Сайиид Баттала [(1794—1867); поэма «Маджма ал-адаб» («Собрание приличий»)], Али Чукры [(1826—1889); поэма «Алами хади» («Знамения проповедников») и др.], Шемседдина Суфи [(ум. в 1889 г.); поэмы и касыды]; произведения историков и писателей XIX в.: Салихи (история булгар), Шихабеддина Марджани [(1815—1889); история булгар, Казанского ханства]; труды Кайиума Насыри [(1825—1902); энциклопедия «Фаваких ал-джуласа» («Плоды собеседников»); учебники геометрии, географии, представленные в ИВ АН СССР в авторских автографах, и др.], Шайх-заде Бабича (1895—1919), Фатиха Халиди (1850—1923), Азизы Самитовой (1862—1929) и др. Сочинения многих авторов XVIII—начала XX в. широко бытуют в Поволжье и на Урале в ряде списков, бóльшая часть их издана.

На этой же территории были созданы эпиграфические (эпитафии на камне), документальные (ярлыки, родословия) памятники арабской письменности на башкирском и татарском языках. В результате археографического обследования Башкирии в настоящее время выявлено до 3 тыс. списков мусульманских сочинений, среди которых преобладают татарские, но есть и несколько башкирских. Тематика, содержание их пока неизвестны.

Среди татарских рукописей нередко встречаются сокращенные переводы и переводы-обработки арабских религиозных сочинений, комментарии к ним и некоторым узбекским религиозным произведениям [например, комментарий Утыз-Имани к «Сабат ал-аджазин» Суфи Аллайара; несколько анонимных переводов и комментариев к «Касида-йи бурда» («Ода о плаще») Бусири и т. д.]. Переводов ираноязычных трудов меньше, это главным образом литературно-этические сочинения [«Калила ва Димна» («Калила и Димна»), «Кабус-наме» («Книга Кабуса») и т. д.].

Сочинения создавались (а рукописи переписывались), вероятно, в разных городах и местностях рассматриваемого ареала, однако указываются они очень редко. В различные исторические периоды границы данного ареала менялись, но как бы исконным «центром» («основой») для него обычно оставалась территория Поволжья (реже — Урала). Каллиграфически переписанных списков в ареале нет, но имеются очень четко и аккуратно выполненные известными лицами. Например, заключительную часть сочинения «Таварих-и Булгарийа» Булгари, судя по почерку, переписал К. Насыри (рук. ИВ АН СССР В 2615). Разные тюркоязычные рукописи переписал в бытность свою в Петербурге Х. Фейзханов (рук. ИВ АН СССР В 747, D 126 и др.). Утыз-Имани переписал списки сочинений ряда известных ирано- и арабоязычных авторов (Джелаледдина Руми, Саади, Аттара, Хафиза, Газали и др.), сводный текст поэмы «Кисса-йи Йусуф» составил Али, избавив его от поздних интерполяций (издан в 1839 г.), такую же работу он проделал над «Месневи» Джелаледдина Руми, «Сабат ал-аджазин» Суфи Аллайара [Шарипов, 1973, с. 12—13]. Обычно среди татарских рукописей много переписанных не профессионалами-переписчиками, а учениками (*шакирдами*).

В данном ареале имеются автографы авторов-историков Салихи, Марджани; писателей и ученых К. Насыри, Я. Адути, М. Х. Курбангалиева (в ИВ АН СССР и в Казанском государственном университете); переводчиков и комментаторов, например Утыз-Имани. Встречаются уникальные и редкие манускрипты: автограф одного из составителей латинско-татарского (1754 г.) и татарско-латинского словарей (1755 г.), которые создали европейские миссионеры (члены ордена капуцинов) в Астрахани Габриеле и Сотер (рук. ИВ АН СССР D 621, D 649); поэма Умара б. Мухаммеда о путешествии наследника Александра Николаевича в Оренбург (рук. ИВ АН СССР В 325), дневник Азизы Самитовой (рук. ИВ АН СССР В 4106) и т. д. Есть списки поздних татарских произведений (чаще XIX — начала XX в., обычно это автографы) с цензорскими пометками и подписями Р. Р. Розена, В. Д. Смирнова (в собрании

ИВ АН СССР); например, автограф учебника географии К. Насыри, который был составлен в 1877 г., имеет пометки и подпись цензора В. Р. Розена (рук. ИВ АН СССР А 1067).

Художественно оформленных тюркоязычных арабописьменных рукописей в поволжско-уральском ареале не обнаружено. Ранние образцы манускриптов этого ареала оформлены в стиле арабских (видимо, египетско-мамлюкских) рукописей: переплеты из темной гладкой кожи поверх картона, в редких случаях — с небольшим геометрическим узором без позолоты, но чаще вообще без тиснения; белая, сравнительно тонкая бумага западноевропейского производства; скромная, сделанная чернилами рамка для текста; строгий прямой почерк насх; отсутствие унванов. Поздние (XVIII—начало XX в.) образцы определяются по русским картонным переплетам с кожаным темным корешком (они могут быть обтянуты дешевой цветной хлопчатобумажной тканью), плотной грубой (но лощеной) русской (белой, серой и голубой) бумаге, небрежному скорописному виду почерка насталик. Большинство таких манускриптов найдено уже без переплетов (они получили их в стенах хранилищ), поврежденными от сырости, грязи (земли), огня, червоточин — как следствие их хранения в земле в бурное революционное время начала XX в., так как местные муллы пугали население тем, что мусульманские рукописи будут уничтожены новой властью.

Рукописи поволжско-уральского ареала, прежде всего татарские, находятся в основном в Татарии и Башкирии (недавно в Уфе создано хранилище рукописей), несколько меньше их в Ленинграде (ИВ АН СССР, ЛГУ), в очень небольшом количестве есть они в других хранилищах Советского Союза и зарубежных (отдельные ранние образцы арабографичной письменности данного ареала). Знаменательно, что татарские манускрипты в большем числе встречаются лишь в собраниях, которые были приобретены в районах, населенных татарами. В Египте больше списков памятников, созданных там в период государства мамлюков.

Заметим, что татарские рукописи рассматриваемого ареала служили средством приобщения ряда других малых тюркоязычных народов России к литературе и культуре народов Востока (арабов, иранцев, узбеков, турок), к русской культуре.

* * *

Будучи тесно связанной с мусульманской рукописной книгой — наследницей огромного культурного богатства народов
 Востока, тюркская рукописная книга прочно занимала третье

по численности образцов (но не по значению) место после арабской и персидско-таджикской. Нередко списки арабских и ираноязычных сочинений входили в один сборник, одну рукописную книгу вместе со списками тюркоязычных произведений, переводов и комментариев. Поэтому в хранилищах оказываются собранными вместе арабо-, ирано- и тюркоязычные манускрипты.

В собрании ИВ АН СССР, где в арабописьменных рукописях представлены перечисленные выше тюркские языки, численно преобладают манускрипты на узбекском, турецком и татарском языках (примерно в равных соотношениях между собой, каждый насчитывает около 400—450 списков), затем следуют уйгурские рукописи (200 или чуть более списков), туркменские (более 20), азербайджанские (чуть более 25—30) и на прочих языках по нескольку единиц.

В хранилищах Турции и почти во всех других зарубежных, кроме Восточного Туркестана и Индии, из тюркских манускриптов преобладают турецкие и лишь в небольшом числе по сравнению с ними имеются узбекские (чаще староузбекские) и азербайджанские. В Индии и, возможно, в Иране преобладают староузбекские и азербайджанские, в Восточном Туркестане имеются уйгурские и некоторое количество узбекских (среди них и староузбекские).

В Советском Союзе турецкие рукописи сосредоточены в основном в Ленинграде, Грузии, определенное число их есть и в Азербайджане; узбекские — в Средней Азии, в довольно большом количестве они имеются в Ленинграде, отчасти в Азербайджане и, еще меньше, в Туркмении; татарские — в Ленинграде, Поволжье и на Урале; уйгурские — в Ленинграде, Ташкенте; крымско-татарские — в Ленинграде, Баку; азербайджанские — в Баку, Ленинграде; туркменские — в Туркмении, Ленинграде; казахские — в Казахстане, отчасти в Ленинграде. Бесспорно, этот перечень будет в будущем уточнен.

Предварительно можно сказать, что в целом бóльшая часть тюркских манускриптов находится в Турции и Советском Союзе, несколько уступают им все остальные хранилища мира, вместе взятые.

Все обилие тематических разделов представлено в тюркском фонде ИВ АН СССР, значительная их часть (но не все) — в собрании Академии наук УзССР (Ташкент) и, в большей мере, библиотек Стамбула. Почти во всех хранилищах, кроме Алма-Аты и Ашхабада, есть тюркские рукописи по истории, поэзии, религии. В Алма-Ате имеются только записи фольклора, в Ашхабаде — также фольклорные записи и некоторое количество поэтических авторских сочинений. Конечно, описание всех

тюркоязычных фондов Советского Союза даст точные сведения об их составе и численности. Во многих каталогах довольно больших хранилищ (их перечень см. ниже) в разделе «история» несколько преобладает история Османской империи над всеобщей историей (обычно это общая история Ближнего и в значительно меньшей мере Среднего Востока). Сочинения по истории других стран, кроме нескольких историй арабских стран и отдельно Ирана, в каталогах единичны. Однако число это быстро возрастает до десятков и более сочинений, если собрание манускриптов находится в одной из соответствующих «одиночных» стран: так, в ИВ АН СССР преобладают в два раза по числу сочинений и почти в три по числу списков рукописи по истории народов СССР, в прошлом исповедовавших ислам. В каталоге уйгурских рукописей, составленном в Урумчи [Мухлисов, 1957], история характеризуется в основном сочинениями по истории Восточного Туркестана. Богато и разнообразно представленные разделы сочинений по истории народов СССР (общего плана; Поволжья — Урала, Сибири, Средней Азии, Крыма, Кавказа) и народов Восточного Туркестана составляют уникальную особенность собрания ИВ АН СССР, которое в отдельных своих частях имеет аналогии (возможно, даже с некоторым превышением) в хранилищах рукописей соответствующих союзных и автономных республик нашей страны (Ташкент, Баку, Казань).

Судя по имеющимся печатным каталогам, спискам, сообщениям и заметкам, тюркские манускрипты имеются не только в отмеченных выше районах расселения тюрок, но и в ряде городов Европы, Азии, Северной Африки и Северной Америки. Однако каталогизирована примерно лишь пятая часть всех тюркских рукописей мира — около 18 тыс. единиц [Дмитриева, Муратов, 1972, с. 145—147]. Отметим наиболее ценные и полные из каталогов, появившихся в печати в разное время и в разных странах: каталоги Б. А. Дорна (Публичная библиотека в Петербурге, 1852 г.), В. Д. Смирнова (Учебное отделение Министерства иностранных дел, Петербург, 1897 г.; эта коллекция в 1918 г. была передана в Азиатский музей), Г. Флюгеля (Публичная библиотека в Вене, 1865—1867 гг.), Ч. Рьё (Британский музей, Лондон, 1888 г.), В. Перча (Библиотека в Готе, Вена, 1864 г.; Библиотека в Берлине, 1889 г.), Э. Блоше (Национальная библиотека в Париже, 1932—1933 гг.), К. Цеттерстена (Университетская библиотека в Упсале, 1930 и 1936 гг.), Э. Росси (Библиотека Ватикана, Рим, 1953 г.), В. Ф. Минорского (Библиотека Честер Битти, Дублин, 1958 г.), Й. Блашковича и др. (Университетская библиотека в Братиславе, 1961 г.), Б. Флемминга и др. (библиотеки Тюбингена, Марбурга, в которых размещаются в настоящее время эвакуированные в годы

второй мировой войны рукописные фонды библиотеки в Берлине, — Висбаден, 1968 и 1974 гг.), турецкие каталоги библиотек Стамбула (описание диванов — 1947 г., исторических и географических сочинений — 1943—1960 гг., рукописей, содержащих Хамсе — 1961 г.), каталоги Академии наук УзССР (Ташкент, 1952—1967 гг.) и др. Не потеряли своего значения и старые каталоги, изданные арабским письмом: Дагистани (Библиотека Хедива в Каире, 1306/1888-89 г.), стамбульских библиотек (1300/1882-83—1312/1894-95 гг., в 40 выпусках). Последний каталог почти не используется исследователями, в то время, как он содержит описание более 60 тыс. рукописей и некоторого количества книг на арабском, иранских и тюркских языках, лишь небольшая доля этих тюркских манускриптов вошла в указанные выше позднейшие турецкие каталоги.

Подводя итоги всему изложенному, отметим еще раз, что тюркоязычная письменно-литературная традиция в восточнотуркестанском ареале началась в XI в., но, видимо, прерывалась в XII—XVI вв., возобновившись с XVIII в. (конца XVII в.), и продолжалась до начала XX в. В среднеазиатском ареале она существовала непрерывно с XII в. (XII—XIV в. — в Хорезме) до начала XX в., а в закавказском (азербайджанском), малоазиатском (турецком) и поволжско-уральском — с XIII до начала XX в. Возможно, в восточнотуркестанском ареале в XII—XVI вв. письменно-литературная тюркоязычная традиция переместилась во второй «культурный» район Караханидского государства — западный (центр на Сырдарье, культура тюрко-иранская). С другой стороны, в Моголистане (государство Чагатаидов), занимавшем с XIV в. по 80-е годы XVII в. территорию первого «культурного» района Караханидского государства — восточного (центр в Кашгаре и Баласагуне, культура уйгурская), не найдено тюркоязычных письменных памятников [12]. Напомним, что для Моголистана указанного

[12] В связи с этим интересно предисловие переводчика Мухаммеда Нийаза к выполненному им в 1253/1836-37 г. уйгурскому переводу персидского сочинения Мухаммеда Хайдара (XVI в.) «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди»): «Сановные вельможи Яркенда не раз говорили мне, что край этот принадлежит к области Моголистана и является местопребыванием ханов. Жизненные обстоятельства ханов от времени Чингиза до пресечения ханской династии в Моголистане неизвестны. Неизвестно также, сколько правителей царствовало в этом вилайете, каковы были установленные порядки, как они соблюдались и когда перестали действовать. „Вот если бы ты добыл книжку, где излагалась история правления ханов, или нашел достойного доверия сказителя, который поведал бы об этих событиях, с тем чтобы имена могольских ханов не исчезли в здешнем мире и их жизненные обстоятельства не остались в забвении“» (рук. ИВ АН СССР D 120, л. 6а—11а) [Султанов, 1978, с. 144—145]. «Тарих-и Рашиди» представляет собой историю последних

периода характерны были внутренние миграции населения, постоянная внутренняя феодальная борьба и связи с ираноязычными соседями. Все это дает некоторые основания предполагать, что такие памятники могли просто не сохраниться или что письменная литература существовала здесь в иной языковой (ираноязычной?) или письменной (уйгурографичной?) оболочке.

В среднеазиатском ареале центры культуры и тюркоязычной письменной литературы менялись, как и границы самого ареала, на протяжении всей его истории: Хорезм, Герат, Самарканд, Хива — Бухара — Коканд. Менялись и границы поволжско-уральского ареала: западные районы Золотой Орды (Поволжье, южнорусские степи, Крым, Египет) в XIII—XIV вв., Казанское ханство (Поволжье) в XV—XVIII вв., Поволжье и Урал в XVIII—начале XX в. — с постоянно расположенным на Волге (в различных районах) центром, к которому в XIII—XVI вв. добавился второй — в Египте.

Видимо, можно говорить о единой связывающей все ареалы тюркоязычной письменно-литературной традиции, которая начинается в XI в. в восточнотуркестанском ареале, в XII в. переходит в Хорезм (среднеазиатский ареал), затем распространяется на весь среднеазиатский ареал, перемещается в закавказский (азербайджанский) и малоазиатский (турецкий) ареалы. Из Хорезма в XIII—XIV вв. в другом языковом варианте она проникает в Поволжье, южнорусские степи, Крым, Египет (поволжско-уральский ареал). В период Джучидов и особенно Тимуридов данная письменно-литературная традиция характеризуется большим влиянием языка и письменной литературы среднеазиатского ареала на восточнотуркестанский, поволжско-уральский, отчасти закавказский (азербайджанский), малоазиатский (турецкий) ареалы.

Широкое тематическое разнообразие характерно для среднеазиатского и малоазиатского (турецкого) ареалов, но только в последнем имели место официальная историография, законодательная литература, наставления и образцы документов, официальных и частных писем, обусловленные, на наш взгляд, единой длительной «государственностью» (династия Османов). Только в первом были представлены словари к произведениям Навои. Для этих двух ареалов, а также закавказского (азербайджанского) отмечается развитие «диванной» поэзии, жизнеописа-

---

правителей из рода Чингизидов в Средней Азии и Кашгарии от Тоглук-Тимур-хана (748—764/1348—1362) до 952/1545-46 г. Современные автору события описаны в виде мемуаров. В сочинении приводятся некоторые правила поведения государей и поучительные рассказы о шейхе Шихабеддине Махмуде [Дмитриева и др., 1965, № 87].

ний поэтов с образцами (антологиями) их творчества. В восточнотуркестанском и среднеазиатском ареалах широкое распространение получили обрядники ремесленников, местные исторические хроники. В поволжско-уральском ареале преобладала местная история (полулегендарного характера), религиозная литература учебного плана и собственно учебные пособия по разным областям знаний XIX—начала XX в.

Во всех ареалах, кроме поволжско-уральского, переводы делались в основном с иранских языков, а в последнем — с арабского (только немногие образцы художественной прозы переводились здесь чаще с персидско-таджикского оригинала). Меньше всего переводов осуществлялось, видимо, в закавказском (азербайджанском) ареале. Это объясняется, вероятно, тем, что персидский язык был официальным для государств этого ареала, а потому местное население и знало его лучше, чем в других ареалах.

Специфические черты в оформлении рукописей проявлялись в восточнотуркестанском ареале. В малоазиатском (турецком), закавказском (азербайджанском) и особенно среднеазиатском ареалах господствовала иранская художественная традиция в оформлении тюркоязычных манускриптов с внесением некоторых своих черт (в более ранние и поздние периоды). В поволжско-уральском ареале отсутствовали художественные образцы в оформлении рукописей и в целом, видимо, повторялось оформление рядовых образцов арабской рукописной книги.

Письменность в восточнотуркестанском ареале (в XI в.) и отчасти среднеазиатском (для Хорезма XII—XIV вв.) — арабская и уйгурская, в остальных ареалах — только арабская. Особенностью последней для ранних образцов малоазиатского ареала являлось употребление *харакетов* (огласовок) и раздельное написание аффиксов и корня.

Конечно, по мере дальнейшего изучения ареалов арабописьменной тюркоязычной рукописной книги сведения о ней будут уточняться и дополняться.

Азимджанова, Вороновский, 1963. — Азимджанова С. А., Вороновский Д. Г. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963.

Акимушкин, Иванов, 1968. — Акимушкин О. Ф., Иванов А. А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. — НАА. 1968, № 1.

Амин ал-Холи, 1962. — Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв., М., 1962.

Бартольд, 1966. — Бартольд В. В. Культура мусульманства. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.

Баскаков, 1969. — Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
Бертельс, 1962. — Бертельс Е. Э. Новая рукопись Куллийата Фузули. — Избранные труды. Низами и Фузули. М., 1962.
Боровков, 1963. — Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963.
Валидов, 1915. — Валидов А. Восточные рукописи в Ферганской области. — ЗВОРАО. Т. 22, 1915.
Валитова, 1973. — Валитова А. А. Типология восточной поэмы. — СТ. 1973, № 4.
Грунина, 1971. — Грунина Э. А. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв. — СТ. 1971, № 4.
Гуревич, 1972. — Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
Демидова, Костыгова, 1963. — Демидова М. И., Костыгова Г. И. Фонды рукописей и печатных изданий на языках народов Востока в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения. М., 1963.
Демирчизаде, 1947. — Демирчизаде А. Огузо-кыпчакские элементы в азербайджанском языке. — Труды Института языка АН АзССР. Баку, 1947, т. 1 (на азерб. яз.).
Дмитриева, 1964. — Алӣшӣр Навā'ӣ. Дӣвāн. Издание текста, предисловие и указатели Л. В. Дмитриевой. М., 1964.
Дмитриева и др., 1965. — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения [АН СССР]. Вып. 1. История. М., 1965.
Дмитриева, Муратов, 1972. — Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Каталоги, списки и обзоры тюркских рукописей XVIII—XX вв. — ППВ-69. 1972.
Иванов, 1967. — Иванов А. А. Материалы для библиографии работ о ближневосточной миниатюре. — НАА. 1967, № 1.
Иванов, 1968. — Иванов А. А. Материалы для библиографии работ о ближневосточной миниатюре. 2. — НАА. 1968, № 3.
Каграманов, 1973. — Каграманов Дж. В. О рукописях произведений Имадеддина Насими. — СТ. 1973, № 5.
Казиев, 1959. — Казиев А. Ю. О миниатюрах Садиг бека Афшара. — Доклады АН АзССР. Т. 15, № 2, 1959 (на азерб. яз.).
Казиев, 1964. — Казиев А. Ю. Об искусстве азербайджанской миниатюры конца XVI и начала XVII в. — Искусство Азербайджана. Т. 10. Баку, 1964.
Казиев, 1977. — Казиев А. Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII—XVIII вв. М., 1977.
КЛЭ, 1966. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1966.
Кононов, 1972. — Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк». — СТ. 1972, № 1.
Крачковский, 1957. — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957.
Кушев, 1980. — Кушев В. В. Афганская рукописная книга. М., 1980.
Малов, 1928. — Малов С. Е. Ибн-Муханна о турецком языке. — Записки Коллегии востоковедов. Т. 3. Вып. 2. Л., 1928.
Малов, 1951. — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
Мамедова, 1974. — Мамедова Э. О некоторых приемах художественного оформления хивинских рукописей XIX в. — Общественные науки в Узбекистане. Таш., 1974.

Мелиоранский, 1900. — Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.

Мугинов, 1958. — Мугинов А. М. Персидская универсальная рукопись Рашид ад-дина. — «Ученые записки Института востоковедения». Т. 16. М.—Л., 1958.

Мугинов, 1962. — Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.

Мухлисов, 1957. — Йусӯпбӣк Мӯх̱лисӯв. Ӯйг̅ӯр кла̅ссик адабийа̅тӣ кӯлйазмалиринин̡ ка̅та̅лӯгӣ. [Ӯрӯмчӣ], 1957 (араб. письмом).

Наджип, 1974. — Наджип Э. Н. Сравнительный анализ текстов наманганского и каирского списков «Кутадгу билиг». — СТ. 1974, № 6.

Наджип, 1976. — Наджип Э. Н. О языке памятника начала XIII в. «Кисса-и Юсуф» Али. — СТ. 1976, № 2.

Неру, 1955. — Неру Д. Открытие Индии. М., 1955.

Самойлович, 1909. — Самойлович А. Н. О хивинской придворной библиотеке и книгопечатании. — ЗВОРАО. Т. 19, 1909.

Семенов, 1958. — Семенов А. А. Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения. — Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте. 4—11 июня 1957 г. Таш., 1958.

Сиди Али Реис, 1963. — Сейди Али Раис. Миратул Мамолик. Тошкент, 1963.

Смирнов, 1898. — Смирнов В. Д. Турецкие легенды о святой Софии, о других византийских древностях. СПб., 1898.

Собрание, 1952. — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1952.

Собрание, 1964. — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 7. Таш., 1964.

Сулейман, 1960. — Сулейман Х. Опыт изучения и составления критического текста рукописных диванов Алишера Навои. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960.

Сулейманов, 1980. — Сулейманов Х. С. По рукописным фондам Индии. — СТ. 1980, № 2.

Султанов, 1961. — Султанов М. Республиканский рукописный фонд. — РӘФӘ Т. 1. Бакы, 1961.

Султанов, 1978. — Султанов Т. И. Некоторые вопросы тюркской среднеазиатской переводной литературы. — ТС-76. 1978.

Умаров, 1974. — Умаров Э. Новонайденный словарь к произведениям Навои. — СТ. 1974, № 1.

Фазылов, 1971. — Фазылов Э. И. Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XIII вв. — СТ. 1971, № 4.

Хафизова, 1972. — Хафизора А. «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги. — СТ. 1972, № 3.

Чобров, 1964. — Чобров Г. Н. К истории среднеазиатского книжного переплета. — НАА. 1964, № 2.

Шарипов, 1973. — Шарипов А. М. Творческое наследие Абдурахима Утыз-Имяни и светские мотивы в его поэзии. Автореф. канд. дис. Казань, 1973.

Якубовский, 1946. — Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. — Алишер Навои. Сборник статей. М.—Л., 1946.

Гәһрәманов, 1976. — Гәһрәманов Ч. Кишвәринин бир әлјазма «Диван»ы һаггында. — РӘФӘ. Т. 4, 1976.

Мајылова, 1963. — Мајылова Е. Нәввабын автографларындан. — РӘФӘ. Т. 2, 1963.
Мәммәдова, 1976. — Мәммәдова М. XIII—XIV әсрләрдә јашамыш Азәрбајҹанлы лексикографы. — РӘФӘ. Т. 4, 1976.
Нағыјева, 1963. — Нағыјева Ҹ. Азәрбајҹанда ән чох јајылмыш әлјазмалрындан. — РӘФӘ. Т. 2, 1963.
РӘФӘ — «Республика әлјазмалары фондунун әсәрләри». Бакы.
Bazin, 1957. — Bazin L. Les dates de rédaction du «Divan» de Kāšgari. — «Acta Orientalia Hungarica». T. 7. Fasc. 1. Budapest, 1957.
Hartmann, 1904. — Hartmann M. Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann. Sonderabdruck aus den Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jg. 7. Abt. 2. Westasiatische Studien. B., 1904.
Mansuroğlu, 1959. — Mansuroğlu M. Das Altosmanische. — PhTF. Vol. 1. 1959

Л. В. Дмитриева

ТУРЕЦКАЯ АРАБОПИСЬМЕННАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Турецкая рукописная книга представляет собой тюркоязычную арабописьменную рукописную книгу малоазиатского ареала, охватывающего территорию Малой Азии и — в период могущества Османского государства — ряд прилегающих районов. Письменным языком этого ареала служил турецкий (и старотурецкий). Общее число рукописей на турецком языке составляет примерно третью часть всех тюркоязычных манускриптов.

Турки исторически и этнически представляют собой группу огузских племен, переселившихся в XI—XII вв. из Средней Азии на запад. Уже по пути из Средней Азии они испытали иранское влияние, а в созданном ими в Малой Азии государстве Сельджукидов письменная литература была ираноязычной. Это объясняется тем, что в условиях отдаленности Анатолии, основной территории Сельджукского государства в Малой Азии, от областей распространения среднеазиатской тюркской литературы и близости ее к центрам мусульманской культуры — Ирану и арабским странам — тюрки, взяв за образец иранскую литературу, пользовались ее языком и для создаваемых в их государстве письменных произведений. Этому способствовало и то, что пришедшие в Анатолию тюрки-сельджуки, вероятно, не были «представителями» старой тюркской (восточнотуркестанско-среднеазиатской) культуры [Mansuroğlu, 1951, с. 215—229]. Однако в этой «сельджукской литературе» XIII—начала XIV в. имелись и тюркоязычные «вкрапления» в виде отдельных стихотворений, а иногда и целых произведений.

Таким образом, древнейшие памятники малоазиатского ареала относятся к XIII—началу XIV в. Это 35 тюркских стихов в «Месневи» Джелаледдина Руми (1207—1273); 76 — в «Ибтида-наме» («Книга начал») и 162 — в «Ребаб-наме» («Книга ребаба») его сына Султана-Веледа (1226—1312); 129 — в Диване его современника Ахмеда Факиха (ум. ок. 1252 г.), а также тюркские стихи других их современников — Шаййада Хамзы, Йунуса Эмре (1240—1320). Тюркский язык указанных авторов, которые в большинстве своем писали главным образом по-

персидски, называют «сельджукско-тюркским», а их тюркские стихи — «сельджукско-тюркскими» или просто «сельджукскими».

В XIV в. на смену сельджукскому Конийскому султанату приходит Османское государство, которое восприняло культурные и политические традиции сельджуков. Постоянные мирные и военные контакты с Византией (и наконец полное ее завоевание в 1453 г.) способствовали внесению византийских традиций, контакты с Ираном — иранских. Иранские традиции усваивались также через сельджуков и византийцев, прочно унаследовавших их. В культуре Османского государства проявлялись и старые тюркские домусульманские традиции и верования, шедшие с востока — из пограничных туркменских княжеств Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу [1]. В то же время османские турки, как и сельджуки, являлись, по понятиям средневекового мусульманского Востока, оплотом ислама на границе с Западом.

Уже в первой своей столице — Бурсе (до 1368 г.), как впоследствии в Эдирне (до 1453 г.) и в Стамбуле (с 1453 по 1922 г.), османские султаны для упрочения своей власти и популяризации династии и ее порядков окружали себя сановниками, законоведами, богословами, поэтами, историографами, учеными, мастерами книжного искусства, ремесла и т. д. В XIV—XVII вв. в Османскую империю постепенно были насильственно включены не только все области Малой Азии, но и обширные пространства Балканского полуострова, ряда арабских стран, части Закавказья, Крым, Приазовье, нижнее течение Днестра и Буга, населенные народами различного этнического состава.

Завоевания и торговые контакты турок способствовали непрерывному притоку в империю произведений книжного рукописного искусства из Ирана, арабских стран и других районов, использованию труда чужеземных мастеров, их огромного опыта, знаний и навыков. Этому содействовали рост богатой знати и

---

[1] В. А. Гордлевский отмечал как проявление таких «отголосков старых культур» при султанском дворе в XIV в.: монгольские обычаи — перенесение на организацию янычар монгольских охотничьих терминов (*сейбаибаши*, *загарджибаши*, *самунджубаши*; в основе первой лексемы этих составных слов лежат монгольские, по В. А. Гордлевскому, корни: *сейбаи*, *загарджи*, *самунджу*), взимание дани с Молдавии и Валахии конями и соколами, откупная система государственных доходов; сельджукско-иранские — царевича воспитывал *лала* (старый «дядька» из атабеков), дела решались перед воротами султанского дворца и др.; византийские — организация цехов, придворный церемониал, покупка должности с откупа, евнухи, красные башмаки как знак императорского сана, распространение агиографических сочинений, шуты и карлики, знак полумесяца, перевод византийской топонимики [Гордлевский, 1968, с. 66—67].

связанного с ней меценатства, сложение пышного придворного церемониала, создание придворных библиотек — хранилищ рукописей. В огромной Османской империи в создании турецкой письменной культуры и искусства принимали участие не только сами турки, но и все покоренные ими народы — греки, персы, арабы, армяне, славяне и др.

Результатом развития письменного «сельджукско-тюркского» языка в дальнейшем явился язык тюркских сочинений в Малой Азии XIV и последующих веков, который рассматривается как старотурецкий, а затем турецкий. В XIV в. появились старотурецкие переводы таких персидских оригиналов, как «Кабус-наме» («Книга Кабуса»), «Марзбан-наме» («Книга Марзбана»), «Баз-наме» («Книга о соколе»), «Калила ве Димна» («Калила и Димна»), «Тазкират ал-авлийа» («Жизнеописания святых»), «Кисас ал-анбийа» («Сказания о пророках») и другие, выполненные неизвестными переводчиками. В 1318—1358 гг. Ахмед Эфлаки написал по указанию настоятеля мевлевийской обители шейха Улу Арифа-челеби в Конье «Арифлерин менакибелери» («Жизнеописания для Арифа»). К XIV в. относятся сочинения Ашик-паши (в 730/1330 г. составил религиозно-мистическую поэму «Гариб-наме» — «Книга скитальца»), Ахмеди (в 792/1390 г. написал поэму «Искандер-наме» — «Книга об Александре»), Диван Бурханеддина Сивасского (1344—1398). В XIV—начале XV в. Масуд б. Ахмед перевел три персидских произведения: «Сухейл-и Невбахар» («Сухейль и Невбахар»), «Ферхенг-наме-йи Саади» («Словарь Саади»), «Калила ве Димна» («Калила и Димна»). Мустафа Зарир в 796/1393-94 г. перевел с арабского «Футухат аш-Шам» («Завоевание Сирии») Вакиди (IX в.). В 792/1389-90 г. Исхак б. Мурад составил редкое сочинение о симптомах болезней, способах их лечения и о простых лекарствах — «Рисале» («Трактат», или «Сочинение»). Хаджи-паше принадлежит медицинский справочник «Мунтахаб аш-шифа» («Извлечение [из сочинения] об исцелении»), который он составил в 820/1417 г.

Как явствует из сказанного, самую раннюю хронологию составления сочинений дают поэтические произведения (XIII—XIV вв.), «дополняет» их применительно к XIV в. переводная и оригинальная (медицинская) литература. Первые произведения исторического содержания относятся к XV в., биографического (биографии поэтов) — к XVI в. Для XVI—XIX вв. характерна более широкая тематическая рубрикация, но при этом на каждый век приходится большее число поэтических произведений по сравнению с другими тематическими их группами, а в целом — с прозаическими трудами. Сведений о самых поздних турецких рукописных сочинениях, следовательно, и

о самых поздних турецких рукописях в литературе нет. Судя по собранию Института востоковедения АН СССР, первые представлены произведениями конца XIX в. «Намуне-йи арузе» («Образцы аруза») Омара Наджи (1850—1893), а вторые — списком этого труда, который относят по палеографическим данным к началу XX в. (рук. ИВ АН СССР А 1546). Хронология переписки рукописей охватывает период с XIV по начало XX в. «Древнейшая турецкая рукопись», обнаруженная В. Д. Смирновым в 1914 г. в Британском музее, датирована 731/1331 г. (содержит автограф перевода Ибрахимом б. Мустафой б. Алиширом арабского комментария к религиозной поэме Несефи, XII в.) [Смирнов, 1914, с. 107—125]. В 780/1378 г. была переписана рукопись упоминавшегося выше перевода поэмы «Сухейл-и Невбахар» Масуда б. Ахмеда [Banguoğlu, 1938, с. 16], а в 798/1393 г. — рукопись Дивана Бурханеддина Сивасского, т. е. переписана при жизни автора [Ergin, 1951, с. 302—323]. Первый манускрипт находится в Прусской государственной библиотеке (ныне ее рукописные фонды хранятся в библиотеках Тюбингена и Марбурга), а второй — в Турции (Стамбул). Бóльшая часть турецких рукописей переписана в XVIII в. Так, например, в одной тематической группе этих манускриптов, хранящихся в указанных библиотеках Тюбингена и Марбурга, в XV в. переписано 3 рукописи, в XVI в. — 18, в XVII в. — 36, в XVIII в. — 49, в XIX в. — 33, в начале XX в. — 15 [Flemming, 1968, с. XIV]; в другой: в XV в. — 4, в XVI в. — 14, в XVII в. — 13, в XVIII в. — 39, в XIX в. — 26 [Sohrweide, 1974, с. VII].

Судя по каталогам, тематика рукописей малоазиатского ареала очень разнообразна: история (общая и отдельных мусульманских стран, особенно Османской империи и предшествующих ей государственных образований: Данишмендидов, Сельджукидов), хронология, биографии (шейхов, поэтов, правителей, везиров и др.), агиография, родословные, география и космография, акты и письма, энциклопедии, библиографии, языкознание (лексикография, грамматики), письмовники, медицина и ветеринария, математика, астрономия и астрология, военное дело, охота, шахматы, этика и политика, поэзия, художественная проза, фольклор, поэтика, религиозная литература, оккультные науки. Более половины всех турецких по языку рукописей приходится на поэзию. Несколько уступает им в количественном отношении религиозная литература, но почти половина поэтических сочинений также религиозного содержания. Третье место занимают произведения исторического плана, в чем проявляется не просто интерес турок к своей истории (а в связи с этим и к истории мусульманских стран),

а социальная направленность этого интереса правящей верхушкой в целях популяризации и упрочения авторитета династии, что совпадало с унаследованной от византийцев и персов традицией официальной историографии. В начале XVIII в. при султанском дворе была введена должность официального придворного историографа, просуществовавшая до последних дней правления Османской династии (последний такой «летописец», Абдуррахман Шереф, умер в 1925 г., не оставив полагавшейся хроники).

Официальный историограф должен был вести регистрацию важнейших событий своего времени, описывая их нередко в искаженном, но угодном султану и знати освещении или вовсе замалчивая их. До конца XVII в. исторические сочинения создавались любителями, которые начинали их по традиции от первых дней Османского государства и доводили повествование до своего времени. Написавший историческое сочинение имел возможность получить выгодную должность, вознаграждение, одобрение и благосклонность султана и его приближенных. Поэтому трактовка и степень достоверности в описании событий у разных авторов были различными и диктовались отнюдь не научными соображениями. Специалисты полагают все же, что «в целом эти хроники позволяют воссоздать довольно близкую к истинной картину общего политического развития Османского государства XIV—XVII вв., а такие авторы, как Али, Селаники, Катиб-челеби, дают интересный материал и для изучения социально-экономической истории» [Тверитинова, 1963, с. 4—5].

Перейдем к краткому обзору репертуара турецких рукописей в хронологическом аспекте.

XV век

История: хроника Ашик-паша-заде, сочинение «Тарих-и ал-и селджук» («История Дома Сельджука») — обработка персидских произведений ар-Равенди и Ибн Биби с дополнениями из других источников, осуществленная Йазиджи-оглу Али в правление Мурада II (824—855/1421—1451).

Математика: свод арифметических правил о вычислении и процентах «Маджма ал-каваид» («Собрание правил») Атмаджи, составленный им до 889/1484 г. и посвященный султану Байазиду II (886—918/1481—1512).

Поэзия: «Ферах-наме» («Прелестная книга») Ибн Хатиба 1425 г.; тюркские стихи из Дивана Эйюбида Сейфеддина ал-Малика ал-Камиля (создавался в 1432—1442 гг.); «Мевлид ан-наби» («Рождение пророка») Сулеймана-челеби (ум. в 813/1410 г.); «Хосров ве Ширин» Шейхи (ум. в 826/1422 г.); «Гул-

шан-и раз» («Розовый цветник тайн») Даситази — обработка 829/1425 г. персидской поэмы того же наименования Шабистари (ум. в 720/1320 г.); «Мухаммедиййа» («Посвященная Мухаммеду») Йазиджи-оглу (ум. в 855/1451 г.) — сочинение составлено в 853/1449-50 г. (издано в сокращенном варианте в 1845 г. А. Казембеком, с этого издания выполнено много списков поэмы — в ИВ АН СССР их 11); «Пенд-наме» («Книга наставления») Гувахи — сочинение написано в 903/1497 г.; «Мифтах ал-джаннат» («Ключ от рая») Ахмеда Даи; «Фуркат-наме» («Книга разлуки») Халими (ум. в 918/1512-13 г.) — составлено в 876/1471 г. и т. д. Около 1405 г. в Северной Анатолии неизвестным переводчиком выполнен перевод Корана с комментариями — «Джевахир ал-асдаф» («Драгоценности раковин») [Zajączkowski, 1937].

К середине XV в. относят возникновение анатолийского варианта «Кырк везир хикаяти» («Сказок сорока везиров»), представляющего собой редакцию Шейх-заде перевода арабского их оригинала Ахмеди Мисри, выполненную для Мурада II [Duda, 1930].

XVI век

История: перевод истории Табари в обработке Балами (X в.), осуществленный Насухом б. Абдаллахом Матракчи; «Тадж ат-таварих» («Венец летописей») Саадеддина (943—1008/1536—1599); «Нишанджи тарихи» («История Нишанджи») Нишанджи Мухаммеда Рамазан-заде (ум. в 979/1571-72 г.); «Джами ат-таварих» («Собрание историй») Мухаммеда ал-Катиба (вторая половина XVI в.); «Мират ал-авалим» («Зерцало миров») Аали (948—1008/1541—1599); «Тарих-и ал-и осман» («История Дома Османа») Рустема-паши (968/1560-61); «Тарих-и Селаники» («История Селяники») Мустафы Селяники (ум. ок. 1008/1599—1600 г.).

Акты: «Канун-наме-йи султан Селим» («Книга законов султана Селима»); «Марузат-и Абу-с-Сауд» («Образцы Абу-с-Сауда») Абу-с-Сауда (ум. в 982/1574-75 г.) — религиозные предписания; «Асаф-наме» («Книга Асафа») Ибадаллаха Лутфи-паши (ум. в 950/1543 г.), руководство для великого везира, и др.

Биографические произведения: жизнеописание принца Джема (864—900/1459—1464), составленное в 920/1514-15 г. неизвестным автором; «Тазкире-йи шуара» («Жизнеописание поэтов») Сахи-челеби (ум. в 955/1548 г.), написанное им в 950/1543-44 г. (в ИВ АН СССР хранится самый ранний из всех известных список 950/1543-44 г., шифр В 271); одноименные сочинения Латифи Кастамуни (ум. в 990/1582 г.) 953/1546-47 г.

и Хасана-челеби (или Хинаи-заде, 953—1012/1567—1604) 994/1585-86 г.

В 995/1587 г. Мустафа Али составил для Мурада III (982—1003/1574—1595) сочинение «Менакиб-и хунерверан» («Жизнеописание искусных»), содержащее сведения о турецких каллиграфах и других оформителях рукописей XVI в. (всего 290 биографий; их число колеблется в разных рукописях).

Поэзия: диван Михри-хатун (ум. в 912/1506 г.), «открытой» В. Д. Смирновым с обнаружением им ее Дивана (список ИВ АН СССР В 2519, долго считавшийся уникальным); «Шаме ве перване» («Свеча и мотылек») и «Мактал-и хазрет-и Хусейн» («Убиение святого Хусейна») Ламии (867—938/1472—1532); Диван и поэма «Чобан-наме» («Книга о пастухе») Ибрахима Гулшени (830—940/1426—1533); собрание исторических рассказов и занимательных историй нравоучительного характера в стихах под названием «Нигаристан-и шахристан-и драхтистан-и сабзистан» («Картинная галерея областей, лесов и лугов») Заифи (ум. в 964/1557 г.) — обработка «Гулистана» («Цветника роз») Саади (XII в.) (в ИВ АН СССР имеется автограф Заифи в рукописи 961/1553-54 г., шифр С 806); «Шах ве геда» («Шах и нищий») Даруни (ум. в 950/1543-44 или 966/1558-59 г.); «Рийаз ал-джинан» («Райские сады») Джинани (был жив в 986/1560-61 г.); Диван Йахйа-бега Дукагина (ум. в 983/1575 г., или 986/1578-79 г., или в 990/1582 г.); «Меназил ал-урфин» («Степени оценки») Ахмеда Сиваси (ум. в 1006/1597-98 г.); Диван Мустафы б. Ахмеда Али (948—1008/1541—1599), написанный в 982/1574-75 г.; Диван Махмуда Абд ал-Баки (933—1008/1526—1600); сборник стихотворений, составленный в 958/1551 г. из 6459 бейтов (рук. ИВ АН СССР В 306) Раджабом б. Мухаммедом; «Маджма ал-назаир» («Собрание образцов») Мухаммеда Назми (ум. в 955/1548 г.) и т. д.

Комментарии к поэтическим сочинениям: комментарий Муслихеддина Сурури (ум. в 969/1561 г.) к Дивану Хафиза (XIV в.) 966/1558 г.; Суди (ум. в 1006/1597 г.) — к тому же Дивану и, кроме того, к «Бустану» («Огород и сад») Саади (XIII в.); Шами (ум. в 1009/1601 г.) — к «Бустану» Саади, «Пенд-наме» Аттара и к Дивану последнего.

Поэтика: «Бахр ал-маариф» («Море знаний») Сурури, написано в 956/1549 г.

Письмовники: «Латаиф ал-инша» («Изящные письма») неизвестного автора, составленные в 925/1519 г. для будущего султана Сулеймана I (926—974/1520—1566), в уникальном списке 958/1551 г. (рук. ИВ АН СССР В 584); «Муншаат» («Письма») Али-челеби (916—979/1510—1572).

Словари: «Дакаик ал-хакаик» («Частицы истин») — редкий ирано-турецкий словарь Кемал-паши-заде, посвященный великому везиру Ибрахим-паше (XVI в.; рук. ИВ АН СССР В 576); «Лугат ал-Ахтери» («Словарь Ахтери») — арабо-турецкий словарь Ахтери 952/1545 г.; «Тарджуман ас-сихах» («Верный переводчик») неизвестного автора — арабско-турецкий словарь по лексике Корана и хадисов (рук. ИВ АН СССР В 2840, не позже 975/1567-68 г.).

Медицина: комментарий Сурури к сокращенному изложению «Канона» Ибн Сины, выполненному Ибн ан-Нафисом (ум. в 687/1288 или 696/1296 г.); сочинение по диагностике и лечению болезней «Манафи ан-нас» («Польза для людей») Нидаи 974/1566-67 г.; с добавлением поэтического предисловия сочинение это было преподнесено в дар Селиму II (974—982/1566—1574), а затем — в сокращенном варианте — переложено автором в поэму.

XVII век

История: «Вакиа-наме» («Книга событий») Вейси (969—1037/1561—1628) 1017/1608 г. — обзор мусульманских династий до года смерти автора; «Нухбат ат-таварих ва-л-ахбар» («Лучшие из историй и повествований») Мухаммеда Адирневи (ум. в 1050/1640 г.) — история мусульманских (в том числе Османской) династий по 1028/1618-19 г.); «Тенких-и таварих-и мулук» («Исправление историй царей») и «Талхис ал-бейан фи каванин ал-и осман» («Краткое сообщение о законах Дома Османа») Хазарфенна (ум. в 1089/1678 г.); «Тарих-и Наима» («История Наимы») Мустафы Наимы (1100—1128/1688—1716), первого официального историографа (с 1709 г.), описавшего события с 1591 по 1659 г.; «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события») Куджа Хусейна (ум. не ранее 1059/1649-50 г.) — вторая часть этого сочинения имеется в уникальном списке ИВ АН СССР (рук. С 564, издана с аннотированным оглавлением А. С. Тверитиновой и Ю. А. Петросяном в 1961 г.); «Дастур ал-амал» («Руководство для исправления погрешностей») в двух авторских редакциях — 1063/1653 и 1066/1656 гг. и «Фазлакат ат-таварих» («Краткое изложение историй») Хаджжи Халифы (1017—1067/1609—1658); «Мебде-йи канун-и йеничери оджагы тарихи» («История происхождения законов янычарского корпуса») неизвестного автора, посвятившего свой труд Ахмеду I (1013—1026/1603—1617); «Селим-наме» («Книга о Селиме») Йусуфа-катиба — сочинение, содержащее описание событий до 1079/1668-69 г.; «Рисала» («Трактат») Кочибея Гёмюрджинского, в котором автор пытался сформулировать причины начавшегося ослабления империи.

География: «Сийахат-наме» («Книга путешествий») Эвлии-челеби (1020—1093/1611—1682) — знаменитое десятитомное географическое и общее описание Османской империи; сочинения Сиди Али о Южных морях, об Индии, Иране, Средней Азии; Али Акбара — о Китае; Пири Реиса — о соседних и дальних странах и морях с использованием арабских и португальских карт и карты Колумба.

Акты: «Канун-и ал-и осман» («Законы Дома Османа») — редкий свод законов об административном делении Турции, составленный в правление Ахмеда I (1012—1026/1603—1617); «Сулх-наме» («Мирный договор») — мирный договор между Турцией и Австрией, заключенный в 1100/1699 г. в Карловицах; «Насихат ал-мулук» («Наставление правителям») — наставление будущему султану Мураду IV (1032—1049/1623—1640) по вопросам внешней и внутренней политики государства; уникальный сборник законов, касающихся службы высокопоставленных должностных лиц Турции в XVII в., составленный по приказанию великого везира Мухаммед-паши в 1087/1676-77 г. Абдаррахманом ат-Тавфии (ат-Тавкии?) (рук. ИВ АН СССР С 804), и др.

Медицина: «Шифа ал-фуад ли-хазрет султан Мурад» («Исцеление сердца султана Мурада») Зейн ал-Абидина б. Халила — лечебник 1037/1628 г.; «Гайет ал-бейан фи тадбир-и бадан ал-инсан» («Предел пояснения [в описании] устройства человеческого тела») Ибн Саллума (ум. в 1080/1669 г.) в переводе неизвестного переводчика XVII в.

Охота: «Баз-наме-йи мулук-и пишин» («Книга древних царей о ловчих птицах») неизвестного персидского автора в переводе Мустафы б. Равзан ал-Багдади, выполненном им в 1082/1672 г. (уникальный список ИВ АН СССР, шифр В 873).

Поэзия: диван и сатирические произведения Нефи (ум. в 1045/1635 г.), Вейси (ум. в 1628 г.); «Малхимат» («Героическая поэма») Ибрахима Джеври (ум. в 1065/1654 г.); Диван Али Шехри (ум. в 1071/1660 г.), составленный в 1070/1659-60 г.; собрание стихотворений Хасана-эфенди Каими (ум. в 1091/1680 г.); Диван Лутфи (ум. в 1113/1701 г.) и др.

Словари: ирано-турецкий словарь (без названия) Али Медждж (рук. ИВ АН СССР В 572, список XVIII в.); «Зуруб ал-амсал» («Разновидности примеров») — собрание иранских пословиц, поговорок, идиом с турецким их переводом (неизвестного автора — рук. ИВ АН СССР С 325, список 1008/1677-78 г.) и др.[2].

---

[2] На XVI—XVII вв. приходится кульминация могущества Османской империи. В это время происходит отрыв письменно-литературного

XVIII век

История: «Шафик-наме» («Книга Шафика») — описание восстания янычар 1115/1703 г. Мухаммедом Шафиком (ум. в 1127/1715 г.); «Тарих-и Субхи» («История Субхи») Мухаммеда Субхи — история Османской империи с 1143/1730 по 1157/1744 г.; «Тахкик ве тавфик» («Расследование и соглашение») Рагиб-паши (1110—1176/1698—1762) — описание переговоров между Турцией и Ираном о заключении мирного договора в 1149/1736 г.; «Хуласат ал-итибар» («Сущность доверия») Ахмеда Расми-эфенди (ум. в 1197/1783 г.) — история русско-турецкой войны 1182—1188/1768—1774 гг.; «Васиф тарихи» («История Васифа») Ахмеда Васифа (ум. в 1222/1807-08 г.) — хроника Османской империи с 1166/1752-53 по 1219/1804-05 г. и т. д.

Акты: уникальные копии двух султанских ферманов о договорах между Россией и Турцией в 1133/1720 и 1136/1724 гг. (рук. ИВ АН СССР А 940); «Талхисат-и Рагиб-паша» («Доклады Рагиб-паши») Рагиб-Мухаммед-паши — собрание докладов и писем великого везира по различным вопросам внешней политики Турции в 1152—1172/1739—1759 гг.; уникальный список торгового договора, заключенного между Турцией и Россией в Константинополе 10 сентября 1783 г. (рук. ИВ АН СССР В 746).

Медицина: «Бизаат ал-мубтади» («Начальные знания») Али-эфенди — справочник о лекарствах различного происхождения (растительного, животного и др.), составленный в правление Мухаммеда I (1143—1168/1730—1754); алфавитный перечень арабо-турецких названий лекарственных трав и других лечебных естественных средств.

Охота: перевод персидского трактата о ловчих птицах, выполненный Хафизом Мухаммедом (рук. ИВ АН СССР В 1016), и т. п.

Поэзия: диван и поэма «Хайри-наме» («Книга Хайри») Йусуфа Наби (1051—1124/1642—1712); диваны — Сабита (ок. 1060—1124/1650—1712), Ахмеда Неили (1104—1161/1692—1748), Асада (1096—1166/1685—1753), Асима-челеби (ум. в 1173/1759-60 или 1179/1765 г.), Нусрета.

турецкого языка от народно-разговорного, образуются три уровня турецкого языка: *фасих тюркче* — «изящный турецкий», употреблявшийся в узком кругу высшей светской и духовной знати; *орта тюркче* — «средний турецкий», обслуживавший образованных горожан и «служилую» интеллигенцию; *каба тюркче* — «грубый турецкий», бытовавший в народных низах. Первый состоял из арабо-персидских заимствований (в лексике, синтаксисе и т. п.), скрепленных турецкими вспомогательными глаголами. На этой основе сложился искусственный арабо-персидско-турецкий письменно-литературный язык [Кононов, 1978, с. 263—266].

Письмовники: руководства по составлению официальных и частных писем с приведением копий таких писем (например, рук. ИВ АН СССР В 1179).

Грамматика: правила написания *мадды* и других орфографических знаков и букв в религиозных текстах (например, список ИВ АН СССР В 4150).

XIX век

История: хроники придворных летописцев, освещающие события по годам: 1774—1820 гг. — Ахмед Джевдет, 1791—1808 гг. — Ахмед Асим, 1808—1820 гг. — Атауллах Мехмед Шани-заде, 1825—1876 гг. — Ахмед Лутфи.

Акты: доклад везира Акиф-паши (1202—1263/1787—1847) о турецко-русских отношениях — редкое сочинение, составленное в 1238/1822 г.

Поэзия: Диван и поэмы Фазил-бея (ум. в 1225/1810 г.); сборники стихов различных турецких поэтов, народных песен — *тюрки*, *мани*, *шарки* (например, рук. ИВ АН СССР В 334, А 496).

Поэтика: «Намуне-йи арузе» («Образцы аруза») Омара Наджи (1266—1314/1850—1893).

Письмовники: «Китаб-и инша» («Книга писем») — руководство для составления официальных и частных писем с приведением их образцов (например, рук. ИВ АН СССР В 4379).

Словари: «Мунтихаб» («Избранное») — арабско-турецкий словарь в стихах неизвестного автора (рук. ИВ АН СССР В 1089); «ал-Канз ал-мутласум фи тартиб ал-лугат али ал-аджем» («Клад таинств в построении алфавитного персидского словаря») Шарифа Абд ал-Ваххаба Шарфи; анонимные словари — ирано-турецкий (рук. ИВ АН СССР В 566) и турецко-арабский (рук. ИВ АН СССР В 809); турецко-французский словарь Влангали (Петербург, 1826 г. — рук. ИВ АН СССР D 125).

Грамматика: «Минхадж ал-кари» («Путь чтецов») — правила чтения арабских текстов (рук. ИВ АН СССР В 4201) и др.

Для всех веков характерно большое количество религиозных сочинений и значительно меньшее — переводных. Назовем некоторые переводы: «Таварих-и Табари» («Истории Табари») с персидского перевода-обработки Балами 963 г. — несколько вариантов перевода были выполнены в XV—XVI вв.; «Махбуб-и кулуб ал-арифин» («Возлюбленные сердец мудрейших») — перевод 937/1530-31 г. Мустафой-эфенди Фарисом персидского «Бахджат ат-таварих» («Изящество историй») Шукруллаха б. Шихабеддина Ахмеда 861/1457 г.; «Хитай-наме» («Книга о Китае») или «Канун-наме-йи Хитай ве Хатан» («Книга законов

Китая и Хотана») — перевод одноименного персидского сочинения, осуществленный в правление Мурада III [Flemming, 1968, № 317]. Некоторые, наиболее популярные произведения переводились по нескольку раз; например, арабское сочинение «Футухат аш-Шам» («Завоевание Сирии») Вакиди (IX в.) переводилось трижды: в 796/1393-94 г. — Мустафой Зариром, в 1072/1661-62 г. — Вахби, в 1081/1670 г. — Мухаммедом б. Йусуфом ал-Джаркаси; в рукописи ИВ АН СССР (список 1076/1666 г., шифр С 529) представлен еще один перевод неизвестного переводчика [Дмитриева и др., 1965, № 148]. Почти все известные произведения художественной прозы — переводные: «Калила ве Димна» («Калила и Димна»), «Макамат» («Макамы») Харири, «Хумайун-наме» («Книга Хумайуна»). В 1725 г. по приказу Ахмеда III было создано «научное общество» из 45 человек, которые должны были заниматься переводами исторических сочинений; руководил ими и определял их выбор великий везир.

Турецкие произведения составлялись в разных городах и местностях собственно Турции и в других районах бывшей Османской империи (например, в Стамбуле, Смирне, Карахисаре, на о-ве Крит, в Тырнове в Болгарии и др.). Турецкие рукописи переписывались также в Иране, арабских странах, после распада Османской империи — в закавказском ареале, реже — в среднеазиатском. Официальным, «деловым» языком в Крыму и Азербайджане уже с XV в. был долгое время турецкий, на нем писались обычно сочинения в этих районах.

Автографы среди турецких рукописей, вероятно в большей степени, представлены в хранилищах Турции, единичные есть и в некоторых других хранилищах, как, например, автографы поэта Сабита и автора словаря «Лугат-и Ниматаллах» («Словарь Ниматаллаха») Ниматаллаха в Республиканском рукописном фонде АН АзССР. Имеются они и в Ленинграде, например Джинани (968/1560-61 г.), Шарфи (1220/1805-06 г.) — в ИВ АН СССР. Бо́льшая часть уникальных и редких рукописей также хранится в Турции, в небольшом количестве есть они и в других хранилищах, например в Ленинграде: список 950/1543-44 г. сочинения «Хашт бихишт» («Восемь раев») Сахи-челеби, написанного в том же году (рук. ИВ АН СССР В 271); рукопись 1043/1633 г. произведения «Хадаик ал-хакаик фи такмилат аш-шакаик» («Сады истин в дополнение к „Анемонам“») Атаи (991—1044/1583—1634) и т. д.

Среди турецких рукописей немало полных списков, а также замечательных имеющимися в них приписками и печатями: есть тугра с именем султана Мехмеда IV (XVII в.) в уникальной
 рукописи, содержащей собрание исторических сочинений

(в том числе и историю Крита) Хасана Курди (XVIII в.; ИВ АН СССР В 1173); печать с именем хана Букеевской орды (Казахстан) Джихангира (XIX в.) в рукописи «Нухбат ат-таварих» («Лучшие из историй») Адирневи (XVII в.) и др. В некоторых манускриптах имеются поздние приписки их владельцев с указанием стоимости этих рукописей, кому, а иногда и на каких условиях они принадлежат. Так, из них мы узнаем, что первый том перевода «Таварих-и Табари» в списке 1175/1762 г. стал в 1176/1762-63 г. «вакфом Амин-Шаира в собственность Али-ага в г. Тырнов с условием не выносить рукопись из хранилища» (рук. ИВ АН СССР D 208); список 1015/1606-07 г. «Тазкират аш-шуара» Хасана-челеби куплен за 75 пиастров; рукопись XVII в. труда «Тадж ат-таварих» («Венец историй») Саадеддина куплена за 125 курушей; список 949/1542 г. «Маджма ал-каваид» Атмаджи «приобретен из рук торговца на аукционе за 3 пара 219 гурушей» и, судя по поздней приписке, продан в России в 1885 г. за 1 руб. 50 коп. и т. д.[3]. На высокохудожественных манускриптах приписок и пометок нет, так как они делались по заказу или в дар высокопоставленным лицам.

По данным источников, в Стамбуле в середине XVII в. существовало очень много ремесленных мастерских, в которых трудилось значительное число ремесленников. Весь торговый и ремесленный люд Стамбула объединялся в цехи (*эснафы*), в компетенцию которых входило обеспечение их сырьем, фиксация цен, защита интересов членов эснафов. Ремесленное производство характеризовалось очень глубоким для того времени разделением труда. Так, швейное производство Стамбула было представлено 9 цехами, кожевенное — 35, оружейное — 36, строительное — 44, булочно-кондитерское — 29 [Mantran, 1962, с. 385, 412—413; Mantran, 1965, с. 136—138]. В рукописи 990/1582 г., переписанной в Стамбуле и содержащей астрологический трактат Мухаммеда ас-Суди (Национальная библиотека в Париже, Suppl. turc. 242), на л. 32б и 33а изображены таблицы-перечень известных в Турции профессий, представители которых имели свои корпорации с воспроизведением (миниатюрой) представителя каждой профессии за характерным для него занятием. На л. 32б указана профессия (под каждой миниатюрой приводится название изображенного на ней представителя профессии) *наккаша* (художника), а на л. 33а — *катиба* (переписчика) [Stchoukine, 1966, 1, илл. XII, XIV].

---

[3] Для сравнения отметим, что, например, в 30-х годах XIX в. корова стоила от 40 до 100, волы — до 120, пара буйволов — до 600 курушей [Врончeнко, 1840, с. 174—175]; печатные учабники в 1842 г. стоили: букварь — 5, учебник по географии Европы — 28, учебник по математике — 40 курушей [İskit, 1939, с. 33].

На цеховом устройстве Турции отразилось влияние Византии: «ремесленники-мусульмане сначала осторожно присоединялись к мастерам-христианам; они у них учились, перенимали их склад и только постепенно, окрепнув, усвоив технику, вытесняли их из цехов, где могли. . . Во второй половине XVI в. . . . турки берут верх. . . в руководстве цехами» [Гордлевский, 1968, с. 26]. Организационное устройство турецких ремесленников копировалось старой османской школой; в ней сохранялись три иерархические ступени: высшая (учитель — *ходжа*, как бы мастер), средняя (старшие ученики — *калфы*, постигшие науку и помогавшие учителю, как бы подмастерья), низшая (ученики — *шакирды*). Сохранились данные о назначении виднейших каллиграфов или миниатюристов, чаще из числа приглашенных из других стран, главами объединений придворных каллиграфов или живописцев. Турецкие султаны не только приглашали ко двору на временную или постоянную службу мастеров из Ирана, Средней Азии и Европы, но и насильственно переселяли их (кроме европейцев).

Обычно турецкие рукописи имели формат от 20×12 до 30×20 см — общепринятый на мусульманском Среднем Востоке формат [Булатов, Долинская, 1972, с. 170—184]. Переписчик-каллиграф ставил в конце списка дату завершения переписки прописью по-арабски с указанием года, числа, месяца, дня недели. В списках, переписанных частными лицами для себя, дат переписки нет или — очень редко — она указывается арабскими цифрами (в арабском написании). Характерная для среднеазиатских рукописей — в подражание арабским — форма завершения ее словами *темамат ал-китаб* («книга окончена») в турецких манускриптах сохраняется.

Одной из ранних миниатюр, изображающих работу переписчика, является миниатюра в арабской рукописи 1287 г., которая была переписана в Багдаде (хранится в библиотеке Сулейманийе в Стамбуле) [Sirat, 1976, ил. XI]. Каллиграфия и каллиграфы в Турции всегда были в особом почете. Их популярность почти равнялась авторскому достоинству. Нередко виднейшие каллиграфы достигали высокого положения при дворе. Славились такие школы по подготовке каллиграфов, как школа дервиша Али, Суелджу-заде, Хафиза Османа, Чиниджи-заде [Baykal, 1950—1951, № 5, с. 241—242]. Каллиграфы достигали высокого мастерства: они не только красиво писали, но и оригинально распределяли текст — порою в виде фигур птиц, цветов, деревьев, блюд, кувшинов, лодок и т. п.; они ухитрялись текст трехсот страниц Корана вмещать в рукопись маленького формата и толщиной в 3 см [Baykal, 1950—1951, № 1, с. 34]. В каллиграфических списках текст, как пра-

вило, переписывался почерком насх, в обычных — чаще насталиком и, реже, почерком рика. В старейших рукописях текст часто огласовывался.

В XV в. работали такие каллиграфы, как Йахйа Руми (из Карахисара), Йахйа-оглу Али (сохранился его список 860/1452 г.) [Nefes-zade, 1939, с. 14—22], Асадуллах Кирмани (ум. в 892/1496 г.), Абдуллах Амаси, Джелал Амаси, Мухиаддин Амаси — все они специализировались в почерках сулс и насх. Но особого совершенства в них достиг шейх Хамдуллах из Амасьи (840—926/1437—1519 гг., отец его выходец из Бухары), к которому заслуженно перешел почетный титул *киблат ал-куттаб*, данный в XIII в. Йакуту. Хамдуллах написал 47 больших коранов, переписал много сочинений, исполнил надписи на михрабе и куполе мечетей Байазида II в Амасье и Стамбуле. Из семьи Хамдуллаха вышли известные каллиграфы: его сын Мустафа-деде (ум. в 945/1538 г.) и внук дервиш Мустафа (ум. в 1000/1591 г.). В Эрдине жили и творили каллиграфы Йахйа Суфи (ум. в 882/1477 г.) и его сын Али. В XVI в: были популярны каллиграфы Кёсе Мухиеддин, Хусам Галиб-оглу, Давуд Ускуби, Мехмед-челеби, Шукруллах Халифа, Хасан Ускудари (ум. в 1023/1614 г.). Ахмед Карахисари (из Афьона) считается создателем нового направления в истории турецкой каллиграфии почерком насх: он усовершенствовал его в сторону упрощения. Он переписал для Сулеймана I (1520—1566) большой Коран. Учениками его были Фархад-паша (ум. в 982/1574 г.), Сулейман ал-Хиджази, Хасан-челеби (ум. в 1002/1594 г.). Известный каллиграф Осман-эфенди (1642—1698) составил 25 больших альбомов по каллиграфии и множество отдельных образцов. Он владел многими почерками, сочетая их в одной рукописи и даже на одной странице. В XVIII в. пользовались популярностью Мустафа Раким и Мехмед Асад Йесари; в XIX в. — Мехмед Джелаледдин и Мехмед Шафик; в начале XX в. — Камил Акдик [Yetkin, 1978, с. 921—933]. Были каллиграфы и среди султанов: в XVIII в. — Ахмед III, Махмуд II, Абдулмаджид; в XIX—начале XX в. — Абдулазиз и Абдулхамид (образцы их творчества хранятся в музее Топкапы в Стамбуле) [Alparslan, 1978, с. 49].

Помимо известных каллиграфов были и простые переписчики. В XVIII в., например, их число превышало 15 тыс. [Марсильи, 1737, с. 30]. Самая высокая дневная оплата труда каллиграфа в XVI в., согласно реестру турецкой дворцовой библиотеки, составляла 24 акча, обычная — 10 акча, для учеников — 2,5 акча. По данным Мустафы Али, в том же веке одна книга, написанная известным каллиграфом по имени Султан-Али Мешхеди, покупалась за 5—6 тыс акча, а его четыре

стихотворные строки — за 400—500 акча [Али, 1926, с. 56—60]. На Западе каллиграфам и миниатюристам платили меньше [Martin, 1912, с. 58].

Рукопись создавалась — переписывалась, оформлялась, украшалась и переплеталась — кропотливым трудом многих мастеров, с использованием ценных материалов (бумага, чернила, краски, кожа, картон, золото, серебро и т. д.). Поэтому она была очень дорогой, доступной по цене лишь богатым людям. Украшали рукопись миниатюристы (*мусаввиры* или *наккаши*), орнаментовщики, которые вырисовывали в ней орнаменты в виде заставок и концовок, художественную рамку для текста, разрисовывали поля, позолотчики (*музаххибы*).

Немногие ранние образцы турецких миниатюр относятся ко второй половине—концу XV в. Ими обычно иллюстрировались исторические, медицинские, ботанические, поэтические и даже религиозные сочинения. Иногда миниатюры собирали в специальные альбомы (*муракка*).

От времени Мехмеда I (805—824/1402—1412), когда культурным центром была Амасья, сохранились миниатюра Ходжи Бабы (из Сиваса) с изображением султана в кафтане с красными звездами и в чалме. Несколько миниатюр относятся к правлению Мурада II (824—855/1421—1451) [Aslanapa, 1976, с. 652—659]. Мехмед II (855—886/1451—1481) приглашал итальянских художников Констанцо де Феррера (работал в 1475—1500 гг.), Бертольдо Джиованни (годы жизни: 1420—1491), Джентиле Беллини (годы жизни: 1492—1507). Их немногие произведения (портрет Мехмеда II, изображение молодого турка) выполнены в европейском стиле, но с попытками привнесения и местных (турецких) черт.

Сохранились сведения о том, что придворные миниатюристы объединялись в особый цех, в котором в 1525 г. было 29 мастеров и 12 подмастерьев-учеников (среди них пять иранцев, два араба, два черкеса, венгр и молдаванин). В 1557 г. придворные живописцы подразделялись на две группы: «наккаши Рума (Турции)», т. е. турки, и «наккаши Аджема (Ирана)», т. е. представители прочих народов, в большинстве своем иранцы. Среди наккашей Аджема было девять иранцев, венгр и еще один европеец (*франк*) [Yetkin, 1954, с. 307].

В XVI в. иллюстрировались главным образом поэтические, исторические и религиозные (даже на христианские сюжеты) сочинения. Большой популярностью пользовался миниатюрист Осман (ученик египетского мастера Хасана Мисри), иллюстрировавший в 1550—1590 гг. многотомное произведение «Хунер-наме» («Книга об искусстве»), в двух сохранившихся томах которого (находятся в музее Топкапы) содержится 160 разно-

образных его миниатюр. Он же создал до 400 миниатюр к рукописи сочинения о придворных празднествах эпохи Мурада III (982—1003/1574—1595). В конце XVI в. известен своими портретами Баба Мустафа [Stchoukine, 1966, т. 2, с. 20]. Появляются серии султанских портретов — от основателя династии до правящего султана — со стандартной композицией и условностью решения. Особенно выделяются портреты Сулеймана I (926—974/1520—1566) в старости, Хайреддина Барбароссы — также в старости, выполненные Реисом Хайдером Нигери из Галаты (1492—1574). Он удачно, по мнению современников, видевших оригиналы, копировал портреты короля Франциска I работы Ж. Клуэ, Карла V работы Л. Кранаха (эти оригиналы в настоящее время не найдены). Нигери искусно украшал рукописи тончайшими золотыми орнаментами. Его дом в Стамбуле был местом собрания поэтов, философов, деятелей искусства. В этот же период работали Суни, который иллюстрировал в 991/1581 г. рукопись «Зубдет ат-таварих» («Суть историй»; коллекция Честер Битти в Дублине) изображениями Адама и Евы, вознесения Христа и т. п. [Yetkin, 1965, с. 277—281], Вели-Джан и Сеййид Сулейман Касим из Тебриза, пропагандировавшие традиции иранской живописи и достигшие в ней высокого мастерства.

В правление Мехмеда III (1003—1012/1595—1603) и Ахмеда I (1012—1026/1603—1617) творили такие художники, как Хасан Наккаш, изобразивший себя вместе с автором и каллиграфом на одной из миниатюр и создавший портрет Мехмеда III (коллекция музея Топкапы); Ахмед Накши из Аниркапы, автопортрет которого помещен в «Шакаик ан-нуманиййе» («Пионы Нумана», та же коллекция) [Stchoukine, 1966, т. 1, с. 38—41]. Из многих мастеров XVII в. особой известностью пользовался Календер-паша, оставивший 36 миниатюр к рукописям различных религиозных сказаний. В миниатюре к «Фал-наме» («Книга гадания») он изобразил деву Марию с младенцем Иисусом (коллекция музея Топкапы) [Stchoukine, 1966, т. 2, с. 145—150].

Из мастеров XVIII в. следует назвать таких, как Решид Селимиели, Мустафа-челеби, Фасих-деде, Фенни-деде, Хасан Айублу и др. Они воспроизводят сцены придворной жизни, батальные сцены, иллюстрируют легенды и сказания. Влияние полотен приглашенных (Ж. Б. ван Моур, А. Л. Костеллан, А. Ж. Меллинг) и посещавших страну европейских мастеров (Ж. Л. Лиотар, Л. Ф. Касас, Ж. Б. Илер, А. Ш. Карафф, русский живописец Сергеев, сопровождавший в 1793 г. посольство М. И. Кутузова) ощущается в творчестве крупных турецких придворных художников Левни (ум. в 1732 г.) и Абдуллаха Бухари (XVIII в.), которые стремились передать образы пла-

стично, обобщенно, с тщательной прорисовкой деталей и гармонией цветов (примером могут служить 137 миниатюр Левни к поэме Вехби о празднествах в Стамбуле в 1720 г.). Творчество Абдуллаха Бухари (уроженца Средней Азии) относится к периоду правления Ахмеда III (1115—1143/1703—1730) — к так называемой «эпохе тюльпанов», ознаменованной сильным европейским влиянием в технике турецкой живописи [Heinz, 1967, с. 116]. Абдуллах Бухари оставил несколько альбомов рисунков из придворной жизни [Meredith-Owens, 1963, с. 22—24]. Он превосходно изображал растения. В этом ему был близок Ахмед Атааллах Хезаргради, который создал в 1728 г. превосходное изображение розы.

В конце XVIII—начале XIX в. появляются образцы нового стиля в творчестве Мехти (выходца из Польши), армянина Рафаэля (создал изображения Венеры, молодой девушки в образе Дианы) и его сына Минаса. Получает распространение стиль «а ля франка», для которого характерно бурное увлечение всем европейским в угоду вкусам правящих кругов и который был чужд веками сложившемуся специфически образному и декоративно-орнаментированному стилю турецкого искусства.

Богаты миниатюрами коллекции манускриптов и альбомов музея Топкапы (более 16 тыс. миниатюр) [Sevin, 1965, с. 241], библиотеки университета в Стамбуле, Национальной библиотеки в Париже и библиотеки Честер Битти в Дублине [Meredith-Owens, 1963, с. 18], собрания Тюбингена и Марбурга [Stchoukine и др., 1971, с. 10].

Помимо миниатюр турецкие рукописи искусно украшались художественными *унванами*, орнаментированными заставками, декорированными полями. Турецкие исследователи различают три вида турецкого художественного орнамента в рукописях: орнамент, образованный из цветов и листьев (имел хождение до правления Байазида II, т. е. до 886/1481 г.); классический — состоящий из композиции бесчисленных завитков в качестве обрамления «животных» композиций (со времени правления Байазида II и до начала XVIII в.); композиции из разных цветов — розы, гвоздики, цветков бархатного дерева, вишни, граната, тюльпана и др. — и листьев, особенно листьев герани (с начала XVIII в. — с «эпохи тюльпанов» — и до конца бытования турецкой рукописной книги) [Cunbur, 1976, с. 667—670].

Художественные унваны чаще всего представляют собой не закрытый сверху квадрат или прямоугольник (в зависимости от ширины текста на странице) перед началом текста, внутри которого, в середине, помещается большой, удлиненный, с витиеватыми границами золотой медальон, в котором белилами выписывается сулсом название сочинения; по бокам от этого ме-

дальона находятся еще два подобных ему, но маленьких, а между ними и центральным медальоном на светло-синем или темно-голубом фоне вырисован тончайший орнамент, образуемый извивающимися тонкими стеблями и раскрытыми цветками; от всей верхней части унвана до верхнего края страницы тянутся вверх, немного изгибаясь, цветные или золотые стебли.

Текст отделен от полей золотой рамкой толщиной 1—2 см, к ней часто добавляются рамки из двух-трех цветных линий, одна из которых — черная. Поля покрываются золотым крапом. Иногда встречаются и очень искусно декорированные поля: например, на золотом фоне множество причудливо переплетающихся растений, фигуры животных [Vandal, 1900, с. 74].

Искусство художественного переплета было высоко развито в Турции [Vandal, 1900, с. 74]. Так, в Стамбуле в XVII в. было десять переплетных мастерских, в которых работали 300 переплетчиков. Наибольшей известностью среди них пользовались Али Ускударлы (выполненный им переплет рукописи XVI в. хранится в музее Топкапы в Стамбуле), Санджактар, Разгардлы-заде, Амин Кахйа, Исмаил Сака, Хасан Караманлы, Йесари-заде, Ариф Хымхым, Азиз Шишман, Синан Солак и др. [Binark, 1967, с. 161].

Турецкие исследователи отмечают, что старых (до XVIII в.) переплетов сохранилось очень мало — от 10 до 100 единиц [Cunbur, 1976, с. 678—681]. Чаще переплеты делались из картона, обтянутого кожей, и просто из кожи темно-красного, коричневого, черного цветов. Тисненый орнамент переплетов называется *джедвел* («каналообразное» тиснение), *зенджирек* («почкообразное» тиснение), бордюр, *кёшебенд* («железный угольник»), большое овальное тиснение посередине — *шемсе* («солнце»). Для таких тисненых турецких переплетов обычно использовались растительные мотивы (листья, изогнутые ветви и стебли), звездчатый и точечный орнаменты. Начиная с XV в. преобладают растительные мотивы. Более поздние переплеты были из картона, обклеенного «мраморной» или «облачковой» (разрисованной в виде облачков) бумагой, с кожаным корешком. Тиснение на кожаных переплетах делалось углубленным, чтобы оно дольше не стиралось от горизонтального хранения рукописей (в шкафах и сундуках, где манускрипты клались один на другой).

В. А. Гордлевский пишет, что и в начале XX в. «в Малой Азии, проходя по городу, часто можно увидеть засунутую между камнями в стене полуистлевшую бумагу, которую, очевидно, поднял с земли благочестивый мусульманин». Это свидетельствовало о благоговейном отношении турок к бумаге, покрытой письменами, а так как между ними можно встретить имя бога,

ее нельзя было топтать. В XVI в. у турок существовало поверье, что такая бумага, поднятая с земли, будет на том свете служить обувью, предохраняющей грешника от жара огня за грехи [Гордлевский, 1968, с. 81]. Мусульманский обычай создавать библиотеки рукописных книг в качестве богоугодного дела был очень распространен в Турции, особенно в Стамбуле, где имелось множество таких частных библиотек.

Библиотеки создавались при мечетях «как особый вид богоугодной благотворительности частных лиц на общую пользу, ради спасения своей души» [Гордлевский, 1962, с. 464]. Для сохранения памяти лиц, пожертвовавших наибольшее число рукописей, нередко при каждом таком большом жертвовании создавалась новая книга записи (*дефтер*) пожертвованных рукописей. Поэтому, например, библиотека Ашира в Стамбуле имеет три дефтера для своего собрания. Условия пользования пожертвованными рукописями специально оговариваются жертвователями [Бартольд, 1974, с. 188]. В 1715 г. была создана дворцовая библиотека в Стамбуле. До 65 дервишских *текке* было в Бурсе, почти каждая из них имела переданные ей в вакф рукописи. На многих из этих рукописей делались надписи, запрещающие выносить их из текке. Встречаются и «магические еврейские слова يا كبيكج на начальных или попорченных сыростью, червем листах как средство», оберегающее их от дальнейшей порчи.

Наиболее популярными сочинениями, судя по большому числу их списков в разных хранилищах рукописей, являлись переводы «Таварих-и Табари» («История Табари»), история «Тадж ат-таварих» («Венец летописей») Саадеддина (XVI в.), «Гариб-наме» Ашик-паши, «Искандер-наме» Ахмеди, «Мухаммедиййе» Йазиджи-оглу, «Йусуф ве Зулейха» Хамди, диваны различных турецких поэтов, комментарии на персидские сочинения Аттара, Саади, Хафиза и др. [Гордлевский, 1962, с. 464—466].

На первых листах рукописи вверху помещался рукописный экслибрис, или личная печать, или же просто запись о принадлежности рукописи определенному лицу. Экслибрис писался в ряде случаев жидким золотом и содержал название сочинения, имя его автора, имя владельца рукописи или частной рукописной библиотеки. Иногда владельцы грубо замазывали лица на миниатюрах, вычеркивали неугодные формулы благопожеланий, дополняли и дописывали рукопись на полях и ее чистых листах в соответствии со своими религиозными воззрениями (суннитскими или шиитскими).

Значительная часть турецких рукописей очень долго была
 распылена по мечетям, текке, ведомствам и учреждениям,

а также частным библиотекам. Это облегчало их продажу и вывоз за рубеж — в Европу, где они также оказывались рассредоточенными по разным, но в XIX—XX вв. уже централизованным хранилищам.

Библиотеки учреждений, ведомств, мечетей обычно посещали, по наблюдениям В. Д. Смирнова в 1875—1876 гг., *софта* (студенты медресе — высших школ при мечетях, где занимались заучиванием и выписыванием извлечений из комментариев к Корану и хадисам). Иногда приходили *улемы* (ученые) с целью пообщаться друг с другом. Некоторые библиотеки специализировались по составу: в одних — юриспруденция, в других — грамматики и т. д. [Смирнов, 1876, кн. 8, с. 532—565].

Во многих городах Турции имелись торговые лавки по продаже рукописных книг. В Стамбуле в XVII в. их было 50. И в это время, и в последующие века торговля ими велась на определенных улицах, в отведенных местах на базарах. Обычно вокруг лавок торговцев размещались переписчики, переплетчики, украшатели рукописей, мастера по изготовлению чернил, перочинных ножей, торговцы бумагой и т. д. [Binark, 1967, с. 161].

Продавали рукописные книги и разносчики на базаре в книжных рядах (*саххаф чаршысы*). Они ходили с ними по рядам и выкрикивали названия сочинений, поясняли их достоинства, торговались [Смирнов, 1876, кн. 9, с. 7—10].

В 1727 г. в Турции деятельностью первопечатника Ибрахима Мутеферрика (1678—1747), уроженца Трансильвании, началось книгопечатание. Типография его вскоре была разгромлена. Хотя книгопечатание все же постепенно укоренялось в Турции, оно всегда встречало яростную оппозицию со стороны духовенства и поддерживающих его феодалов, видевших в книгопечатании вероотступничество: имя бога и ниспосланный им Коран не должны быть воспроизведены на бумаге механически, к тому же эту бумагу при печатании будет держать грязная рука (или же рука гяура), а в текст Корана может вкрасться опечатка. Даже в лавках книготорговцев, где рукописи по мусульманской традиции лежали стопками (одна рукопись на другой), кораны клались сверху, чтобы их не давили другие рукописи. Если же Коран брал европеец, торговец быстро выдергивал его у него из рук, так как это были руки гяура [Гордлевский, 1962, с. 169—170]. До начала XX в. (т. е. до времени республики) кораны всегда только переписывались от руки или литографировались.

Против введения книгопечатания выступали переписчики, их поддерживали ремесленники ряда профессий: изготовители бумаги, понимавшие, что для печатания нужна другая по обра-

ботке бумага (без глянца, лощения, окраски и т. п.), изготовители чернил, перочинных ножей, ножниц для резки бумаги, торговцы рукописями, украшатели и реставраторы рукописей и др. С введением книгопечатания они лишались работы — либо совсем, либо в значительных размерах. Поэтому уже начиная с XVI—XVII вв. (с введения книгопечатания на Западе и начала пропаганды его в Турции отдельными передовыми просвещенными авторами, как, например, турецким историком Печеви — 1574—1649) все они активно поддерживали переписчиков в их выступлении против книгопечатания [Süheyl, 1962, с. 711]. Косвенную поддержку им оказывали европейцы, еще в XVI в. начавшие покупать рукописи в Турции. Купленные здесь манускрипты положили начало коллекции королевской (ныне национальной) библиотеки в Париже [основатель коллекции — историк Ж. О. де Ту (1553—1617)]. Французские миссионеры и послы закупали рукописи для библиотек кардинала Ришелье (1585—1642), министра Ж. Б. Кольбера (1619—1683) и др. Манускрипты вывозили послы и члены посольства Франции — Вильнев, Герен, Пессонель, Армен, Оттер. Англичанин Дж. Гривс (1602—1652) вывез в 1638 г. рукописи, которые положили начало коллекции Британского музея [Omont, 1902, pt. 1, с. 3—4; pt. 2, с. 663—880—951]; немало манускриптов было вывезено в Австрию и другие страны.

К XVIII в. вывоз рукописей из Турции в Европу принял настолько широкие масштабы, что Ахмед III (1115—1143/1703—1730) был вынужден издать указ, запрещающий их продажу иностранцам. Случаи хищения ценных манускриптов из библиотек Турции в наше время, спекуляции ими за границей (США, Италия, Франция и др.) нередко отмечаются в турецкой печати [Cumhuriyet, 1969, 21.III, с. 5].

На рубеже XVIII и XIX вв. увеличился спрос на учебные пособия, специализированную и художественную литературу со стороны нового, все возрастающего круга читателей — курсантов и офицеров военных училищ, слушателей и преподавателей специальных учебных заведений, учащихся и учителей школ, чиновников и т. д. Так как казенные типографии были маломощны, а книги стоили дорого, в 30—40-х годах XIX в. стали возникать государственные и частные литографии, частные типографии. Однако более интенсивно развивались литографии, в связи с тем что литографические станки стоили дешевле типографских, а в самих литографиях трудились за любую плату многие из лишившихся постоянной работы переписчиков рукописей [Желтяков, 1970, с. 241, 244].

Судя по каталогам, турецкие рукописи имеются почти
 во всех хранилищах за рубежом и в крупнейших собраниях

нашей страны. Основная их масса сосредоточена в Турции, Западной Европе и, в меньшем числе, в СССР (Ленинград, Москва, Баку, Тбилиси, Ташкент).

Ветвью малоазиатского (турецкого) ареала является крымский его район (территория Крыма). Его населяли крымские татары — небольшая этническая тюркская группа, по языку относящаяся к кыпчакско-половецкой группе кыпчакских тюркских языков (северные, или степные, крымские татары) и к огузо-сельджукской тюркской языковой группе (южнобережные крымские татары) [Баскаков, 1969, с. 281].

Письменная литература крымских татар начинается с эпохи Крымского ханства, образовавшегося в 1443 г. на развалинах Золотой Орды и просуществовавшего до середины XVIII в. Его официальным литературным письменным языком был турецкий. Поэтому авторов, писавших в Крыму, обычно относят к турецкой литературе; впрочем, среди них были и собственно турки, служившие при дворе крымских ханов, например Раммал-ходжа (Бадреддин Мухаммед Нидаи, ум. в 975/1567-68 г.) — историк, медик, астролог, «друг и собеседник хана Сахиб-Гирея I» [Смирнов, 1887, с. XII]. Он составил историю правления этого хана (939—958/1532—1551). Известный турецкий историк Сеййид Мухаммед Риза (ум. в 1169/1756 г.) написал историю ханства начиная со времени правления Менгли-Гирея I (873/1469 г.) и до вторичного восшествия на престол Менгли-Гирея II (1150/1737 г.) под названием «ас-Саба ас-сиййар фи ахбар-и мулук ат-татар» («Семь планет в известиях о правителях татар»).

Истории ханства посвящены и другие сочинения: уникальный труд без названия и указания автора (рук. ИВ АН СССР С 861), содержащий краткую историю крымских ханов от Менгли-Гирея (883/1478 г.) до правления Шахин-Гирея (1191—1197/1777—1783); сочинение «Тарих-и Крым» («История Крыма») Неджати — чиновника при командующем турецкими войсками в Крыму в период русско-турецкой войны 1768—1774 г. Ибрахим-паше, представляющее описание этой войны (одна из авторских редакций в рук. ИВ АН СССР В 757); анонимное описание взаимоотношений крымских ханов с Турцией, Турции — с Россией, Францией и другими странами по вопросу о Крыме до 1204/1789-90 г. (рук. ИВ АН СССР В 747).

Поэзия представлена автографом поэмы бахчисарайца Хабибуллы Керема (ум. в 1913 г.) «Гунча-йи афкар» («Бутон мыслей») 1908 г. (рук. ИВ АН СССР D 136). Автограф его дневника с записями о местных событиях с 1901 по 1913 г., о наблюдениях за погодой в указанный период также находится в собрании ИВ АН СССР (шифр С 1144).

Тематика рукописей крымского района ограниченна: история (местная), поэзия. Ранние сочинения относятся к XVI в. (история Раммал-ходжи), поздние — к началу XX в. (дневник Керема). Рукописи переписывались здесь с XVIII в. (например, список ИВ АН СССР В 767 той же истории) до начала XX в. (указанный дневник Керема). Составлялись сочинения в Крыму и Турции. Здесь же они и переписывались. Среди немногих известных манускриптов крымского района нет таких, которые отличались бы по оформлению от обычных турецких рукописей или имели художественные особенности. Автографы, уникальные списки были названы выше. Заслуживающих внимания по характеру колофонов или приписок среди рассматриваемых рукописей нет.

Сведений о крымскотатарских манускриптах, кроме турецких по языку, в других хранилищах нет. На турецком же языке рукописи встречаются в некоторых турецких и других зарубежных, а также отечественных (например, в Ленинграде, в АзССР) хранилищах.

Письменная литературная традиция в малоазиатском тюркоязычном «книжном» ареале длительная и непрерывная — с XIII до начала XX в. Тематика турецкой рукописной книги очень разнообразна, но преобладают поэтические, религиозные и исторические сочинения. Поэтических по форме произведений больше, чем прозаических, — такое соотношение было характерно для всех веков. Преобладание поэтической формы определило, вероятно, широкое развитие так называемой «диванной» поэзии и соответственно распространение жизнеописаний поэтов с образцами их творчества (антологии поэтов).

Только для этого ареала характерно развитие традиций официальной историографии, сборников и собраний законов, наставлений, инструкций. Большее, чем в других (например, в среднеазиатском) ареалах, распространение получили письмовники — образцы официальных и частных писем. Видимо, все это объясняется длительным и непрерывным существованием одного государственного управления (династии Османов), которое, как и всякая «государственность», нуждалось в законодательстве, инструкциях, образцах официальной историографии.

Развитие переводной, преимущественно с персидского языка, литературы на протяжении всей истории этого ареала свидетельствует о популярности ее среди турок, но в то же время и о недостаточном или плохом знании высшими и средними слоями населения Османской империи персидского языка, который в первые века истории малоазиатского (турецкого) ареала был общепринятым литературным языком в империи,

На репертуар и оформление тюркоязычной арабописьменной рукописной книги данного ареала оказали влияние постоянные связи его населения с соседними народами, а главное — то, что Османское государство являлось в течение нескольких веков империей, включавшей в свой состав ряд тюркских и нетюркских народов. Расцвет тюркоязычной рукописной книги здесь, обусловленный соответствующим расцветом Османского государства, его литературы и культуры, с точки зрения ее репертуара и оформления может быть отнесен к XVI в., хотя и в предшествующие, и в последующие века появлялись некоторые выдающиеся ее образцы. По виду письменности тюркоязычная рукописная книга рассматриваемого ареала была только арабописьменной.

Али, 1926. — Али Мустафа. Менакиб-и хунерверан. Истанбул, 1926 (араб. графика).

Бартольд, 1974. — Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. М., 1974.

Баскаков, 1969. — Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Булатов, Долинская, 1972. — Булатов М. С., Долинская В. Г. Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV—XVI вв. — Из истории искусства великого города. Таш., 1972.

Вронченко, 1840. — Вронченко М. Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. Ч. 2. СПб., 1840.

Гордлевский, 1962. — Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.

Гордлевский, 1968. — Гордлевский В. А. Избранные сочинения Т. 4. М., 1968.

Дмитриева и др., 1965. — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения [АН СССР]. Вып. 1. История. М., 1965.

Желтяков, 1970. — Желтяков А. Д. История турецкого книгопечатания и периодики от реформ «Низам-и джедид» до конституции 1876 г. — ТС-70. 1970.

Кононов, 1978. — Кононов А. Н. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка. — ТС-76. 1978.

Марсильи, 1737. — Марсильи Л. Ф. Военное положение Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб., 1737.

Смирнов, 1876. — Смирнов В. Д. Турецкая цивилизация, ее школы, софта, библиотеки, книжное дело. — «Вестник Европы». СПб., 1876, кн. 8 и 9.

Смирнов, 1887. — Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

Смирнов, 1914. — Смирнов В. Д. Древнейшая датированная рукопись XIV в. — ЗВОРАО. Т. 22, 1914.

Тверитинова, 1963. — Аграрный строй Османской империи XV—XVIII вв. Документы и материалы. Сост., пер. и коммент. А. С. Тверитиновой. М., 1963.

Alparslan, 1978. — Alparslan A. The Ottoman Sultans who ware Calligraphers. — Fifth International Congress of Turkish Art. Budapest, 1978.

Aslanapa, 1976. — Aslanapa O. İslâmlekten önce türk sanatı. — Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976.

Banguoğlu, 1938. — B a n g u o ğ l u T. Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar. Breslau, 1938.
Baykal, 1950—1951. — B a y k a l İ. Tarih Hazinesi. İstanbul, 1950, № 1, 1951, № 5.
Binark, 1967. — B i n a r k İ. Eski devrin kitapçıları-sahhâflar. — Türk Kurumu Dergisi. Belleten. 1967, cilt 16, № 3.
Cumhuriyet, 1969. — «Cumhuriyet». İstanbul, 21.III.1969.
Cunbur, 1976. — C u n b u r M. Türklerde tezhib sanatı. — Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976.
Duda, 1930. — D u d a H. W. Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen. 1. Lpz., 1930.
Ergin, 1951. — E r g i n M. Kadı Burhaneddin Divanı üzerinde bir gramer denmesi. — Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul, 1951, IV, 3.
Flemming, 1968. — F l e m m i n g B. Türkische Handschriften. 1. Wiesbaden, 1968.
Heinz, 1976. — H e i n z W. Die Kultur der Tulpenzeit des Osmanischen Reichs. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». Bd 61. Wien, 1976.
İskit, 1939. — İ s k i t S. R. Türkiyede neşriyat hareketleri tarihine bir bakış. İstanbul, 1939.
Mansuroğlu, 1951. — M a n s u r o ğ l u M. Anadoluda Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi. — Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul, 1951, IV, 3.
Mantran, 1962. — M a n t r a n R. Istanbul dans la seconde moitié du XVII siècle. Essai d'histoire institutionelle, économique et sociale. P., 1962.
Mantran, 1965. — M a n t r a n R. La vie quotidienne à Constantinople au temps de Soléiman le Magnefique et des ses successeurs (XVI et XVII siècles). P., 1965.
Martin, 1912. — M a r t i n F. B. The Miniature Painting from 8-th to the 18-th Century. L., 1912.
Meredith-Owens, 1963. — M e r e d i t h - O w e n s G. M. Türkish Miniatures. The British Museum. L., 1963.
Nefes-zade, 1939. — N e f e s - z a d e İ. Gülzari savab. İstanbul, 1939.
Omont, 1902. — O m o n t H. Missions archéologiques française en Orient aux XVIII siècle. Pt. 1—2. P., 1902.
Sevin, 1965. — S e v i n N. Ottoman Court School Which Also Trained Hundreds of Artists Between the Fifteentin and Centuries. — Atti del secondo congresso internazionale di arte Turca. Napoli, 1965.
Sirat, 1976. — S i r a t C. Ecriture et civilisations. [P.], 1976.
Sohrweide, 1974. — S o h r w e i d e H. Türkische Handschriften und einige in den Handschriften enthaltende persische und arabische Werke. Wiesbaden, 1974.
Stchoukine, 1966. — S t c h o u k i n e I. Le peinture turque d'après les manuscrits illustrés. 1—2. P., 1966.
Stchoukine и др., 1971. — S t c h o u k i n e I., F l e m m i n g B., L u f t P., S o h r w e i d e H. Illuminierte islamische Handschriften. Wiesbaden, 1971.
Süheyl, 1962. — S ü h e y l A. U. XV-inci yüzyılda Türkiyede kullanılan kağıtlar ve su damgaları. — «Belleten». 1962, cilt 26, № 104.
Yetkin, 1954. — Y e t k i n S. K. İslâm sanatı tarihi. Ankara, 1954.
Yetkin, 1965. — Y e t k i n S. K. An Illuminated Manuscript of the Zubdat-al-tavârîh (The Cream of Histories). — Atti del secondo congresso internazionale di arte Turca. Napoli, 1965.

Yetkin, 1978. — Yetkin S. K. La philosophie de l'art turc. — Fifth International Congress of Turkish Art. Budapest, 1978.
Vandal, 1900. — Vandal A. Les voyages du Noitel (1670—1680). P., 1900.
Zajączkowski, 1937. — Zajączkowski A. Studia nad językiem staroosmańskim. 2. Wybrane rozdziały z anatolijsko-tureckiego przekładu Koranu. Kraków, 1937.

Дополнительная литература

Миллер Ю. А. Искусство Турции. М.—Л., 1965.
Alparslan A. L'art de la calligraphie en Turquie aux XV-e et XVI-e siècles — «Revue des études islamiques». 35. P., 1967.
And M. La peinture miniature turque. La période ottomane. Ankara, 1976.
Aslanapa O. Türkische Miniatürmalerei am Hofe Mehmet des Eroberers in Istanbul. — «Ars Orientalis». 1. 1954.
Aslanapa O. Türk sanatı. Selçuklu ve Osmanlı halıları, çini ve minyatür sanatı. İstanbul, 1961.
Berk N. Le peinture turque. Ankara, 1950.
Blochet E. Musulman Painting XII—XVII Century. L., 1929.
Blochet E. Peintures des manuscrits arabes, persans et turks de la Bibliothèque Nationale. P., 1926.
Blochet E. Peintures des manuscrits orientaux de la Bibliothèque Nationale. P., 1914—1920.
Boyar S. P. Osmanlı devirlerinde türk ressamları. Ankara, 1948.
Cunbur M. Türk kitap sanatlarına ve minyatürlerine genel bir bakış. — Türk Kurumu Dergisi. Belleten. 1968, cilt 17, № 2.
Çiğ K. Türk kitap kapları. İstanbul, 1971.
Çiğ K. Türk ve İslam Eserleri Müzesi'deki Minyatürlü Kitapların Kataloğu. İstanbul, 1959.
Esin E. Turkish Miniature Painting. Tokyo, 1960.
Grube E. Herat, Tebriz, Istanbul the Development of a Pictorial Style. — «Oriental Studies». 4. Oxf., 1969.
Huart Cl. Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman. P., 1908.
Kühnel E. Miniatürmalerei im islamischen Orient. B., 1923.
Migion G. Manuel d'art musulman. P., 1907.
Minorsky V. A Catalogue of the Turkish Miniatures. Dublin, 1958.
Ogütmen F. Topkapı Sarayı minyatür bölümü rehberi. İstanbul, 1963.
Rıfkı Melûl Meriç. Türk tezyini san'atları ve son ustadlardan altısı. Güzel San'atlar Akademisi Neşriyatından, 1937.
Ritter H. Autographes in Turkish Libraries. — «Oriens». 1953, vol. 6, pt. 1.
Stchoukine I. Miniature turque du temps de Mohammad II. — «Arts islamiques». T. 15. P., 1967.
Süheyl A. U. Levni, His Life. İstanbul, 1951.
Süheyl A. U. Amasyalı Şeyh Hamdullah Efendi ve tip tarihimizdeki yeri. İstanbul, 1953.
Süheyl A. U. Ressam Nakşi. İstanbul, 1949.
Süheyl A. U. Ressam Niĝâri. Ankara, 1946.
Süheyl A. U. Türklerde resim, tezhib ve minyatürün tarihi. Ankara, 1933.
Taeschner F. Alt-Stambuler Hof- und Volksleben. Hannover, 1925.

Т. И. Султанов

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ И ВОСТОЧНОТУРКЕСТАНСКАЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Становление и развитие арабографичной рукописной книги в Средней Азии и в Восточном Туркестане связаны с принятием ислама населением этих территорий и распространением там арабского алфавита и арабского языка. Для обозначения понятия «книга», «сочинение» и вообще «исписанные бумажные листы» одинакового размера, собранные под одним переплетом, употреблялось арабское слово *китаб*. Кроме этого главного языкового знака книги в значении «письмо», «писание», «грамота», а также «книга», «сочинение» и т. п. использовалось заимствованное из персидского языка слово *наме*. При этом употребление слова *наме* в указанных значениях имело свои особенности: оно, во-первых, в сочетании с другими словами обычно служило для обозначения документов деловой письменности, т. е. книг, имевших практическое назначение, как, например, «Васийат-наме» («Завещательный акт»), «Вакалат-наме» («Доверенность») и т. д.; во-вторых, оно часто использовалось как определяемая составная часть в названиях книг, например «Шараф-наме-йи шахи» («Книга шахской славы»), «Фатх-наме» («Реляция о победе»), «Фиркат-наме» («Поэма о разлуке») и т. п.

Полного представления об объеме созданных в Средней Азии и Восточном Туркестане рукописных книг нет и по сегодняшний день. В одном только собрании восточных рукописей Института востоковедения АН УзССР, например, насчитывается более 16 тыс. мусульманских рукописей [Ахмедов, 1979, с. 12]. «Общее число заключающихся в них самостоятельных произведений, в основном на арабском, таджикском, персидском и узбекском языках, около 80 000» [Азимджанова, 1954, с. 149]. Значительная их часть создана в Средней Азии и Восточном Туркестане. Богатыми фондами арабографичных рукописей обладают, как известно, другие книгохранилища Ташкента, а также соседних среднеазиатских республик. Среди рукописных книг, ныне хранящихся в библиотеках Ленин-

града, Казани, Москвы, в востоковедных центрах других стран, немало рукописей, написанных и оформленных в Средней Азии или Восточном Туркестане. Так что общее число всех рукописных книг, созданных на территории Средней Азии и Восточного Туркестана в эпоху средневековья, по всей вероятности, составляет много десятков тысяч произведений, что, несомненно, свидетельствует о значительном развитии книжного дела в среднеазиатских ханствах и широком распространении там книги. Поскольку сохранность литературных произведений всецело зависит от общей книжной культуры общества, то, следовательно, как само количество дошедших до нас рукописей в целом, так и наличие, в частности, среди них немалого числа книг, созданных много столетий тому назад, свидетельствуют о бережном отношении людей той эпохи к рукописной книге и ее высоком престиже в тогдашнем обществе.

Состав дошедших до нас рукописных книг разнообразен. Здесь книги, содержащие исторические, географические, биографические, литературные, естественнонаучные, религиозные, поэтические и иные тексты; здесь трактаты по математике, логике, этике и музыке, многочисленные комментарии, календари, а также акты, грамоты и письма дипломатического, административного, юридического, экономического характера; здесь и оригинальные сочинения и переводы, компилятивные труды и мемуарная литература.

Следует, однако, отметить, что указанные выше литературные жанры, формы, типы и пр. не всегда представлены в чистом виде. Для средневековой литературы Востока, в особенности для так называемых «научных трудов», были характерны синкретичность, слабая дифференцированность видов, жанров, форм: соединение в одном сочинении материала, относящегося к различным видам литературы и отраслям знания, а также к разным формам и жанрам внутри одного вида, было обычным явлением в писательских кругах [Стори, 1972, ч. 1, с. 22—23]. Сказанное не означает, разумеется, что в странах средневекового мусульманского Востока не существовало классификации наук. Напротив, мусульманские ученые не только выделяли отдельные отрасли знания, но ими были выработаны многочисленные научные и технические термины для обозначения различных отделов, подразделений средневековой науки и даже разных форм внутри одного вида [Бартольд, 1966 (I), с. 162]. Здесь можно сослаться, в частности, на термины *та'лиф* и *тасниф*; первый термин служил для обозначения оригинального научного или литературного труда, а вторым обычно называлось компилятивное сочинение [ср.: Семенов, 1927, с. 49]. Так что известная трудность классификации

средневековых письменных памятников по жанрам, видам, типам и пр. связана не с отсутствием в тогдашнем обществе этих категорий, а с присущей многим сочинениям многоплановостью, с тем, что в сборнике анекдотов, например, можно наткнуться на обрывки хроник, в династийной истории — на житийные легенды, в географическом сочинении — на лингвистический материал, а в нравоучительном трактате — на географический раздел и т. д. [Бартольд, 1963, с. 99; Бартольд, 1973 (I), с. 98—102; Салахетдинова, 1964, с. 182—183; Стори, 1972, ч. 1, с. 23]. При этом разделы эти часто неравноценны по своему значению для той или иной отрасли знания.

Развитие различных отраслей наук шло неравномерно. Эта диспропорция до некоторой степени объясняется традициями развития науки в странах мусульманского Востока. Большинство отраслей науки в условиях того времени могло развиваться только при дворе. Развитие отдельных дисциплин, имевших, в частности, практическое значение, как, например, математика (в интересах правильного счетоводства), астрономия (в связи с астрологическими верованиями) и медицина (в целях лечебной практики), зависело не только от наличия культурной среды, но главным образом от личных склонностей каждого из восточных властителей — покровителей ученых и литераторов.

Судя по тому, что нам известно, постоянного внимания при дворе удостаивались особенно поэзия и история, т. е. те литературные жанры и отрасли знания, которые наиболее полно отвечали честолюбивым замыслам покровителя — увековечению своего имени и деяний в памяти поколений. При этом поэзия была наиболее популярна, и литераторы, подавляющее большинство которых материально всецело зависели от правящих кругов, связывали с занятием поэзией свои «материальные блага». Интересен в этом отношении пример с Абу-л-Фазлом б. Мухаммадом, известным под прозванием Джемал Карши. Уроженец Баласагуна, он в 1264 г., будучи молодым человеком, должен был удалиться по неизвестной причине в Кашгар. Там Джемал Карши был представлен местному *садру* (глава духовенства и гражданской администрации), который обсуждал вместе с ним вопрос, каким делом ему лучше всего заняться на новом месте, и подробно разбирал выгодные и невыгодные стороны каждого занятия. Наконец, садр решил, что гостю лучше всего заняться поэзией и что это занятие принесет ему как нравственное удовлетворение, так и материальные блага [Бартольд, 1973 (I), с. 101]. Судя по мемуарам Васифи, «материальные блага», связываемые с занятием поэзией, выражались обычно в деньгах и подарках, которые получал поэт

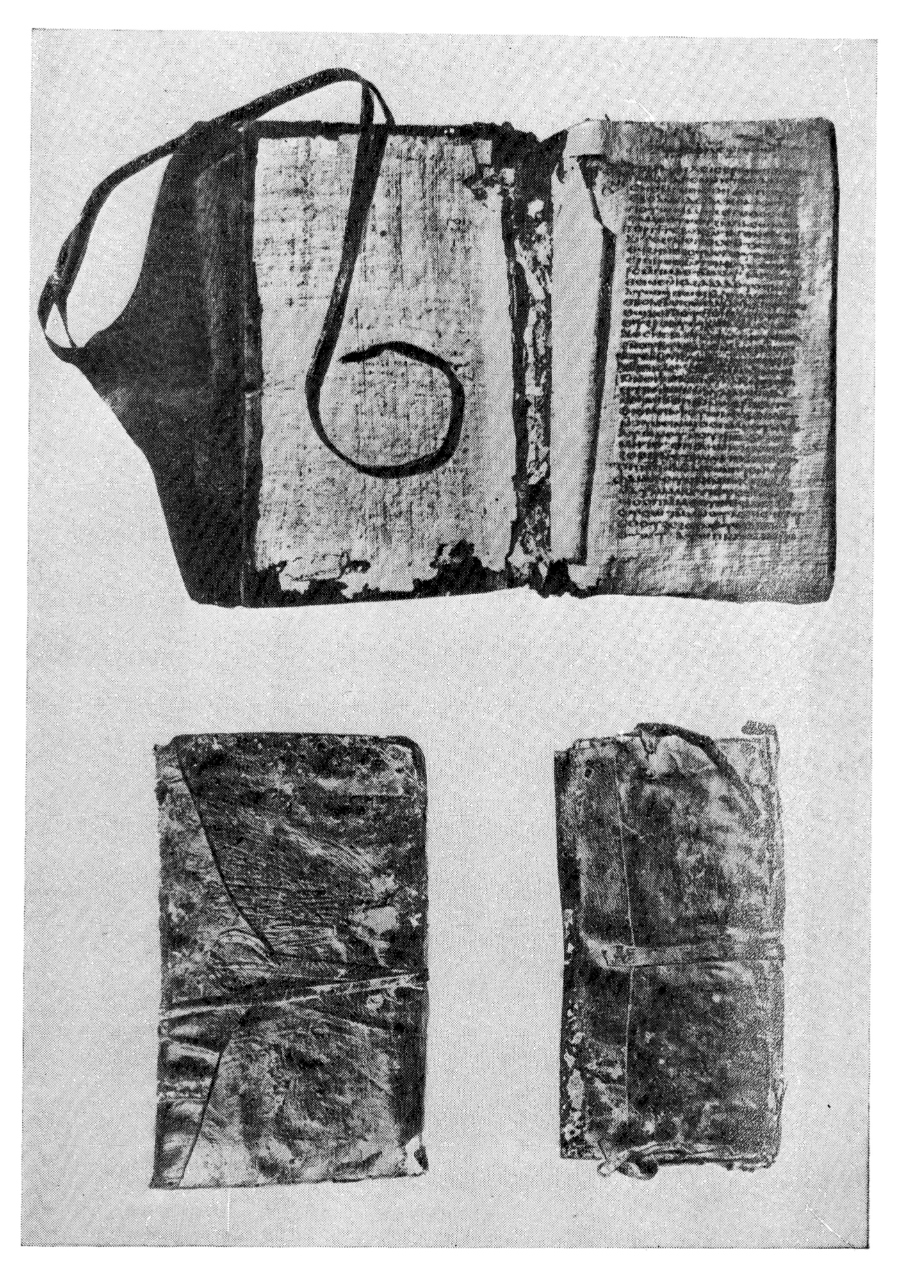

Рис. 1. *К очерку А. И. Еланской.* Коптские папирусные кодексы из библиотеки Наг-Хаммади (NH Codex IX и X). III—IV вв.

Рис. 2. *К очерку А. И. Еланской.* Миниатюра из копто-арабского Евангелистария (Рим, Ватикан, Copto 9, л. 236б). Писец и художник Георгий. 1204—1205 г.

Рис. 3. *К очерку А. И. Еланской.* Отрывок из послания ап. Иакова (Москва, ГМИИ, I.1.б.305). Двойной пергаменный лист, александрийский бимодулярный маюскул. X в.

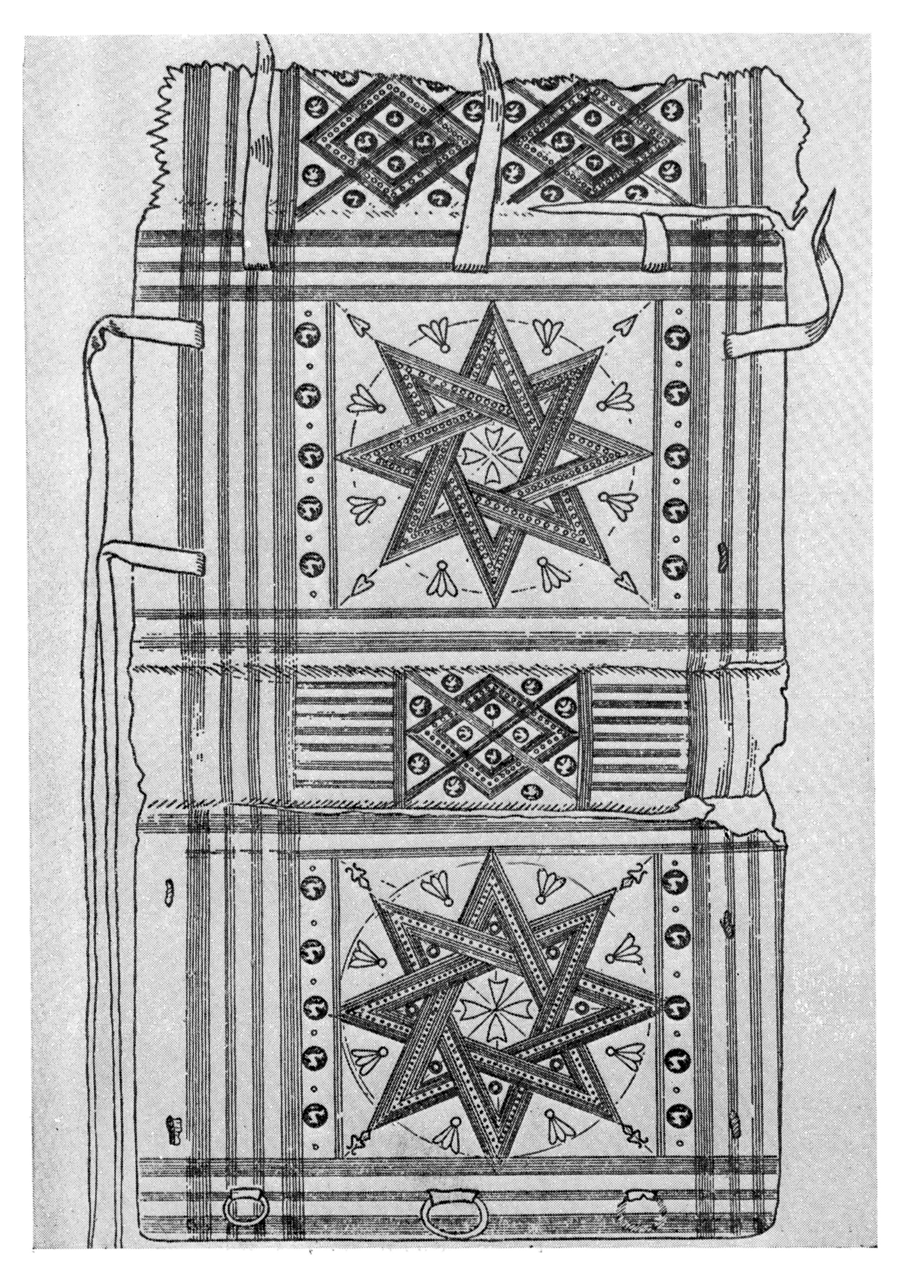

Рис. 4. *К очерку А. И. Еланской*. Кожаный переплет Псалтири (Лондон, Британский музей, Or. 5000). VI—VII в.

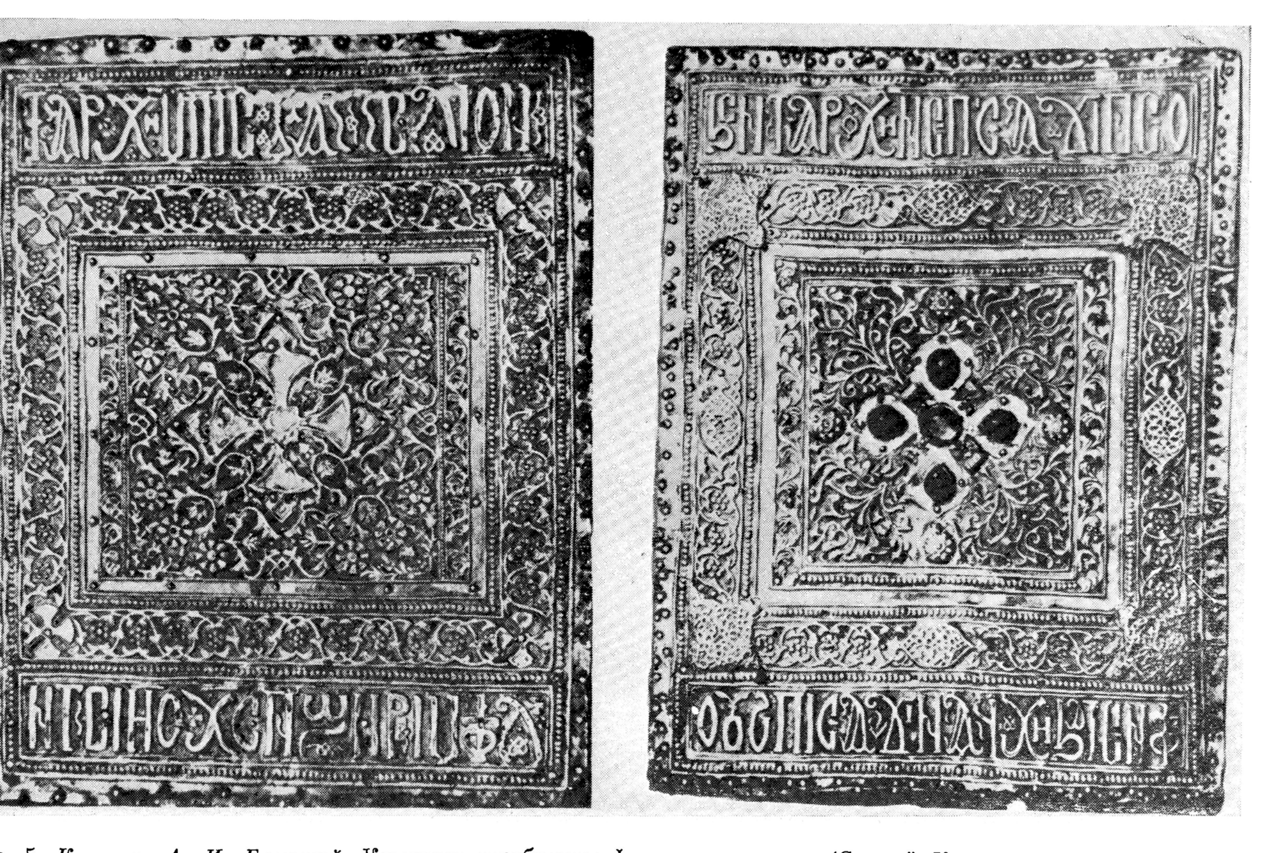

Рис. 5. *К очерку А. И. Еланской.* Коптские серебряные футляры для книг (Старый Каир, Коптский музей, № 1526 и 1527). Начало XV в.

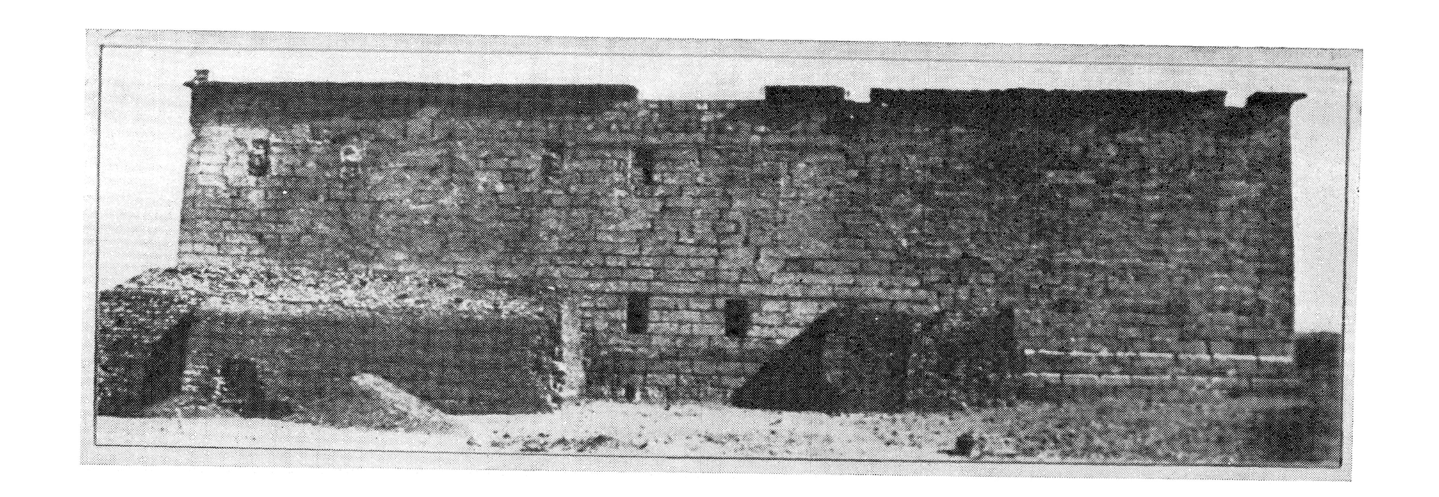

Рис. 6. *К очерку А. И. Еланской.* Белый монастырь в Верхнем Египте, крупнейшее коптское книгохранилище в средние века.

Рис. 7. *К очерку Е. Н. Мещерской.* Тит из Бостры. Речь против манихеев (Лондон, Британский музей, Add. 12 150, л. 154). Писец Иаков. Эстрангело. Эдесса. 411 г.

Рис. 8. *К очерку Е. Н. Мещерской.* Север Антиохийский. Проповедь 118 (Лондон, Британский музей, Add. 12 159, л. 271б). Писец Аддай. Яковитское письмо. Амид (?). 867—868 г.

Рис. 9. *К очерку Е. Н. Мещерской.* Илия Нисибийский. Грамматика (Ленинград, ИВ АН, Сир. 43, л. 1б). Писец Иосиф. Несторианское письмо. Сел. Алкош. 1746 г.

Рис. 10. *К очерку Е. Н. Мещерской.* Четвероевангелие. Образец оформления «Канонов» Евсевия (Канон 5) (Флоренция, Лаурентианская библиотека, Laur. Plut. I, 56, л. 8). Эстрангело (пометы — яковитское письмо). Монастырь мар Иоанна в Бет Загбе. 586 г.

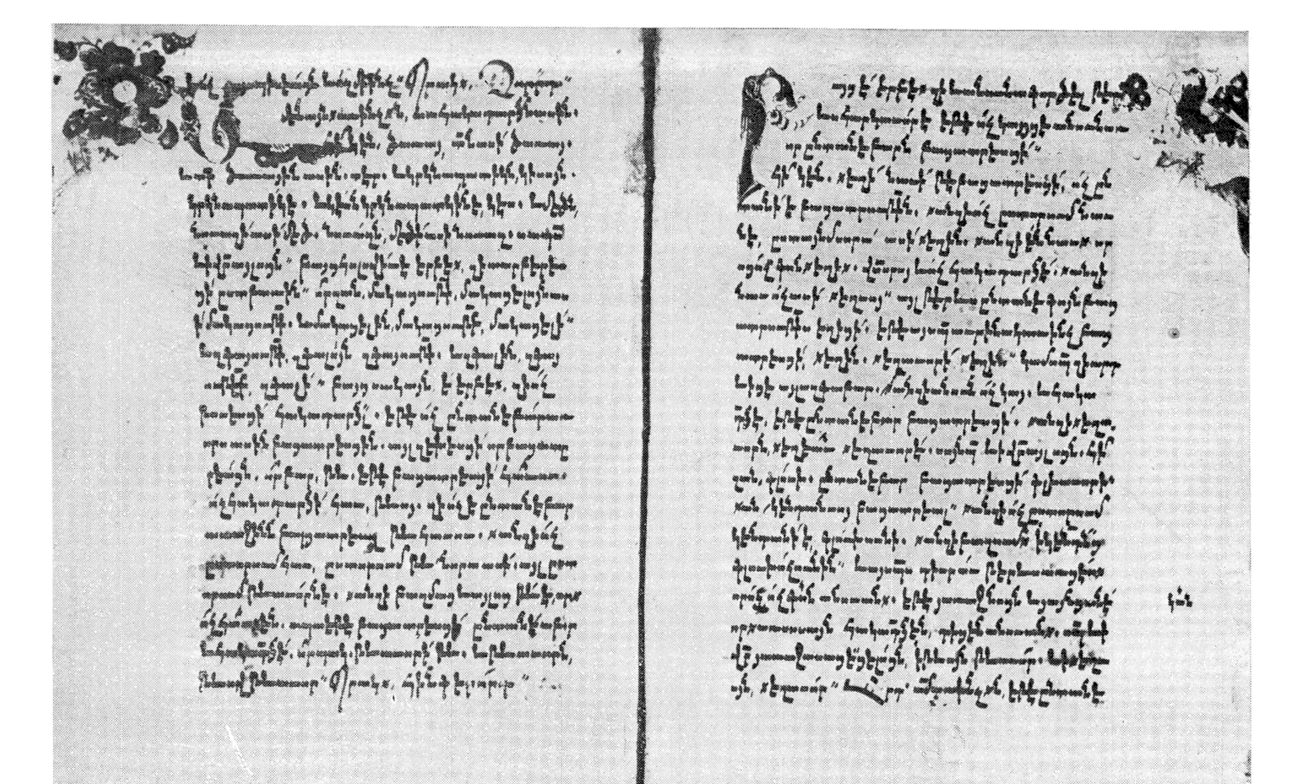

Рис. 11. *К очерку К. Н. Юзбашяна.* Григор Татеваци. Краткий анализ книги Порфирия (Ленинград, ИВ АН, Арм. В-27, л. 251б—252а). XVII в.

Рис. 12. *К очерку К. Н. Юзбашяна.* Четвероевангелие (Ленинград, ИВ АН, Арм. В-57, л. 182б). Художник Торос. 1290 г.

Рис. 13. *К очерку К. Н. Юзбашяна.* Послание католикоса Иакова от 15 февраля 1678 г. (Ленинград, ИВ АН, Арм. С-66, л. 4)

Рис. 14. *К очерку К. Н. Юзбашяна.* Четвероевангелие (Ереван, Матенадаран, № 311, л. 119а). Переписчик Григор Акореци. Округлый еркатагир. Севастия. 1066 г.

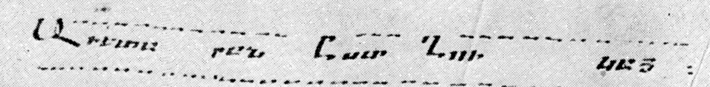

Рис. 15. *К очерку К. Н. Юзбашяна.* Четвероевангелие (Ереван, Матенадаран, № 10 434, л. 224а). Переписчик Йовханнэс. Прямолинейный еркатагир. 1069 г.

Рис. 16. *К очерку К. Н. Юзбашяна.* Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений (Ереван, Матенадаран, № 1572, л. 85а). Переписчик Барсел. Нотргир. 1706 г.

Рис. 17. *К очерку К. Н. Юзбашяна*. Четвероевангелие (Ереван, Матенадаран, № 6290, л. 219б). Переписчики Торос Философ и Йохан. Болоргир. Дразарк (Киликийская Армения). 1295 г.

Рис. 18. *К очерку Н. С. Джанашиа и др.* «Калила и Димна». Портреты переводчиков Вахтанга VI и С.-С. Орбелиани. (Ленинград, ИВ АН, Груз. Р-2). Начало XVIII в.

Рис. 19. *К очерку Н. С. Джанашиа и др.* Адишский Четвероглав (хранится в Местхи, Сванетия)

Рис. 20. *К очерку Н. С. Джанашиа и др.* Изображение св. Георгия с архангелами. (Тбилиси, Институт рукописей ГССР, Ud 5546). 1730 г.

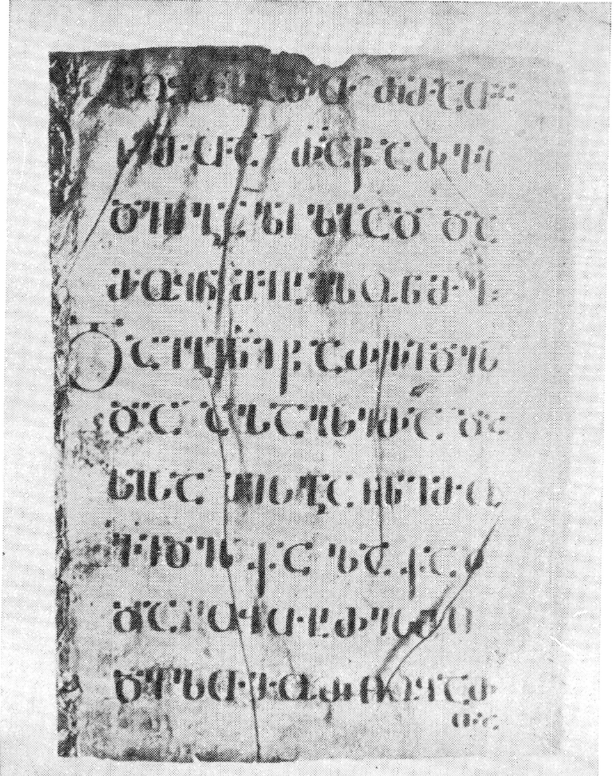

Рис. 21. *К очерку Н. С. Джанашиа и др.* Ханметный лекционарий (хранится в Граце, Австрия). Письмо асомтаврули (маюскул). VII в.

Рис. 22. *К очерку В. М. Платонова и С. Б. Чернецова.* Иоанн Евангелист. Четвероевангелие (Ленинград, ГПБ, Dorn 612, л. 124а). XV в.

Рис. 23. *К очерку В. М. Платонова и С. Б. Чернецова.* Четвероевангелие. (Ленинград, ГПБ, Dorn 612, л. 125а). XV в.

Рис. 24. *К очерку В. М. Платонова и С. Б. Чернецова.* Евангелие от Иоанна (Ленинград, ИВ АН, Эф. н. с. 5, л. 4а). XVI в.

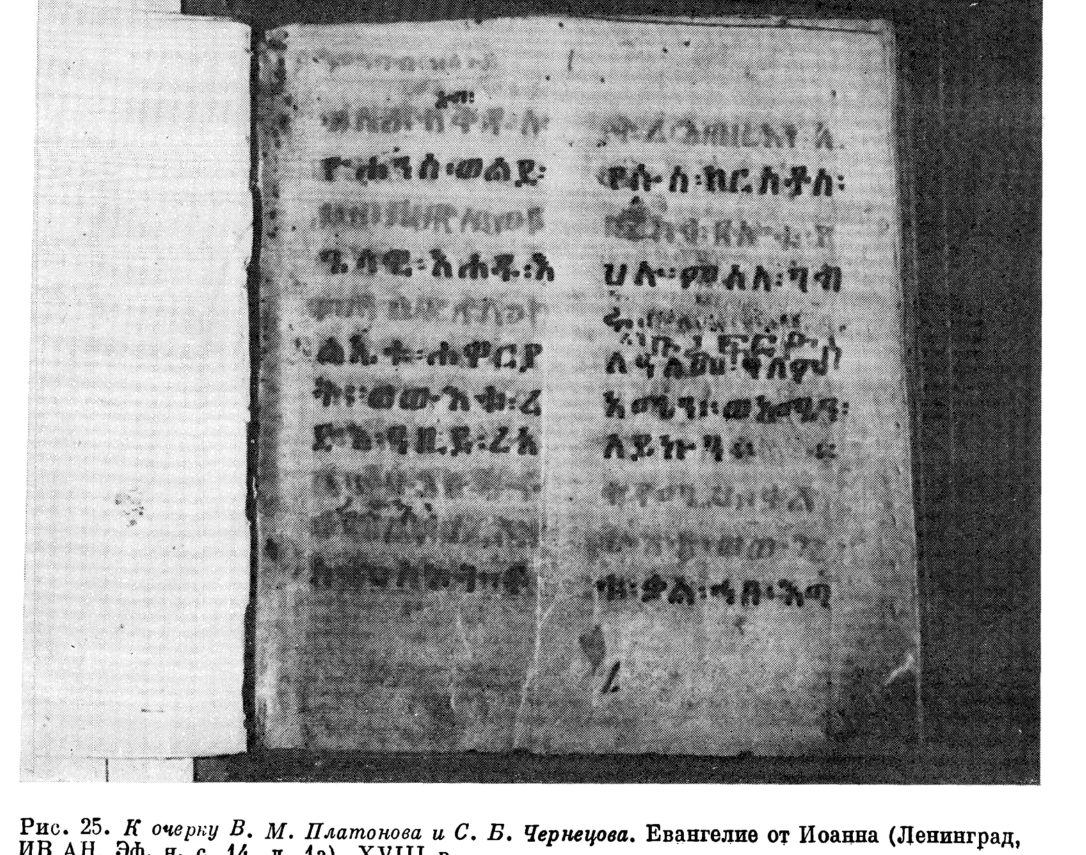

Рис. 25. *К очерку В. М. Платонова и С. Б. Чернецова.* Евангелие от Иоанна (Ленинград, ИВ АН, Эф. н. с. 14, л. 1а). XVIII в.

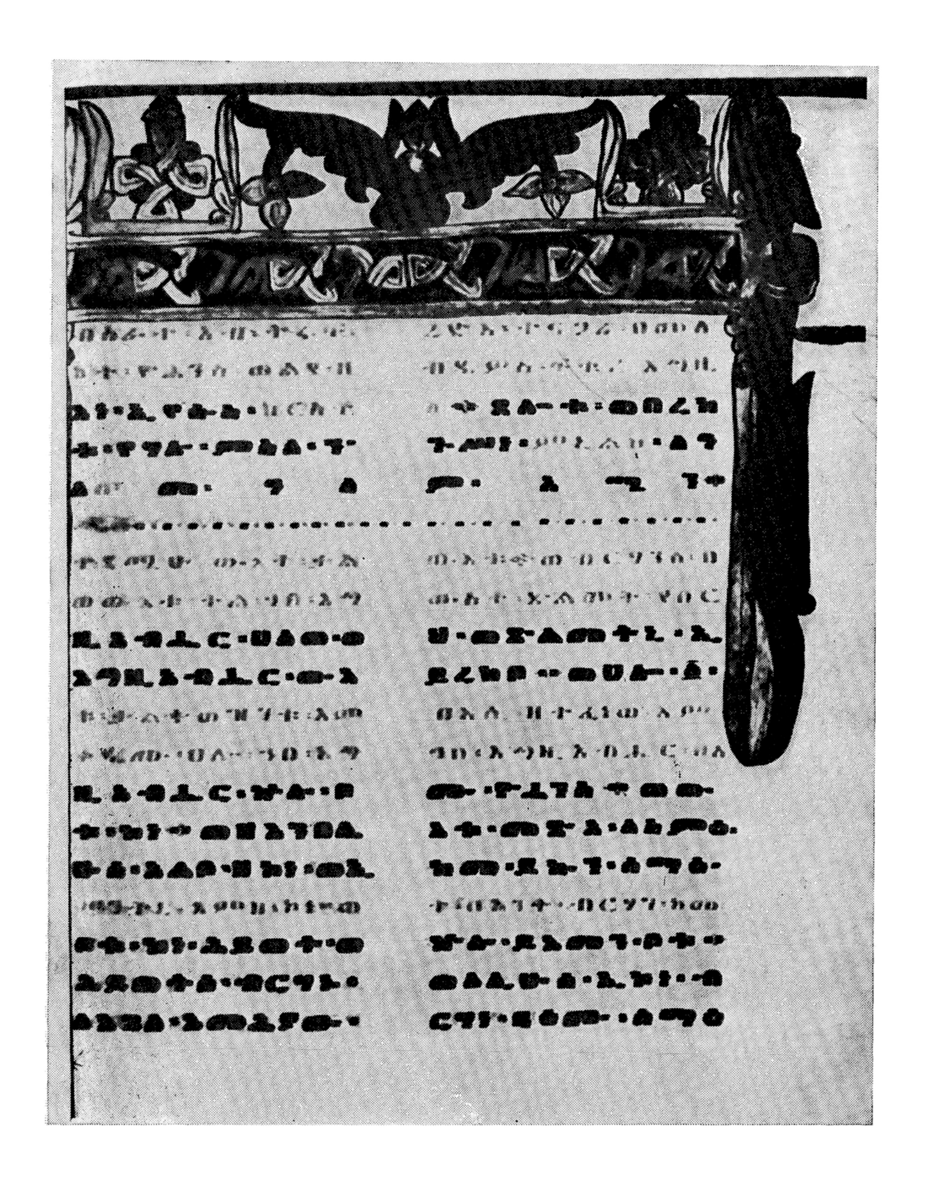

Рис. 26. *К очерку В. М. Платонова и С. Б. Чернецова.* Четвероевангелие. (Ленинград, ИВ АН, Эф. н. с. 22, л. 232а). XIX в.

إذا ما يد الأيام مدّت بنانها إليك بخطب لم تنلك وشلّت

وإن زمان الدهر حلّت بعقوتي أرقت دما المحل منها فطلّت

إذا ما امتطينا العيس نحوك لم تخف عثارا ولم تخش الليالي التي

وقال يمدح مالك بن طوق

أقول لمرتاد الندى عند مالك تعوّذ بجدوى مالك وصلاته

فتى جعل المعروف من دون عرضه سريعا إلى الممتاح قبل عداته

ولو قصرت أمواله فيض كفّه لقاسم من يرجوه شطر حياته

وإن لم يجد في قسمة العمر حيلة وجاز له الإعطاء من حسناته

لجاد بها من غير كفر بربّه وواساهم من صومه وصلاته

قافية الثاء

قال أبو تمام يمدح مالك بن طوق

قفا بالديار الدارسات علاثا أضحت حبالا قطينهن رثاثا

علاثا أراد يا علاثة فرخم ... ويروى أبو مالك علاثا أي قليلا ... وقطينهن سكانهن

قسم الزمان ربوعها بين الصبا وقبولها ودبورها أثلاثا

فتأبدت من كل مخطفة الحشا غيداء تكسى يارقا ورعاثا

الرعاث القرطة سميت بذلك لاسترسالها والرعثة الاسترسال ورعثات الديك

Рис. 27. *К очерку А. Б. Халидова.* Ас-Сули. «Шарх диван Аби Таммам». («Комментарий ас-Сули к Дивану Абу Таммама») (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 8, л. 54б). Насх. 616/1219 г.

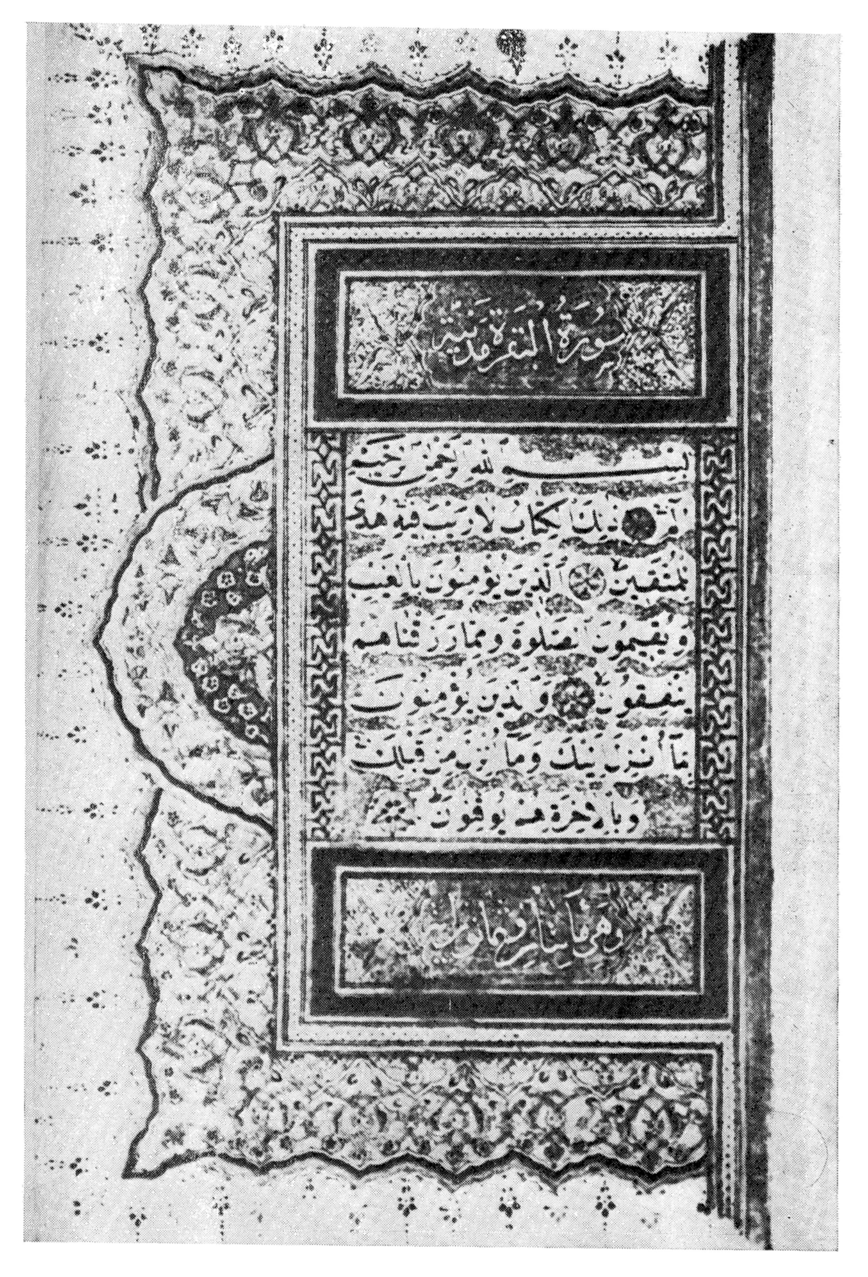

Рис. 28. *К очерку А. Б. Халидова.* Коран (Ленинград, ИВ АН, Араб. А 935, л. 1б). Переписчик Ибн ʻАлинаки ар-Ридави. Насх. 1135/1722-23 г.

بسم الله الرحمن الرحيم

والسماء ذات البروج ۝ واليوم الموعود ۝ وشاهد
ومشهود ۝ قتل أصحاب الأخدود ۝ النار ذات الوقود ۝
إذ هم عليها قعود ۝ وهم على ما يفعلون بالمؤمنين شهود
وما نقموا منهم إلا أن يؤمنوا بالله العزيز الحميد ۝ الذي
له ملك السموات والأرض والله على كل شيء شهيد ۝ إن
الذين فتنوا المؤمنين والمؤمنات ثم لم يتوبوا فلهم عذاب جهنم

ولهم عذاب الحريق ۝ إن الذين آمنوا

وعملوا الصالحات لهم جنات تجري من تحتها الأنهار ۝
ذلك الفوز الكبير ۝ إن بطش ربك لشديد ۝ إنه هو
يبدئ ويعيد ۝ وهو الغفور الودود ۝ ذو العرش
المجيد ۝ فعال لما يريد ۝ هل أتاك حديث الجنود
فرعون وثمود ۝ بل الذين كفروا في تكذيب ۝ والله
من ورائهم محيط ۝ بل هو قرآن مجيد ۝ في لوح محفوظ ۝

سورة الطارق مكية وهي سبع عشرة آية

Рис. 29. *К очерку А. Б. Халидова.* Коран (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 705, л. 265а). Насх. XVI в. (?)

Рис. 30. *К очерку А. Б. Халидова.* Автор и переписчик ʻАбд ар-Рахман б. Ибрахим б. Салим б. ʻАммар ал-Ансари ал-Мукаддаси. «Конспект сочинения Галена о глазных болезнях» (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 875, л. 74б). Насх. Иерусалим. 551/1155-56 г.

Рис. 31. *К очерку А. Б. Халидова.* Ал-Мубаррад (ум. 285/898 г.). «Ал-Камал» («Совершенный») (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 674, л. 174а). Почерк магрибинский. Северная Африка. 537/1142 г.

Schrifttafel.

Vorlesungen ü. d. Kunde hebr. Handschr. S 31.

Рис. 32. *К очерку В. В. Лебедева.* Таблица образцов еврейских почерков (по кн.: M. S t e i n s c h n e i d e r. Vorlesungen über die Kunde hebräischen Handschriften. 2. Aufl. Jerusalem, 1937): стб. *1* — квадратный почерк; стб. *2* — сефардийский полукурсив; стб. *3* — сефардийский курсив; стб. *4* — ашкеназский курсив; стб. *5* — отдельные варианты некоторых букв в ашкеназском курсиве

Рис. 33. *К очерку В. В. Лебедева.* Образец еврейского восточного курсива (Ленинград, ГПБ, II собр. Фирковича. Евр.-араб. I № 4562, л. 44а). Аден. 1144 г.

Рис. 34. *К очерку В. В. Лебедева.* Образец орнамента начала XVI в. (Ленинград, ГПБ, Евр.-араб. I 1314, орнаментированное заглавие). 1513 г.

Рис. 35. *К очерку В. В. Лебедева.* Миниатюра «Собаки гонятся за оленем» (Ленинград, ГПБ, I собр. Фирковича, В 2, л. 230б). Франция (?). XIV в.

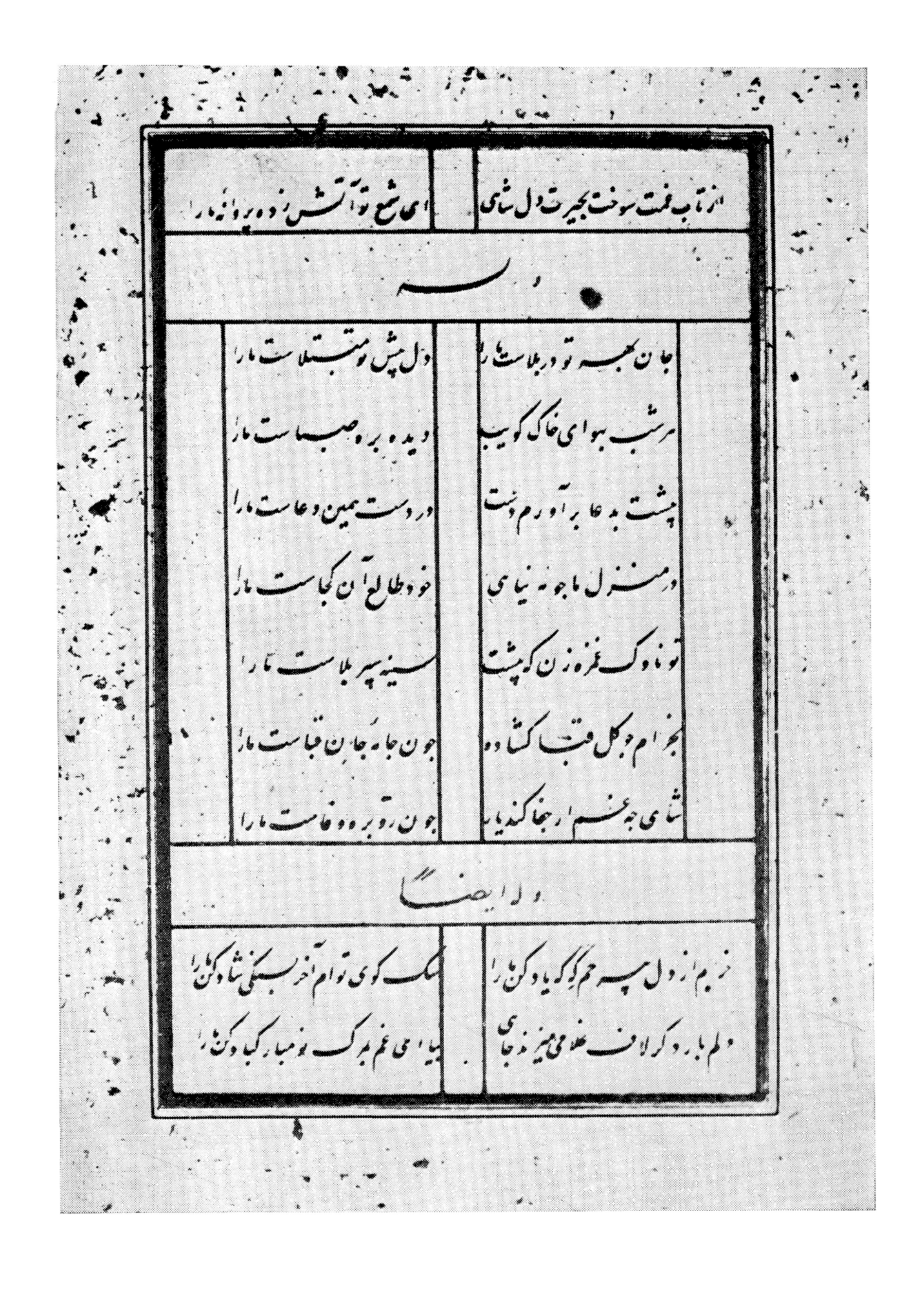

Рис. 36. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Ак-Малик Шахи. Диван (Ленинград, ИВ АН, В 187, л. 4б). Наста'лик. Иран. 973/1565 г.

Рис. 37. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Са'ди. «Куллийат» («Собрание сочинений») (Ленинград, ИВ АН, А 31, л. 16б). Насх. Иран (Шираз). 829/1425 г.

بسم الله الرحمن الرحيم وما توفيقي الا بالله عليه توكلت

الحمد لله رب العالمين والعاقبة للمتقين ولا عدوان الا على الظالمين والصلوة والسلم على

سيد المرسلين و[illegible] خاتم النبيين وقايد الغر المحجلين ورسول رب العالمين محمد وآله اجمعين

الباب الثاني عشر في المعراج

Рис. 38. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Абу Ибрахим ал-Мустамли ал-Бухари. «Шарх-и та῾аруф» («Комментарий на Та῾аруф») (Ленинград, ИВ АН, С 1816, л. 2б). Насх. Иран. 631/1233-34 г.

ظاهر کی شفقت بس بزرگوار بود و مرا از ملازمت خدمت شیخ نمود دوا ورا

غمخواری و دلداری نمودی و از جمله واصلان و کاملان گشت و صاحب

کرامات و حالات بود

الكرامة السادسة

نقلست از شیخ بزرگوار نجیب الدین بن عبد الخالق الکهفی رحمه الله

کی گفت در ابتدا حال ریاضات بسیار کشیدم و مجاهدات بجد

کردم تا مرا از کشفیات عارفان و واصلان بهره باشد عزمت

زمین شام کردم کی شنیده بودم و در بعضی کتب یافته کی

کوه لبنان در اکثر احیان از اولیا زمان خالی نباشد چون

Рис. 39. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* ʻАбд ал-Латиф б. Садр ад-Дин. «Рух ал-джинан фи сират аш-шайх Рузбихан» («Душа райских садов в описании жития шейха Рузбихана») (Ленинград, ИВ АН, D 458, л. 69б). Насх. Иран (Фарс). Середина — вторая половина XIV в.

Рис. 40. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Афзал ад-Дин Хакани. Диван (Ленинград, ИВ АН, С 1424, л. 161а). Рика'. Хорезм или Иран (Гурган). Конец XIII—начало XIV в.

Рис. 41. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Низами. «Хусрау ва Ширин» («Хосров и Ширин») (Ленинград, ИВ АН, В 132, л. 73а). Каллиграф Джаʿфар б. Али ал-Байсонгури. Настаʿлик. Иран (Герат). 824/1421 г.

Рис. 42. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Мухаммад Нишабури. «Баса'ир фи-т-тафсир» («Разумения относительно комментария на Коран») (Ленинград, ИВ АН, С 1409, л. 104а). Насх-и ирани. Иран (Хорасан). Конец XII в.

اظهرتم انکم انما اردتم ان اوقفکم علی مثال تحتذون علیه
وانما اطلعتکم علی علمی بدفائن قلوبکم لتعلموا انی
لم احقد علیکم اذا اظهرته لکم ولتجددوا شکرا علی
ما انعم به علیکم من عفوی عنکم واعلموا انه لا یبدل باعمال
المذنبین ثواب المحسنین ذکر باهمکنان کفت
من بر غرض شما ازین سوال واقف کشتم و مقصود شما آن
بود که من شما را مثالی نمایم که بدان امتثال نمایید و من
شما را مطلع کردانم که بدفاین قلوب شما علم دارم تا
بدانید که مرا بر شما کینه نیست و شما شکر نعمت
من بر عفو مجدد کردانید و بدانید که باعمال کناه
کاران و مذنبان ثواب احسان ندهند والصلوه والسلام علی محمد و آله

وصیة هرمز الملک لخورشید

قال هرمز الملک لخورشید قوله کان
عامله علی الاهواز وامینه علی کوره دجلة والناظر
فی قضایاهم ما اعرف لک عیبا غیر العظمة ولکن العظمة
عیب واحد یقترن به عشر عیوب قال وما هی ایها

Рис. 43. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Мискавейх. «Тарджума-йи Джавидан-и хирад» (Перевод «Нетленный разум») (Ленинград, ИВ АН, С 650, л. 87б). Насх. Иран (Азербайджан). 759/1357-58 г.

وأضل أعمالهم ذلك بأنهم
كرهوا ما أنزل الله فأحبط
أعمالهم
ای آنان کی کرویده ایت اگر دین
حق را نصرت کنیت و الله تثبیت
و تمهید آن مجهود خود مبذول داریت خدای تعالی
شما را نصرت کند و بر خصمان شما پیروزی دهد و شما را
ثبات قدم ارزانی دارد واهل خرد گفته اند همه شجاعت
جز یک ساعت ایستادن نیست والذین کفروا
و باز آنان که بیگانگی خدای تعالی و راستی پیغامبر علیه السلم
و بودن قیامت ناخستو شدند و سوای ابادی ما را
ناسپاس بودند نگونساری مر ایشان را باد کی ایزد تعالی

Рис. 44. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Мухаммад Нишабури. «Баса'ир фи-т-тафсир» («Разумения относительно комментария на Коран») (Ленинград, ИВ АН, С 189, л. 167б). Насх. Иран. 630/1232-33 г.

Рис. 45. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* «Маджму'а» («Сборник») (Ленинград, ИВ АН, С 1102, л. 140б). Насх-и ирани. Иран (Фарс). 708—710/1308—1310 гг.

Рис. 46. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* Абд ал-Азиз ал-Каши. **«Раузат ан-назирин»** («Райский сад для вникающих») (Ленинград, **ИВ АН, А 465,** л. 53а). Насх. Иран. Середина XIV в.

Рис. 47. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* «Тухфат ал-мулук» («Подарок царям») (Ленинград, ИВ АН, С 1149, л. 1б). Каллиграф Али-Риза-йи Табризи (Аббаси). Наста'лик. Иран (Герат). Конец XVI в.

Рис. 48. *К очерку О. Ф. Акимушкина.* «Худуд ал-алам» («Области мира») (Ленинград, ИВ АН, С 612, л. 50б). Тауки'. Иран. 656/1258 г.

от высокопоставленных лиц за понравившиеся им стихи [Болдырев, 1940, с. 223, 224, 227, 232, 240, 242, 259]; иногда поэтам жаловалась должность, например *даруги* (градоначальник), *мухтасиба* (базарный надзиратель) и т. п. [Болдырев, 1940, с. 253, 262]. По сведениям историка XVI в. Шараф-хана Бидлиси, во времена правления Султан-Хусейна (1469—1506) в его столице, городе Герате, «было 12 тысяч учащихся, поэтов, писцов и людей других профессий — все они получали содержание за счет эмиров, везиров и государя» [Шараф-хан, 1976, с. 148]. Здесь же отметим, что отдельные выдающиеся поэты, приобретшие широкую популярность на мусульманском Востоке, получали также содержание и от государей иностранных мусульманских держав. Так, например, турецкий султан Байазид II (1481—1512) «ежегодно посылал в Бухару сумму в 10 тысяч серебряных дирхемов для его чести Маулана Абдаррахмана Джами и руководителей [ордена] Накшбанди» [Шараф-хан, 1976, с. 160].

В отношении языка среднеазиатские и восточнотуркестанские рукописные книги неоднородны. Дошедшие до нас письменные памятники написаны на трех языках — арабском, персидском и тюркском. Судьбы этих языков различны. До начала IX в. арабский язык оставался языком почти всей существовавшей тогда мусульманской литературы на всем протяжении мусульманских владений, включая и Среднюю Азию, где вместе с исламизацией населения распространился и арабский язык. С IX в. начинает появляться литература на новоперсидском языке; затем персидский язык постепенно становится литературным языком почти всей восточной части мусульманского мира. Наиболее ранние из ныне известных памятников арабографичной литературы на тюркском языке относятся к XI в.; в частности, в 462/1069-70 г. поэтом Йусуфом Баласагунским была написана для кашгарского хана дидактическая поэма на тюркском языке под тюркским названием «Кутадгу билиг» («Знание, делающее счастливым»). Для темпов и масштаба развития арабографичной литературы на тюркском языке показательно, что уже в XIII в. мы встречаемся с понятием о трех литературных языках мусульманского мира — арабском, персидском и тюркском [Бартольд, 1966 (III), с. 384]. При этом за арабской литературой признавалось преимущество более совершенной формы, за персидской — преимущество большей глубины мысли; возникшая позднее тюркская литература в том и другом отношении находилась в зависимости от двух первых, но привлекала к себе большей искренностью вследствие большей простоты слога и большей близости к жизни [Бартольд, 1966 (I), с. 195, 245].

Ни один из названных языков не вытеснил полностью какой-либо другой. Но их использование в культурной жизни Средней Азии и Восточного Туркестана имело свои особенности. Арабский язык сохранял свое значение для литературы некоторое время и после IX в.: в частности, на этом языке написаны труды таких выдающихся ученых, уроженцев Средней Азии и Восточного Туркестана, как ал-Фараби (X в.), Ибн Сина (X—XI в.), Бируни (X—XI в.), Махмуд Кашгарский (XI в.) и др. С изменением политической обстановки в Средней Азии менялась также языковая ориентация, и арабский язык стал терять на этой территории свои позиции. Постепенно он сделался там по преимуществу языком богословской литературы и богослужения; удельный вес научной и поэтической литературы, созданной в Средней Азии и Восточном Туркестане в эпоху позднего средневековья на арабском, незначителен. Вместо арабского большой культурный приоритет приобрел персидский язык, и в двух из трех среднеазиатских ханств — Бухарском и Кокандском — до новейшего времени он был языком государственного делопроизводства и культуры. Культура Кашгарии также испытала влияние персидской, и два самых известных исторических сочинения из Восточного Туркестана — «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара Дуглата (XVI в.) и «Хроника» Чураса (XVII в.) — написаны на персидско-таджикском языке.

Хотя начиная с XI в. развитие арабографичной литературы на тюркском языке и было непрерывным, но до XVI в. он оставался по преимуществу языком поэзии. Возникновение значительной по числу произведений местной прозаической литературы на среднеазиатском «тюрки», называемом в научной литературе «чагатайским языком», относится к XVI в. Параллельно с оригинальной тюркской литературой интенсивное развитие получила в это время также и переводная литература. О масштабах переводческой деятельности, развернувшейся в Средней Азии, можно судить по следующим фактам. Только в первой половине XVI в. с арабского и персидского языков были переведены на среднеазиатский «тюрки» «Тарих-и Табари» Балами, «Тарих-и Газани» Рашид ад-Дина, «Зафар-наме» Йезди, а также «Калила ва Димна», «Аджаиб ал-махлукат», «Дурр ал-маджалис», «Мифтах ал-джанат», «Мифтах ал-кулуб» и по указанию Шейбани-хана начата работа по переводу «Шах-наме» Фирдоуси [Бартольд, 1973 (IV), с. 193; Köprülü, 1945, с. 309). Показательно при этом, что необходимость переводов сами переводчики связывают с тем обстоятельством, что арабский и персидский языки перестали быть понятны большинству населения в тюркских регионах [Султанов, 1978,

с. 141—146]. Вот пример такой мотивировки. «Во времена Султан-Хусейна, — уверяет нас переводчик Фигани в предисловии к переводу „Калила ва Димна“, — большое распространение получил персидский язык. После того как Убайдуллах-хан воссел на трон Мавераннахра, бо́льшая часть улуса стала придавать значение тюркскому языку. В особенности ханы, султаны и эмиры, все они говорили по-тюркски; большинство их не умело говорить по-персидски. Из них старший эмир Канбар, который был сыном старшего эмира Купека Кушчи из племени кушчи, группы карачинов, повелел этому неимущему бедняку Фигани перевести настоящую книгу на тюрки. „Пусть все тюрки извлекут из этого пользу“, — сказал он» [Inan, 1976, с. 497].

В дальнейшем эти успехи не были, однако, развиты. Во всяком случае, тюркский язык был принят как язык государственного делопроизводства и литературы только в одном из трех среднеазиатских ханств — Хивинском. Значительное развитие мусульманской прозаической литературы на тюркском языке — как оригинальной, так и переводной — в Восточном Туркестане относится по времени к XVIII в.

В рассматриваемую нами эпоху в Средней Азии и Восточном Туркестане наряду с арабским алфавитом был распространен также уйгурский [Sertkaya, 1977, с. 8, 17, 18, 23]. В этой работе мы не касаемся вопросов, связанных с рукописями на уйгурском языке и уйгурским письмом. Это самостоятельная тема, особенно важная при изучении истории культуры Восточного Туркестана, и она представляется весьма серьезной, чтобы рассматривать ее попутно. Для нашей задачи достаточно отметить некоторые ее детали, касающиеся Средней Азии.

Считается установленным, что при дворе среднеазиатских властителей вплоть до самого начала XVI в. находились уйгурские писцы, к которым прилагался особый термин *бахши*. Как полагает В. В. Бартольд, «по-видимому, эти писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках» [Бартольд, 1963, с. 99—100]. В частности, «уйгурскими бахшиями по-уйгурски и уйгурским письмом» была составлена стихотворная хроника походов Тимура под названием «Тарих-и хани», которой в качестве источника воспользовались автор «Зафар-наме» Йезди (XV в.) и сочинитель «Зубдат ал-асар» Абдаллах б. Мухаммад б. Али Насраллахи (XVI в.) [Бартольд, 1963, с. 101—102; Бартольд, 1973 (IV), с. 131]. В научной литературе отмечены также факты употребления уйгурского алфавита в Средней Азии в эпоху Тимуридов при составлении канцелярских доку-

ментов [Бартольд, 1973 (III), с. 117—118; Мелиоранский, 1906, с. 01—012] и при переписке с иностранными государями. Примером последнего может служить письмо Тимурида Абу Саида (1451—1469) Узун-Хасану от 10 октября 1468 г. Это письмо, ныне хранящееся в библиотеке Музея Топкапы в Стамбуле, было издано в оригинале с транскрипцией и историко-филологическими комментариями А. Н. Куратом в 1940 г. [Kurat, 1940, с. 119—134, 195—200].

От общих положений перейдем теперь к рассмотрению истории рукописной книги, под которой следует подразумевать технику создания книги, ее распространение и бытование в среде читателей.

Дошедшие до нас позднесредневековые арабографичные рукописи среднеазиатского и восточнотуркестанского происхождения написаны на бумаге. Для обозначения бумаги употреблялось слово *кагаз*. Главным местом приготовления бумаги в Средней Азии начиная с VIII в. был Самарканд [Бартольд, 1963, с. 296; Бартольд, 1973 (VII), с. 353; Зотов, 1954, с. 158]. Другими крупными центрами бумажного производства были Бухара, а начиная со времени существования узбекских ханств г. Коканд, вернее, селения Когозгар и Чорку, находившиеся близ Коканда. В крупных центрах при производстве бумаги обычно использовались водяные мельницы. Вот что сообщает по этому поводу Бабур: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда, — пишет он в своих „Записках“, — вся вода для бумажных мельниц приходит с Кан-и Гила. Кан-и Гил находится на берегах Сиях-Аби, этот ручей называют также Аб-и Рахмат» [Бабур-наме, 1958, с. 62]. Дальше он уточняет, что «воды там будет на семь-восемь мельниц». «Бумажные мельницы» имелись также в Герате [Бабур-наме, 1958, с. 223]. Производство писчей бумаги кустарным способом было распространено во многих районах Средней Азии [Григорьев, 1940; Мукминова, 1964].

Писчая бумага производилась нескольких сортов, но самым распространенным был *кагаз-и нимкатани*. Основным сырьем для приготовления бумаги служили волокна конопли. Процесс изготовления бумаги был трудоемким и требовал больших затрат времени и физических сил. Сырье сначала толкли в толчее, приводимой в движение водой; измельченную массу промывали, отжимали и добавляли туда в определенных пропорциях поташ и известь. Затем смесь снова перемешивали, вновь сушили и толкли. Такая операция повторялась несколько раз. После того как процесс приготовления массы заканчивался, начинался отлив бумажных листов. Форма для отлива бумаги
 состояла из решетки и сетки. Решетка делалась из тутового

дерева, а сетка формы состояла из тонких стеблей чия, уложенных параллельно и перевязанных конским волосом. При отливе листа сетка накладывалась на решетку и погружалась в массу. Высушенные листы бумаги снимали и обрезали специальным ножом. Для придания глянца бумагу покрывали с обеих сторон крахмальным клейстером из пшеничной муки. После просушки обе стороны каждого листа лощили особой раковиной на доске из грушевого дерева [Зотов, 1954, с. 161, 163].

Бумага для рукописей окрашивалась в разные цвета и тона. Рецепты окраски писчей бумаги были разнообразны и часто сложны [Семенов, 1951, с. 94—96; Семенов, 1946, с. 157—158; Костыгова, 1957, с. 131, 133]. Однако цветная бумага использовалась, как правило, для художественно оформленных рукописей. Обычные рукописи писались главным образом на плотной сероватого оттенка бумаге типа *кагаз-и нимкатани*. При этом почти все рукописи написаны на бумаге восточного, т. е. в данном случае местного производства. Число рукописей среднеазиатского и восточнотуркестанского происхождения, изготовленных на бумаге европейского производства, невелико, по времени они относятся в основном к XIX—началу XX в. Между тем первое проникновение европейской бумаги, например, в Турцию относится к концу XIV в. [Ünver, 1962, с. 739], причем число турецких рукописей, написанных на европейской бумаге, особенно возрастает уже в XVII столетии.

Орудием письма служил *калам* — тростниковое перо. Изготовление калама требовало определенных навыков и опыта. Отобранный для калама тростник, в Средней Азии обычно камыш, оставляли погруженным в воду до тех пор, пока он не приобретал темно-коричневый цвет. После предварительной обработки тростник разрезали и на месте узла специальным перочинным ножом (*каламтераш*) делали заточки и расщеп. При этом рекомендовалось правую сторону расщепа камыша, называемую *унси*, делать немного тоньше левой части расщепа, которая называлась *вахши*. Для обрезки тростника использовалась особая костяная или роговая подставка — *найкат* или *каламкат*. Для художественного каллиграфического письма способ очинки пера и безукоризненность ее исполнения имели особо важное значение. По изготовлении калама его протирали землей для того, чтобы очистить от жира, и пробовали его на письме: если точка от калама получалась правильной формы, он считался годным для письма [Семенов, 1946, с. 160; Костыгова, 1957, с. 129, 135, 137, 139].

Среднеазиатские писцы и литераторы обычно писали тушью и чернилами. Тушь приготовлялась из сажи и вишневой камеди, а чернила — из квасцов и чернильных орешков. Рецептура со-

ставления особо стойких черных и цветных чернил для каллиграфии была довольно сложна и включала в свой состав множество компонентов, например сажу, раствор гуммиарабика, чернильный орешек, пережженный купорос, жидкую хну, жидкую басму, цикорную водку и т. п. [Семенов, 1946, с. 159—160; Семенов, 1951, с. 92—94]. По словам А. А. Семенова, «хорошие чернила до самого последнего времени составлялись кропотливо и тщательно, и в Бухаре, например, были немногие специальные мастера чернил, изготовлявшие их по одним лишь им известным рецептам» [Семенов, 1946, с. 160]. При исполнении художественной рукописи в чернила, в известной пропорции, добавлялись разные ароматические вещества — от розовой воды особо сильной концентрации до амбры включительно — для того, чтобы рукопись издавала легкий, приятный запах [Семенов, 1940, с. 133].

В странах средневекового мусульманского Востока в употреблении было множество почерков (подробно см. в очерке О. Ф. Акимушкина), которые имели определенные внешние различия; существовали четкие правила их применения. Основными почерковыми стилями, бывшими в ходу в Средней Азии до XV в., являлись *насх*, *талик*, *сулс*. Остальные стили также употреблялись среднеазиатскими писцами и литераторами, но в значительно меньшей степени. В XIV в. возник новый почерк под названием *насталик*, образованный из сочетания элементов насха, которым обычно переписывали Коран, и из талика — скорописи, употреблявшейся в канцеляриях и деловой переписке. Большую роль в деле развития и широкого распространения почерка насталик наряду с произведениями первых мастеров насталика, работавших в XIV—первой половине XV в., сыграло творчество крупнейшего мастера письма Султан-Али Мешхеди (1432—1520) [Костыгова, 1954, с. 12—14]. Его перу принадлежит также специальный трактат по каллиграфии, где освещаются вопросы теории и техники письма для почеркового стиля насталик [Костыгова, 1957, с. 103—163]. Первоначально возникнув как почерк роскошных рукописей и кит'а, насталик скоро вытеснил остальные почерки и стал на Среднем Востоке господствующим почерковым стилем: почти все рукописные книги, созданные в Иране, Средней Азии, Восточном Туркестане в XV—XIX вв., независимо от их содержания, назначения и объема, написаны именно этим почерковым стилем [Образцы, 1963, с. 6].

Самое строгое требование к почерку предъявлялось, конечно, при исполнении высокохудожественной рукописи: такая рукопись, чтобы считаться безукоризненной, должна была быть написана единым художественным почерком от

первой страницы до последней. Эти рукописи обычно богато оформлялись *унванами*, заставками, миниатюрами и другими внутренними украшениями, для чего наряду с цветными чернилами и тушью использовались краска, киноварь, жидкое золото и серебро. Исполнение художественной рукописи, как правило по заказу владетельных особ и знатных лиц, требовало объединения труда мастеров трех профессий: каллиграфа, художника-миниатюриста, мастера-переплетчика. Как показали исследования последних десятилетий, в эпоху позднего средневековья в Средней Азии существовала местная оригинальная школа миниатюрной живописи [Акимушкин, Иванов, 1968, с. 130—135; Ашрафи, 1974; Ашрафи, 1975, с. 143—148; Иванов, 1977; Иванов, 1978; Пугаченкова, 1979; The Arts, 1979]. Произведения представителей мавераннахрской школы миниатюрной живописи, по признанию современных искусствоведов, являются ценным вкладом в культурную сокровищницу народов Средней Азии, а вместе с тем в мировую сокровищницу культуры.

Переплет, одна из важных составных частей любой книги, изготовлялся отдельно. Переплетное искусство в Средней Азии и Восточном Туркестане имеет давнюю традицию, но особого своеобразия оно достигло в XVIII—XIX вв. Среднеазиатские книжные переплеты этого периода, по словам крупнейшего знатока истории и истории культуры Туркестана А. А. Семенова, «были исключительно оригинальными, и ничего подобного им в других местах Востока не было» [см.: Чабров, 1964, с. 137—138].

Книжные переплеты среднеазиатского происхождения разнообразны по типу, форме, материалу. Здесь кожаные и картонные переплеты, переплеты из папье-маше, резного дерева (чинара) [Собрание, 1951—1975, т. 3, № 2688, с. 363], литого серебра [Собрание, 1951—1975, т. 4, № 2858, с. 48] и т. д. Однако кожаные переплеты явно преобладают. При этом различаются два вида кожаных переплетов: полный кожаный переплет, представляющий собой цельный кусок кожи, обертывающий картонные корки рукописи, и полукожаные переплеты с корешком — *мукавва*. Последний был самым распространенным типом переплета в Средней Азии. Корешки подобных переплетов делались из особым образом обработанной шкуры самца осла. Такая кожа называлась *саура* или *савра* [Чабров, 1964, с. 138]. Кожаные переплеты были разных цветов, но преобладали зеленый, красный, желтый.

Картон для переплетов обычно делался путем склеивания листов писчей бумаги. Клееный картон носил название *магзи-йи сахта*. Другой род переплетного картона назывался *магзи-йи*

рихта, т. е. литой картон. Такой картон делали из обрезков бумаги, всегда собиравшихся переплетчиками после обрезания переплетаемых книг. Переплеты из картона окрашивали масляной краской и покрывали лаком. Часто они украшались тиснением в виде бордюров, клейм, медальонов и т. п. [Семенов, 1946, с. 171—172; Сухарева, 1962, с. 132—133].

О высоком мастерстве среднеазиатских переплетчиков свидетельствуют их изделия, лучшие образцы которых воспроизведены в десятитомном издании «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР».

Основными центрами переплетного дела были Бухара, Самарканд, Коканд, Ташкент, Хива. Во второй половине XIX в. лучшими переплетчиками считались кокандцы [Чабров, 1964, с. 140]. Переплетчиков называли *саххаф* (*саоф*) или *мукаввасаз*. Нередко переплетным делом занимались и торговцы книгами [Сухарева, 1962, с. 132]. Начиная с XVIII в. переплеты, выполненные в Средней Азии, как правило, содержали в пальметтах и картушах имена мастеров с неизменной формулой подписи — «сделал такой-то переплетчик» [Шах-Махмуд, 1976, с. 141].

По данным краеведа Ю. О. Якубовского, во второй половине XIX в. средний по исполнению переплет оценивался «от одной до двух тенег — 15—30 копеек». Художественные переплеты «с украшениями на металлической основе» стоили «около 4 рублей» [Чабров, 1964, с. 140].

Форматы рукописных книг различны, хотя существование определенных соотношений между шириной, высотой, а иногда и толщиной книги очевидно [Булатов, Долинская, 1972, с. 172, 184]. По наблюдениям исследователей, преобладающим для Средней Азии форматом может считаться следующий: высота переплета 24—27 см, ширина 17—18 см. Ходовыми были также форматы 18×11 см [Чабров, 1964, с. 140]. Книги больших форматов (высотой 30—45 см при ширине 27—28 см) сравнительно редки.

Выше уже отмечалось, что дошедшая до нас арабографичная литература, созданная на арабском, иранских и тюркских языках на территории Средней Азии и Восточного Туркестана, весьма значительна по своему объему. Сохранение этого бесценного богатства было обеспечено благодаря неустанной деятельности средневековых переписчиков книг.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, социальный и профессиональный состав переписчиков книг был разнородным. При дворе хана, влиятельного султана и вельможи трудились, создавая художественные рукописи для библиотек высокопоставленных особ, профессиональные *ка-*

тибы (писцы) и мастера-каллиграфы, артисты пера. «Так, рассказывают, — пишет, например, Шараф-хан Бидлиси о Тимуриде Мирзе Байсункаре, — что в библиотеке его чести постоянно были заняты переписыванием [книг] сорок каллиграфов» [Шараф-хан, 1976, т. 2, с. 112]. Большое число придворных каллиграфов содержал при себе и Султан-Хусейн. Вот что сообщает об этом Бабур в своих мемуарах: «Хотя каллиграфов при дворе Султан Хусейн мирзы насчитывалось много, но главою их всех в написании насталиком был Султан Али Мешхеди. Он много писал для Мирзы и для Алишер бека — каждый день по тридцать стихов для Мирзы и по двадцать стихов для Алишер бека» [Бабур-наме, 1958, с. 163].

По мнению А. А. Семенова, приводимая Бабуром норма — пятьдесят двустиший ежедневно — «несомненно, была не мала для художника-каллиграфа» [Семенов, 1946, с. 163]. Если обстоятельства не торопили каллиграфа, то он сам, как показывает другой пример, не жалел времени, «лишь бы из-под его тростника вышло достойное внимания и удивления произведение» [Семенов, 1946, с. 154]. «„Хаджи, — спросил однажды бухарский хан Абдулазиз (1645—1680) своего придворного каллиграфа Хаджи Ядгара, который в то время был занят перепиской сборника стихов Хафиза, — сколько можно в день переписать из этого писания?“ И тот единственный в свое время ответил: „Если я постараюсь, то за день напишу десять двойных стихов“. Хан на это продекламировал следующий стихотворный отрывок: „Слышал я, что в стране (Дальнего) Востока делают в течение сорока лет одну китайскую чашку и сотни за один день делают в Багдаде. Какова их цена, ты, несомненно, представляешь!“ — „Мы, называя тебя каллиграфом, — продолжал хан, — приказали тебе (переписать) эту книгу. Если будет за день переписано десять двойных стихов, то какое может быть изящество в этом почерке?! Если хватит терпения, пиши (только) два двойных стиха, а если нет — один!“. И, подчиняясь этому приказанию, Хаджи Ядгар закончил переписку Дивана Хафиза через семь лет» [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 109—110]. Впоследствии, попав в Иран, этот список нашел там высокую оценку шаха Сулеймана [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 110].

В среде профессиональных катибов, как и в среде профессиональных литераторов, в ходу были прозвища (*лакаб*) и псевдонимы (*тахаллус*). Так, известный каллиграф эпохи Тимуридов Мухаммед-Амин носил псевдоним Халваи (Холови?) [Семенов, 1940, с. 137], а его ученик Мир Убайд — лакаб Лулу [Муродов, 1971, с. 71]. В колофоне одного из списков «Зафар-наме» Йезди (хранится в собрании ИВ АН СССР) говорится,

что рукопись была переписана с протографа, изготовленного в *китабхане* (библиотека) Аштарханида Абу-л-Гази Надир Мухаммад-хана (1642—1645), и что переписчиком является Фахр ад-Дин Али, известный под прозвищем «Шайх Катиб» [ср.: Миклухо-Маклай, 1975, № 406, с. 261].

Путь к каллиграфическому мастерству был долгим и тернистым. Занятие каллиграфией требовало большого напряжения и много времени. Даже известнейшие мастера пера, для того чтобы сохранять твердость и уверенность руки, должны были ежедневно специально упражняться в письме. Чтобы написать художественную рукопись безукоризненно, каждый профессиональный катиб в Средней Азии в период позднего средневековья должен был обладать двумя разновидностями почерка: рядовым мелким и крупным — и уметь красиво писать по меньшей мере тремя почерками: насхом, необходимым для цитат из Корана и для хадисов, насталиком — для рядового текста и сулсом — для заглавий разделов, глав и пр. [Семенов, 1946, с. 161—162].

Другую группу переписчиков книг составляли частные лица, просто грамотные люди, для которых переписывание рукописей не было основной профессией, но которые брались за калам по заказу или просьбе какого-либо лица, ради собственных нужд или с целью дополнительного заработка и т. п. В числе таких лиц оказывались муллы и студенты медресе [Сухарева, 1962, с. 132; Собрание, 1951—1975, т. 5, № 3563, с. 73], служащий бухарского эмира, попутно занимавшийся перепиской рукописей, и профессиональный поэт, работавший по заказу, и т. д. [Каталог, 1960, № 172, 202]. Иногда в роли переписчика выступали сами авторы литературных произведений. Так, например, кашгарский историк Хаджжи Йусуф сам снял со своего сочинения «Джам ат-таварих» три копии и разослал их разным лицам [Дмитриева и др., 1965, № 145].

Какую-то часть этой группы переписчиков книг составляли материально малообеспеченные, но грамотные люди из среднего и низшего сословий. Не имея возможности приобрести дорогостоящие книги путем заказа или купли, они сами копировали нужные им рукописи, часто делая это на недоброкачественной бумаге и сопровождая текст своими пояснениями и пометками. Во всяком случае, в каталогах и описаниях восточных рукописей зафиксировано немало случаев, когда переписчиками являлись владельцы книг [Миклухо-Маклай, 1975, № 202, 395 и др.; Каталог, 1960, № 39, 40, 279 и др.].

Списки, копированные для своих нужд переписчиками — владельцами рукописи, обычно выполнены весьма посредственно, нередко почерком разных видов и различных размеров;

иногда они не переплетены, листы рукописи даже не сшиты, и в них, как правило, отсутствуют имя переписчика и место переписки. Другой чертой, свойственной среднеазиатским рукописям, копированным для собственных нужд переписчиками-владельцами, является то, что они носят зачастую сборный характер: под одним переплетом собраны произведения различного характера и разных авторов, сочинения или фрагменты из сочинений на разных языках (арабском, иранских и тюркских) и т. п.

То обстоятельство, что копированием рукописей наряду с профессиональными катибами и мастерами-каллиграфами занимались люди различных профессий, лица различного уровня грамотности и культуры, не могло не отражаться, конечно, на качестве дошедшего до нас рукописного наследия. Проходя через руки переписчиков, особенно непрофессионалов, которых, несомненно, было большинство, тексты претерпевали большие изменения, зачастую в сторону их искажения. Это обстоятельство хорошо понимали сами мусульманские ученые и литераторы. Некоторые из них прямо называют переписчиков «исказителями (*муссах*) книг» [Крачковский, 1957, с. 614], а другие, сравнивая калам переписчика с «киркой, разрушающей здание просвещения», жалуются на то, как «он то одной точкой превращает „любовь“ (محبت) в „мучение“ (محنت), то, изменив одну букву, заставляет читать слово „благо“ (نعمت) как „бедствие“ (نقمت)» [Алиев, 1970, с. 7—8].

Изменения, вносимые переписчиками в текст рукописей, можно разделить на два вида. Первый вид — это технические ошибки и описки, которые неизбежны при переписке больших текстов. Они сводятся в основном к следующему: пропуск слов или, наоборот, добавление слова, пропуск строк или, напротив, повтор и т. д. При этом встречается опущение или добавление букв внутри слова, что нередко приводило к изменению его смысла или даже искажению текста, особенно поэтического произведения. Сильному искажению со стороны переписчиков подвергались, конечно, непонятные им иностранные слова, титулатура, собственные имена и топографические названия. Поэтому в различных с точки зрения хронологического и географического происхождения списках одного и того же сочинения мы встречаем крайне разнообразные чтения одних и тех же собственных имен, топографических названий и т. п. В этой связи небезынтересно привести здесь следующее высказывание Абу-л-Гази (1603—1664). «Называемые катибами люди, — пишет он, — нерадивы и неразумны. Переписывая эту книгу [1] (а со времени ее написания минуло триста семьдесят

[1] Речь идет о «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина.

два года, в течение которых, видит бог, было составлено двадцать или тридцать списков), они каждый раз искажали столько слов, что в конце концов в летописи искаженной предстает треть, возможно, даже половина текста. Ведь упоминаемые в сочинении [Рашид ад-Дина] названия гор, рек, местностей и имена людей — монгольские или тюркские, а автор той книги и писцы, переписывавшие ее, — все были либо персы, либо таджики, не знавшие ни монгольского, ни тюркского языка. Если таджика учить произносить монгольские имена даже дней десять, он все равно языка этого не освоит; как же он их запишет [правильно]?» [Histoire, 1871, с. 36].

Переписчики часто искажали также *тарихи* — хронограммы [см.: Материалы, 1969, с. 480, 481, 483] и вообще даты, которые обычно пишутся в тексте прописью. В тех случаях, когда рукопись дошла до нас в единственном списке, дата, появившаяся в результате описки переписчика, нередко приводит к разного рода недоразумениям и ее исправление требует специального исследования [Стори, 1972, ч. 2, № 922].

Замеченные технические ошибки и описки исправлялись либо в ходе переписывания, либо после сверки и уточнения текста с протографом. Специально разработанного единого стандарта корректурных знаков не было. Чаще всего неверно написанное слово переписчики просто вычеркивали в основном тексте, а на полях или — в редких случаях — над вычеркнутым словом писали слово в правильной форме. На поля рукописи выносились также пропущенные в основном тексте слова, фразы, стихи и т. п. Места пропусков часто отмечались при этом «галочкой»; знак этот иногда повторялся на поле против слова или строк-вставок. Вставки на полях бывают значительными по объему и иногда составляют целый рассказ [Ходжа Самандар, 1971, с. 15, 58].

Другой вид изменений, вносимых переписчиками в текст рукописей, составляют сознательные изменения-переделки. Результатом такой деятельности переписчиков являются, с одной стороны, сокращение или пропуск отдельных частей и даже глав сочинения, с другой — дополнение его интерполяциями и пояснениями. Маргиналии, как и вставки, отмечаются различными знаками. Есть рукописи, где, например, приписки на полях «снабжены в конце цифрой ۱۲ (12), играющей роль как бы подписи» переписчика [Тарих-и Бадахшан, 1959, с. 31, 49, 64, 71 и др.].

Комментарий переписчиков обычно идет по двум линиям: 1) поясняются топонимы и собственные имена; 2) разъясняются непонятные, с точки зрения переписчика, места, в связи с чем иногда в текст вводятся довольно обширные рассуждения раз-

ного плана [Смирнова, 1970, с. 158, 165]. Нередко переписчики вносят изменения в язык оригинала, приближая его к нормам своего времени. Иногда переписчики меняют авторский текст весьма существенно, добавляя в него целые разделы или дописывая оригинал. Так, в одной из рукописей Британского музея переписчик Мухаммад б. Хамза, современник Рашид ад-Дина, вставляет в конец первого тома «Джами ат-таварих», в интересах читателей, перед которыми будет только этот том, рассказ о вступлении на престол Улджэйту-хана и при этом выражает надежду, что «автор на него за это не посетует» [Бартольд, 1973 (VI), с. 300].

Творческий подход переписчика к авторскому тексту, по-видимому, не возбранялся, и подобные перечисленным выше сознательные переделки текста копируемой рукописи были своего рода нормой тогдашней книжной культуры. Показательно в этом отношении, что вольность, которую позволил себе переписчик «Сборника летописей», став известной Рашид ад-Дину, не вызвала у автора возражений.

Если, таким образом, сохранение рукописного наследия было обеспечено благодаря исключительно деятельности средневековых переписчиков, то им мы обязаны и засорением авторского текста пояснениями и интерполяциями, добавлениями и переработками разного рода. Как видно из приведенного выше примера, засорение текста могло начаться еще при жизни автора и продолжалось едва ли не при каждом новом копировании рукописи. Естественно, что, чем популярнее было произведение, тем чаще оно переписывалось, и потому наиболее засоренными оказываются тексты именно тех сочинений, которые имели наибольший успех у читателей. Одним из таких сочинений является, кстати, «Бадаи ал-вакаи» Зайн ад-Дина Васифи. По авторитетному утверждению А. Н. Болдырева, исследователя творчества Васифи, несмотря на большое количество списков этого сочинения, «достаточно авторитетного экземпляра, могущего лечь в основу критического издания, все же не имеется» [Болдырев, 1940, с. 211; Болдырев, 1957, с. 96—97].

То же можно утверждать применительно и ко многим другим произведениям средневековых мусульманских авторов. Во всяком случае, рукописей, тексты которых испорчены недобросовестностью и низкой квалификацией переписчиков, больше, чем рукописей, копированных образованными и усердными писцами.

Часть рукописных книг датирована. При этом переписчики указывают месяц и год, иногда число начала и окончания переписки, но обычно только окончания; часто указывается только год. Время дается в двух системах: или арабскими числитель-

ными прописью, или по двенадцатилетнему животному циклу, а иногда и так и так. Число и месяц пишутся, как правило, по-арабски прописью. Дата цифрами в мусульманских рукописях вообще представляет собой довольно редкое явление.

Из обычно приводимых в колофонах переписчиков сведений — имя переписчика, дата переписки и т. д. — реже всего указывается место переписки рукописи. При этом, как правило, сообщается только название города или местности; точное указание места переписки (вроде, например, «переписано в мадраса Абдаллах-хана» в Бухаре [Миклухо-Маклай, 1975, № 219]) встречается исключительно редко. В тех многочисленных случаях, когда место переписки вообще отсутствует в рукописи, его определение обычно производится по ряду косвенных данных самого различного характера. Это прежде всего внешние, палеографические признаки рукописи: бумага, чернила, почерк, переплет, оформление и т. д. Иногда место переписки удается определить по упоминанию отдельными переписчиками, например, имен современных им государей или знатных лиц, под властью которых они находились [Миклухо-Маклай, 1975, с. 9]. Для определения места переписки рукописи используются также присущие переписчикам отдельных регионов особенности. Так, например, известно, что среднеазиатские переписчики книг выражение «окончена книга» обычно писали в полной форме — *таммат ал-китаб* вместо усеченной — *тамм ал-китаб* [Бартольд, 1973 (V), с. 256].

Как видно, определение места переписки рукописи, а равно и времени переписки по косвенным данным — дело нелегкое, и оно под силу лишь опытным, высококвалифицированным источниковедам.

Бóльшая часть рукописных книг переписана в том же регионе, где они были составлены. Показательна в этом отношении судьба таких известных сочинений, как «Бадаи ал-вакаи» Васифи и «Тарих-и Муким-хани» Мухаммеда-Йусуфа Мунши, написанных в Средней Азии: все ныне известные списки этих трудов — а списков большое количество — представлены только среднеазиатскими рукописями. Из небогословской литературы наибольшее межрегиональное распространение имели произведения популярных на мусульманском Востоке поэтов и историков. Здесь следует, однако, заметить, что наличие в составе рукописных коллекций одного какого-либо региона книг, составленных в других районах, не всегда связано именно с популярностью произведения. Пути распространения книг были многообразны, и перемещению рукописей из одного района в другой нередко способствовали такие, не связанные

 с культурными и литературными контактами события, как,

например, военные походы, сопровождавшиеся вывозом военной добычи, в составе которой были и рукописи [Бабур-наме, 1958, с. 302; Миклухо-Маклай, 1975, с. 12]. Иногда распространению своих произведений способствовали сами авторы. Выше уже упоминалось о кашгарском историке Хаджжи Йусуфе. Он сам снял со своего сочинения «Джам ат-таварих» несколько копий, одну из которых отдал некоему дамулле Шами, другую — одному хотанскому баю, а третью отправил в селение Пскент Андижанского вилайета, на родину Йакуб-бека, истории правления которого посвящен труд [Хаджжи Йусуф, л. 352а]. Примеры, подобные приведенным, мы находим и в «Бабур-наме». Так, при описании событий 925/1519 г. Бабур пишет: «Старший брат Хафиза осведомителя прибыл из Самарканда. Теперь я разрешил ему вернуться в Самарканд и послал с ним Пулад Султану свой диван. . .» [Бабур-наме, 1958, с. 276]. В другом месте Бабур сообщает о том, что он по просьбе Ходжа-и Калана «приказал переписать „Записки“ и послал список с Шахракбеком» [Бабур-наме, 1958, с. 413].

Перемещению рукописей из одного региона в другой в известной мере способствовали также обмен подарками, приобретение книг путем покупки и т. д. Так, например, к подаркам, посланным бухарским ханом Абдулазизом иранскому шаху Сулейману (1667—1694), которые состояли из драгоценностей, различных тканей, скакунов, соколов, кречетов и верблюдов, был присоединен и Диван Хафиза, переписанный бухарским каллиграфом Хаджжи Йадгаром. Когда подарки прибыли в Иран, шах Сулейман, «не обратив никакого внимания (на все прочие подарки), взял книгу и сказал: „Сегодня хан подарил мне в сокровищнице этого переплета все дары земного шара!“» [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 110]. Согласно сообщению Саланики, посол бухарского хана Абдаллаха, прибывший в Стамбул в январе 1594 г., передал в качестве подарка турецкому султану наряду с другими дарами два экземпляра Корана, томик «Хамса» Низами и «Шах-наме» [Тарих-и Саланики, л. 163б—164а]. На одном из списков «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди, датируемом XVII в., имеется приписка, гласящая, что эта книга принадлежит Мавлана Назар Мухаммаду из Ферганы и что она куплена в Кашмире [Тагирджанов, 1962, № 67]. Здесь будет уместно отметить, что покупка рукописей наряду с заказом являлась для состоятельных людей одной из распространенных форм приобретения книг вообще.

Сколько стоила рукописная книга? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Среди покупных рукописей были и необычайно дорогие, уникальные, и рядовые книги. Да и цены

на последние в зависимости от вкусов и интересов покупателей были различны. В своем сочинении «Бихруз ва Бахрам» Бинаи пишет, что у него была рукопись «Маджмуа-йи Рашиди», переписанная хорошим почерком. Бабур услышал об этом и решил купить ее. Бинаи не возражал. Позвали нескольких переплетчиков [2], и они установили цену книги — 5 тыс. дирхемов. Бабур выплатил Бинаи установленную сумму [Мирзоев, 1976, с. 81—83]. Это событие имело место в Самарканде весной 1498 г. Приблизительно в те же годы, а именно в 910/1504-05 г., один из списков «Тарих-и гузида» Хамдаллаха Казвини, изготовленный по заказу знатного лица, был приобретен за сумму в одну тысячу динаров, «утвержденную в пятьдесят пять тангача, находящихся в обращении» [Смирнова, 1980, с. 242—243]. Для сравнения укажем, что в том же государстве Тимуридов стоимость взрослого раба-немусульманина составляла около 200 танга [Болдырев, 1947, с. 324].

Колебание цен на рукописи рядового исполнения мы наблюдаем и в XIX в. Так, согласно приписке, рукопись тюркского перевода «Тарих-и Рашиди», переписанная в Восточном Туркестане, была куплена ее владельцем в 1266/1849-50 г. «за 30 танга» [Дмитриева и др., 1965, № 93]. Между тем один из списков «Бадаи ал-вакаи» Васифи, копированный в 1265/1848-49 г. «неплохим насталиком на бумаге кокандского производства», оценивался в 65 танга [Каталог, 1960, № 165]. Размеры и объем обеих этих книг приблизительно равны.

Во всех приведенных примерах (а их число можно легко увеличить) речь идет, как это видно, о продажной цене рукописи. Продажная цена зависит от многих обстоятельств, потому относительна и субъективна. Абсолютную цену рукописной книги выражает, конечно, ее себестоимость, которая складывается, как известно, из стоимости материала (бумага, чернила, краски, картон, кожа и т. д.) и оплаты труда переписчика и переплетчика, а если это лицевая рукопись, то еще и художника-миниатюриста. Таким образом, стоимость рукописной книги зависела не только от качества материала, но еще в большей мере от степени известности и мастерства переписчика и переплетчика, а если это лицевая рукопись, то и художника-миниатюриста. При таких условиях колебания в ценах на отдельные рукописи бывали весьма значительными. Исследование по определению стоимости лицевых рукописей, как и средней стоимости рукописной книги рядового исполнения, несомненно, представляло бы значительный интерес.

---

[2] Так у А. М. Мирзоева; в тексте — слово *саххаф*, которое можно понимать и как «торговец книгами».

Но рассмотрение этого вопроса может составить задачу самостоятельной работы. Впрочем, это утверждение в равной мере относится и ко многим другим затронутым в настоящей работе вопросам. Изучение арабографичной рукописной книги как части истории культуры мусульманских народов в широких масштабах началось лишь в последнее десятилетие, и нерешенных, даже непоставленных вопросов, связанных с этой темой, достаточно много. Одним из них является, в частности, вопрос о читателях рукописей и их отношении к книге.

Не входя в подробности этой проблемы, отметим лишь, что читательская аудитория была социально разнородной, о чем можно судить по составу заказчиков рукописей и их владельцев, в числе которых значатся царственные особы, члены ханского рода, сановники, представители духовенства, мелкие чиновники, торговец тканями и т. д. [Миклухо-Маклай, 1961, № 119, 131, 140 и др.; Миклухо-Маклай, 1975, № 233, 413, 444 и др.; Каталог, 1960, № 18, 20, 26, 32 и др.; Шах-Махмуд, 1976, с. 141—142]. Об этом же свидетельствуют как будто и жалобы переводчиков исторических произведений, которые подчас сетуют на низкий уровень развития читателей [Султанов, 1978, с. 148]. Под читателями с низким уровнем развития здесь, очевидно, подразумеваются люди среднего и низшего сословий.

Говоря о читательской аудитории, следует также учитывать, что самостоятельное, индивидуальное чтение было не единственной формой знакомства с книгой. В средневековом мусульманском обществе, где неграмотные встречались не только среди людей среднего сословия, но и среди эмиров и даже членов царствующего дома [Бабур-наме, 1958, с. 24, 29], важное место занимало восприятие литературного произведения на слух. Последнее являлось для того времени общественной необходимостью, вызванной к жизни недостаточным развитием грамотности, малодоступностью дорогостоящих рукописных книг и т. д. Книги часто читались вслух в семейном, дружеском и ином кругу. Так, например, у семиреченских таранчей существовал вот какой обычай. Вечерами собирались человек двадцать-тридцать мужчин; при этом старшие по возрасту составляли одну группу, а молодежь — другую. На таком собрании, которое называлось *машраб*, читалась вслух какая-либо книга, например «Кисас ал-анбийа» Рабгузи, «Тазкират ал-авлийа» Аттара, «Нафахат ал-унс» Джами, «Рашахат» Хусайна б. Али Ваиза Кашифи Харави, «Шах-наме» Фирдоуси и др. Большим успехом на таранчинских «литературно-музыкально-вокальных вечерах» пользовались также произведения Ахмада Йасави, Сулеймана Бакиргани, Шайх Алла-Йара и др. Некоторые люди расходовали на устройство машраба «четыре-

пять рублей», а «богатые люди. . . двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят и сто рублей» [Пантусов, 1907, с. 10—12]. Из этого можно заключить, что машрабы устраивались не только богатыми, но и людьми с небольшим достатком; следовательно, был различен и состав участников машрабов.

Свои рукописи владельцы обычно отмечали экслибрисом, личной печатью или просто записью, что данная книга принадлежит такому-то лицу. Как полагает А. А. Семенов, экслибрис «ставился, кажется, только на книгах царской библиотеки» [Семенов, 1946, с. 173]. Экслибрисы обычно писались жидким золотом и помещались на первой странице, вверху, или в самом конце рукописи. Причем сначала указывалось название труда, а затем шла надпись: «из библиотеки такого-то» [Семенов, 1946, с. 173].

Встречающиеся на рукописях оттиски печатей имеют различную форму: квадратную, четырехугольную, шестиугольную, восьмиугольную, грушевидную, овальную, фигурную, продолговатую, четырехугольную и т. д. Большинство оттисков содержат имя владельца и дату изготовления печати. В ряде случаев мы находим довольно пространные легенды. Так, на первом листе одной из рукописей тюркского перевода «Тарих-и Рашиди» есть оттиск ханской печати со следующей легендой: «Азиз ванг, милостью божьей будь вечным на шахском троне, год 125 (?) 2» (Тарих-и Рашиди, л. 1]. На листе 1б одного из списков «Раузат ас-сафа» Мирхонда имеются оттиски трех печатей. Легенда на одной из них гласит: «Так как стал достоин милости Аллаха льву подобный Али и (так как) он является светом очей Мухаммада, проси справедливости у него» [Каталог, 1960, № 27].

В приведенных легендах, как мы видим, в одном случае отражено общественное положение владельца рукописи, а в другом — приверженность владельца печати к шиитской религиозной доктрине. Здесь же отметим, что, в частности, общественную иерархию владельцев-читателей отражают не только сами легенды, но и формы печатей. Например, у бухарских эмиров печать была большая и круглая, а печати членов династии, правившей в Коканде в XVIII—XIX вв., имели овально-конусную форму с несколько загнутым верхом, «отдаленно напоминающим стилизованный цветок» [Шах-Махмуд, 1976, с. 141]. Важно здесь и то, что оттиски печатей на рукописях не только позволяют судить о составе читателей, но иногда вскрывают и судьбу рукописной книги. Так, в одной рукописи из собрания ИВ АН СССР (шифр С 153) на л. 3а имеются три оттиска одной и той же печати, а на следующих листах — пять оттисков разных восточных печатей с плохо отпечатавши-

мися легендами [Дмитриева, 1980, № 267]. Из этого ясно, что данный сборник поэтических произведений Фузули, копированный «не ранее 1239/1823 г.» и в 1859 г. приобретенный П. И. Лерхом для Азиатского музея, в течение тридцати шести лет сменил не менее шести владельцев.

Отношение владельцев к рукописной книге было различным. Рассказывается, что Кифти однажды решил приобрести список большого труда ученого XII в. Самани; потом оказалось, что «невежественный владелец употребил рукопись на приготовление формы для выделки шляп» [Бартольд, 1973 (II), с. 425]. Примером варварского отношения к рукописи среднеазиатского владельца может служить судьба «Ахлак-и мухсини» Хусайна б. Али Ваиза Кашифи Харави, хранящейся ныне в Государственной Публичной библиотеке УзССР. «Этот прижизненный автору список, сделанный рукою знаменитого гератского каллиграфа Мир-Али в 907—1501/02 г., с превосходными, во всю страницу, двумя фронтисписами, исполненными золотом и красками, имел в тексте 23 миниатюры какого-то гератского мастера (может быть, самого Бехзада); по-видимому, в конце XVIII или в начале XIX в., при мангытах, эта великолепная рукопись попала в Бухару к какому-то ученому или, во всяком случае, интеллигентному человеку, на которого эпоха узкого фанатизма и торжества мертвящей шариатской догмы наложила глубокий след. Ценя по традиции текст данного труда и его бесподобный почерк, этот „ревнитель веры“ не мог примириться с существованием в рукописи 23 миниатюр, изображавших живые существа, и потому поручил какому-то очень хорошему уборщику рукописей (*лавваху*) закрыть на всех миниатюрах такие изображения. Лаввах исполнил это, прикрыв все их щитами, картушами и экранами с прекрасно выполненной золотом и красками орнаментацией; остались видны лишь зонты, верха фронтонов зданий с тончайшей отделкой, кучевые китайские „облака счастья“, кокетливо плывущие по голубому небу, цветущие ветви дерев, тянущиеся за пределы обведенного золотыми линиями текста, на широкие поля рукописи и т. п.» [Семенов, 1946, с. 170—171].

Показательно, что по большей части порча рукописных книг связана именно с шариатской догмой и приверженностью их владельцев к разному религиозному толку. Во всяком случае, рукопись, написанная и переписанная шиитом и содержащая благопожелательные формулы в адрес Алидов, почти всегда портилась ее владельцем-суннитом, который в одном случае вымарывал, а в другом — вычеркивал эти места и нередко вносил в текст свои поправки [Тагирджанов, 1962, № 33; Миклухо-Маклай, 1975, № 243]. Вот пример суннитской редак-

ции рукописи. Один из списков «Лубб ат-таварих», сочинения иранского историка XVI в. Мир Йахйи б. Абд ал-Латиф ал-Хусайни ас-Сайфи ал-Казвини, побывал в руках суннита, который раздел о 12 шиитских имамах заменил в списке разделом об асхабах пророка, а раздел о четырех первых халифах в тексте изложил в традиционно суннитском духе. По словам Н. Д. Миклухо-Маклая, описавшего эту рукопись, «в остальном тексте значительных расхождений с текстом вышеописанных рукописей не наблюдается» [Миклухо-Маклай, 1975, № 310]. Точно так же рукописи, в которых ярко проявлялась приверженность их авторов, переписчиков или владельцев к суннитскому толку, попадая в руки шиита, подвергались шиитской редактуре: вычеркивались благопожелательные формулы, идущие после имен первых трех халифов, делались приписки, содержащие критику отдельных мест сочинения с шиитских позиций, и т. п. [Миклухо-Маклай, 1975, № 226, 315; Тарих-и Систан, 1974, с. 19]. Любопытный пример шиитской редактуры содержит рукопись, хранящаяся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ. Один из списков «Мантик ат-тайр» Фарид ад-Дина Аттара был переписан в Иране в 1255/1839-40 г. неким Аскаром б. Хусайном Урдубади. Переписчиком опущены главы о трех халифах, имена Абу Бакр и Умар перевернуты, в главе, где Аттар осуждает враждебное отношение к Абу Бакру и Умару, переписчик заменил слова «эти два вождя» (*ин ду муктада*) выражением «эти две свиньи» (*ин ду хукха*) [Тагирджанов, 1982, с. 152].

Случаи порчи текста рукописей на религиозной почве, подобные описанным, особенно участились в Средней Азии после XV в. Как известно, в начале XVI в. произошел разрыв политических связей Средней Азии с Ираном. Борьба между династией Шибанидов и Сефевидов усугублялась к тому же идейным расколом, связанным с принятием шиизма в качестве официальной религии в Иране, в то время как Средняя Азия оставалась суннитской страной [Петрушевский, 1966, с. 350—376]. Эта борьба привела к фактическому разрыву вековых экономических и культурных связей Ирана и Средней Азии. Размежевание должно было закономерно найти свое выражение и в области литературы, что не могло не сказаться, в свою очередь, на отношении к текстам рукописных книг. Если прежде арабографичные рукописные книги рассматривались как общее достояние мусульман всех толков, то теперь на судьбе книги стала отражаться приверженность ее автора, переписчика и владельца к одному из этих враждебных друг другу направлений ислама. Наиболее фанатичные из «ревнителей веры» не останавливались отныне даже перед порчей текста рукописей, вы-

марывая и вычеркивая неугодные им формулы благопожеланий, дополняя и дописывая сочинение с определенных религиозных позиций.

К счастью, число арабографичных рукописных произведений, тексты которых подвергались подобной порче, не так уж велико. В целом же отношение владельцев и читателей к рукописной книге было бережным, даже почтительным. Об этом красноречиво свидетельствует большое число дошедших до нас арабографичных рукописных произведений, среди которых, кстати, немало старейших списков, отдаленных от времени их создания многими столетиями; об этом можно судить также по тому, что многие рукописи заботливо реставрированы их владельцами.

Тема «Рукописная книга народов Средней Азии и Восточного Туркестана» достаточно сложна и многопланова, и, чтобы охватить ее в полном объеме, требуется еще целый ряд исследований. В настоящем очерке автор его имел в виду только наметить некоторые линии будущих исследований.

Азимджанова, 1954. — Азимджанова С. А. Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук УзССР и их изучение. — Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954.
Акимушкин, Иванов, 1968. — Акимушкин О. Ф., Иванов А. А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. — НАА. 1968, № 1.
Алиев, 1970. — Алиев Р. Воля исследователя и проблема метода составления критического текста. — ППВ-68. 1970.
Ахмедов, 1979. — Ахмедов Б. А. Некоторые итоги изучения письменных источников по истории Средней Азии XVI—XVIII вв. в Узбекистане. — Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии. Всесоюзная научная сессия. 9—10 октября 1979 г. Кутаиси. Тезисы докладов. Тб., 1979.
Ашрафи, 1974. — Ашрафи М. М. Бухарская школа миниатюрной живописи (40—70-е годы XVI века). Душ., 1974.
Ашрафи, 1975. — Ашрафи М. М. О творчестве бухарского художника XVI в. Махмуда Музаххиба. — НАА. 1975, № 4.
Бабур-наме, 1958. — Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958.
Бартольд, 1963. — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.
Бартольд, 1966 (I). — Бартольд В. В. Культура мусульманства. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.
Бартольд, 1966 (II). — Бартольд В. В. Мусульманский мир. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.
Бартольд, 1966 (III). — Бартольд В. В. [Рец. на:] Христианский Восток. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.
Бартольд, 1973 (I). — Бартольд В. В. Мулхакат ас-сурах. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
Бартольд, 1973 (II). — Бартольд В. В. Мусульманский министр-философ эпохи крестовых походов. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
Бартольд, 1973 (III). — Бартольд В. В. Об одном уйгурском документе. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.

Бартольд, 1973 (IV). — Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
Бартольд, 1973 (V). — Бартольд В. В. [Рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VIII, вып. IX. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
Бартольд, 1973 (VI). — Бартольд В. В. [Рец. на:] E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-din. Сочинения. Т. 8. М., 1973.
Бартольд, 1973 (VII). — Бартольд В. В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
Болдырев, 1940. — Болдырев А. Н. Мемуары Зайн ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков. — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 2. Л., 1940.
Болдырев, 1947. — Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв. — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 4. Л., 1947.
Болдырев, 1957. — Болдырев А. Н. Рукопись «Удивительных событий» (мемуаров таджикского писателя XVI в. Васифи) в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2 (5). Восточный сборник. Л., 1957.
Булатов, Долинская, 1972. — Булатов М. С., Долинская В. Г. Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV—XVI вв. — Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). Таш., 1972.
Григорьев, 1940. — Григорьев Г. В. Кустарное производство бумаги в Узбекистане. — СЭ. 1940, № 3.
Дмитриева и др., 1965. — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей ИВ АН СССР. Вып. 1. История. М., 1965.
Дмитриева, 1980. — Дмитриева Л. В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М., 1980.
Зотов, 1954. — Зотов П. Д. К истории бумажного производства на Востоке. — Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954.
Иванов, 1977. — Иванов А. А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. (Статья I). — Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
Иванов, 1978. — Иванов А. А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. II. — Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.
Каталог, 1960. — Каталог восточных рукописей АН ТаджССР. Т. 1. Сталинабад, 1960.
Костыгова, 1954. — Костыгова Г. И. Жизнь и творчество таджикского каллиграфа-художника Султан-Али Мешхеди (1432—1520). Автореф. канд. дис., Л., 1954.
Костыгова, 1957. — Костыгова Г. И. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди. — Восточный сборник. Л., 1957 [Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2 (5)].
Крачковский, 1957. — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957.
Материалы, 1969. — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.

Мелиоранский, 1906. — Мелиоранский П. Документ уйгурского письма Султана Омар-шейха. — ЗВОРАО. Т. 16, 1906.
Миклухо-Маклай, 1961. — Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 2. Биографические сочинения. М., 1961.
Миклухо-Маклай, 1975. — Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.
Мирзоев, 1976. — Мирзоев А. М. Камал ад-Дин Бинаи. М., 1976.
Мукминова, 1964. — Мукминова Р. Г. К истории производства самаркандской бумаги в XVI в. — История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. Таш., 1964.
Муродов, 1971. — Муродов А. Ўрта Осиё хаттотлик санъати тарихидан. Тошкент, 1971.
Мухаммед Юсуф Мунши, 1956. — Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указатели проф. А. А. Семенова. Таш., 1956.
Образцы, 1963. — Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV—XIX вв. М., 1963.
Пантусов, 1907. — Пантусов Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 9. Казань, 1907.
Петрушевский, 1966. — Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (Курс лекций). Изд. ЛГУ, 1966.
Пугаченкова, 1979. — Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии (из советских и зарубежных собраний). М., 1979.
Салахетдинова, 1964. — Салахетдинова М. А. Сведения по математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в. — Страны и народы Востока. Вып. 3. М., 1964.
Семенов, 1927. — Семенов А. А. К вопросу, кто был автором *Тарих-и Сайййд Раким*. — В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
Семенов, 1940. — Семенов А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои. — Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои. Таш., 1940.
Семенов, 1946. — Семенов А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы. — Алишер Навои. Сборник статей. М.—Л., 1946.
Семенов, 1951. — Семенов А. А. Рецепты оформления старинных восточных рукописей. — Труды Таджикского филиала АН СССР. Т. 29. Сталинабад, 1951.
Смирнова, 1970. — Смирнова О. И. Некоторые вопросы критики текста («Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Шах-наме» Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи). — ППВ-68. 1970.
Смирнова, 1980. — Смирнова О. И. Из биографии рукописи «Та'рих-и гузида» собрания ЛО ИВ АН СССР. — Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.
Собрание, 1951—1975. — Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. 1—10. Таш., 1951—1975.
Стори, 1972. — Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. М., 1972.
Султанов, 1978. — Султанов Т. И. Некоторые вопросы тюркской средневековой переводной исторической литературы. — ТС-76. 1978.
Сухарева, 1962. — Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX в. Ремесленная промышленность. Таш., 1962.

Тагирджанов, 1962. — Т а г и р д ж а н о в А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. 1. История, биография, география. Изд. ЛГУ, 1962.

Тагирджанов, 1982. — Т а г и р д ж а н о в А. Т. Рукописи поэм Аттара в собрании библиотеки Восточного факультета ЛГУ. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по иранистике). Ч. 2. М., 1982.

Тарих-и Бадахшан, 1959. — Тарих-и Бадахшан. «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев. Изд. ЛГУ, 1959.

Тарих-и Рашиди. — Тарих-и Рашиди тарджамаси, рук. ИВ АН СССР D 120.

Тарих-и Саланики. — Тарих-и Саланики Мустафа-афанди, рук. ИВ АН СССР С 565.

Тарих-и Систан, 1974. — Тарих-и Систан («История Систана»). Пер., введение и коммент. Л. П. Смирновой. М., 1974.

Хаджжи Йусуф. — Х а д ж ж и Й у с у ф. Джамʿ ат-таварих, рук. ИВ АН СССР D 124.

Ходжа Самандар, 1971. — Х о д ж а С а м а н д а р Т е р м е з и. Дастур ал-мулук (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи, пер. с перс., предисл., примеч. и указатели М. А. Салахетдиновой. М., 1971.

Чабров, 1964. — Ч а б р о в Г. Н. К изучению среднеазиатского книжного переплета. — НАА. 1964, № 2.

Шараф-хан, 1976. — Ш а р а ф - х а н и б н Ш а м с а д д и н Б и д л и с и. Шараф-наме. Т. 2. Пер., предисл., примеч. и прилож. Е. И. Васильевой. М., 1976.

Шах-Махмуд, 1976. — Ш а х - М а х м у д и б н м и р з а Ф а з и л Ч у р а с. Хроника. Критич. текст, пер., коммент., исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

The Arts, 1979. — The Arts of the Book in Central Asia. L., 1979.

Histoire, 1871. — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan. Publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. T. 1. Texte. St.-Pbg., 1871.

İnan, 1976. — İ n a n A b d ü l k a d i r. Çağatay edebiatı. — Türk dünyası el kitabı. Türk kültürünü araştırma Enstitüsü yayınları: 45, Seri 1, Sayı A 5. Ankara, 1976.

Köprülü, 1945. — K ö p r ü l ü M. F u a d. Çağatay edebiyatı. — İslâm ansiklopedisi. Cilt 3, cüz 24. İstanbul, 1945.

Kurat, 1940. — K u r a t A k d e s N i m e t. Topkapı Sarayı Müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940.

Sertkaya, 1977. — S e r t k a y a O s m a n F. İslâmi devrenin uygur harfli eserlerine toplu bir bakış. Bochum, 1977.

Ünver, 1962. — Ü n v e r A. S ü h e y l. XV-inci yüzyılda Türkiye'de kullanılan kâğıtlar ve su damgalar. — Belleten. Cilt 26. Sayı 104. Ankara, 1962.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
ЛО ИВ АН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
ППВ — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М.
СТ — Советская тюркология. Баку.
СЭ — Советская этнография. М.—Л., М.
ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР.
ТС — Тюркологический сборник. М.
CII — Corpus Inscriptionum Iranicarum.
CSChO — Corpus scriptorum christianorum orientalium. Curantibus I.-B. Chabot, I. Guidi, H. Hyvernat, B. Carrà de Vaux.
JA — Journal asiatique. P.
JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
NS — New Series.
PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

* Указатели имен, географических названий, названий сочинений, хранилищ восточных рукописей Советского Союза составлены Л. И. Николаевой; Глоссарий составлен М. И. Воробьевой-Десятовской.

33 Заказ 174

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ХРАНИЛИЩ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГЛОССАРИЙ *

Авсат (перс.) — средний обрез калама под углом 67,5°.

акофада (эфиоп.) — кожаная сумка для рукописи. Имела ремни для ношения на плече или подвешивания на крюк при хранении рукописи.

акцентные знаки — знаки, показывающие деление стиха, связь синтагм и отдельных слов в синтагме.

алиф (араб.) — название первой буквы арабского алфавита, которая каллиграфами использовалась как один из модулей отсчета при написании остальных букв.

басмала (араб.) — начальная формула благословения в арабографичных рукописях.

бомбицина, или *бомбикина* (сокр. от лат. charta bombycina букв. «бумага из хлопка»), — название древнейшей бумаги во всех странах Средиземноморского бассейна.

бордюр — вид тисненого орнамента на переплетах мусульманских рукописей; служил целям украшения.

бумага — фабрикат из волокон растительного происхождения, спрессованных в виде листов, предназначенный для письма. Будучи изобретенной в Китае в первые века нашей эры, она через Центральную Азию с помощью арабов попала в Северную Африку, Сицилию и Испанию, оттуда — в Италию и европейские страны. О способах производства бумаги в Северной Африке и на Ближнем Востоке см. с. 37—38.

варак (араб.) — лист писчего материала; термин встречается в ранних арабских источниках (см. также: картас, тумар).

вахши (перс.-араб.-тюрк.) — левая сторона расщепа калама. Ср. также: унси, каламос.

верже́ры (лат.) — горизонтальные водяные линии на средневековой бумаге, выделывавшейся в странах Средиземноморского бассейна.

водяные знаки — буквы, фигуры и т. п., видимые на свет на некоторых сортах бумаги европейского производства. Представляют собой оттиск рисунка, полученный в процессе ее изготовления на не отвердевшем еще листе бумажной массы. Впервые встречается на средневековой бумаге Средиземноморского региона.

гебета (эфиоп.) — кожаный переплет эфиопской рукописи.

гениза (др.-евр.) — хранилище рукописей и документов средневековой еврейской общины, обычно при синагогах.

геэз (эфиоп.) — название разговорного эфиопского языка, положенного в первой трети IV в. в основу письменного языка и передавшего ему свое название.

глосса — объяснение или перевод малопонятного слова или места в тексте сочинения, обычно на полях рукописи.

грифель — в странах Средиземноморья — палочка из глинистого сланца для черчения и писания.

---

* В глоссарий включены традиционные термины, так или иначе связанные с производством рукописной книги.

гуллих (эфиоп.; букв. «четкий») — название эфиопского письма эпохи правления царя Иясу Великого (1682—1706); отличается четкостью, крупным размером букв, великолепной каллиграфией.

дават (араб.) — чернильница; пенал.

даур, или *даира* (араб.-перс.), — криволинейный округлый элемент арабской буквы (как правило, под строкой).

джаджвал (перс.-араб.-тюрк.) — вид орнамента на переплетах и первых страницах мусульманской рукописной книги, а также рамка, в которую вписан текст (проводится цветной тушью или золотом).

джеджвел — см. джаджвал.

диакритический знак — значок над или под буквой, указывающий на отличие ее произношения от обычного.

занджирак (перс.-тюрк.) — вид тисненого орнамента, украшающего переплет мусульманских рукописей.

зенджирек — см. занджирак.

иджаза (араб.) — одобрение текста данной книги авторитетным ученым; разрешение на передачу этого текста со ссылкой на имя ученого. Часто в стандартной формуле записывается на первом или последнем листе рукописи.

иллюминация (лат.; букв. «освещение, украшение») — значки и рисунки, употребляющиеся в рукописи для разметки текста (корониды, диплы, обелы, заставки, фронтисписы, унваны и др.), а также для его украшения. Сюда же относятся миниатюры, орнаменты и прочие цветные и черно-белые рисунки в рукописях, служащие целям иллюстрации.

инициал — заглавная буква, обычно выделяющаяся шрифтом или сопровождаемая узором.

ираки (перс.; букв. «иракский») — система шести классических почерков, разработанная арабскими и персидскими каллиграфами при дворе аббасидских халифов в Багдаде в VIII—X вв.

ирани (перс.; букв. «иранский») — модифицированная система шести почерков, разработанная иранскими каллиграфами в IX—X и XI—XII вв.

кагаз, *кагид* (кит. заимствование в араб. через согд.) — бумага. Этот термин использовался в течение всего периода существования мусульманской рукописной традиции на территории Средней Азии, Восточного Туркестана, Индии, Ирана, Ближнего Востока.

кагаз-и нимкатани (перс.) — самый распространенный в Средней Азии вид бумаги, производство которой началось ок. VIII в. В качестве сырья использовалась конопля. О процессе производства см. с. 484—485.

кагазфуруш (перс.) — продавец-производитель бумаги мусульманских рукописей.

калам см. каламос.

калами (перс.) — вид упражнений при обучении арабскому письму: многократное копирование образцов почерка признанных авторитетов.

каламкат см. найкат.

каламос (греч.) — тростниковое перо. Отсюда — араб. калам. Каламом пользовались многие народы Востока: копты, арабы, персы, тюрки, народы Индии и Центральной Азии. Ср. также унси, вахши, найкат.

камедь — застывший сок особой породы деревьев, употреблявшийся в качестве клея.

картас (греч. заимствование в араб.) — лист писчего материала, упоминаемый в ранних арабских источниках. Ср. варак, тумар, хартес.

кархане-йи наккаши (перс.) — букв. «художественная мастерская».
 Мастерская по производству рукописей, в которой работали художники

и миниатюристы, украшавшие рукописи. Продукция мастерской шла на рынок.

каршуни (сир.) — сирийское письмо, употреблявшееся для записи арабоязычных текстов.

катиб (араб.) — переписчик рукописей.

кетав ашури (др.-евр.) — название арамейского письма.

кетав мерубба (др.-евр.) — квадратное еврейское письмо.

кёшебенд (тур.-перс.) — вид тисненого орнамента, украшающего переплет турецкой рукописи.

киноварь — минеральная краска, получаемая из сернистой ртути.

кира'ат (араб.) — учение о разночтениях в Коране.

кит'а (араб.) — образцы каллиграфического письма в персидской рукописной традиции. Этим же термином обозначались листы большого формата с образцами почерков.

китаб (араб.) — 1) книга; 2) глава в сочинении; 3) сочинение.

китабат (араб-перс.) — 1) письменность, письмо (как процесс переписки); 2) почерк, стиль письма.

китабдар (перс.) — 1) библиотекарь; 2) глава придворной библиотеки и мастерской по производству рукописей при ней.

китабфуруш (перс.) — продавец книг, книготорговец.

китабхане (перс.) — библиотека.

кодекс (лат.) — форма книги, заменившая свиток, гармонику, потхи и другие виды древней книги (первоначально рукописной). Впервые появился в древнем Риме (юридические книги). В большинстве стран Средиземноморья появление кодекса связано с началом использования для письма пергамена — первая книга-кодекс была на пергамене. В Египте в первые века нашей эры для книг-кодексов использовался папирус. От коптов кодекс заимствовали арабы (через византийское посредство), они распространили его на всем Ближнем Востоке. В Индии эта форма появилась в мусульманский период и связана она с арабографичной рукописной традицией. Рукописи на новоиндийских языках продолжали использовать традиционную индийскую форму — потхи. На Дальнем Востоке книга-кодекс появилась в VII—IX вв., прообразом кодекса здесь служила тетрадь, в качестве писчего материала использовалась бумага.

Обычно при изготовлении книги-кодекса листы писчего материала накладывали один на другой, затем пачку сгибали пополам и прошивали в месте сгиба. Большие книги составлялись из нескольких тетрадей, прошитых таким образом. Многотетрадных кодексов обнаружено значительно больше, чем однотетрадных, последние явно древнее. Книга-кодекс обычно заключалась в переплет.

кожа — выделанная шкура животного или кусок ее, служащий писчим материалом. Традиция применения кожи для письма на Ближнем Востоке сложилась задолго до нашей эры. Кожа издавна использовалась в качестве писчего материала в Месопотамии, откуда способ писать на коже распространился в Финикию, Малую Азию, Персию. В Индии, как правило, кожа животных для письма не использовалась. В Восточном Туркестане, Тибете, в государстве Си Ся кожа использовалась для письма до изобретения бумаги и в первые века после ее изобретения, пока не было налажено местное производство бумаги: китайская бумага была слишком дорогой.

«коленное писание» (старорус.) — способ письма по древней эфиопской традиции, при котором писец держит пергамен, положенный на какую-либо переплетенную книгу, на правом согнутом колене.

коллемата (греч.) — свиток папируса, на котором помещались 20 страниц текста — единица разметки текста у коптов.

колофон — запись переписчика рукописи (или автора сочинения),

содержащая различные сведения о нем и о рукописи — о месте и времени ее переписки, о цели переписки и пр. Обычно колофон завершал всю рукопись или ее отдельные главы (разделы).

копиист — писец, сличающий копию или переписывающий рукопись заново; сверщик текста. Профессия, получившая широкое распространение во многих рукописных традициях, особенно в тех, где пользовались консонантным письмом.

ксилограф — название раннепечатной книги, изобретенной в Центральной Азии ок. VIII—IX вв. и получившей широкое распространение в Восточном Туркестане (в оазисах Хотан, Кашгар, Турфан, Куча), в государстве Си Ся, в Тибете и Монголии, а также на Дальнем Востоке — в Китае, Японии, Корее. Первые ксилографы изготовлялись в форме потхи. Техника изготовления ксилографов: текст вырезался в зеркальном виде на деревянных досках из твердой древесины, затем натирался краской (черной или красной). К доскам с текстом с помощью специальных валиков прижимались листы бумаги, и на них оставался отпечаток текста. Краска время от времени освежалась. Доски хранились в печатнях, и с них по мере надобности, делали необходимое количество отпечатков.

ксилография — гравировка текстов на дереве. См. ксилограф.

куррас, курраса (араб.) — тетрадь или пачка сложенных листов (по 8, 10 или 12 листов в каждой), единица измерения объема арабской рукописи. В начале каждой тетради, входящей в состав рукописи, пишется ее порядковый номер.

курсив — скорописное письмо.

кустод (араб. из лат.) см. хафиз.

куфи (=*куфический*) (араб.) — общее название группы ранних арабских почерков, характерной особенностью которых был угловатый и прямолинейный внешний вид букв и способ их соединения между собой. Почерком куфи были записаны ранние кораны.

лигатура (букв. «соединение») — изображение одним письменным знаком двух и более букв.

литургическое письмо — специфическая форма древнесирийского письма эстрангело (см.), предназначенная для переписки книг богослужебного содержания.

лицевая рукопись — рукопись, иллюстрированная миниатюрами. Такие рукописи чаще всего выполнялись по заказу и были предметом подарков государей и вельмож друг другу.

лощение — шлифовка, наведение лоска, глянца на пергамене или бумаге.

магзи-йи рихта (перс.) — литой картон; одна из разновидностей картона, употребляемого для изготовления переплетов в Средней Азии и Восточном Туркестане.

магзи-йи сахта (перс.) — картон для переплетов рукописей, склеенный из многих слоев писчей бумаги. Употреблялся в Средней Азии, Иране, Афганистане, Индии и Восточном Туркестане.

маддат см. сатх.

махедер (эфиоп.) — футляр из грубой кожи, в котором хранились эфиопские рукописи.

машк-и хийали (перс.) — букв. «творческое упражнение». Способ совершенствования в каллиграфии, при котором в процессе обучения копировались достижения старых мастеров.

маюскульное письмо — древнее латинское и греческое (в том числе византийское) письмо, состоящее из одних маюскулов, т. е. прописных букв. Этот тип письма был также распространен в Сирии.

мелкитское письмо — вид сирийского письма, применяемый православными сирийцами.

мембрана (греч.) — название книги-пергамена у коптов.

минускульное письмо — письмо, состоящее из строчных букв.

муджаллид (араб.-перс.) — переплетчик рукописей.

музаххиб (араб.-перс.) — позолотчик, оформитель-иллюминатор арабографичных рукописей.

мукавва (араб.-перс.) — картонный или полукожаный переплет с кожаным корешком. В Средней Азии и Восточном Туркестане корешки таких переплетов делались из особым образом обработанной шкуры самца-осла, которая называлась саура, или савра.

мукаввасаз (араб.-перс.) — переплетчик рукописных книг в Средней Азии и Восточном Туркестане.

мукатаа (араб.-перс.) — подряд на переписку мусульманской рукописи, при котором переписчик получал за работу по частям, по мере переписки.

мунши (араб.-перс.) — секретарь-письмоводитель, чиновник на государственной службе в средневековом Иране.

муракка (араб.-перс.) — альбом, содержащий образцы каллиграфического письма и миниатюры.

муссаввир или *наккаш* (араб.-перс.) — художник-миниатюрист, украшающий арабографичные рукописи.

мустави (араб.-перс.) см. авсат.

мухаккак см. ситта.

мухаккак-и магриби см. ситта.

мухарраф (араб.-перс.) — косой, под углом 45° обрез калама.

мэдмас (эфиоп. из араб.) — специальный инструмент для полирования пергамена. Изготовлялся из обожженной глины особого сорта.

назири (араб.-перс.) — вид упражнений при обучении арабскому письму: сравнение (под непосредственным руководством наставника) образцов письма различных мастеров одного почеркового стиля, разбор и анализ образцов.

найкат, или *каламкат* (араб.-тюрк.), — особая костяная или роговая подставка для обрезки тростника при изготовлении калама в Средней Азии и Восточном Туркестане.

наккаш см. муссаввир.

наме (перс.) — в арабографичной литературной традиции означало: 1) «написанное»: письмо; грамота; 2) книга, сочинение.

наста'лик см. ситта.

насх см. ситта.

насх-и ирани см. ситта.

насхи (араб.) — вид арабского письма, включавший в себя прямолинейные, округлые и курсивные почерки.

несторианское письмо — разновидность сирийского письма, применяемая сирийцами-несторианами.

огласовка — система дополнительных подстрочных или надстрочных специальных значков для передачи гласных звуков в некоторых видах письма. К таким видам относятся, в частности, все виды письменностей, восходящие к древней северо-западно-семитской (арабское письмо, сирийское письмо, уйгурское письмо).

оклад — металлические (из меди, серебра и др.) покрытия, защищающие переплет находящихся в постоянном употреблении и лежащих на престоле богослужебных книг (христианская традиция).

опистография — использование для письма чистой оборотной стороны уже готовой рукописи (например, в Восточном Туркестане, где бумага была очень дорогой, согдийцы и саки использовали для своих рукописей оборотную сторону китайских свитков).

орнамент — художественное украшение, узор с ритмичным расположением геометрических или стилизованных растительных и животных элементов рисунка.

острака, остраконы (греч.) — черепки и камни, используемые для письма.

пагинация — нумерация листов или страниц в рукописях цифрами или словами, обозначающими числительные.

палеография — 1) историко-филологическая дисциплина, изучающая внешний вид и письмо рукописей; 2) особенности письма и внешнего вида рукописей.

палимпсест (греч.; букв. «соскобленный») — папирус, восковая табличка или пергамен, с которого старый текст соскоблен или смыт, а на полученной чистой поверхности написан новый текст.

пальмирский курсив — вид арамейского письма, характерный для памятников, происходящих из Пальмиры и ее окрестностей.

папирус — писчий материал из тропического многолетнего травянистого растения семейства осоковых. Способ изготовления см. с. 31—32.

пергамен — специально обработанная кожа животных, применявшаяся как материал для письма. Для пергамена главным образом употреблялись шкуры овец и коз, в Египте — газелей. Изготовление пергамена в отличие от процесса выделки кожи исключало дубление. Пергамен как материал для письма широко применялся на всем Ближнем Востоке, в Армении, в Грузии, в Персии. Арабы занесли пергамен в Индию и Центральную Азию. На Дальнем Востоке пергамен не был известен. Способ изготовления см. с. 35—36, 211.

переписчик — лицо, занимающееся перепиской рукописной книги.

переплет — твердая обложка, в которую вставляются и закрепляются сшитые листы книги.

писец — переписчик и составитель рукописных книг.

полукурсив — вид письма, переходный к скорописному.

понтюзо (фр.) — вертикальные водяные линии на средневековой бумаге стран Средиземноморского бассейна.

приписка — дополнение к основному тексту рукописной книги, сделанное автором или переписчиком. Иногда — заметки редакторов.

проба пера — испытание, проверка пера; надпись, оставляемая переписчиком рукописи с целью проверки, испытания пера.

протограф — текст рукописи, легший в основу более поздних списков, копий.

пункторий (лат.) — притупленное острие, металлическое или костяное, которым сирийцы разлиновывали пергамен, прежде чем приступить к переписке рукописей.

райхан см. ситта.

раста-йи китабфурушан (перс.) — особые ряды книжных торговцев в городах Средней Азии, Ирана и на Ближнем Востоке.

рика см. ситта.

рэкик (эфиоп.; букв. «тонкий») — название эфиопского письма второй половины XVIII—XIX в.

сабейская письменность — южноаравийская письменность первых веков нашей эры. Направление письма — справа налево. В этой письменности засвидетельствован сабейский язык и геэз (см.).

савра см. мукавва.

саоф см. саххаф.

сатх, или маддат (араб.), — прямой горизонтальный элемент каждой арабской буквы.

 саура см. мукавва.

саххаф, или саоф (араб.), — переплетчик.

свиток — один из наиболее архаичных способов брошюровки древних восточных рукописей. Свитками пользовались древние греки и римляне, копты и народы Ближнего Востока (здесь в виде свитков в основном изготовлялись документы). На Дальнем Востоке и в Центральной Азии свитки как форма брошюровки рукописей, очевидно, возникли независимо от Европы и Ближнего Востока. Еще до изобретения бумаги китайцы пользовались для письма шелковыми свитками. Первые печатные книги на Дальнем Востоке тоже имели форму свитков. В Индии свитки не употреблялись. Народы Центральной Азии, очевидно, заимствовали эту форму у китайцев. Свиток обычно склеивался из нескольких бумажных листов. К полученной таким образом бумажной ленте прикрепляли палочку, на которую свиток наматывался. В зависимости от системы письма свитки переписывались с левого или с правого края. В древнем Египте и у коптов в ходу были свитки из папируса.

серто см. яковитское письмо.

сиро-палестинское письмо — письмо, которым пользовались палестинские христиане, говорившие на особом диалекте арамейского языка.

ситта (араб.) — букв. «шестерка»: шесть классических арабских почерков — мухаккак, райхан, насх, сулс, тауки', рика'. Согласно мусульманской традиции, эти почерки создал реформатор Абу Али Мухаммад б. Али б. Мукла (272—328/886—940) на базе куфи. Персидские каллиграфы использовали только четыре почерка: мухаккак/райхан, насх, сулс, рика'/тауки'. На базе арабских персы создали три новых почерка: та'лик, наста'лик, шикасте с разновидностями шикасте-йи та'лик и шикасте-йи наста'лик. Однако на практике в литературе засвидетельствованы и местные разновидности этих почерков: насх-и ирани («иранский насх»), сулс-и ираки («иракский сулс»), мухаккак-и магриби («магрибинский мухаккак») и др.

скрипторий — мастерская или цех, где переписывали рукописи по заказам частных лиц и для нужд церкви и государства. Часто скриптории располагались в монастырях.

софер (мн. ч. — соферим) (др.-евр.) — писец.

сулс см. ситта.

сулс-и ираки см. ситта.

сулс-и ирани см. ситта.

сурик — природная минеральная краска красно-оранжевого или красно-коричневого цвета.

тагин (др.-евр.) — особые коронки, применявшиеся для украшения еврейских букв в свитках Торы.

тайнопись — условное тайное письмо, криптография.

талик см. ситта.

тамм ал-китаб (иногда, в основном в персидских и тюркских рукописях: *таммат ал-китаб*, *темамат ал-китаб*; араб.; букв. «окончена книга») — наиболее распространенная формула, обозначающая конец арабографичной рукописи.

тауки см. ситта.

тилакуб (перс.) — букв. «златобит» — тот, кто делает отбивку сусального золота.

тумар — 1) лист любого писчего материала (термин, упоминаемый в ранних арабских источниках); 2) свиток.

тэраз (эфиоп.) — тетради из пергамена по четыре или пять двойных листов. Из них составлялась рукопись.

тюркӣ, среднеазиатский тюркӣ — язык тюркской арабографичной литературы, создававшейся на территории Средней Азии начиная с XIV в. В научной литературе он называется также «чагатайским языком».

уджрати (перс.) — подряд на переписку персидской рукописи, при котором переписчик получал твердо установленную плату сразу целиком.

умм ал-китаб (араб.; букв. «мать книг») — Коран.

унван (араб.-перс.; букв. «заглавие») — заставка, украшающая начало сочинения или начало главы в арабоязычных рукописях. Занимала от трети до половины листа, текст начинался со спуска. Часто сочеталась с позолотой.

унси (араб.-перс.-тюрк.) — правая сторона расщепа калама. Она делалась немного уже левой стороны — вахши (см.).

унциал — вид греческого и латинского письма прописными буквами; см. также маюскульное письмо, устав.

устав, *уставное письмо* — каллиграфическое письмо; правильное и красивое письмо с соблюдением всех норм каллиграфии, без скорописных и полускорописных элементов.

уставное письмо см. устав.

фидель (эфиоп.) — эфиопская азбука, таблица геэзских начертаний.

филигрань см. водяные знаки.

филюры (греч.) см. папирус.

фирамуз, *пирамуз* (перс.; букв. «простой, легкий») — название почерка, которым персы в первые века после принятия ислама переписывали Коран.

форзац — чистый лист (или листы) бумаги, отделяющий листы книги от переплета.

ханака (перс.) — суфийская обитель в Иране (с конца X в.), Ираке и Сирии (с XII в.), Индии (с XI в.).

харка (греч.) — лист писчего материала, первоначально — лист, изготовленный из папируса. Название, распространенное в Средиземноморском регионе.

хартес (греч.) — название папируса у коптов — как растения, так и книги. Позднее этим термином стали обозначать документ: ср. картас.

хатиме (араб.-перс.) — заключение в мусульманской рукописи. В ряде случаев добавлялось к тексту сочинения переписчиком.

хафиз (араб.; букв. «хранитель») — способ сохранения правильного порядка листов в арабской рукописи: переписчик на оборотной стороне листа внизу слева писал слово, с которого начинается следующая страница. Этот способ был заимствован и для других арабографичных рукописей.

хризография — письмо золотом или серебром.

чагатайский язык см. тюрки.

чернильный орешек — нарост на листьях дуба, содержащий дубильную кислоту.

«*четверка*» — формат в четвертую часть листа в сирийских рукописях.

шамсе (араб.-перс.-тюрк.) — большое овальное украшение в виде медальона, расположенное в центре листа или переплета мусульманских рукописей. В персидских рукописях использовалось также как экслибрис, в который вписывалось имя владельца рукописи.

шемсе см. шамсе.

«*шестерка*» см. ситта.

шикасте см. ситта.

шикасте-йи наста'лик см. ситта.

шикасте-йи та'лик см. ситта.

шрифт — графический характер почерка, форма написания букв.

эстрангело — древнейший тип сирийского письма, характеризующийся прямой и четкой формой букв.

яковитское письмо — вид сирийского письма, применяемого в рукописях сирийцами-яковитами.

SUMMARY

The present edition is the first volume of the book entitled A Manuscript in the Oriental Culture. It has been written by the scholars from the Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences and their colleagues from other USSR centres of oriental studies. This publication is, in a sense, a logical outcome of multi-year research work into oriental manuscripts conducted by a team of specialists from the Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies. The Soviet and foreign orientalists know quite well the collection of oriental manuscripts belonging to the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences which is kept in Leningrad. It is one of the richest oriental collections in the world and the largest in the USSR by the number of manuscript traditions represented in it. For a quarter of a century many scholars of the Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies have been studying and describing manuscripts and compiling catalogues of this collection and introducing into scholarly use accurate data on the important original sources of the history and culture of the Ancient and Middle Age East. Dozens of catalogues have been published since then and the contents of almost all funds of this collection disclosed. The Institute of Oriental Studies and particularly its branch in Leningrad are carrying out an immense and ever-growing scope of work studying and publishing the written monuments which are extremely important for the study of the historic and cultural processes in the East. A special series well-known throughout the world — *Written monuments of the Orient*, — has been started in the Academy of Sciences of the USSR.

In the course of scholarly description and interpretation of oriental manuscripts and when preparing them for publication the collective of scholars in the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies has collected plenty of facts and important data on the history of manuscripts in the ancient time and Middle Ages in the Orient. The results of the previous research work and the accumulated knowledge had to be made public. All the wealth of the ancient and medieval oriental civilizations was fixed in manuscripts and reached us through them. The art of manuscripts existed till the middle of the XIX century, when printed

books started replacing them. It was a manuscript book which passed cultural heritage from generation to generation in the Orient for hundreds of years longer than in the West. Not only culture but also a whole branch of material production was closely associated with a manuscript, too. Manufacture of writing materials, paper and the stationery, manuscript texts, copying, their ornamentation, book-binding, manuscript sale and the organization of book-stores and libraries were business of and provided means of subsistence for thousands of people in the Oriental countries. A manuscript book has always been greatly honoured in the Orient — in the ancient and medieval times, and nowadays. We, the orientalists, specially esteem the manuscript because it is a primary source of information about a great contribution made by the Oriental nations into the world culture. The contemporary Orient is well known to have close, at times rather strong, links with its remote and not too distant past. These traditions continue playing an important role in life of Eastern countries, which bears certain imprint even today. We shall not be able to understand problems of today's Orient if we do not study its strong traditions. Oriental manuscripts tell us how these traditions appeared and developed. They are a magnificent and eloquent monument to these traditions — cultural and social.

Therefore, the authors' collective had every reason to give on the pages of the two volumes a panorama of history of the manuscript and its art in the Orient. They have proceeded from their firm conviction that the historical and cultural processes in the Orient cannot be studied without finding out how word of science and art of the ancient and medieval oriental peoples was fixed, accumulated and spread.

The present volume includes descriptions of the manuscript traditions of the Middle, Near East and Central Asian peoples. It has also a glossary of special terms and indexes.

The second volume describes the manuscript writing art of the peoples of India and the Far East.

СОДЕРЖАНИЕ

РУКОПИСНАЯ КНИГА
В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА
очерки

Книга первая

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Л. С. Ефимова*
Младшие редакторы *Н. Л. Петрова*
и *Н. О. Хотинская*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Л. С. Кузнецова* и *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 15479

Сдано в набор 18.02.86. Подписано к печати 23.02.87. Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на мелов. бум. Гарнитура обыкновенно-новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 32,55 + 2,79 вкл. Усл. кр.-отт. 35,73. Уч.-изд. л. 40,6. Тираж 5000 экз. Изд. № 5926. Зак. 174. Цена 4 р. 40 к.
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград В-34, 9 линия, 12

4р. 40к.